

Свт. Димитрий Ростовский

Жития святых

VI

Февраль



Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ШЕСТАЯ

ФЕВРАЛЬ



«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга шестая. Февраль. — М.: «Ковчег», 2010. — 480 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-154-2

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

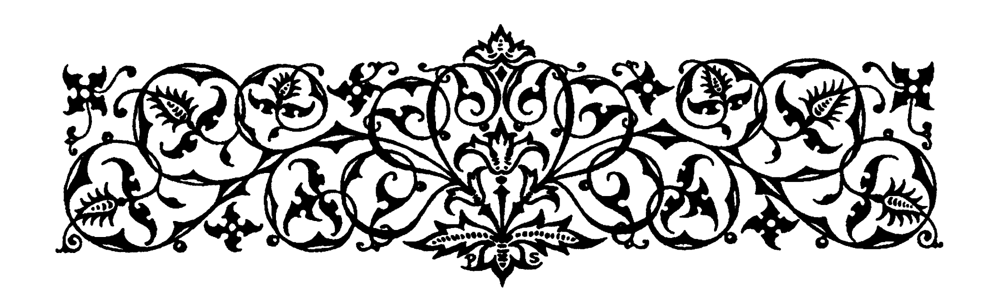
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ШЕСТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо честú написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.



День первый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ТРИФОНА

Святой Трифон родился в стране Фригийской, в селении Кампсад, близ города Апамеи[1]. Еще с юных лет почила на нем благодать Божия и Господь даровал ему силу чудотворения[2], дабы не только из уст этого младенца, но и из чудесных его дел совершить Себе хвалу. В Великих Минеях-Четьих[3] много повествуется об исцелениях от всяких болезней, совершенных святым отроком Трифоном, и об изгнании им бесов из людей, обращавшихся к нему. Мы же сначала расскажем об одном из многих его чудес, свидетельствующих о великой благодати Божией, почивавшей на нем, а затем будем повествовать о его страдании за веру Христову.

---

[1] *Фригия* — одна из больших областей Малой Азии. *Апамея* — самый значительный город Фригии, с оживленною торговлей.

[2] По греческим евхологиям, однажды молитвой святого Трифона спасены были от голода жители Кампсады, где появившиеся вредные гады и насекомые поедали хлебные злаки, древесные листья и всякую зелень. Святой Трифон, сожалея о бедствии, простер руки свои ко Господу с молитвой, прося Его послать Ангела Своего для поражения вредных насекомых; при этом святой мученик и сам связал их клятвою, чтобы они удалились в места недоступные, назначенные к их обитанию.

[3] *Великие Минеи-Четьи* составлены Московским митрополитом Макарием в XVI столетии. Кроме житий святых здесь помещены все книги Священного Писания, множество поучений и разных статей духовного содержания. На основании Макарьевских Миней составлены Минеи-Четьи святого Димитрия Ростовского.



В 238 году на престол римский вступил император Гордиан[1], который, хотя и был идолопоклонник, но христиан не преследовал. Этот царь имел взрослую дочь, по имени Гордиану, — девицу, отличавшуюся умом и красотою, так что многие великие и славные князья желали взять ее в жены своим сыновьям. Но эту девицу, а с нею вместе и все ее семейство, постигло великое несчастье: по Божию попущению в нее вошел диавол, который жестоко мучил ее, ввергая в огонь и в воду; приводимые к больной девице, известные своею мудростью врачи не могли помочь ей. Но вот, обитавший в девице нечистый дух сам, по повелению Божию, провещал:

— Никто не может изгнать меня отсюда, кроме отрока Трифона.

Царь тотчас послал искать повсюду Трифона. Много было приводимо к царю людей, носивших то же имя, но ни один из них не мог изгнать беса из царской дочери. Наконец, привели к царю святого отрока Трифона, которого нашли во Фригии, в селении Кампсад, где он пас гусей при одном озере; отроку было тогда семнадцать лет. Когда святой приближался к Риму, диавол, узнав о его приходе и начав еще сильнее мучить девицу, громко закричал:

— Не могу больше здесь жить, потому что приближается Трифон и на третий день придет сюда, не могу более терпеть.

Прокричав так, нечистый дух вышел из девицы.

На третий день в город пришел святой Трифон и тотчас был приведен в царские палаты, где был весьма приветливо принят царем,

---

[1] *Гордиан* царствовал с 238 по 244 год.

ибо царь узнал в нем того Трифона, о котором упоминал диавол, выходя из девицы. Но чтобы больше убедиться в том, что именно Трифон исцелил его дочь, царь умолил его показать диавола воочию так, чтобы можно было видеть его телесными очами. Святой согласился на просьбу царя и шесть дней пребывал в посте и молитве и после того получил свыше еще бóльшую и сильнейшую власть над духами нечистыми. На седьмой день, при восходе солнца, царь пришел к блаженному со всем своим синклитом, желая видеть диавола. Тогда Трифон, исполненный Святого Духа и духовными очами взирая на невидимого духа злобы, сказал ему:

— Тебе говорю, дух нечистый, во Имя Господа моего Иисуса Христа, явись воочию перед находящимися здесь, и покажи им свой мерзкий и бесстыдный образ, и яви немощь свою.

И тотчас диавол предстал пред всеми в виде черного пса, который имел огненные глаза, а голову влачил по земле.

Святой обратился к нему с вопросом:

— Кто послал тебя, демон, сюда, чтобы войти в отроковицу, и как ты дерзнул войти в созданную по образу Божию, сам будучи столь безобразен и немощен и исполнен всякой мерзости?

Диавол отвечал:

— Я послан отцом моим — сатаною, начальником всякого зла, пребывающим в аде, от которого я получил повеление мучить эту отроковицу.

Тогда святой спросил его опять:

— Кто же дал вам власть посягать на создание Божие?

Демон, хотя и против своего желания, но принужденный невидимою силою Божией, должен был сказать истину.

— Мы не имеем власти над теми, — сказал он, — которые знают Бога и веруют в Единородного Его Сына — Христа, за Которого Петр и Павел умерли здесь; от этих людей мы со страхом бежим, и, только когда нам бывает попущено, мы причиняем им совне легкие искушения. Которые же не веруют в Бога и Сына Божия и, будучи послушны своим похотям, творят угодные нам дела, над теми мы получаем полную власть, чтобы мучить их. Угодны же нам дела такие: идолопоклонение, хула, прелюбодеяние, чародейство, зависть, убийство, гордость; этими и им подобными делами люди, как бы сетями, опутываются, отчуждаются от Бога, Своего Создателя, и само-

вольно делаются друзьями нам и вместе с нами принимают вечные муки.

Услыхав это, царь и окружающие его были поражены великим страхом и пришли в ужас; и многие, оставив нечестие, уверовали во Христа; а верующие получили еще большее утверждение в своей вере и прославили Бога.

Царь, щедро одарив святого, отпустил его с миром домой, но святой все, что получил от царя, роздал дорогою нищим; сам же, возвратившись в отечество, предался обычным своим занятиям, исцеляя недужных и благоугождая Богу святым и непорочным житием.

После Гордиана римский престол занял Филипп[1], который царствовал недолго, будучи убит своими воинами; а после него воцарился свирепый Декий[2], воздвигший жестокое гонение на христиан; во время этого гонения было убито бесчисленное множество христиан, причем многие из боязливых, страшась ужасных мук, отвратились от Христа и склонились к идолопоклонству. Царь этот издал приказ своим эпархам и игемонам всюду преследовать христиан и убивать их беспощадно. На Востоке в это время эпархом был некто Акилин; ему было донесено, что Трифон исповедует Христову веру и, проходя различные страны, врачует болящих, как весьма сведущий врач, и в то же время учит всех веровать во Христа и сим прельщает многих; повеления же царского Трифон не слушает, насмехаясь над всеми богами. Тотчас были посланы воины разыскать Трифона, которого вскоре и нашли: ибо не мог укрыться светильник, горящий ревностию по Боге и светящий верою и благими делами. Но и сам святой, узнав, что его ищут, не бежал в пустыню и не скрывался в горах и пропастях земных, но, вооружившись молитвою и крестным знамением, смело вышел к ищущим его и, отдавшись им в руки, с радостию пошел к эпарху Акилину, который в то время находился в Никее[3]. Когда Акилин, окруженный оруженосцами, начальниками, слугами и множеством

---

[1] *Филипп Аравитянин* царствовал с 244 по 249 год.

[2] *Декий* царствовал с 249 по 251 год.

[3] *Никея* (ныне *Исник*) — в древности богатый и цветущий город Вифинии (в Малой Азии), ныне весьма бедный и малонаселенный. В сем городе происходили I и VII Вселенские соборы.

людей, воссел на суде, Помпиниан, скриниарий[1] большого чина, сказал ему:

— Вот юноша из города Апамеи, присланный к твоему величеству, предстоит пред светлым судом твоей власти.

Акилин сказал:

— Предстоящий пусть скажет нам свое имя и отечество и фортуну[2].

Святой отвечал:

— Имя мое — Трифон, отечество мое — селение Кампсада, близ города Апамеи, фортуны же мы не признаем, ибо веруем, что все совершается по Божию промыслу и неизреченною Его мудростию, а не фортуною, и не зависит ни от течения звезды, ни от случая, как веруете вы. В жизни я руковожусь свободною своею волею, служа единому только Христу. Христос — вера моя, Христос — похвала моя и венец славы моей.

Эпарх на это сказал святому:

— Вероятно, ты до нынешнего дня вовсе не слыхал о царском повелении, по которому всякий, кто называет себя христианином и не поклоняется богам, должен умереть злою смертию; итак, образумься и оставь свою льстивую веру, чтобы не быть вверженным в огонь.

Но Трифон воскликнул:

— О, если бы мне сподобиться чрез огонь и все муки получить кончину за Имя Иисуса Христа, Господа моего и Бога!

Эпарх продолжал:

— Трифон, советую тебе принести жертву богам, ибо вижу, что ты, хотя и молод телом, но имеешь совершенный разум, и я не желаю, чтобы ты умер злою смертию!

— Я тогда буду иметь совершенный разум, — отвечал святой, — когда принесу Богу моему совершенное исповедание, и если сохраню неизменною, как многоценное сокровище, благочестивую веру в Него и сделаюсь жертвою Тому, Кто Сам принес Себя в жертву ради меня.

---

[1] *Скриниарий* — придворный казнохранитель, имевший большую силу при эпархе (правителе области), почему ему оказывалось особенное царское доверие и поручались разные ответственные должности.

[2] *Фортуна* (лат. Fortuna) — богиня судьбы и счастья у римлян.

Тогда эпарх, угрожая святому, с гневом вскричал:

— Огню предам твое тело, душу же твою укрощу самыми лютыми казнями.

— Ты угрожаешь мне огнем угасающим, — отвечал Трифон, — после которого остается только пепел, я же вам, неверующим, угрожаю огнем вечным, неугасающим; оставь суетную веру твою и познай истинного Бога, чтобы не раскаяться тебе после, когда впадешь в огонь вечный.

Но Акилин, воспламенившись сильнейшим гневом, повелел бить святого, повесив его на дереве. Услыхав это приказание, Трифон сам тотчас снял с себя одежды и с радостью отдал тело свое палачам на истязание. Палачи, повесив его на дереве со связанными сзади руками, жестоко истязали его в течение трех часов. Но святой мужественно терпел мучения, ни одного крика, ни одного стона не издав за все время, пока его били. Когда кончили истязать его, Акилин снова обратился к нему с увещанием:

— Одумайся, Трифон, оставь свое безумие, обещай поклониться богам, ибо никто из нежелающих повиноваться царскому повелению не может избежать ужасной смерти.

Святой дерзновенно отвечал:

— И я тебе говорю, что никто, отвергающийся небесного Царя Христа, не может наследовать жизнь вечную, но будет послан в огонь вечный, никогда не угасающий.

Эпарх на это сказал:

— Нет другого царя небесного, кроме Зевса, сына Сатурнова[1], он есть отец и богов и людей, и если кто ему не кланяется, тот не может оставаться в живых; поклонись и ты ему, если хочешь наслаждаться сладостью этой жизни.

Тогда святой, желая просветить язычника светом истины и изобличить всю мерзость язычества, сказал Акилину:

— Пусть будут подобны твоему богу Зевсу все поклоняющиеся ему и надеющиеся на него; а о нем повествуется, что он был первым пребеззаконным волхвом и пагубным чародеем, отцом всякого нечестия и безбожия, по смерти которого люди, желавшие следовать его злым делам, устроили ему золотых и серебряных идолов, назвав

[1] *Зевс* (или *Юпитер*) — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

его богом; и сделали это затем, чтобы иметь оправдание и для себя самих в своей нечистоте и беззаконии, дабы никто не укорял их в постыдных делах, потому что и бог их был таков же; подобным образом и другие мерзкие и всезлобные люди были возведены на степень богов своими подражателями[1]; вы же, веруя в эти древние нечестивые предания и ложные басни, поклоняетесь бездушным и немым идолам, забывая о Боге живом, Который небо утвердил, землю основал на водах и излил воздух; Бог, создавший каждую тварь и давший ей видимый образ, господином над всем поставил человека, созданного после; но человек, по зависти диавольской прельщенный лукавым змием (см.: Быт. гл. 3), впал в бесчисленные бедствия; тогда Бог Слово, умилосердившись над ним, по Своему изволению, Сам благоволил воплотиться, и явился в подобии человеческом, умер на кресте, был погребен, в третий день воскрес, восшел на Небеса и сидит одесную Бога Отца, пока не познает Его все создание; тогда Он опять придет с силою и славою великою и воздаст каждому по делам его. Он есть Бог богов и Царь царей и Судия живых и мертвых; а почитаемые вами боги послужат на возжжение огня вечного со всеми поклоняющимися им.

После этого эпарх Аквилин, собравшись на охоту, велел захватить и святого Трифона, приказав привязать его к коню и вести за собою. Большие мучения пришлось выносить святому: пальцы ног его отрывались, потому что, при ужасном морозе, ноги его были босы, а конь наступал и давил их своими ногами, и ступни его растрескались, но мученик, вперив духовный взор к Богу и пламенея любовью к Нему, ни во что ставил эти мучения и пел слова Давида: *Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои* (см.: Пс. 16, 5), и другие: *Утверди стопы мои* (Господи) *в слове Твоем и не дай овладеть мною никакому беззаконию* (Пс. 118, 133), повторяя вместе с тем и слова святого первомученика архидиакона Стефана[2]:

— *Господи, не вмени им греха сего* (Деян. 7, 60).

Возвратившись после охоты, эпарх призвал к себе мученика и сказал ему:

---

[1] Вообще боги греков и римлян, по их верованию, отличались теми же страстями и преступными наклонностями, как и люди.

[2] Память святого первомученика архидиакона Стефана, побитого камнями от евреев, празднуется Церковью 27 декабря.

— Теперь, несчастный, не надумал ли ты благоразумно принести жертвы богам или остаешься в своем прежнем безумии?

Святой отвечал:

— Ты сам, ослепленный диаволом, преисполнен безумия и невежества, потому что не можешь познать Создателя всех и поклониться Ему; а я остаюсь премудрым, не отступая от спасающей меня истины.

Эпарх велел отвести святого в темницу, а сам отправился в ближайшие пределы страны, где и оставался некоторое время.

По прибытии обратно в Никею эпарх, явившись в судилище, снова вызвал Трифона и сказал ему:

— Не научило ли тебя продолжительное пребывание в узах повиноваться царскому повелению и обратиться к богам?

— Бог мой и Господь Иисус Христос, — отвечал святой, — Которому я служу чистым умом, поучая, наставил меня и утвердил меня, дабы я мог неизменно и непоколебимо сохранить веру в Него: поэтому Ему — Единому истинному Царю и Богу — я повинуюсь и к Нему прибегаю, твою же веру и царскую гордость я презираю, а от почитаемых вами богов отвращаюсь.

Эпарх, сильно озлобясь, вскричал слугам:

— Вбейте острые гвозди в ноги его и, водя по городу, бейте его.

Слуги тотчас исполнили приказание мучителя. Святого стали водить или лучше сказать, влачить по городу, подвергая истязаниям, и он переносил ужасные страдания — как от вбитых в ноги гвоздей, так и от сильного мороза, по случаю суровой зимы. Но великий страдалец, имея пред духовным взором своим Христа и взирая на будущие воздаяния, все переносил с великим терпением и радостию; когда же он опять был приведен к эпарху, мучитель, удивляясь такому терпению святого, с великою досадою сказал ему:

— До каких же пор, Трифон, ты будешь нечувствителен к мукам и когда же ты почувствуешь всю ужасную боль мучений?

Святой отвечал:

— Когда же и ты познаешь силу Христову, во мне пребывающую; когда ты окаянный, перестанешь искушать Святого Духа?

Тогда, пылая сильнейшею злобою, мучитель велел снова повесить его на дереве и нещадно бить железом, а бока его опалять го-

рящими свечами. Все это слуги исполнили с великим старанием; но внезапно свет небесный осиял святого, а на главу его спустился с неба прекрасный венец; пораженные этим видением мучители от страха пали на землю. Святой же Трифон, ощутив в себе пришедшую свыше помощь, исполнился радости и веселия и, молясь, говорил:

— Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты не оставил меня без помощи в руках врагов моих, но защитил меня в день брани и дал мне спасение, и рука Твоя поддержала меня. И ныне молюсь Тебе, Господи, не оставляй меня, утверждая и защищая меня, и сподоби меня беспреткновенно совершить подвиг этот, дабы сподобиться получить венец правды со всеми возлюбившими Имя Твое святое, ибо Ты один препрославлен во веки. Аминь.

После этого мучитель, приказав развязать связанного святого и призвав его к себе, начал с ласкою увещевать его, говоря:

— Трифон, принеси жертву великому Зевсу и поклонись царскому изображению, и я отпущу тебя.

Но Трифон, с улыбкою, отвечал:

— Если я самому царю оказал презрение и его нечестивыми повелениями пренебрег, то неужели я поклонюсь его бездушному изображению? Этого не будет. О Зевсе же и других ложных богах ты спроси своих же мудрецов, которые скажут тебе о том, какие сочиняются басни об этих богах для покрытия их гнусных дел, прилагая наименование их к другим вещам, назвав небо — Зевсом, воздух — Герою, землю — Церерой, море — Посейдоном, солнце — Аполлоном, луну — Дианою[1]. Эти же баснотворцы именами богов ваших назвали также различные дурные обычаи и страсти человеческие, измыслив бога гнева и войны — Марса, а блудную

---

[1] *Гера* (*Юнона*) почиталась древними греками и римлянами сестрой и женой Зевса, была наиболее почитаемой между богинями; считалась богиней земли, покровительницей брака и родов. *Церера* (или *Деметра*) — римская и греческая богиня земли и плодородия. *Посейдон* (*Нептун*) почитался братом Зевса и полновластным повелителем морей, рек и всех источников и водовместилищ. *Аполлон* (*Феб*) — один из наиболее почитаемых древними греками и римлянами языческих богов, считавшийся богом солнца и умственного просвещения, а также охранителем закона. *Диана* (*Артемида*) — известная языческая богиня у греков и римлян, пользовавшаяся особым поклонением у них; Диана считалась богиней луны и изображалась прекрасной, светлой девой-охотницей.

страсть назвав Венерою[1]. И вот вы, оставив Создателя всех Бога, наполнили безумно всю вселенную идолами и тварь предпочли Творцу; и не только сами, будучи лишены здравого разума и совратившись с истинного пути, стремглав падаете в душепагубную пропасть, но и нас стараетесь увлечь туда же, чтобы сделать участниками вашей погибели, но, льстецы, вы не будете иметь никакого успеха! Ибо вы никогда не будете в силах совратить с истинного пути и склонить к вашим идолам надеющихся на истинного и живого Бога.

Выслушав эти слова, Акилин удивился такому дерзновению святого и, разгневавшись, приказал бить его без всякого милосердия; воины, взяв святого, истязали его в течение многих часов самым жестоким образом.

Наконец, мучитель, видя, что не может поколебать непоколебимого столпа веры и отвратить его от Христа, сделал о нем следующий окончательный приговор:

— Трифон Апамейский, противящийся царскому повелению и после многоразличных мук не пожелавший принести жертвы богам, должен быть казнен чрез усекновение главы.

И тотчас воины, взяв мученика, вывели его из города на место усекновения. Святой же Трифон, став лицом к востоку, обратился к Богу с такою молитвою:

— Господи Боже, Царь царствующих, святейший паче всех святых! Благодарю Тебя за то, что Ты сподобил меня совершить этот подвиг без преткновения. И ныне молюсь Тебе: не допусти коснуться меня уловляющей руке лукавого невидимого врага, дабы он не свел меня во глубину погибели, но введи меня в возлюбленные селения вместе со святыми ангелами Твоими, и соделай меня наследником Твоего вожделенного царствия; приими в мире душу мою, всех же, которые будут воспоминать имя раба Твоего и в память мою святые жертвы Тебе принесут, услышь с высоты святыни Твоей; и призри на них от святого жилища Твоего, подавая им обильные и нетленные дарования, ибо Ты один благий и щедрый Податель во веки веков.

---

[1] *Марс* (или *Арей*) — греко-римский бог войны. *Венера* — греко-римская богиня красоты и любви. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

Так молился святой. И вот еще воины не успели усекнуть его главы, как Господь взял его душу; честное же тело Трифона осталось мертвым на земле. Находившиеся в Никее христиане обвили его чистыми плащаницами и умастили ароматами, намереваясь погребсти его у себя в защищение своему городу. Но святой, явившись им в видении, велел перенести мощи его в селение Кампсаду, место родины его, — и повеление его было исполнено[1].

Так святой Трифон, от юности посвященный Богу, приведший множество людей ко Христу и исцеливший многих из них от болезней, после великих мучений, принятых за истину, увенчан нетленным венцом от Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Которому слава вовеки. Аминь[2].

---

[1] Часть мощей святого Трифона хранится в Москве, в церкви его имени, что в Напрудной. Существует предание, имеющее тесную связь с историей этого храма. Однажды на охоте у царя Иоанна Васильевича Грозного, по какой-то оплошности сокольника боярина Трифона Патрикеева, улетел любимый кречет; царь приказал этому сокольнику во что бы то ни стало разыскать кречета в три дня, в противном случае угрожая смертной казнью. Весь лес изъездил сокольник, но поиски не привели ни к чему. Измученный, усталый, он на третий день остановился около Марьиной рощи (в Напрудной слободе) и от сильного изнеможения заснул крепким сном под деревом. Перед этим Патрикеев усердно молился о помощи святому мученику Трифону, которого по самому имени своему считал покровителем и надежнейшим руководителем. И видит сокольничий дивный сон: предстал пред ним благолепный юноша на белом коне и держит на руке царского кречета. «Возьми, — говорит, — пропавшую твою птицу, поезжай с Богом к царю и не печалься». Проснулся сокольник и видит — на руке у него действительно сидит царский кречет, которого он и отвез к Грозному, причем рассказал ему и свое видение. Прежний гнев государя и угрожавшее сокольничему страшное бедствие заменились милостями царскими, и благочестивый боярин Трифон Патрикеев, в благодарность пред Богом и пред угодником Божиим святым мучеником Трифоном за спасение своей жизни, немедленно построил сперва часовню на том месте, где нашел своего сокола, а потом, как говорят, при содействии даже самого государя, соорудил близ этой часовни и каменную церковь во имя святого мученика Трифона, на том самом месте, где совершилось вышеописанное явление ему этого святого мученика.

[2] В Большом Требнике (гл. 60) помещен «Чин, бываемый на нивах, или винограде или вертограде, если случится повредиться от гадов, или иных видов». Этот «Чин» совершается в том случае, если появятся «вред и тщету нивам, виноградам, садам же и вертоградам наносящие» «многовиднии звери, черви, гусеницы, хрущи и саранча, мыши, щуры и критицы, и различные роды мух и мушиц» и прочее. В указанном «Чине» говорится: «подобает быть литургии и вжигати кандило свя-

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **ВЕНДИМИАНА,** пустынника Вифинийского

Преподобный Вендимиан, родом из Мизии[1], в молодости пришел к преподобному Авксентию[2] в основанную им обитель на горе Оксии близ Халкидона[3]. После принятия его Авксентий жил недолго. По кончине его Вендимиан сделал келию немного ниже келии преподобнаго Авксентия, но прожив пять лет, хотел уйти по трудности места. Господь Иисус Христос явился ему и укрепил его, и он прожил здесь еще тридцать семь лет, творя чудеса при жизни. Преподобный Вендимиан скончался около 512 года.



того Трифона, или святого Евстафия или святого Иулиана Ливийского, или и обоих», и после литургии «взять елей от кандил, и воду святого Богоявления и кропить крестообразно «на ниву или виноград или вертоград, глаголя молитвы» (см. их в Б. Требнике). В том же «Чине» находится «заклинание святого мученика Трифона», составленное от лица этого святого угодника. Веруя, что святой Трифон, при жизни отгонявший «единым только пришествием своим духов лукавствия» и своими молитвами отвращавший общественные бедствия, и по блаженном успении своем не оставляет помощью тех, которые прибегают к нему, упомянутое «заклинание» вредных для растительного царства насекомых и гадов и произносится от лица святого Трифона, как такого угодника Божия, который имеет великую славу у Бога и может с большим дерзновением повелеть им Именем Господа «отойти от места и окрест пределов рабов Божиих».

[1] *Мизия* — северо-западная область Малой Азии.

[2] Память его 14 февраля.

[3] *Халкидон* — город в Малой Азии, на берегу Константинопольского пролива (на другой стороне против него — Константинополь). Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил IV Вселенский собор.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ПЕРПЕТУИ
и с ней святых юношей
САТИРА, РЕВОКАТА, САТОРНИЛА, СЕКУНДА и СВЯТОЙ ФИЛИЦИТАТЫ жены

Святая Перпетуя происходила из знатного рода и жила в городе Карфагене[1]. Она тайно от своего отца, язычника, приняла святое крещение и, несмотря на его слезные просьбы и увещания, пребывала непоколебимою в истинной вере. Двадцати двух лет от роду, Перпетуя овдовела, имея на руках грудного ребенка, которого она сама кормила. Брат ее Сатир, служанка Филицитата и юноши: Ревокат (слуга), Саторнил и Секунд (из благородного звания) также готовились принять святое крещение. Все они вместе с Перпетуей взяты были языческими судьями и заключены в тесную темницу. Явившийся сюда отец святой Перпетуи старался было поколебать твердость ее веры, возбуждая в мученице любовь к ее грудному младенцу; но любовь ко Христу была в святой Перпетуе выше всех земных привязанностей.

Прежде страдания своего, святая Перпетуя сподобилась следующего видения[2], которое она сама и описала, находясь в темнице.

«Я видела, — говорит святая Перпетуя, — золотую лестницу, чрезвычайно высокую, которая доходила от земли до неба; она была столь узка, что по ней едва можно было восходить только поодиночке; бока этой лестницы были увешаны и утыканы острыми ме-

---

[1] *Карфаген* — древнейшая знаменитая колония финикиян на севере Африки, достигшая в древности высшей степени могущества и разрушенная в 146 году до Р. Х.; на развалинах древнего Карфагена, при первых римских императорах, возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий грекоримский культ со всеми его суевериями.

[2] Записи о страданиях ведены в темнице самими святыми мучениками: Перпетуею и Сатиром. Остальное дополнено очевидцем и для очевидцев; ибо говорится: «И мы, что слышали и осязательно очами видели, возвещаем вам, братия и сестры, дабы и вы, которые при сем присутствовали, снова вспомнили для славы Божией».

чами, ножами, копьями, кинжалами, гвоздями, крючьями и тому подобными острыми предметами. При нижнем конце лестницы обитал страшный змий, готовый броситься на тех, которые покушались взойти по ней. Не обращая внимания на этого змия, Сатир безбоязненно вошел первым на лестницу. Дошедши благополучно до самой последней ступени, он обратился ко мне с такими словами: «Перпетуя! Я жду тебя, но остерегайся, чтобы змий не поглотил тебя».

— Я не боюсь его, — ответила ему Перпетуя.

И тотчас решилась во имя Господа нашего Иисуса Христа идти по лестнице. Подошедши к лестнице, она прежде всего наступила на голову змия, как бы на первую ступень. И когда взошла на верх лестницы, то увидала прекрасные райские селения и в них множество обитателей. Когда святая Перпетуя рассказала об этом видении своим сподвижникам, то все они поняли его, как предсказание о своем страдальческом подвиге. С этого времени они всецело отрешились от земных привязанностей и все свои мысли сосредоточили на вечности.

После многих страданий в темнице, святых мучеников, наконец, осудили на смерть. Юношей бросили на растерзание диким зверям в цирке[1], а на святых жен Перпетую и Филицитату выпустили дикую и бешеную корову, дабы она забодала их рогами. Но звери не растерзали святых мучеников, а потому они все были после того усечены мечами и ножами. Когда закалали святую Перпетую, то рука исполнителя казни долгое время не могла попасть в гортань ее; тогда Перпетуя сама поднесла к шее меч его и таким образом мужественно скончалась за Христа[2].



В тот же день память преподобного отца нашего **Петра Галатийского**, скончавшегося около 429 года. Он же воспоминается 22 февраля и 25 ноября под именем Петра Столпника и Молчальника.

---

[1] Один из мучеников, Секунд, умер еще в темнице.

[2] Все эти мученики скончались около 203 года.



День второй

СКАЗАНИЕ
О
СРЕТЕНИИ ГОСПОДНЕМ

По прошествии сорока дней после рождества Господа нашего Иисуса Христа и по исполнении дней законного очищения Пречистая и преблагословенная Дева Матерь, вместе со святым Иосифом обрученником, пришла из Вифлеема в Иерусалим ко храму Божию, принеся сорокадневного младенца Христа для исполнения закона Моисеева. По сему закону нужно было, во-первых, по рождении очиститься чрез принесение Богу подобающей жертвы и чрез иерейскую молитву, — и во-вторых, нужно было поставить пред Господом первородного младенца и сделать выкуп за него установленною ценою (см.: Лев. 12, 7). Так было повелено Господом в Ветхом Завете Моисею, у которого в книгах о законе очищения матери пишется так: *Если женщина зачнет и родит младенца мужеского пола, то она нечиста будет семь дней; в восьмый же день обрежется у него крайняя плоть его; и тридцать три дня должна сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее* (Лев. 12, 2–4). *По окончании дней очищения своего, она должна принести однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех* (Лев. 12, 6). *Если же она не в состоянии принести агнца, то пусть возьмет двух горлиц или двух молодых голубей, одного во всесожжение, а другого в жертву за грех, и очистит ее священник, и она будет чист*а (Лев. 12, 8). А о посвящении Богу первенцев мужеского пола в законе так говорится: *Освяти Мне каждого первенца*

(мужеского полу) *перворожденного, разверзающего ложесна* (Исх. 13, 2)[1]. И в другой раз: *Отдавай Мне первенца из сынов твоих* (Исх. 22, 29). Это требовалось за то великое благодеяние Божие в Египте, когда Господь, избивая египетских первенцев, пощадил израильских (см.: Исх. 11, 5–7). Поэтому израильтяне приносили своих перворожденных младенцев в храм, посвящая их Богу, как должную дань, установленную законом. И опять выкупали их у Бога себе установленною ценою, которая называлась «выкупным серебром» и отдавалась служащим при храме Господнем левитам, как об этом написано в четвертой книге Моисея (см.: Чис. 3, 49 и 51). Установленная же цена выкупа состояла из пяти священных сиклей церковного веса, а каждый священный сикль имел в себе двадцать пенязей[2].

Исполняя этот закон Господень, Матерь Божия ныне пришла в храм с Законодателем. Пришла очиститься, хотя и не требовала очищения, как нескверная, неблазная, нетленная, пречистая. Ибо Та, Которая зачала без мужа и похоти и родила без болезни и нарушения Своей девической чистоты, не имела скверны, свойственной женам, родящим по естественному закону: ибо родившую Источник чистоты как могла коснуться нечистота? Христос родился от Нее, как плод от древа; и как древо, по рождении своего плода, не повреждается и не оскверняется, так и Дева, по рождении Христа, плода благословенного, осталась неповрежденною и неоскверненною. Христос произошел от Нее, как луч солнечный проходит сквозь стекло или кристалл. Проходящий сквозь стекло или кристалл солнечный луч не разбивает и не портит его, но еще более освещает. Не повредил девства Матери Своей и Солнце Правды — Христос. И дверь естественного рождения, чистотою запечатленную и девством охраняемую, не осквернил обычными для женщин кровотечениями, но, пройдя сверхъестественно, еще более усугубил ее чистоту, освятив ее своим происхождением и просветив Божественным светом благодати. Совершенно не нужно было никакого

---

[1] По силе этого закона в память того, что в ночь пред исходом евреев из Египта Ангел-Погубитель истребил всех первенцев египетских, все первенцы еврейские должны были быть посвящены в особенное служение Богу, то есть для служения при святилище. Когда же впоследствии для этого избрано было одно только колено Левиино, то за первородных назначен был выкуп в пять сиклей серебра.

[2] Священный сикль составляет на наши деньги около пятидесяти копеек.



Сретение Господне

очищения для Родившей без истления Бога — Слова. Но дабы не нарушить закон, а исполнить его, пришла очиститься всесовершенно чистая и не имущая никакого порока. Вместе с сим исполненная смирения, Она не гордилась Своею нетленною чистотою, но пришла, как бы нечистая, встать вместе с нечистыми женами пред дверьми храма Господня, — и требовать очищения, не гнушаясь нечистыми и грешными. Принесла и жертву, но не как богатые, приносившие непорочного однолетнего агнца, а как бедные, приносившие двух горлиц, или двух птенцов голубиных, во всем проявляя смирение и любовь к нищете и избегая гордыни богатых. Ибо из золота, принесенного волхвами (см.: Мф. 2, 11), Она взяла немного и то раздала нищим и убогим, удержав для Себя только самое необходимое на дорогу в Египет. Купив упомянутых двух птиц, Она принесла их, по закону, для жертвы, а вместе с ними принесла и Своего первородного Младенца. *Принесли Его* (родители Младенца Иисуса) *в Иерусалим, чтобы представить пред Господа* (Лк. 2, 22) — говорит евангелист Лука, то есть возвратить Божие Богу, ибо в законе Господнем написано, что всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, должен быть посвящен Господу (см.: Исх. 13, 2). Держа на руках Своих Новорожденного, Святая Дева Мария преклонила колена пред Господом и с глубоким благоговением, как драгоценный дар, возносила и предавала Младенца Богу, говоря:

— Се, Сын Твой, Превечный Отче, Которого Ты послал воплотиться от меня для спасения рода человеческого! Ты Его родил прежде веков без Матери, а я по Твоему благоволению, по исполнении лет, родила Его без мужа; вот плод чрева моего перворожденный, Духом Святым во мне зачатый, и неизреченно, как Ты Один ведаешь, от меня происшедший: Он Первенец мой, ранее же всего Твой, Тебе соприсносущный и собезначальный, первенец Тебе Одному подобающий, ибо Он есть от Тебя сошедший, не отступив от Твоего Божества. Приими Первенца, с Которым Ты веки сотворил (см.: Евр. 1, 2) и с Которым вместе свету воссиять повелел: приими воплотившееся от меня Твое Слово, Которым Ты утвердил небо, основал землю, собрал в соединение воды: приими от меня Твоего Сына, Которого приношу Тебе на это великое, да о Нем и о Мне устроишь так, как Тебе угодно, и да искупишь род человеческий Его плотию и кровию, принятою от Меня.

Произнеся сии слова, Она отдала Свое драгоценное Чадо в руки архиерею, как наместнику Божию, как бы отдавая Его Самому Богу. После этого Она выкупила Его, как требовал закон, установленною ценою — пятью священными сиклями, число которых как бы предзнаменовало пять священных язв на теле Христа, принятых Им на кресте, которыми весь мир был искуплен от клятвы законной и от работы вражией[1].

В то самое время, когда Матерь Божия принесла младенца Иисуса для исполнения над Ним предписанного законом обычая, в храм пришел, руководимый Духом Святым, старец Симеон, человек праведный и благочестивый, ожидавший утехи Израилевой, имевшей наступить с пришествием Мессии. Он знал, что ожидаемый Мессия уже приближается, ибо скипетр перешел от Иуды к Ироду, и исполнялось пророчество праотца патриарха Иакова, предрекшего, что не оскудеет князь от Иуды, пока не приидет ожидание народов, Христос Господь (см.: Быт. 49, 10). Точно так же окончились и Данииловы седмины числом семьдесят, после чего, по пророчеству, должно быть пришествие Мессии[2]. Вместе с тем и самому святому Симеону Духом Святым было обещано не видеть смерти, прежде чем он не увидит Христа Господня (см.: Лк. 2, 26). Симеон, посмотрев на Пречистую Деву и на Младенца, бывшего на Ее руках, увидел благодать Божию, окружающую Матерь с Младенцем, и, уведав от Святого Духа, что Сей есть ожидаемый Мессия, поспешно подошел и, приняв Его с неизреченною радостию и благоговейным страхом, воздавал Богу великое благодарение. Он, убеленный сединами, как ле-

---

[1] По сказанию святого Димитрия Ростовского, святые отцы добавляют, что святой пророк Захария, родитель Предтечи, пришедшую во храм для очищения Пречистую Деву с Младенцем поставил не на месте жен, приходящих для очищения, а на месте девиц, на котором женам, имеющим мужей, становиться не позволялось. И когда книжники и фарисеи, при виде этого, начали выражать негодование, Захария, став пред ними, возвестил, что эта Матерь и по рождестве есть Дева чистая. Когда же они не поверили сему, Захария сказал, что человеческое естество, как и всякое создание, должно служить Создателю своему, и в Его всесильных руках находится устроение Своей твари, как угодно Его изволению, а равно — и устроение того, чтобы Дева родила, и по рождестве пребыла Девою: «По сему и я сию Матерь не устранил, — сказал он, — с места, назначенного для девиц, потому что Она превыше всех дев».

[2] Пророчество о *70-ти седминах* находится у Даниила, 9-я гл.

бедь перед своею кончиною, весело воспел, говоря: *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром.*

«Не имел я, — как бы так говорил он, — мира в мыслях своих, все дни ожидая Тебя, и все дни пребывал в печали, пока Ты приидешь: ныне же, увидев Тебя, я получил мир и, освободившись от печали, отхожу отсюда с радостною вестью к моим отцам: возвещу о Твоем пришествии в мир праотцу Адаму и Аврааму, Моисею и Давиду, Исаии и прочим святым отцам и пророкам, неизреченную радость принесу я им, пребывающим доселе в печали; к ним и отпусти меня, дабы, оставив печаль, они возвеселились о Тебе — Избавителе своем. Отпусти меня раба Твоего, после многолетних трудов, успокоиться на лоне Авраамовом: очи мои уже видели Спасение Твое, уготованное для всех людей, очи мои видели Свет, уготованный для рассеяния тьмы, для просвещения народов, для откровения им неведомых Божественных Таин, — Свет, воссиявший для прославления людей Твоих Израиля, Который Ты обещал чрез пророка Исаию, сказав: *Дам Сиону спасение, Израилю славу Мою* (Ис. 46, 13).

Иосиф и Пречистая Дева, слыша все сказанное Симеоном о Младенце, удивлялись; притом они видели, что Симеон говорит к Младенцу не как к младенцу, но как к «Ветхому днями»[1], и молясь обращается к Нему не как к человеку, а как к Богу, имеющему власть жизни и смерти и могущему тотчас отпустить старца к иной жизни, или удержать в настоящей. Симеон обратился с благословением и к ним, восхваляя и величая пренепорочную Матерь, родившую в мир Бога и человека, и ублажая мнимого отца святого Иосифа, сподобившегося быть служителем такому таинству. Потом, обратившись к Марии, Матери Его, а не к Иосифу — ибо он прозревал в Ней очами своими безмужную Матерь, — Симеон произнес:

— Сей послужит на падение и восстание многим во Израиле: на падение тем, которые не пожелают веровать словам Его, на восстание же тем, которые с любовью примут святую проповедь Его, — на падение книжникам и фарисеям, ослепленным злобою, на вос-

[1] Под образом *ветхого днями,* то есть глубокого старца, видел Бога пророк Даниил (см.: Дан. 7, 9–13). В Священном Писании старость иногда служит символом *вечности* Божией.

стание простым рыбарям и людям немудрым. Он изберет не мудрых, мудрых же века этого посрамит, — на падение ветхозаветного иудейского соборища, и на восстание благодатной Церкви Божией. Сей будет *в знамение пререкаемо* (слав.)[1], ибо великий раздор произойдет в людях из-за Него: одни назовут Его благим, другие же скажут, что он обманывает людей; и положат Его, по слову пророка Иеремии, *яко зна́мение на стреляние* (слав. Плач. 3, 12), повесив на крестном древе, уязвив как стрелами, гвоздями и копьем. В то время, безмужная Матерь, — продолжал старец, — душу Твою пройдет оружие печали и сердечной боли, когда увидишь пригвожденным ко кресту Сына Своего, когда Ты с великою болью в сердце и рыданиями будешь провожать из мира этого Того, Кого в мир Ты родила без болезни.

Здесь же в храме была и Анна пророчица, дочь Фануилова, из колена Ассирова. Она была вдова, уже сильно состарившаяся, — ей было восемьдесят четыре года; она семь лет только прожила со своим мужем и, овдовев, проводила Богоугодную жизнь, не отходя от храма, но в посте и молитве служа Богу день и ночь. Придя в тот час в храм, Анна много пророчествовала о принесенном в храм Господень Младенце, ко всем ожидавшим избавления в Иерусалиме[2].

Слыша и видя все это, книжники и фарисеи распалялись в сердцах своих и негодовали на Симеона и Анну за их свидетельства об Отроке. Они не умолчали, но обо всем случившемся и сказанном в храме известили Ирода царя[3]. Тотчас он послал воинов с приказа-

---

[1] В предмет пререкания, в спорное знамя, — образ взят от военного знамени во вреня битвы, которое одна сторона старается отбить, а другая защитить. Господь стал *знамением пререкания* в том же смысле, что одни — неверующие — силились уничтожить Его (чего и мнили достигнуть распятием Сына Божия), другие же — верующие — стояли и стоят под этим знаменем и за него ратуют.

[2] Из этого видно, что в Иерусалиме в то время было довольно людей, которые жили надеждой на скорое явление Обетованного Мессии, истинных израильтян, которые, без сомнения, возрадовались радостию великою, услышав об исполнении их ожиданий и молитв.

[3] *Ирод,* называемый в истории *Великим,* сын Антипатра, даря иудеев, сначала был правителем Галилеи, но при первом римском императоре Октавии Августе, в 40 году до Рождества Христова, получил титул иудейского царя и управлял всей Иудеей, которая тогда была подчинена Римскому государству.

нием отыскать Божественного Младенца Христа-Господа и убить Его; но они не нашли уже Его: по повелению, данному Иосифу во сне, Он обретался в Египте. Святой Иосиф с Пречистою Богородицею, исполнив в храме все требуемое законом, не возвращались в Вифлеем, а пошли в Галилею, в свой город Назарет[1], а оттуда быстро скрылись в Египет (см.: Мф. 2, 13–14). Отрок же возрастал, и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия пребывала на Нем (см.: Лк. 2, 40).

Празднование Сретения Господня установлено в царствование Юстиниана[2]; ранее же, хотя Сретение Господне и воспоминалось в Церкви[3], но торжественно не праздновалось. Благочестивый же царь Юстиниан установил праздновать этот праздник, как Господский и Богородичный, наряду с другими великими праздниками. Побуждением к установлению этого праздника были особенные обстоятельства. В царствование Юстиниана в Византии и окрестностях ее, в течение трех месяцев, начиная с последних чисел октября месяца, был сильный мор, так что сначала умирало по пяти тысяч человек в день, а потом по десяти тысяч; тела даже богатых и высокопоставленных людей оставались без погребения, ибо слуги и рабы все вымерли и некому было погребать самих господ. А в Антиохии[4] к моровой язве, за грехи людей, присоединилась и другая казнь Божия — страшное землетрясение, от которого попадали все большие дома и высокие здания и храмы, и погибло много народа под их стенами; в числе погибших был Евфрасий[5], епископ Антиохийский,

---

[1] Лк. 2, 39. *Вифлеем* — маленький город, недалеко от Иерусалима, по направлению к югу, а от *Назарета,* галилейского города, Вифлеем находится на расстоянии дней трех пути или немного более.

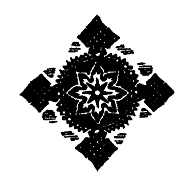
[2] Император *Юстиниан Великий* царствовал с 527 по 566 год. Указ о торжественном праздновании Сретения Господня по всей империи издан был им в 542 году.

[3] На этот праздник есть указания в сочинениях отцов Церкви III, IV и V веков.

[4] Здесь разумеется *Антиохия Сирийская* — один из древнейших и богатых городов Сирии, столичный ее город; лежит при реке Оронте, верстах в десяти от впадения ее в Средиземное море. Для христианской церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и как мать христианских церквей из язычников. В настоящее время Антиохия представляет собою небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до десяти тысяч жителей.

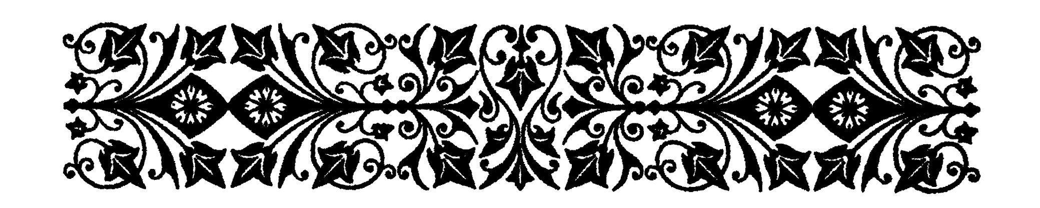
[5] *Евфрасий* был епископом Антиохийским с 523 по 527 год.

задавленный до смерти при падении храма. В это страшное и погибельное время одному благочестивому человеку было откровение, чтобы установлено было торжественное празднование Сретению Господню, как и прочим Господским и Богородичным великим праздникам. И вот, при наступлении дня Сретения Господня, февраля второго числа, когда начали праздновать со всенощным бдением и исхождением с крестами[1], смертоносная язва, мор и землетрясение тотчас прекратились, по милосердию Божию и по молитвам Пречистой Богородицы. Ей с родившимся от Нее Христом Богом да будет честь, слава, поклонение и благодарение вовеки. Аминь.



---

[1] В память прекращения язвы, бывшей в Константинополе, и страшного землетрясения в Антиохии, в некоторых местах принято Церковью исходить *с литиею* пред литургиею *вне обителей* и во время этого крестного хода воспевать стихиры праздника и канон, по обычаю; а по возвращении во храм совершать *литургию.*



День третий

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО И ПРАВЕДНОГО
СИМЕОНА БОГОПРИИМЦА

По свидетельству Божественного Евангелия, старец Симеон был человек праведный и благочестивый, ожидавший утешения Израилева, и Дух Святой пребывал на нем. Ему было возвещено от Бога о приближающемся пришествии в мир истинного Мессии (см.: Лк. 2, 2). Древние историки о получении Симеоном этого извещения повествуют так. По повелению египетского царя Птоломея был предпринят перевод закона Моисеева и книг пророческих с еврейского языка на греческий. Для этого дела избраны были из всего еврейского народа семьдесят ученейших мужей[1]. В числе их был и

[1] *Птоломей II, Филадельф*, сын и преемник Птоломея Лага (285–247 гг. до Рождества Христова), был одним из величайших государей египетских. Он особенно известен просвещенной любовью к наукам. Его старанием основана Александрийская библиотека. Желая присоединить к своим владениям Сирию, он покорил своей власти и лежащую на пути к Сирии Иудею. После занятия им Иерусалима многие тысячи иудеев из Иерусалима и его окрестностей, равно как и из Самарии, отведены были пленниками в Египет; но так как царь милостиво относился к иудеям и дал им даже равные права с македонянами в Александрии, то многие иудеи добровольно переселились в эту страну. Услышав, что закон иудейский получил свое начало от Бога и содержит в себе высочайшую премудрость и самые святые заповеди, царь пожелал иметь его в греческом переводе. Этим переводом он хотел пополнить свою богатую библиотеку в Александрии, а может быть, хотел оказать услугу и иудеям, из которых многие, от долговременного пребывания в Александрии, стали забывать свой природный язык. В Иерусалим было отправлено посольство с богатыми дарами для храма. В письме к первосвященнику царь писал, чтобы он прислал ему старцев, опытных в знании отечественного закона, которые бы могли исправно перевести его на греческий язык. В это время первосвященником был внук Адуя, Элеазар. Он

Симеон, как человек мудрый и хорошо знающий Божественное Писание. Переводя книгу пророка Исаии, Симеон дошел до слов: *се Дева во чреве приимет и родит Сына* (Ис. 7, 14). Читая их, он усомнился, думая, что невозможно, чтобы жена, не имеющая мужа, могла родить. Симеон взял уже нож и хотел вычистить эти слова в книжном свитке и изменить слово «дева» на слово «жена». Но в это время явился ему Ангел Господень и, удержав за руку, сказал: «Имей веру написанным словам, и сам увидишь исполнение их, ибо ты не увидишь смерти, прежде чем не узришь имеющего родиться от чистой Девы Христа Господа».



Уверовав в ангельские и пророческие слова, Симеон с нетерпением ожидал пришествия в мир Христа. Он проводил праведную и непорочную жизнь, уклоняясь от всякого зла и пребывая непрестанно в храме Божием. Там Симеон молился Богу, да помилует Он мир Свой и избавит людей от вселукавого диавола.

Когда Господь наш Иисус Христос, по истечении сорока дней по рождестве Своем, был принесен руками Пречистой Своей Матери, по законному обычаю (см.: Исх. 13, 2), в храм, в это время пришел туда же и пра-

---

выбрал из 12 колен Израилевых по шесть старцев и, вручив им самый исправный список священных книг, начертанный золотыми буквами на самом тонком пергаменте, отправил их в Александрию. Здесь они были приняты весьма благосклонно. Им отвели дом на острове Фаросе, где они и занимались переводом каждый день до девятого часа или до трех пополудни. Перевод был окончен в семьдесят дней, прочитан в присутствии александрийских иудеев, и одобрен ими. Этот самый перевод священных книг и называется «переводом семидесяти (или точнее 72-х) толковников», или переводчиков; он и доселе употребляется в Православной Восточной Церкви, и с него-то сделан наш славянский перевод Ветхого Завета.

ведный Симеон, водимый Духом Божиим. Увидев Предвечного Младенца и родившую Его Пренепорочную Деву, он познал, что Сей есть обещанный Мессия, и Сия есть Дева, над Которой должно было исполниться и исполнилось пророчество Исаиино. Видя Ее осененной небесным светом и сияющей Божественными лучами, Симеон со страхом и радостию приступил к Ней, принял Богомладенца[1] на руки и произнес: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля* (Лк. 2, 29–32)[2].

После этого он пророчествовал о страданиях Христовых и о распятии Его, а также и о Богородице, что душу Ее пронзит оружие печали и скорби, когда Она увидит Сына Своего висящим на кресте (см.: Лк. 2, 34–35).

Достигнув глубокой старости, Симеон преставился ко Господу[3]. О нем пишут, что он прожил всего триста шестьдесят лет, ибо Богу угодно было продлить жизнь святого старца, дабы он мог дожить до ожидаемого во все века вожделенного года, когда родился от Девы Безлетный Сын, Которому слава вовеки, аминь[4].

---

[1] Поэтому святой Симеон и называется Богоприимцем.

[2] Предсмертная молитва святого Симеона Богоприимца: ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, — каждодневно повторяется в храме, на вечернем богослужении, чтобы вечер каждого дня напоминал каждому верующему о вечере его жизни, то есть имеющей постигнуть его смерти. Святой старец Симеон, разрешаясь от уз плоти, с радостью переходил в другой мир, когда принял в старческие объятия свои Божественного Младенца, Спасителя мира. Так всякий верующий в предсмертные минуты, приискренне причастившись в Святых Дарах Телу и Крови Христовых, с радостью оставляет этот многомятежный и суетный мир.

[3] Святые мощи Симеона Богоприимца были перенесены в Константинополь при императоре Иустине Младшем (565–578 гг.) и положены там при Халкопратийском храме в приделе святого Иакова, брата Господня, построенном этим императором. Гроб святого Симеона Богоприимца видел здесь и наш русский паломник XII века архиепископ Новгородский Антоний.

[4] О святом Симеоне, принявшем на руки свои принесенного в храм Младенца Иисуса и благословившем Марию Богородицу и Иосифа, многие думают, что он был священником при храме Иерусалимском, как и Захария, ранее принимавший вводимую в храм младенца Марию, имевшую быть Матерью Иисуса. Так говорят об этом: святой Афанасий Великий — в книге об общем естестве Отца и Сына; святой Кирилл Иерусалимский — в слове о Сретении Господнем; святой

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ
АННЫ ПРОРОЧИЦЫ

Святая Анна пророчица, воспоминаемая в Евангелии, вместе со святым Симеоном Богоприимцем, встретив Господа Иисуса во храме, проповедывала о Нем, что Он есть ожидаемый Мессия — Христос (см.: Лк. 2, 36–38)[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВЛАСИЯ[2]

Святой Власий был пастух и происходил из Кесарии Каппадокийской[3]. Когда наступило гонение и отыскивали христиан, то и Власия, как христианина, искали по всем окрестным местам. Узнав об этом, святой Власий добровольно отдался в руки мучителей, которые растянули и били его воловьими жилами. Но Бог излечил его болезни и исцелил от ран. Узнав об этом, правитель назвал это чудо волхвованием и велел после тех мучений ввергнуть святого в котел с кипящею водою. К ужасу всех присутствующих, мученик остался невредимым и в кипятке разговаривал с окружающим его народом, ибо явились Ангелы Божии и сохранили мученика невредимым. Вслед за этим, по повелению правителя, к мученику пришли воины, чтобы вынуть его из котла; увидев его поющим вместе с Ангелами, воины исповедали себя также христианами. Узнав об этом, правитель послал других воинов, но и те, придя, на-

---

Епифаний — в учении об отцах Ветхого Завета и другие. Евангелие не говорит, к какому званию принадлежал праведный Симеон, но в песнопениях святой Церкви он называется «священником», «святителем», «священнодетелем», «приносившим законные жертвы» и «очищавшим кровными жертвами люди Израилевы». Сами действия святого Симеона при Сретении Господа (см.: Лк 2, 23–37) также показывают, что он был священником.

[1] Подробнее о святой Анне пророчице см. на стр. 25.

[2] Он же именуется и *Вукол*, от греческого слова βουκόλος — пастух.

[3] *Каппадокия* находилась на востоке Малой Азии; *Кесария* — главный город Каппадокии.

звали себя христианами. Вслед за этим сам правитель пришел сюда и увидел святого находящимся в кипящей воде. Думая, что вода остыла, правитель умыл лицо свое в этой воде и тотчас обварил лицо свое и от того умер. Обратив многих своими чудесами ко Христу, святой Власий помолился Богу и предал Ему свою святую душу. Присутствовавшие при кончине его видели голубя летающим над телом его. А пастушеский жезл Власия, будучи водружен в землю, возрос в огромное дерево, которое ветвями своими покрыло алтарь церкви, созданной над мощами святого[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
АЗАРИИ

Святой Азария, сын Одеда, пророчествовал во дни Асы, царя иудейского[2]. По случаю славной победы Асы над Зараем, царем эфиопским, Азария, объятый Духом Божиим, убеждал царя и народ оставить идолослужение и верно служить Богу истинному. Возбуженные пророчеством Азарии, царь и народ отвергли идолов из всей земли Иудиной и Вениаминовой. Многие и из израильтян обратились тогда к истинному Богу и, собравшись в Иерусалиме, вступили в завет с Богом, дав клятвенное обещание никогда не удаляться от Него. И Бог благословил их продолжительным миром[3].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АДРИАНА и ЕВВУЛА

Святые мученики Адриан и Еввул были родом из города Ваннии[4]. Горя любовию к исповедникам Христа, они отправились в город

[1] *Святой мученик Власий* жил и скончался в III веке.

[2] В X веке до Р. Х.

[3] Повествование о *пророке Азарии* находится: 2 Пар. 15, 1–19.

[4] *Город Ванния*, или *Ван*, находился на восточном берегу озера, носящего в настоящее время то же название, в Армении.

Кесарию[1] и там по их речам и непорочности их жизни узнали, что они — христиане. Поэтому они были схвачены и приведены на суд к начальнику области Фирмилиану. По повелению последнего их били по плечам и ребрам и подвергли другим, еще более жестоким мучениям с целью принудить их к отречению от Христа. Но так как они остались твердыми в своей вере, то Фирмилиан и бывшие при нем пришли в ярость, и было решено бросить святых на растерзание диким зверям. Блаженный Адриан брошен был первым. Схваченный львом, он мужественно вступил с ним в борьбу, после чего ему отсекли голову мечом. Святого же Еввула пытались еще склонить к отречению от веры различными увещаниями и прельщениями, но он остался непреклонным, а потому и его бросили зверям. Он также вступил в борьбу со львом и скончался, усеченный мечом, подобно святому Адриану.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ПАПИЯ, ДИОДОРА и КЛАВДИАНА

Святые мученики Папий, Диодор и Клавдиан пострадали в царствование императора Декия[2] в Памфилийском городе Атталии[3]. Они пасли стада скота в стране своей и, будучи христианами, распространяли среди язычников веру во Христа. Вследствие этого на них сделан был донос, и по повелению начальника области Павлина их схватили и привели к нему на суд. На допросе они безбоязненно исповедали Христа Истинным Богом и, твердо веруя в Него, сказали, что Он есть Творец неба и земли и всего, что находится на них,

---

[1] *Город Кесария* находился в Палестине и расположен был на берегу Средиземного моря. Он был местом жительства римских начальников Палестинской области.

[2] *Император Декий* был одним из самых жестоких гонителей христиан, имевший целью совершенное уничтожение христианства в Римской империи. Он царствовал два года, с 249 по 251 год.

[3] *Памфилия* находилась в южной части Малой Азии на берегу Средиземного моря. На севере она граничила с Писидией, на западе — с Ликией, а на востоке — с Киликией. Город Атталия, ныне Адалия, был приморским городом области и резиденцией областеначальника.

и что, кроме Него, нет другого Бога. Услышав это, правитель области пришел в ярость и приказал подвергнуть святых различным мучениям. Но так как он не мог этим принудить их к отречению от веры во Христа, то повелел отсечь им головы мечом. Так скончались за Христа святые мученики и приняли от Него мученические венцы. Христиане с честью похоронили тела их во славу Христа, Бога нашего.

ЖИТИЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ

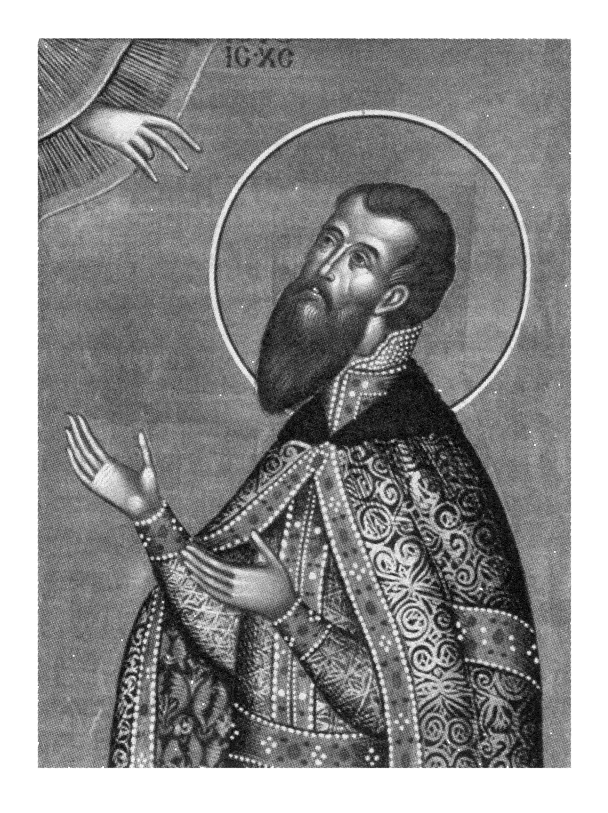
РОМАНА,

Угличского чудотворца[1]

Святой благоверный князь Роман Угличский жил в тяжкую пору нашествия татар на русскую землю. Он был второй сын второго угличского удельного князя Владимира Константиновича и внук

[1] В 1605 году с 3 февраля стали совершаться чудеса от мощей святого князя Романа Угличского. Патриарх Иов тогда же поручил Казанскому митрополиту Гермогену, впоследствии патриарху, освидетельствовать мощи святого князя в Угличе и проверить сведения о чудесах. По благословению патриарха Иова воевода Семен Романович Олферьев и инок Переяславского Данилова монастыря Сергий составили житие, службу и описание чудес (с 3 февраля 1605 г.) святого князя Романа. После литовского разорения города Углича в 1609 году этого новонаписанного жития, равно как и сказания о чудесах с 3 февраля по 2 марта 1605 года, доискаться не могли; переписывали только службу и сказание о чудесах со 2 марта. По рукописи, хранящейся в Угличском Преображенском соборе, сказание о чудесах святого князя Романа напечатано в Яросл. Епарх. Ведом. за 1873 г. № 46–48 и отдельной брошюрой: «Повесть о чудесах святого благоверного князя Романа, Угличского чудотворца». Ярославль. 1874. Служба и сказание о чудесах нам известны и по нескольким другим рукописям. После утраты жития, написанного в 1605 году, впоследствии, в XVIII веке, при Угличском Преображенском соборе составлено было новое пространное житие «с древнейших летописцев и достоверных географических историописателей»; по списку XVIII века это житие напечатано в Яросл. Епарх. Ведом. за 1889 г. № 48–49 и отдельной брошюрой: «Житие святого и благоверного князя Романа Владимировича, Угличского чудотворца». Ярославль. 1890. Данные упомянутых здесь «Повести» и «Жития» в настоящем изложении проверены справками с летописными и другими свидетельствами.

Константина Всеволодовича, сначала удельного князя ростовского, ярославского и угличского, а потом великого князя Владимирского[1]. Владимир Константинович получил в удел Углече поле, или город Углич, в раннем детстве[2]. Вступив в брак с княжной Фотинией, он имел двух сыновей — Андрея и Романа[3].



Во время княжения Владимира в Угличе разразилась страшная гроза над русской землей, а вместе и над Угличем: Батый, по разорении Москвы и Владимира и избиении здесь семьи великого князя, двинулся за Волгу, куда великий князь Юрий Всеволодович удалился, собирая войска. На этом пути татары подчиняли своей власти все попадавшиеся города, а те, которые не хотели покоряться, разоряли и избивали их жителей. Ввиду явной и неотвратимой опасности угличский князь Владимир решил не сопротивляться бесплодно, а спасти город и жителей изъявлением покорности татарам. Впрочем, сам он с семейством не хотел вынести позора и искал спасения на севере, удалившись в новгородские пределы. После несчастной битвы на реке Сити и гибели великого князя Юрия русские князья должны были признать власть татар и платить им дань. Этой участи должен был покориться и угличский князь, который по удалении

---

[1] *Константин* был сын великого князя Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо, родился в 1185 году; с 1207 года был удельным князем ростовским, ярославским и угличским, а с 1216 года великим князем владимирским; скончался в 1219 году.

[2] Он родился около 1214 года.

[3] Князь Владимир вступил в брак в 1232 году; князь Андрей родился в 1233 году, а Роман — 1 октября 1235 года.

Батыя на юг подобно другим князьям, по миновании опасности, вернулся в Углич и стал править, уже как подручник хана. Неизвестно, ходил ли князь Владимир в орду с изъявлением покорности хану, как это требовалось и как должны были делать все владетельные князья. Предание, записанное в пространном житии, гласит, что в орду Владимир не пошел, но, во избежание ответственности, не оставался и в Угличе, а проживал по другим городам и скончался во Владимире в 1249 году 27 декабря. Тело его тогда же было перенесено женой и детьми в Углич и погребено в Преображенском соборе.

Детство благоверного князя Романа, как и его старшего брата Андрея, прошло, таким образом, среди страшных тревог и бедствий, больше в изгнании и странствованиях, чем в спокойном пребывании с родителями в Угличе.

По смерти Владимира угличским князем стал старший сын его Андрей, которому было всего шестнадцать лет. Но при нем находилась мать его, которая и руководила детьми. Андрей скончался в 1261 году, не оставив детей, и угличское княжение досталось брату его Роману, который имел тогда двадцать шесть лет от роду.

Возросши в благочестивой семье князя Владимира Константиновича среди страшных тревог и испытаний, проведя немало времени в странствовании, князь Роман отличался благочестием и не питал большой склонности к шумной жизни и веселию. Будучи достаточно просвещенным, он занимался чтением книг, любил храмы Божии, духовенство и службу церковную. К его княжению относят построение многих церквей в Угличе и пределах угличского княжества, которое при нем пользовалось миром, насколько это было возможно в тяжелое время татарского владычества. Власть князя Романа, кроме Углича, простиралась и на другие города: Кашин, Вежецкий Верх, Устюжну, Дмитров, Звенигород. Ему же принадлежит построение нового города Романова на левом высоком берегу Волги против слободы Борисоглебской.

Князь Роман отличался благотворительностью, заботился об устроении богаделен и странноприимных домов.

В 1265 году князь Роман сочетался браком с княжной Александрой, но потомства не имел. Вместе с ним в Угличе жила благоче-

стивая его мать, княгиня Фотиния, которая под старость приняла иноческий чин с именем Евдокии, в 1278 году скончалась и погребена была в Угличе подле своего супруга. В 1281 году князь Роман лишился и своей супруги Александры и доживал последние свои годы в одиночестве, предаваясь делам и подвигам благочестия. Блаженная кончина его последовала 3 февраля 1285 года, к великой печали его подданных и родственных князей, которые любили и почитали его. Тело князя Романа положено было в соборном храме Преображения Господня, рядом с гробницами его отца, матери, брата и супруги.

Ровно через двести лет после кончины князя Романа, именно в 1485 году, угличский князь Андрей Васильевич[1] приступил к постройке нового, уже каменного собора Преображения Господня в крепости города Углича. При копании рва для основания нового храма Бог даровал князю Андрею обрести нетленные мощи князя Романа, которые и были потом поставлены в новопостроенном храме и лежали здесь целы и невредимы более ста двадцати лет. От этих нетленных мощей истекали многочисленные чудесные исцеления от различных болезней. Как жители Углича, так и окрестных мест благоговейно чтили мощи святого князя, но свидетельства со стороны церковных властей не было.

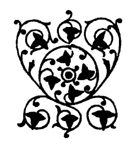
После убиения царевича Дмитрия в Угличе в конце шестнадцатого и первых годах семнадцатого столетия стали особенно часто повторяться чудесные исцеления больных, притекавших к мощам святого князя Романа. Слава об этих чудесах распространилась повсюду, и патриарх Иов поручил Казанскому митрополиту Гермогену освидетельствовать на месте святые мощи и сказания о чудесах. После этого освидетельствования святейший патриарх Иов благословил составить житие, стихиры и канон святому Роману, а равно и описание чудес с 3 февраля 1605 года[2].

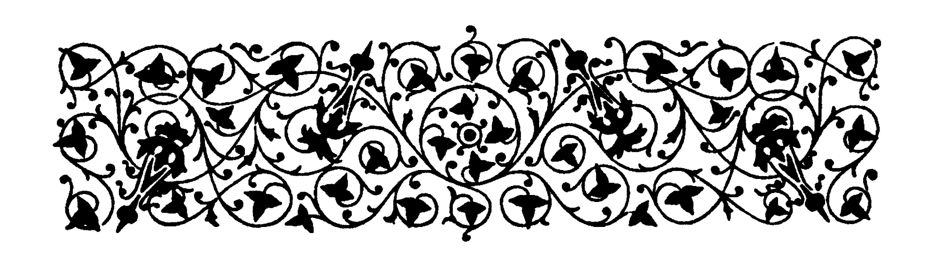
---

[1] *Андрей Васильевич*, сын великого князя Василия Васильевича Темного и брат великого князя Иоанна Васильевича III, княжил в Угличе с 1462 года; в 1422 году был заточен Иоанном III в Переяславле, где и скончался в 1494 году.

[2] Житие святого Романа и описание первых чудес его погибли в литовское разорение. Сохранилось вместе со службой святому Роману описание чудес от мощей его лишь со 2 марта того же 1605 года.

В 1609 году город Углич постигло великое бедствие, как и всю тогдашнюю Русь: литовское разорение. Город Углич был взят, жители во множестве перебиты, а дома, крепость и храмы Божии пограблены и пожжены. Враги ворвались и в Преображенский собор, разграбили и многое пожгли, а нарочито мощи святого князя Романа, покоившиеся там. Благочестивые почитатели святого Романа собрали обожженные кости его мощей: головы, ребер, рук и ног, положили в новую раку и опять поставили в соборном храме Преображения, где они и покоятся до настоящего времени.





День четвертый

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИСИДОРА ПИЛУСИОТСКОГО

Преподобный Исидор был родом из Александрии[1]. Он происходил от благородных и благочестивых родителей и был родственником Феофилу, архиепископу Александрийскому и святому Кириллу, преемнику Феофила[2]. С успехом изучив светские науки и навыкнув в божественной премудрости, Исидор пожелал посвятить себя на служение Богу. Еще в молодых летах он оставил славу мира этого и богатство и, презирая знатность своего происхождения и все почитая как бы за прах, ушел в гору Пилусиотскую[3]. Там, приняв иночество, он проводил строгую подвижническую жизнь[4]. Духовная

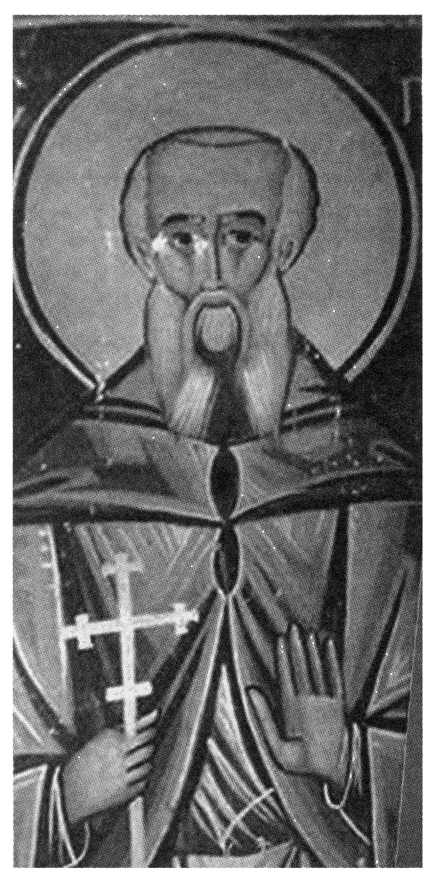
---

[1] *Александрия* — город в северном Египте, при устье реки Нила; основан Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова. Был некогда центром языческой науки и первым торговым городом на земле. В начале IV века стал центром христианского просвещения и резиденцией патриарха. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

[2] *Феофил* был архиепископом Александрийским с 385 по 412 год. — Святой *Кирилл,* преемник его, архиепископствовал с 412 по 444 год; был председателем на III Вселенском соборе, на коем ревностно подвизался против еретика Нестория. Память святого Кирилла празднуется 9 июня и 18 января.

[3] *Гора Пилусиотская* находилась в Нижнем Египте, недалеко от реки Нила. — *Плусия,* или *Пелуза,* — один из городов северного Египта.

[4] Живя здесь в глубоком уединении, Исидор с ревностью предался подвигам иноческой жизни. Он носил одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Отсюда преподобный Исидор путешествовал в Константинополь, чтобы видеть и слышать святого Иоанна Златоустого. То, что видел и слы-



мудрость и строгая жизнь Исидора собрали к нему многих ревнителей благочестия, которыми он избран был в сан настоятеля и пресвитера[1]. Строгими подвигами и высокой образованностию преподобный Исидор приобрел себе такое уважение, что не только епископы и вельможи, но и сам император и патриархи александрийские обращались к нему за советами и наставлениями, и он у всех был в большом уважении.

Церковный историк Евагрий[2], воспоминая об Исидоре, так говорит: «В царствование Феодосия[3] был в великой почести Исидор Пилусиотский; слава о нем, как о добродетельном и учительном муже, распространилась далеко и широко, и имя его прославлялось всеми устами. Трудами он так изнурял плоть свою, что жизнь его казалась всем жизнию ангельскою на земле. Он служил живым образцом монашеской жизни и богомыслия и много писал весьма полезного в наставление другим».

шал Исидор у Златоустого, равно и писания его, остались для Исидора и на последующую жизнь предметом внимательного изучения и удивления, так что ясность ума Златоустого, простота и ревность его соделались собственностью Исидора и отпечатлелись во всех его действиях. По возвращении в Пилусиотскую обитель он продолжал свою подвижническую жизнь, не стыдясь обличать лицемеров и обидчиков: епископа своего обличил за то, что назначал цену местам, а гражданских властеначальников — за пристрастие.

[1] Скромность в одежде, хранение безмолвия, скудость в пище, благотворительность к бедным — вот правила, которые преподобный Исидор внушал своей братии и которые подтверждались живым примером его собственной жизни.

[2] *Евагрий* — церковный историк VI века.

[3] *Феодосий II* Младший, внук Феодосия Великого, был Византийским императором с 408 по 450 год.

Историк Никифор[1], свидетельствуя о добродетельной жизни Исидора, говорит: «Божественный Исидор от юности своей столь много пролил пота в иноческих трудах и так умерщвлял плоть свою, согревая душу таинственными и высокими учениями, что всем казался ведущим в полном совершенстве евангельский образ жизни. Он был живым и одушевленным столпом иноческих уставов и Божественного видения и как бы самым высшим образцом теплейшего подражания и учения духовного. Исидор написал множество различных полезных наставлений. После него осталось до десяти тысяч посланий к различным лицам, исполненных Божественной благодати и мудрости человеческой, в которых он изъясняет все Божественное Писание и исправляет нравы в людях».

Из этих свидетельств ясно видно, сколь великим угодником Божиим был преподобный Исидор. Хотя и не сохранилось подробно написанного его жития, но уже и кратких слов историков достаточно для того, чтобы видеть святость и мудрость его, ибо он был для всех образцом добродетельной жизни и вселенную наполнил своими богомудрыми писаниями. Он явился великим защитником святого Иоанна Златоустого[2], несправедливо лишенного епископской кафедры, и много писал к Феофилу, архиепископу Александрийскому, и к императору Аркадию[3], увещевая их оставить свое злое дело, и, хотя не достиг успеха, однако изобличил их злобу и неправду. А по преставлении Златоустого, письменно убедил святого Кирилла Александрийского, преемника Феофила, вписать имя Иоанна в церковные диптихи[4], как великого исповедника, много

---

[1] *Никифор Каллист,* живший в XIV веке, написал «Историю Церкви».

[2] *Святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский,* знаменитый отец Церкви конца IV и начала V века, прославившийся особенно своими многочисленными проповедническими трудами. За свое необыкновенное красноречие он и получил имя *Златоустого.* Будучи архиепископом Константинопольским, он претерпел много гонений со стороны императрицы Евдокии, супруги императора Аркадия и упомянутого выше архиепископа Феофила. Кончил жизнь в ссылке в 407 году. Память его 13 ноября и 30 января.

[3] *Аркадий* — сын и преемник императора Феодосия Великого, царствовал с 395 по 408 год.

[4] *Диптихи* (от греч. слов: δύς — дважды и πτύσσω — складываю) — две таблицы, из которых на одной писали имена живых, а на другой — усопших. У нас называются *синодиками,* или просто поминаньями и помянниками. В первенству-

пострадавшего за истину от злых людей. Писал он и к Феодосию царю, наставляя его заботиться о церковном мире. И побудил его созвать III Вселенский собор в Ефесе[1] против злочестивых еретиков; ибо сам он был великим ревнителем благочестия, являясь сильным противником еретиков, готовым страдать и умереть за православную веру, как это видно из его слов. В послании к одному хулителю Ферасию он говорит:

«Спрошу тебя, издевающегося над нами и показывающего себя нам столь остроумным и строгим судиею: если бы царь поставил тебя на городских стенах, приказав стеречь и защищать город, и ты бы увидел, что враг прокапывает и разрушает стену, дабы удобнее войти в город, — то ты не стал ли бы сопротивляться, с помощью всех орудий и оружий, препятствуя разорять стену и не пуская врагов; конечно, ты так стал бы делать, дабы защитить город и себя от врагов и чтобы оказать верность и усердное повиновение царю. Не подобает ли и нам, которых Бог поставил в Церкви Своей учителями, крепко восстать против Ария[2], не только ополчившегося бранью на стадо Христово, но и многих погубившего? Претерпеть всякое бедствие за это дело я считаю за ничто, и ничего так не желаю, как перенести всякие беды за истинную веру».

Из этих слов святого ясно видна его ревность о благочестии; но из его посланий можно узнать и о других его добродетелях.

Девство, которого Исидор сам был строгий хранитель, он восхваляет преимущественно пред прочими добродетелями, называя его

ющей церкви христиане как за честь ставили быть вписанным в диптихе церковном, так, напротив того, было поносительно для тех людей, чьи имена не внесены или исключены из диптиха.

[1] *III Вселенский собор* собран был в 431 году по поводу ереси Нестория, патриарха Константинопольского, который смутил Церковь ложным учением о Лице Иисуса Христа, утверждая, что в Нем Божество не соединялось с человечеством в самом воплощении, и потому называя Его Богоносцем, а не Богочеловеком, а Пресвятую Деву — Христородицей, а не Богородицей. Осудив Нестория и его учение, как еретическое, отцы III Вселенского собора торжественно подтвердили православное учение о том, что подобает исповедовать в Господе нашем Иисусе Христе единое Лицо и два естества и Пречистую Его Матерь восхвалять, как единую Приснодеву и истинную Богородицу.

[2] *Арий* (жил в начале IV века) унижал своим нечестивым учением Сына Божия, называя Его высшей тварью, чрез которую Бог сотворил весь мир. Осуждена эта ересь на I Вселенском соборе.

царицею, которую всякий почитать должен, хотя не унижает и супружества честного. В послании своем к Антонию схоластику он говорит: «Хранящих девство должно уподоблять солнцу, вдовствующих непорочно — луне, а живущих честно в супружестве — звездам, подобно тому, как и святой Апостол Павел говорит: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе* (1 Кор. 15, 41)».

Людей, увлекающихся светской наукой, он увещевает поучаться более добродетельной жизни, чем красноречию. В послании к некоему монаху Патриму он говорит: «Я слышу о тебе, что ты имеешь большой ум и природные дарования, так что с усердием изучаешь риторское искусство, дабы стать красноречивым, но путь духовной жизни благополучно проходится только при совершении добрых дел, а не при помощи красноречия; поэтому, если ты желаешь получить бессмертную награду, то не заботься о красноречии, более попекись с усердием исполнять добрые дела».

Подобно сему Исидор пишет к епископу Аполлонию: «Так как неприлично и не следует с принуждением привлекать к благочестию людей, созданных со свободной волей, не выражающих своего изволения и противящихся, то должно тебе озаботиться о том, чтобы просвещать пребывающих во тьме добрым наставлением, доброю жизнию и добрыми нравами».

Сей святой поучает также, что добродетельному человеку не следует гордиться своими добрыми делами, но должно смиренно о себе думать: «Добродетельный в одной добродетели, — говорит он, — светлый венец имеет, а совершающий много добродетелей, но думающий о себе, что мало добра сделал, чрез такое смиренное мнение о себе будет иметь венец светлейший; при добродетелях самое помышление в себе о том, что мало сотворено, заслуживает не меньшей похвалы, чем самые (сотворенные) добродетели; но со всею истиною скажу: у кого сохраняется смиренное помышление, у того и добродетели бывают светлее, у кого же нет этого помышления, то и добродетели его светлые потемняются, а великие умаляются. Поэтому, кто желает, чтобы добродетели его были велики, пусть не считает их великими, и они окажутся на самом деле великими».

Поучая так других, преподобный Исидор сам прежде всех был исполнителем того, чему поучал. В этом он подражал Господу, Который прежде Сам исполнял, а потом уже поучал. Своими добрыми делами Исидор не гордился, но смиренномудрствовал; со смиренномудрием же соединял и целомудрие, как пару волов трудящихся, влекущих благий ярем Христов.

Целомудрие святого Исидора обнаруживается из послания к Палладию, епископу Еленопольскому[1], в котором он много поучает блюстись со всею строгостью от собеседований с женщинами. «Если какие собеседования, — говорится в Писании, — и растлевают добрые нравы (см.: 1 Кор. 15, 33), то именно беседы с женщинами, хотя бы и приличные, потому что они могут растлить тайным образом внутреннего человека, посредством дурных помыслов, и хотя бы тело оставалось в чистоте, душа будет осквернена. Поэтому преподобный Исидор обращается с советом к сему епископу, имевшему обыкновение в устных беседах наставлять женщин полезному, — и похвалявшемуся, что не ощущает в себе никаких вожделений. «Избегай, — пишет он, — сколько можешь собеседований с женщинами, добрый муж! Ибо имеющим на себе сан священства надлежит быть святее и чище поселившихся в горах и пустынях. Первые имеют попечение и о себе, и о народе, а последние — только о себе. Притом первые поставлены на высоте такой чести, что все разведывают и разбирают их жизнь, а последние живут в пещерах, или врачуя свои раны, или изучая свои недостатки, а иные и соплетая себе венцы. Если же вынужден будешь свидеться с женщинами, то склони очи долу, и тех, к кому пришел, поучай иметь целомудренные взоры.

---

[1] *Палладий Еленопольский* (368–430 гг.), ученик преподобного Дорофея, уроженец Галлии, в 388 году прибыл в Александрию, откуда потом удалился в близлежащую пустыню, где подвизался и преподобный Дорофей, и потом переселился в Вифлеем. В 399 году избран в епископа Еленопольского, в Вифинии, в Малой Азии. После того император Аркадий сослал его, как сторонника святого Иоанна Златоустого, в Верхний Египет, откуда в 408 году он перемещен в Антиною, а в 412 году возвращен на свою кафедру, в Еленополь. По просьбе каппадокийского префекта Лавса, в 420 году он составил собрание жизнеопнсаний святых и сказаний о них, которое в честь его назвал «Лавсаиком». Ввиду назидательности и поучительности этого сборника, церковным уставом полагаются чтения из него на утренях святой Четыредесятницы.

И после краткой беседы, достаточной для утверждения и просвещения их душ, тотчас быстро уходи, чтобы продолжительное свидание не расслабило и не расстроило твоих сил, и, овладев тобой, как грозным и величавым львом, не остригло гривы, которая льва действительно делает львом и охраняет царственное его достоинство. Если же хочешь быть в почтении у женщин (а об этом в особенности должен заботиться духовный муж), то не имей с ними содружества, и тогда ты будешь у них в почести. Ибо тогда это наипаче делается возможным, когда всего менее этого ищем. Человеку обычно пренебрегать теми, которые ему услуживают, а благоговеть пред теми, которые не льстят. Всего же более сему недугу подвержена женская природа. Женщина, когда ей льстят, несносна; а всего более благоговеет и приходит в изумление пред теми, которые ведут себя с нею свободно и повелительно. Но ты говоришь, что имеешь продолжительные беседы с женщинами и не терпишь никакого вреда. Пусть будет и так. Но всякому известно, что вода камни протачивает, и капли дождевые, непрестанно падающие на них, пробивают их. Рассуди, что мягче воды, или водяных капель? Однако их непрестанное действие преодолевает и естество. Если почти непреодолимое вещество преодолевается, — и от такой вещи, которая ничто по сравнению с ним, страждет и умаляется, то неужели воля человеческая, легко колеблемая, от продолжительного воздействия не будет побеждена и развращена?» Наставляя так епископа Палладия, преподобный Исидор поучает и нас всех целомудренной жизни, чтобы мы не только тело свое хранили от плотского грехопадения, но и душу блюли в чистоте от греховных мыслей.

Преподобный Исидор оставил в своих писаниях много наставлений о всяких добродетелях, и, в устных беседах научив всех сим добродетелям, достиг глубокой старости, и, благоугодив Богу, скончался в мире[1].

---

[1] Преподобный Исидор скончался около 436 года. Святой Исидор, по своим сочинениям, был один из великих отцов Церкви. Его сочинения состоят из писем. Число их простиралось, как пишут, до десяти тысяч, но ныне не превышает двух тысяч девяноста. Современники видели в святом Исидоре опытного *толкователя* Священного Писания и просили у него объяснений на те или другие изречения Писания. Желания современников Исидор выполнял в письмах. Число его писем такого содержания простиралось до 3000. Из известных ныне писем святого Иси-

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
НИКОЛАЯ
Исповедника, игумена Студийского

Преподобный отец наш Николай родился[1] на острове Крите[2], в селении, называемом Кидониею, откуда был родом и святой мученик Василид, пострадавший в числе десяти мучеников на острове Крите[3]. Родители блаженного Николая были христиане. В раннем детстве он был отдан обучаться слову Божию. Когда же отроку исполнилось десять лет и он уже достаточно навык в чтении священных книг, родители отослали его в Константинополь, к дяде его, блаженному Феофану, который был иноком в Студийской обители[4]. Феофан

дора большая часть заключают в себе изъяснения Священного Писания, где святой Исидор является лучшим учеником святого Иоанна Златоустого. *Догматических* писем у святого Исидора не очень много. Но, как и святой Иоанн Златоуст, был *наставником практическим*. «Практическая философия, по его словам, основание зданию и самое здание, логика — украшение, созерцание — венец». «Добродетель — стройность души».

[1] В 793 году.

[2] *Остров Крит* (иначе *Кандия)* находится в восточной части Средиземного моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицею островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на апостолов, ибо при сем были и критяне (см.: Деян. 2, 11). Затем оно было здесь утверждено и распространено апостолом Павлом, как это можно видеть из послания его к Титу, коего апостол поставил в Крите епископом (см.: Тит. 1, 5). В XVII веке остров Крит перешел во владение турок.

[3] Эти мученики пострадали при императоре Декии; память их празднуется 23 декабря.

[4] *Студийская обитель* — одна из древнейших и знаменитейших в Константинополе. Она построена (во имя святого Иоанна Крестителя) патрицием Студием, который при императоре Константине Великом переселился из Рима в Константинополь; от имени его и обитель получила свое наименование «Студийской». В этой обители иноки жили до царствования императора Копронима, соблюдая устав «Неусыпающих». (Эти иноки назывались «неусыпающими» потому, что, будучи разделены на три отделения, поддерживали постоянное богослужение в церкви.) Но злочестивый Копроним, возбудив иконоборством Церковь Божию,

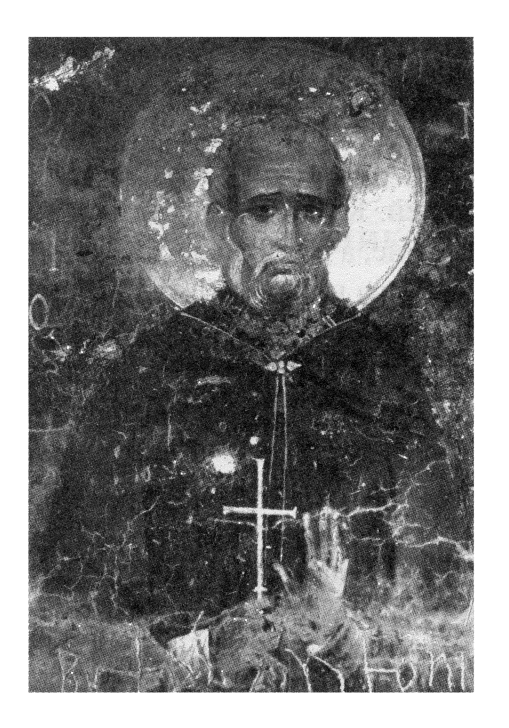
любезно принял своего племянника и отвел его к игумену Студийской обители, преподобному Феодору[1]. Преподобный Феодор, провидя, что отрок имеет быть избранным сосудом Божиим, благословил его и велел ему до времени оставаться вне монастыря, в особом здании, где помещалось училище для юношей. Когда же Николай пришел в возраст, игумен, видя его благоразумие, а равно кроткий и смиренный нрав, поместил его внутри монастыря и постриг в иноческий чин. После нескольких лет добродетельной жизни в монастыре игумен принудил Николая принять и священство. Сюда же в Студийскую обитель пришел к Николаю и родной его брат, по имени Тит. Он бежал с острова Крита после нападения на остров сарацин[2], и пришел к брату с печальною вестью, что родители их уведены в плен. Тит с великой скорбью и слезами передавал это известие брату. Николай, получив столь скорбную весть, хотя и болел сердцем о родителях, но старался утешить брата, увещевая его не скорбеть.

— Так угодно было Богу, — говорил он брату, — ибо без воли Его не падает и волос с головы (ср.: Мф. 10, 30; Лк. 12, 7). Он знает, что делать для пользы человека. Поэтому возложим на Него нашу печаль и промышление о наших родителях. Нам же нужно самим заботиться о

изгнал из Византии всех иноков, и Студийский монастырь опустел. После Копронима иноки снова стали жить при Студийской церкви, но — в небольшом количестве. Студийская обитель, во все время своего существования до падения Константинополя, пользовалась необыкновенной славой и преимуществами за услуги, оказанные ее неусыпающими и бесстрашными иноками государству и Церкви, особенно во времена иконоборчества, когда иноки Студийские показали себя бесстрашными воинами Христовыми. Знаменитая в продолжение многих веков, Студийская обитель в настоящее время представляет развалины: сама обитель обращена в магометанский скит, а храм — в магометанскую мечеть.

[1] *Преподобный Феодор Студит* — знаменитый настоятель Студийской обители, ревностно боролся за иконопочитание, за что претерпел множество гонений и истязаний. Он оставил после себя много сочинений аскетическо-назидательного и догматического содержания. Кроме того, святой Феодор писал для церковного употребления каноны и трипеснцы со стихирами, вошедшие в состав Постной Триоди. Он также издал наставления для Студийских иноков, как каждый должен выполнить повеленное, начиная с самого настоятеля. Память святого Феодора Студита 11 ноября.

[2] *Сарацины* — жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а затем христианские писатели перенесли это название на всех арабов и мусульман вообще.



том, чтобы не быть плененными похотью плотскою и прелестями века этого и чтобы рука невидимых врагов не отвела нас в землю тьмы и мрака непросветного.

Тит умилился и утешился этими словами брата и, по настоянию его, был пострижен и сам сделался добрым иноком.

В то время Церковь Христова, управляемая добрыми пастырями, пребывала в мире и тишине, но спокойствие ее внезапно было нарушено бурею возмущения, произведенного еретиками-иконоборцами, во главе которых стал злочестивый царь Лев Армянин[1]. Лев Армянин был патрицием[2] в царствование благочестивого царя Михаила, прозванного Рангавом[3], но хитростию сместил Михаила с престола, заняв его сам. Для этой цели он воспользовался войною греков с болгарами. Царь, отправляясь на войну, начальником над восточными отрядами своего войска поставил Льва, не подозревая, что тот домогается обманом свергнуть его с престола. Когда произошла битва, греки начали побеждать и болгары готовы были обратиться в бегство. Но Лев, условившись заранее со своими, им же самим подкупленными, военачальниками, внезапно обратил свои отряды в бегство, хотя их никто не преследовал. Болгары, видя беспричинное отступление греков, сначала подозревали со стороны их обман, но потом, увидев, что греки не останавливаются в бегстве, ободрились и, выступив на них, долго преследовали их, уничтожив большое количество

---

[1] *Лев V Армянин* — Византийский император — иконоборец, царствовал с 813 по 820 год.

[2] *Патрициями* назывались в Римской и Восточной, Византийской империи лица высшего сословия, соответствующего нашему родовитому дворянству.

[3] *Михаил I Рангав* — император Византийский — царствовал с 811 по 813 год.

греческих воинов, так что царь Михаил потерпел полное поражение. Лев достиг своей цели, ибо войско и народ сочли царя трусливым и малодушным, не умеющим вести битву. Он поспешил воспользоваться таким настроением народа и войска против царя. Михаил после поражения вернулся в Константинополь. Лев же, оставшись с войсками в Вифинии[1] для охраны границы, тотчас приступил к исполнению своего давно задуманного злого намерения против царя. Он распустил слух, что греки понесли поражение по причине лишь малодушия и совершенной неопытности царя в военном деле. Этим он возбудил против Михаила все свое войско, которое отказалось признавать Михаила царем и провозгласило царем самого Льва. Когда слух о таком поступке Льва дошел до Михаила, то царь, несмотря на советы окружающих, отказался противодействовать ему, говоря, что он не желает, чтобы ради него была пролита хотя бы одна капля христианской крови в междоусобной войне. Тайно от других послал он Льву царскую корону и порфиру, причем сказал ему: «Я уступаю тебе царство, приходи в Царьград безбоязненно, и царствуй».

Но Лев весьма жестоко поступил с Михаилом, столь смиренно уступившим ему царствование. С великою пышностию вступив в Константинополь, он тотчас заточил Михаила и супругу его на один из островов; двоих же сыновей его — Феофилакта и Игнатия — приказал оскопить.

Спустя некоторое время по воцарении нечестивый Лев восстал и на Самого Христа Бога и на Его святую Церковь. Он созвал нечестивое соборище против иконопочитания, и приказал выбросить святые иконы из храмов Божиих. Святейший патриарх Никифор[2] с собором благочестивых архиереев и архимандритов и всех богодухновенных отцов противостал такому злочестию царя, увещевая его не озлоблять и не смущать ересью Церковь Христову.

---

[1] *Вифиния* — северо-западная провинция Малой Азии, расположенная по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. В XIV веке Вифиния подчинена была туркам, под властью которых находится и теперь.

[2] *Святой Никифор (Исповедник)* управлял патриаршей кафедрой с 806 по 815 год; пробыл в заточении тринадцать лет, до самой кончины, последовавшей в 828 году. Оставил после себя сочинения исторические, догматические и канонические. Память его 2 июня и 13 марта (обретение мощей).

Но нечестивый царь всех с бесчестием выгнал из палат, где происходило благочестивое собрание, и разослал в заточение в различные страны.

Святому Феодору Студийскому с учеником его, блаженным Николаем, пришлось особенно много пострадать от руки злочестивого Льва, так как они особенно сильно и смело противодействовали злочестию царя. Сначала они оба вместе были сосланы царем в местность близ озера Аполлониадского, в крепость Метопу[1]. Оставаясь здесь в темничном заключении целый год, они все-таки продолжали проповедовать истинное учение о почитании святых икон и успели многих отвратить от ереси. Услыхав об этом, царь отослал их в восточные страны, в местечко Вонита[2]. Здесь они опять были заключены в темницу, где, по приказу царя, держали их под самым строгим надзором, так что вход к ним никому не был доступен и они ни с кем не могли беседовать. Но исповедники, не имея возможности устно поучать людей благочестию, проповедовали свое учение письменно. Они посылали из темницы к верующим свои послания и, таким образом, как бы громогласными трубами, разрушали еретические учения, как стены иерихонские, исправляя и восстановляя разрушаемые еретиками догматы благочестия. Узнав об этом, царь послал жестокого воина, по имени Анастасия, с целью наказания их. Анастасий, прибыв на место, подверг исповедников жестокому истязанию, нанеся им посредством побоев ужасные раны, от которых тело их разрывалось на части. Отправляясь обратно, мучитель опять запер блаженных в темницу, закрыв совершенно к ним вход, и приказал морить их голодом. Страшные муки пришлось испытать святым узникам, как от ужасных ран, так вместе и от голода и жажды, ибо стража подавала им хлеба и воды в самом малом количестве, — и то только через три, четыре дня, а иногда и через семь дней, причем бросала пищу им через окно с ругательством и издевательством. В этом заключении узники пробыли три года. Но не успели еще надлежащим образом закрыться раны на теле узников, как им пришлось испытать еще более ужасное мучение от нового

---

[1] Это озеро расположено около *Аполлонии* — древнего города в Иллирии. *Мезопа* или *Метопа* — крепость Аполлонии.

[2] *Вонита* или Бонит — в Анатолии, иначе Малой Азии.

мучителя, присланного царем. Сей посол пришел для разыскания о письме, перехваченном и доставленном царю. Письмо было написано к православным от лица Феодора рукою блаженного Николая. Послание это заключало в себе самое строгое обличение царского злочестия и душепагубной иконоборческой ереси и вместе содержало в себе прекрасное поучительное наставление в благочестии. Посол вызвал узников из темницы, показал им письмо и спросил, признают ли они его своим, на что исповедники открыто отвечали, что преподобный Феодор излагал устами, а блаженный Николай писал его своею рукою. Тогда разгневанный посол приступил к истязанию узников. Сначала он приступил к блаженному Николаю. По приказанию мучителя, с Николая сорвали одежды и, обнажив его, распростерли на земле и били продолжительное время. Оставив избитого полумертвого Николая, он начал истязать Феодора, которого били по телу, едва не сокрушив костей. Оставив полуживым Феодора, мучитель снова обратился к Николаю, желая ласкою склонить его к единомыслию с царем. Но блаженный не внял его словам и не склонился на его ласкательство, оставаясь непоколебимым в благочестии. Придя в сильнейший гнев, мучитель приказал истязать Николая самым жестоким образом. Его долгое время били по всему телу и, причинив ему многочисленные раны, оставили на всю ночь нагим, распростертым на земле; время же было зимнее, холодное, ибо был февраль месяц. Но блаженный все муки терпел, благодаря Господа. После этого мучитель опять заключил обоих исповедников в темницу и, закрыв к ним вход, возвратился к царю. Преподобные же отцы испытывали ужасные страдания от многочисленных, причиненных им, ран, ибо язвы на теле их проникали до костей, а кожа была так истерзана, что висела на них как рубище. Вид истерзанных страдальцев был столь ужасен, что возбуждал сострадание даже в грубых сердцах воинов, составлявших стражу их. Из жалости воины подавали им теплую воду и масло. Страдальцы омывали омоченною в воде губою свои раны и помазывали их маслом, отчего раны их понемногу стали закрываться; кожу же, висевшую и не прираставшую к телу, они отрезали небольшим ножом.

Но вот прошло девяносто дней, как блаженные томились в темнице, и еще следы от ужасных ран оставались на их теле, как злоче-

стивый царь вызвал их в смирнские пределы[1] и там, опять немилосердно истязав их, приказал заключить в темницу, забив им ноги в колодки. Здесь блаженные томились в течение двадцати месяцев, среди скорбей и утеснений. И Бог услышал рабов Своих, вопиющих к Нему день и ночь, и, промышляя о заключенных, благоизволил, дабы злочестивый царь погиб: Лев был убит своими воинами в храме.

По смерти Льва скипетр греческого царства принял Михаил, называвшийся Валвос[2]. Этот царь, хотя сам склонялся на сторону иконоборцев, однако не преследовал верующих за почитание святых икон и позволял веровать каждому, кто как желает. Он даже издал повеление освободить всех, кто был заключен в темницы за иконопочитание. В это время блаженный Николай с великим Феодором, выпущенные из темницы, прибыли в Халкидон[3] к патриарху Никифору, находившемуся здесь в заточении. Блаженный Никифор был весьма утешен их пришествием и, видя на теле их страдальческие раны, почитал их наравне со святыми мучениками. Пробыв в Халкидоне некоторое время, они, вместе с патриархом Никифором, отправились в Царьград, с целью убедить самого царя оставить иконоборчество и склонить его к благочестию. Но святые исповедники благочестия не имели успеха в своем благом деле, ибо царь, по своему глубокому невежеству, не внял их увещаниям и не склонился к почитанию святых икон, хотя по-прежнему другим не возбранял поклоняться им. Впрочем, не воспрещая в окрестностях и в предградии ставить святые иконы, царь строго воспретил делать это в самом царствующем граде. По этой причине святые отцы Феодор и Николай, простившись с патриархом, оставили Царьград, дабы иметь возможность свободно сохранять свое благочестие, в соединении с почитанием святых икон.

---

[1] Это было в 819 году. *Смирна* — древний знаменитый торговый город на западном берегу Малой Азии; в настоящее время представляет собой один из самых цветущих городов Малой Азии, с населением свыше 120 000 жителей.

[2] *Михаил II Травлий* (или *Валвос, Балба),* то есть косноязычный, царствовал с 820 по 829 год.

[3] *Халкидон* — главный город Вифинии, на северо-западном берегу Малой Азии, на южном конце Константинопольского пролива, против Константинополя. Халкидон известен в истории Церкви тем, что в нем происходил IV Вселенский собор (451 г.).

Они поселились в Акрите[1], близ храма святого мученика Трифона. Здесь святой Феодор, спустя некоторое время, окончил свое земное поприще и в мире преставился Богу[2]. Блаженный же Николай, оставшись при гробе своего духовного отца, проводил житие свое в иноческих подвигах.

После смерти Михаила, воцарился сын его Феофил[3]. Сей царь был ревностным иконоборцем и со всею жестокостию начал преследование верующих за почитание святых икон. Опять верующие стали терпеть гонения и мучения от иконоборцев. В это время много пострадали два брата по плоти и по духу, преподобные отцы Феодор и Феофан «Начертанные»[4]. Тогда и блаженный Николай оставил местопребывание при гробе духовного отца своего Феодора и скитался, переходя с места на место, пока не умер царь-иконоборец Феофил.

По смерти Феофила царская власть перешла к супруге его, благочестивой царице Феодоре, которая правила государством совместно с сыном своим Михаилом[5]. В Церкви Христовой, управляемой в Царьграде патриархом святым Мефодием[6], наступила опять тишина, и снова воссияло благочестие. Тогда и блаженный Николай пришел в Студийскую обитель. Здесь, по смерти Навкратия исповедника[7], при патриархе святом Игнатии[8], бывшем вслед за святым

---

[1] *Акрит* — мыс в Вифинии, близ Никомидии, против Константинополя.

[2] Преподобный Феодор Студит скончался 67 лет 11 ноября 826 года.

[3] *Император Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[4] *Феофан и Феодор*, иноки Иерусалимской лавры святого Саввы, прибыв в Константинополь при Льве Армянине, были заточены за обличение ереси иконоборцев; при Феофиле же иконоборце на их лицах была выжжена надпись, свидетельствовавшая об их поклонении святым иконам, от чего они и называются «Начертанными». После этого они сосланы в заточение: Феодор в темнице отошел к вечному упокоению около 840 года, Феофан же освобожден при царице Феодоре и поставлен митрополитом Никейским. Память святого Феодора — 24 декабря, а святого Феофана — 11 октября.

[5] *Император Михаил III* (с 842 по 867 год) вступил на престол четырех лет, а потому государством до 855 года управляла мать его, *святая царица Феодора.*

[6] *Святой Мефодий* был патриархом Цареградским с 842 по 846 год. Память святого Мефодия совершается 14 июня.

[7] *Навкратий Студит*, исповедник, скончался 18 апреля 848 года. В греческой церкви память его воспоминается 8 июня.

[8] *Святой Игнатий* был патриархом с 847 по 867 год. Память его — 23 октября.

Мефодием, он был поставлен игуменом. Спустя три года блаженный Николай, предоставив игуменство свое блаженному Софронию, мужу добродетельному, сам удалился в уединение, где пребывал в безмолвии. Но, по истечении четырех лет, как только Софроний преставился ко Господу[1], братия пришли к преподобному Николаю и после многих просьб убедили его опять принять игуменство. После этого блаженный Николай игуменствовал несколько лет.

Между тем царь Михаил, возмужав, стал весьма развратен нравом. По совету дяди своего, брата матери, по имени Варды, он изгнал мать свою, блаженную Феодору, из царских палат и принудил ее постричься в одной из женских обителей, а сам пригласил к совместному царствованию дядю Варду. Такой поступок царя с матерью возбудил сильное волнение в народе. Соблазн был еще сильнее, что и соправитель царя — Варда позволил себе страшное беззаконие, оставив жену свою и взяв вместо нее жену своего сына. Святейший патриарх Игнатий, желая исправить такое развращение царей и прекратить беззаконие Варды, непрестанно увещевал их, но без всякого успеха. Однажды царь Варда явился в праздничный день с намерением причаститься Пречистых Таин; патриарх же не только не позволил ему причаститься, но пред всем народом изобличил в беззаконии и отлучил от Церкви. Варда воспылал сильнейшею злобою на патриарха и возбудил против него и Михаила: оба царя, согласившись, лишили патриарха престола, сослав его в изгнание, а вместо него поставили патриархом Фотия асинкрита[2]. Видя такое нестроение в церкви, блаженный Николай покинул монастырь свой и, взяв брата своего, ушел с ним в одно монастырское селение, на острове Прикониссе[3], и там проводил жизнь в безмолвии, не желая ничего слышать о беззаконии царей. Но здесь он недолго прожил, будучи изгнан отсюда. Однажды оба царя плыли на корабле мимо того места, где имел свое пребывание святой. Зная, что Николай, как муж добродетельный, пользуется большою славою у людей, они свернули

---

[1] *Софроний* был игуменом Студийской обители с 851 по 854 год.

[2] *Святой Фотий* патриаршествовал с 857 по 867 год. (*Асинкрит* — приближенный к царю придворный чин).

[3] Этот остров находится около Кизика — города в северо-западной части Малой Азии, на южном берегу Мраморного моря.

к нему, дабы ласкательством склонить его к единомыслию с собою, чтобы он подтвердил своими словами справедливость изгнания патриарха, а равно признал бы и беззаконный брак Варды. Но он не только не одобрил их злодеяний, но и предрек им, что они погибнут внезапною и злою смертию, если не раскаются в своих злых делах, что и исполнилось впоследствии. Услышав это от святого, цари озлобились на него и изгнали его оттуда, а игуменом Студийской обители, по их повелению, был поставлен другой. И вот блаженный Николай опять в свои старческие годы принужден был скитаться с места на место[1]. Но и после этого беззаконные цари не оставили его в покое. По их повелению, он опять был взят и в узах приведен в монастырь, где томился в темнице в течение двух лет[2], пока оба царя действительно не погибли злою смертию: Варда был убит слугами Михаила во время ссоры между царями, когда они были в походе против сарацын на острове Крите, а Михаил был убит своими домашними в своем дворце.

После Михаила царский престол занял благочестивый Василий[3]. Он тотчас возвратил на патриарший престол Игнатия[4], а блаженный Николай был освобожден из темницы. Царь призвал его к себе и убеждал его опять принять в управление свой монастырь. Николай, по старости лет, сильно не желал этого, и только по настоятельной просьбе царя согласился принять управление монастырем. Царь часто призывал святого к себе, беседовал с ним, поучаясь добродетельной жизни от его наставлений, и воздавал святому большую почесть.

Бог даровал Своему угоднику дар исцелять недуги в людях. Супругу царя Евдокию постигла тяжкая болезнь, так что она, не получая никакой помощи от врачей и совершенно отчаявшись в своем исцелении, ожидала близкой кончины. Но вот однажды, забывшись во сне, она увидела старца в иноческом одеянии, сиявшего светом славы. Приблизившись к ней, старец сказал:

— Уповай на Бога, ибо ты не умрешь ныне, но получишь исцеление и будешь здрава.

---

[1] Был он в это время и в Митилене (на острове Лесбосе) и на полуострове Херсонесе.

[2] При игумене Студийском Савве.

[3] *Василий I Македонянин* царствовал с 867 по 886 год.

[4] *Святой Игнатий* был вторично патриархом с 867 по 877 год.

Проснувшись, она тотчас рассказала виденное во сне мужу и умоляла его призвать к ней из всех монастырей старцев, известных своею добродетельною жизнию. Вместе с другими старцами, приглашенными в палату к царице, явился и блаженный Николай, лицо которого сияло светом, как у Моисея[1]. Царица узнала в нем старца, виденного ею во сне, и, вставши, поклонилась ему, и тотчас сделалась совершенно здоровою.

Так же тяжко заболела другая женщина, по имени Елена, жена патриция Мануила. Она была близка к смерти, и родственники приготовили уже для нее погребальные одежды; но блаженный Николай, придя поспешно к ней в дом, перекрестил рукою своею главу ее и все тело, и умирающая встала от одра болезни, совершенно исцелев от тяжкого недуга. Заболел тяжко и сам супруг ее Мануил. Отчаявшись в выздоровлении, ибо врачи не оказали никакой помощи, Мануил ожидал приближения смерти. Перед смертью он пожелал принять иноческий чин; с просьбою о пострижении он обратился к блаженному Николаю. Но Николай на этот раз отказался исполнить его желание и предрек ему, что Бог исцелит его, и что он будет занимать высшее положение при дворе, проходя должным образом свое служение, и потом уже, приняв пострижение в иноческий чин, отойдет в другой мир с добрыми делами. Предсказание его сбылось. Мануил вскоре выздоровел, занимал высшие саны при дворе и потом уже под конец жизни, сильно разболевшись, будучи пострижен блаженным Николаем, отошел к Богу в иноческом чине.

Другой патриций, по имени Феофил Мелиссен, со своею супругою были в большой скорби, потому что все дети их, после рождения, внезапно умирали. Когда однажды родилась у них дочь, они принесли новорожденную к святому и просили его быть восприемником ее от купели, веруя, что молитвы святого спасут ее от смерти. Блаженный отказался быть восприемником, но, возложив на младенца руку, помолился Богу и сказал патрицию:

— Дух Святой говорит: жива будет дочь ваша, и вы увидите сынов сыновей ее.

---

[1] *Святой пророк Моисей*, после созерцания славы Божией на горе Синае, сподобился особенного сияния на лице своем (Исх. 32, 30–33; 2 Кор. 3, 13). Память святого пророка Моисея — 6 сентября.

И все сбылось по его предречению: дочь их возросла в полном здоровье и, будучи красивою девицею, вскоре была отдана в замужество и имела добрых детей.

Под конец своей жизни блаженный Николай разболелся.

Когда все братия окружали его одр, блаженный обратился к инокам с вопросом:

— Скажите, братия, в чем вы в настоящее время имеете недостаток?

Они, удивившись такому вопросу, отвечали:

— Не имеем жита.

Блаженный сказал им на это:

— Бог, питавший Израиля в пустыне, не оставит и вас: в третий день, по моей кончине, Он в изобилии даст вам пшеницы.

Поставив игуменом Климента, бывшего экономом, преподобный Николай с миром почил в четвертый день февраля, прожив семьдесят пять лет, и был погребен с честью[1]. На третий же день, как предрек святой, в монастырь прибыл корабль с пшеницею, присланный царем Василием. Климент с радостию принял дар царя и сказал инокам:

— Вот, отцы и братия, преподобный отец наш Николай исполнил свое обещание, прислав нам в изобилии пшеницы.

В том же монастыре был инок, по имени Антоний, много лет страдавший болезнию кровотечения. Потеряв надежду на врачей, он был близок к смерти. Игумен велел ему занять хижину преподобного отца Николая, в которой бы он и оставался до смерти. И вот, когда Антоний, войдя в хижину ту, лег и забылся во сне, ему явился преподобный Николай и спросил:

— Чадо Антоний, чем ты болеешь?

Он назвал ему свою болезнь. Преподобный сказал:

— Не бойся, от этого времени ты будешь здрав.

Быстро пробудившись, Антоний не во сне, а уже наяву увидел преподобного выходящим из хижины, в которой осталось сильное благоухание. Он тотчас почувствовал исцеление и встал здоровым. После этого Антоний жил четырнадцать лет и не имел никакой болезни по молитвам преподобного Николая. Предстательством его да

---

[1] Святой Николай скончался 4 февраля 868 года.

избавимся и мы от всяких болезней, душевных и телесных, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **КИРИЛЛА**, Новоезерского чудотворца

Преподобный Кирилл родился от благочестивых и богатых родителей в городе Галиче[1]. Еще будучи отроком, Кирилл почувствовал непреодолимое желание быть иноком. Тайно оставив родительский дом, Кирилл ушел из Галича на реку Обнору[2], в обитель преподобного Корнилия[3], о которой слышал от своих родителей[4]. На пути туда Кирилл увидел старца, украшенного сединами. На вопрос старца, куда идет он, Кирилл отвечал, что идет к обители преподобного Корнилия. Одобрив его намерение, старец велел ему идти туда вместе с собой. На другой день они подошли вдвоем к обители преподобного Корнилия. Не доходя немного до обители, старец, дав наставление отроку, долгое время молился о нем и затем, показывая рукою на обитель, сказал:

— Иди, чадо, к блаженному Корнилию, а я буду просить блаженного Корнилия принять тебя в иноки.

После того старец благословил отрока и стал невидим. Оглядываясь вокруг и не видя старца, Кирилл уразумел, что то было Божие посещение, и возблагодарил об этом Бога. Придя затем в монастырь, отрок со слезами умолял преподобного Корнилия принять его иноком в свою обитель. Предвидя в нем избранный сосуд Святого Духа, Корнилий принял его с любовию и постриг в иноческий

---

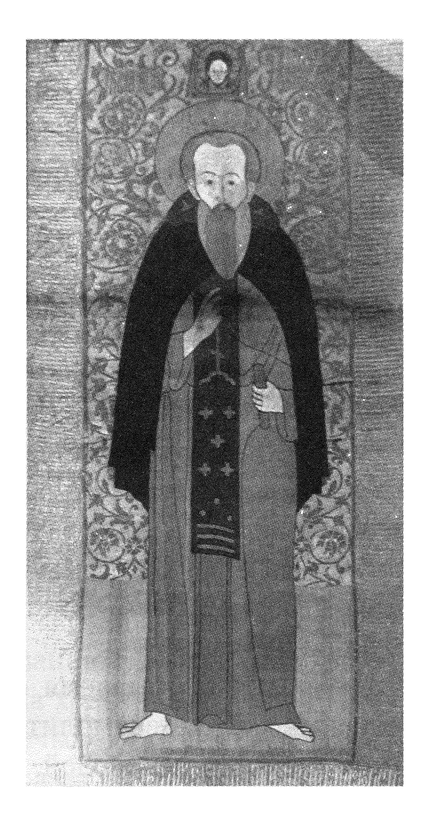
[1] Ныне уездный город Костромской губернии на низменном юго-восточном берегу Галичского озера.

[2] *Обнора* протекает по Вологодской и Ярославской губерниям и впадает в реку Кострому.

[3] *Преподобный Корнилий* основал монастырь в Вологодском Комельском лесу, в пяти верстах от города Грязовца. Монастырь этот известен под именем Корнилиева Комельского Введенского. Святой Корнилий скончался 19 мая в 1537 году; там почивают и святые мощи его. Память его — 19 мая.

[4] Обитель эта находилась от города Галича в восьмидесяти верстах.

чин[1]. Молодой инок весь предал себя Богу и с горячею любовию начал совершать подвиги иноческого жития.



Родители Кирилла долго искали его всюду и, не найдя нигде, плакали о лишении сына. Через несколько лет родители узнали, что Кирилл пребывает в обители Корнилиевой. На двенадцатый год пребывания там Кирилла отец его пришел туда и постригся с именем Варсонофия, а через некоторое время получено известие о матери Кирилла, что и она, пожив добродетельно и благочестиво, также скончалась в иночестве с именем Елены. Отец Кирилла, прожив в обители три года в посте и молитвах, преставился ко Господу.

По кончине родителей преподобный Кирилл стал подвизаться еще усерднее, прилагая труды к трудам, работая и в поварне, и в пекарне и обходя все монастырские службы.

Стремясь к высшему совершенству, преподобный Кирилл решился вести жизнь отшельническую в глуши лесов. По благословению святого Корнилия, отправился он на север ходить по пустыням; пищу его составляли то разные травы и коренья, то кора сосновая; чаще приходилось ему видеть зверей, чем людей. Оттуда приходил он по временам в пределы Новгородские и Псковские и там поклонялся святым местам, молясь Господу, да укажет ему место для постоянного пребывания.

По небесному указанию, блаженный Кирилл отправился оттуда к Белуозеру[2], а затем пошел к Тихвинскому монастырю[3], во имя

---

[1] Кириллу тогда было около двадцати лет.

[2] *Белоозеро* находится в Новгородской губернии, на границе Кирилловского и Белозерского уездов.

[3] *Тихвинский Богородице-Успенский монастырь* находится в городе Тихвине Новгородской губернии. Основан на месте явления иконы Божией Матери, известной под именем *Тихвинской*.

Пресвятой Богородицы, где три дня молился Богу и Пречистой Его Матери. Во сне явилась ему Богородица и велела идти к Новому озеру. С Кобылиной горы преподобный увидел посреди озера Красный остров, поросший лесом. На этом острове увидел Кирилл огненный столп на том месте, где ныне стоит монастырь, из чего он понял, что то место указано ему Богом и Пречистой Богородицей.

Прибыв на тот остров, преподобный поселился там под высокою елью, устроив из ветвей ее хижину себе. Здесь явился ему во сне Ангел Господень и сказал, что это место уготовано ему Господом. Пробудившись от сна, блаженный пошел по тому острову и увидел около своей хижины следы от ног человеческих. По этим следам он дошел до селения Шиднем, и у крестьян этой деревни просил разрешения поселиться на том острове; получив просимое, он построил себе там келию. На следующий год он построил здесь две малые церкви: одну во имя Воскресения Христова, а другую — во имя Пречистой Богородицы Одигитрии.

Во время пребывания своего на острове преподобный усердно подвизался в посте и молитвах, претерпевая многие напасти и скорби от бесов и от злых людей. С течением времени вокруг Кирилла собралось много братии и на Красном острове основалась обитель, известная под именем Новоезерской[1].

Достигнув глубокой старости преподобный Кирилл был награжден от Господа даром прозорливости и чудес. Пред кончиною своею преподобный предрек о бедствиях, готовившихся для Российской земли.

— Будет, — говорил он, — на нашей земле мятеж между людьми и беды великие, прольется сильный гнев Божий, падут от меча многие, а другие будут отведены в плен.

Когда же к нему подошел ученик его Дионисий и начал спрашивать преподобного: «Скажи нам, отче, а потом что будет?», преподобный отвечал ему:

— Вслед за этим я видел Царя, седящего на престоле, и пред Ним двух юношей, имеющих на головах своих венцы царские. И дал Гос-

---

[1] *Кириллов-Новоезерский монастырь* находится на Красном острове Нового озера в 30 верстах от города Белозерска, Новгородской губернии. В монастырской ризнице есть крест напрестольный, писанный, как гласит предание, на древе гробовой доски преподобного Кирилла.

подь им в руки оружие на врагов, — и все царства земные поклонятся Сидящему на престоле, и наше царство будет умирено и устроено Богом. Вы же, отцы и братия, — прибавил преподобный, — молитесь со слезами Богу и Пречистой Его Матери о державе Российского царства.

Причастившись Святых Таин и оградив себя крестным знамением, святой Кирилл предал Господу дух свой, 4 февраля 1532 года, и погребен в основанной им обители[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **АВРАМИЯ**, епископа Арвильского[2]

Святой Аврамий схвачен был по приказанию начальника волхвов[3] в пятый год гонения, воздвигнутого на христиан в Персии[4]. Начальник волхвов принуждал святого отречься от Христа и поклониться солнцу[5], но блаженный Аврамий сказал ему:

— Жалкий нечестивец! К чему ты утруждаешь себя, повелевая мне совершить такое непотребное дело? Какое безумие — оставить Творца и поклоняться твари! Глупец! Разве солнце не есть творение Бога моего?

---

[1] *Мощи преподобного Кирилла* обретены были нетленными в 1649 году при основании нового храма, строившегося по обету спасенного от бед боярина Морозова. По определению собора, они освидетельствованы были Вологодским архиепископом Маркеллом; а в 1652 году 22 августа перенесены были в раке в новый храм, где и ныне почивают, источая чудеса. Обретение мощей святого Кирилла воспоминается 7 ноября.

[2] Город *Арвил* или *Арбела* находился в пределах древнего Ассирийского царства, на восток от р. Тибра в верховьях его.

[3] *Волхвы* или *маги* были у персов и жрецами, и хранителями религиозных обрядов.

[4] Это гонение было воздвигнуто царем Сапором II после того, как у персов началась война с римлянами, около 343 года. Причиной гонения было то, что в христианах Сапор видел тайных союзников римлян. Пятый год гонения падает на время около 348–352 годов.

[5] Персы поклонялись огню и солнцу. Последнее, под именем Миеры, было у них верховным божеством.

Эти слова привели в страшный гнев нечестивого мучителя, и он немедленно же повелел раздеть святого, разложить на земле и бить по всему телу суковатыми палками. Святой Аврамий мужественно переносил страдания и молился за своих мучителей, говоря:

— Господи, не вмени им греха этого, ибо они не знают, что делают.

Видя это, начальник волхвов повелел отсечь святому голову мечом. Мученическую кончину священномученик Аврамий принял в селении, называемом Фелман.

В тот же день память **святого мученика Иадора**, пострадавшего при императоре Декии.

ВОСПОМИНАНИЕ
О НЕКОЕМ БОГОБОЯЗНЕННОМ ОТШЕЛЬНИКЕ

В сей день воспоминается о некоем богобоязненном и благочестивом отшельнике, который жил в пустынной горе, находившейся в пределах египетского города Антинои[1]; многие из приходивших к нему получали назидание от его бесед и добрых дел. Враг рода человеческого позавидовал добродетельной жизни отшельника и, пользуясь его богобоязненностью, внушил ему такую мысль: «не подобает, чтобы тебе работали или служили другие, ибо ты не только недостоин, чтобы кто-нибудь служил тебе, но и сам недостоин служить кому-нибудь, а поэтому работай только для себя. Итак, иди в город и продай корзины, которые ты делаешь, купи все необходимое для себя и уходи отсюда, чтобы не быть в тяжесть другим». Диавол вложил этот помысл в ум отшельнику потому, что завидовал его безмолвию и подвигам, от которых и другие получали большую духовную пользу, ибо враг рода человеческого старается всех уловить в свои сети. И вот, всеми уважаемый и прославляемый за свою добродетельную жизнь, отшельник, вняв этому злому совету, как бы благому, вышел из своей

[1] *Антиноя* — довольно значительный в древности город в Среднем Египте.

келии, не уразумев хитрых козней диавольских. Чрез некоторое время отшельник встретил женщину и после продолжительной беседы с нею от душевного невнимания своего был увлечен похотью. Придя затем, под внушением диавола, в одно уединенное место к реке, он уразумел, наконец, что впал в согрешение на радость своему врагу — диаволу. В отчаянии, что он опечалил Духа Святого, Ангелов и святых отцов, из которых многие, живя в городах, побеждали диавола, отшельник намеревался броситься в речную быстрину, забыв, что Господь всегда готов прийти на помощь всем уповающим на Него и желающим исцелиться от своих согрешений. От такой духовной скорби отшельник изнемог телом, к великой радости диавола. И если бы Всемилосердый Бог не пришел ему на помощь, то он умер бы без покаяния, на радость бесам. Придя затем в себя, инок стал раздумывать, какой бы труднейший воспринять на себя подвиг покаяния и христианского терпения и умилостивить Бога — слезами и сердечным сокрушением. И вот он опять пришел в свою келию и, заградив вход в нее, стал молиться Богу и оплакивать свой грех, проливая над собою слезы, как бы над мертвецом, в то же время постясь, скорбя и подвергая измождению свою плоть; но и всем этим он не надеялся загладить свой тяжкий грех.

Когда же братия, по обычаю, приходили к нему ради душевной пользы и стучались в его дверь, то он отвечал им:

— Не могу отворить вам, ибо я дал обет целый год так каяться; вы же молитесь о мне недостойном.

Так отвечал им отшельник, не находя, что сказать им, боясь соблазнить их, если скажет им о своем грехопадении, ибо он всем известен был, как строгий и искусный инок. Так он провел весь год, строго постясь и каясь в своем согрешении.

Когда же приблизился праздник Пасхи, то отшельник, в самую ночь перед Воскресением Христовым, взял новый светильник, налил в него елея и, положив его в новый сосуд, покрыл и стал с вечера на молитву и говорил:

— Щедрый и милостивый Господь, хотящий и язычников спасти и в разум истины им прийти! К Тебе прибегаю, Спасу душ наших: помилуй меня, сильно прогневавшего Тебя и сделавшего многое на радость врагу, так что теперь, послушав врага, я стал как бы мертвецом. Но Ты, Господи, милующий нечестивых и немилостивых и поучаю-

щий ближнего миловать, помилуй и ущедри мое окаянство, ибо Тебе Всемилосердому все возможно. Сотвори милость мне, ибо Ты благ и милостив к Твоему созданию и даже истлевшие тела хочешь восставить в день Воскресения. Услышь меня, Господи, ибо уныл во мне дух мой и окаянная душа моя истаяла и изнемогло тело мое, которое я осквернил; я и жить не могу, ибо недостоин того. Ныне же с покаянием прибегаю к Тебе и молю прощения моим согрешениям. Я сугубо согрешил, ибо и пал, и отчаялся; но оживи меня сокрушенного и повели сему светильнику возжечься от Твоего огня, дабы отсюда я уразумел, что Ты, превеликий в щедротах, даруешь прощение моим согрешениям. Все остальное время жизни моей, которое Ты, Господи, мне даруешь, я пребуду в страхе Твоем, соблюдая Твои заповеди.

Так молясь в ночь Воскресения Христова со многими слезами, отшельник встал посмотреть, не возжегся ли светильник, и, открыв сосуд, увидал, что светильник не возжегся. Тогда он снова пал на лицо свое и молил Господа, говоря:

— Знаю, Господи, что мне надлежало увенчаться подвигом добрым, но я не внимал заповедям Твоим, будучи увлекаем плотскою похотью, и за это должен подвергнуться мучению вместе с нечестивыми; но пощади, Господи, меня, согрешившего Тебе и исповедующегося в моем согрешении пред всеми Ангелами и праведниками. И если бы люди не соблазнились, то я пред всем миром исповедал бы мое согрешение. Помилуй меня, Господи, кающегося в грехопадении моем, оживи меня, дабы и других я мог наставить.

Так помолившись троекратно, он был услышан. Встав после молитвы, отшельник увидел, что светильник светло горит, и сильно возрадовался тому и укрепился добрым упованием на Бога. И дивился он столь великой благодати Божией и человеколюбию Господа, и возвеселился духом, что Бог простил ему согрешения и услышал его смиренное моление, и говорил:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты в этой временной жизни помиловал меня, недостойного, великим и новым сим знамением подав мне дерзновение к Тебе: ибо Ты с милосердием прощаешь душам, созданным Тобою.

Когда он возносил это благодарение к Богу, воссиял день, и отшельник веселился о Господе и от радости забыл в тот день и о пище телесной. Огонь же того светильника он хранил во всю остальную

жизнь свою, подливая в него елей, чтобы огонь не погас. И опять пребывал с ним Дух Божий, опять о нем все узнали и получали от него назидания. Когда же он приблизился к своей кончине, то за несколько дней до скончания узнал час своей смерти и почил в мире, предав душу свою в руки Божии.

В тот же день память **святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича**[1].



[1] Умерщвлен в битве с татарами на реке Сити 4 марта 1238 года. Святые мощи его почивают во Владимирском кафедральном соборе.



День пятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АГАФИИ

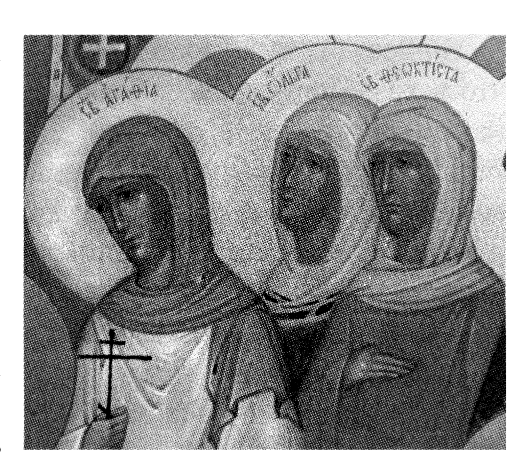
В царствование злочестивого Декия, в то время, когда правителем Сицилии[1] был поставленный им Кинтиан, разослано было по всем странам безбожное повеление предавать всех христиан избиению. В то время в городе Панорме[2] жила девица, по имени Агафия, дочь благородных и богатых родителей, воспитанная в христианском благочестии. Услыхав о безбожном повелении гонителей относительно избиения христиан, Агафия воспылала ревностью о Христе Господе своем, Которому уневестилась чистотою девства своего. Она оставила любовь к отечеству своему и, считая за ничто достоинство своего высокого рода и презирая богатство, оставшееся ей после родителей, и всю славу мира этого, начала готовиться к страданию за Христа. Игемон Кинтиан, слыша о красоте, благородстве и богатстве этой святой девицы, воспылал к ней нечистою страстию и помышлял увидать ее и склонить к своей преступной похоти, и вместе овладеть ее имением. Узнав, что она верует во Христа, он тотчас послал воинов из города Катаны[3] в Панорм, привести святую на суд, как христианку. Посланные, придя к святой Агафии, хотели ее взять и

---

[1] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, около Аппенинского полуострова.

[2] *Панорм* (ныне — *Палермо*) расположен на северном берегу острова Сицилии при заливе того же имени; это — весьма древний и значительный город, основан еще финикиянами.

[3] *Катана* — древний город на восточном берегу Сицилии, в настоящее время многолюдный, цветущий по своей образованности и торговле, с более чем стотысячным населением.



обещали с честью доставить ее к своему военачальнику, если она даст слово поклониться их богам. Попросив их немного подождать, Агафия вошла в горницу внутри дома и, затворившись в ней, воздела руки к небу и начала молиться, говоря:

— Господи Иисусе Христе! Ты знаешь сердце мое и расположение души моей, любовь и веру в Тебя! Будь мне вождем и помощником против врага, которого я о Тебе, Боге моем, попрала уже и умертвила. И ныне, Владыко, молю Тебя, не попусти всескверному и всезлобному человеку, слуге демонов, осквернить тело мое, в котором я доныне прожила чисто и честно; поспеши и ускори победить диавола и слугу его Кинтиана, чтобы он не сказал: «Где ее Бог?» (ср.: Пс. 78, 10). Прими, как жертву и приношение, слезы мои в воню благоухания, ибо Ты один Бог и Тебе подобает слава во веки. Аминь.

Помолившись так, она пошла из города с воинами, в сопровождении некоторых граждан, соседей и знакомых; шла она с полною готовностию мужественно постоять за Господа своего, как стена несокрушимая, и размышляла в себе: «Вот я сначала имела брань с диаволом, стараясь соблюсти в чистоте свое девство и победить свои плотские страсти, которые и победила с помощью благодати Христа моего, и попрала врага, воюющего чрез страсти и похоти против людей; теперь я иду на вторую брань, в которой я должна положить душу свою за Христа. Но, диавол, ты не порадуешься чрез меня, но более посрамишься сам: ибо я надеюсь на Христа Бога моего, что Он с высоты будет смотреть на подвиг мой со множеством святых Ангелов Своих и поможет мне немощной». Размышляя так в себе, она горячими слезами омывала лицо свое. Когда она продолжала путь, развязался ремень у сандалия ее; чтобы завязать его, она поставила ногу на камень и осмотрелась кругом, и она уже не увидела никого из провожавших ее соседей: все, оставив ее, возвратились назад. Поэтому она еще более прослезилась и обратилась с молитвою к Богу, говоря:

— Всемогущий Господь, ради моих граждан, не поверивших мне, что я хочу пострадать за Твое святое имя, покажи какое-либо чудо на сем месте!

И вот тотчас выросла дикая бесплодная маслина, изображавшая собою дикие умы граждан Панорма.

Когда святая Агафия прибыла в город Катану, военачальник повелел поместить ее в доме одной богатой женщины, по имени Афродисии. У нее было пять юных дочерей, которым он велел при помощи своих ласкательных речей и различных удовольствий совратить ум Агафии к плотской любви и убедить ее принести жертвы богам. Они то хваля и превознося ее и высказывая многие обещания, то посредством угроз старались склонить Агафию к исполнению воли Кинтиана, но не имели никакого успеха: ни словом, ни делом не могли они отвратить ее от Божественной любви к любви мирской. Они украшали ее дорогими одеждами, предлагали подарки и различные дорогие кушания и угощения, устраивали представления в лицах и пляски, при игре музыкантов, и творили перед ее глазами всякие бесчинства и смехотворные вещи. Но она, не желая даже глядеть на все это, говорила:

— Пусть будет вам известно, что ум и помышления мои утверждены на камне и не могут быть отвращены от любви Христовой: ваши же льстивые слова подобны ветру, предоставление же мирских радостей — есть не более как дождь; а угрозы ваши — это реки, которые хотя и прильют к моей храмине, но не возмогут сдвинуть ее, ибо она стоит на твердом основании, как бы на камне, Которое есть Христос Сын Бога Живого.

Говоря так, она струями слез обливала свою грудь: ибо как олень ищет источников воды (ср.: Пс. 41, 2), так она стремилась к страданию за Господа своего.

Афродисия, видя твердость и непоколебимость сердца Агафии, пошла к военачальнику Кинтиану и сказала ему:

— Скорее можно камень раздробить и железо превратить в олово, чем убедить и отвратить от Христа сию девицу; я сама и дочери мои дни и ночи проводили только в том, что увещевали ее к единомыслию с нами — то ласками и просьбами, то угрозою: ожерелья и мониста редкие, дорогие одеяния, золото и драгоценные камни я по-

лагала перед ее лицом, отдавала ей в подарок рабов и села свои, но она все это презирает, как прах, попираемый ногами.

Тогда разгневанный военачальник Кинтиан велел привести Агафию в свою тайную палату; здесь, сидя на своем месте, он, исполненный нечистых помыслов, спросил девицу, какого она рода. Святая Агафия отвечала:

— Я — благородного происхождения и имею знатных и богатых родственников.

Кинтиан сказал ей:

— Если ты знатного рода, то зачем носишь бедную одежду, как какая-либо рабыня?

— Я — Христова раба, — отвечала святая, — и поэтому ношу образ рабыни.

Кинтиан же сказал:

— Как же ты называешь себя рабой, будучи свободною, как дочь благородных родителей?

— Благородство и свобода наша в том, — отвечала святая, — чтобы работать Христу.

Военачальник спросил:

— Неужели мы, не работающие Христу вашему и отрицающиеся от Него, несвободны?

Агафия отвечала:

— Вы находитесь в таком плену и рабстве, что не только сделались рабами греху, но и поклонниками мерзких и бесчувственных идолов, почитая дерево и камень за бога.

— Если ты будешь произносить такие хулы, — сказал ей Кинтиан, — то будешь предана многим мучениям; но скажи мне, почему ты отрицаешься от наших богов?

— Потому я отрицаюсь от них, — отвечала Агафия, — что они не боги, а бесы, изображения которых вы делаете из меди и мрамора, покрывая золотом их лица.

Кинтиан сказал:

— Послушай доброго совета, девица, и принеси жертвы, чтобы не испытать тебе различные муки и не навести бесчестия и поношения своему благородному происхождению, после чего ты, хотя и против воли, должна же будешь поклониться богам, владыкам вселенной.

Святая Агафия отвечала:

— Пусть будет жена твоя подобна Афродите[1], богине твоей; а ты сам будь подобен Зевсу[2], богу твоему.

Когда святая произнесла это, Кинтиан велел ударить ее по лицу и сказал:

— Не оскорбляй военачальника.

Святая Агафия ответила:

— Где разум твой, военачальник? Я желаю тебе, чтобы ты был подобен богу твоему, а ты не желаешь быть ему подобным и сам стыдишься своих богов: поэтому вместе со мною отрекись от них.

Военачальник сказал:

— Ты заслуживаешь многие муки, на которые я тебя тотчас и отдам, если ты не исполнишь, что тебе приказывают.

— Не боюсь я ничего, — отвечала девица, — если ты отдашь меня на съедение зверям, то звери, увидев меня и услышав имя Христово, укротятся; если в огонь меня бросишь, то Ангелы с неба будут меня охлаждать росою; если ты причинишь мне раны и мучения, я имею на помощь Духа истины, Который меня избавит от руки твоей.

После этого военачальник велел отвести Агафию в мрачную и смрадную темницу; святая же пошла туда, как на пир и веселие, вручая себя Господу своему. Утром Кинтиан, вызвав опять святую Агафию на суд, спросил ее, достаточно ли она подумала о своем здоровье.

Святая Агафия отвечала:

— Здоровье мое — Христос.

Военачальник сказал:

— Отрекись от Христа, чтобы не погибнуть тебе в юности.

— Отрекись ты от своих богов, — отвечала святая, — которые суть не что иное, как камень и дерево, и приступи к истинному Богу, сотворившему тебя, дабы не подвергнуться тебе мукам вечным.

Тогда разгневанный мучитель велел повесить Агафию нагою на дереве и бить. Когда святую били, мучитель сказал ей:

---

[1] *Афродита* — греческая богиня любви и красоты. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

[2] *Зевс* почитался у греков главным божеством, отцом всех богов и людей. Греческие мифы приписывают Зевсу различные плотские пороки, нечистые страсти и преступления.

— Перемени свои мысли и поклонись богам, чтобы остаться тебе живой.

Она же отвечала:

— Сими муками я приобретаю себе блаженство и радуюсь среди них так же, как радуется тот, кто приобрел великие сокровища: сии временные муки мне полезны. Как не собирают пшеницу в житницы, не очистив ее от плевел, так невозможно для души моей войти в рай, если сначала тело не будет истерзано муками.

Военачальник велел слугам сильнее мучить Агафию, потом приказал железными клещами рвать ее сосцы и отрезать их. Когда это исполняли, мученица сказала военачальнику:

— Безбожный и бесчеловечный мучитель! Не стыдишься ты у женщины отрезать сосцы, которыми ты сам питался у своей матери; но я имею другие сосцы в душе моей, которых ты не можешь коснуться, ибо они от юности посвящены Богу.

После этого святая была брошена в темницу. В полночь явился ей святой апостол Петр, в образе благолепного старца, неся в руках своих многие врачевания для нее; ему предшествовал прекрасный юноша с горящею свечою; святая подумала, что это пришел какой-либо врач. Апостол сказал ей:

— Нечестивый мучитель, хотя и истерзал тебя ранами, но не имел никакого успеха; напротив, ты победила его своим мужеством; он велел сосцы твои не только истерзать, но и отрезать: за это душа его будет мучиться вечно. В то время, когда ты терпела муки, я стоял, и смотрел, и размыслил, что можно исцелить твои сосцы, для чего и пришел сюда.

Святая мученица Агафия отвечала:

— Я никогда не употребляла никакого врачевания для своего тела; думаю, что и теперь не следует нарушать этого доброго обычая, от юности усвоенного.

— Ведь и я христианин, — сказал старец, — и пришел, надеясь исцелить тебя, поэтому не стыдись меня.

Святая же отвечала:

— Ты мужчина, а я девица, как же я могу без стыда обнажить перед тобою свое тело; я лучше буду терпеть боль от своих ран, нежели пожелаю обнажиться пред глазами мужчины. Благодарю тебя, честный отец, что ты пришел сюда с намерением исцелить мои язвы;

но знай, что врачевания от рук человеческих никогда не коснутся тела моего.

Старец сказал ей:

— Почему же ты не желаешь, чтобы я уврачевал тебя?

Святая отвечала:

— Я имею Господа моего Иисуса Христа, Который одним мановением все исцеляет и одним словом восстановляет падших; Он, если пожелает, может исцелить меня, недостойную рабу Свою.

Апостол был обрадован такою великою верою святой мученицы и, с улыбкою, сказал ей:

— Он послал меня к тебе, девица, ибо я Его апостол: посмотри — ты исцелилась.

Сказав это, он сделался невидим. Тогда святая мученица Агафия, узнав, кто был являвшийся ей, возблагодарила Бога, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи мой, Иисусе Христе, что воспомянул меня, и послал апостола Своего исцелить меня.

Посмотрев на тело свое, она увидела сосцы свои целыми и раны исцелевшими; и всю ночь необычайный свет наполнял темницу, освещая ее; испуганные сим, воины разбежались и оставили темницу незапертою. Другие узники, бывшие там, видя это, говорили святой:

— Вот двери открыты, и никто их не стережет: выходи и беги.

— Я не хочу лишиться венца мученического, — отвечала Агафия, — и навлечь беду на стражей; имея помощником Господа моего Иисуса Христа, Сына Бога Живого, исцелившего меня, останусь здесь до конца, исповедуя Его.

По истечении четырех дней, на пятый, мучитель опять воссел на судище и, вызвав к себе святую Агафию, сказал ей:

— До каких пор ты будешь противиться царскому повелению? Принеси жертвы богам, иначе будешь предана самой лютой смерти.

Святая отвечала:

— Суетны слова твои и несправедливо повеление царя твоего, которое оскверняет и самый воздух; скажи мне, окаянный и безумный, кто ищет помощи от дерева и бесчувственного камня? Я же Тому приношу жертву хвалы, Кто исцелил сосцы мои и уврачевал тело мое.

Мучитель велел открыть ее сосцы и, видя их целыми и невредимыми, как они были прежде, спросил:

— Кто исцелил тебя?

Мученица отвечала:

— Иисус Христос, Сын Бога Живого.

Кинтиан воскликнул:

— Ты опять называешь Христа, о Котором я даже слышать не хочу!

И велел насыпать на земле разожженные в огне острые черепицы, и посыпать их горячими углями, и на них бросить святую нагою, жечь и мучить. Когда это исполняли, вдруг началось землетрясение не только близ того места, но и во всем городе; расселась земля и поглотила друга Кинтианова Вултея и приятеля его Феофила, по совету которых Кинтиан производил такое мучительство. Все граждане, испуганные землетрясением, прибежали в преторию к Кинтиану, крича на него, чтобы он перестал мучить невинную девицу, ради которой произошло землетрясение. Кинтиан, испугавшись землетрясения и народного возмущения, велел отвести святую в темницу. Мученица, придя в темницу, воздела руки свои к небу и сказала:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобил меня пострадать за имя Твое святое и, истребив во мне желание к временной жизни, подал мне терпение. Услышь, Господи, меня в этот час и благоволи, дабы я оставила этот мир и перешла бы к богатой и великой Твоей милости.

Помолившись так, она предала дух свой в руки Божии[1]. Узнав об этом, граждане поспешили прийти, и взяв ее святое тело, несли с честью для погребения. Внезапно подошел к телу святой мученицы прекрасный юноша, который не был никому знаком в городе; с ним было сто прекрасных отроков. Проводив к месту погребения тело святой мученицы, он вложил в гроб ее каменную дощечку, на которой была надпись:

— Непорочный ум, добровольная жертва Богу и отечеству избавление.

Положив дощечку с таким надписанием при главе святой мученицы, юноша тот сделался тотчас невидим; и все поняли, что это был Ангел Божий.

---

[1] Святая Агафия скончалась в 251 году.

После этого воевода Кинтиан, взяв своих воинов, пошел в город Панорм, чтобы взять богатство святой мученицы Агафии и присвоить себе все ее имение. На пути ему пришлось переправляться через одну глубокую реку. Он взошел вместе с конями на паром и поплыл чрез реку. Кони внезапно взбесились на него, причем один изгрыз зубами ему лицо и все обезобразил, а другой стал бить его ногами, и бил до тех пор, нока не сбросил его в реку, в которой он и утонул, окончив злою смертью свою злую жизнь. Долго искали его тело, но не нашли: оно погибло вместе с душою. После этого ни один из царских правителей не дерзал причинять обид родственникам святой Агафии. Слава же о ней распространялась всюду, и над ее мощами была построена церковь; одежда, в какой ходила святая, была положена на ее гробе для напоминания о ее смирении[1].

Спустя год после кончины святой мученицы Агафии, гора Этна[2], около города Катаны, начала извергать огненную лаву, которая текла из отверстия на горе, как громадная река, с сильным шумом, низвергая сверху, как воск растопленные камни. Жители Катаны были в великом страхе, боясь за погибель своего города. Тогда не только христиане, но и неверные — все собрались к церкви святой мученицы Агафии, взяли ее одежду, встали против огня, устремлявшегося к городу, и сею одеждою, как бы щитом, защищались от губительного и грозного пламени. Огонь, как бы устыдясь одежды святой мученицы, возвратился назад и погас. При виде этого чуда, жители сильно радовались, восхваляли Бога и величали святую мученицу Агафию. Чудо это произошло в пятый день февраля, в который пострадала святая мученица за Христа Господа своего, Которому слава во веки. Аминь.



---

[1] Мощи святой Агафии в 1040 году перенесены в Константинополь, но в 1126 году возвращены в Катану.

[2] *Этна* — огнедышащая гора на острове Сицилии, близ города Катаны.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ФЕОДУЛИИ

В царствование Диоклетиана и Максимиана, царей римских[1], правителем в городе Аназарве[2] был некто Пелагий, жестокий гонитель христиан. Он приказал своим слугам идти и разыскивать по всей его области христиан, чтобы взять их и привести к нему на суд, где они, выслушав царское повеление, должны были поклониться богам. Слуги, отправившись исполнять приказание, взяли некую женщину христианку, по имени Феодулию. Она, боясь не столько мук, сколько того, чтобы не быть оскверненною неверными, предлагала им много золота, прося их, чтобы отпустили ее. Но они, не взяв золота, привели Феодулию к своему воеводе, сказав ему о ней, что она хотела откупиться от них золотом. Правитель похвалил слуг, не принявших золота и не отпустивших ее, и за это наградил их дарами. Сам же, воссев на судилище и поставив пред собою сию блаженную жену, спросил ее о ее имени. Она отвечала:

— Я — христианка.

Воевода же Пелагий сказал:

— Прежде, чем начну тебя мучить, скажи нам свое имя.

Святая отвечала:

— Я уже сказала и не солгала, что называюсь христианкою. Это имя мое почетное и вечное, люди же называют меня Феодулиею, родилась я от родителей христиан и получила доброе воспитание в законе христианском.

Правитель сказал:

— Я вижу, что ты безумно отвечаешь мне.

— Вы сами безумные, — отвечала святая Феодулия, — потому что, оставив Бога, поклоняетесь камню.

Правитель продолжал:

— Я увещеваю тебя, как сестру, — принеси жертву богам, и тогда иди наслаждаться в моем имении, и будешь ты в великой почести.

Феодулия отвечала:

---

[1] *Диоклетиан* (на Востоке) и *Максимиан* (на Западе) царствовали с 284 по 305 год.

[2] *Аназарв* — город в Киликии, на юго-востоке Малой Азии.

— Наслаждайся в своем имении ты сам вместе с отцом твоим — сатаною, и оба наследуете вечные муки.

На это правитель сказал:

— Я знаю, что вы — женщины — вспыльчивы и гневливы и досаждаете властям; но я не быстро прихожу в гнев и с кротостью тебя наставляю, чтобы ты покорилась мне, и принесла жертву богам, и не погубила бы своей души.

Святая отвечала:

— Пребывая в исповедании Божием, я души своей не гублю, но спасаю ее, а тело мое пойдет в землю; итак, я, не как безумная, говорю тебе: мучь мое тело, если хочешь. Бог же, видя терпение мое и полную готовность мою пострадать за Него, подаст мне Свою помощь, ибо и Он Сам пострадал за нас на кресте, устрояя спасение людей Своих.

Пелагий сказал ей на это:

— Ты думаешь этими словами своими возбудить во мне ярость, чтобы я скорее тебя погубил; знай же, что я долго буду тебя мучить, отрезая по одному каждый член твой, пока не погублю тебя.

— Лукавый и хищный волк, — сказала на это святая, — как ты можешь погубить овцу, имеющую Пастырем своим Христа, Творца всех; от руки Его разве может кто меня похитить?

Тогда мучитель, разгневавшись, велел обнажить святую и повесить ее за волосы на кипарисе и мучить ее железными раскаленными крючьями, обжигая ей сосцы. Святая же среди мучений сказала:

— Видишь, правитель, что я не чувствую мук, — ты же, как я вижу, более мучаешься и побежден мною.

Правитель отвечал ей на это:

— Боги наши милостивы и знают, что ты обратишься к ним, поэтому, щадя тебя, они устранили от тебя боль, чтобы ты не чувствовала мучений.

Святая же сказала:

— Где твои боги, которые щадят меня; покажи мне их, чтобы я могла воздать им честь.

Услышав сии слова, правитель сильно обрадовался и велел скорее отвязать ее и вести в храм Адриана, которого они почитали как бы живым и могущественным богом[1]. Войдя в этот храм, святая уви-

[1] Здесь разумеется храм с идолом или изображением римского императора

дела идола Адриана и, помолившись истинному Богу, дунула на идола, и он тотчас упал, как пораженный громом, и переломился на три части. Выйдя вон, святая сказала воеводе:

— Войди и окажи помощь своему богу, потому что он упал и разбился.

Войдя, правитель увидел идола лежащим на земле, разбитым на три части и зарыдал с великим плачем о нем. Слух о сокрушении идола Адрианова дошел до царей; они прислали от себя человека в город Аназарв удостовериться в истине этого слуха, и если он справедлив, то отдать правителя города на съедение зверям. Узнав это, правитель припал к святой Феодулии с плачем, умоляя ее сделать опять целым их бога и обещаясь сделаться христианином, если он увидит этого бога стоящим на том же месте, где он был сначала.

Святая, сотворив усердную молитву всесильному Богу, велела идолу встать целым на своем месте, и идол тотчас встал целым, пошел и встал на том месте, где стоял прежде. Посланный же от царей человек, придя и увидев идола целым, возвратился к царям, не причинив правителю никакого зла. После этого пришло от царей предписание Пелагию, повелевающее предать Феодулию различным мукам и смерти. Пелагий же не только не исполнил своего обещания сделаться христианином, но забыл и о благодеянии святой Феодулии, и поэтому опять взял ее для мук, приказав раскаленными железными палками сверлить ее ноги. Когда исполняли это над ней, к Пелагию подошел комментарисий[1] Елладий и сказал:

Адриана (царствовал с 117 по 138 год). Римляне, как известно, причисляли своих умерших императоров к сонму богов (так назыв. «культ цезарей»), им они воздавали божеские почести, приносили жертвы и прочее. Началось это почитание императоров с Августа и продолжало свое существование во все время языческой Римской империи. Стали обоготворять не только умерших цезарей (то есть императоров), но даже и живых. Это почитание было для всех принудительно. Считалось обязательным иметь у себя даже в доме образ царствующего императора между своими пенатами (домашними богами). За соблюдением культа цезарей в Римской империи смотрели строго, и кто, по небрежности или неуважению, не хотел выражать чествования императору, с таким поступали как с величайшим преступником. Такого религиозного почитания императоров римские правители требовали и от христиан.

[1] *Комментарисий* — чиновник, смотревший за узниками и ведший им запись.

— Прошу твою светлость, отдай эту девицу под мою власть, и я склоню ее поклониться богам: если же не исполню этого, то ты отсечешь главу мою.

Правитель отдал святую в его власть. Он же, взяв пять длинных гвоздей, вонзил один в левое ее ухо так, что он прошел до правого, а другой гвоздь вонзил в правое ухо так, что он прошел до левого уха; третий гвоздь вбил в лоб ее, а двумя проткнул сосцы ее груди. Святая же, возведя очи на небо, молила Бога, да ниспошлет Он ей терпение, — и тотчас получила Божию помощь и исцеление: гвозди выпали и она сделалась невредимою. Елладий взял святую к себе в дом и стал льстиво увещевать ее, чтобы она поклонилась вместе с ним богам, дабы и я, — говорил он, — получил честь от градоправителя, и ты удостоилась великой славы от самих царей.

Святая же отвечала ему:

— Убедись лучше ты сам и сделайся христианином, чтобы удостоиться не кратковременной, но вечной чести во Царствии Господа нашего Иисуса Христа, Который будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его.

Елладий тогда сказал ей:

— Говори всю истину, раба Христова, потому что сердце мое разгорелось во мне от твоих слов.

Тогда Феодулия начала говорить ему:

— Мир этот и все богатства его, и вся слава — скоротечны, будущий же век бесконечен: и кто здесь сотворит благое, тот получит благое воздаяние в том веке: делающие же зло в сем мире будут вечно мучимы там; кланяющиеся же идолам, как вы, в особенности будут преданы вечным мукам.

Такими наставлениями святая Феодулия привела Елладия к познанию истины, и он в умилении сердечном сказал ей:

— Прошу тебя, госпожа Феодулия, не помяни того зла, какое я причинил тебе, но помолись за меня Богу твоему, дабы и я сделался христианином.

Когда настало утро, Елладий вместе с Феодулиею явился к воеводе и сказал:

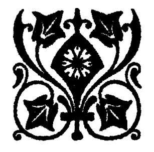
— Я не мог рабу истинного Бога совратить с правого и блаженного пути, но, наоборот, она меня наставила на правый путь, избавив меня от тьмы неведения и приведя ко Христу истинному Богу, в

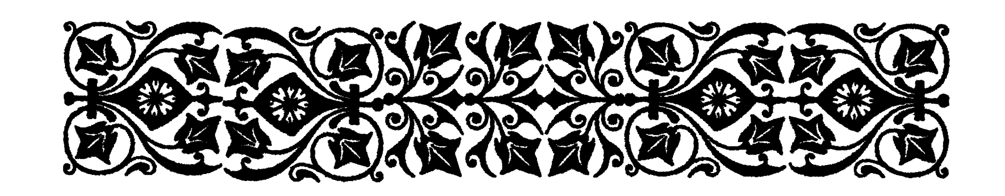
Которого, без всякого сомнения, я верую, и имя Его святое исповедую, и поклоняюсь Ему усердно.

Услыхав эти слова его, воевода приказал тотчас отсечь мечом ему голову, а тело его бросить в море. Так совершилось мучение его в двадцать четвертый день января месяца. Святая же Феодулия была брошена в сильно разожженную печь, но осталась невредима. После этого мучитель повелел разжечь сковороду для блаженной Феодулии, распростер ее на той сковороде и обливал ее кипящею смолою, воском и маслом; но сковорода от огня, которым разжигалась, разлетелась на куски, причем искры и пламя попаляло многих из окружающего народа, сам же воевода, охваченный пламенем тем, умер ужасною смертию, а святая Феодулия опять осталась невредима.

При виде этого чуда, во Христа уверовало множество людей, среди которых были почетные граждане, Макарий и Евагрий.

После этого неверующие опять разожгли печь, бросили в нее святую Феодулию и с нею Макария и Евагрия, а равно и множество веровавших во Христа. И все, помолившись там, приняли кончину, представ к бесконечной жизни, где увенчаны венцом победы и торжествуют со всеми святыми, прославляя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь.





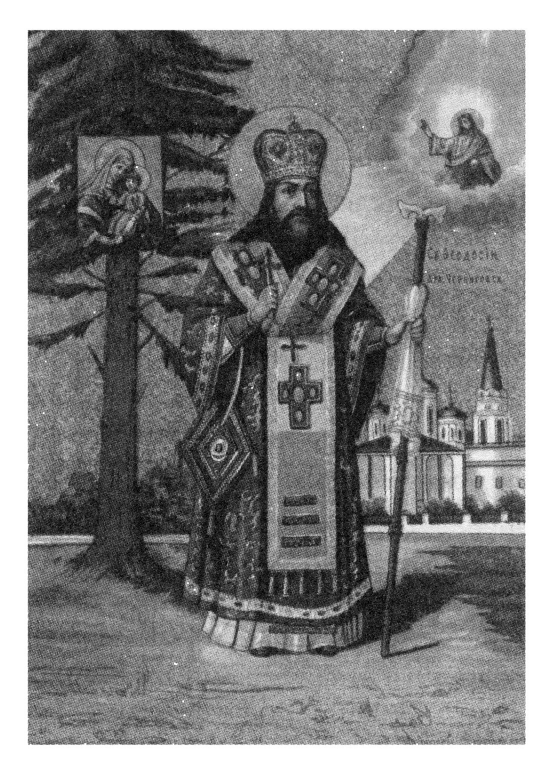
ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОСИЯ,
архиепископа Черниговского

Святой Феодосий, архиепископ Черниговский, по происхождению своему принадлежал к заднепровской дворянской фамилии Углицких[1]. Отец Феодосия, по имени Никита, был священником в Малороссии, мать называлась Мариею. Родители воспитывали своего сына в страхе Божием и христианском благочестии; под влиянием их наставлений он еще с самых юных лет получил задатки того благочестия, которым украшалась вся его последующая жизнь. По природе кроткий, послушный и впечатлительный, Феодосий с юных лет горел пламенною любовью к Богу и усердием к храму Божию. Получив первоначальное обучение в семье и там научившись читать и писать, Феодосий был отдан затем отцом для дальнейшего образования в Киево-Братскую Богоявленскую школу[2]. Здесь, под влиянием и руководством благочестивых наставников, упражняясь в изучении Священного Писания и святоотеческих творений, святой стремился по ним устроять и свою жизнь; здесь он возрастал и укреплялся духом в познании истин православной веры и в подвигах благочестия. И еще здесь, во время обучения в школе, в юном Феодосии возникло стремление подражать, по мере сил, равноангельному житию преподобных Антония и Феодосия и других подвижников Печерских — этих вели-

---

[1] По преданию, эта фамилия была присвоена одному из предков святителя Феодосия за оказанное отличие при отражении неприятеля от города Углича.

[2] Это — знаменитая старейшая в России школа, основание которой восходит к концу XVI века; ныне — Киевская духовная академия, помещающаяся в Братском монастыре, на Подоле, в Киеве.



ких молитвенников и небесных покровителей древлепрестольного Киева, под благодатным осенением которых он жил и воспитывался, и нетленные, прославленные мощи которых он постоянно зрел пред собою. В свободные от занятий часы любимыми занятиями Феодосия были молитва, богомыслие и чтение слова Божия. Здесь же святой Феодосий хорошо ознакомился с церковным партесным пением, в певческой школе, устроенной преосвященным Лазарем Барановичем. Вообще Киево-Братская Богоявленская школа, основанная для поддержания и защиты православной веры против нападений польско-католического духовенства и иезуитов[1], вела все преподавание в строго-православном христианском духе, которым проникались и молодые души питомцев ее; имела среди наставников своих истинных светил православного духовного просвещения. Несомненно, что и святой Феодосий получил там высшее и лучшее по тому времени образование, которое должно было содействовать полному развитию всех богато одаренных способностей души его.

Вскоре же по окончании воспитания в Киево-Братской Богоявленской школе Феодосий принял монашество, к чему еще в школе стремилась пламенно жаждавшая духовных подвигов душа его. И вот,

---

[1] Киево-Братская Богоявленская школа, служа главным рассадником просвещения для всей южной православной России, в то же время выпустила из своих стен немало знаменитых борцов за православную веру в пределах южно-русской Церкви, подвергавшейся непрестанным нападениям врагов — католиков и единомышленных с ними униатов, которые, презрев православную веру, признали над собою главенство папы, и еще более коварных иезуитов, монахов католического ордена, поставившего себе целью какими бы то ни было средствами утверждать всюду католичество и главенство пап.

в молодых летах, этот истинный подвижник Христов вменяет ни во что все блага мира этого, оставляет многомятежный, суетный мир и принимает иноческий постриг в Киево-Печерской лавре с именем Феодосия, в честь великого подвижника Киево-Печерского и первооснователя общежительного иноческого жития в России — преподобного Феодосия, которого он так благоговейно почитал и к молитвенному предстательству которого он так часто обращался еще во время своего обучения в Киеве. С этого времени начинается строго-подвижническая жизнь Феодосия, в скором же времени стяжавшая ему известность не только в иноческом мире, но и среди мирян.

Смирение и примерная жизнь юного подвижника обратила на себя внимание бывшего тогда Киевского митрополита Дионисия[1] (Валабана), который поставил его архидиаконом Киево-Софийского собора, где он многочестно потрудился до удаления из Киева митрополита Дионисия, после чего был назначен наместником митрополичьего кафедрального дома. Но, нарушаемая мирскою суетою, жизнь в Киеве не могла удовлетворять внутреннему влечению скромного инока к безмолвию и желанию его пребывать в постоянном молитвенном общении с Богом. Поэтому святой Феодосий, влекомый любовью к подвигам благочестия и иноческого безмолвия, вскоре оставил Киев и поселился в отдаленном, небольшом Крупицком Батуринском монастыре[2], издавна славившемся строгостью иноческой жизни, где был посвящен в сан иеромонаха. Но как ни скрывался образованный, благочестивый и деятельный инок от мира, он все-таки не мог остаться незамеченным со стороны высшего духовного начальства. Святой Феодосий подвизался в Крупицком монастыре недолго; он резко выделялся из среды прочей братии своею духовною мудростию и строго-подвижническою, добродетельною жизнью, почему чрез непродолжительное время был назначен игуменом Корсунского монастыря, Киевской епархии. Новое

---

[1] *Митрополит Дионисий* управлял Киевской митрополией всего не более полугода. Он был назначен на митрополию в феврале 1658 года и удалился из Киева в июле 1658 года, хотя номинально продолжал числиться Киевским митрополитом.

[2] Близ местечка Батурина, ныне — в Черниговской губернии, в 30 верстах от города Конотопа; основан в XVI веке.

назначение святителя Феодосия удовлетворяло его внутренним влечениям. Корсунский монастырь[1], находившийся на острове реки Роси, вдали от мирских жилищ, в живописной местности, вполне соответствовал стремлению святого к уединению и подвигам благочестия вдали от мирской суеты. И сам он здесь служил высоким примером для монашествующей братии по своей благочестивой, истинно-подвижнической жизни и проявил мудрую способность к управлению монастырем. Поэтому вскоре же потом он был переведен в настоятели знаменитого Киевского Выдубицкого монастыря[2]. Эта древняя обитель незадолго перед тем была в руках униатов и поляков-католиков и разорена ими. Большая часть иноков рассеялась, ибо никому не хотелось идти на житье в разоренную обитель; монастырские здания были в упадке, некоторые монастырские земли несправедливо захвачены у обители. Вообще монастырь нуждался и во внутреннем, и во внешнем благоустройстве, и нужно было много сил и умения, чтобы восстановить его в прежнем виде. Но Феодосий не пал духом и, с помощью Божией, успешно исполнил свое дело и привел знаменитую древнюю обитель в прежнее благолепие и благоустройство. Он исходатайствовал у гетмана Малороссии укрепление земли в разных урочищах и позволения у царя чрез каждые пять лет присылать в Москву своих чернецов для сбора подаяния и испрошения царской милости, что они и получали в щедрых размерах. В то же время он возобновил монастырские здания и храмы и вообще восстановил внешнее благоустройство обители; особенно заботился он о благочинии и благолепии богослужения в монастыре: хорошо знакомый с церковным пением, святой Феодосий образовал в своей обители такой прекрасный хор, что он славился не только в Киеве и во всей Малороссии, но стал известен и в Москве, почему Феодосий, по запросу из Москвы, посылал туда певчих в качестве устроителей там пения. Но еще более достойны

---

[1] В Коневском уезде, Киевской губернии. — Святой Феодосий был назначен игуменом Корсунского монастыря около 1661 года.

[2] Это было в 1664 году. Киево-Выдубицкий монастырь был одним из древнейших и важнейших монастырей Киевской епархии; основан в конце XI столетия; в начале XVII столетия, во время польского владычества, в нем была водворена уния, но потом он снова возвращен под ведомство Киевского митрополита; ныне — второклассный мужской монастырь.

внимания труды этого истинного подвижника Христова по восстановлению иноческого благочиния и упорядочению внутренней жизни Выдубицкого монастыря. Ревностно исполняя обязанности иноческого звания, он служил для иноков высоким примером строгой подвижнической жизни, привлекая в свою обитель множество ищущих спасения. В то же время, желая еще более внедрить в иноках Выдубицкой обители дух истинного подвижничества, святитель устроил на монастырской земле, в Мозырском уезде[1], небольшой скит для тех из братии, которые искали полного уединения и суровых аскетических подвигов.

Хотя вслед за тем, по слову Спасителя: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33), святой Феодосий, этот верный делатель вертограда Христова, из-за клеветы и зависти человеческой, претерпел много несправедливых огорчений и скорбей[2], — но его подвижническая жизнь и мудрое руководительство иноками заслужили ему всеобщее уважение киевлян. В особенности же отличал святого Феодосия своим благорасположением и вниманием тогдашний местоблюститель Киевской митрополии, архиепископ Черниговский Лазарь Баранович[3], бывший ранее его учителем и ректором по Киево-Богоявленской Братской школе. В одном из писем, относящихся к этому времени, преосвященный Лазарь пророчески высказывает свое желание, чтобы «имя его (Феодосия) написано было на небесах». Как местоблюститель Шевской митрополии, святитель Лазарь назначил Феодосия, бывшего тогда еще Вы-

---

[1] Минской губернии. Там был остров «Михайловщина», принадлежавший Киево-Выдубицкому монастырю, где в 1680 году и был основан и устроен святым Феодосием небольшой скиток, наместником которого был назначен один из строгих подвижников Выдубицкого монастыря, иеромонах Иов Опалинский.

[2] Особенно много пришлось пострадать святому Феодосию, по проискам Мефодия, епископа мстиславского и оршанского, претендовавшего на Киевский митрополичий престол и, из-за своих целей, оклеветавшего святителя вместе с настоятелями других киевских монастырей в политических интригах и измене московскому правительству; но правда немедленно восторжествовала, и невинность Феодосия тогда же была явно доказана.

[3] *Лазарь Баранович* — ректор Киево-Богоявленской Братской школы, с 1657 года — архиепископ Черниговский, видный политический и литературный деятель южной России, проповедник и полемист против католиков и униатов; был очень уважаем современниками; святой Димитрий Ростовский называет его «великим столпом Церкви».

дубицким архимандритом, своим наместником по митрополии[1]. Потом, когда Малороссиею был избран Киевским митрополитом епископ Луцкий Гедеон[2], то Лазарем Барановичем с просьбою об утверждении выбора, вместе еще с одним почтенным игуменом, был послан Феодосий, как человек, много послуживший малороссийской Церкви[3]. Этим святитель Лазарь и другие духовные и светские чины Малороссии хотели, явным образом, выставить Феодосия, как человека особенно достойного и способного к высшей должности. Тогда же, в Москве, святой Феодосий исходатайствовал царскую грамоту о дозволении Выдубицкому монастырю присылать в Москву для сбора подаяний. С этого времени, при всяком представляющемся случае, обращались к Феодосию Углицкому, как достойному занять высшее место. Так, по смерти митрополита Киевского Гедеона, Феодосий был одним из кандидатов на кафедру Киевской митрополии. Еще ранее, по воле и желанию преосвященного Лазаря Барановича, возвратившегося из Киева в Чернигов к делам своей епархии, он был вызван в Чернигов и определен архимандритом

---

[1] В то время митрополия Киевская довольно долго оставалась праздной, из-за политических смут, вследствие чего временно управление ею и было поручено наиболее уважаемому архипастырю южной России, каковым и был Лазарь Баранович.

[2] *Гедеон (Святополк-Четвертинский)* — епископ Луцкий, с 1685 — Киевский митрополит, скончался в 1690 году, известен грамотами и посланиями к разным духовным лицам.

[3] Святой Феодосий, как одно из самых почетных духовных лиц, был представителем посольства, которое собор, избиравший митрополита, отправлял в 1685 году к новоизбранному с оповещением об избрании и с приглашением принять престол Киевской митрополии. В том же году «пречестный» и «в церкви малороссийской заслуженный» игумен Феодосий вместе с переяславским игуменом Иеронимом Дубиною был послан к царям Иоанну и Петру Алексеевичам и патриарху Иоакиму с просьбою об утверждении избранного Малороссией митрополита. Нужно заметить, что в Москву в то время из Малороссии отправляли избранных людей не только с тем, чтобы они доставили туда то или другое прошение и явились при случае ходатаями по этим прошениям, но и с той целью, чтобы выставить их пред царем и патриархом, как лиц, способных и предназначаемых к высшим должностям. Так смотрели на это и в Москве, и там оба представителя посольства, игумены Выдубицкий и Переяславский, были приняты, как «люди заслуженные малороссийской церкви». Результатом этого посольства было великое дело присоединения южно-русской Церкви к московскому патриаршеству.

Черниговского Елецкого монастыря[1] на место скончавшегося настоятеля этой обители, знаменитого Иоанникия Голятовского[2].

Елецкий монастырь в то время был весьма беден и скуден. Имений и духовных хозяйственных статей было мало, и вообще иноки терпели большую нужду в содержании. Новый настоятель деятельно принялся за устроение вверенной ему обители. Сразу же по вступлении в свои обязанности, он вошел к гетману Малороссии Мазепе[3] с представлением, что «Елецкая обитель скудна запасами хлебными и особенно дровами, так что жить с братиею трудно, а помочь нечем, так как во владении архимандрии мало подданных», — и Мазепа, вообще не отличавшийся щедростью по отношению к духовным лицам и обителям, исполнил просьбу святого Феодосия, из особенного уважения к нему, и отдал во владение монастырю село Мощонку. Также и других, обладавших достатками, уважение к Феодосию побуждало благотворить Елецкому монастырю. Таким образом, при святом Феодосии, в продолжение двух-трех лет, Елецкая обитель достигла благосостояния, вполне обеспечивавшего ее существование. Заботясь о внешнем благоустроении обители, святой Феодосий не менее того заботился о ее внутреннем благосостоянии, об утверждении и поддержании в ней истинно монашеской жизни. В этом отношении уже самые личные его подвиги служили высокопоучительным примером для елецкой братии в прохождении иноческой жизни.

Среди этих и иных трудов монастырских Феодосий был в то же время деятельным помощником архиепископа Лазаря в деле проповедничества и, по желанию архипастыря, заведовал еще экономическими и частью епархиальными делами его архиерейского дома. С течением времени преосвященный Лазарь увидел, что архимандрит Феодосий Углицкий благоразумно и мудро ведет порученное ему дело, и вполне убедился, что он может быть ему наилучшим по-

---

[1] *Елецкий Успенский* первоклассный *монастырь* в Чернигове основан в 1060 году великим князем черниговским Святославом Ярославичем.

[2] *Иоанникий Голятовский* — знаменитый южно-русский проповедник и писатель-полемист XVII века, сначала ректор Киево-могилянской коллегии и затем архимандрит Черниговского Елецкого монастыря.

[3] *Иван Мазепа* — гетман малороссийский с 1687 года по 1709 год, когда он изменил Петру Великому и России, перешедши на сторону шведского короля Карла XII; в том же году он умер.

мощником по управлению Черниговскою епархиею, а потому, с согласия гетмана Малороссии, предложил ему отправиться в Москву к патриарху Адриану[1] с просьбою определить его своим помощником. Это было в 1691 году. В Москве давно уже слышали о добродетельной жизни и духовной мудрости Феодосия, а потому патриарх охотно исполнил желание уважаемого всеми престарелого святителя Черниговского, причем уведомил об этом гетмана Малороссии своею святительскою грамотою, в которой с похвалою отзывался о святом Феодосии.

Но эта помощь была недостаточна для кончающего дни свои старца-святителя. Исполненный признательности к Феодосию за ревностное участие его в управлении паствою, преосвященный Лазарь пожелал еще при жизни своей видеть Феодосия в сане святительском, чтобы приготовить в нем достойного себе преемника. В 1692 году он с гетманом обратились в Москву с письменными прошениями к царям Иоанну и Петру Алексеевичам и к патриарху Адриану о возведении архимандрита Елецкого Феодосия Углицкого в сан архиепископа[2], причем оба они от своего имени свидетельствовали, что, «пречестной архимандрит — муж благий, украшенный добродетелями монашеской жизни, которую ведет с молодых лет; опытен в управлении монастырями, исполнен страха Божия и духовной мудрости, просвещен, весьма усерден к церковному благолепию, способен управлять домом кафедры и Черниговскою епархиею». Ходатайство уважаемого старца-святителя было уважено, и в том же году Феодосий отправился в Москву для хиротонии. Здесь 11 сентября было совершено наречение его в епископа, а 13-го того же месяца он был хиротонисан во архиепископа. Новопосвященный архиепископ пробыл в Москве около двух месяцев, по желанию патриарха, относившегося с уважением к святителю Феодосию и воспользовавшегося удобным случаем задержать его в Москве для бесед и совместного совершения богослужения.

---

[1] *Адриан* — последний (10-й по счету) патриарх всероссийский, управлял Церковью с 1690 по 1700 год.

[2] Что касается того, что Феодосий сразу был возведен в сан *архиепископа,* то это объясняется тем, что большим Московским собором 1667 года была учреждена в Чернигове именно *архиепископия,* и кафедра Черниговская тогда же была поставлена первою между другими архиепископиями Русской Церкви.

Велика была радость престарелого архипастыря Черниговского Лазаря Барановича, когда он увидел своего возлюбленного помощника в святительском сане. Глубоко обрадована была этим и паства, благоговейно любившая и уважавшая святителя Феодосия. Таким образом, Черниговская Церковь осчастливлена была управлением двух знаменитых иерархов — столпов православия, умолявших милосердие Божие о мире всего мира и о благосостоянии своей богоспасаемой паствы. Между тем Феодосий и в святительском сане, помогая преосвященному Лазарю, а часто и совсем заменяя его, сохранял к нему беспредельную любовь и преданность сына, оказывая полное послушание своему благодетелю, ничего не предпринимая без согласия первосвятителя черниговского, стараясь в делах управления паствою поступать по его указанию и изволению.

Но недолго судил Господь двум великим, знаменитым столпам Православия вместе стоять на страже паствы черниговской. 3 сентября 1693 года великий старец-архипастырь тихо и мирно скончался. Он управлял Черниговской епархией тридцать шесть лет. Святитель Феодосий торжественно похоронил его, совместно со всем черниговским и из других мест прибывшим духовенством в Черниговском Борисоглебском кафедральном соборе, за левым клиросом.

Прежде чем уведомить царя и патриарха о кончине преосвященного Лазаря, святитель Феодосий отправился к гетману Малороссии известить его о печальном событии. Вместе с ним он отправил иеромонаха Пахомия и некоторых других лиц в Москву с донесением царю и патриарху о кончине и погребении преосвященного Лазаря, причем гетман писал, что он имел сетование и печаль о преставлении Лазаря, а ныне находит утешение и отраду, что, по кончине его, в неотложном времени тот архиерейский престол восприял преосвященный Феодосий Углицкий, который своими добродетелями может украсить церковь и искусным благорассмотрением устроить дела правления церковного. В ответ царь писал, что он будет оказывать Феодосию такую же царскую милость, какою пользовался преосвященный Лазарь; патриарх же писал гетману, что рукоположение архиепископа Феодосия при жизни архиепископа Лазаря он относит к особенному промыслу Божию, благодеющему черниговской пастве, и просил гетмана, как сына Церкви, помогать преосвященному Феодосию в его заботах о святой Церкви. В то же время патриарх при-

слал «напрестольную» грамоту для окончательного утверждения святителя Феодосия на черниговской кафедре в качестве самостоятельного архипастыря, где, между прочим, отзывается о нем, как о муже добродетельном, с юных лет украшенном иноческим житием в добродетелях и искусном в управлении честными обителями, полном страха Божия и разумения духовного, любителе премудрости, усерднейшем радетеле церковного благолепия, вполне по справедливости заслужившем управление домом и епархией Черниговской.

Оставшись единоличным архипастырем черниговским, святитель Феодосий с отеческою ревностию заботился о благосостоянии своей паствы, причем еще более, чем прежде, проявлял, воочию всех, святость жизни, искреннюю любовь к подвижничеству, христианское милосердие и любовь ко всем обращавшимся к нему. Своими добрыми делами и христианскими добродетелями он светил не только для паствы черниговской, но и далеко за пределами ее. В самой Москве уже давно имя его произносилось с особым уважением, так как он своею духовною мудростию и нравственными достоинствами выделялся из среды всех русских иерархов того времени. Благоустрояя дела Церкви Черниговской, святитель Феодосий в самом себе являл для пасомых образец глубокой веры в промысл Божий, усердия к молитве и церковному богослужению, кроткой снисходительности к немощам ближних и участливости к их нуждам, почему и приобрел единодушную беспритворную любовь и уважение паствы. До последних минут своей жизни, он, как истинный воин и подвижник Христов, подвизался во славу святой православной веры и во благо своих ближних. Согласно словам апостола, он *духом пламенея Господу* служил (Рим. 12, 11); и для всех окружавших был *светильник, горящий и светящий* (Ин. 5, 35). Паства черниговская сознавала, что ее архипастырь, святитель Феодосий, — истинный раб Божий, верный строитель в дому Божием, страж Церкви бдительный, труженик неусыпный, молитвенник и предстатель за всех пред Господом благонадежный. Особенно привлекал к себе святитель сердца всех своих судом — справедливым и милостивым и был сострадателен к беспомощным и сирым, для которых со тщанием отыскивал требуемое правдою, а также щедрою, в духе евангельском, благотворительностью и христианским милосердием. Вообще это был один из таких общественных деятелей, какие бывают только в Царстве Хри-

стовом, которые успевают сделать для общего блага гораздо более, чем великие и сильные мира сего. *Будьте единомысленны между собою; не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе* (Рим. 12, 16).

С самым тщательным усердием заботился святитель Феодосий об усилении в своей пастве любви к житию подвижническому, которое он так возлюбил с самых юных лет своих и высокий образец которого являл всем в себе самом. С этою целью он усердно старался не только поддерживать существовавшие ранее в его епархии монастыри, но и основывать новые иноческие обители. Так, он основал девичий так называемый Печеникский монастырь[1]. Наилучшим памятником отеческой заботливости святого Феодосия о благоустроении иноческих обителей служит его святительская благословенная грамота, данная инокиням Печеникского монастыря. Благословляя с любовью отца новосозидаемую обитель, святитель заповедует инокиням «добродетель смирения и всецелого послушания» своей настоятельнице, как источник мира и залог его, святительского, и Божия благословения. Вслед за тем, по благословению святителя, основан был еще другой монастырь, в двух верстах от города Любеча[2]. В то же время, наравне с заботами о развитии подвижничества и устроении иноческих обителей в Черниговской епархии, святитель Феодосий ревностно заботился о созидании и благоукрашении храмов Божиих[3]. Заботясь о нравственном благосостоянии своей епархии, он главное внимание обращал на духовенство, стараясь выбирать на священнослужительские места лиц достойных и способных и всеми мерами усиливать пастырски-просветительную деятельность приходского духовенства.

Много также потрудился святитель Феодосий за время своего управления Черниговской епархией и для дела православия в Малороссии, для отпора в ней пагубному польскому униато-католическому

---

[1] Монастырь был построен вдовой стародубского полковника Марией Сулимовой на купленной ею вместе с покойным мужем земле, называемой «Печеники»; откуда монастырь и получил свое наименование; ныне не существует.

[2] *Любеч* — ныне торговое населенное местечко Городнянского уезда Черниговской губернии, в пятидесяти двух верстах от Чернигова.

[3] Так, им был освящен величественный храм в честь Святой Троицы возле Ильинского монастыря, и храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Домницком мужском монастыре (в тридцати пяти верстах от Чернигова).

влиянию и укреплению здесь русской народности. Немало также принес он русскому государству пользы тем, что всегда умел, благодаря своему нравственному влиянию, красноречию и христианскому миролюбию, успокаивать вспышки горячих своевольных украинцев и тем охранять государство от вредных и опасных волнений.

Но недолго сиял святитель Феодосий на кафедре Черниговской. Только около восьми с половиною лет прожил он в Чернигове: до пяти лет архимандритом Елецким, три года четыре месяца архиепископом, причем самостоятельно управлял паствою, по кончине преосвященного Лазаря Барановича, около двух лет. Предчувствуя свою близкую кончину, святитель вызвал к себе в Чернигов наместника Брянского Свенского монастыря, иеромонаха Иоанна Максимовича[1], и в половине 1695 года посвятил его в архимандрита Елецкого монастыря, которым до того времени не переставал управлять сам, готовя в новом архимандрите достойного преемника себе по кафедре. Вскоре после этого великий светильник Церкви Русской угас. Кончина святителя Феодосия последовала 5 февраля 1696 года. Горько оплакиваемый осиротевшею паствою, святитель Феодосий был погребен в Черниговском кафедральном Борисоглебском монастыре за правым клиросом.

Окончив чреду своего земного служения, святитель Феодосий не оставил своей паствы, возлегши нетленным своим телом в кафедральном храме, и с самых первых дней по своем преставлении не оставил своим благословением всех, прибегавших к его помощи, низводя благодать Божию в обильных чудесных исцелениях ищущим его молитвенного пред Богом предстательства. Ряд чудесных проявлений благодати Божией, явленных молитвенным предстательством святого Феодосия, открылся вскоре же после его блаженной кончины благодатным исцелением от тяжкой болезни его преемника по Черниговской кафедре, преосвященного архиепископа Иоанна Максимовича. Преосвященной Иоанн тяжко заболел горячкою; болезнь быстро усиливалась, явился бред. Вдруг, в самом разгаре болезни, преосвященный призывает к себе келейника и делает

---

[1] *Иоанн Максимóвич* — впоследствии митрополит Тобольский и всей Сибири, где много потрудился в деле распространения христианства среди инородцев; скончался в 1715 году. Память его местно чтится с благоговением, как угодника Божия.

распоряжение немедленно отправить в его покоях вечерню и прочесть для него служебное правило, а наутро приготовить все для его служения в храме. Окружавшие больного архипастыря подумали, что он бредит, но принуждены были уступить его настоятельному требованию и исполнить его желание. На другой день, к удивлению всех, преосвященный, совершенно здоровый, отслужил Божественную литургию. Потом он объявил окружавшим, что накануне ему являлся святитель Феодосий и сказал: «служи завтра и будешь здоров». В благодарность за свое мгновенное, чудесное исцеление от тяжкой болезни, преосвященный архиепископ Иоанн Максимович тогда же составил в честь угодника Божия написанную по тогдашнему обычаю стихами «похвалу»[1], в которой называет его «земным Ангелом и святым, пребывающим в Серафимской пастве». По его распоряжению, над гробом святителя Феодосия была устроена тогда в фундаменте Борисоглебского соборного храма каменная пещера со входом в нее по витой лестнице.

Поразительное чудо исцеления преосвященного Иоанна Максимовича послужило началом чествования святителя Феодосия, как благодатного чудотворца и угодника Божия. С течением времени это чествование распространилось далеко за пределами Черниговской губернии, вследствие новых обильных проявлений благодати Божией от целебных мощей святителя Феодосия. Эти чудеса были тем очевиднее и разительнее, что часто сопровождались явлениями святителя Феодосия болящим во сне, причем он приказывал молиться, поститься, отслужить молебен и так далее, обещая исцеление; иногда же он при этом наставлял, вразумлял и отечески упрекал обращавшихся к нему, в чем-либо согрешивших. Так, одному немому святитель является в сонном видении и говорит: «Иди в собор и справь молебен и будешь здоров». На другой день немой, к изумлению своему, начал говорить, а затем, увидев в соборе портрет святителя, узнал в нем явившегося ему во сне угодника Божия. «Благословляю и прощаю», — говорит святитель священнику, исповедовавшему во сне пред ним свои грехи и молившемуся об исцелении сына, причем обещает исцелить младенца, который на другой день и выздоровел.

---

[1] «Похвала» эта написана под живописным изображением святителя Феодосия в Борисоглебском Черниговском соборе, над входом в каменную палатку, где почивали мощи святителя.

Женщине, в тяжких страданиях призывавшей святителя на помощь и с плачем молившейся ему во святую Четыредесятницу, он говорит, кротко укоряя и увещевая: «Ты не говела, это нехорошо. Ты недостойна будешь вкусить пасхи. Постарайся причаститься в Великую субботу». Другой женщине, со слезами молившейся Богу и призывавшей святителя помолиться о выздоровлении ее мужа, чудотворец ласково говорит, утешая ее и обнадеживая: «Не плачь, я умолю Бога, и муж твой будет здоров». И вскоре после этого муж ее, страдавший от мучительной болезни около года, совершенно выздоровел. Святитель является к одной больной, призывавшей его, и говорит ей только одно слово: «успокойся», — и ее нравственные страдания окончательно прекращаются. Трудно перечислить все дивные исцеления, совершенные молитвенным предстательством святителя Феодосия: достаточно сказать, что со всех концов Русской земли они стали привлекать к его гробу многочисленные толпы богомольцев.

Впервые тело святителя Феодосия было обретено нетленным через семьдесят шесть лет после его блаженного преставления 14 февраля 1772 года, когда оно, по благословению местного епископа Феофила, переложено было в новый деревянный гроб, причем первый кипарисовый гроб угодника Божия был роздан по частям богомольцам. С начала прошлого столетия благоговейное чествование святителя Феодосия Углицкого, как благодатного чудотворца, особенно усиливается. Молва о нем и о чудотворениях, истекающих от его мощей, в это время распространяется уже далеко за пределы Черниговской губернии, среди православных различного звания и состояния. В 1824 году при гробе святителя Феодосия совершилось исцеление от тяжкой болезни черниговского купца-раскольника Горбунова, которой вслед за этим перешел в Православие и в память чудесного исцеления своего соорудил на собственные средства новый гроб для нетленных мощей святителя. С течением времени при кафедральном соборе мало-помалу стали вестись более или менее правильные и постоянные записи о бываемых от мощей святителя Феодосия исцелениях, достаточно проверенных и удостоверенных. С 1850 года при соборе Черниговском ведется уже постоянно подробная летопись о чудесах по молитвам к святому Феодосию, а также и в некоторых других местах.

Между тем постоянное обильное стечение богомольцев ко гробу с мощами святителя Феодосия, при тесноте и неудобности входа к нему, понудили в 1856 году пристроить с южной стороны к передней части притвора Борисоглебского собора полукруглый придел с удобной лестницей, а самую пещеру расширить и сделать светлой.

К концу истекшего столетия имя святителя Феодосия, как великого угодника Божия, защитника от бед и напастей, избавителя от всякого злого обстояния и теплого молитвенника пред Богом, известно было по всей России, и, хотя при гробе святителя совершались лишь панихиды, но в народе ему воздавалось почитание, как бы уже прославленному святому. Почитание народом святителя Феодосия, как святого, многочисленные случаи чудесного исцеления от его нетленных мощей обратили на себя внимание и гражданской власти, что и выразилось во всеподданнейшем докладе черниговского губернатора за 1889 год, а этот доклад в свою очередь обратил на себя внимание в Боге почившего Государя Императора Александра Александровича. Ввиду этого, Святейший Синод нашел благовременным приступить к удостоверению о нетлении тела почившего святителя и о чудесных явлениях, совершающихся при гробе его[1]. Тело святителя, несмотря на почти 200-летнее пребывание в пещере, не отличающейся притом сухостью, оказалось нетленным; вместе с тем было обследовано надлежащим образом много случаев чудесных исцелений чрез молитвенное призывание святого Феодосия, засвидетельствованных под присягою самими исцеленными, их сродниками и очевидцами[2]. Ввиду этого Святейший Синод определил — «во блаженной памяти почившего Феодосия, архиепископа Черниговского, причислить к лику святых, благодатиею Божиею прославленное и нетленное тело его признать святыми мощами» и совершить их торжественное открытие, на что и не замедлило последовать согласие Государя Императора Николая Александровича.

Торжественное открытие мощей святителя Феодосия последовало 9 сентября 1896 года. Оно было совершено высокопреосвященным

---

[1] Обследование производили высокопреосвященный Иоанникий, митрополит Киевский, вместе с местным епископом Антонием, с ректором Черниговской семинарии, протоиереем — членом Киевской духовной консистории и двух протоиереев из местного соборного причта.

[2] Таких случаев обследовано сорок девять.

митрополитом Киевским Иоанникием, в сослужении шести архиереев и сонма архимандритов и игуменов и прочего духовенства. Мощи угодника Божия были перенесены при этом из Борисоглебского собора в Спасо-Преображенский и переложены в новый кипарисный гроб и новую драгоценную серебряную раку; здесь, под сению со множеством лампад, они положены были на правой стороне собора, где ныне и почивают. Все дни торжества прославления нововявленного угодника Божия громадное, полуторастотысячное стечение народа переполняло город, с горячими мольбами обращаясь к святителю Феодосию, испрашивая его молитв пред Богом и спеша приложиться к его святым, нетленным мощам. Торжество прославления ознаменовано было многочисленными дивными исцелениями и произвело глубокое впечатление не только на православных, но и на раскольников. Слава Богу, дивному во святых Своих!





День шестой

СТРАДАНИЕ святой мученицы ФАВСТЫ ДЕВИЦЫ и с нею ЕВИЛАСИЯ и МАКСИМА

В правление нечестивого царя Максимиана, в городе Кизике[1], жила некая юная девица, по имени Фавста. Она была дочерью богатых христиан, которые воспитали ее в духе христианского учения; но тринадцати лет она осиротела. По смерти родителей девица Фавста все время проводила в посте, молитве и в чтении Священного Писания.

Строго соблюдая свое девство, она презирала все прелести мира сего: и богатство, и роскошь, и всякое плотоугодие, и проходила тесный и прискорбный путь жизни, — почему и стала скоро всем известна и всеми прославляема; ибо столь добродетельная жизнь не могла утаиться от людей, по слову Господа: *Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Слух о Фавсте дошел до самого царя Максимиана. Максимиан тотчас же послал в Кизик первого своего жреца, по имени Евиласия, дабы он отыскал и схватил невесту Христову. При этом царь ему сказал:

— Если она согласится принести жертву богам, — да будет ей благо; если же нет, — то брось ее в глубину водную.

---

[1] *Кизик* — город одного из полуостровов Пропонтиды (Мраморного моря).

Евиласий, прибыв в Кизик, нашел Фавсту летами юною, но верою и разумом вполне совершенною. Взойдя на судилище свое, он стал принуждать ее принести жертву ложным богам. Но святая на это ему отвечала:

— Я не принесу жертвы тем богам, которые и глухи, и слепы, и не более как произведение рук человеческих. Я имею на небесах Отца и Жениха — Иисуса Христа и не могу оставить Его, — не могу оставить наследия, которое имею у Господа моего.

Тогда Евиласий сказал ей:

— Фавста, принеси жертву богам, чтобы не умереть тебе злою и мучительною смертью.

Святая на это отвечала:

— Не считай меня женщиною неразумною: хотя мне и мало лет, но сердце я имею мужественное и совершенное.

Тогда Евиласий, исполнившись ярости, повелел остричь волосы на голове святой, на бесчестие и поругание ее, и, повесив на дереве, беспощадно бить ее. Фавста же, жестоко мучимая, возведя очи свои на небо, стала молиться Богу. Когда она молилась, блеснула вдруг столь ужасная молния, что многие были убиты ею. Увидев это, Евиласий сильно испугался и, призвав святую, сказал ей:

— Девица, скажи мне, кто ты? Ибо я вижу, что ты совершаешь волшебные дела.

Святая отвечала:

— Послушай меня, Евиласий, прикажи живописцу написать мое изображение, а также изобразить и все эти мучения, которые я претерпеваю.

Когда эта просьба ее была исполнена, Фавста сказала ему:

— Да будет тебе известно, что как это изображение не страдает и не претерпевает тех мук, которые здесь изображены, так и тело мое не ощущает тех страданий, которые ты мне причиняешь: душа моя всецело укреплена в Господе моем; ты же что хочешь надо мною еще делать, исполняй скорее.

Тогда Евиласий приказал положить святую Фавсту в деревянный ящик и, забив его деревянными гвоздями, перепиливать. Слуги со старанием стали исполнять приказанное им, а святая в ящике воспевала, восхваляя Господа. Слуги долго перепиливали этот ящик, но не в состоянии были перепилить его: пила не могла коснуться

мученицы, как какого-нибудь крепкого адаманта. Наконец от изнеможения слуги стали как бы мертвыми. Тогда, придя к Евиласию, они сказали:

— Господин наш, женщина, которую ты отдал нам на мучение, мы перепиливали заключенную в ящике от первого часа до шестого, но ничего не могли сделать: мы переменили шесть пил, но ее даже и не коснулись; мы поджигали этот ящик, чтобы сжечь ее в нем, но огонь не только был бессилен перед нею, но даже и не опалил ящика. Она же все это время пела: *Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя* (Ис. 43, 2).

Выслушав это, Евиласий весьма смутился и, призвав к себе святую, сказал ей:

— Ты меня очень удивляешь, творя такие чудеса! Мне уже вот восемьдесят лет, но я никогда ничего подобного не видал. Заклинаю тебя Богом твоим, в Которого ты веруешь, скажи мне всю истину.

Святая Фавста ему ответила:

— Умоляю тебя, господин мой, прилежно выслушай то, что я тебе скажу: это сила Божия сохраняет меня среди моих мучений, как ты сам видел; и если ты теперь со вниманием послушаешь меня, то скоро и сам обратишься к моей вере.

На это Евиласий сказал ей:

— Говори скорее истину, я буду тебя слушать.

Тогда святая сказала ему:

— Бог бессмертен и вечен, и все дела Его суть истинны, суд же Его свят и праведен, и Он везде сохраняет рабов Своих, живущих праведно и свято и исполняющих свой доблестный подвиг; сохраняет всех тех, которые своей жизнью устыдили диавола, отвергли и презрели идолов, почитаемых вами за богов, и победивших зло мира сего. Всевышний Бог хранит от всякого зла, кои, презрев все земное, стремятся к небесному и, живя благочестиво, соблюдают заповеди Божии беспорочно. И это потому, что такие люди познали Его, как Единого Бога, и убедились, что нет другого бога, кроме Того, Который сошел с небес на землю и, вселившись в утробу Пресвятой и Пречистой Девы, благоволил неизреченно от Нее родиться; а потом, придя в возраст, совершил много преславного и чудесного и, научив людей истине, добровольно восшел на крест и пострадал за

нас, дабы спасти нас; будучи погребен, в третий день Он воскрес и во славе вознесся на небо, чтобы при скончании веков опять явиться, судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. Вот почему мы и следуем Христу, отдавая себя ради Царства небесного на раны и мучения, для того, чтобы нам не погибнуть вечно; мы здесь, на земле, умираем, там же будем жить нескончаемою жизнию.

Выслушав это, Евиласий познал великую силу Бога Живого. Умилившись сердцем, он переменился к лучшему. Сняв со святой мученицы Фавсты узы, он предоставил ей полную свободу.

Тогда один из рабов Евиласия, явившись к царю Максимиану, сказал ему:

— Государь, Евиласий оскорбил твое доверие к нему и теперь хочет стать христианином; поэтому, пока еще он не принял христианства, постарайся удержать его от этого заблуждения.

Царь, услышав это, весьма опечалился. Призвав тотчас же епарха своего Максима, который отличался великою жестокостию и бесчеловечием, он, после заклятия пред богами, послал его в Кизик к Евиласию.

Придя в Кизик, Максим стал, с великою яростью, так допрашивать блаженного Евиласия:

— Скажи мне, злой человек, как смел ты оставить наших великих богов и, презрев их, поверил безумным христианам и вступил в общение с ними?

Евиласий на это отвечал:

— Клянусь моею головою, что если ты выслушаешь девицу Фавсту, то скоро тоже познаешь истинного Бога и будешь чувствовать себя блаженным.

Тогда епарх Максим, сильно разгневавшись, повелел повесить Евиласия на дерево и жестоко бить его[1]. И долго здесь терзали святого мученика; он же среди своих страданий так молился Христу Богу:

— Владыко, Боже всемогущий, помогший рабе Твоей Фавсте во всех претерпеваемых ею муках и показавший очам моим чудеса Твои, избавь меня смиренного от этого лютого и жестокого епарха, ибо я возлюбил Тебя, Господи, ради многих и великих чудес Твоих.

---

[1] В это время Евиласию было около восьмидесяти лет.

Тогда епарх приказал жечь бока святого мученика горящими свечами; будучи так опаляем, святой страдалец просил Фавсту, здесь же стоявшую и смотревшую на его страдания, дабы она помолилась за него Господу.

Святая, милосердуя о нем, стала так молиться:

— Господи Боже мой, яви благодать Твою и послушай меня рабу Свою: приими Евиласия в ограду словесного стада Твоего и вчини его в число праведных Твоих, ибо Ты благословен вовеки, аминь.

Тогда епарх повелел и святую Фавсту предать своему неправедному суду, за то, что она убедила Евиласия стать христианином.

— Нечестивая женщина, — сказал ей Максим, — как ты дерзнула нашего славного жреца Евиласия отторгнуть от великих богов и обратить к своему Богу?

Святая Фавста отвечала:

— Я уповаю на благого и премилостивого Бога моего, призвавшего Евиласия быть сыном света, что Он и тебя призовет к поклонению и познанию Себя.

— Фавста, — возразил епарх, — не считай меня столь же безумным, как и послушавшийся тебя Евиласий.

И тотчас же повелел связать ее и вколотить в ноги ее железные гвозди.

Когда слуги со старанием исполняли это приказание, святая совершенно не ощущала боли. Епарх Максим, видя, что святая Фавста даже не обращает внимания на эти раны, призвал отряд воинов и сказал им, что если кто может, тот пусть найдет для нее еще большее и жесточайшее мучение.

Тогда один из воинов, по имени Клавдий, сказал:

— Господин мой, если твоя светлость хочет скоро умертвить ее, то пусть будет отдана она на съедение зверям.

Епарх тотчас же повелел исполнить это, и святую нагою повели на то место, где обыкновенно отдавали христиан на съедение зверям.

Здесь выпустили на нее львицу, но львица, тихо подойдя, преклонила голову перед святой. Потом выпускали на святую Фавсту много и других зверей, но все они, припадши к ногам ее, преклонялись пред ней.

Епарх, видя это, очень удивлялся и повелел ее, скованную по но-

гам и перевязанной веревкой, влачить по земле. Когда святая нагою была так влачима, то возопила ко Господу:

— Господи Иисусе Христе, покрой Твое создание, дабы глаза бесстыдных и нечестивых не видали наготы тела невесты Твоей.

И тотчас же облако, сошедшее свыше, покрыло святую, как бы прекрасною одеждою.

После этого опять один из воинов, по имени Евсевий, сказал епарху Максиму:

— Если позволит светлость твоя, отдай ее во власть мне.

Епарх на это ответил:

— Возьми ее и, как можешь и хочешь, мучай ее.

Воин, схватив святую мученицу, повел ее к кузнецу и, приказав ему сделать множество длинных железных гвоздей, велел вбивать их в голову ее, в лоб, глаза, в перси, голени, и во все тело.

Святая же в это время так молилась:

— Господи Иисусе Христе, благодарю Тебя, ибо Ты, Сердцеведец, слава и венец праведных! Сподоби меня, смиренную и недостойную рабу Твою, идти путем, ведущим к безмятежному у Тебя пристанищу, и Максима, епарха, приведи ко святой вере и к любви Твоей, утверди его в страхе Твоем и вчини его вместе с исповедующими Тебя, истинного Бога, дабы все познали, что Ты есть Единый Бог, и что Тебе подобает Божественная честь и слава во веки веков. Аминь.

Евсевий же, видя, что юная дева, вся изъязвленная гвоздями, истекает кровью, и в то же время не страдает и даже как бы не ощущает боли, приказал принести большой котел, наполнить его смолою и серою и, разжегши, бросить в него святую Фавсту вместе со святым Евиласием, и развести под котлом большой огонь.

Святые мученики, стоя в котле том, как на месте прекрасном и прохладном, воспевали и славословили Бога. И тотчас же огонь погас, а котел остыл.

Тогда епарх Максим, видя веру и терпение святых, сказал:

— Боже вечный, помогший Евиласию стать соучастником в страданиях за Тебя, вместе с рабою Твоею Фавстою! Приими и меня, окаянного и грешного, и приими меня в общение вместе с ними двумя, чтобы я, худший и меньший из них, исполнил троичное число, во образ Пресвятой Троицы. Господи Боже сил! яви на мне,

недостойном рабе Твоем, Свою благость и скоро умилосердись надо мною, дабы чрез меня Ты еще более прославился!

Лишь только он это сказал, как разверзлись небеса и виден был на небе Сын Божий с ликами святых Ангелов и Архангелов и с собором всех святых, сияющих как свет. Видя это страшное и ужасное явление, Максим возопил громким голосом к Богу:

— Господи, приими и меня, как принял раба Твоего Евиласия, и не помяни беззаконий моих и неправд, но прости грешного и недостойного раба Твоего, и прости меня, как некогда разбойника.

Сказав это, он тотчас же подбежал к котлу, в котором находились святые Фавста и Евиласий и, возведя очи свои на небо, ознаменовал себя крестным знамением и сказал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — и я с вами!

После этого он совлек с себя одежду и, снова ознаменовав все тело свое крестным знамением, бросился в котел.

Тогда святая и блаженная Фавста, исполнившись великой радости и веселия, что Господь услышал ее и привел Максима ко святой вере, воскликнула:

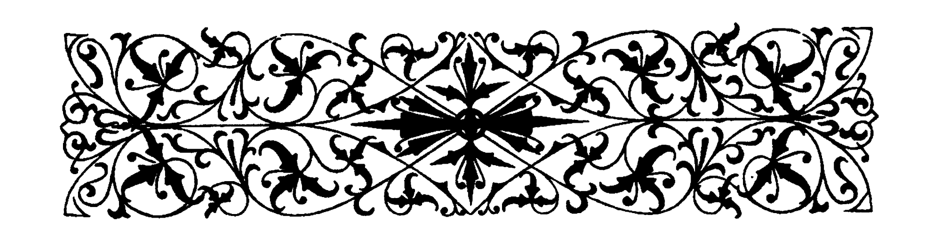
— Слава Тебе, Христе Боже, что Ты никому не хочешь погибнуть, но всем желаешь спастись и прийти в познание истины! Вот я посреди двух Твоих рабов, как лоза виноградная, приносящая грозд, и как вервь, *втрое скрученная* (Еккл. 4, 12), нерасторжима от них, ибо Ты сказал: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). В то время, как святая это произносила, слышен был голос с неба: *Придите ко Мне все труждающиеся* в подвиге *и обремененные* страданиями имени Моего ради, *и Я успокою вас* (Мф. 11, 28) во Царствии Моем небесном.

Святые, услышав этот глас, исполнились неизреченной радости и, возблагодарив Господа, предали Ему в мире души свои; это было в шестой день месяца февраля[1].

Молитвами их, Господи, прости нам наши прегрешения и, удостоив нас милосердия Твоего, соделай участниками жизни вечной, ибо Ты благословен со Отцом и Святым Духом и препрославлен во веки. Аминь.

---

[1] Скончались между 305–311 годами.



СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ДОРОФЕИ
и с ней
ХРИСТИНЫ, КАЛЛИСТЫ и ФЕОФИЛА

В стране Каппадокийской, в городе Кесарии[1], жила одна благочестивая дева, по имени Дорофея. Все время она проводила в служении Богу, со смирением и кротостью, в чистоте, духовном трезвении и целомудрии. При этом она была девицею столь премудрою, что даже ученые люди не могли в этом сравниться с нею. И все знающие ее прославляли имя Господа нашего Иисуса Христа, имеющего рабою своею такую деву: и взор ее был исполнен благоговения, и житие свято, и премудрость несравненна, и девство непорочно. В любви же Христовой она была столь совершенна, что вполне была достойна небесного чертога. Но она ради Его еще более усугубила свой подвиг. Побеждая плоть свою и диавола, святая Дорофея сплела себе сугубый венец: венец девства и венец мученичества; и радуясь, отошла к Жениху Своему Христу. А как она за Него пострадала, — об этом передаст дальнейшее повествование.

Когда слава о святой Дорофее разнеслась между людьми, слух о ней дошел и до игемона Саприкия — гонителя христиан. Он немедля отправился в город Кесарию и, схватив святую деву, велел представить ее на свой неправедный суд.

Святая же Дорофея, представ пред нечестивым судиею, молилась в душе Господу и призывала на помощь Бога и Спасителя своего.

---

[1] *Каппадокия* — древнее название местности на Востоке Малой Азии, между Киликийским Тавром, Евфратом, Черным морем и рекой Галисом. Кесария — главный город Каппадокии.

Саприкий спросил ее:

— Скажи мне, как ты именуешься?

Святая отвечала:

— Мое имя — Дорофея.

— Я для того тебя призвал, — продолжал Саприкий, — чтобы ты, по повелению наших славных царей, принесла жертву великим богам.

Святая Дорофея отвечала:

— Бог, — Царь небес, заповедал мне, чтобы я Ему одному служила. Так и в Писании оказано: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4, 10). И еще: *боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес* (Иер. 10, 11). Поэтому надо рассудить: повелению какого царя мы должны более повиноваться — земного или небесного? И кого должны слушать, — Бога или человека? Что такое цари? — не более как смертные люди; таковы же и ваши боги, идолам которым вы поклоняетесь.

— Если хочешь быть живою, здравою и неоскверненною, — возразил Саприкий, — оставь христианство и принеси жертвы богам; если же нет, то, по закону, будешь жестоко мучима и послужишь для других страшным примером.

Святая отвечала:

— Я буду примером страха Божия для всех верных, — да устрашатся они Бога, жестоких же людей да не боятся; ведь они творят то, что делают злые псы: бессмысленно и бессознательно они терзают неповинных людей, неистовствуют, ярятся, лают и схватывают и терзают мимоходящих зубами своими.

— Как я вижу, — сказал на это Саприкий, — ты решила неизменно пребывать в этом нечестивом исповедании и хочешь с прочими умереть столь же мучительною смертию. Послушай меня, принеси жертву богам, — и ты избавишься лютых мук.

Святая отвечала:

— Твои муки — временны, муки же геенские — вечны. Итак, чтобы избегнуть страданий вечных, не убоюсь страданий временных! Я помню слова Господа моего: *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28).

Тогда Саприкий сказал:

— Вот потому-то ты и должна убояться богов, чтобы они на тебя не разгневались: если ты не принесешь им жертвы, они погубят и душу, и тело твое.

— Я уже сказала тебе, Саприкий, — отвечала святая Дорофея, — что ты никаким образом не можешь убедить меня, чтобы я принесла жертву бесам, обитающим в суетных идолах.

Выслушав это, Саприкий весьма разгневался и, обратившись к приготовившимся уже для казни слугам, сказал им:

— Поставьте ее на месте казней, дабы она, убоявшись мук, согласилась стать служительницею наших богов.

Тогда раба Божия Дорофея, стоя на месте казней, мужественно и безбоязненно сказала судии своему:

— Что медлишь в муках? Делай, что хочешь сделать, — дабы мне поскорее иметь возможность видеть Того, ради любви к Которому я не боюсь ни страданий, ни смерти.

— Но кто же это Тот, Кого ты так жаждешь? — спросил Саприкий.

Святая Дорофея отвечала:

— Христос — Сын Божий.

— Где же этот Христос? — спросил игемон.

Святая отвечала:

— Всемогуществом Своего Божества Он везде, человечеством же мы исповедуем Его сущим на небе и седящим одесную Отца Своего; с Ним, с Богом Отцом, и со Святым Духом, Он есть едино Божество. Вот Он-то и призывает нас в рай радости вечной; там сады приносят плоды постоянно; там всегда цветут лилии и розы и другие прекрасные цветы; поля, горы и холмы в том раю вечно зелены, а источники сладки; души святых во Христе там непрестанно веселятся. О, Саприкий, если бы ты веровал моим словам, то избежал бы погибели и вошел бы в этот рай неизреченного блаженства с Богом.

Тогда Саприкий сказал ей:

— Тебе нужно оставить это заблуждение и принести жертву богам, а потом выходи замуж и веселись в жизни своей, чтобы тебе не погибнуть так же, как из-за своего безумия погибли отцы твои.

Святая Дорофея отвечала:

— Я не принесу жертвы бесам, так как я христианка, и не выйду замуж, ибо я уже невеста Христа. И это есть моя вера; она введет меня в рай и чертог Жениха моего.

И мучима тогда была святая жестоко.

После истязаний Саприкий приказал отвести святую Дорофею к некиим двум женам — родным между собою сестрам, — по имени Христине и Каллисте; сначала они были христианками, но потом, убоявшись мук, отверглись Христа и, с отчаяния, стали жить нечестиво, проводя время в роскоши и суете мирской; за свое отступление от Христа они были обогащены идолопоклонниками. К этим женщинам Саприкий и отослал святую деву Дорофею; при этом он велел сказать им:

— Как вы, оставив заблуждение и волхвование христианское, принесли жертвы непобедимым богам и получили от нас дары, так и эту безумную женщину отвратите от христианского безумия и обратите к богам нашим; и мы, если сумеете это сделать, обогатим вас еще большими дарами.

Женщины эти, взяв святую деву в дом свой, так стали убеждать ее:

— Покорись судии и послушай его совета; подобно нам, спаси себя от муки: ведь более всего нужно заботиться о том, чтобы не погубить в муках этой временной и прекрасной жизни и не умереть прежде времени.

Святая Дорофея отвечала:

— О, если бы вы, послушав моего совета, покаялись в принесенной вами идольской жертве и снова обратились ко Христу! Вы бы спасли себя от муки гееннской; ибо благ Господь наш, богат в щедротах и милосерд к обращающимся к Нему всем сердцем.

Тогда Христина и Каллиста сказали ей:

— Раз уж мы погибли, отпадши от Христа, то как можем снова обратиться к Нему?

Святая на это им отвечала:

— Гораздо больший грех — отчаиваться в милосердии Божием, нежели поклоняться идолам; поэтому не отчаивайтесь и не сомневайтесь в нашем милосердом и искусном Враче: Он может исцелить все ваши язвы. Нет раны, которой бы Он не желал исцелить. Потому Он и называется Спасителем, что всех спасает, потому-то

Он и Искупитель, что всех искупляет, оттого-то Он и именуется Свободителем, что всем дарует свободу. И вы только обратитесь к Нему от всей души с покаянием, и вы, без сомнения, сподобитесь прощения.

Тогда две эти сестры — Христина и Каллиста, падши к ногам святой, заплакали и стали просить, дабы она помолилась о них милосердому Богу, чтобы Он принял их покаяние и подал им прощение.

После этого святая дева, со слезами на глазах, так воззвала к Господу:

— Боже, сказавший: *не хощу́ смерти грешника, по е́же обрати́тися и жи́ву бы́ти ему*![1] Господи Иисусе Христе, возвестивший нам, что *у Ангелов Божиих на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15, 7, 10)! Яви благость Твою этим овцам Твоим, которых диавол хотел похитить и отторгнуть от Тебя, и возврати их в ограду Твою ко стаду Своему, и о, добрый Пастырь, по примеру их да обратятся все отпадшие от Тебя!

По прошествии некоторого времени игемон Саприкий приказал призвать к себе, вместе со святою Дорофеею, Христину и Каллисту, и когда они пришли, спросил двух сестер наедине:

— Смогли ли вы преклонить Дорофею к нашим богам?

Тогда Христина и Каллиста громким голосом ответили игемону:

— Мы согрешили и весьма нехорошо поступили, что, убоявшись мук временных, принесли жертву идолам. Поэтому мы умолили святую Дорофею, и она вразумила нас покаяться, дабы мы могли получить у Христа, Господа нашего, прощение грехов наших.

Саприкий, разодрав на себе одежду, исполнился великой ярости; он приказал связать двух сестер вместе, соединив их друг к другу по спине, и бросить их в насмоленный чан, и потом, подложив под него дров, жечь их.

Тогда святые сестры стали так молиться:

— Господи Иисусе Христе! Приими раскаяние наше и даруй нам прощение.

Когда так опаляемы были эти девы, святая Дорофея, смотря на это, возрадовалась и воскликнула:

---

[1] Молитва Василия Великого ко св. Причащению. Ср. кн. прор. Иез. 33, 11.

— Предыдите мне, о, сестры, и будьте убеждены в прощении грехов ваших и познайте, что венец мученичества, который вы потеряли сначала, вы ныне, без сомнения, снова приобрели; и вот теперь ваш милосердый Отец выйдет в сретение вам, как бы веселясь об обращении блудного сына (см.: Лк. 15, 22 и далее); Он обнимет вас и, как искренних дщерей Своих, прославит, и возвеличит пред Ангелами Своими, и вчинит вас в сонме святых мучениц.

И так святые жены, Христина и Каллиста, единоутробные сестры, страдальчески скончались в покаянии, прияв от Христа, вместе с прощением, и венец победы.

После этого Саприкий повелел снова схватить святую Дорофею для истязания и, повесив ее, мучить, как и прежде.

Святая же среди столь великих мучений была объята такою радостию, что как будто она уже входила в чертог возлюбленного Жениха своего — Христа.

Тогда Саприкий сказал ей:

— Что это значит, что на лице твоем как будто проявляется радость, и ты, претерпевая муки, по-видимому, весьма счастлива?

Святая Дорофея отвечала:

— Во всей своей жизни я никогда так не радовалась, как ныне, и прежде всего я радуюсь о тех, души которых чрез тебя диавол отъял от Бога, а теперь снова восприял их Христос. Ныне на небе великое веселие; ибо о душах их радуются Ангелы, веселятся Архангелы, а вместе с ними торжествуют и все святые апостолы, мученики и пророки. Итак, Саприкий, поспеши скорей исполнить, что ты задумал, дабы и я могла поскорей перейти к блаженству святых дев и возрадоваться на небе с теми, с кем плакала на земле.

Тогда Саприкий приказал горящими свечами опалять святую мученицу. Она же, еще более возрадовавшись, с светлым и радостным лицом, так воззвала к своему судье:

— Ты вместе с идолами своими — ничтожен!

После этих слов мучитель приказал снять святую Дорофею с дерева и бить ее руками.

— Да побьется, — сказал он, — лицо, ругающееся надо мною.

Когда святую били, она не переставала радоваться, и изнемогли бьющие ее.

Тогда игемон издал такой смертный приговор:

— Гордейшую девицу Дорофею, которая не захотела принести жертвы бессмертным богам и быть живою, но пожелала лучше умереть неизвестно за какого Человека, именуемого Христом, — повелеваем усечь мечом.

Святая дева Дорофея, услышав это, громко воскликнула:

— Благодарю Тебя, душелюбец Христос, что Ты призываешь меня в рай Твой и вводишь в Твой пресвятой чертог.

И вот, когда святую мученицу повели на смерть и она выходила из претора, — некий ученый и советник игемона, по имени Феофил, издеваясь, сказал ей:

— Послушай, невеста Христова, пошли мне из рая Жениха твоего яблоко и розовых цветов.

Святая Дорофея ответила на это ему:

— Я и действительно сделаю это.

Когда же они пришли на место казни, мученица умолила палача, чтобы он позволил ей немного помолиться Господу своему. И когда она окончила молитву, предстал ей Ангел Господень в образе весьма красивого отрока; на чистом плате он нес три прекрасных яблока и три розовых цветка.

Тогда святая мученица сказала ему:

— Молю тебя, отнеси все это Феофилу и скажи ему: «Вот ты теперь имеешь, что просил».

Сказав это, она преклонила под меч святую свою главу и, будучи усечена, торжествуя, отошла ко Христу Господу, Жениху своему, возлюбив Которого от юности приняла теперь от руки Его, в чертоге небесном, венец победы.

Феофил же, издеваясь над обещанием святой девицы Дорофеи, сказал друзьям своим:

— Ныне, когда вели на смерть святую Дорофею, которая именовала себя невестою Христовою и хвалилась, что войдет в рай Его, я сказал ей: послушай меня, невеста Христова, — когда ты войдешь в рай Жениха твоего, пошли мне оттуда несколько розовых цветов и яблоков.

И она ответила:

— Воистину я пошлю тебе их.

Сказав это, Феофил и друзья его засмеялись. И вот внезапно предстал ему Ангел с тремя прекрасными яблоками и тремя цветками и сказал ему:

— По обещанию своему, святая дева Дорофея послала тебе все это из рая Жениха своего.

Тогда Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, громко воскликнул:

— Христос есть Истинный Бог, и нет неправды в Нем ни единой!

Друзья и товарищи на это сказали ему:

— Ты, Феофил, беснуешься или глумишься?

Он отвечал им:

— Не беснуюсь я и не глумлюсь, но здравый разум заставляет меня верить в истинного Бога, Иисуса Христа.

— Но что же означает эта внезапная твоя перемена? — спросили его.

— Скажите мне, какой теперь месяц? — спросил друзей своих Феофил.

— Февраль, — отвечали ему.

— В это зимнее время, — сказал тогда Феофил, — всю Каппадокию покрывает мороз и лед, и нет ни одного дерева или какого-либо растения, чтобы оно украшалось листьями; итак, как же вы думаете, — откуда эти цветы и эти яблоки с сучками и листьями?

Сказав это, он показал им яблоки и розовые цветы. Друзья Феофила, видя эти плоды и обоняя их прекрасное благоухание, сказали:

— Мы и в обычное для плодов и цветов время не видали ничего подобного.

На это Феофил им ответил:

— Когда святую деву Дорофею вели на смерть, я считал ее безумною, так как она называла Женихом своим Христа и все говорила про Его рай. Тогда, издеваясь, я сказал ей, как к безумной: когда придешь в рай Жениха своего, пошли мне оттуда яблоков и цветов. Она на это мне ответила: «Я и действительно это сделаю». Тогда я смеялся на ее слова, но теперь вот, по ее усечении, внезапно предстал предо мною малый отрок — возрастом не более че-

тырех лет и красоты неизреченной; я не думал, чтобы он даже и говорить умел, но, толкнув меня, этот отрок стал говорить, как муж совершенный:

— Святая дева Дорофея, — сказал он мне, — как и обещала, прислала тебе дары из рая Жениха своего.

Сказав это, он отдал мне все присланное в руки и стал невидим. Проговоря это, Феофил воскликнул:

— Блаженны верующие во Христа и страждущие ради имени Его святого, ибо Он есть Истинный Бог, и всякий, верующий в Него, поистине премудр!

После таких и подобных им воззваний Феофила некоторые пришли к игемону и сказали ему:

— Советник твой Феофил, доселе ненавидевший христиан и старавшийся погубить их лютою смертию, ныне во всеуслышание хвалит и благословляет имя некоего Иисуса Христа, и многие из слушающих речи его уверовали в этого Человека.

Игемон тотчас же велел привести к себе Феофила и спросил его:

— Что говорил ты сейчас во всеуслышание?

Феофил отвечал:

— Я хвалил Христа, Которого прежде, до этого дня, хулил.

Игемон сказал ему на это:

— Удивляюсь тебе, человеку разумному, что ты прославляешь теперь имя Того, чтителей Которого доселе преследовал.

— Оттого я и уверовал во Христа как истинного Бога, — отвечал Феофил, — что Он внезапно обратил меня от заблуждения на путь истины и соблаговолил, чтобы я познал Его, Бога истинного.

Тогда игемон сказал:

— Все, склонные к любомудрию, все более и более преуспевают в премудрости, ты же из мудрого стал внезапно безумным, именуя Богом Того, Кого иудеи распяли, как это ты слышал и от самих христиан.

На это Феофил отвечал:

— Я слышал, что Христос был распят, и заблуждался, не считая Его Богом и хуля ежедневно. Ныне же я каюсь в прежних своих заблуждениях и хулениях и исповедую Его Истинным Богом.

— Где же и когда ты стал христианином, — спросил его игемон, — если ты до самого нынешнего дня приносил жертвы богам?

— В тот самый час, — ответил Феофил, — когда уверовал во Христа и исповедал Его, — тогда и стал христианином; и теперь я от всего сердца верую в бессмертного Христа, Сына Божия, проповедую Имя Его истинное, имя святое, имя непорочное, — имя, в коем не обретается ни лицемерия, ни того заблуждения, какое царствует в идолах.

Тогда игемон сказал:

— Итак, значит, наши боги есть заблуждение?

— Как может не быть лжи в тех идолах, — ответил Феофил, — которых рука человеческая сделала из дерева, выковала из меди и железа и изваяла из олова, — на коих гнездятся совы, и пауки ткут свои сети, внутри же они полны мышей? И если я теперь говорю неправду, то да буду человеком лживым; ты же сам рассмотри, не истину ли я говорю? А так как я не лгу, то ты и сам скоро согласишься с истиною и отвратишься от лжи. Ибо тебе, как судии, судящему за ложь других, должно и самому обратиться от лжи к истине — Христу Богу.

Тогда игемон сказал:

— Итак, наши боги не живые существа?

— В идолах мы видим подобие человеческое, — ответил на это Феофил, — но они бесчувственны: Бог же есть существо невидимое, живое и Податель всякой жизни. Идолы, если они сделаны из дорогого материала, обыкновенно стерегутся, чтобы их не украли воры, Бог же небесный никем не охраняется, но Он охраняет всех, соблюдая Свое создание.

Тогда игемон воскликнул:

— О, окаянный Феофил! Вижу, что ты желаешь погибнуть лютою смертию.

— Я стремлюсь обрести добрую жизнь, — отвечал блаженный Феофил.

После этого игемон сказал:

— Знай, что если останешься при этом своем безумии, то я предам тебя великим мукам, а потом повелю предать тебя жестокой смерти.

— Я теперь только того и желаю, чтобы мне умереть за Христа Бога, — ответил Феофил.

— Вспомни дом твой, жену, детей и сродников твоих, — сказал

тогда игемон, — и безумно не выдавай себя на лютую смерть, ибо ведь это действительно безумие — самовольно отдать себя на те муки и казни, которыми обыкновенно наказываются злодеи.

На это святой мученик ответил:

— Это не безумие, но великая премудрость, — кто ради несказанных и вечных благ и вечной жизни принял преждевременную смерть, не обращая внимания на сии краткие и временные муки.

Тогда игемон сказал:

— Итак, ты лучше избираешь для себя муку, нежели покой, и лучше смерти желаешь, чем жизни?

— Я и мук боюсь, — ответил на это Феофил, — и смерти трепещу, — но тех мук, которым не будет конца, и ужасаюсь той смерти, которая влечет за собою вечную казнь. Мучениям, которым ты можешь предать меня, настанет скорый конец, казнь же, уготованная идолопоклонникам, никогда не скончается!

Тогда игемон повелел повесить святого Феофила нагим на дереве и жестоко его бить. Когда стали бить святого, он произнес:

— Ныне я совершенно христианин, ибо повешен на дерево, а оно подобно кресту. Итак, благодарю Тебя, Христе Боже, что Ты даровал мне быть повешенным на Твоем знамении.

— Окаянный, — сказал игемон, — пощади тело твое!

— Окаянный, пощади душу свою! — ответил Феофил. — Я не щажу своей временной жизни, но зато навеки будет спасена душа моя.

Тогда мучитель, еще более разгневавшись, повелел строгать мученика железными когтями и опалять свечами. Святой же, как бы не чувствуя страданий, радовался в муках своих и только произносил:

— Христе, Сыне Божий, я исповедую Тебя — сопричти меня к лику святых Твоих!

Лицо его было при этом радостно.

После того как слуги мучителя изнемогли от своего труда, игемон Саприкий издал на святого такой смертный приговор:

— У Феофила, до этих пор не принесшего жертвы бессмертным богам, а ныне уже развратившегося и даже уклонившегося от наших богов к христианскому сонмищу, — повелеваем усечь главу мечом.

Святой Феофил, услышав это, воскликнул:

— Благодарю Тебя, Христе Боже мой!

И, радуясь, преклонил под меч свою святую главу. Будучи усечен, он венчался венцом мученичества и, придя ко Господу в одиннадцатый час своей жизни, принял мзду равную первым (см.: Мф. 20, 1–16), — в Царстве Христа Бога нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИУЛИАНА

Святой мученик Иулиан был родом из города Эмесы[1]. Хорошо изучив в юношеском возрасте врачебное искусство, он исцелял не только тела людей, но и души их: ибо врачуя болезни, он учил веровать во Христа и многих из язычников обратил ко Христу Богу.

Когда схвачены были святые мученики Силуан епископ, Лука диакон и чтец Мокий, память коих совершается 29 января, и ведены были из темницы на съедение зверям, Иулиан, припав к сим мученикам, лобызал их и умолял не страшиться смерти за Господа.

После этого он был взят язычниками и заключен в некий вертеп; там ему вбили в голову длинный гвоздь, а также пробили гвоздями его руки и ноги; после этого он предал Богу дух свой.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ВУКОЛА,
епископа Смирнского

Угодник Божий Вукол с младенчества своего отличался незлобием и целомудрием и был преисполнен Духа Святого.

Всехвальный и возлюбленный ученик Христов и Его наперсник Иоанн Богослов, увидев, что он в духовной жизни человек опытный

[1] *Эмеса* — город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

и достойный, поставил его епископом Смирнской церкви[1]; для смирнских христиан это назначение было очень благовременно, и святитель Христов Вукол сделал для них много полезного. Просвещенный Духом Святым, он сиял как светильник на свещнике (см.: Мф. 5, 15): пребывавших во тьме заблуждения и идольском прельщении он просвещал небесным светом и чрез святое крещение делал их сынами света (см.: Ин. 12, 36), и всех защищал от бесчисленных, невидимых, но свирепых и неукротимых зверей, которые так и ищут, как бы кого поглотить (см.: 1 Пет. 5, 8).



Пред своим преставлением святой Вукол[2] вручил свое словесное стадо блаженному Поликарпу[3] и отошел от временной жизни к вечной. После того как тело святителя было погребено, Бог благоволил, чтобы у гроба его изросла мирсина[4], которая отличалась тем, что исцеляла больных.

---

[1] *Смирна* — знаменитый торговый город Ионии на восточном берегу Эгейского моря (Архипелага), верстах в 56 от Ефеса, при устье реки Мелес, один из древнейших городов Малой Азии; церковь насаждена была в Смирне святым апостолом Иоанном Богословом. Смирна в настоящее время принадлежит туркам, но и доселе там сохраняется и процветает христианская вера. Город остается и теперь одним из самых цветущих городов империи.

[2] Скончался около 100 года.

[3] *Святой Поликарп*, епископ Смирнский, знаменитый муж апостольский, ученик святого Иоанна Богослова; память его — 23 февраля; преставился в 167 году.

[4] *Мирсина* — миртовое дерево. Оно растет в Азии, Америке, в Африке — в Египте, и в Южной Европе, по берегам Средиземного моря. Ветвями этого дерева в праздники украшались жилища; миртовые венки надевали на голову во время пиршеств, особенно свадебных. Мирт почитался у древних вообще символом любви и тихого счастья, изображением радостных обстоятельств в настоящем и светлых надежд в будущем.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
МАРФЫ и МАРИИ
и брата их святого мученика
ЛИКАРИОНА ОТРОКА

Эти мученики жили в стране Асийской[1], в те времена, когда на Церковь Христову было воздвигнуто гонение царями и князьями нечестивых идолопоклонников.

Марфа и Мария, пребывая в девстве, старались только об угождении Господу и горели желанием приять смерть за Него.



Случилось однажды мимо их дома проходить нечестивому воеводе. В это самое время Марфа, открыв двери дома своего, вместе с сестрою своею, воскликнула, обращаясь к воеводе:

— Мы — христианки!

Воевода, вместе со своими слугами, услышав эти слова, не обратил на них внимания и прошел мимо.

Тогда сестры вслед воеводе опять возопили:

— Мы — христиане!

На это воевода сказал им:

— Я прощаю вам ради юности вашей: мне было бы неприятно умертвить вас.

На это святая Марфа воскликнула:

— О, воевода, мученическая смерть не есть смерть, но жизнь!

Услышав это, воевода сильно разгневался и велел взять святую деву.

---

[1] *Асия* — провинция Римской империи, на западе Малоазийского полуострова, с главным городом Ефесом.

Тогда вышла из дому и Мария и сказала воеводе:

— Что сказала сестра моя, то же скажу и я.

Потом вышел из дому и малый отрок, брат мучениц, по имени Ликарион, и воскликнул:

— Что сказали Марфа и Мария, то же говорю и я, ибо я христианин.

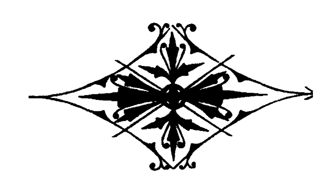
И повелел воевода повесить их всех трех на крестах. Здесь же стояла и матерь их и говорила им:

— Спасайтесь, дети мои возлюбленные, и приимите венец от Христа.

И сказала Мария, вися на кресте:

— Да спасешься и ты, матерь наша с плодом чрева твоего, ибо принесла нас ко Христу.

После этого Марфа и Мария прободены были на крестах, а Ликарион усечен воином мечом.





День седьмой

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАРФЕНИЯ,
епископа Лампсакийского

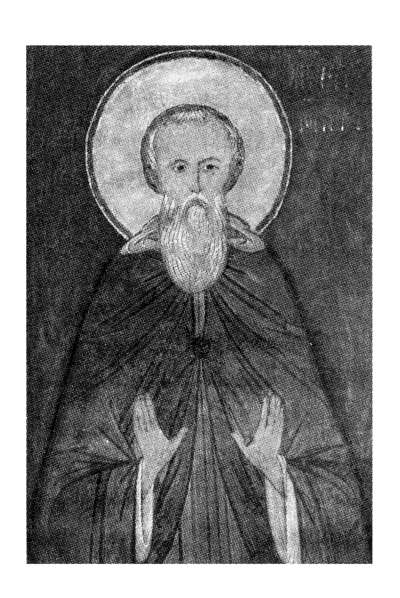
Соименный девству[1], святой Парфений родился в Мелитополе[2]. Отец его, по имени Христофор, был диаконом одной из церквей этого города. Парфений с детства не был научен грамоте, но, слушая в храме Божественное Писание, он многое из него так хорошо изучил, что мог сравняться со всяким искусным книжником. В юности он часто ходил на одно, недалеко расположенное, озеро и, ловя там рыбу и продавая ее, вырученные деньги раздавал нищим. С самых юных лет он был исполнен благодати Божией; восемнадцати же лет он, призыванием пресвятого Имени Христова, стал изгонять из людей бесов и творить многие чудеса.

После того как слава о святом Парфении стала распространяться между людьми, Филипп, епископ мелитопольский, призвал его к себе. Исследовав о святом юноше все, что он слышал, и удостоверившись во всем этом, он подивился его добродетели и Божией в нем благодати и велел научить его книжному искусству. Потом вскоре епископ Филипп назначил святого Парфения, вопреки его желанию, пресвитером и поручил ему попечение над одним из храмов. В сане пресвитера святой Парфений еще более подвизался в

---

[1] От греческого слова «парфенос», что значит «девица», «девственница».

[2] *Мелитополь* — один из городов Мизии, северо-западной провинции Малой Азии.



добродетелях. Получив от Господа сугубую благодать святости и чудотворения, он исцелял всякие болезни и именем Господа нашего Иисуса Христа совершил много предивных чудес. Среди таких чудесных знамений, между прочим, было следующее.

Однажды, на пути, встретил чудотворца некий человек, которому какой-то юноша выколол глаз; больной глаз висел на щеке, и человек тот, страдая и плача, поддерживал его рукою. Святой Парфений, взяв выколотый глаз в руку, вложил его в свое место и промыл водою; через три дня больной совершенно исцелел.

В другой раз одна женщина, одержимая лютою и неизлечимою болезнию на теле своем, пришла к святому Парфению и просила у него исцеления; когда преподобной сотворил на челе ее крестное знамение, она тотчас же получила исцеление.

Раз святой Парфений отправился посетить одного больного; когда он шел близ дома некоего вельможи, большая собака, сорвавшись с привязи, устремилась на святого и, бросившись передними лапами на плечи, хотела укусить его в лицо. Но святитель, дунув на нее, сотворил крестное знамение, и в то же мгновение пес издох: после того святой Парфений сбросил его с плеч своих.

Услышав о подобных чудесах, архиепископ Кизический Ахиллий призвал к себе святого Парфения и поставил его епископом Лампсакийским[1]. Прибыв во врученную ему епископию, Парфений нашел всех жителей ее преданными нечестивому еллинскому идолослужению, христиан же в то время было там весьма небольшое число. Добрый пастырь Христов весьма скорбел о том. Он прежде всего стал увещевать, обличать и умолять своих пасомых; указывая им путь истины и совершая именем Христовым чудеса, он исцелял больных и тем приводил многих к познанию истинного Бога. Увидев, наконец, что жители того города в вере преуспевают, а идоло-

[1] *Лампсак* — значительный, основанный феокейцами, город Мизии, в северо-западной области Малой Азии.

служения отвергаются, святой Парфений задумал разорить находившиеся там скверные капища, а вместо них построить благолепные святые храмы Божии. Для этого святой Парфений отправился к великому царю Константину, дабы испросить у него на это власть. Принятый благочестивым и христолюбивым царем с честию и очень любезно, святитель Христов получил от него желаемое: святой Константин великий дал ему свою царскую грамоту на разорение идольских капищ и при этом, вручив преподобному много золота на созидание святых Божиих церквей, отпустил его с миром.

Возвратившись в Лампсак, святитель Божий Парфений тотчас же разрушил до основания все капища и посреди города вскоре воздвиг обширный и прекрасный храм Божий; он сам принимал участие в его построении и своими руками помогал строителям.

В то время как строился этот храм, к святому Парфению пришел некий человек, имевший в себе духа нечистого; бес уже давно вселился в него, но он не мог понять этого. И вот этот, одержимый бесом, человек, приступив к святому Парфению, стал приветствовать его ласковыми словами. Святитель же Христов, заметив присутствие в нем духа нечистого, воздержался от приветствия.

Тогда, посрамленный в сем человеке, бес сказал святому:

— Я тебя желал видеть, оттого и приветствовал тебя; отчего же ты не ответил на мое приветствие?

— Вот ты видел меня, итак — что же тебе нужно? — ответил ему на это святой Парфений.

— Я увидел и узнал тебя, — сказал бес.

— Если бы ты, увидев, действительно узнал меня, — отвечал святой Парфений, — то ты вышел бы из этого Божиего создания.

На это бес сказал:

— Молю тебя, не выгоняй меня из моего жилища, в котором я так давно обитаю.

— А как давно ты находишься в этом человеке? — спросил святой.

— С самого детства его, — отвечал бес, — и до этих пор меня никто не заметил, один только ты; и теперь, как я вижу, ты изгоняешь меня; но если так, то куда же ты повелишь мне отойти?

— Я дам место, где тебе поселиться, — отвечал святой Парфений.

— Думаю, что ты непременно повелишь мне войти в свиное стадо, — сказал бес.

— Нет, я укажу тебе человека, в котором и обитай, только из этого выйди, — отвечал святой Парфений.

— Но действительно ли ты хочешь это сделать, или только так говоришь, — скажи мне об этом? — спросил бес святого Парфения.

— Я тебе правду говорю, — сказал святитель, — что знаю человека, в котором, если хочешь, можешь обитать, — только из этого выйди скорее.

После этого бес, убежденный словами святого, стал просить, чтобы он указал ему такого человека.

Тогда святой Парфений, открыв уста свои, сказал бесу:

— Вот этот человек: войди и обитай во мне.

Диавол, как бы опаленной огнем, воззвал на это:

— Увы мне! Если ты, после столь долгого времени, выгоняешь меня из постороннего человека, то какого же зла ты мне не сделаешь, если я вселюсь в тебя? и как я войду в дом Божий?

Сказав это, бес скрылся в местах пустынных и непроходимых; человек же тот, по благодати Божией, стал здоровым и восхвалил Господа.

После того как самое здание церкви было уже готово, святой Парфений стал заботиться о сооружении в алтаре престола, дабы на нем совершать Божественную литургию.

В это время он нашел в одном из разоренных идольских капищ большой камень; по своему виду он был очень удобен для построения святого престола, и вот святитель Христов приказал каменщикам обделать его получше и приготовить для совершения на нем святой трапезы.

Мастера, устроив и приготовив этот камень как следует, возложили его на повозку и впрягли в нее сильных волов, чтобы отвезти его в церковь.

Диавол, возъярившись за взятый из капища камень, устрашил впряженных волов, и они внезапно так быстро устремились, что их никто не мог сдержать. Шедший около них и управлявший ими возница, по имени Евтихиан, действием бесовским, упал навзничь под колеса, и тяжелая от камня колесница, переехав через упавшего, раздробила кости и раздавила его; и возница тотчас же умер.

Узнав об этом, святитель Божий Парфений сказал:

— Диавольская злоба сотворила это, но, о диавол, не препятствуй Божиему делу!

Тотчас же восстав, он взял с собою бывших с ним благочестивых мужей и поспешно пошел на то место, где произошел этот несчастный случай. Увидев труп мертвеца, он преклонил свои святые колена на молитву и со слезами, прилежно стал так молиться Господу:

— Боже всемогущий, податель жизни и смерти, Ты ведаешь, почему злобный враг кознями своими нанес смерть Твоему созданию; но, о Преблагий, как всегда, так и ныне, сотвори злое намерение его тщетным и возврати жизнь рабу Твоему Евтихиану и тем яви верующим непобедимую Твою силу, — ибо Ты Един Бог и Тебе подобает слава вовеки. Аминь.

В то время как святой Парфений еще произносил эту молитву, мертвый, в виду всего народа, ожил и воскликнул:

— Слава Тебе, Христе Боже, что Ты и мертвых восставляешь!

И тотчас же, став здоровым, как и прежде, он погнал волов и довез на них камень до самой церкви.

Тогда все видевшие это чудо и внезапное воскрешение мертвого, воздали славу и хвалу преблагому Богу и стали отовсюду приносить болящих и страждущих от нечистых духов, и они все, по молитве святого Парфения, благодатью и силою Божиею, исцелялись; и в это время почти уже никто не прибегал ко врачебному искусству, так как считали его совсем ненужным, и народ перестал обращаться ко врачам, ибо все болезни, во Имя Господа нашего Иисуса Христа, безмездно исцелял святитель Христов.

Между иными больными святой Парфений в три дня исцелил одержимую бесом дочь некоего Дионисия, из царского рода, по имени Дафну.

В другой раз он исцелил дочь смирнского князя Мамалия, по имени Агалматию; она тоже была одержима бесом и часто валялась по земле; изо рта ее истекала пена, а сама она казалась иногда как бы мертвою.

Святитель Парфений помог также одной знатной женщине, по имени Зоиле, которая ранее была одержима духом неверия, что ее сильно сокрушало.

Однажды приведен был к святому угоднику Божию юноша, сын пресвитера, по имени Никон; он был также одержим сильно мучившим его бесом. Родители, повергши сына своего к ногам святого Парфения, молили его, чтобы он сжалился над ним и избавил его от нечистого беса.

Тогда святитель Христов сказал им:

— Ваш сын недостоин исцеления, и злой дух дан ему в наказание, так как он отцеубийца: ведь вы сами, часто претерпевая от него поругание и обиды, в горести души своей молились, чтобы он наказан был Господом; и так, оставьте его в этой болезни, — это наказание нужно для него.

Они же, как чадолюбивые родители, скорбя сердцем о своем сыне, со слезами на глазах, воззвали к святому:

— Помолись Богу о нем, святитель Божий, да избавится он от лютого диавола!

Тогда блаженный Парфений, видя слезы родителей, сжалился над ними; он помолился усердно Господу, и бес тотчас вышел из юноши. Родители же, увидев сына своего здоровым, возвратились в дом свой, восхваляя и благословляя Бога.

Приведена была также к святителю Божию Парфению некая жительница города Арисва, по имени Александра; женщина эта, силою диавола, была одержима как бы духом какой змеи: она иногда шипела наподобие этого гада и в это время многих умерщвляла. Святитель Христов, изгнав из нее злого духа, исцелил ее и здоровою отослал к родным.

В другой раз святой Парфений, возложением своей руки и молитвою, исцелил одну приведенную к нему родителями девицу, дочь авиденийского гражданина Синодия, которая также была одержима бесом и скиталась по горам.

Сотворил угодник Божий в то же время чудо и над одним воином, по имени Аксаном. Все члены этого человека были расслаблены, но святитель Христов омыл его водою и, сотворив над ним молитву, отпустил его здоровым.

Человек некий, по имени Алан, родом сириец, под влиянием обитавшего в нем злого духа, удавился в созданной святым Парфением церкви и мертвым висел в притворе оглашенных; узнав об

этом, святитель пошел к трупу его и, молитвою своею изгнав из него диавола, воскресил его из мертвых.

Евтропий, житель Пареи, — города, находящегося между Лампсаком и Кизиком, привел к святому Парфению свою бесноватую жену. Святитель Христов, дунув в лицо страждущей и сотворив молитву над ее головой, тотчас же исцелил ее.

Также угодник Божий исцелил и другую бесноватую женщину, по имени Акакию, приведенную к нему из селения фелеи.

В то же время святой Парфений исцелил некую Евхерию, супругу вельможи Агапита; помолившись над нею и напоив ее святым елеем, он тотчас же исцелил ее, а перед этим, отравленная, она жестоко страдала и мучилась от смертоносного яда.

Некий юноша, по имени Максим, из города Виза, пребывая в Лампсаке, служил одному из диаконов. Захворав однажды болезнию желудка, он не мог вылечиться и умер. Родители, узнав о смерти сына своего, пришли из Виза в Лампсак, чтобы погребсти его; взяв там с одра тело Максима, они с плачем понесли его в церковь и по дороге положили его на том самом месте, где должен был пройти святитель Божий Парфений. Подойдя к этому месту и увидев лежащего мертвеца и плачущих родителей его, угодник Божий прослезился и, преклонив колена, помолился о нем Богу, и тотчас же Максим ожил и, поднявшись, сел и начал говорить. Святой же Парфений простер к нему руки, поднял его и возвратил родителям здоровым. Все жители этого города весьма дивились столь преславному чуду и прославляли Господа.

Принесены были также к святому угоднику Божию — диаконисса Феофила, из селения Асермии, и вместе с нею, из того же селения, отроковица Руфина; они обе были расслаблены силою бесовскою. Парфений, окропив их святою водою и помолившись над ними, обеих их исцелил.

Также угодник Христов, молитвою своею, уврачевал некоего Феласия, единственного сына пресвитера Илария; этот больной, по действу сатанину, был расслаблен умом.

В другой раз он исцелил некую нищую старицу, по имени Каллиопу, и с нею отроковицу Кириакию; они обе страдали от нечистых духов; дав им денег на пропитание, он отослал их здоровыми.

Кроме этих и многих других несказанных чудес святого, между прочим, произошло и следующее.

В дом, в коем приготовлялись царские порфиры и одеяние для царских сановников, вселился диавол и причинял работающим много вреда: он уничтожал их работы и устрашал привидениями. От этого все были в великой печали, а приставники над ними боялись царского гнева и даже казни за напрасную трату столь многих товаров. Святитель Божий Парфений, узнав об этом, по просьбе приставников, тотчас пришел сюда и заклял беса страшным и святым именем Христовым. Изгоняемый бес во услышание кричал и говорил, что какой-то Божественный огонь гонит его в геенну огненную; и с тех пор в этом доме прекратились все козни диавольские.

В другой раз нечистый дух стал мешать рыбакам: когда они опускали сети свои в воду, им, по наваждению диавольскому, всегда казалось, что в них попало множество рыбы, но когда с великим трудом они вытаскивали свои сети на берег, они не находили в них ни одной рыбицы; и так рыбаки напрасно трудились долгое время. Это происходило не только в Лампсаке, но и во всех окрестных городах и местностях той страны. И вот к святому Парфению собрались отовсюду рыбаки и просили, чтобы он помолился о них Богу, дабы их труд не был напрасным. Когда же угодник Божий со слезами молился о них Господу, ему от Бога было открыто, что эти козни рыбаки претерпевают от диавола. И тотчас же святой, восстав, пошел и обошел все берега и пристани, творя молитвы и прогоняя отовсюду гнездящегося в водах диавола; потом он велел рыбакам закинуть перед ним в воду сети. Когда они это с радостию исполнили, то, по молитвам святого, добыча их была так велика, что от множества рыбы едва можно было вытащить на землю сети, и с тех пор, как и прежде, улов рыбы у них был всегда обилен.

Когда однажды, во время ловли рыбы, святой Парфений сидел у Катаптелийской пристани, — в сети к рыбакам попала одна большая рыба, называемая финнос (тунец). Выскочив из сети, она упала к ногам святого. Осенив ее крестным знамением, он повелел ее разрезать и раздать братиям для съедения во славу Божию.

Потом святитель Христов исцелил одного хромого человека, по имени Каллиста, который после этого стал ходить, как следует.

Исцелил он также в это время и другого человека, по имени Лезвия; с ног до головы он был покрыт струпьями, так что ни в чем не отличался от прокаженного: помазывая его святым елеем и молясь над ним в продолжение трех дней, святитель отпустил его здоровым.

Однажды святитель Божий Парфений, по нуждам церковным, отправился во Фракию; прибыв в город Ираклию[1], он посетил там сильно болящего в то время архиепископа Ипатиана, и беседуя с ним, спрашивал о причине его болезни. В ту же ночь Господь открыл угоднику Своему Парфению, что архиепископ Ипатиан страдает тяжкою болезнию по причине своего сребролюбия и скупости, так как он присвояет себе вещи и имение даже нищих и убогих.

Утром святой Парфений снова пришел к архиепископу и сказал:

— Востань, великий архиерей, ведь ты одержим не телесною немощию, но наказываешься по своей душевной немощи: оттряси ее от себя, и ты будешь здоров.

На это болящий ответил:

— Я и сам сознаю себя грешным, почему и наказывает меня Господь, но, прошу тебя, помолись обо мне, да очищусь я от беззаконий моих.

Тогда святой Парфений сказал ему:

— Если кто согрешит пред ближним, то не будет ли услышана молитва его, но ты согрешил пред Богом; итак, что принадлежит нищим, возврати то Богу, и ты будешь здоров и душою и телом.

Растроганный этими словами, архиепископ сказал:

— Отче, я согрешил пред Господом моим, — Он же есть праведный Судия!

И тотчас же, призвав к себе эконома, он приказал принести собранное им от имущества убогих серебро. Увидев, как его много, он молил святого Парфения, чтобы он отдал все это нищим. Но угодник Божий посоветовал ему, чтобы он сам роздал то, что принадлежит убогим.

Тогда больной архиепископ приказал положить себя на повозку и вести к церкви святой мученицы Гликерии: там, собрав нищих и убогих, он им роздал все свое серебро. Благой же и премилостивый

---

[1] *Ираклия* — один из городов Фракии, области в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова.

Бог, не презревший двух лепт вдовицы и слез блудницы и приняв раскаяние мытаря, принял покаяние и этого архиепископа и через три дня совершенно исцелил его. Святой же Парфений, обходя ежедневно церкви Ираклии, совершал в них свои обычные молитвы.

Однажды он вошел в некую церковь; здесь он увидел лежащим одного совершенно иссохшего больного человека. Умилосердившись над ним, святитель Божий преклонил свои колена и со слезами помолился о нем преблагому Богу; потом, восстав от молитвы, он помазал болящего святым елеем, и тотчас же исцелил его, и, поставив на ноги, повелел ему идти. И исцеленный, восхваляя Господа, пошел к себе домой совершенно здоровым.

Узнав об этом необычайном чуде, ираклийские граждане, какими бы они недугами и болезнями ни были одержимы, стекались к угоднику Божию, и все силою Господа нашего Иисуса Христа, по молитвам святителя, возвращались здоровыми.

В то время, как святой Парфений благодатию и силою Христовою совершал сии чудеса, исцеляя различные болезни, — при нем находился архидиакон Ираклийской церкви; его звали так же, как и архиепископа, Ипатианом.

Сей архидиакон, видя совершаемые Парфением чудеса, припал однажды к ногам угодника Божия и со слезами на глазах передал ему, что по причине засухи на его селе погибли посеянные семена и всякая растительность, и нивы, и сады, и виноградники.

— Честной отче, — умолял он его при этом, — пойди туда, посмотри на все иссохшее там и помолись Богу, да подаст Он дождь земле, чтобы спаслась от голода вся наша местность.

Святой Парфений с поспешностью пошел на нивы, в сады и виноградники и, увидев, как все посеянное и все сады засохли, прослезился и, преклонив колена, со слезами на глазах долго молился человеколюбцу Богу, прося Его, да подаст Он дождь на землю и да прозябнет всякая растительность.

Бог, исполняющий волю боящихся Его, еще во время молитвы святого, покрыл небо дождевыми облаками, и пошел сильный дождь, напоив землю до изобилия.

Оставшись на ночь вместе с архидиаконом на селе его, святитель Парфений все время провел в молитвах, утром же он сказал архидиакону:

— Брат, будь осторожен к себе, ведь ты знаешь, что архиепископ твой был наказан от Бога тяжкою болезнию за его сребролюбие; нынешнею же ночью Господь мне открыл, что чрез несколько дней он прейдет от этой временной жизни, а ты вместо него будешь Ираклийским архиепископом; итак, знай, что нужно всегда заботиться о нищих, ибо это умилостивляет Бога больше всего.

Потом святой Парфений, благословив нивы, сады и виноградники архидиакона и своею молитвою и благословением сотворив их плодоносными, возвратился в город и там отправился прежде всего к архиепископу, дабы приветствовать его и потом отплыть на корабле в путь. Архиепископ, любезно встретив угодника Божия, облобызал его, и когда они сели и стали беседовать друг с другом, святой Парфений сказал ему:

— Извещаю тебя, святитель, что чрез несколько дней ты, оставив тело, отойдешь ко Господу, ибо тебя призывает Христос, Истинный Бог наш; ты же, отходя к Богу, как мне открыл Господь, оставишь преемником своим доброго Ипатиана, архидиакона твоего.

Архиепископ ответил на это:

— Да будет воля Господня!

И, облобызав друг друга святым целованием, они расстались. Святой Парфений, отправившись из Ираклии, чрез несколько дней прибыл в свой город Лампсак; а архиепископ Ираклийский, чрез некоторое время снова разболевшись, почил о Господе, вместо же него был поставлен Ипатиан, бывший архидиакон, — и так исполнилось пророчество святого.

Когда настало время жатвы и собирание всяких плодов, архиепископ Ипатиан отправился в свои поместья, на нивы и виноградники, которые прежде иссыхали от бездождия, и нашел на них великое изобилие плодов, — больше всех прежних лет, то было по молитвам и благословению святого Парфения.

Архиепископ, наполнив большой корабль пшеницею, вином и всякими плодами, отправился в Лампсак к чудотворцу, дабы принести ему благодарность за его благословение.

Святой Парфений принял архиепископа любезно, но привезенных даров не захотел принять, сказав:

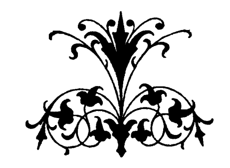
— Благодари Бога за все, а это раздай братии.

После довольно продолжительной и любезной беседы со святым, архиепископ Ипатиан, возвратившись к себе домой, по повелению

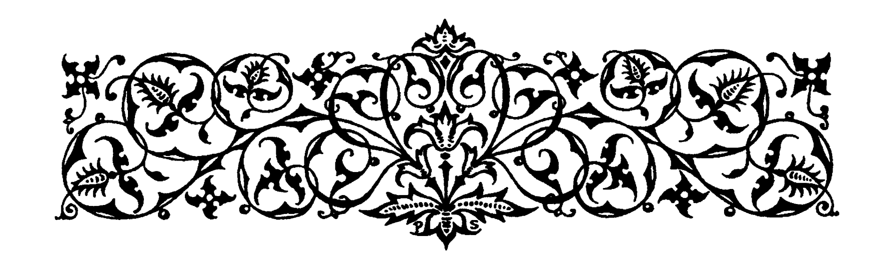
святого, роздал братиям своим множество пшеницы, вина и всяких плодов и до самой своей кончины исповедовал пред всеми те великие чудеса Божии, какие Господь сотворил чрез раба Своего Парфения.

Таким образом угодник Божий и великий чудотворец — святой Парфений, сияя в равноангельном житии, обратил многих от идолопоклонства к истинному Богу и исцелил множество недужных от различных болезней; наконец, он сам разболелся и, призываемый от Господа, скончался месяца февраля, в седьмой день, почив с миром в старости маститой. Когда в окрестных городах и селах узнали о честном преставлении святого, отовсюду стеклись на погребение его архиереи — Ираклийский, Кизический, Мелитопольский, Парийский и многие другие епископы и священники. Все они, как будто сговорившись, прибыли в город Лампсак и устроили святому славное погребение; с пением псалмов и других песней духовных, они положили честное тело близ соборной церкви, в созданной им часовне[1].

И подавались у гроба святого Парфения многие исцеления недужным: не только в жизни своей, но и по преставлении этот безмездный и чудотворный врач — прокаженных очищал, бесов от людей изгонял; и ныне он врачует и исцеляет души и тела наши молитвами своими, благодатию же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом да будет слава вовеки, аминь.



[1] Святой Парфений скончался в 318 году.



ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЛУКИ ЕЛЛАДСКОГО

Святой Лука родился в Елладе[1]; родители его были переселенцами из чужой земли: они прибыли сюда с острова, называемого Эгина, что лежит при Эгейском море[2]. Не вынося постоянного нашествия арабов, они оставили отечество свое и, переселившись в пределы Греции, странствовали там, и наконец поселились в одной местности, называемой Касторией[3]. Здесь у них и родился блаженный Лука; имена его родителей были — Стефан и Евфросиния.

С самых юных лет блаженный Лука, вращаясь среди детей, не проявлял в себе ничего отроческого; он с охотою оставлял все детские игры и забавы. Уже в отроческих летах он казался мужем совершенным: любил безмолвие, уединение и отличался скромностию.

А что удивительнее всего, так это то, что он в таком возрасте был уже великим постником и воздержником. Он не только не вкушал мяса, но воздерживался и от молока, сыра и яиц; он не прикасался даже к яблокам и другим садовым плодам, которые так особенно сладостны и приятны для малых отроков: он питался только хлебом, водою и огородною зеленью. В среду же и пяток до захождения солнечного он ничего не ел.

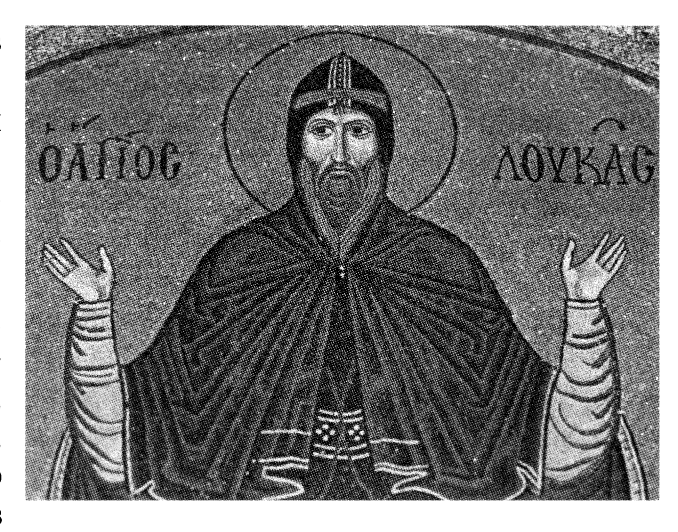
Но еще большего удивления достойно то, что при таком посте и воздержании Лука не имел ни руководителя, ни наставника; он сам,

---

[1] *Елладой* в древности называлась средняя часть Греции.

[2] *Эгина* — один из островов Архипелага. Эгейское море — иначе Салоникский залив, на северо-западе от Архипелага.

[3] *Кастория* — селение в Аттике, юго-восточной области Еллады или средней Греции.



силою действующей в нем благодати Божией, день ото дня восходил все на больший и больший подвиг — он избегал объядения и сладких снедей, возлюбил пост, соединенный с трудом, скудость во всем, даже и необходимом, и вообще все то, что умерщвляет плоть, в этих подвигах он только и упражнялся. И все, что для других казалось столь сладостным, радостным и приятным, — все это для блаженного Луки было чем-то тяжелым, ненавистным и неприятным, и что почти для всех казалось в жизни тяжким, неприятным и невыносимым, то для него было приятным и вожделенным.

Родители святого Луки, заметив такой необычный для юношей образ жизни его, весьма удивлялись, но особенно же удивлялись его постничеству и воздержанию. Думая, что это происходит не от какого-либо добродетельного настроения, но только из детского легкомыслия, они задумали испытать его таким образом: в одном сосуде они сварили мясо и рыбу и предложили ему это кушание на трапезе; отец, взяв рыбу, дал ее и блаженному Луке. Тот, не зная, что эта рыба варилась вместе с мясом, начал было ее есть, но по вкусу узнав, как эта рыба приготовлена, весьма опечалился и тотчас извергнул съеденное; и как будто самовольно сотворив некое великое беззаконие, рыдая и воздыхая, он не желал даже вкушать хлеба и в таком плаче и посте провел три дня. Тогда родители его, увидев, что не по детскому легкомыслию, но по Божией благодати присуще ему такое стремление к благочестию, на будущее время предоставили ему жить по его доброму желанию.

Блаженный же Лука во всем повиновался родителям своим, исполняя со старанием все, что они ни приказывали: он пас овец; когда пришел в возраст, стал обрабатывать землю, а по временам исполнял домашнюю службу, умерщвляя свою юную плоть и подавляя

страсти. К нищим он был так милостив, что из-за них часто сам себя лишал всего необходимого. Когда он выходил на какое-либо дело из дому, то всю взятую им пищу раздавал нищим, а сам оставался голодным. Точно так же с великою охотою и любовию раздавал им и одежды свои и домой нередко возвращался нагим, за что родители укоряли его, бранили и даже наказывали, а иногда оставляли даже ходить его нагим и долгое время не давали ему никакой одежды, думая, что он устыдится наготы своей и перестанет раздавать свои одежды нищим. Но добродетельный юноша не переставал творить дела милосердия: он не стыдился наготы и не боялся наказания; нагота из-за нищих для него была царскою порфирою, а наказание и биение за них он считал для себя честию и похвалою, — и еще более после того благотворил нищим.

Однажды блаженный Лука шел на поле сеять пшеницу и на дороге встретил нищих; тогда он разделил им пшеницу, а себе оставил для посева только немного. Господь же, Который за милостыню убогим воздает сторицею, благословил этот скудный посев: в это лето на ниве его пшеницы уродилось более, чем в прежние годы, так что когда пришло время жатвы, собрали так много пшеницы, как никогда.

Когда Стефан, родитель святого Луки, заболев, скончался, человек Божий, оставив земледелие, предался книжному научению. Усердствуя особенно в богомыслии и изучении молитв, божественный юноша так преуспевал, что, вознося ум свой к Богу, иногда и телесно возвышался от земли, как это однажды ясно видела мать его Евфросиния. Заметив раз, что сын ее долго не выходит из комнаты своей, она, желая узнать, что он делает, посмотрела тайно в скважину и видела его молящимся: его ум был вперен к Богу, всем же телом своим он стоял в воздухе, совсем не прикасаясь земли и отстоя от нее как бы на один локоть; это Евфросиния видела не разъ, но дважды или трижды, и весьма этому дивилась; после она с клятвою передавала о том другим.

У этого блаженного юноши уже давно было желание оставить многомятежный мир и предаться монашескому безмолвию и иноческим подвигам. Однажды, думая об этом, он, горя желанием принять иночество, тайно от всех, вышел из дому, намереваясь оставить Елладу; на пути он встретил воинов и сторожей, которые хватали рабов, убегавших от своих господ, и сажали их в темницу.

Они, увидев плохо одетого юношу, подумали, что это один из убежавших рабов, и схватили его; они спросили, чей он раб, откуда и куда бежит. Юноша на это ответил им, что он раб Христов и идет ради молитв ко святым отцам. Но воины не поверили ему; думая, что он хочет скрыть пред ними свое рабство и бегство, они стали беспощадно бить неповинного юношу; потом они заключили его в темницу — пока не объявит, чей он раб и как убежал от своего господина. На все это блаженный Лука смотрел как на искушение завистливого врага, который препятствовал его доброму намерению. Но чрез некоторое время святой был узнан некоторыми людьми; после их свидетельства о нем блаженный Лука был освобожден от уз.

Когда раб Христов возвратился к себе домой, ему пришлось от домашних претерпеть не только выговоры и укоризны, но даже и биения. Днем и ночью молился святой Богу, дабы Он благоволил принять ему иночество, и вскоре получил желаемое следующим образом.

В местность ту из Древнего Рима пришли два инока; увидев их, Лука тотчас же вспомнил о своем намерении, и сердце его еще более возжглось любовию к Богу. Беседуя с ними, он спросил их, куда они идут. Они сказали, что идут в Иерусалим. Тогда блаженный Лука стал умолять их, чтобы они взяли его с собою в путь и сделали бы его таким образом участником своей иноческой жизни. Но они отказывались взять его, отговариваясь то тем, что он еще юн, едва пошел ему семнадцатый год и к продолжительному странствованию не привык, то тем, что боятся родителей его, как бы им не претерпеть от них чего дурного, когда те, узнав обо всем, погонятся за ними и догонят их. Блаженный же Лука сказал им, что он сирота и странник и что за ним никто не следит, и умолял тех иноков взять его. Однако из этой местности они с ним вышли тайно и, придя в Афины, отправились помолиться в тамошнюю прекрасную церковь Пречистой Девы Богородицы и в монастыре переночевали. Отходя же в путь к Иерусалиму, иноки оставили блаженного Луку в том монастыре.

— Здесь, юноша, — сказали они ему, — хорошее место для исполнения твоего намерения, здесь ты можешь получить желаемое и вскоре будешь причтен к прекрасному лику иночествующих.

Поручив его игумену, они отошли в путь.

Игумен несколько раз спрашивал, откуда он и какого рода, но ничего не мог узнать: раб Божий скрывал свое отечество и свой дом и не желал никому открывать себя. Однако, видя, что он юноша добронравный, тихий, кроткий, смиренный и послушливый, постриг его в новоначальный чин.

Матерь же блаженного Луки весьма скорбела о нем: она не могла перенести разлуки с своим возлюбленным сыном, на которого смотрела как на единую утеху своего вдовства и как на отраду в печали, и горько плакала о нем, взывая к Богу:

— Увы мне, Господи! Свидетель моего вдовства и сиротства, — сначала Ты опечалил меня, отняв смертию от меня друга, которого Ты сочетал со мною супружеством, после чего подверг меня бедам вдовицы, которые для меня ужасней самой смерти, — ныне же Ты удалил от глаз моих того, кто в столь великих бедах был для меня отрадою, и теперь я не знаю, где могу увидеть его — единственную зарю моей многобедственной жизни. Теперь мне следует вместе с Давидом воскликнуть: *и свет очей моих, — и того нет у меня* (Пс. 37, 11). И почему отрок так далеко от нас удалился? Разве мы возбраняли ему непрестанно служить Тебе, Владыке нашему? Или разве мы приказывали ему исполнять какие-либо домашние работы, заставляя его чрез то пренебрегать обычными его молитвами? Разве учила я его любить более плотское, нежели духовное, земное — больше небесного, временное — больше вечного? Я научилась от родителей своих быть матерью не только по плоти, но и по духу, и хотела сына своего видеть совершенным в добродетелях; я ему предоставляла больше времени для молитвы, нежели на услужение мне; для меня было радостию — видеть возлюбленное мое чадо, если не всегда, то по крайней мере хотя некоторое время; для меня довольно было только слышать от соседей похвалу его добронравию и этим утешать свою печальную душу. Итак, Владыко Царю, не презри слез очей моих, но услышь их и благоизволи утолить мою великую печаль; утолишь же Ты ее тогда, когда снова подашь очам матерним зреть возлюбленное чадо; тогда я, найдя сына своего, соберу всех и исповедую величество Твое и буду прославлять Тебя во все дни жизни моей.

Так в печали своей помолившись, вдовствующая матерь преклонила на милость благого Бога, и о чем просила, то и получила.

Господь, все мановением Своим соделывающий, сподобил видения игумена того монастыря, в котором в новоначалии подвизался блаженный Лука: он во сне увидел плачущую матерь, которая так взывала к нему:

— Зачем ты обидел меня, вдову? Зачем к страданиям моим ты приложил еще сию печаль? Зачем так беспощадно ты отнял от меня единую отраду моего вдовства? Зачем ты похитил моего сына, опору старости моей? Претерпевая сию печаль, я не перестану обращаться к Богу и Царю всех и вопиять на тебя.

Устрашенный таким сонным видением и сказанными словами, игумен сначала думал, что это простое бесовское наваждение, но когда в следующую ночь и в третью он увидел во сне ту же жену и услышал от нее те же гневные слова, тогда он понял, что это не бесовское прельщение, но от Бога посылаемое явление.

Утром игумен, призвав к себе находившегося у него в новоначалии юношу Луку, сказал ему с гневом:

— Зачем ты задумал все о себе утаить, хотя я несколько раз спрашивал тебя, кто ты и откуда? Зачем ты говорил, что не имеешь ни родителей, ни сродников? И как ты дерзнул приступить к сему святому чину и к сожитию с нами, весь исполненный льсти и лжи, как о тебе свидетельствует самое дело? Если бы в начале ты сказал нам правду, то ныне, вопреки твоему желанию, не были бы о тебе откровения. Итак, отойди от нас и от всех нас, монашествующих, и возвратись к родившей тебя; от нее, очень сокрушающейся, я третью ночь весьма страдаю.

В то время как игумен так говорил, блаженный Лука, весьма испуганный, стоял как бы изумленным; он смотрел долу, и глаза его испускали слезы: так ему не хотелось разлучаться со святою дружиною. Игумен, видя его слезы и смирение, умилился и начал кротко с ним так беседовать:

— Нельзя, чадо, теперь тебе не вернуться к матери своей, а после не возбранена тебе будет и жизнь в монастыре; так и сделай, советую тебе; ибо явно, что ее молитва сильна умолить Бога и намного превосходит твою молитву.

Выслушав это, блаженный Лука ничего не возразил против слов игумена; поклонившись ему, он только испросил его молитв и благословения. Итак, хотя он не желал даже и выходить из монастыря, но принужден был отправиться в путь к матери своей, в селение Касторийское.

Войдя в дом, он нашел матерь свою сетующею, но когда она увидела его, то исполнилась радости и умиления, но не тотчас же устремилась к сыну своему, дабы его обнять: как женщина, сильная духом и богобоязненная, она прежде всего, возведя очи к Богу и воздев к Нему руки свои, вознесла Ему благодарение, что, по Его содействию, она теперь снова приемлет возлюбленного сына своего, которого перед этим лишилась.

— Благословен Господь, — говорила она, — Который услышал молитву мою и не лишает меня милости Своей.

Так Лука, Божиим изволением, возвращен был матери; он служил ей, как сын, и пробыл при ней четыре месяца. Потом блаженный Лука, горя духом к Богу и к безмолвному по Боге житию, снова задумал уйти от матери своей. На этот раз она уже не препятствовала его доброму намерению и не удерживала его от пути, ибо знала, что сыну ее, как и всякому другому, Бога подобает почитать больше, чем родителей.

Итак, святой Лука, сопутствуемый молитвами матери, как добрым вождем, скоро пришел к одной приморской горе, которая называлась Иоанновой; там была церковь во имя святых бессребреников — врачей Космы и Дамиана. Там, устроив себе небольшую келию, он и стал в ней жить по Боге. Какие он здесь подъял труды, борясь с бесами и умерщвляя свою плоть, — об этом подробно нельзя рассказать, однако нельзя и умолчать обо всем; итак, из многого расскажем только несколько, чтобы знать, каков был по житию этот угодник Божий.

У преподобного был один ученик, который соблазнялся о наставнике своем: он думал, что святой лицемерно непрестанно молится. Видя, что он ничем не занимается: ни чтением Божественных книг, ни изучением отеческих творений, ученик этот думал, что наставник его, как человек некнижный и не знающий Божественного Писания, все ночи проводит не в бдении, но во сне и лености. И вот, однажды поздно ночью, когда старец уже затворил двери

своей келии, ученик его сел извне при дверях и, приклонив к ним голову, стал прислушиваться, что старец делал по ночам, — почивает или молится? И так подслушивая, он оставался при дверях всю ночь до утра. О том же, что он здесь слышал, — он после сам передавал. «Слышал я, — говорил он, — как святой, преклонив колена, ударялся головою о землю и с каждым поклоном благоговейно произносил: «Господи, помилуй!» Потом, воспламенившись еще большим усердием к Богу, стал делать более частые поклоны и еще усерднее взывал: «Господи, помилуй!» И так он молился до тех пор, пока не изнемог телом; но, и упав ниц на землю, он не изнемог духом, ибо и лежа, он в молитве взывал к Богу. А потом, восстав, он преклонил свои колена и стал делать то же самое, и в такой молитве провел всю ночь, до самой утренней зари. После этого ученик этот, уверившись в подвигах отца своего, раскаялся в прежнем своем сомнении и после кончины святого с клятвою исповедовал все это пред другими.

Но преподобный умерщвлял свою плоть не только ночными коленопреклонениями, но и дневными трудами. Он устроил себе небольшой сад и стал сажать там различные деревья и сеять всевозможные семена, но не для потребы своей или продажи, но для изнурения плоти, ибо каждый день до пота лица трудился в саду своем.

А если и бывали плоды от его дерева и семян, он их раздавал приходящим к нему, иногда же, наполнив ими большую корзину, он относил ее на соседние, чужие нивы и там оставлял ее; так святой Лука питал других трудами своими, сам же пребывал всегда в посте.

Случилось, что в сад его стали приходить олени; одно съедая, а другое попирая ногами, они сильно портили его. Святой отгонял их, но когда возвращался в келию, они снова приходили туда; и так повторялось несколько раз. Тогда святой, раздосадованный, выйдя к оленям, сказал одному из них, который был больше других, как какому-либо разумному и словесному созданию:

— Зачем вы делаете мне неприятное и разоряете мои труды, между тем как я вас никогда не обижал? Ведь мы рабы Единого Господа и создания Единого Бога; кроме того — я создан по образу Божию и имею власть над всем творением, ибо Создатель все покорил человеку. Итак, по повелению Господа, не сходи с места, на котором стоишь, но приими достойное наказание.

И лишь только святой это произнес, олень, как бы пораженный какою-либо стрелою, упал на землю и лежал неподвижно, тогда как остальные олени убежали. Случилось увидеть все это ходящим в пустыне охотникам; они с поспешностию подошли к оленю и с радостию уже потащили для заклания свой нечаянный улов. Преподобный же, сжалившись над оленем, сказал им:

— Братия, вы не имеете права взять этого оленя: не вы охотились за ним и не вы уловили его, но подошли уже к пойманному и теперь хотите его заколоть. Вам должно было бы сжалиться над ним, ибо он упал от слабости и теперь лежит, не думая убегать.

Услышав это, охотники оставили оленя, удивляясь милосердию святого. Святой же отпустил оленя целым и здоровым в пустыню.

Будучи столь совершенным по житию иноком, преподобный отец наш Лука еще не был облечен в полный иноческий чин. Но он его весьма желал и прилежно молился Богу, да сподобит Он его этого святого ангельского образа; и молитва его была услышана: он получил желаемое.

Однажды к нему, неизвестно откуда, пришли два старых инока, украшенные честными сединами и святолепными лицами: они говорили, что идут к старому Риму; эти-то иноки, сотворив молитву, и облекли преподобного Луку в полный иноческий образ; наставив его, они стали собираться в путь. Преподобный Лука, не имея чем их напутствовать, так как был нищ и телом и духом и не имел даже необходимой пищи, проводил их, питаясь на пути духовно-полезными беседами с ними. Придя на один морской берег, путники сели немного отдохнуть и уже хотели на том месте разлучиться с блаженным Лукою, дав ему целование о Господе. Но когда они еще сидели, внезапно из моря выскочила большая рыба и упала на берегу пред их ногами; потом выскочила и другая, и обе они бились по земле, как бы сами отдаваясь в их руки. Это было по молитвам святого Луки; ибо он, не имея потребной пищи, дабы угостить на дорогу своих благодетелей, своею тайною, сердечною молитвою умолил Господа, Промыслителя всей твари, послать им на путь пищи. И Тот, Кто некогда чрез ворона посылал Илии хлеб и мясо, Тот и сим преподобным отцам из вод морских послал пищу. И они, взяв обе рыбы, возблагодарили Бога, отверзающего руку Свою и насыщающего *все живущее по благоволению* (Пс. 144, 16).

Преподобный же отец наш Лука, восприяв совершенный ангельский чин, предпринял и более совершенное житие: он начал еще более подвизаться, прилагая к своим прежним подвигам еще более тяжкие труды, и увеличивал свое пощение слезами и всенощными бдениями. Пищею его был ячменный хлеб, а иногда сырая зелень и вода; сну же он редко когда предавался — для этого в келии своей он имел выкопанный ров, наподобие гроба; это он сделал для всегдашнего памятования о смерти. И когда нужно ему было ночью уснуть, он ложился в этот гроб, как бы умирая и погребаясь; и, немного почив, тотчас же вставал снова на молитву, произнося слова пророка Давида: *Предваряю рассвет и взываю.* И еще: *Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое* (Пс. 118, 147–148).

Когда святой Лука начал проводить такую жизнь, вскоре слава о его добродетели распространилась между всеми окрестными жителями, и к нему отовсюду стал стекаться народ.

Однажды пришли к преподобному два родные брата и поведали ему, что отец их перед кончиною своею, неизвестно где, зарыл в землю все свое золото, серебро и пенязи и, умирая, не указал им того места, где закопал все свое сокровище. Итак, отче, просим тебя, говорили они, помолись Богу, да укажет Он это сокровенное место, и тогда между нами прекратятся повседневные ссоры. Ибо мы, будучи братиями, друг про друга думаем, что один из нас украл отцовское наследие и утаил себе. Итак, сделай, чтобы по молитвам твоим и вражда бы между нами утолилась, и нищета наша от найденного сокровища прекратилась.

Преподобный же отказывался и отсылал братиев от себя, говоря, что его молитва не может о том умолить Господа. Но те, часто приходя, просьбами своими докучали ему и наконец преклонили его на милость.

Святой, помолившись о них ко всевидцу Богу и в откровении узнав то место, где отец этих двух братьев сокрыл свое сокровище, указал им его. Тогда они, отправившись туда, стали рыть на том месте землю и скоро нашли золото и серебро своего отца и прославляли это чудо по всем окрестным селениям.

Ненавистник же добра — диавол, хотя и всегда был побеждаем сим храбрым воином Христовым, однако снова задумал воздвигнуть против него брань. Желая нанести ему оскорбление и зло, он своими кознями устроил следующее.

По его наущению, из одного ближнего селения пришли к святому три женщины; с плачем и рыданием припав к ногам его, они стали исповедовать свои тяжкие грехи и просить, дабы он своим добрым советом и молитвою исцелил их души. Святой Лука, желая всячески избегнуть их докуки и устраниться от них, отослал их к иереям, так как сам не имел этого чина, но был лишь простым непосвященным монахом; однако женщины эти не послушались святого, и он услышал здесь от них исповедание самых ужасных женских грехов.

Когда эти грешницы ушли, враг людей, *во тьме* треляющий *в правых сердцем* (Пс. 10, 2), снова напал на святого скверными помышлениями и в умерщвленных членах его возбудил греховную брань. Тогда святой Лука, уразумев коварство диавола, вооружился на него оружием молитвы. Три дня простояв на одном месте и все время молясь Богу, он победил эту кознь диавола, дождем слез угасил пламень этой ужасной похоти и, таким образом, с помощию Божиею, стер главу адского змия.

После трехдневной молитвы, когда тело святого уже совершенно изнемогло, он немного уснул; в это время в видении предстал ему Ангел во образе прекрасного юноши; в руке он держал удочку, которую и стал ввергать ему в уста и гортань; и казалось, что блаженный Лука проглотил ее всю, и она дошла до самых его внутренностей; потом явившийся юноша исторгнул из него удочку и на ней извлек некую часть его тела, мясистую и кровавую, и, выбросив ее, сказал ему:

— Дерзай и не бойся.

Тотчас воспрянув от сна, святой уразумел, что Господь избавил его от плотской греховной страсти и возблагодарил Спаса и Избавителя своего.

Преподобный Лука, при чистоте своей жизни, обладал и даром прозорливости и предсказывал будущее: он, например, заранее возвестил о нашествии болгарских войск на греческую землю, что и сбылось в свое время, как об этом будет сказано ниже.

Святой подвижник провидел и тайны сердца человеческого. У преподобного была сестра, по имени Гали; она была ему сестрой не только по плоти, но и по духу: во всем подражая брату своему, она проводила жизнь свою в девстве, целомудрии и иноческих

подвигах. Иногда, вместе с послушницами, она приходила из своего монастыря к брату и здесь прислуживала ему, если в чем нужно было, — иногда же возделывала сад его, насаждая и очищая деревья.

Один раз преподобный сказал ей и вместе бывшим с ней:

— К нам идет человек, неся на плечах своих большую тяжесть, и потому сильно обременен.

Сказав это, он оставил пришедших к нему жен и сам пошел в свою гору. Они же, не поняв сказанного им и удивляясь, размышляли, что означают те слова, которые сказал преподобный: кто это обремененный и чем обременен? И вот, чрез некоторое время, пришел сюда некий человек, которой не только не имел никакого бремени, но даже и ничего не нес, и стал спрашивать о преподобном: «Мне нужно его видеть по некоему делу», — говорил он. Сестра святого отвечала этому человеку:

— Его здесь нет, он ушел на время в пустыню, а если хочешь его видеть, то подожди, пока он придет.

Пришедший человек сказал:

— Не уйду, пока не увижу его, — и, в ожидании святого, просидел близ его келии семь дней. По прошествии же семи дней преподобный пришел из своей пустыни и, заметив этого человека, взглянул на него без обычной своей кротости и даже гневно и грозным голосом сказал ему:

— Зачем ты пришел в сию пустыню? Зачем, оставив города, ты удалился в горы? Зачем, презрев пастыря и церковных священников, ты пришел к нам, некнижным простецам? И как ты дерзнул предстать пред наши очи, не боясь мести Божией, будучи виновен в безмерных беззакониях?

Устрашенный такими словами святого, пришедший человек заплакал и от страха не мог проговорить ни одного слова.

Тогда святой Лука снова обратился к нему:

— Что же ты молчишь? — спросил он. — Что же ты не исповедуешь дел своих и не говоришь об убийстве, которое ты совершил, — дабы, раскаиваясь во всех своих беззакониях, хотя мало умилостивить Бога?

Тогда человек тот, едва имея возможность от плача и рыдания говорить, сказал святому:

— О, человек Божий! Чего же еще более желаешь, чтобы я тебе рассказал? Просвещенный живущею в тебе благодатию Божией, ты сам, прежде моего исповедания, сказал о моем тяжком грехе. Как я вижу, тебе все известно, что я делал тайно. Однако, если ты приказываешь, я во всеуслышание расскажу о беззаконии своем.

И начал человек тот подробно рассказывать перед всеми, как, где и из-за чего убил в пути друга своего, исповедуя грех этот с рыданием и смирением; потом, припав к ногам святого Луки, он стал молить святого, дабы не оставлял его увязшим в диавольских сетях. Святой же, много поучив человека того и наставив его на путь спасения, отослал его к священникам. Все это рассказано, чтобы показать прозорливость святого Луки, как он провидел даже тайные человеческие согрешения.

Да будет позволено сказать и о другом подобном случае.

Один корабельщик, по имени Димитрий, часто приплывая на своем корабле к пристани, которая находилась недалеко от келии святого, хорошо с ним познакомился, и когда приходил к нему, то сподоблялся его святых молитв и наслаждался его беседами. Однажды, пристав к берегу и собираясь идти к преподобному, он задумал явиться к нему не с пустыми руками, но принести ему что-либо от своего улова; он часто у той пристани ловил рыбу, но на этот раз, закидывая вместе с своими матросами в море удочки, он ничего не выудил и весь день трудился понапрасну. Но, уже поздно вечером, он, вспомнив о преподобном Луке, закинул удочку во имя его, и ему попалась такая большая рыба, что он едва извлек ее из воды; потом он второй раз во имя святого закинул удочку и поймал другую рыбу, подобную первой, но только немного поменьше первой. Отправившись к преподобному, он взял с собою меньшую рыбу, а большую оставил себе. Святой Лука, будучи прозорливцем, узнал о всем происшедшем, однако гостя своего и принесенный им дар он принял любезно. Но, беседуя с ним, он, между прочим, напомнил ему, как Анания согрешил перед Богом, утаив от взятой за село цены, и как об этом узнал святой апостол Петр (см.: Деян. 5, 1–5). Выслушав это, Димитрий понял, что эти слова святого касаются и его, так как он утаил большую рыбу; исполнившись ужаса пред прозорливостию блаженного отца и устыдившись обличения своего греха, он припал к ногам его и, исповедуя свой грех и каясь, просил

у него прощения. Святой Лука, наставив его кротко, простил ему, принесенную же рыбу приказал ученику своему сварить и отдать приходившим к нему братиям, так как сам он рыбы не вкушал. И много раз он, предвидя, что к нему скоро должны прийти братия, предсказывал то ученику своему и приказывал ему приготовить для них пищу и хлеб.

Спустя семь лет после пребывания святого Луки в своей горе, начались нашествия на греческую страну болгарских войск, о чем еще прежде предвозвестил преподобный. Жители бежали, кто в города и крепости, кто на Евбейский остров и Пелопоннес[1]; тогда и преподобный Лука, оставив свою гору, сел на корабль и отправился в Коринф[2]. Там, услышав о некоем столпнике, подвизавшемся в Патрах[3], он отправился к нему и пробыл у него десять лет, служа ему с полным повиновением и усердием, как сын отцу своему. Об этом столпнике один пресвитер стал отзываться плохо и, соблазняя слышавших, хулил и поносил праведного мужа. Преподобный Лука, услышав хульные слова, поносившие его отца, оставил свойственную ему кротость и, вопреки пресвитеру, стал восхвалять подвижника и, обличая лживые слова того пресвитера, твердо стоял за невинность своего наставника. Пресвитер же, человек жестокий, ударил святого Луку по щеке, — и тотчас же постигла его казнь Божия: беснуясь, он упал на землю и так оставался до самой своей кончины, будучи предан *сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен* (1 Кор. 5, 5).

По прошествии десяти лет преподобный Лука снова возвратился в свое отечество, в Елладу, и поселился на месте своего первого пребывания в горе Иоанновой.

Однажды случилось мимо горы святого проходить епископу коринфскому, который шел в Царьград и теперь остановился отдо-

---

[1] *Евбея* — длинный остров, простирающийся с северо-запада к юго-востоку вдоль берегов областей средней Греции Беотии и Аттики. Пелопоннес — Южная Греция.

[2] *Коринф* — древнейший, знаменитый и богатый город Древней Греции; лежал на Коринфском перешейке, соединяющем Пелопоннес с остальной Грецией, в прекрасной и плодоносной равнине на юго-восточном берегу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морями; в настоящее время развалины древнего Коринфа находятся близ нынешнего Коринфа, называемого Куронто и имеющего лишь около 5000 жителей.

[3] *Патры* — древний город на северном берегу Пелопоннеса.

хнуть возле самой келии преподобного; святой Лука, узнав об этом, пошел поклониться ему и принес с собою дары от своих трудов — древесные плоды и огородные коренья и зелень. Епископ, любезно приняв его, отправился посмотреть его келию и, увидев его пустынное и безмолвное житие, сад и труды его, удивлялся и получил от того большое назидание. Он задумал подать пустыннику милостыню и приказал, чтобы каждый из пришедших с ним дал по несколько монет, сам же дал от себя золота, и так собрано было много денег, которые и хотел отдать ему; но святой Лука не хотел принять их.

— Владыка святой, — сказал он, — я ищу и прошу не золота, но твоих святых молитв и поучения; и зачем мне золото, когда я избрал нищету и сию убогую жизнь? Итак, дай мне то, чего я прошу и желаю: научи меня, простеца, как спастись?

Опечаленный епископ, думая, что святой Лука отвергает и презирает не милостыню, а его самого, сказал преподобному:

— Зачем ты отвергаешь наше даяние, а вместе с тем и нас самих? Ведь и я верный христианин, хотя и грешный; епископ, хотя и недостойный. И зачем ты, подражая во всем Христу, не подражаешь Ему в этом: ведь и Он принимал милостыню, подаваемую благочестивыми людьми; итак, если ты не нуждаешься в золоте, то все-таки прими его и раздай нуждающимся. Если ты благодеяние считаешь вещью ненужною, то отнимаешь у нищих потребное для них и не признаешь спасения людей, подающих милостыню: ибо нищий, не принимая милостыни, откуда приобретет все для него необходимое, мы же, не подавая милостыни, как спасемся?

Убежденный этими словами епископа, преподобный принял милостыню, но не все золото, а лишь одну монету, и епископ, преподав ему свое благословение, отправился в путь.

У святого Луки был обычай в неделю цветоносную рано утром восходить на верх горы и, неся в руках крест, воспевать: «Господи, помилуй». Когда однажды он так, по своему обычаю, восходил на гору, из норы выползла ехидна и, по наущению бесовскому, ужалила большой палец его ноги и повисла на нем. Святой, наклонившись, взял ехидну и, отбросив ее от ноги, сказал ей:

— Ни ты мне не вреди, ни я тебе не буду вредить, но пойдем каждый своей дорогой: ведь мы создания Единого Создателя и ни-

чего не можем делать без желания и повеления нашего Создателя.

И ехидна поползла в свою пещеру, а святой пошел своим путем в гору, оставшись совершенно невредимым от уязвления ехидны.

Один придворный, заведовавший царскими сокровищами, послан был как-то царем в Африканскую страну; когда он был в Коринфе, везя с собою множество царского золота, у него совершена была покража, и все царское золото погибло. При розыске похищенного, многие были мучимы и казнимы, но золота не нашли, и царский сановник был в великой печали. Знатные из граждан, пришедши, утешали его, но не могли утешить: отчаявшись найти золото, он не думал остаться и живым, ибо боялся царского гнева. Тогда один из бывших там, став посреди, сказал:

— Никто не может указать, где находится украденное, кроме Луки монаха, чрез которого Бог творит многие чудеса.

Услышав это, остальные сказали: «Воистину так», и стали все говорить о нем, восхваляя его добродетельную жизнь и Божию в нем благодать. Сановник же царский, услышав это, послал к святому с таким молением:

— Подражай Тому, Кто ради спасения рода человеческого не отрекся сойти с небес, и приди на малое время в город наш посетить одержимых великою печалию.

Святой Лука сначала не хотел идти, избегая тщеславия и почести людской, но потом, ради многих страждущих из-за украденного золота, пошел; в городе он был встречен с почестию царским сановником и гражданами и прежде всего приказал приготовить трапезу:

— Воздадим прежде всего должное чреву, — сказал он сановнику, — и возвеселимся во славу Божию: Напоивший нас вином умиления, Тот силен растворить нам человеколюбиво и чашу радости.

Когда они сидели и обедали, — больше же насыщали свои души добрым поучением святого, нежели тело пищей, — преподобный Лука, воззрев на одного из предстоявших и служивших им и назвав его по имени, подозвал его к себе и сказал ему:

— Зачем ты едва не навел на себя смерть, а на господина своего столь великую беду, дерзнув украсть царское золото? Иди скорее и принеси сюда золото, которое ты скрыл в земле, если хочешь сподобиться милосердия и прощения.

Услышав это, слуга весьма убоялся и стоял молча, весь трепеща: тот, кого обличала и самая совесть, не мог теперь проговорить ни одного слова; потом, упав на землю и обняв ноги святого, он рассказал всю истину, со слезами прося прощения, что и получил. Святой хотел не только изобличить его греховную язву, но и исцелить ее. И тотчас же вор тот, выйдя, скоро вернулся, неся украденное золото все целым, и положил его пред глазами всех; и была великая радость как для царского сановника, так и для всех бывших с ним, и все опасавшиеся за золото успокоились. А диавол, внушивший эту кражу, был пристыжен, что тать прощен, и уста всех прославляли Господа Иисуса. Святой же, нисколько не присвояя себе прославления от всех окружавших его, но приписывая всю славу этого чуда одному Богу, возвратился домой.

Спустя некоторое время преподобный Лука пошел в один монастырь, находившийся в городе Фивах[1], — посетить там игумена Антония: у него был такой обычай — приходить к богодухновенным мужам и вести с ними душеспасительные беседы. В то время, как он был у игумена Антония, случилось, что сын одного из знатных граждан смертельно заболел. Гражданин этот, услышав о том, что святой Лука пришел в их монастырь, тотчас же отправился туда и, припав к ногам, с плачем стал умолять его прийти к нему в дом и посетить болящего и теперь уже умиравшего отрока: он веровал, что после посещения угодника Божия сын его станет здоровым. Святой со смирением стал отказываться, говоря:

— Что я? И что великого вы во мне видите, что такого обо мне мнения? Один есть Врач душ и телес, Который может избавить нас от смерти, — это создавший нас Бог; грешный и смертный человек ничего не может такого сделать.

И ушел гражданин тот в скорби, рыдая и отчаиваясь в жизни сына. Вечером игумен, беседуя наедине с преподобным, сказал ему:

— Я думаю, честной отец, что ты нехорошо сделал, не посетив болящего и не утешив опечаленного отца; ведь так и нам придется услышать слово Христово: *болен, и не посетили Меня* (Мф. 25, 43).

На это святой Лука ответил:

— Исцелять болящих есть дело силы Божией, утешать же скорбных приличествует тем, кто имеет слово и премудрость на устах

[1] *Фивы* — главный город Беотии, средней области Древней Греции.

своих; я же и от первого далеко отстою, и второго совершенно лишен, будучи человеком простым и неученым; но если ты согласен и думаешь, что то угодно будет Богу, то иди первым и будь мне вождем, я же за тобою последую.

И тотчас же, уже поздно вечером, они оба отправились в город. Придя в дом того гражданина, они нашли отрока полумертвым и уже не разговаривающим, а всех домашних ожидающими его кончины. Отец болящего вместе со всеми, бывшими в доме, припав к ногам святого, стал со слезами просить его, дабы он помолился об умиравшем сыне его, чтобы он возвращен был от врат смертных. Умоленный отцом болящего и убежденный игуменом Антонием, преподобный, воздев руки, помолился о больном отроке, и после молитвы тотчас же возвратился в монастырь, а лишь только воссияла утренняя заря, поспешно ушел в свою гору; так избегал он славы человеческой. С наступлением утра игумен Антоний послал слугу своего в город узнать, что делается с болящим отроком: успели ли что сделать молитвы преподобного Луки. И слуга этот, почти тотчас же вернувшись, рассказал игумену странную и чудесную вещь:

— Отрока, который ночью был при смерти, — говорил слуга, — я встретил сидящим на коне и едущим мыться в баню.

Услышав это, игумен удивился и прославил Бога.

Многие, приходя к преподобному Луке по своим нуждам и нарушая дорогое для него безмолвие, докучали ему, и он задумал уйти в более пустынное место. Но он не сразу исполнил свое намерение, а сначала послал ученика своего Германа в Коринф, к некоему опытному и богодухновенному мужу Феофилакту, прося у него доброго совета: пребывать ли ему на одном месте, в горе Иоанновой, и терпеть докуку от приходящих или же переселиться на другое, никому не известное место? Феофилакт послал ему ответ, данный некогда с неба святому Арсению Великому:

— Бегай людей и спасешься.

Преподобный Лука с радостию принял этот совет и, вместе с учеником своим, ушел с Иоанновой горы и поселился близ моря, в некоем пустынном месте, называемом Калавие; пребывая здесь, он снискивал себе пищу трудами рук своих: святой копал землю, сеял пшеницу и, меля ее на жерновах, приготовлял себе хлеб.

Раз плыли мимо него моряки и пристали к берегу недалеко от келии преподобного; войдя в нее, они никого там не нашли, так как святой Лука вместе с учеником своим куда-то ушел. Увидев хороший жерновный камень, они взяли его и унесли на корабль. Скоро пришел в келию преподобный и, увидев, что его камня нет, пошел к морякам, прося их возвратить ему камень. Но те заспорили и стали утверждать, что они его не брали. Тогда святой Лука сказал им:

— Если вы его не брали, то плывите в море, если же он у вас, то воздаст вам Господь, как Он захочет.

Сказав это, преподобный ушел, и тотчас же тот, который взял камень, упал мертвым. После этого все матросы исполнились великого страха и, придя, стали просить у святого прощения и возвратили камень. Угодник же Божий был весьма опечален нечаянною смертию матроса и плакал о нем много дней.

Спустя три года после пребывания преподобного на этом месте, на Греческую страну произошло нашествие арабов, и святой переселился на один пустынный и лишенный водяных источников остров, называемый Ампиль; на нем он довольно продолжительное время претерпевал и голод, и жажду, а оттуда он переселился уже на плодородное место, называемое Сотирие. Изгнав из этой страны беса, который хотел его устрашить привидениями, он пребывал здесь до самой своей блаженный кончины; сюда собрались к нему братия, и основался небольшой монастырь. Претор той страны, по имени Кринет, питавший любовь к преподобному, создал в монастыре его церковь во имя святой великомученицы Варвары; и пребывал святой в этом монастыре в посте и молитве, непрестанно работая Богу и служа спасению людей: ибо своими поучениями и житием он приносил духовную пользу душам братии своей, а молитвою своею врачевал телесные болезни. Инока Григория, всегда почти страдавшего от боли желудка, исцелил он одним словом. Исцелил также некую знатную женщину, жившую в Фивах; она была одержима лютым и продолжительным недугом и уже отчаялась в помощи от врачей; он послал к ней ученика своего Панкратия, который, пришедши, помазал ее святым елеем, и женщина та внезапно исцелела. Вообще преподобный от всех болезней подавал скорое исцеление, а многим предсказывал даже будущее. Прожив на месте том семь лет, святой Лука приблизился к кончине своей.

Пред кончиною его произошло следующее. У преподобного был между другими один ученик, по имени Феодосий, у которого был родной брат — мирянин Филипп. Раз он задумал прийти в монастырь преподобного, отчасти посетить брата, а отчасти видеть святого Луку, о котором слышал много славного. Преподобный же, предувидев приход его, сказал Феодосию:

— Приготовь, брат, все нужное к доброй трапезе; к нам на вечерю идет брат твой.

Феодосий, объятый удивлением и радостию, со тщанием приготовил снеди и, часто выходя за ворота, смотрел на дорогу и с нетерпением ожидал пришествия брата. Вечером пришел Филипп и принес с собою много всего, необходимого для трапезы. Он был с любовию принят святым, а вечером все вместе стали вечерять, вкушая все поставленное, во славу Божию. На этой трапезе преподобный пил и ел более, нежели обыкновенно, — и это он делал ради Филиппова угощения. После вечери и обычных на сон молитв Филипп лег почивать; но на ложе своем он соблазнился о святом угоднике Божием Луке, он подумал: «Сей старец — лицемер; он много пьет и ест и только напускает на себя постничество и святость». После этого, уснув, Филипп увидел во сне двух пресветлых юношей, которые смотрели на него гневными очами; лица их были яростны и говорили они жестокие слова:

— Зачем ты так нечестиво думаешь о преподобном? И зачем осуждаешь человека неповинного и святого? Возведи очи твои, которые видят одно только земное, и посмотри, сколь великой чести сподобился тот, который, по твоему мнению, есть лицемер и обольститель.

Филипп, воззрев, увидел некое преславное место, все устланное порфирою, а на месте том стоящим преподобного Луку: он сиял божественною славою, как солнце. Воспрянув от сна, Филипп ужаснулся и рассказал обо всем этом своему брату Феодосию и другим инокам, а потом с покаянием исповедал свой грех и самому преподобному Луке; испросив у него прощение, он ушел с великою духовною пользою для себя.

Предвидя свое скорое отшествие к Богу, святой Лука отправился посетить всех находившихся в пустыне той отцов и всех их целовал последним целованием.

— Молите обо мне, братия, — говорил он им, — молите Владыку Христа, неизвестно, увидимся ли мы после или нет.

Так обойдя всех, он потом затворился в своей келии и в продолжение трех месяцев готовился к кончине своей. Наконец, за восемь дней до смерти, святой Лука заболел; когда он был уже совершенно больным и лежал на земле, пресвитер Григорий спросил его:

— Что ты завещаешь о своем погребении? И где велишь положить свое тело?

На это святой ответил:

— Связав ноги мои цепью, бросьте меня в лесную дебрь, дабы я, уже ни для кого непотребный, пригодился хотя зверям на съедение.

Тогда пресвитер стал умолять святого, чтобы он иначе распорядился о теле своем и чтобы указал место для своего погребения. Спустя некоторое время преподобный сказал:

— Погреби меня на том самом месте, на котором я лежу: Господь хочет прославить его во славу Имени Своего святого.

Сказав это, святой, уже при заходе солнца, возвел очи свои горé и сказал:

— В руце Твои, Господи, предаю дух мой!

И уснул сном временной смерти; это было в седьмой день месяца февраля; душа же его святая отошла к Богу, на жизнь бессмертную.

Когда настало утро, собрались в сию святую обитель из окрестных местностей все иноки и мирские люди, и было великое стечение народа — все плакали о лишении столь великого светильника миру. Погребли угодника Божия с честию на том самом месте, на котором он повелел, — в келии, в коей он подвизался.

Спустя шесть месяцев некоему иноку, Косме евнуху, шедшему из Пафлагонской страны[1] в Италию, было Божие видение; в этом видении ему повелено было, чтобы он шел на то место, где почивает преподобный Лука, и чтобы он неотлучно пребывал при гробе его. Придя на это место и поселившись там, инок Косма изъял из земли ковчег с нетленными мощами преподобного и, поставив его на верх гробницы, оградил этот святой ковчег досками и решеткою, а самую келию его обратил в церковь; и были великие чудеса от этих святых мощей: из них истекало благовонное миро, и помазующиеся им по-

[1] *Пафлагония* — суровая горная область в северной части Малой Азии.

лучали исцеление: хромые исцелялись, слепые прозревали, прокаженные очищались и бесы из людей изгонялись, молитвами преподобного Луки, силою же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцом и Святым Духом, вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ТЫСЯЧИ и ТРЕХ,
в Никомидии пострадавших

В царствование нечестивого и лютого царя Диоклетиана на Церковь Христову было воздвигнуто большое гонение: в это время христиан за имя Христово всюду сажали в темницы и умерщвляли. Между ними пострадали и рабы Христовы, епископ Феопемпт и Феона[1], бывший волхв, и четыре царских сановника: Васс, Евсевий, Евтихий и Василид[2], страже которых был вверен святой мученик Петр, постельник Диоклетиана; и жены тех сановников, которые, приняв святую веру, пребывали непоколебимы в исповедании Христовом и положили за Господа души свои. После смерти этих мучеников домашние их, все слуги, рабы и свободные, поразмыслив между собою, единодушно сказали:

— Вот господа наши, владевшие нами в мире сем, ради святой веры во Христа презрев это временное житие, обрели себе Царство небесное и за презрение земного ныне наслаждаются небесными благами: почему же и нам не последовать господам нашим? Приступим к царю Диоклетиану и скажем ему: мы — христиане и желаем вместе с нашими господами, обладавшими нами в жизни этой, получить в будущей жизни венец нетленный.

Заключив между собою такое решение и все на него с охотою согласившись, они сочли, сколько их числом вместе с женами и детьми, и оказалось их тысяча три человека.

Отправившись все, они встали пред судилищем нечестивого мучителя Диоклетиана и единодушно стали взывать:

---

[1] Память их — 5 января.
[2] Память их — 20 января.

— И мы — христиане и последуем отцам и господам нашим, за Христа излиявшим кровь свою: бесам же не повинуемся, идолам слепым, глухим, немым и бездушным не поклоняемся!

Царь, видя, что их так много, исполнился великого гнева; однако, притворившись сначала кротким, он стал прельщать их ласковыми словами. Он сказал им:

— Зачем вы поступаете так неразумно и сами себя добровольно подвергаете такой пагубе? Лучше послушайтесь меня, как отца, желающего вам только добра, и принесите жертву богам; этим вы избежите того безумия, коим прельстились Евсевий и друзья его, за что и скончались такою лютою смертию. Вы же, если послушаете меня и принесете жертву бессмертным богам, удостоитесь от меня великой чести и даров и, милостию нашею, будете весьма обогащены.

Святые отвечали мучителю:

— Мы ни даров твоих не просим, ни угрозы твоей не боимся, но стараемся принести жертву хвалы Богу Живому и истинному; ты же, что хочешь делать, делай с нами скорее: для нас ничего нет дороже Христа.

Диоклетиан, выслушав такие слова святых мучеников, испугался, как бы они не подняли какой-либо смуты в народе, так как видел, с каким великим дерзновением они защищали свою веру во Христа; мановением руки он дал приказание, чтобы воины с обнаженным оружием обступили все это христианское собрание; среди него было много и малых детей, которых матери держали на руках: из них одним было по одному году, другим же по два или по три месяца.

Когда вооруженное воинство обступило христиан кругом, царь сказал им:

— Итак, послушайтесь теперь моего совета и объявите, что соглашаетесь принести жертву богам и поклониться им, дабы вам возвратиться в свои дома целыми и невредимыми; пощадите себя и младенцев ваших, как я вас щажу, чтобы не погибнуть из-за безумия и вам и детям вашим; ведь если вы меня не послушаете, то и Христос ваш ни в чем вам не поможет.

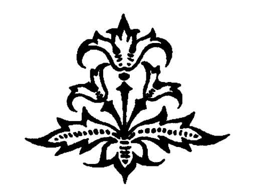
На это святые ему ответили:

— Мы научились поклоняться Единому живущему на небесах Богу и единородному Сыну Его и Слову, Господу нашему Иисусу

Христу, чрез Которого все произошло, и Святому Его Духу; поэтому не прельщай нас никакими обещаниями твоей суетной милости: ты нас не убедишь ни благами твоими, ни угрозами не устрашишь, чтобы мы отпали от веры во Христа Господа нашего и поклонились бездушным идолам, почитаемым тобою: ничто нам не может быть дороже и желательнее Христа, живущего во веки веков.

Тогда Диоклетиан, разъярившись, отдал опять приказание воинам, чтобы они сейчас же засекли их всех. И они как какие-нибудь лютые звери напали на христиан со всех сторон и засекли святых Христовых мучеников; они никого не пощадили, даже и детей, сосущих матерние сосцы, и не осталось в живых от тысячи трех никого[1].

Так святые Христовы мученики совершили в истинном исповедании Христа свой страдальческий подвиг, в месяц, называемый египтянами Мехир, 13-го дня, по нашему же 7 февраля, в Никомидии, митрополии Вифинийской области[2], в царствование Диоклетиана; над нами же тогда царствовал как ныне и вовеки царствует и будет царствовать Иисус Христос, истинный Бог и Спас наш, Которому да будет слава и хвала с Богом Отцом, и со Святым, Благим и Животворящим Духом, во веки веков, аминь.



---

[1] Скончались в 303 году.

[2] *Вифиния* — северо-западная область Малой Азии. Никомидия — главный город Вифинии, любимая резиденция императора Диоклетиана.



День восьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ФЕОДОРА СТРАТИЛАТА

Нечестивый царь Ликиний[1], приняв скипетр после нечестивого Максимиана и подражая ему во всем, тотчас же воздвиг великое гонение на тех, которые отличались благочестием; указ об этом нечестивом повелении он разослал по всем городам и странам. В это время было убито множество храбрых воинов Христовых: Ликиний умертвил сорок мучеников Севастийских[2], также семьдесят славных воинов и князей палаты своей и наконец убил триста мужей из Македонии.

Когда же нечестивый Ликиний увидел, что почти все христиане, презирая его повеление, предают себя за святую веру на смерть, тогда он приказал отыскивать только знаменитейших и благороднейших из них, то есть только тех, кто находился в его войске или жил в городах, и только их повелел (не обращая при этом внимания на множество простого народа) принуждать к идолопоклонению; он надеялся страхом убедить всех находившихся под его властью оставаться верными идолопоклонству.

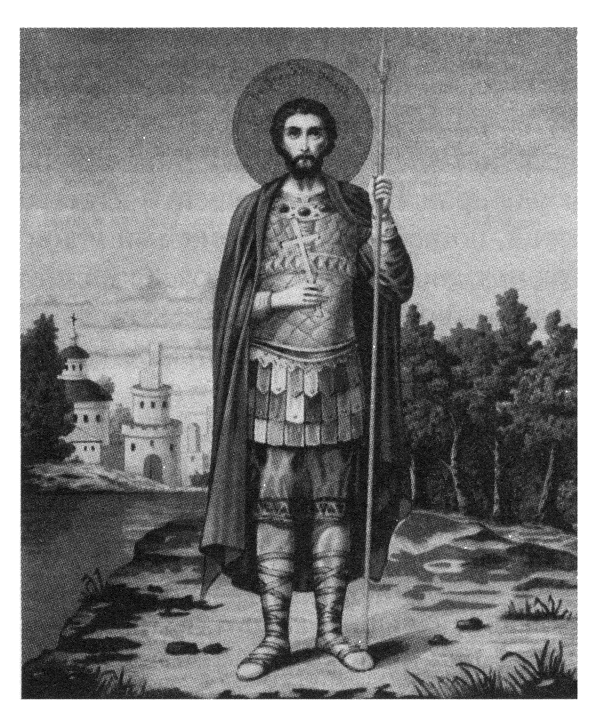
В то время, как повсюду с великим тщанием стали искать знаменитейших из христиан, Ликиний, находившийся тогда в Никомидии, узнал, что в Гераклее[3], близ Черного моря, живет некий святой

---

[1] *Ликиний* — Римский император в восточной половине империи, царствовал с 307 по 324 год.

[2] Память святых сорока мучеников Севастийских совершается 9 марта.

[3] *Гераклея* — город в Понте, северной части Малой Азии.



муж, по имени Феодор Стратилат, что он христианин и многих обращает ко Христу.

Святой Феодор был родом из Евхаит[1], находившихся недалеко от города Гераклеи; он был человеком храбрым и мужественным, по наружности весьма красивым; кроме того, он отличался своею мудростию и большим красноречием, так что его называли «вриоритором», то есть — искуснейшим витиею[2]. По царскому повелению, он был поставлен стратилатом, то есть воеводою, и под его управление был отдан город Гераклея; этим он был награжден за свою храбрость, которая всем стала известна после того, как он убил змия в Евхаитах.

Недалеко от города Евхаит, на север от него, было пустынное поле, а в нем большая пропасть, внутри которой жил громадный змий. Когда он выходил из этой пропасти, земля на том месте тряслась; вышедши же, он пожирал все, что только ему ни попадалось, и человека, и зверя.

Услышав об этом, храбрый воин Христов, святой Феодор, находившийся тогда еще среди войска, никому ничего не говоря о своем намерении, вышел один на того лютого змия.

Он взял с собою только обычное свое оружие, на груди же своей имел многоценный крест. Он сказал сам себе:

— Пойду и избавлю отечество мое силой Христовой от этого лютого змия.

---

[1] *Евхаиты* — город на севере Малой Азии, недалеко от Гераклеи, ныне — Марсиван.

[2] От греческого слова ῥήτωρ — оратор, вития и βρι — неотделяемый слог, усиливающий значение соединенного с ним слова.

Когда он пришел на то поле, то увидел высокую траву, сошел с коня и лег отдохнуть. В стране же этой жила некая благочестивая жена, по имени Евсевия. Это была женщина летами престарелая; за несколько лет перед этим, она, испросив честное тело святого Феодора Тирона[1], пострадавшего в царствование Максимиана и Максимина, погребла его с ароматами в дому своем в Евхаитах и каждый год праздновала память его. Женщина эта, увидев этого второго Феодора, воина Христова, именуемого стратилатом, спящим на этом поле, с великою боязнию подошла к нему и, взяв его за руку, разбудила его, говоря:

— Встань, брат, и поскорее отойди от этого места: ведь ты не знаешь, что на этом месте многие претерпевали лютую смерть; итак, встав скорее, иди в путь свой.

Честной же мученик Христов Феодор, встав, сказал ей:

— Про какой же страх и ужас ты говоришь, матерь?

Раба Божия Евсевия ответила ему:

— Чадо, на месте этом завелся громадный змий, и потому сюда никому нельзя прийти: каждый день змий этот, выходя из логовища своего, кого-нибудь да находит, — человека или зверя, и тотчас же умерщвляет его и пожирает.

Мужественный воин Христов Феодор сказал на это:

— Отойди и встань подальше от места этого, и ты узришь силу Христа моего.

Женщина, отойдя от этого места, повергласъ на землю, плача и произнося:

— Боже христиан, помоги ему в час сей!

Тогда святой мученик Феодор, сотворив крестное знамение, ударил себя в перси и, воззрев на небо, стал так молиться:

— Господи Иисусе Христе, воссиявший от Отчего Существа, помогавший мне в битвах и дававший победу на сопротивных, — Ты и ныне Тот же есть, Господи Христе Боже: итак, пошли мне одоление с высоты Твоей святой, да поборю я врага этого — змия.

Потом беседуя с своим конем как бы с человеком, он сказал:

— Мы знаем, что Божия власть и сила существуют во всех, и в людях и в скоте, итак, помогай мне, при помощи Христа, — да одолею я врага.

---

[1] Память его — 17 февраля.

Конь, выслушав слова господина своего, остановился, ожидая появления змия. Тогда мученик Христов, приблизившись к пропасти, воззвал громогласно к змию:

— Тебе говорю и повелеваю именем Господа нашего Иисуса Христа, распявшегося добровольно за род человеческий, выйди из логовища своего и приползи ко мне.

Змий, услышав голос святого, зашевелился, и тотчас земля на том месте потряслась. Святой же Феодор, назнаменовав себя крестным знамением, сел на коня, который, терзая и попирая вышедшего змия, встал на него всеми четырьмя копытами.

Тогда воин Христов Феодор поразил змия мечом и, убив его, произнес:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты услышал меня в час этот и даровал мне победу над змием!

После этого он благополучно возвратился к полку своему, радуясь и славя Бога. Граждане Евхаит и окрестные жители, услышав об этом, вышли на то поле и, увидев змия убитым святым Феодором, удивлялись и взывали:

— Велик Бог Феодоров!

Тогда уверовало во Христа множество из народа, и особенно воины, и все они, крестившись, стали единым стадом Христовым, прославляя Отца и Сына и Святого Духа.

После этого святой Феодор, проживая в Гераклее, проповедовал Христа истинного Бога, и многие из язычников обращались ко Христу. Каждый день граждане собирались для крещения, и уже почти вся Гераклея приняла святую веру.

Услышав обо всем этом, нечестивый царь Ликиний весьма огорчился и послал из Никомидии, где он тогда сам пребывал, в Гераклею сановников с телохранителями своими, дабы они, взяв Феодора Стратилата, привели его к нему с честию.

Когда они пришли в Гераклею, святой Феодор принял их с почетом: он угостил их и каждому дал по подарку, как слугам царя. Потом они стали звать святого в Ликинию.

— Иди, — говорили они, — в Никомидию, к царю, который тебя так любит; ибо он, услышав о твоей храбрости, о красоте и премудрости твоей, весьма желает видеть тебя, намереваясь почтить твою доблесть достойною почестью и дарами.

Святой Феодор отвечал им:

— Да будет воля царская и ваша, только веселитесь и радуйтесь сегодня, а завтра мы исполним то, что нужно будет исполнить.

Прошло уже три дня, а между тем, несмотря на убеждения посланных, чтобы святой Феодор шел с ними к царю, он оставался в своем городе. Потом, оставив некоторых из присланных мужей царских у себя, святой Феодор отослал остальных к царю с письмом, в котором говорил, что ему нельзя оставить город свой в то время, когда в народе такое большое смятение: ибо «многие, — писал он, — оставив отечественных богов, поклоняются Христу, и почти весь город, отвратившись от богов, славит Христа, и грозит опасность, что Гераклея отступит от твоего царства»; «поэтому, — продолжал он, — потрудись, царь, и приди сюда сам, взяв с собою изваяния более славных богов, — сделай это по двум причинам: 1) чтобы усмирить мятежный народ и 2) чтобы восстановить древнее благочестие; ибо когда ты сам с нами пред всем народом принесешь им жертвы, то народ, увидев нас поклоняющимися великим богам, станет подражать нам и утвердится в отечественной вере».

Такое послание святой Феодор написал к царю Ликинию, возбуждая его этим прийти в Гераклею: святой хотел пострадать в своем городе, дабы освятить его своею, пролитою за Христа, кровию и своим страдальческим и мужественным подвигом утвердить других в святой вере.

Царь Ликиний принял это письмо Стратилата и, прочтя его, обрадовался.

Нимало не медля, он, взяв с собою около восьми тысяч воинов и самых знатных из никомидийских граждан, с радостию отправился с своими князьями и сановниками в Гераклею; захватил он с собой и идолов более чтимых народом богов — и золотых, и серебряных.

В ту же ночь, когда святой Феодор, по обычаю, молился, было ему такое видение: ему казалось, что он находится в храме, крыша которого разверзлась, и оттуда сиял небесный свет, как от какого-либо великого светила, и освещал главу его; и вот послышался голос:

— Дерзай, Феодор, Я с тобою!

После этого видение прекратилось.

Тогда святой Феодор понял, что настало время его страданий за Христа, и радовался, пламенея духом. Услышав, что царь приближа-

ется к городу, он вошел в молитвенную комнату свою и так с плачем молился:

— Господи, Боже всесильный, не оставляющий всех уповающих на милость Твою, но защищающий их, будь милостив и ко мне и соблюди меня Твоим заступлением от вражеского обольщения, да не паду я пред врагами моими и да не порадуется о мне враг мой; предстань мне, Спасителю мой, во время предстоящего мне подвига, который я так желаю понести за имя Твое святое; укрепи и утверди меня и подай мне силу мужественно, до крови, постоять за Тебя и положить душу мою ради любви к Тебе, как и Ты, возлюбив нас, положил на кресте душу Свою за нас.

Так со слезами помолившись, святой Феодор умыл лицо свое. Потом, одевшись в светлые одежды, он сел на коня своего, на котором некогда убил змия в Евхаитах, и вместе с воинством своим и гражданами вышел навстречу к царю; как и подобало, он поклонился ему и, приветствуя его с почтением, произнес:

— Радуйся, божественнейший царь, самодержец могущественнейший!

Царь тоже очень любезно встретил святого Феодора; он облобызал его и сказал:

— Радуйся и ты, прекраснейший юноша, храбрый воин, славный воевода и как солнце пресветлый, — премудрейший хранитель отеческих законов и диадимы достойный! Тебе подобает после меня быть царем.

Так любезно и весело беседуя, они, под звуки тимпанов и труб, вошли в город и оба в радости легли отдохнуть в тот день.

Утром, когда на высоком помосте на площади посреди города был приготовлен царский престол, пришел царь Ликиний со всей своей свитой и с Феодором Стратилатом и, воссев на престол, начал хвалить город, его граждан и святого Стратилата, говоря:

— Поистине, место это достойно называться престолом Божиим: его должно почитать другим небом для людей; этот город и велик, и жителей в нем много, и притом они все благочестивы и привержены богам своим. Поистине ни в каком другом месте не почитаются так наши великие боги, как здесь; да и нет более приличного и удобного места для служения великим богам, как это; вот почему и Геракл, этот чудный и мужественнейший бог наш, сын великого бога Дия и

богини Алкмены[1], возлюбил это место и во имя свое наименовал его городом Гераклеею; и поистине, Феодор, оно достойно стать твоим владением: тебе подобает обладать этим чудным городом, и только ты достоин управлять таким народом. Ведь ты чтишь наших богов, и вся твоя любовь направлена к ним; день и ночь ты ничем другим не занимаешься, как только заботишься о том, чтобы благоугодить древним еллинским богам. Поэтому ты и ныне покажи свою любовь к ним и принеси им жертву с поклонением, дабы и народ весь увидел твое усердие к богам и познал, что ты искренний друг великих богов и угоден царю.

Так говорил Ликиний, обольщая и лаская святого. Святой Феодор на это так ответил царю:

— Будь долголетен, царь! Да будет воля твоя, только дай мне сегодня на дом изображения великих еллинских богов, которые ты взял с собою, и золотые и серебряные, дабы я в эту ночь и в следующую за ней прежде всего почтил их у себя, и жертвами, и каждением, и ароматами; а потом, если повелишь, принесу им жертвы явно пред всем народом.

Царь, услышав это, очень обрадовался. Он тотчас же велел принести золотых и серебряных идолов. Святой Феодор, взяв их с собою, отправился домой и там, ночью, сокрушив и разбив их на малые части, раздал эти части нищим.

Спустя два дня царь послал к святому, повелевая, чтобы он исполнил обещанное и в тот же день пред всем народом принес жертвы богам. Феодор, обещав исполнить все это, с поспешностию отправился к царю, и царь, вместе с ним, поехал на площадь, находившуюся среди города, и там, сев на престоле своем, сказал святому Феодору:

— Премудрейший Феодор, прекрасный воевода, почтенный бывшими прежде нас царями! Вот настал день жертвы и празднества. Итак, всенародно принеси жертвы богам, дабы все жители ви-

---

[1] *Геракл* или *Геркулес* — герой древнегреческих преданий, олицетворявший собою физическую силу человека и впоследствии почитаемый древними греками, как один из излюбленных богов. Дий или Зевс почитался древними греками отцом богов и людей, управляющим небом и землей, посылающим на землю гром и молнии. Алкмена, по греческим мифам, — смертная женщина, зачавшая и родившая от Зевса Геракла.

дели твое благоговение к ним и чрез это стали бы еще более старательными и усердными в своих жертвоприношениях.

В то время как царь говорил это, один из стоявших здесь сотников, по имени Максентий, сказал ему:

— Клянусь великими богами, царь, обманут ныне ты этим нечестивым Феодором. Ибо я вчера видел золотую голову богини Артемиды[1] в руках одного нищего, который шел и радовался. Я спросил: где ты ее нашел? А он мне сказал, что ее дал ему Феодор Стратилат.

Услышав это, царь Ликиний содрогнулся и, недоумевая, долгое время молчал.

Тогда святой Феодор сказал ему:

— Вот что́ для меня сила Христа: все то, что Максентий сотник сказал тебе, царь, — все это правда, и я хорошо поступил, разбив твоих идолов. Ибо, если они сами себе не могли помочь, будучи сокрушаемы, то как они могут подать помощь тебе?

Ликиний, выслушав такой ответ святого Феодора, оставался некоторое время безгласным, как бы человек немой и потеряв рассудок. Сидя в большой печали и облокотив голову свою на правую руку, скорбя и сетуя, он наконец произнес:

— Увы мне, увы мне! Как я поруган! И что я теперь скажу, что сделаю, не знаю. Будучи могущественнейшим царем и собрав такое большое количество воинов, я пришел к этому несчастному человеку, и теперь осмеян всеми моими врагами, особенно за то, что этот окаянный сокрушил победоносных моих богов и роздал их нищим.

Потом, обратившись к святому, он сказал:

— Феодор, это ли твое воздаяние богам за принятые от них дары? Этого ли я ожидал, когда осыпал тебя столь великими почестями? И ради того ли я оставил Никомидию, придя ныне к тебе? О, злой и порочный человек! Поистине, ты сын коварства и скверное жилище лукавства, лестию меня заставивший прийти сюда. Но, клянусь тебе силою моих великих богов, я не потерплю этого, и не добром кончится для тебя твоя хитрость.

Святой отвечал Ликинию:

— Безумный царь, что ты так разгневался? Посмотри сам и уразумей силу твоих богов? Если бы они были действительно боги, то

---

[1] *Артемида или Диана*, по верованиям древних греков, была богиней луны и охоты.

почему же они сами себе не помогли? Почему они не разгневались на меня, когда я их разбивал, и не послали с неба огня, дабы сжечь меня? Но они суть бездушные и бессильные вещи, которые так же легко рассекаются рукою человека, как золото и серебро. Ты, царь, гневаешься и возмущаешься, а мне смешно твое безумие. Ты гневаешься и яришься, а я мужаюсь и не обращаю внимания на твою ярость. Ты печалишься, а я радуюсь погибели твоих богов. Ты упорствуешь Господу, а я благословляю Его. Ты хулишь Бога истинного, а я восхваляю Его в песнопениях. Ты поклоняешься мертвым богам, а я поклоняюсь Богу Живому. Ты служишь скверному Серапису[1], а я служу пречистому и честнейшему Владыке моему Христу, восседающему на чистейших Серафимах. Ты почитаешь мерзкого Аполлона[2], я же чту Бога, живущего вовеки. Ты уголь фракийский[3], я же князь римский; ты Ликиний — веятель, я же Феодор — дар Божий[4]. Итак, царь, не гневайся и не ярись; поступая так, ты только проявляешь свою внутреннюю муку и уподобишься ослу или какому-либо мулу.

Тогда Ликиний царь, еще более разгневавшись, велел распростереть крестообразно святого обнаженным и сильно бить сырыми воловьими жилами.

И били воины святого мученика без пощады, меняясь между собою, так что его били то по трое, то и по четверо воинов, и в это время святому Феодору дано было шестьсот ударов по спине и пятьсот по чреву.

Царь же Ликиний издевался над ним, говоря:

— Феодор, потерпи немного, пока ни придет к тебе Христос Бог твой, Который освободит тебя от рук мучителя.

Святой отвечал:

— Твори со мной, что хочешь, и не останавливайся: ибо ни скорбь, ни теснота, ни раны, ни меч, ни какая-либо другая мука не разлучит меня от любви Христовой.

Тогда царь, воспылав еще бóльшей яростью, сказал:

---

[1] *Серапис* — египетский бог душ умерших, который призывался как спаситель от болезни и смерти. Впоследствии почитание его перешло также в Грецию и Рим, где получило весьма большое распространение.

[2] *Аполлон* — греко-римский бог солнца и умственного просвещения.

[3] Прозвище Ликиния, намекающее на его низкое происхождение из Фракии.

[4] Ликиний в переводе с латинского значит — веятель; Феодор с греческого — Божий дар, от слов Θεός — Бог и δῶρον — дар.

— Ты все еще исповедуешь Христа?

И повелел снова без пощады бить святого мученика по спине оловянными прутьями, а потом строгать тело его железными когтями и опалять горящими свечами, раны же его растирать острыми черепками.

Святой, перенося все это мужественно, ничего другого не говорил, как только: «Слава Тебе, Боже мой!» После всех этих мук царь велел заключить святого Феодора в темницу, ноги его связать путами и не давать ему пищи в продолжение пяти дней. По прошествии пяти дней он приказал приготовить крест и распять на нем святого.

И вот, как некогда Христос Господь наш Пилатом, так теперь и святой Феодор был распят Ликинием на кресте, и руки и ноги его были пригвождены.

Но жестокие мучители старались еще более увеличить страдания и муки святого. Они вбили в него острый и длинный гвоздь и резали тело его бритвами; юноши же и отроки напрягали свои луки и стреляли в лицо его, так что зеницы очей его были проколоты стрелами.

«Я, — говорит писатель страданий его, — нотарий[1] Уар, — видя все эти ужасные муки и как бы слыша его внутренние страдальческие стоны, бросил книгу, в которую все это вписывал, и, повергшись с плачем к стопам его, сказал:

— Благослови меня, господин мой, благослови меня! Скажи мне, рабу твоему, последнее слово!

Господин же мой, воин Христов Феодор, сказал мне тихим голосом:

— Уар, не оставляй службы своей и не переставай смотреть на мои страдания; опиши их, опиши и кончину мою и пометь день ее.

Потом, взывая ко Господу, святой сказал:

— Господи, Ты мне еще прежде сказал: Я с тобою. Почему же теперь Ты оставил меня? Смотри, Господи, как дикие звери из-за Тебя всего меня истерзали: зеницы очей моих пробиты, тело мое раздробляется от ран, лицо уязвляется, зубы сокрушаются; одни только нагие кости висят на кресте; помяни же меня, Господи, претерпеваю-

---

[1] *Нотарий* — скорописец. В первое время по Рождестве Христовом так назывались обыкновенно императорские секретари, скреплявшие акты.

щего ради Тебя крест: из-за Тебя я перенес и железо, и огонь, и гвозди; ныне же приими дух мой, ибо я уже отхожу из этой жизни.

Действительно, все тело Феодора было истерзано.

Ликиний, думая, что мученик скончался, оставил его висящим на кресте. Но вот, в первую ночную стражу, Ангел Господень снял святого мученика с креста и сотворил его целым и здравым, каким он был и прежде; приветствуя его, Ангел сказал ему:

— Радуйся и укрепляйся благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вот — Господь с тобою; зачем ты сказал, что Он оставил тебя? Итак, соверши до конца подвиг твой, и ты придешь ко Господу приять уготованный тебе венец бессмертия.

Сказав это святому мученику, Ангел стал невидим.

После этого святой мученик Феодор, благодаря Бога, начал так воспевать: *Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царь мой, и благословлять имя Твое во веки и веки* (Пс. 144, 1).

А нечестивый Ликиний, еще до рассвета, послал двух своих сотников, Антиоха и Патрикия, приказав им:

— Идите и принесите мне тело умершего в страданиях Феодора: я положу его в оловянный ящик и брошу в глубину морскую, чтобы как-нибудь не взяли его безумные христиане.

Когда они пошли и приблизились к месту, где был распят Феодор, они увидели крест, распятого же на нем мученика не было. И сказал Антиох Патрикию:

— Правду говорят галилеяне[1], что их Христос восстал из мертвых. Он-то, как я думаю, воскресил и раба Своего Феодора.

В это время Патрикий, подойдя поближе ко кресту, увидел святого Феодора сидящим на земле и восхваляющим Господа. Тогда Патрикий громко воскликнул:

— Велик Бог христиан, и нет другого бога, кроме Него!

После этого оба сотника, подойдя к святому, сказали:

— Умоляем тебя, мученик Христов, приими нас, ибо с этого часа и мы христиане.

И уверовали во Христа в тот день оба эти сотника и с ними семьдесят воинов.

---

[1] Так с презрением язычники называли христиан, считая Христа происходившим из Галилеи, страны, которая и среди евреев пользовалась дурной славой.

Ликиний, узнав об этом, послал наместника своего Сикста и с ним триста воинов, чтобы он убил всех, уверовавших во Христа.

Когда эти воины пришли и увидели, какие чудеса силою Христовою совершал святой Феодор, тотчас же уверовали в Господа нашего Иисуса Христа. И стеклось на это место бесчисленное множество народа и все взывали:

— Един есть Бог, Бог христиан, и нет иного бога, кроме Него!

И еще:

— Кто такой мучитель Ликиний? Побьем его камнями! Для нас один Бог и царь — Христос, проповедуемый Феодором!

И поднялся в народе шум и мятеж, и даже началось кровопролитие.

Некий воин, по имени Леандр, с обнаженным, мечом прибежал на это место и устремился на Феодора, желая его ударить мечом. Сикст же, царский наместник, удержав его, вырвал у него из рук меч и рассек его. А другой воин, по имени Мирпос, родом угрин[1], бросившись на наместника царского Сикста, убил его.

Святой Феодор, желая успокоить народный мятеж, сказал:

— Перестаньте, возлюбленные! Господь мой Иисус Христос, вися на кресте, удерживал Ангелов, дабы они не сотворили отмщения роду человеческому.

После того как мученик Феодор поговорил так с народом, умоляя и увещевая народ, — шум и народное смятение прекратились.

В это время святой мученик шел мимо темницы, и за ним следовал весь народ и воины; сидевшие же в темницах узники взывали громко к святому:

— Помилуй нас, раб Бога Вышнего!

Святой словом своим освободил их от уз, отворил темничные двери и сказал им:

— Идите с миром, мужи, и вспоминайте обо мне.

И собрался весь город, и все отвергались от идолопоклонства и прославляли Христа — Единого Бога.

В это время недужные исцелялись, бесы же из людей изгонялись. Кого только ни прикасался святой рукою своею или кто даже только прикасался к одежде его, тот тотчас же получал исцеление.

---

[1] Угринами называются славяне, происходящие из Угорской земли или Червонной Руси, ныне западная Украина.

Тогда один из приближенных Ликиния, видя, что творится, пошел к нему и сказал:

— Весь город, оставив богов, по учению и волхвованию Феодора, уверовал во Христа.

Царь, исполнившись ярости, немедленно же послал воина обезглавить святого Феодора. Народ же, увидев этого воина, снова поднял шум и мятеж: восстав против Ликиния, они хотели убить его слугу. Тогда святой стал увещевать народ оставить это намерение. Он сказал:

— Братия и отцы! Не воздвигайте мятежа против Ликиния: ведь он слуга отца своего диавола, а мне теперь подобает отойти ко Господу моему Иисусу Христу.

Сказав это, он начал молиться Богу и после довольно продолжительной молитвы благословил народ.

Потом, ознаменовав себя крестным знамением, он сказал рабу своему Уару:

— Чадо мое, Уар, позаботься описать день моей кончины, а тело мое погреби в Евхаитах, в имении моих родителей; когда же и ты будешь приближаться к смерти, завещай похоронить себя по левую сторону меня.

Потом мученик Христов снова помолился и, наконец, произнеся слово «аминь», преклонил под меч свою честную и святую главу и был усекнут.

Это совершилось в 8-й день месяца февраля, в субботу, в третий час дня[1].

По усечении весь народ оказал мученику великую почесть: взяв свечи и кадила, христиане положили тело его на нарочитом месте, а потом 8 июня оно было с великим торжеством перенесено в Евхаиты, и совершались там бесчисленные чудеса, во славу Христа Бога, — Ему же со Отцом и Святым Духом, честь и поклонение вовеки. Аминь.



[1] Святой Феодор был усечен мечом в 319 году.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА ЗАХАРИИ СЕРПОВИДЦА

Как радостный благовест раздался для иудеев, находившихся в плену вавилонском, указ персидского царя Кира об освобождении[1]; и те из них, которые томились в неволе на чужбине, как во тьме и тени смертной, окованные скорбью (см.: Пс. 106, 10), поспешили в землю отцов своих. Взяв с собою священные сосуды, захваченные Навуходоносором при разрушении Иерусалима (см.: 1 Езд. 1, 7–8), переселенцы, под предводительством князя Зоровавеля, происходившего из царского дома Давидова (см.: 1 Езд. 1, 8; 2, 2; 1 Пар. 3, 19; 9–17), возвратились на родину. В седьмой месяц по возвращении они возобновили из груды развалин жертвенник (см.: 1 Езд. 3, 1–6), а затем приступили к восстановлению разрушенного храма. Во второй месяц второго года была произведена по уставу Давида закладка нового храма, и весь народ восклицал громогласно, славя Господа за то, что положено основание дома Господня (см.: 1 Езд. 3, 11); многие же старцы, видевшие прежний храм, не могли удержаться от слез, зная, что, при бедности возвратившихся, второй храм далеко не может быть так великолепен; они плакали громко, примешивая рыдания к восклицаниям радости (см.: 1 Езд. 3, 12–13). Но самая постройка храма, несмотря на щедрый приток пожертвований в первое время, шла чрезвычайно медленно. Страна была неспокойна; всюду рыскали разбойники, и невозможно было вести правильных посевов и уборки хлеба; тяжелое бремя правления персидских чиновников (см.: Неем. 9, 36–37), частые засухи, голод (см.: Агг. 1, 6, 10–11) истощили народ. К этому присоединилась вражда с самарянами[2]. Имея свое святилище на горе Гаризин и считая Палестину уже своим владением, они крайне враждебно относились к

[1] Он царствовал с 559 по 530 год до Рождества Христова. Милость Кира к иудеям объясняют тем, что ему было показано пророком Даниилом пророчество Исаии (44, 28; 45, 1), где более чем за полтораста лет предсказывается освобождение евреев из плена чрез Кира.

[2] *Самаряне* — народ смешанный, образовавшийся из соединения переселенцев, занявших область десятиколенного царства израильского по разрушении его ассириянами с остатками народа израильского, отведенного в плен. На чужбине переселенцы продолжали чтить своих прежних богов, но когда Господь наслал за это на них стаи львов, то самаряне, чтобы отвратить бедствие, установили у себя почитание истинного Бога, не оставляя в то же время идолопоклонство (4 Цар., гл. 17).



евреям, особенно после того как последние отвергли их предложение об участии в постройке храма; разными наветами перед персидским правительством самаряне добились остановки работ почти на пятнадцать лет (см.: 1 Езд. 4)[1].

Эти препятствия ослабили благочестивую ревность иудеев к восстановлению народной святыни; для поднятия религиозного чувства избранного народа нужны были особенно сильные духом мужи; таких мужей Господь и воздвиг в лице Своих пророков Аггея[2] и Захарии, о котором нам предстоит слово.

Святой пророк Захария[3], серповидец[4], происходил из колена Левиина; он был сын Варахии и внук Адды или Иддо (см.: Зах. 1, 1)[5]; последний возвратился вместе с Зоровавелем из вавилонского плена и в книге Неемии называется главою священнической фамилии (см.: Неем. 12, 16)[6]. Священное Писание не сохранило подробных и определенных сведений о жизни пророка Захарии; оно лишь изредка приподнимает завесу, чтобы сообщить то или иное отрывочное известие о жизни про-

[1] Иудеи отказали самарянам, как двоеверам.

[2] Память его — 16 декабря.

[3] С еврейского: память Господня.

[4] Так называется пророк Захария у некоторых отцов Церкви на основании одного, бывшего ему откровения, в котором он видел летящий по воздуху свиток, вероятно изогнувшийся наподобие серпа (Зах. 5, 1–2).

[5] В книгах Священного Писания пророк Захария называется сыном Адды; это объясняется или обычаем евреев в родословии указывать имена более известных предков, или, может быть, тем, что по смерти отца пророк Захария воспитывался у деда; последнее мнение принадлежит святому Кириллу Александрийскому.

[6] При первосвященнике Иоакиме, сыне первосвященника Иисуса (Зах. 3), пророк Захария сам был уже священником и главой поколения, вероятно, вследствие ранней смерти отца (Неем. 12, 12, 16).

рока Божия. Так, оно умалчивает о времени и месте рождения пророка Захарии, начиная свое повествование о его жизни со времени выступления его на пророческое служение. На пророческую деятельность он был призван Богом еще в юношеском возрасте (см.: Зах. 2, 4), во второй месяц второго года царствования Дария Гистаспа (см.: Зах. 1, 1), — только двумя месяцами позднее пророка Аггея (см.: Агг. 1, 1). Совместною пророческою деятельностию святые Аггей и Захария достигли того, что евреи перестали думать о своих нуждах и с усердием принялись строить храм. *Пророк Аггей и пророк Захария, сын Адды,* — свидетельствует об этом Ездра, — *говорили иудеям, которые в Иудее и Иерусалиме, пророческие речи во имя Бога Израилева. Тогда встали Зоровавель, сын Салафиилов, и Иисус, сын Иоседеков, и начали строить дом Божий в Иерусалиме, и с ними пророки Божии, подкреплявшие их* (1 Езд. 5, 1–2). *И старейшины иудейские строили и преуспевали, по пророчеству Аггея пророка и Захарии, сына Адды* (1 Езд. 6, 14). Служение пророка Захарии, вероятно, продолжалось и после построения храма; в последних речах его, составляющих содержание его книги с 9 главы до конца, нет уже увещаний к неленостному окончанию постройки храма, и можно думать, что во время произнесения этих речей последний был уже готов[1]. Предание говорит, что святой пророк Захария дожил до глубокой старости и похоронен близ Иерусалима, рядом с пророком Аггеем.

После пророка Захарии осталось драгоценное наследие — книга, содержащая его пророческие видения и речи. Отличительная черта содержания книги пророка Захарии — обилие мессианских пророчеств: ни у одного пророка не встречаем такого множества подробностей о последних днях жизни нашего Спасителя, как у пророка Захарии. Книга пророка Захарии может быть разделена по своему содержанию на две части: в первой (с 1-й гл. по 6 гл.) находятся видения, и во второй (с 7-й гл. до конца) — речи. Всех видений восемь; большая часть их объясняется пророку Ангелом Божиим; цель их — уверить народ еврейский в покровительстве Божием. В *первом* видении всадников, объехавших всю землю и нашедших ее в покое, Бог открывает, что благоденствующие народы — угнетатели евреев, будут по-

[1] Постройка храма была окончена в шестой год царствования Дария Гистаспа (1 Езд. 6, 15). Дарий царствовал с 521 по 486 год; год постройки храма, следовательно, падает на 515 год до Рождества Христова.

ражены Его гневом, а Иерусалим будет восстановлен и города Иуды возвеличатся (1, 7–17). Какова будет участь язычников, разъясняет *второе* видение четырех кузнецов, которые идут сбить роги — символ народов, рассеявших иудеев и разрушивших Иерусалим (1, 18–21). После сокрушения притеснителей иудеев, мешавших постройке города и храма, Иерусалим снова будет заселен; это открывается в *третьем* видении Ангела Господня, который идет с землемерной веревкой размерить Иерусалим, так как последний расселится от множества людей, и Сам Господь будет ему огненной стеной (гл. 2, 1–13). Грехи народа уже не будут препятствовать поселению Господа на Сионе, потому что они будут прощены, как показывает *четвертое* видение: пророк видит первосвященника Иисуса в запятнанных одеждах — символ греховной нечистоты, причем его обвинял сатана; но Бог оправдывает его, и с первосвященника, представителя народа, снимаются запятнанные одежды и заменяются чистыми, чем предуказывалось на будущее великое дело милости Божией — изглаждение грехов всей земли в один день Отраслью-Мессиею (гл. 3). В *пятом* видении пророку показан золотой светильник (символ Церкви. Откр. 1, 13, 20) с семью лампадами, наполняемый маслом от двух стоящих по сторонам его маслин; это означало, что Сам Бог бодрствует над храмом и народом, а две маслины — Зоровавель и Иисус — орудия Его промысла (гл. 4). Но народ еврейский недолго будет пользоваться милостями Божиими, о которых говорят предыдущие пять видений: он снова развратится и опять понесет наказание; эта мысль раскрывается в *шестом* видении свитка с проклятием воров и клятвопреступников (5, 1–4), и в *седьмом* видении ефы (мера жидкости) с сидящей в ней женщиною — образ нечестия — унесенную двумя другими в Сеннаар или Вавилон (5, 5–10).

В созерцаемое пророком время, как показывают пятое и шестое видения, развращение избранного народа достигнет своей вершины; тогда проклятие полетит по всей Иудее и будет поражать нечестивых, пока не исполнится мера неправд народа и его не постигнет последнее наказание; нечестивая женщина — народ еврейский; ефа — мера неправд, вызвавших проклятие. Не останутся без наказания и язычники, как показывает последнее *седьмое* видение четырех колесниц с запряженными в них разношерстными конями — символ Ангелов Господних, которые объедут всю землю для суда над врагами Божиими. По уничтожении языческого мира наступит цар-

ство Мессии, что пророк изображает следующим символическим действием: он надевает на голову первосвященника Иисуса два венца из золота и серебра — символ первосвященнического и царского достоинства грядущего Мессии, — вместе с предсказанием, что приидет Отрасль (Мессия) и созиждет храм и будет первосвященником: когда это сбудется, то и отдаленные народы придут строить храм Богу Израилеву (гл. 6).

Во второй части (с 7-й гл. до конца) содержатся речи пророка Захарии. В первой речи пророк по поводу вопроса его современников, нужно ли соблюдать посты, установленные в воспоминание печальных событий плена, учить, что с постами должно соединять дела правды и любви к ближним, тогда посты обратятся в дни торжества и на Израиле почиет благословение Божие и радость спасения, имеющего объять и язычников (7–8). Во второй речи пророк предсказывает о гибели враждебных Израилю народов, а Иерусалим будет находиться под особым покровительством Божиим, и к нему не пройдет уже более никакой притеснитель. Затем пророк приглашает народ иудейский радоваться, ибо к нему грядет Царь праведный и кроткий; Он водворит на земле праведность и спасет народ Свой, уничтожит высокомерие и самонадеянность людей. Свое царство Он откроет, въехав в Свою столицу на ослице и молодом осленке, кротких животных, служащих символом мира[1]. Царство Мессии — царство мира — из Иудеи распространится по всей земле; Царь будет привлекать в него не силою, но кровавою жертвою, которую Он принесет за всех людей для примирения их с Богом. Эллинам — врагам народа Божия — предсказывается поражение, а евреям — благословение плодородия и чадородия. После изображения светлой судьбы, ожидающей Израиля в недалеком будущем, пророк переходит к изображению предстоящего затем отвержения народу иудейскому: пророк обращается к Ливану с просьбою открыть двери врагу, который опустошит всю Иудею. Причину такого бедствия пророк Захария объясняет символической историей о двух жезлах небесного Пастыря. На одном из них была надпись *благоволение,* а на другом — *узы*; когда овцы, несмотря на заботы о них Пастыря, не исправились, то Он переломил жезл с надписью *благоволение* что означало

[1] Святые евангелисты, повествуя о торжественном входе Господа в Иерусалим, приводят это место из книги пророка Захарии, относя его, таким образом, ко Христу Спасителю (Мф. 21, 4–6; Ин. 12, 14–16).

конец завета между Богом и Его народом, а потом потребовал Себе платы за пастырские труды, но иудеи оценили Его деятельность в тридцать сребреников; эти сребреники Пастырь бросил для горшечника в дом Господень[1]. Вслед за этим Пастырь переломил другой жезл — *узы* — в знак того, что расторгнуто братство между Иудою и Израилем. Когда был отвергнут добрый Пастырь, стадо впало в руки наемников (9–11).

В последней речи пророк возвещает, что все народы мира восстанут на Иерусалим, но Сам Господь защитит его и истребит нападающих, на народ же еврейский Господь изольет дух благодати и умиления, и иудеи воззрят на Того, Которого пронзили, и будут плакать о Нем, как о единородном Сыне[2]. Тогда откроется дому Давидову источник, омывающий грехи их, и уничтожится всякая память о идолах и лжепророках; поражен будет Пастырь и рассеются овцы[3]. Господь создает благодатное царство, небольшое по числу, составляющее только третью часть живущих на земле, но за то искушенное и святое. Наконец, народы языческие еще раз окружат Иерусалим, но Господь восстанет на его защиту и поражение, и тогда будет единственный день, ведомый только Господу: не станет света, светила удалятся, будет ни день, ни ночь; лишь к вечеру явится свет[4]. Из Иерусалима потекут живые воды, он станет средоточием нового царства, в котором будут обитать только праведники — ничего нечистого не будет в нем более (12–14)[5].

---

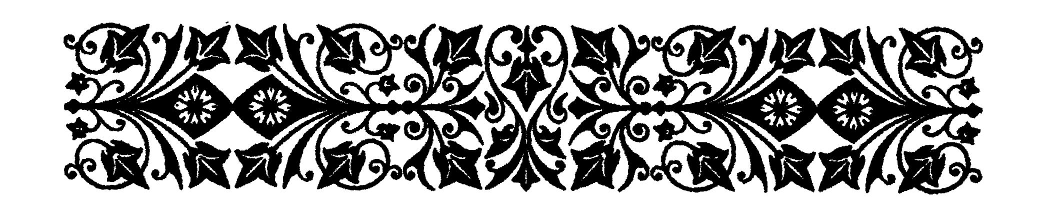
[1] Святой евангелист Матфей, передавая решение синедриона приобрести на повергнутые Иудой сребреники землю у горшечника для погребения странных, видит в этом исполнение пророчества Захарии, но называет его пророчеством Иеремии (гл. 32, 9); вероятно потому, что свиток, содержавший пророческие книги и находившийся у святого евангелиста под рукою, оглавлялся именем пророка Иеремии, как занимавшего в нем первое место.

[2] Святой евангелист Иоанн, передавая об исполнении этого пророчества на Христе Иисусе, приводит буквально и самое пророчество (гл. 19, 34–37).

[3] Сам Господь относит к Себе это пророчество, когда после тайной вечери на пути в Гефсиманию предсказывает апостолам, что они вскоре Его покинут (Мф. 26, 31; Мк. 4, 27).

[4] Здесь можно видеть пророчество о затмении солнца во время Христова распятия (Лк. 23, 44–45).

[5] Некоторые места из книги пророка Захарии читаются во время вечерни как паримии. Так, гл. 9, 9–14 читаются в неделю Ваий; гл. 11, 10–13 — в великую пятницу; гл. 8, 7–17, 19–23 — в пяток сырной недели, гл. 14, 4, 8–11 (где говорится о явлении Господа на горе Елеонской) — в Вознесение Господне, бывшее на этой горе.



День девятый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА НИКИФОРА

В великой Антиохии Сирийской жили некий пресвитер, по имени Саприкий, и простец — гражданин Никифор. Они питали друг к другу такую любовь и так были дружны, что некоторые считали их родными братьями.

После многих лет такой дружбы, им позавидовал ненавидящий все доброе диавол и посеял в них такие плевелы вражды, что они не желали даже встречаться друг с другом на дороге: так они возненавидели друг друга; и насколько прежде между ними царили любовь и дружба, настолько после, по действию сатаны, воскипела у них друг к другу ненависть и вражда.

Прожив в такой ненависти и вражде друг с другом довольно долгое время, Никифор, придя в себя и уразумев, что эту вражду сеет диавол, стал просить своих друзей и соседей, чтобы они отправились к пресвитеру Саприкию и умолили бы его простить его, кающегося, и возлюбить прежнею любовию; но пресвитер не захотел оставить своей вражды против него.

Тогда Никифор снова послал других друзей с тою же просьбою, но пресвитер и их слушать не захотел. Он также отверг и в третий раз посланных и не послушал их моления и, таким образом, не преклонился на милость, дабы простить брата, смиренно ищущего прощения. Наоборот, ожесточив сердце свое, он оставался неумолимым, забыв слова Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: *прощайте, и прощены будете* (Лк. 6, 37); и еще: *Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь*

против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим... а если вы не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 5, 23–24; 6, 15).

Тогда Никифор, видя, что Саприкий пресвитер не хочет принять ходатайства о нем, сам пошел к нему и, припав к его ногам, сказал ему:

— Прости меня, отче, ради Господа прости.

А Саприкий даже и не взглянул на него; он был человеком немилосердым и не имел ни любви, ни страха Господня; будучи христианином и пресвитером, он и без просьбы должен был простить брата своего. Не получив прощения, Никифор пошел от него посрамленным и отверженным.

В это время — в царствование Валериана и Галлиена[1] — как христианин схвачен был и Саприкий и представлен был игемону на истязание.

Игемон спросил:

— Как твое имя?

— Я называюсь Саприкием, — отвечал тот.

— Какого ты рода? — спросил игемон.

— Я христианин, — отвечал Саприкий.

— Ты клирик? — снова спросил игемон.

— Я пресвитер, — отвечал Саприкий.

Тогда игемон сказал:

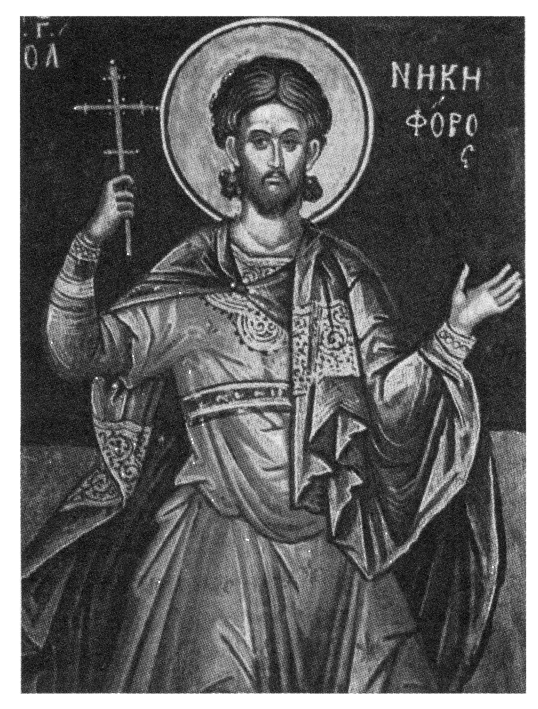
— Цари наши, владыки страны этой и всех пределов римских, Валериан и Галлиен, повелели, дабы те, кои именуют себя христианами, принесли жертвы бессмертным богам; а кто, презрев, отвергнет повеление царское, тот пусть да знает, что он, после всевозможных мук, осужден будет на тяжкую смерть.

После этих слов Саприкий, предстоя игемону, сказал:

— О игемон! Мы, христиане, имеем Царя — Христа Бога, ибо Он один есть истинный Бог и Создатель неба и земли, моря и всего, что находится в них; все же боги языческие суть бесы, и да уничтожатся они с лица всей земли; как дела рук человеческих, они никому не могут помочь.

---

[1] *Валериан* царствовал с 253 по 259 год, сын его *Галлиен* царствовал с 260 по 268 год. Еще при жизни отца он был сделан им кесарем и соправителем.



Тогда разгневанный игемон повелел растянуть его на колесо и безжалостно мучить. Среди этих истязаний Саприкий сказал игемону:

— Ты имеешь власть над телом моим, над душою же моею не имеешь никакой власти: над нею имеет власть только один Создавший ее Иисус Христос.

После этого Саприкий мужественно претерпел все причиненные ему муки.

Видя его непреклонным, жестокий судия издал на него такой смертный приговор:

«Пресвитера Саприкия, презревшего царское повеление и не пожелавшего принести жертвы бессмертным богам и оставить христианское заблуждение, повелеваем усечь мечом».

В то время как Саприкий шел на казнь, в надежде получить небесный венец мученичества, блаженный Никифор, услышав об этом, поспешил к нему навстречу и, припав к ногам его, сказал:

— Мученик Христов, прости меня, я согрешил пред тобою!

Тот же на это не ответил ему ничего, так как сердце его попрежнему было объято бесовскою злобою.

На дальнейшем пути к месту казни святой Никифор снова припал к ногам Саприкия, говоря:

— Мученик Христов, прости меня, в чем я согрешил пред тобою, как человек; вот тебе дается с небес венец от Христа, так как ты не отвергся Его, но исповедовал имя Его святое пред многими.

Саприкий же, ослепленный ненавистию и жестокосердый для прощения, оставался неумолимым, вовсе не показывая намерения простить его. Он даже и слова не сказал к упрашивавшему его собрату, так что даже сами мучители удивлялись ожесточению Саприкия и говорили Никифору:

— Такого безумного человека, как ты, мы никогда не видали: теперь вот он идет уже на смерть, а ты еще усерднее умоляешь его: разве по смерти он может в чем-нибудь тебе повредить? И зачем тебе нужно примиряться с тем, кто сейчас умрет?

На это святой Никифор ответил им:

— Не знаете вы, чего я прошу у исповедника Христова, но Бог знает.

Когда они пришли на место, где Саприкия должны были усечь мечом, святой Никифор снова обратился к нему:

— Молю тебя, мученик Христов, — сказал он, — прости меня, если я в чем согрешил пред тобою, как человек. Писано: *Просите, и дано будет вам* (Мф. 7, 7), вот я тебя умоляю — и так подай мне прощение.

Но жестокосердый друг его Саприкий не преклонился на такие моления; он не вспомнил слов Господа: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10, 27); но, закрыв уши сердца своего и тела, оставался как глухой аспид, отвергая моление заклинающего его. Итак, Саприкий не внял реченному в Евангелии, что кто прощает ближнему своему, тот и сам будет прощен, и не послушал слов Господа: *какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф. 7, 2). Вот почему Господь, праведный Судия, по справедливому суду Своему, отъял благодать Свою от Саприкия, и тотчас же тот отпал от Господа и лишился сплетенного им для себя венца мученичества.

Когда мучители сказали Саприкию: «Преклони колени твои, чтобы мы могли отсечь голову твою», — он сказал им:

— За что вы хотите усечь меня?

Воины на это ответили:

— За то, что ты не хотел принести жертвы богам и ослушался царского повеления ради некоего человека, именуемого Христом.

Услышав это, окаянный Саприкий сказал им:

— Не убивайте меня, ибо я исполню то, что повелевают цари: поклонюсь богам и принесу им жертву.

Так ненависть ослепила сердце Саприкия! Она отторгла его от благодати Божией, и он, прежде мучимый и не отвергавшийся Христа, теперь, вместо того чтобы приять уже мученический венец славы, отрекся от жизни вечной и стал отступником.

Услышав эти безумные слова Саприкия, Никифор стал со слезами на глазах умолять его:

— Не делай этого, о возлюбленный брат! Не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа! Не губи того венца небесного, который ты сплел себе среди твоих страданий! вот у дверей стоит Владыка Христос, Который снова явится тебе и воздаст тебе жизнь вечную за сию временную смерть, которую ты пришел принять на это место.

Саприкий же не слушал его молений: он спешил к вечной смерти, теряя вместе с тем ту бесконечную жизнь, которую должен был восприять чрез один удар меча.

Святой же Никифор, видя, что Саприкий совершенно отпал от святой веры и отторгся от Христа — истинного Бога, начал громким голосом так взывать к мучителям:

— Я — христианин и верую в Господа нашего Иисуса Христа, Коего отвергся Саприкий; итак, усеките меня вместо Саприкия.

Воины, не смея умерщвлять его без повеления игемона, весьма удивлялись, что он самовольно предает себя на смерть, совершенно свободно восклицая:

— Я — христианин и вашим богам не принесу жертвы!

Тогда один из мучителей, явившись к игемону, возвестил ему, что Саприкий обещался принести жертву богам, но есть некий, добавил он, который желает умереть за так называемого Христа и потому громко восклицает:

— Я — христианин, богам вашим не принесу жертву и царских повелений не послушаюсь!

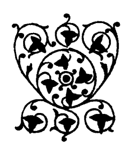
Услышав это, игемон приказал Саприкия отпустить на свободу, а Никифора вместо него усечь мечом. Так святой мученик умерщвлен был за Христа, в девятый день месяца февраля[1], и, радуясь, отошел ко Христу Господу, дабы приять от десницы Его венец победы и предстать Ему в лике святых мучеников, славящих Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же честь и поклонение, слава и держава вовеки, аминь.

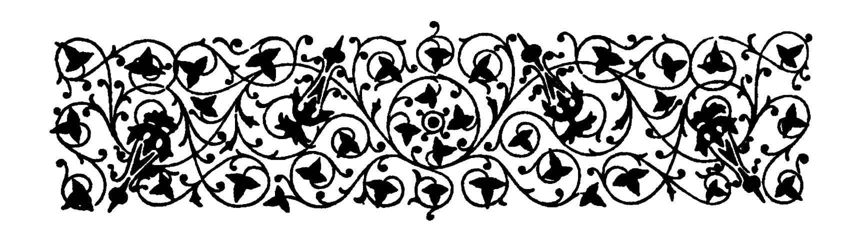


[1] Святой мученик Никифор пострадал и скончался около 257 года.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ **МАРКЕЛЛА**, епископа Сицилийского, **ФИЛАГРИЯ**, епископа Кипрского

Святые священномученики Маркелл и Филагрий были учениками святого апостола Петра. Во время земной жизни Христа святой Маркелл проживал в городе Антиохии. Слыша о чудесах Господа, он пришел из Антиохии в Иерусалим, чтобы увидеть Его, и тогда же познакомился с апостолом Петром. После воскресения Христа святой Маркелл был поставлен апостолом во епископы Сицилии и мученически скончался там после того, как множество язычников обратил ко Христу. Святой же Филагрий был епископом на острове Кипре, ревностно проповедовал веру во Христа и, претерпев за это множество мучений, отошел ко Господу.





День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ХАРАЛАМПИЯ,
епископа Магнезийского,
и с ним мучеников
ПОРФИРИЯ и ВАПТОСА
и трех мучениц жен

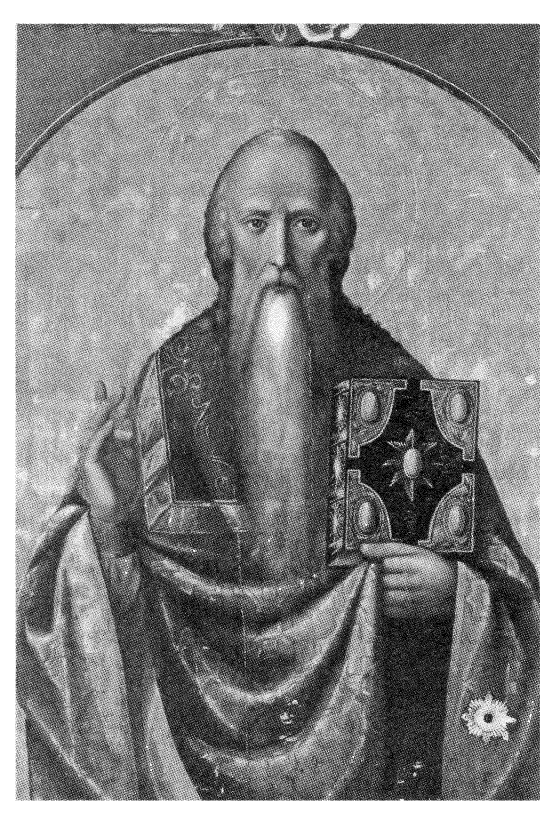
В царствование нечестивого царя римского Севера[1], при распространении Церкви Господа нашего Иисуса Христа, служение бесам стало упадать и самое идолопоклонство прекращаться.

В это время в городе Магнезии[2] жил святой епископ Харалампий. Он наставлял людей на путь спасения и поучал их слову Божию; он говорил: «Царь мой Иисус Христос Духом Святым послал апостолов и пророков, дабы люди, вразумившись их святой проповедью, пошли неуклонно путем правды. Ваш же царь Север лютыми муками принуждает людей к приношению жертв бездушным идолам и этим самым предает души их вечной смерти. Иисус Христос, Царь мой, чрез пророков и апостолов предал нам слова небесной жизни, — и этой проповедью враг наш изгоняется, змий попирается, неверие претворяется в веру, учение же бесовское погибает, и падает в своем лютом падении вся вражия сила. Итак, должно лучше веровать словам, наставляющим на путь вечной жизни, нежели стоять за дело, причиняющее вечную пагубу».

---

[1] Римский император *Септимий Север* царствовал с 193 по 211 год.

[2] *Магнезия* — город в Фессалии, северо-восточной области Древней Греции.



После подобных слов святой епископ был схвачен неверными и представлен на истязание и суд к игемону Лукиану и к военачальнику Лукию.

Когда священномученик Харалампий повторил пред ними то же самое, игемон сказал ему:

— Ты от избытка сердца своего говоришь безрассудные слова, не отличая добра от зла. Но, честный старец, не думай, что ты не будешь замучен за эти слова. Поэтому, послушавшись нашего совета, веди себя, как подобает старцу, и, хорошо размыслив, приступи к богам с жертвой, дабы нам не причинить тебе таких мук, каких ты не можешь себе и представить.

Святой Харалампий отвечал:

— Я уже состарился и оканчиваю это временное житие, ни за что не презрю предстоящих мне небесных благ.

Тогда судьи, придя в ярость, начали приготовлять все для лютых мук, причем говорили ему:

— Принеси жертву богам, злой человек!

Святой Харалампий отвечал:

— Не принесу я жертвы бесам. Ведь вы видите, что бесы, которых вы почитаете, трепещут и содрогаются пред крестным знамением Христа.

После этого судии приказали совлечь с Харалампия его священные одежды и обнаженным стали мучить этого ангелоподобного мужа. Повесив священномученика, двое из слуг стали терзать тело его железными когтями и так продолжали до тех пор, пока не содрали всю кожу с головы до ног.

Святой же Харалампий, весь истерзанный, так говорил мучившим его: «Благодарю вас, братия, что, исстрогав мое бренное тело, вы обновили дух мой, стремящийся перейти в новую, вечную жизнь».

После этих слов святого обоих мучивших его воинов объял ужас и они сказали судиям: «Бесчестие, наносимое вами сему человеку, обращается ему в честь, а муки — в отраду. Не есть ли он Сам Христос? Приняв подобие старца, не пришел ли он в Азию, дабы обратить к себе всех ее жителей? Тело его, терзаемое железными когтями, становится тверже железа, так что когти вбиваются в него, а оно само остается невредимым».

Когда воины это сказали, игемон, заскрежетав зубами, воскликнул: «О злые рабы и ленивейшие в исполнении повелений! Не делая, что вам приказано, вы еще защищаете осужденного на муки!»

Воины же, мучившие святого Харалампия, изнемогли, наконец, совершенно и стали уже открыто исповедовать и прославлять силу Христову, так укреплявшую страдальца, и потому тотчас же оба были усечены за имя Господне; имена их были Порфирий и Ваптос.

Также уверовали здесь в Христа и три женщины, смотревшие на страдание мученика. Они стали прославлять пресвятое и всесильное имя Его и за это были замучены.

После этого полководец Лукий, встав со своего места и взяв орудие палачей, сам стал мучить святого Харалампия, жестоко терзая все тело его. И тотчас же руки его отнялись от локтей, как бы отсеченные мечом, и, прилипши к телу мученика, повисли на нем.

Лукий, без рук, упал на землю и стал взывать: «Сей человек — чародей! Помоги мне, игемон!»

Игемон, подойдя и увидев висевшие на теле мученика руки своего полководца, плюнул в лицо святого Харалампия, и в это мгновение голова игемона повернулась и лицо его уже стало смотреть назад.

Тогда магнезийцы, объятые великим ужасом, начали молить святого мученика, произнося: «Оставь свой гнев и отврати Божие мщение! Ведь тебе же повелено, чтобы ты не воздавал злом за зло».

Святой Харалампий сказал на это: «Жив Господь Бог, что в сердце моем нет злобы, а на языке — лести! Вы сами видите, как Христос Бог наказал этих беззаконных начальников, Он же дарует нам и жизнь вечную, а нечестивых — погубит».

Тогда все воззвали к Господу: «Господи, не погуби нас, согрешивших Тебе! Вот Ты ныне, Боже, наказал наших князей, дабы привести нас к свету и соделать достойными жизни вечной».

И уверовало здесь во Христа великое множество народа.

После этого Лукий сказал: «Человек Божий, Ангел Господень, помилуй меня, люто страждущего; мои вот руки отягощают тебя, вися на твоем теле: возврати их на свое место, тогда и ты избавишься от тягости, и я исцелюсь от своего недуга, и, если ты это сотворишь, я уверую в твоего Бога».

Тогда святой, изливая пред Господом свое моление, воскликнул: «Варух, Мануид, Марон-Афа, Раввуни, то есть благословенный, с нами Боже, Господи наш, восприявший нашу плоть, Учитель мой, призри на смирение окованных, разреши от уз кары — судей моих этих и исцели меня — всего изъязвленного исповедника Твоего!»

И вот послышался голос с неба, произносивший: «Харалампий — земной светильник, озаряющий и небо, слуга Ангелов, сожитель пророков, друг апостолов, совоин мучеников и Моей беседы достойный, Я услышал молитвы твои и принял слова уст твоих, да будет это моление твое во исцеление сим болящим».

И тотчас же Лукий и игемон Лукиан исцелились от своих болезней.

Тогда Лукий, припав к ногам святого мученика, стал просить крещения, какового вскоре и удостоился, а игемон прекратил гонение на христиан. «Пока, — сказал он, — я не извещу обо всем этом царя».

После этого многие, приходя к святому, по исповедании грехов своих, крестились, а больные различными недугами получали исцеление.

Игемон же Лукиан, отправившись к императору Северу, который тогда находился в Антиохии Писидийской[1], рассказал ему обо всем, что произошло в Магнезии. «К нам явился, — говорил он, — некий человек из общества галилеян; он начал всех отвращать от богов, больным же — подавать исцеление; полководец Лукий, исцелев, уверовал во Христа, да и вся почти Магнезия приняла его веру; я же, тоже выздоровев, пришел сюда возвестить обо всем этом твоему царскому величеству».

---

[1] *Антиохия Писидийская* — в западной части Малой Азии, на границе с Фригией.

Услышав это, Север, исполнившись гнева, воскликнул: «О вечные боги, опозоренные нечестивыми людьми! Зачем учение этих лживых людей так распространилось на земле!»

И тотчас он послал триста бесчеловечных и лютых воинов схватить святого Харалампия. Он приказал им сначала предать святого мукам, а потом привести его из Магнезии в Антиохию.

Воины, возвращаясь к царю, повели с собой и мученика Христова; они вбили в тело его острый железный гвоздь, в бороду же, довольно длинную, вплели веревку, и, обмотав ее вокруг шеи, так и влачили святого на пути к царю.

И когда они уже отошли от Магнезии на пятнадцать стадий[1], шедший с правой стороны конь, обратившись к воинам, человеческим голосом ясно проговорил: «О триста воинов, вы трижды скверные слуги диавольские! Разве вы не видите присутствующего с человеком сим Христа Бога и Святого Духа? Зачем же вы все это ему делаете? О жестокосердые! Освободите же того, кого не можете связать, дабы вам и самим освободиться от уз».

Воины были весьма устрашены такой человеческой речью, сказанной конем, однако, исполняя царское повеление, продолжали влачить святого мученика к Антиохии.

В это время диавол, преобразившись в старца, предстал царю Северу и сказал ему: «Увы мне, царь! Я сам владетель скифский, но во страну мою пришел некий человек по имени Харалампий — великий волхв и все воинство мое отвратил от меня, народ же весь присоединился к легионам моим, и вот я, оставленный всеми, пришел предупредить тебя, как бы и с тобой не случилось чего подобного».

Лишь только диавол произнес это, как святой Харалампий, влачимый воинами, приведен был к царю. Царь, увидев его, тотчас же вонзил в грудь его три острых кола, а потом приказал принести дрова, зажечь их и палить мученика огнем понемногу, дабы он не сразу умер, но подольше терпел муки».

Когда так святого Харалампия долгое время мучили, некая женщина, стоявшая там в это время, из желания угодить царю взяла горячие уголья и посыпала ими голову, лицо и бороду мученика, говоря: «Умри, старец, умри; лучше тебе умереть, нежели соблазнять нас своим льстивым учением».

---

[1] Приблизительно на $2^2/_3$ версты по нашему счету.

Эта женщина была царской наложницей. Сестра же ее сказала ей: «Или ты, окаянная, не боишься Бога? Исполняя волю царскую, ты прогневляешь Бога. Не поможет тебе Север, когда на тебя прогневается Христос».

И, обратившись к мученику, проговорила: «Человек Божий, честна есть старость твоя и с тобою Бог, в Коего и я желаю уверовать и избавиться от грехов моих».

После этого, когда огонь уже погас, а слуги, мучившие святого, изнемогли, хотя сам мученик оставался невредимым и совершенно здоровым, царь произнес: «Перестаньте мучить человека сего: пусть он отвечает на мои вопросы».

И когда святой мученик приведен был ближе к царю, Север сказал ему:

— Харалампий, беседуя рано утром с царем скифским, я разгневался и похулил тебя; но, претерпев теперь это мучение, ты останешься у нас в чести, если только будешь отвечать мне на то, о чем я буду тебя спрашивать. Много ли тебе лет?

Святой Харалампий отвечал:

— Много времени провел я в этой суетной жизни: я прожил сто тринадцать лет.

— Как же, прожив столько лет, — сказал Север, — ты до сих пор не познал бессмертных богов?

Святой мученик отвечал:

— Прожив много лет, царь, я приобрел и великое знание: познав Христа — Единого истинного Бога, я и уверовал в Него.

Царь после этого спросил его, имеет ли он жену или нет.

Святой отвечал:

— Я стяжал себе небесную Деву, то есть Царство Христа моего; на земле же не имел жены.

Тогда царь спросил его:

— Умеешь ли ты воскрешать мертвых?

— Это не во власти человеческой, — отвечал святой, — но во власти Христовой.

Тогда царь велел привести человека, уже долгое время одержимого злым духом; тридцать пят лет диавол мучил этого человека: желая погубить его, дух злобы то гонял несчастного по пустыням и горам, то ввергал в дебри, болота и расселины земные.

Когда человек этот был близко подведен к святому, то, обоняя благоухание от святого, тотчас же воскликнул: «Молю тебя, раб Божий, не мучай меня прежде времени! Но повели словом, чтобы я вышел, и, если хочешь, я тебе скажу, как вошел в этого человека».

Святой согласился, и диавол рассказал следующее: «Сей человек хотел обокрасть ближнего, но он сказал сам себе: если я сначала не убью наследника его, то не в состоянии буду захватить его богатства, и, убив ближнего, уже хотел восхитить его наследство; увидев его в таковом состоянии, я вошел в него и вот уже тридцать пять лет как обитаю в нем».

Тогда святой Харалампий сказал диаволу: «Выйди из этого человека и не причиняй ему больше никакого вреда».

И тотчас же диавол оставил его, и бесноватый стал здоровым.

После этого царь воскликнул:

— Поистине велик Бог христиан!

Спустя три дня умер некий юноша; царь, приказав принести мертвеца к себе, сказал святому Харалампию:

— Помолись своему Богу, да воскреснет этот мертвец.

Святой, помолившись, воскресил мертвого, и уверовало при сем много народа во Христа; сам царь удивлялся, видя таковые чудеса.

В это время при царе был некий епарх по имени Крисп; на совете с Севером он сказал ему: «Сотри человека этого с лица земли — он волхв и свои чудеса творит чарованием».

Царь, поверив словам Криспа и изменив свое прежнее доброе чувство к мученику, сказал ему:

— Харалампий, принеси жертву богам, и ты избежишь руки убийцы.

Святой отвечал:

— Муки приносят мне великую пользу: насколько тело мое покрывается ранами, настолько радуется во мне дух мой.

Тогда царь, разгневавшись, приказал бросать камни в уста святого, бьющие же его приговаривали: «Покорись царю, дабы не умереть тебе без вины».

Наконец, царь сказал воинам: «Возьмите горящие факелы и зажгите ему бороду и опалите лицо его».

И вот, когда воины поднесли факелы к бороде святого, из нее

вышло большое огненное пламя и, устремившись на стоявших вокруг людей, опалило до семидесяти нечестивцев.

Увидев это, Север, исполненный ярости, сказал: «Правду сказал мне царь скифский, что Харалампий волхв и что он также хочет и от меня отвратить мое войско».

И потом, обратившись к своим вельможам, он спросил их:

— Не скажете ли вы мне, кто это Христос, в Которого верует Харалампий?

— Христос — это Сын Марии, — отвечал ему Крисп, — Он рожден Ею от прелюбодеяния.

Тогда некий человек по имени Аристарх сказал Криспу:

— Не буесловь; откуда ты слышал эту тайну и почему знаешь, кто такие были Мария и Христос?

На это Крисп с гневом сказал:

— Ты разве мудрее меня?

— Да, я больше знаю, чем ты, — отвечал Аристарх.

Тогда царь Север воскликнул:

— О злой человек! Мне ли ты хочешь противоречить?

Аристарх на это ответил:

— Нет, царь, ни тебе не хочу противоречить, ни кому-либо другому; я только защищаю Христа.

После этого царь, горя яростию, взял лук, натянул его и, пустив стрелу вверх, сказал: «Христос, если ты живешь на небе, сойди к нам и поставь шатры Свои на земле; вот я готовлю на Тебя брань и имею много войска, чтобы восстать на Тебя; итак, сойди на землю и встань против меня. Если же Ты не сойдешь, я низложу небеса, угашу солнце и сам схвачу Тебя своими руками».

В то время, как царь так дерзко и бесстыдно говорил на Господа Христа подобные хулы, земля потряслась, и на всех напал великий страх. Разгневанный Господь, как лист, поколебал землю; и сверху были слышны страшные раскаты грома, и видны были молнии, так что все здесь стоявшие от страха как бы омертвели. Царь же и вместе с ним эпарх Крисп, связанные какими-то невидимыми узами, поднялись от земли и как будто висели в воздухе.

Тогда царь воззвал к мученику: «Харалампий, все это случилось по моим грехам, и я справедливо терплю эту муку; но ты помолись Богу своему, дабы мне избавиться от этого мучения, — и я прославлю

имя Его и твое по всему городу, ибо я объят от Христа твоего великим ужасом».

В это время к ним подошла царская дочь по имени Галина и сказала Северу: «Отец мой, никто не может противиться Богу: ибо для христиан Он есть надежда, а для нечестивых — погубитель. Уверуй в Него, и Он сохранит тебя и освободит от тех невидимых уз, коими ты сейчас им связан: Связавший тебя есть вечный и всемогущий Бог».

Пав перед святым мучеником, блаженная Галина сказала: «Молю тебя, раб Божий, помолись Господу Христу и своей молитвой освободи отца моего от этих невидимых уз».

И лишь только святой Харалампий помолился, как прекратилось это страшное прещение Божие, и царь, освобожденный вместе с эпархом от казни, встал на землю и сказал: «Владыка неба и Создатель земли, помилуй меня! Живущий на небе, призри милостивно на землю!»

После этого царь вместе с эпархом и всеми своими вельможами отправился к себе во дворец и оттуда не выходил три дня, все время размышляя о гневе Божием и о только что бывшем грозном прещении Господа.

В это время дочери царя — Галине — было видение, о котором она и передала святому Харалампию. «Мне казалось, — говорила она, — что я стою в какой-то обильно орошаемой местности; и вот внезапно я увидела большой огороженный сад, в котором были насаждены всякого рода благоухающие деревья; посреди же них рос прекрасный виноградник, а в этом винограднике стоял высокий кедр, при корнях которого струился источник. Около этого места стоял грозный страж, не позволявший никому войти в этот сад. Вблизи я увидела отца моего и эпарха Криспа, которых стерегущий этот сад своим огненным мечом отгонял от этого места. В это время я была объята великим страхом и только молилась, чтобы этот страж позволил мне остаться там. Он же в это время сказал мне: подойди сюда, и я тебя на ра́менах (плечах — *Ред.*) своих с честию внесу в этот сад. И когда я в нем была под кедром, при источнике, я услышала, что кто-то говорит: тебе и подобным тебе дано это место. Вот каково видение было мне, и я теперь умоляю тебя, — окончила Галина, — скажи мне, что оно означает?»

Тогда святой Харалампий сказал ей: «Твой сон означает следующее: изобилие воды — это есть дарования Духа Святого, сад же огражденный — это рай. Виноградник означает упокоение в раю праведников, а благоухающие деревья — лики святых Ангелов. Высокий кедр знаменует крестную славу Христа, источник же — жизнь вечную, дарованную крестом роду человеческому. А страж, который принял тебя на рамена свои, — это Господь Христос, Который, оставив в горах девяносто девять овец, стал искать пропавшую овцу и, найдя ее, взял ее на рамена Свои (см.: Лк. 15, 4–5). Отец же твой вместе с эпархом будут изгнаны от рая Божия, ибо они — теперь благодарные Богу — скоро снова будут непокорны Ему, впав в диавольские сети».

Действительно, вскоре после страшного наказания Божия царь Север опять впал в заблуждение и, оставив Бога, крепкую мышцу Коего он только что познал, снова обратился к идолам. Позвав к себе мученика, он сказал ему:

— Харалампий, послушайся совета моего, поклонись богам — и ты будешь у нас в чести.

Святой отвечал:

— Не может того случиться, чтобы раб Божий мог прельститься словами мучителя; поистине, царь, слова твои безрассудны и нелепы.

Тогда, разгневавшись, Север сказал:

— О безумный человек, ты считаешь мои слова безрассудными!

И приказал прицепить за его губы удилищный крючок и так водить его по всему городу.

Дочь же царя, приступив к отцу своему, сказала: «Отец, что ты делаешь? Зачем ты мучаешь этого праведника? Зачем увязаешь в диавольские сети и, оставив доброе, избираешь злое? Зачем, отвергнув жизнь, ты предпочитаешь смерть? Зачем ты с яростию мучителя восстаешь на этого раба Христова? Послушайся меня, отец, и как прежде ты стремился ко злу, так теперь поусердствуй ко всему благому; ибо кто сеет злое, тот злое и пожнет, сеющий же с благословения, пожнет доброе. Вспомни о бывшем над тобою наказании Божием, когда ты был связан невидимыми узами и, вися в воздухе, исповедовал истинного Бога, теперь же, освободившись от уз, ты отрекаешься от Него; так многие властители, при каре Господа, познают силу

Его, а освободившись от наказания, снова забывают своего Господа».

Выслушав это, царь Север нисколько не исправился, но, еще более возъярившись, сказал:

— Принеси жертву богам, Галина!

— Что ты хочешь, я все сделаю, отец, — сказала она ему на это.

Тогда царь, возрадовавшись, произнес:

— Да будет освобожден Харалампий, так как дочь моя согласилась принести жертву богам.

Когда святой мученик приведен был к царю, Север сказал ему: «Вот дочь наша Галина отпала от твоей веры в нашу и теперь хочет принести жертву богам, войди и ты, Харалампий, вместе с ней в храм богов наших и сотвори, чего мы от тебя желаем».

Так как Харалампий на это ничего не ответил, то царь подумал, что он согласился.

Между тем Галина отправилась к храму Дия и Аполлона и сказала там жрецам: «В покаянии я пришла умолить богов, коих прогневала, уверовав во Христа».

Жрецы же на это воскликнули:

— Великий Дий! Всесильный Аполлон! Творец неба и царь всем владыкам, призри на Галину и ради царя Севера помилуй ее!

Блаженная же Галина, войдя в идольское капище, подозвала к себе жрецов и спросила их:

— Какого идола мне прежде всего низложить — идола Дия или Геркулеса и Аполлона?

— Нет, Галина, — отвечали жрецы, — не замышляй подобного зла и не издевайся над спасителями нашими, а то, прогневанные, они низложат небо и сокрушат всю землю.

Тогда Галина, взяв Диева идола, сказала ему:

— Если ты бог, то как до сих пор не мог увидать, что я пришла сокрушить тебя?

Сказав это, Галина сильно ударила о землю идола, и он разбился на три части; потом она схватила и идола Аполлона и также разбила его, проговорив:

— Пади на землю и ты, сатана, сгорбленный старик, ведь ты — прах!

И она сокрушила всех идолов.

Тогда жрецы, придя к царю Северу, сказали ему:

— О царь, погибла наша надежда, ныне и солнце угаснет, и мир погибнет, ибо наши боги умерли.

Царь, удивившись, спросил:

— Что означают эти ваши слова?

— Галина, твоя дочь, сокрушила наших богов, — отвечали они.

Тогда Север сказал:

— Идите и призовите ко мне сегодня ночью пятьдесят кузнецов, идолов же, возобновив, поставьте снова в их храме и скажите, что они воскресли, как галилеяне говорят о Христе своем, что Он восстал от мертвых.

Жрецы исполнили все это с великим тщанием; утром, явившись к царской дочери, они сказали ей:

— Пойди в храм и посмотри на наших воскресших богов.

— Боги воскресли? — спросила Галина, — пойду же, посмотрю на них!

Жрецы сказали:

— Поистине великое чудо: обесчещенные и поруганные вчера, они ныне сияют еще большей честию и славой.

Наутро блаженная Галина сказала:

— Новых идолов мне легче разрушить, чем старых.

И, обратившись к идолу Дия, добавила:

— Воскресший из мертвых Юпитер, тебе приказываю: иди опять к мертвецам!

Сказав это, Галина снова разбила все идолы.

Тогда жрецы, исполнившись ярости, вторично донесли царю о погибели своих богов.

Север, позвав к себе дочь свою, сказал ей:

— Зачем ты сокрушила наших богов?

Галина отвечала:

— Вы называете их своими богами только потому, что прельщены ложным учением: они не более как бездушная вещь.

На это царь воскликнул:

— Принеси жертву богам, семя нечестия, а не мое рождение!

На это блаженная Галина, как бы посмеиваясь над своим отцом, сказала:

— Я уже принесла им жертву, насколько сумела, но, если ты хочешь, я то же могу сделать и с остальными твоими богами.

Тогда разгневанный царь оставил дочь свою и обратился снова к истязанию святого мученика Харалампия: он отдал его на поругание одной вдове.

Когда Харалампий входил в дом этой вдовы, он приклонился к одному стоявшему там столпу, и тотчас столп этот стал большим деревом, покрывающим ветвями своими весь дом этой женщины.

Увидев такое чудо, вдова устрашилась и сказала: «Уйди от меня, Харалампий, я недостойна принимать такого мужа; мне кажется, что ты — или Христос, или Ангел, или пророк, или апостол; умоляю же тебя, уйди от меня: я недостойна принять тебя под кров свой».

На это святой мученик ей ответил: «Дерзай, дщерь, так как ты обрела благодать у Господа. Только веруй, что *велик Господь*, и милостив, *и всехвален*» (Пс. 47, 2; 95, 4).

На другой день, утром, соседи, увидев высокое и многолиственное дерево, сенью своею покрывавшее дом вдовицы, говорили друг другу:

— Что это за чудо?

Некоторые на это отвечали:

— Это от того, что там святой Харалампий: вот от чего этот столп и стал высоким деревом.

Взойдя в дом, соседи нашли святого сидящим и поучающим вдовицу; он ей говорил:

— Блаженна ты, что уверовала во Христа, блаженна, ибо тебе отпускаются грехи твои: ибо Господь кающихся приемлет.

И сказал ему пришедший народ:

— Что же ты нам не скажешь, действительно ли ты есть Христос?

Святой Харалампий отвечал:

— Простите мне, чада, я ваш слуга и раб Христа, и творю все это Его именем.

Тогда вдова, с дерзновением, громким голосом, так воззвала:

— Радуйся, Харалампий, всегда сияющий неугасимым светом[1], радуйся, Харалампий, благодатию ведший, радуйся, Харалампий, всесветлый светильник.

---

[1] Харалампий в переводе с греческого значит: «радостию сияющий».

В то время как она это произносила, пришедшие соседи ее, уверовав сердцем в Христа, припали к коленам святого Харалампия, открыто исповедуя Христа, и все приняли спасительное крещение.

На другой день царь велел привести святого на судилище; уверовавшие же во Христа, придя к царю ранее, известили его о сотворенном чуде, как прозяб столп и стал большим деревом.

Север весьма удивился, епарх же Крисп сказал ему: «Царь, если ты не повелишь убить мечом этого волхва, скоро все прельстятся его чудесами и, оставив наших богов и нас, пойдут вслед его».

Тогда царь осудил святого на усечение мечом. Услышав об этом, мученик Харалампий радостно воспевал этот псалом Давидов: *Милость и суд воспою Тебе, Господи; пою и разумею в пути непорочне: когда прийдеши ко мне?* (слав. Пс. 100, 1–2) и прочее до конца псалма того.

Придя с веселием на то место, где должен был окончить свой земной подвиг, святой Харалампий сказал: «Благодарю Тебя, Господи Боже, что Ты так милостив и щедр ко мне; Ты, Иисусе, поразивший врагов, пленивший ад и исцелявший смертные болезни, помяни меня, Господи Боже мой, во Царствии Твоем».

Когда он так молился, разверзлись небеса, и к мученику со множеством святых Ангелов сошел Сам Господь, и поставлен был прекрасный смарагдовый престол, и царь славы, воссев на нем, сказал святому Харалампию:

— Приди, Харалампий, так много пострадавший за Меня, проси у Меня чего хочешь, и Я тебе дам.

Святой мученик на это отвечал:

— Для меня, Господи, и то — великая милость, что Ты сподобил меня видеть страшную славу Твою; но, Господи, если Тебе угодно, воздай славу имени Твоему: пусть в той местности, где будут почивать мои мощи и где будет почитаться память обо мне, пусть там не будет ни голода, ни мора, ни тлетворного ветра, погубляющего плоды, но да воцарятся в этом месте мир, благосостояние, изобилие пшеницы и вина; и спаси, Господи, души людей тех; ведь Ты Сам знаешь, что люди суть плоть и кровь, так оставь же им грехи их и подай им изобилие плодов земных, дабы они, насыщаясь и наслаждаясь среди трудов своих, прославляли Тебя, Бога своего, — Пода-

теля всех благ; сходящая же с неба роса да будет им во исцеление. Господи Боже мой! Излей на всех благодать Твою!

После того как святой произнес эту молитву, Господь изрек:

— Да будет по прошению твоему, мужественный Мой воин!

После того Господь вошел на небеса, окруженный Своими Ангелами, а за Ним последовала и душа святого Харалампия.

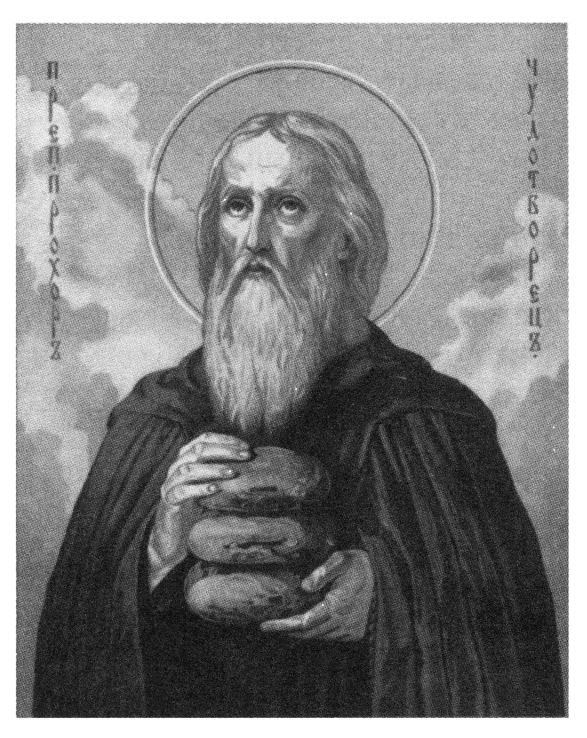
Тогда воины, отправившись, возвестили царю о той славе, коей сподобился мученик, как ему явился Господь, как он скончался без всякого усечения мечом и как они видели душу его, восходящую на небеса. Север был всем этим очень удивлен и впал в великий страх. Блаженная Галина, дочь царя, испросила у него тело мученика и, взяв его, обвила его чистыми плащаницами, умастила ароматами и многоценным миром и, прославляя Господа, вложила его в золотой ковчег. Царь побоялся судить и наказать дочь свою; видя, что с нею пребывает Господь, он оставил ее жить в христианском благочестии, по ее изволению.

Этот непобедимый и непреодолимый великий мученик Харалампий, который теперь ходатайствует обо всем мире, пострадал в феврале месяце, в десятый день[1]; стоя одесную престола Божия, он непрестанно молит о нас Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и царство, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО **ПРОХОРА**, Печерского чудотворца

Богатый в щедротах и милосердый Господь часто посылает беды на человека, дабы чрез подобное наказание привести его к истине и привлечь на дела благие. Если Он и допускает, чтобы люди мучились и страдали, то не замедлит и помиловать их и даровать их ранам исцеление, — как это мы и видим из жития этого преподобного Прохора.

[1] Священномученик Харалампий скончался в 202 году.



Во дни княжения Святополка Изяславича[1] киевляне много насилия претерпели от этого князя, который дома, даже и людей знатных, без вины уничтожал, а имущество их отнимал; вот почему Господь попустил, чтобы враги Руси возымели тогда такую силу: на Святополка восстали великие рати половцев[2]; к тому же и между князьями вспыхнула междоусобная брань, и настали тогда в Русской земле великий голод и оскудение.

В это время блаженный Прохор пришел из Смоленска в Печерский монастырь к игумену Иоанну[3] и принял от него иноческий чин. В монастыре он стал усердно подвизаться в добродетелях и предал себя такому воздержанию, что даже отказывался от вкушения обыкновенного хлеба; он собирал траву лебеду и, протирая ее своими руками, делал себе из нее хлеб и тем питался. В летнее время он заготовлял такого хлеба на весь год и, когда снова наступало лето, делал то же для следующего года, так что он совершенно не нуждался в хлебе, и потому он получил прозвище «лебедника»; кроме просфоры, он ничего не вкушал, он никогда не ел даже овощей, но только лебеду, и не пил ничего иного, кроме воды. Господь же, видя терпение святого в столь великом воздержании, претворял для него горечь хлеба, приготовленного из лебеды, в приятное услаждение, и угодник Божий прово-

---

[1] Княжил с 1093-го по 1113 год.

[2] *Половцы* — дикий кочевой народ тюркского племени, со второй половины XI века пришедшие из-за Каспийских степей в южно-русские степи и делавшие частые и опустошительные набеги на южно-русские княжества.

[3] Между 1089–1108 годами, в которые Иоанн был игуменом Печерской обители.

дил все дни своей жизни не в печали и скудости, а в радости: блаженный Прохор никогда не скорбел, но всегда в веселии работал Господу. Он никогда не страшился набегов вражиих, ибо жил, как птица, не имея ничего, кроме лебеды. Он не мог похвалиться вместе с евангельским богачом: *Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* (Лк. 12, 19); но и за траву, заготовленную на год, он укорял себя, говоря: Прохор, *в сию ночь, душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). Святой на деле исполнил это слово Господне: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их* (Мф. 6, 26). Подобно птицам, блаженный Прохор легко проходил на то место, где росла лебеда, и оттуда приносил ее в монастырь на плечах, как бы на крыльях. Так питался он, как птица небесная, не насеянной пищей, с непахотной земли. В это время на Руси от постоянных браней начался великий голод, так что людям угрожала смерть. Но Господь, желая прославить угодника Своего и спасти от смерти людей, в этот год благословил урожай лебеды, и ее выросло более, чем в прежние годы. Тогда блаженный Прохор стал еще более трудиться. Беспрестанно собирая эту траву, он семена ее растирал руками и, делая из подобной муки хлебы, раздавал их бедным и умирающим от голода.

Некоторые, видя, как святой Прохор собирал лебеду, начали также запасаться ею, чтобы пропитаться во время голода, но от горечи не могли есть такого хлеба. Тогда все нуждающиеся стали обращаться к блаженному Прохору; святой никому не отказывал в своем хлебе из лебеды. И всем вкус этого хлеба казался приятным, как будто он был смешан с медом. Таким образом, хлеб, испеченный из лебеды руками блаженного Прохора, народ брал охотнее, чем хлеб, испеченный из пшеницы. И при всем этом вот что казалось особенно чудным — хлеб этот казался чистым и сладким на вкус только в том случае, если давался блаженным Прохором с благословением, но если кто брал его без благословения святого, то он казался черен, как земля, и горек, как полынь. Так один из братии взял у святого его хлеб тайно, без благословения, и стал его есть. Но он оказался в руках его как земля и горьким настолько, что его нельзя было есть. И так случалось несколько раз. Но инок этот стыдился открыть блаженному свой грех и попросить у него хлеба с

благословением. Однако, давно уже претерпевая большой голод, он больше не в состоянии был переносить его и, видя пред глазами своими неминуемую смерть, пришел к игумену Иоанну и, рассказав ему все происшедшее, стал у него просить прощения. Игумен, не поверив этому, велел другому брату взять тайно хлеб у святого Прохора, чтобы убедиться, действительно ли это так. Когда хлеб был принесен, подтвердилось то, что говорил первый брат: от горечи никто его не мог есть. Оставив этот хлеб у себя, игумен снова послал к святому испросить хлеба с его благословения; «а отходя от него, — сказал он, — возьмите тайно и другой хлеб». После того как хлебы эти были принесены, взятый тайно хлеб изменился пред ними и стал черным, как земля, и горьким, как полынь, подобно первому хлебу; а хлеб, взятый с благословения святого Прохора, оказался чистым и сладким, как мед. Вследствие этого чуда блаженный Прохор прославился повсюду и, питая многих, оказал тем большую пользу. В это время князь Киевский Святополк Изяславич вступил в междоусобную брань с Давидом Игоревичем, князем владимиро-волынским. Он вступил с ним в борьбу за ослепление на Требовле князя Василько Ростиславича, которого, по наговору Давида Игоревича, князь Святополк приказал ослепить. В то же время Святополк Изяславич начал междоусобную борьбу и с Владимиром Ростиславичем, братом Василько, князем Перемышльским, и даже с самим Василько — за область отца своего Изяслава, которую захватили Ростиславичи[1].

Князь Святополк прогнал Давида к ляхам и, посадив в его городе Владимире сына своего Мстислава, сам возвратился из похода в Киев. Но он не мог одолеть Владимира, и Василько послал на них с уграми Ярослава, другого сына своего. Во время этого великого общественного нестроения и беззаконного грабления запретили пропускать купцов из Галича и Перемышля в Киев, вследствие чего во всей почти южно-русской земле не стало соли и для народа настало великое бедствие.

Видя это бедствие, блаженный Прохор собрал в келию свою множество золы со всех келий и, помолившись Господу, стал раздавать ее всем нуждающимся в соли: по молитвам святого, она оказалась чистою солью. И чем обильнее он ее раздавал, тем более она умно-

---

[1] Все это происходило в 1099 году.

жалась; ее в изобилии доставало не только для монастыря, но и миряне, приходя к блаженному Прохору во множестве, брали ее для себя. И за все это блаженный Прохор ничего не брал: он всем раздавал свою соль даром, кто сколько требовал, так что часто можно было видеть, что базар пуст, а монастырь святого полон народа, приходившего для получения соли.

В это время диавол воздвиг великую ненависть к Прохору со стороны тех людей, которые продавали соль на торжище и теперь не получали ожидаемой прибыли. Они думали, что в те дни за соль приобретут громадные богатства, но весьма ошиблись, ибо то, что они сначала продавали по большой цене, потом уже никто не стал покупать и за бесценок. Собравшись вместе, все торговавшие солью явились к князю Святополку и стали клеветать на блаженного, говоря: «Прохор, черноризец Печерского монастыря, отнял у нас великое богатство, ибо он всех привлек к себе за покупкой соли, а мы, платящие тебе подати, не можем продать своей соли и потому разорились».

Князь, выслушав их, задумал и прекратить среди продавцов ропот, и себе приобрести богатство. Он решил с советниками своими поднять цену на соль, дабы, отняв ее у Прохора, самому продавать ее через своих слуг. Князь сказал этим слугам-крамольникам: «За вас и я ограблю этого монаха».

Желая как бы угодить торговцам, он таил в себе мысль только о приобретении; самому же ему из-за зависти хотелось только причинить им зло: ведь зависть не может мириться с тем, что полезно для других.

Итак, Святополк послал отобрать у Прохора всю соль. И когда она была привезена, он пошел сам посмотреть на нее вместе с теми крамольниками, которые клеветали на блаженного. И все здесь увидели, что пред их глазами — пыль. Тогда князь приказал попробовать некоторым эту соль, но она оказалась пылью и на вкус. И все они дивились этому изменению и недоумевали.

Потом князь, желая достоверно узнать, чем все это чудо кончится, приказал эту пыль сохранить до трех дней. А между тем к святому Прохору приходило множество народа, дабы взять от него соли, но, узнав о ее разграблении, возвращались без нее, проклиная того, кто это учинил.

Блаженный же Прохор сказал им: «Когда эта соль будет выброшена князем вон, тогда подите и соберите ее себе».

Действительно, князь, продержав эту соль у себя до трех дней и ничего не видя в ней, кроме пыли, приказал выбросить ее. Но после того как ее высыпали, она снова превратилась в соль. Граждане, узнав об этом, стали стекаться на это место и с радостию собирали соль. Когда совершилось это дивное чудо, князь, нанесший святому такую обиду, пришел в ужас. Он не мог скрыть этого чуда, так как оно совершилось пред всем городом, и вот он начал исследовать, что́ бы это означало. Тогда ему рассказали все, что совершил блаженный Прохор, — не только о соли, претворенной из пыли, но и о хлебах из лебеды, которыми он кормил такое множество народа, и как эти хлебы становились сладкими, когда их брали из рук блаженного с его благословения, и как, наоборот, они казались горькими, когда кто их брал тайно.

Услышав все это, князь Святополк устыдился своего поступка; отправившись в Печерский монастырь, он примирился с игуменом Иоанном. Прежде же он имел вражду на него за обличения в ненасытной алчности и в притеснениях народа. Он за это даже заточил Иоанна в Турове[1], но, убоявшись заступничества христолюбивого князя Владимира Мономаха, скоро с честию возвратил его в Печерский монастырь.

После этого чуда Святополк стал иметь великое усердие к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским; блаженного же Прохора он весьма почитал и ублажал, считая его истинным рабом Божиим: он дал ему слово не причинять больше никому никакого насилия; при этом утвердил это обещание следующим уговором: «Если, по воле Божией, я прежде тебя умру, то ты своими руками положи меня во гроб, дабы показать твое незлобие ко мне; если же ты преставишься прежде меня, то я, взяв гроб твой на свои плечи, сам внесу тебя в пещеру, чтобы получить от Господа прощение в моем тяжком пред тобою грехе».

После такого уговора блаженный Прохор прожил немало лет, проводя богоугодно свое непорочное и полное лишений житие, и потом разболелся. Князь же в это время отправился в поход против

[1] Это было приблизительно в 1107 году. Мощи преподобного Прохора ныне — в Антониевой пещере.

половцев. Тогда блаженный Прохор послал князю извещение, что час его смерти уже приблизился.

«Если хочешь исполнить свое обещание, — оповещал он, — и получить от Бога оставление грехов, приходи ко мне, и получим друг от друга прощение и ты положишь меня во гроб своими руками. Итак, я ожидаю твоего прихода. Если же ты замедлишь и я скончаюсь без тебя, то не моя будет вина, и твоя борьба не так окончится для тебя, как если бы ты пришел ко мне».

Услышав это, Святополк, оставив войско, немедля отправился к болящему Прохору. Блаженный много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни и бесконечных муках, подал ему прощение грехов и свое благословение и простился со всеми, окружавшими князя; а потом, воздев руки к небу, предал дух свой в руце Божии. Князь Святополк, вместе с черноризцами, взяв тело преподобного, отнес его в пещеру и своими руками положил в гроб.

После этого он отправился в поход и одержал над половцами полную победу; он пленил почти всех жителей Половецкой области и привел их в свою землю. Эта победа, дарованная Богом российской земле, была одержана по пророчеству молитвенника за нее — преподобного Прохора. С тех пор князь Святополк, идя на битву с врагами или на охоту, всегда заходил для благословения в Печерский монастырь и там, в Богосозданной церкви, с великим усердием и благодарением поклонялся чудотворной иконе Пресвятой Богородицы и пред гробницами преподобного Феодосия и преподобных Антония и Прохора и только тогда выходил в поход.

И после того счастливо текло княжение Святополка, получившее после многих жестоких испытаний, по молитвам блаженного Прохора, благословение Божие. Сам христолюбивый князь Святополк Изяславич, как свидетель, пред всеми явно исповедовал чудеса и знамения этого угодника Божия.

Святыми молитвами преподобного Прохора, Печерского чудотворца, да избавит и ныне всех нас от всякой напасти и злого обстояния Господь Христос, ибо Ему подобает со безначальным Его Отцом и Пресвятым, благим и животворящим Его Духом всякая слава, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ
ЕННАФЫ, ВАЛЕНТИНЫ и ПАВЛЫ

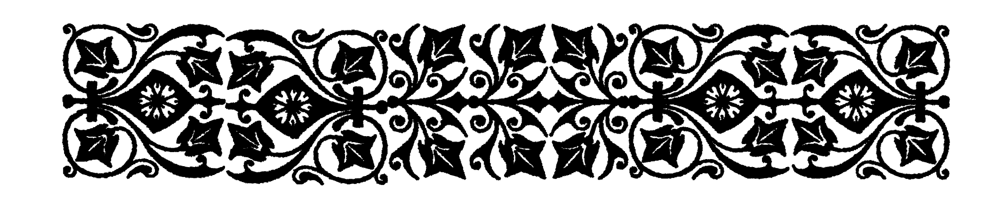
Святые мученицы Еннафа, Валентина и Павла приняли мученическую кончину от Фирмилиана, правителя Палестинской области. Святая Еннафа происходила из Газы[1], а святая Валентина — из окрестностей города Кесарии[2]. Обе они были девицами. Сперва на суд к Фирмилиану была приведена святая Еннафа. На допросе она мужественно объявила себя христианкой, и за это, по повелению правителя, ее подвергли сперва жестоким побоям, а потом привесили к столбу и стали строгать тело ее. После этого была приведена к Фирмилиану святая Валентина. Ее обвиняли в непочитании языческих богов, и правитель приказал ей принести жертву идолам. С этою целию ее повели в языческий храм, стоявший неподалеку от судилища. Но когда святая была приведена в храм, то, вместо того чтобы принести жертву идолам, она смело бросила на жертвенник камень и обратилась к пылавшему на нем огню спиною. Тогда Фирмилиан пришел в ярость и повелел нещадно бить ее по ребрам, а затем приговорил ее, а с нею и святую Еннафу к усечению мечом. После всех была приведена на мучения святая Павла. По приказанию правителя ее подвергли многоразличным мучениям, но, при содействии благодати Христовой, она переносила свои страдания с великим мужеством, и мучитель повелел отсечь ей голову мечом. Перед казнию она вознесла благодарение Богу и, поклонившись присутствовавшим на казни христианам, склонила под меч свою голову и так предала дух свой Богу[3].

---

[1] *Газа* расположена на берегу Средиземного моря; в древности она была одним из пяти известнейших филистимских городов и служила пределом хананеев на юге Палестины. С IV века Газа была уже христианским городом, а в VII веке покорена магометанами. В настоящее время от прежней знаменитой Газы остались лишь одни развалины, около которых находится новый город с тем же наименованием — один из довольно цветущих городов Палестины.

[2] *Кесария* — большой город в Палестине, при Средиземном море, где пребывали римские прокураторы — представители римской императорской власти. В настоящее время на месте Кесарии — только одни развалины, покрытые дикими растениями.

[3] Пострадали при Максимиане II Галерии в 308 году.



День одиннадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ВЛАСИЯ,
епископа Севастийского,
и других, пострадавших с ним

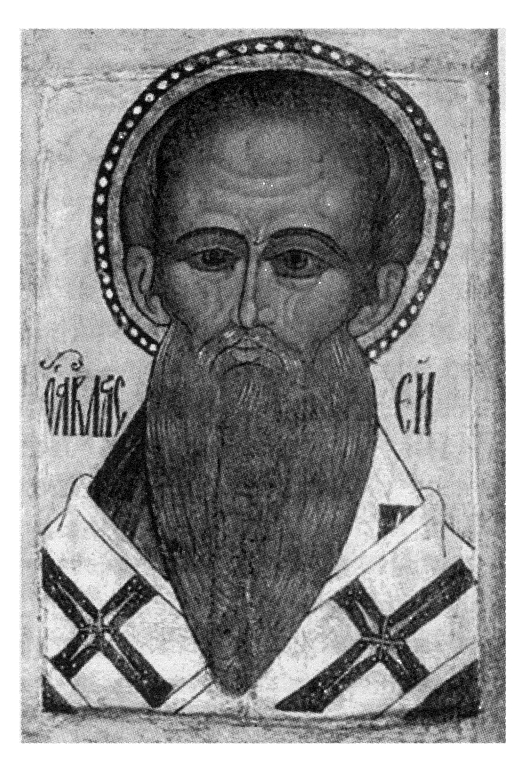
В те древние времена, когда нечестивые служили идолам и многие люди поклонялись созданию и делу своих собственных рук, тогда просияла и вера многих святых, и в числе их процвело благочестие святого славного мученика Власия. Этот святой, удаляясь от всякого злого дела, всю жизнь свою прожил кротко и праведно, богоугодно и беспорочно. Его сограждане — жители города Севастии, находившегося в Каппадокии[1], — люди благочестивые, желали, чтобы Власий был поставлен у них епископом, и желание их было исполнено. Новый пастырь ревностно пас стадо Христово в то время, когда на Церковь Христову были воздвигаемы частые гонения, и многие, претерпев страдальческие подвиги, удостаивались венца мученического. В то время, в царствование Диоклетиана[2], подвизался добрым подвигом и святой великомученик Евстратий — один из пяточисленных мучеников, вместе со своими товарищами[3]; он до крови стоял за веру Христову и за то был заключен в темницу. Здесь посетил его ночью святой Власий, подкупив стражу темничную большим количеством золота. Власий ублажал мученика Христова, который так мужественно

---

[1] *Каппадокия* — большая область в восточной половине Малой Азии. Севастия — город Каппадокии на границе с Малой Арменией, в северо-восточной части области.

[2] Царствовал с 284 по 305 год.

[3] Память их совершается Церковью 3 декабря.



переносил страдания. Евстратий отдал Власию свое завещание, составленное перед своею кончиною, делая в нем распоряжения о своем теле и об имении, о чем повествуется в его житии. Святой Власий скрывался от рук мучителей, что делали тогда и многие другие святые, не выдавая себя на мучения без особенного Божия соизволения; немногие христиане жили тогда в городе, да и то это были тайные поклонники Христа; большинство, из страха мук, бежало в пустыни, горы и вертепы; некоторые же, не будучи в состоянии вынести мучений, поклонялись на время идолам. Так и святой Власий не только в Диоклетианово царствование, но также и в царствование Ликиния[1] (при этом императоре он и пострадал) скрывался от лютых гонений в одной пустынной горе, которая называлась Аргеос[2]; здесь он обитал в пещере и подвизался в безмолвии и постничестве, воссылая непрестанные молитвы Богу. К нему приходили дикие звери, и если заставали святого в безмолвной молитве беседующим с Богом, то они, как бы разумные существа, не прерывали его Богомыслия, но стояли перед пещерой, дожидаясь, пока святой, окончив свою молитву, не выйдет к ним, и не уходили до тех пор, пока святой, выйдя и возложив на них свои руки, не благословит их; если же какой-либо зверь чувствовал себя больным, то приходил к святому и через возложение святой руки его получал исцеление.

В это время игемон Агриколай всячески старался погубить возможно большее число христиан, предавая их разным ужасным му-

---

[1] Царствовал с 307 по 324 год.

[2] *Аргеос* — иначе *Аргей* — большая, покрытая на самой вершине вечным снегом, а при подножии своем прекрасным лесом, гора Малой Азии, часть Антитавра, в северо-западной Каппадокии.

кам, одних он предавал мечу, других приказывал сжигать на огне, третьих — потопить в реках, иных же — отдать на съедение зверям. Для последней цели он приказал своим ловчим поймать возможно большее число хищных зверей. Исполняя это повеление, ловцы вышли на лов и, обходя горы и пустыни, пришли также и на гору Аргеос, где скрывался святой епископ Власий; подойдя к пещере святого и увидя перед ней множество резвящихся зверей, они сказали друг другу: «Пойдем и посмотрим, что это там происходит».

Приблизившись, они увидели, что святой Власий сидит у себя в пещере, как бы в каком-то чертоге, и воссылает Богу усердные молитвы. Ничего не сказав святому епископу, они возвратились домой и рассказали все, что видели, игемону Агриколаю; тот приказал большому числу воинов отправиться вместе с ловчими, схватить скрывающихся там христиан и привести их к нему. Придя на ту гору и войдя в пещеру, посланные воины нашли там одного только святого Власия, который возносил Богу молитвы и прославлял Его святое имя.

— Выйди отсюда, — сказали они Власию, — и ступай с нами в город: тебя зовет игемон.

Услышав это, святой обрадовался и сказал:

— Хорошо, дети мои, пойдем вместе; Господь вспомнил обо мне: Он являлся мне трижды в эту ночь, говоря: «Встань и принеси Мне жертву, как подобает тебе по твоему званию епископа». Итак, вовремя, дети мои, вы пришли сюда сегодня, Господь мой, Иисус Христос, да будет с вами.

На пути язычники, видя кротость святого и слушая его учение, а также поражаемые его чудотворениями, обращались к истинному Богу; ибо его молитвами многим болящим подавались от Господа исцеления, и не только людям, но и животным; когда к нему приносили или приводили больных, он возлагал на них руки свои, возносил о них молитву и отпускал совершенно здоровыми. У одной женщины был единственный сын; во время еды рыбья кость засела у него в горле, так что он не мог произнести ни слова и был уже при смерти; мать, взяв его полумертвого, отнесла к святому и положила у его ног, горько плача и взывая: «Помилуй сына моего, раб Спасителя нашего Иисуса Христа, он один только у меня».

При этом она рассказала Власию, что случилось с ее сыном. Святитель Божий, вложив свою руку в горло отроку и возведя очи к небу, стал так молиться Господу: «Спаситель мой! Ты помогаешь всем, кто с верою призывает Тебя: услышь мою молитву, и кость, засевшую в горле этого отрока, изыми невидимою Твоею силою и исцели его. И в остальное время, если случится что с человеком или с животным и станут поминать имя мое, говоря: „Боже, помоги молитвами раба Твоего Власия“, то Ты, Господи, скорый на помощь, помоги тем и подай исцеление в славу и честь святого Твоего имени».

Молясь так, он исцелил отрока и вернул его матери, которая в великой радости немолчно воссылала хвалы Богу. Вследствие таких чудес имя Власия прославилось не только в Севастии, но даже и в Никополе[1]. Когда святой находился еще в дороге, недалеко от Севастии, то произошло следующее.

Одна бедная вдова не имела ничего, кроме одного только поросенка; волк, подкравшись, схватил его. Бедная женщина стала горько плакать; увидев, что идет святой, она бросилась к нему и со слезами стала рассказывать ему о своем горе. Святой, улыбнувшись, сказал ей: «Не предавайся скорби, женщина, не плачь: твой поросенок будет возвращен тебе живым и невредимым».

Сказав это, святой продолжал свой путь, а к убогой вдовице прибежал тот волк, неся в зубах ее поросенка; он пустил его перед ней без всякого повреждения и убежал обратно в пустыню; вдова же взяла своего поросенка, радуясь и хваля Бога.

Когда святой Власий достиг Севастии, игемон Агриколай, узнав об этом, тотчас приказал заключить его в темницу. На другой день, воссев на судилище, Агриколай приказал принести к себе святителя Божия; увидев его, игемон сначала обратился к нему с такими льстивыми словами: «Радуйся, Власий, возлюбленный друг богов наших и наш!»

На это святой отвечал ему: «Радуйся и ты, державный игемон, но не называй богами бесов, которые будут преданы вечному огню вместе с теми, кто им поклоняется».

---

[1] *Никополь* — город в Малой Армении, на границе Понта, при реке Ликусе, ныне Эндерес.

В гневе игемон приказал немилосердно бить святого; после долгого истязания святой снова сказал игемону: «Безумный обольститель душ человеческих, неужели ты думаешь своими муками отвратить меня от истинного Бога? Нет, это невозможно, ибо я уповаю на Иисуса Христа, Который укрепляет меня; впрочем, поступай как хочешь».

Видя непоколебимую веру святого, игемон повелел снова отвести его в темницу.

Тогда та бедная вдова, пораженная мужественными страданиями, которые святой Власий претерпел за Христа, и его твердым постоянством в святой вере, заколола своего поросенка, которого невредимым получила из зубов волка, сварила голову и ноги, положила на блюдо; сюда же она добавила еще семян, земных плодов и огородных овощей, сколько можно было ей по ее бедности; спрятав все это в корзину и зажегши свечу, она принесла эту корзинку святому в темницу; припав к ногам мученика, она стала умолять его, чтобы он взял эту пищу и вкусил бы ее. Воздав хвалу Богу, святой вкусил принесенной пищи; затем, благословив вдову, он сказал ей: «Женщина, таким образом совершай каждый год мою память, тогда ничто из нужного в доме твоем не оскудеет; если же кто другой уподобится тебе и будет совершать мою память, тот получит в изобилии дары Божии и благословение Господа пребудет на нем во все время его жизни».

Благочестивая вдова, получив такое наставление от святого, возвратилась в дом свой, славя Бога; и к ней применимо евангельское изречение: *в целом мире сказано будет в память ее и о том, что она сделала* (Мф. 26, 13).

Между тем нечестивый мучитель, вторично воссев на судилище, приказал привести на истязание святого Власия.

— Власий, — сказал он мученику, — принесешь ли ты жертву богам? Тогда останешься живым. Или же ты хочешь подвергнуть себя мучительной смерти?

На это святой отвечал:

— *Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут* (Иер. 10, 11), а смерть, которой ты грозишь, дарует мне жизнь вечную.

Видя такую непоколебимость святого в вере, игемон повелел, обнажив, повесить его на дереве и сильно строгать железными орудиями. После долгого мучения святой мученик сказал игемону:

— Нечестивый и исполненный скверны человек, неужели ты хочешь устрашить меня ранами, когда мне помогает Иисус Христос? Я не боюсь твоих видимых мук, ибо взираю на будущие невидимые блага, обещанные любящим Бога.

После этого мучитель приказал снять его с дерева и отвести его снова в темницу. Когда святого Власия вели в заключение, за ним следовало семь благочестивых и богобоязненных женщин, которые, собирая каплющую на землю из тела святого кровь, помазывались ею. Слуги, сопровождавшие святого, увидев это, взяли их и привели к игемону, говоря:

— И эти женщины — последовательницы Христа.

Тогда игемон обратился к женщинам и сказал:

— Одумайтесь, принесите жертвы богам и получите от меня великие почести.

Честные и святые жены отвечали ему:

— Если тебе, игемон, хочется, чтобы мы поклонились богам твоим и принесли им жертвы, то прежде всего нам следует очиститься; итак, пойдем к ближайшему озеру и обмоем в нем, по обычаю, лица наши и все тело: повели нам принести туда и богов твоих; омывшись, мы поклонимся им на берегу того озера.

Обрадовавшись, игемон приказал принести своих идолов; вложив их в мешки и запечатав оловом, игемон отдал их женщинам; затем приказал воинам, чтобы они сопровождали женщин с идолами до берега озера и оттуда опять с честию привели бы их обратно. Взяв на свои плечи мешки с идолами, женщины понесли их к берегу озера; придя туда, где озеро было очень глубоко, они стали просить воинов отойти от них, как бы стыдясь раздеться при них, и немного подождать, пока они не совершат омовения. Когда те отошли, каждая из женщин бросила в озеро идола, которого несла, и скверные идолы быстро погрузились в воду, как олово. Увидев это, воины с гневом схватили их и, отведя к игемону, рассказали ему о потоплении идолов. Игемон изменился в лице от ярости и зарычал на воинов, словно лев: «Злые слуги, почему вы не удержали богов, зачем вы не препятствовали женщинам бросать их в глубину озера?»

В ответ на это воины сказали: «Светлейший игемон, эти жен-

щины обманули тебя и с хитрым намерением взяли богов твоих; не зная их коварства, мы не держали их».

Тогда и святые жены сказали игемону: «Истинный Бог не знает людской лести, а боги твои, сделанные из бездушного камня и дерева, золота и серебра, лестию были взяты нами и потоплены; не в силах они были ни избавить себя от рук наших, ни спасти себя от потопления: как же могут они других спасать и избавлять от бед?»

Исполнившись ярости, игемон приказал разжечь печь, растопить олово, принести железные гребни и трезубцы и семь раскаленных докрасна медных досок, сделанных наподобие одежды; все это он приказал положить на одной стороне, а на другой положил мягкие одеяния и различные женские украшения и сказал тем святым женам: «Выбирайте себе одно из двух: или поклонитесь богам и принесите им жертвы, тогда сохраните себе жизнь, будете ходить в тех светлых одеждах и драгоценных украшениях; если же вы не исполните этого, то потерпите все сии муки, приготовленные для вас».

Одна из тех женщин, у которой было два сына-отрока, схватила светлую одежду и бросила ее в печь, где та и сгорела; а отроки стали просить мать свою, говоря: «Дорогая мать наша, не оставь нас погибнуть на земле этой, но как ты воспитала нас сладким твоим молоком на земле, так помоги нам достигнуть и Царствия небесного».

После того игемон повелел повесить их обнаженными и строгать тело их железными гребнями. Тогда воины увидели, что вместо крови из язв их истекает молоко, а тела их стали белы как снег; Ангелы Божии, сходя с небес, укрепляли святых жен среди мук и утешали их так: «Не бойтесь, но продолжайте свой подвиг, подобно доброму земледельцу, который, начав жатву, оканчивает ее; исполнив дело, он получает благодарность и награду от своего господина и возвращается с радостию в свой дом. Так и вы подвизайтесь, чтобы получить от Спасителя нашего Иисуса Христа вечную блаженную жизнь».

Потом игемон повелел снять их с того дерева и бросить в огненную печь. Когда их бросили туда, огонь тотчас же погас там, и они вышли из печи без всякого вреда. Тогда игемон сказал им:

— Оставьте волшебство ваше и принесите жертву богам нашим.

Святые жены единогласно отвечали ему:

— Не будет тебе добра, сын диавола, не оставим мы Господа нашего Иисуса Христа, не станем мы кланяться камню и дереву, идолам, тебе подобным, глухим и бесчувственным, ибо призваны мы в Царство небесное.

Услышав это, игемон приказал отсечь им мечом головы. Когда они были приведены на место, где их ожидала кончина, они просили воинов:

— Переждите немного, пока мы помолимся Богу.

Преклонив свои колена, они стали так молиться: «Слава Тебе, великому и прославленному Богу нашему, слава Тебе, Христе, царствующему вовеки и призвавшему нас на путь спасения, ибо кто так велик, как Ты, внушивший нам отречься от тьмы и приступить к истинному свету Твоему! Молим Тебя, Господи, причти нас к Твоей первомученице Фекле[1], прими молитву за нас от святейшего отца нашего и пастыря Власия, наставившего нас на истинный путь».

Помолившись так и поднявшись с земли, они простерли свои руки к небу и, возведя свои очи, с чистым сердцем единодушно возопили к Богу: «Слава Тебе, Христе Боже наш, что сподобил нам стать на этом месте, как бы овцам на заколение, за имя Твое святое: мы желаем быть жертвами Тебе, приими же души наши на небесный Твой жертвенник».

Два упомянутых отрока, приступив к матери своей, сказали ей:

— Мать, вам готовы венцы от Господа на небесах, а нас препоручи доброму страстотерпцу святейшему епископу Власию.

Тогда палач, приступив, отсек святым семи женам их честные головы; такова была кончина их.

После этого игемон, приказав привести из темницы святого Власия, спросил его:

— Принесешь ли ты ныне жертвы богам или нет?

— Окаянный слепец, — отвечал святой, — не видишь ты истинного света: кто из тех, кои познали Бога Живого, принесет жертвы или поклонится бездушным идолам? Знай же ты, омраченный и не-

[1] Память ее — 24 сентября.

честивый человек, что оставил ты Бога Живого и поклоняешься бесчувственному камню; не боюсь я твоих угроз, мучай меня, как хочешь, — вот, я предаю тебе за Христа моего тело мое, один Бог имеет власть над душою моею.

Тогда игемон сказал святому:

— Если я прикажу бросить тебя в озеро, разве может помочь тебе тогда твой Христос, Которому ты поклоняешься?

— Слепой и неразумный, — отвечал святой, — ты, почитая идолов, считаешь себя спасенным; а я, почитая Христа, неужели не покажу тебе на водах силы Бога моего?

Тогда игемон приказал его вести к озеру и бросить в глубину; святой же, придя на берег, ознаменовал воду крестным знамением, пошел по воде как посуху и, достигнув середины озера, сел на воде, как на земле, и обратился с такой речью к стоявшим на берегу воинам и слугам мучителя:

— Если вы имеете богов, то покажите их силу: идите и вы по воде.

Тогда шестьдесят восемь мужей, призвав имена богов своих, вступили в озеро, желая идти по воде, и все внезапно погрузились в воде, как бы олово, и погибли. Ангел же Господень, сойдя с небес к святому, сказал ему: «Исполненный Божией благодати архиерей, сойди с воды и восприими венец, уготованный тебе от Бога».

Сойдя на землю, святой с лицом, сиявшим подобно яркому снегу, пришел к игемону и стал укорять его. Тогда игемон издал смертный указ для Власия такого содержания: «Власий не повинуется мне, презирает царя, хулит богов наших, погубил в воде своим волшебством шестьдесят восемь мужей — за все это он должен быть усекнут мечом вместе с двумя отроками».

Вместе с отроками Власий выведен был от игемона. Придя на место казни, он молился о своих согрешениях, о всем мире, в особенности же о тех, которые будут совершать его память; и о таковых он молился, чтобы их не касалась никакая болезнь, чтобы дома их были исполнены всяких благ и чтобы услышаны были молитвы их. В то время сошло свыше на него светлое облако, которое осенило его, и из облака послышался глас Христов: «Все прошения твои исполню, возлюбленный мой подвижник».

Тогда палач усек честную голову его, а за ним и двум выше-

упомянутым отрокам на одном утесе за городской стеной в Севастии; это произошло 11 февраля[1].

Одна благочестивая женщина, по имени Елисса, взяв святые тела мучеников, с честию погребла их на том же месте; от гробницы святых подавались болящим исцеления.

Узнав о страдальческой кончине святителя Христова Власия, та вышеупомянутая женщина, имевшая одного поросенка, почтила память святого, собрав к себе соседей и знакомых, и Бог благословил ее дом всяким довольством. Подражая ей, другие благочестивые люди также начали ежегодно совершать память святого Власия, принося в церковь свечи и фимиам, собираясь в домах своих единоверцев и подавая милостыню нищим и убогим. С тех пор и начался тот благочестивый обычай, которого и доныне некоторые еще держатся, а именно: совершать память святого священномученика Власия по примеру той вдовицы, которая первой совершила такое воспоминание, и бывает это воспоминание в славу Господа нашего Иисуса Христа, с Отцом и Святым Духом славимого и поклоняемого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ
ФЕОДОРЫ

Святая Феодора была супругой царя Феофила иконоборца[2], но она не разделяла иконоборческой ереси своего мужа. Царь-иконоборец изгнал из столицы Константинопольского патриарха Мефодия[3], на его место поставил Анния и сжег святые иконы. Пламенная же царица Феодора, хотя явно и не смела поклоняться святым иконам, но тайно имела их в своей спальне и ночью бодрствовала на молитве, молясь Богу, да ниспошлет Он Свою милость православным. Она имела сына по имени Михаил, которого воспитала в право-

[1] Святой священномученик Власий пострадал и скончался около 316 года. Мощи его перенесены на Запад во время крестовых походов; части их находятся во многих странах Европы.

[2] *Император Феофил* иконоборец царствовал с 829 по 842 год.

[3] *Святой Мефодий I, патриарх Константинопольский*, управлял патриаршим престолом с 842 по 846 год. В этом году он был низложен и изгнан царем-иконоборцем.

славной вере. По смерти своего мужа блаженная Феодора снова восстановила на константинопольском патриаршем престоле святого Мефодия[1] и созвала священный собор, на котором иконоборцы были преданы проклятию, Анний низведен с престола, и святые иконы внесены были в церкви Божии[2]. По совещанию со всем святым собором отцов Феодора помолилась Богу о муже своем, чтобы изъял его от вечной муки, дабы он мог получить жизнь неизреченную. После того блаженная царица Феодора добре подвизалась в благочестии и потом вскоре предала душу свою Богу, к Которому стремилась, оставив царство сыну своему Михаилу[3].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **ДИМИТРИЯ ПРИЛУЦКОГО**, Вологодского чудотворца

Преподобный и богоносный отец наш Димитрий происходил из города Переяславля[4] от благочестивых родителей. С молодых лет он отдан был в книжное научение и навык в чтении божественных книг; многих сверстников он превосходил разумом и выделялся среди них своим смиренномудрием, которое всегда скрывал в сердце своем. Блаженный любил часто размышлять о будущем веке, о суде Божием, о воздаянии каждому по делам его, о Царстве небесном, радости праведных и райском блаженстве. Изучив Священное Писание Ветхого и Нового Завета, святой познал, что жизнь в этом свете скоропреходяща. И потому он вскоре оставил этот суетный

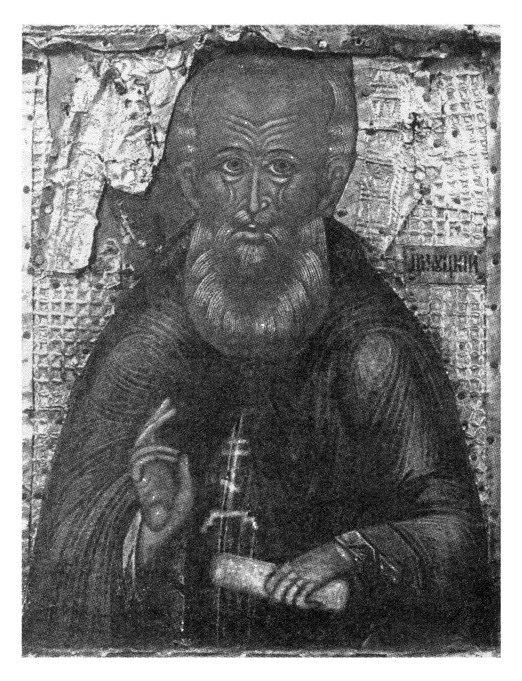
---

[1] Это было в том же 842 году, в котором он изгнан был из Константинополя. В первое время по восшествии на престол царский (в 842 году) Михаила государством управляла мать его Феодора — по 855 год.

[2] Таким образом состоялось восстановление иконопочитания на Константинопольском соборе 842 года. В память этого тогда же был установлен в Церкви особый «чин православия», совершаемый и ныне в первый воскресный день святой Четыредесятницы.

[3] *Император Михаил III* царствовал с 855 по 867 год.

[4] *Переяславль-Залесский, северный*, — ныне уездный город Владимирской губернии.



мир и, с умиленной душой, придя в страх Божий, в том же Переяславле принял иночество в Нагорном Борисоглебском монастыре. Здесь усердно подвизаясь в добродетельной жизни, он упражнялся в духовном трезвении и молитве, отличаясь чистотой, крайним смирением и духовной любовию ко всем. Таким образом этот трудолюбивый и неустанный богоугодный подвижник, поучаясь в законе Господнем день и ночь, обрел плод спасения, целомудрием и чистым сердцем взыскуя Бога и проводя равноангельное житие. Иноки и простой народ любили святого за его великую добродетель. По прошествии некоторого времени Бог сподобил преподобного Димитрия принять сан священства. В то время преподобный Сергий, Радонежский чудотворец, устроил близ Радонежа монастырь во имя Святой Троицы и, по изволению Божию, учредил там иноческое общежитие. Преподобный Димитрий часто посещал преподобного Сергия для духовных бесед, о том, как бы лучше управить иноческим общежитием и людей избранных привести к Богу. После этого преподобный Димитрий построил церковь во имя святого Николая Чудотворца и при ней создал монастырь на берегу Переяславского озера[1] и был при той обители игуменом. К преподобному стало стекаться, ради духовной пользы, много монахов и мирян, желавших жить в его обители, и блаженный принимал их, поучая со смирением и постригая мирян в святой иноческий чин. Так он собрал у себя большое Божие стадо словесных овец Христовых. Вскоре затем преподобный устроил в своем монастыре общежитие, утвердив его строгими правилами. Братия во всем повиновались святому с любовью и послушанием, как Ангелу Божию и истинному наставнику, в особенности же как ходатаю Царства небесного. Потом,

[1] Ныне — так называемый «Никольский на Болоте» — заштатный монастырь в Переяславле-Залесском.

бегая славы человеческой[1], блаженный Димитрий удалился отсюда на Вологду; там, недалеко от города, преподобный полюбил уединенное место при луке[2], образуемом коленом реки Вологды, создал здесь храм во имя Всемилостивого Спаса и основал общежительный монастырь[3]. Когда разнеслась молва о водворении преподобного в Прилуках, многие из учеников перешли из Переяславля к любимому наставнику, в Прилуки; приходило к преподобному много ищущих иноческой жизни и из разных других стран. Так составилась общежительная Прилуцкая обитель. И собрал здесь преподобный Димитрий многочисленную братию[4]. Добре упасши Христово стадо вверенных его руководству овец словесных, преподобный преставился ко Господу 11 февраля 1392 года[5].

---

[1] Слух о высокой жизни преподобного Димитрия дошел до великого князя Московского Димитрия Иоанновича Донского, и он пригласил преподобного к себе, чтобы он был восприемником детей его. Преподобный исполнил желание князя и получил от него щедрые дары для обители. После этого он и решился оставить Переяславский монастырь и удалиться в глухое место.

[2] *Лука* — изгиб, кривизна, излучистый берег, мыс, огибаемый рекой.

[3] Это было в 1371 году. Спасо-Прилуцкий (второклассный) монастырь находится в 15 верстах от Вологды. При основании обители владельцы места с любовью уступили преподобному свою землю. Горячее усердие явилось и у граждан Вологды. Каждый спешил жертвовать преподобному, что мог, для сооружения храма. Великий князь Димитрий Донской, узнав об основании преподобным Димитрием новой Спасо-Прилуцкой обители, прислал от себя для нее пожертвования.

[4] Преподобный своими подвигами и добродетелями служил высоким примером и образцом для собравшейся в его обитель братии, в то же время непрестанно поучая и наставлял ее. Он отличался нищелюбием и благотворительностью. Сам, всегда довольствуясь только просфорой с теплой водой, он обходил монастырские угодья и заботился, чтобы для трапезы братии вовремя доставлялось все нужное. Одежда у него зимой и летом была одна — овчинный заскорузлый тулуп, под которым летом бывал он мокрым от жары, а зимой страдал от морозов. Но для братии он ходил вместе с ними на работы. Для того, чтобы другие не видали его слезной молитвы, он часто удалялся для молитвы в уединенное место, с левой стороны храма, где для этого была сделана деревянная пристройка. Своими высокими подвигами самоотвержения и самоотречения преподобный достиг высокого духовного совершенства и сподобился дара прозрения.

[5] Тело преподобного Димитрия было погребено в созданной им Спасской церкви. У гроба его и его молитвенным предстательством совершались чудеса и различные исцеления. И ныне мощи преподобного Димитрия Прилуцкого почивают в том же храме, где находится и чудотворный образ этого святого, бывший с великим князем Иоанном III во время похода его под Казань.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ **ВСЕВОЛОДА**, нареченного во святом крещении **ГАВРИИЛОМ**

Святой благоверный князь Всеволод, нареченный во святом крещении Гавриилом, был сыном великого князя Мстислава, сына знаменитого Владимира Мономаха[1]. В 1117 году престарелый Владимир Мономах посадил сына своего Мстислава в Киевском Белгороде[2], чтобы иметь в нем помощника себе, а внука своего, сына Мстислава, блаженного князя Всеволода, поставил князем на его место в Новгороде. Блаженный князь Всеволод проводил богоугодную жизнь и справедливо управлял вверенным ему княжеством, как то и подобает православным князьям. Он отличался всякими добрыми делами и добрым нравом: был богобоязнен, правдив, тих и кроток и ко всем равно имел нелицемерную любовь. Князь Всеволод любил созидать храмы Божии, любил церковный и монашеский чин, давал им щедрую милостыню и чтил их, как братию Божию. Памятником его ревности к созиданию церквей служит построенный им на торговой новгородской площади, на Петрятине дворище, великолепный храм во имя святого Иоанна Предтечи, с придельным храмом, снабженный дорогими иконами, весьма ценным Евангелием и всеми богослужебными книгами; особой грамотой он обеспечил содержание храма и причта, частию из пошлин со всех предметов торговли, из которых также значительная часть шла на содержание Софийского собора. Благочестивый князь был заступником вдов и сирот, был милостив к нищим, упокоевал немощных и раздавал обильную пищу. В 1132 году отец блаженного князя Всеволода Мсти-

[1] *Владимир Мономах*, внук Ярослава Мудрого, идеал древнерусского князя, известен особенно как миротворец враждующих князей; с 1114-го по 1125 год — великий князь Киевский.

[2] *Белгород* — небольшой город Киевского княжества, имевший, однако, в княжение наследников Владимира Великого, епископа, и некоторое время бывший удельным столом. Ныне — село Киевской губернии и уезда, на Ирпени, принадлежащее Киевскому митрополиту, с 1900 десятин земли и свыше чем с полутора тысячами жителей, с приходской церковью.



слав[1] скончался в Киеве, и великий престол киевский занял брат Мстислава Ярополк, который отдал Всеволоду южный Переяславль, считавшийся старшим после Киева[2]. С неудовольствием отпустили новгородцы Всеволода; между тем младшие сыновья Мономаха, дяди Всеволода, восстали за Переяславль против великого князя, предполагая, что он хочет сделать племянника наследником киевского престола. Один из этих князей, Юрий Владимирович[3], поднял оружие против Всеволода и хотел взять Переяславль. Святой же, услышав об этом и избегая междоусобия, без кровопролития ушел из Переяславля в Новгород, оставив Переяславль князю Юрию.

Вольные новгородцы за это время уже успели забыть о благодетельном управлении Всеволода и не хотели было принимать его, но скоро одумались и пригласили к себе столь много благотворившего им князя. Вскоре после этого блаженный князь Всеволод, по требованию новгородцев, принужден был идти с новгородцами с походом на Суздаль и Ростов[4]. Произошло кровопролитное сражение, но суз-

---

[1] *Мстислав Владимирович*, отец святого благочестивого князя Всеволода, был великим князем Киевским с 1125-го по 1132 год. Ему наследовал брат его Ярополк, княживший в Киеве с 1132-го по 1138 год.

[2] Переяславское княжество считалось первым после великого княжества Киевского. Переяславль южный — ныне уездный город Полтавской губернии, при реках Алые и Трубеже.

[3] *Юрий* (Георгий) *Владимирович Долгорукий*, младший сын Владимира Мономаха, князь Суздальский, впоследствии великий князь Киевский с 1148-го по 1150 год; потом был изгнан Изяславом Мстиславичем, но по прошествии некоторого времени снова завладел великим княжеством Киевским, хотя и ненадолго.

[4] Это последовало следующим образом. Изяслав Мстиславич, по милости властолюбивого князя Юрия Долгорукого, из Турова явился в Новгород за помощью против Юрия, дерзко оскорблявшего Мстиславичей. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Изяслава против Юрия. Блаженный князь Всеволод не желал

дальцы и ростовцы одержали верх, хотя их пало более, чем новгородцев. В том же году блаженный князь вместе с благочестивым архипастырем Нифонтом[1] основал великолепный каменный храм во имя святого Климента, но ему не удалось оканчивать его. В мае 1136 года вспыхнул в Новгороде мятеж. Гордые своевольные новгородцы, в гневе за то, что не удалось им повеличаться победой над суздальцами, восстали против святого князя Всеволода и объявили его низложенным. «Нет нам от тебя помощи», — сказали они святому и изгнали его из Новгорода.

Тогда блаженный князь Всеволод пошел в Киев к дяде своему, великому князю Ярополку, сыну Владимира Мономаха. Ярополк дал Всеволоду в управление Вышгород[2], но блаженный князь пробыл там недолго. Псковитяне, дорожа и благодеяниями и высокими качествами Всеволода, прислали выборных в Вышгород с усердным прошением, чтобы он пошел к ним княжить: в то время в Пскове не было князя. Святой Всеволод согласился и пошел княжить в Псков. На пути, когда он проходил мимо Полоцка[3], князь Полоцкий Василько, услышав о приходе святого, поспешно вышел к нему навстречу, обратился к святому с братским о Христе лобзанием и приветствием, дал ему много даров и проводил его с великим торжеством. Между тем жители Пскова вышли навстречу блаженному князю Всеволоду во главе с духовенством, с честными крестами, и так приняли его в город. И была великая радость в Пскове по причине прихода святого. Равным образом и святой радовался по поводу прихода своего в Псков, как бы в горний Иерусалим, провидя духом, что честные мощи его будут положены в нем. И тотчас же начал княжить, справедливо управляя псковитянами до самой кончины своей. Благочестивый князь немедленно заложил каменный храм во имя Святой Троицы, оконченный в следующем году. Латин-

---

иметь дело с дядей, а святитель Михаил отговаривал новгородцев от похода, указывая на опасности зимнего похода. Но, в конце концов, Всеволод должен был подчиняться желанию новгородцев и идти в поход против суздальцев и ростовцев.

[1] Память святого Нифонта, епископа Новгородского, совершается Церковью 8 апреля; скончался Нифонт в 1156 году.

[2] *Вышгород* — небольшой город близ Киева.

[3] *Полоцк* — ныне уездный город Витебской губернии, при впадении реки Полоты в Западную Двину. Полоцкое княжество занимало большую часть Витебской губернии, части Могилевской, Минской и Виленской губерний.

ствующие народы все боялись самого имени святого и не смели нападать на Псков. Святой князь Всеволод княжил в Пскове один год с небольшим. Потом, по изволению Божию, он впал в тяжелую телесную болезнь; причастившись Пречистого Тела и Крови Христовых, на исход души своей, и преподав мир домочадцам своим и всем гражданам псковским, он отошел ко Господу и приложился к отцам своим, где все святые упокоеваются. Преставление блаженного князя Всеволода-Гавриила последовало в четверг Сырной недели 11 февраля 1138 года. Тело святого провожали с честью все граждане псковские, игумены и множество духовенства и положили в церкви святого великомученика Димитрия Солунского. Меч же и щит блаженного князя Всеволода поставлены были на его гробе, в похвалу и на утверждение города Пскова, где находятся и доныне в Троицком соборе. Спустя пятьдесят два года по блаженном преставлении святого благоверного князя Всеволода-Гавриила, мощи его были обретены нетленными. В 1192 году святой князь явился в видении одному богобоязненному человеку и сказал: «Объяви властям, чтобы перенесли мощи в храм Святой Троицы: там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне город Псков, чтобы хранил я его».

Тогда же святые мощи его благоговейно перенесены были в Троицкий собор[1]. С тех пор при гробе блаженного князя Всеволода начали истекать многоразличные исцеления с верою приходящим к его святым мощам, во славу Христа Иисуса, Господа нашего, Ему же подобает слава ныне, всегда и во веки веков.



[1] Это было в 1132 году.



День двенадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
МЕЛЕТИЯ,
архиепископа Антиохийского

Святой Мелетий был сначала епископом Севастийским в Армении[1], но потом следующим образом был возведен на архиепископский престол в Антиохии. Архиепископ Антиохийский Евдоксий[2], последователь арианского заблуждения, прельщаемый богатством константинопольского престола, захотел перейти туда, так как занимавший перед тем место архипастыря в Константинополе злочестивый еретик Македоний[3] был извержен, а в царство Констанция[4], сына Константина Великого, церковь Константинопольская изобиловала многими сокровищами и была гораздо богаче Антиохийской и других церквей; поэтому Евдоксий, пренебрегая престолом антиохийским, начал домогаться престола константинопольского. Узнав о происках своего архиепископа, жители Антиохии сильно обиделись на Евдоксия, негодуя на него за то, что он презирает свою церковь, и потому изгнали его. Отправившись в Константинополь, Евдоксий

---

[1] *Севастия Армянская* — на северо-востоке Малой Азии.

[2] *Евдоксий* занимал патриаршую кафедру в Антиохии с 357 по 358 год.

[3] *Македоний I, патриарх Константинопольский*, занимал патриаршую кафедру в 341 году; потом, как еретик, был низвержен, но несколько раз захватывал в свои руки патриаршую власть до 360 года. Македоний нечестиво учил о Святом Духе, что Он есть служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына.

[4] *Император Констанций* царствовал с 337 по 361 год.



получил там престол[1]; а жители Антиохии, собрав собор, совещались все вместе, кого бы выбрать на место Евдоксия; на этом соборе большую часть присутствующих составляли ариане, которые были тогда в большой силе; число же православных было невелико; к тому же их презирали и называли евстафианами, по имени святого Евстафия[2], который в бытность свою архиепископом Антиохийским потерпел изгнание за православную веру. На устах всех присутствующих на том соборе было имя святого Мелетия, все хотели иметь его у себя архиепископом, но особенно желали того ариане: ибо они считали его своим единомышленником и надеялись, что он и евстафиан склонит к их мудрованию, и всю Антиохию научит арианскому заблуждению. Итак, на собор общим голосом Мелетий был избран на архиепископскую кафедру; соборное постановление все подтвердили подписью своих рук и отдали его на сохранение бывшему на том соборе святому Евсевию, епископу Самосатскому[3], мужу православному. Затем послали свою просьбу к святому Мелетию вместе с царской грамотой, и с великою честию при большом стечении народа привели его в Антиохию; прибытие в город этого святого мужа епископ Феодорит[4] описывает так: «Когда призванный царем великий Мелетий приближался к Антиохии, ему вышли навстречу все, кто носил сан священника, церковнослужители и все граждане: здесь были и иудеи и неверующие, все желали одного — увидеть славнейшего Мелетия».

Так описывает это событие Феодорит. Итак, святой Мелетий был возведен на архиепископский престол в Антиохии, ибо был он муж

[1] *Евдоксий* патриаршествовал в Константинополе с 360 по 370 год.

[2] *Святой Евстафий* патриаршествовал в Антиохии с 323 по 331 год.

[3] *Святой священномученик Евсевий*, епископ Самосатский, мученически скончался около 380 года. Память его совершается 22 июня.

[4] *Феодорит, епископ Кирский*, — один из замечательнейших учителей Церкви и знаменитый церковный историк V века. Вышеозначенное событие описано им в его церковной истории.

достойный того, премудрый и исполненный святости; о нем свидетельствует и святой Епифаний[1], живший тогда же. Осыпая его похвалами, о нем так он пишет: «В великом почтении у нас тот муж (святой Мелетий), везде о нем идет добрая слава; в жизни своей он постоянен, честен, обычаи его достохвальны; народ любит его за непорочную жизнь; все весьма удивляются ему».

Так отзывается о Мелетии святой Епифаний. Насколько любил его народ, это видно из того, что при его посвящении каждый старался пригласить его к своему дому, желая, чтобы прибытие святого дало ему благословение.

Вступив на антиохийский престол, святой Мелетий стал ревностно поучать людей добродетельной жизни, благим нравам, приготовляя в сердцах их путь к истинному правоверию; ибо святой полагал, что с большим успехом он может всеять семена Православия в души своей паствы, если сначала исправит злые нравы людей, исторгнув из сердечной нивы их терния и волчец. Тогда Мелетий поставил диаконом и великого Василия, пришедшего в Иерусалим из Антиохии. Другой знаменитый муж того времени, святой Иоанн Златоуст, в то время был еще небольшим отроком; он воспринял от святого крещение, был в числе народа, встречавшего Мелетия, а во время пребывания в Антиохии Василия он проходил книжное учение; впоследствии в своем похвальном слове святому Мелетию он описал тридцатидневное отлучение его от Церкви, которому подвергли святого еретики. Это произошло так. Весь народ хотел точно знать, какого исповедания держится их новый архиепископ; когда просили об этом Мелетия, то он обратился к народу в церкви с проповедью слова Божия, в которой прославлял православную веру, утвержденную на I Вселенском соборе, бывшем в Никее, исповедовал он также, что Сын Божий соприсносущен, соестественен, равен с Богом Отцом, что Он не создан, что Он — Творец всей твари. Так святой велегласно поучал народ; услышав это, архидиакон Антиохийской церкви, разделявший нечестивое учение Ария, подошел к своему архиепископу и дерзновенно рукой своей замкнул уста святого, чтобы он не мог ни исповедовать истинной веры, ни поучать

---

[1] *Святой Епифаний, архиепископ Кипрский,* — известный церковный писатель III века. Скончался в 403 году. Память его — 22 мая.

Православию. Хотя рука архидиакона и мешала говорить Мелетию, однако он, протянув свою руку к народу, перстами еще явственнее, чем языком, исповедовал Святую Троицу: сначала он показал три перста, изображая таким образом Три Лица Божества; пригнув два, он оставил один, показывая так Единое в Трех Лицах Божество. Увидев то, архидиакон, отпустив уста святого, схватил его за руку, которая так ясно изображала Троицу. Освободившись, святой стал языком исповедовать и прославлять Единую Троицу, увещевал внимавший ему народ крепко и неотступно держаться исповедания, утвержденного на Никейском соборе: всякий, говорил он, кто отвергает догматы Никейского собора, далеко стоит от истины. И так продолжалось долгое время: названный архидиакон или заграждал уста святителю, не давая ему, таким образом, говорить, или удерживал его руку, препятствуя ей изображать перстами Троицу, а святитель то устами, то перстами своими ясно проповедовал народу православную веру. Тогда православные, называемые еретиками «евстафианами», возвеселились великой радостию, видя на престоле апостольском такого благочестивого архиерея, и в ликовании восклицали, поддерживая истинное исповедание своего пастыря; сильно опечалились бывшим ариане. Они изгнали Божиего архиерея из церкви и всюду стали хулить его, утверждая, что он еретик, последователь учения Савеллия[1]: они внушили также царю Констанцию, чтобы он осудил Мелетия и отправил бы его на заточение на родину в Армению. Ночью святого вывели из Антиохии и отправили в Армению, а на место его был избран некий Евзой, последователь Ария, бывший во время избрания Мелетия еще диаконом.

Святой Евсевий, епископ Самосатский, видя, что в Антиохийской церкви происходит такое волнение от еретиков, которые изгнали неповинного своего епископа святого Мелетия, сожалел об этом весьма сильно. Встав, он вышел из Антиохии, не сообщая никому о том, и отправился в свой город. Узнав об уходе Евсевия, ариане вспомнили, что у него находится на сохранении грамота на архиепископство святого Мелетия, составленная и подписанная всем

---

[1] *Савеллий* неправильно учил о таинстве Пресвятой Троицы, утверждая, что Бог есть одно Лицо: как Отец — Он на небе, как Сын — на земле, как Святой Дух — в тварях.

собором: они боялись, как бы святой Евсевий не стал обличать их когда-либо на соборе, что они сами себе единогласно выбрали архиепископа, а потом сами же и изгнали его: поэтому они упросили царя, который был тогда в Антиохии, чтобы он повелел послать за Евсевием и взять у него грамоту.

Царь тотчас же послал за Евсевием всадника, с тем чтобы он как можно скорее настиг епископа. Когда посланный настиг Евсевия и передал ему царское повеление, святой епископ отвечал: «Я не могу теперь отдать грамоты, а отдам ее только тогда, когда все вверившие мне ее соберутся опять вместе».

Так посланный вернулся к царю, не добившись ничего. Тогда царь сильно разгневался и, написав послание, отправил его к святому Евсевию; в этом послании было сказано, что, если Евсевий не отдаст грамоты, ему отсекут правую руку. Царь написал так для того, чтобы только устрашить святого, приводить же свою угрозу в исполнение он запретил посланному. Когда царский посол вторично прибыл к святому епископу и вручил ему грозное послание, Евсевий, прочитав его, простер обе свои руки со словами: «Вы можете отсечь не только одну правую руку, но даже и левую, но грамоты я не отдам, ибо она явно обличает злобу и беззаконие ариан».

Снова пришлось возвратиться послу ни с чем. Услышав такой ответ святого, царь весьма удивился неустрашимому мужеству и неизменному постоянству Евсевия и впоследствии пред многими отзывался о нем с великими похвалами.

После свержения святого Мелетия с архиепископского престола православные отделились от ариан; они взяли себе одну церковь, стоявшую за городскими стенами на месте, называемом Палея, и в церкви той пресвитер Павлин совершал для них службы по чину Православной Церкви. Спустя несколько лет царь Констанций умер, а на его место вступил Юлиан Отступник[1]. В начале своего царствования Юлиан лицемерно показывал себя благочестивым, освободил всех бывших в изгнании епископов и повелел им возвратиться на свои престолы. Тогда, в силу царского повеления, и святой Мелетий возвратился из своего заточения в Антиохию. Он нашел, что в этом городе церковь православных разделилась на две части: одни ожидали возвращения на архиепископский престол его, святого Меле-

[1] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

тия, другие же, не дожидаясь его, избрали епископом вышеупомянутого пресвитера Павлина; последние назывались тогда павлинианами, а первые мелетианами: причиною разделения было также и то, что павлиниане не принимали в общение с собою тех из последователей учения Ария, которые возвратились в Православие через учение святого Мелетия, а не принимали они к себе таковых по двум причинам: во-первых, эти лица получили крещение от ариан, во-вторых, потому, что и сам святой Мелетий был избран на архиепископство Антиохийское и арианами, которых на соборе было более православных: обе эти части одинаково держались православных догматов, но поводом к разделению служили только описанные обстоятельства. Вернувшись, святой стал ревностно заботиться о том, чтобы снова соединить разделившееся стадо Христово. Кроткий и смиренный сердцем архиепископ не отрицал и епископства Павлина, но признавал его, а сам пас новое стадо — именно обратившихся из арианства в Православие, которых тогда павлиниане не принимали в общение. Когда же беззаконный Юлиан, утвердившись на престоле, явно отвергся от Христа и стал поклоняться идолам, тогда снова святой Мелетий был изгнан из Антиохии. По всему обширному царству Юлиана было воздвигнуто на христиан гонение, которое особенно было сильно в Антиохии. Беззаконный царь, отправляясь в поход со всем своим войском в Персию, прибыл в Антиохию: здесь он приносил много жертв идолу Аполлона, стоявшему на месте, называемом Дафна: это место находилось в предградии Антиохийском: здесь были положены и мощи святого мученика Вавилы с тремя младенцами[1]. Однажды царь спросил лживого своего бога Аполлона, некогда дававшего людям ответы, победит ли он персов? Идол ничего не отвечал ему, ибо с тех пор, как были перенесены в то место мощи святого Вавилы, бес отбежал оттуда: с того времени и перестал давать ответы идол, прежде много предсказывавший, ибо этот бес прорицал через идола. Царь был опечален, что идол перестанет давать предсказания: узнав от тамошних жрецов, что мощи Вавилы были причиною молчания идола Аполлона, он приказал галилеянам — так называл он христиан — взять оттуда те мощи. Лишь только они были взяты, на храм Аполлона с небес ниспал огонь и сжег капище вместе с идолом: это очень опечалило и

[1] Память святого Вавилы, епископа Антиохийского, совершается 4 сентября.

посрамило нечестивых жрецов, и они решили отомстить христианам. Для этого они стали говорить перед царем, что галилеяне из ненависти зажгли ночью храм Аполлона. Тогда царь исполнился ярости на христиан: он приказал преследовать и гнать их, тогда же и святой архиепископ Мелетий был изгнан из города; другие христиане, добровольно убежав из Антиохии, скрывались в тайных убежищах. Тогда были подвергнуты мучению и два святых пресвитера антиохийских — Евгений и Макарий и святой Артемий. Когда богоненавистный этот царь Юлиан погиб ужасной смертию, на царский престол вступил благочестивый и христолюбивый Иовиан[1]. Тогда опять святой Мелетий стал пастырем и учителем Православия в Антиохии, и царь Иовиан почитал преподобного и сильно любил. Поэтому и ариане стали бояться святого. Некоторые из их епископов стали даже лицемерно покровительствовать православному исповеданию, желая тем угодить царю и Антиохийскому архиепископу Мелетию.

В то время собрался Поместный собор в Антиохии, собранный святым Мелетием и Евсевием Самосатским. На нем ариане исповедали Единосущие Сына с Отцом и признали правой веру, утвержденную на I Вселенском соборе в Никее; но это их исповедание было неискренне и ложно, ибо когда вскоре после этого умер царь Иовиан и на престол вступил Валент[2], еретики ясно доказали, что они не отстали от своего зловерия; они обратили в свое заблуждение даже и царя через жену его Домникию. Тогда снова стали гнать церковь православных, снова стали изгонять ее пастырей: этот нечестивый царь Валент пробыл долгое время в Антиохии, утверждая там и насаждая ересь арианскую; наущаемый еретиками, он изгнал и святейшего архиепископа Мелетия; и находился в изгнании святой до самой смерти Валента.

После Валента на престол вступил благочестивый царь Грациан[3]; тогда снова были возвращены из заточения царским повелением православные архиереи, которые беспрепятственно заняли свои престолы. Тогда и святой Мелетий уже в третий раз возвра-

---

[1] *Иовиан* царствовал с 363 по 364 год.

[2] *Валент* царствовал с 364 по 378 год.

[3] *Грациан* царствовал с 383 по 392 год.

тился в Антиохию на свой престол, но разногласие между верными из-за двух архиереев — Павлина и Мелетия еще продолжалось: все еще одни считали архиереем одного, другие же другого, причем обе стороны чуждались друг друга; святой приложил все свое старание к тому, чтобы примирить тех и других. Тогда благочестивый и христолюбивый царь Грациан издал для всей своей области повеление, в силу которого все церкви должны быть отобраны у ариан и возвращены православным. С таким царским повелением прибыл в Антиохию некий князь по имени Сапор. Перед царским посланником и обратился святой Мелетий к епископу Павлину с такими словами: «Поелику и мне Господь поручил заботиться об этом стаде и ты некоторую часть из них взял от меня под свое руководство, сами же овцы ничем не отличаются друг от друга в вероисповедании, — то соединим стадо, брат мой, прекратим всякий спор из-за первенства, будем вместе пасти словесных овец, сообща будем заботиться о них. Если же обладание архипастырским престолом производит распрю между нами, то я постараюсь истребить ее: я положу на этот престол Божественное Евангелие, и поступим так: оба мы сядем по обе стороны Евангелия, и, если я первый окончу свое жизненное поприще, то ты один будешь пасти стадо, если же ты первым отдашь свою душу Богу, то я по силе моей буду заботиться о пастве».

Так предложил святой Мелетий, отличавшийся необычайной кротостию, но Павлин не согласился на такое предложение. Тогда князь Сапор возвестил о том царю и, получив от него ответное послание, отнял соборный храм вместе с другими церквами у ариан и отдал его святейшему Мелетию, а Павлин продолжал пасти тех овец, которых он некогда взял у Мелетия. Итак, святой архиепископ принял тот престол, на который был единогласно избран соборным постановлением. Ревностно и мудро он стал управлять своею паствою в мире и тишине до самой блаженной своей кончины. Ариане уже не могли более возвышаться и причинять утеснение Христовой Церкви и ее добрым пастырям: в особенности же они не могли более преследовать святого Мелетия, который сиял как солнце, озаряя Церковь и прогоняя тьму ересей. Следуя его поучениям, многие антиохийцы преуспевали в добродетелях и православной вере и подобно ему стали

совершенными светилами Церкви. Таков был Флавиан[1], который после Мелетия вступил на престол его, Акакий, бывший впоследствии епископом Берийским, Диодор Тарсийский, Елпидий, доместик Мелетиев, занимавший потом епископскую кафедру в Лаодикии. В особенности же известны святой Иоанн, впоследствии нареченный Златоустым, который был рукоположен в диаконы святым Мелетием, и друг Иоанна, Василий, не Кесарийский, но другой, равноименный с последним, но только более молодой, уроженец Антиохии, возраставший вместе со святым Иоанном. Эти и многие другие украшали и просвещали потом Церковь Христову, каждый в своем месте, подобно свечам в подсвечнике. В то время в стране Сирской, где находилась и Антиохия, начал свой подвиг и святой Симеон[2], который потом вошел на столп, а сначала сковал себя железной цепью на высоком холме, как о том рассказывается в его житии. Услышав о том, блаженный Мелетий пришел к нему и, увидев его в узах, сказал: «Человек может владеть собой и без оков, не железной цепью, но волей и разумом своим привязать себя к одному месту».

Услышав эти слова, преподобный Симеон принял этот совет; он снял оковы и связал себя свободной своей волей, чтобы быть добровольным узником Иисуса Христа.

Незадолго до блаженной кончины святого Мелетия воцарился благочестивый Феодосий[3], который был сначала знаменитым воеводою у царя Грациана и пользовался большим почетом за свою храбрость, ибо он часто со славою побеждал варварские полки. Этот Феодосий, еще до вступления своего на царский престол, видел однажды во сне архиепископа Антиохийского, святого Мелетия; ранее он никогда его не видел наяву, но только слышал о нем. Во сне Феодосий видел, будто Мелетий стал рядом с ним и возложил на него царскую хламиду и венец царский. Проснувшись, Феодосий рассказал о своем видении одному из своих домашних и изумлялся, что бы это могло обозначать; вскоре после этого видение то исполнилось на самом деле. Царь Грациан, убедившись, что одному ему невозможно управлять востоком и западом вследствие обширности импе-

---

[1] *Флавиан* патриаршествовал с 381 по 404 год.

[2] Разумеется *святой Симеон*, первый столпник, память которого празднуется Церковью 1 сентября.

[3] *Феодосий Великий* воцарился в 379 году и царствовал до 395 года.

рии, и видя, что отовсюду грозят варвары, избрал помощником себе для управления государством воеводу Феодосия, как добродетельного, храброго и православного мужа: ему-то и поручил он всю восточную половину империи, которой сначала обладал царь Валент, а сам взял себе западную часть. Приняв восточную половину и победив наступавших на Фракию готов, Феодосий прибыл в Константинополь и пожелал увидеть святого Мелетия, который, как ему представилось в сонном видении, венчал его на царство. В то время, по согласию святых великих отцов, православных архиереев, и по изволению благочестивых царей Грациана и Феодосия начал собираться в Царьграде II Вселенский собор[1]. Епископы со всей вселенной царскими посланиями призывались на этот собор. Тогда прибыл в Константинополь и святейший архиепископ Антиохийский Мелетий. Царь Феодосий приказал боярам и своим домашним, чтобы никто не указывал ему святого Мелетия: он сам хотел узнать его, судя по тому лицу, которое он видел во сне, и окончательно убедиться, что действительно Мелетий, а не другой какой-либо архиерей венчал его в видении на царство. Когда большой собор епископов входил в царскую палату, царь, смотря на них, тотчас увидел и узнал святого Мелетия. Оставив всех и подойдя, он припал к стопам Мелетия и стал лобызать руки, перси, очи, уста, главу святого, словно почтительнейший сын встречал своего отца, которого давно желал видеть. Перед всеми царь рассказал, как явился ему в видении этот святой, надевая на него царский венец и порфиру, и оказывал ему предпочтение перед всеми архиереями. На том соборе святой Мелетий удивил всех следующим чудесным знамением. Когда ариане неправославно мудрствовали о Святой Троице и своим злочестивым учением развращали благочестивую веру, тогда этот божественный муж, встав, показал людям, которые просили его поучения, три перста в знамение Трех Лиц Святой Троицы: затем, соединив два перста и пригнув один, он благословил людей. В то время его осенил огонь, словно молния, и святой громко воскликнул: «Три Ипостаси мы разумеваем и об Одном Существе беседуем».

Так святой Мелетий всех удивил, посрамил еретиков, а православных укрепил в вере православной: утвердил он также и святого

---

[1] В 381 году. На этом соборе осуждена была ересь Македония, и Никейский Символ веры был дополнен и закончен новыми пятью членами Символа.

Григория Богослова на патриаршеском Константинопольском престоле. Вскоре после этого, когда собор еще не состоялся и еще не все епископы съехались в Константинополь, святой Мелетий мало поболел, мирно предал Господу свою душу[1], повергнув царя, архиереев и весь православный народ в сильную скорбь. Все с честью погребли этого славного архипастыря и перенесли в Антиохию: здесь его честное тело положено было близ священномученика Вавилы на защищение города во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
АЛЕКСИЯ,
митрополита Московского и всея России чудотворца

Святой чудотворец Алексий, митрополит Российский, происходил из боярского рода. Родители его, Феодор и Мария, были бояре Черниговского княжества. Святой Алексий родился в Москве[2] при Московском князе Данииле Александровиче[3], сын и наследник кото-

[1] Святой Мелетий, патриарх Антиохийский, скончался в 381 году во время II Вселенского собора. Святой Григорий Нисский, пред лицом собора, почтил память святого Мелетия похвальным словом, а святой Златоуст то же сделал по вступлении своем в сан священства. От святого Мелетия сохранилась беседа, трактующая, главным образом, об Единосущии Сына Божия с Богом Отцом и письмо к императору Иовиану, представляющее его исповедание Святой Троицы. Мощи святого Мелетия были перенесены из Константинополя в Антиохию.

[2] Отец святого Алексия митрополита, боярин Феодор Бяконт, перешел в Москву оттого, что край Черниговский, опустошенный Батыем, не переставал терпеть нападения от хищных набегов. Под защитой же крепкого и благочестивого князя Даниила Александровича нашел он мирную и покойную жизнь. Святой Алексий родился в 1300 году.

[3] *Князь Даниил Александрович*, младший сын святого Александра Невского, основатель самостоятельного Московского княжества и родоначальник князей московских (1261–1303 гг.). Впоследствии он причислен Церковью Русской к лику святых, и мощи его, обретенные нетленными в 1652 году, доныне открыто почивают в храме созданного им на берегу Москвы-реки Данилова монастыря.

рого князь Иоанн Даниилович[1], бывший тогда еще отроком, был восприемником Алексия в святом крещении, причем младенцу было наречено имя Елевферий. Когда он подрос, его отдали учителям для книжного учения. Однажды, когда Елевферию было двенадцать лет, он как-то в поле расставлял сети для ловли птиц. В это время отрок случайно уснул и услышал голос: «Зачем, Алексий, ты напрасно трудишься? Я сделаю тебя ловцом людей».

Пробудившись ото сна, отрок никого не видел вокруг и сильно дивился тому, что он слышал. С этого времени он стал много думать и размышлять, что должен значить этот голос. Возлюбив Бога с юного возраста, он оставил своих родителей, отказался от женитьбы и, желая поработать Единому Владыке Христу, пришел в Богоявленский монастырь в Москве и здесь постригся в иноки, причем в пострижении ему дали то имя, которое он слышал в сонном видении — Алексий[2]. Тогда игуменом в Богоявленском монастыре был Стефан, брат великого чудотворца Сергия Радонежского; он сам постриг святого Алексия, которому шел тогда двадцатый год от рождения.

С того времени до сорокалетнего возраста святой Алексий неустанно трудился; постился, молился каждую ночь и упражнялся в других иноческих подвигах, так что многие дивились его ревности. За его богоугодную жизнь все почитали и уважали святого Алексия; даже сам великий князь Московский Симеон Иоаннович[3] и митрополит Феогност[4] сильно любили его. За многие добродетели он был поставлен епископом города Владимира[5].

---

[1] Впоследствии *великий князь Московский Иоанн Даниилович Калита* с 1328-го по 1340 год.

[2] Это было в 1320 году Богоявленский (1-классный) монастырь в Москве основан в 1296 году при князе московском Данииле Александровиче.

[3] *Великий князь Московский Симеон Иоаннович Гордый* княжил с 1340-го по 1353 год.

[4] *Святой Феогност* управлял Русской Церковью с 1328-го по 1353 год. Он окончательно утвердил пребывание митрополитов русских, вместо Владимира, в Москве.

[5] *Владимир на Клязьме*, престол митрополичий, до святителей Петра и Феогноста. Святой Алексий был посвящен в епископа Владимирского в конце 1352 года. Еще за двенадцать лет перед тем митрополит Феогност повелел Алексию жить в святительском дворе его и заведовать судебными делами Церкви, причем для святого Алексия при постоянных непосредственных сношениях со святителем-греком открылись и нужды и средства прекрасно познакомиться с греческим языком.

Когда преставился митрополит Феогност, великий князь Московский Иоанн Иоаннович[1], принявший бразды правления после брата своего великого князя Симеона, по соборному постановлению избрал в митрополита святого Алексия и послал его на посвящение в Царьград к святейшему патриарху Филофею[2]. Филофей поставил святого Алексия митрополитом Киевским и всея России. По возвращении из Царьграда святой Алексий принял на себя управление Церковью Русской[3] и еще более стал подвизаться, к одним подвигам прилагая другие, и был светильником для всех, подавая пример словом, делом и жизнию, верою и чистотою, духом и любовью.

Слава о святителе Алексии распространилась не только между верующими христианами, но даже и среди неверных магометан, которые не знали Христа. Супруга хана татарского Джанибека Тайдула три года назад лишилась зрения. Слыша, что Бог творит многие чудеса по молитвам святого Алексия, Джанибек послал к великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу[4] с просьбою, чтобы он прислал к нему этого человека Божия, дабы он, помолившись о его царице Богу, дал ей прозрение. При этом Джанибек дополнил: «Если царица получит исцеление по молитвам того человека, ты будешь иметь со мною мир. Если же ты не пошлешь его ко мне, то я разорю огнем и мечом твою землю».

Когда это прошение Джанибека пришло в Москву, святой Алексий восскорбел, считая это делом выше своих сил. Но, по просьбам великого князя Димитрия, он все-таки отправился к хану Джанибеку. Перед своим отшествием из Москвы он совершил с духовенством молитвенное пение в соборном храме в честь Успения Пресвятой Богородицы. Во время этого молебствования свеча у гроба святого чудотворца Петра зажглась сама собою, и все видели это чудо. Из этого святой Алексий уразумел, что Господь благоволил ему возвестить,

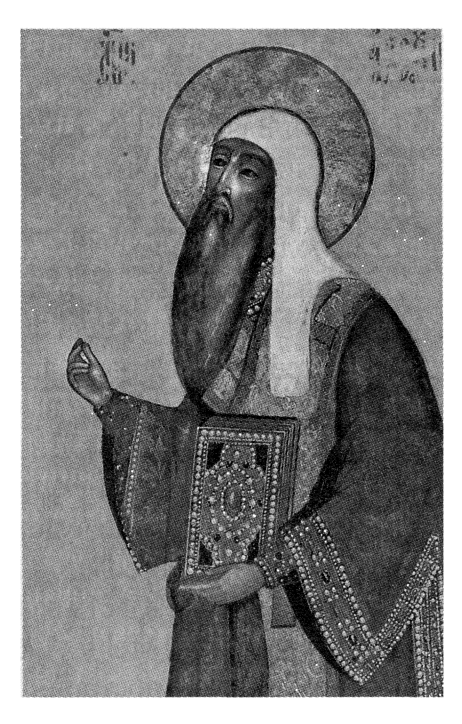
---

[1] *Великий князь Московский Иоанн II Иоаннович* княжил с 1353-го по 1359 год.

[2] *Патриарх Филофей* управлял Константинопольской Церковью с 1354-го по 1355 год, и потом вторично с 1362 по 1376 год.

[3] *Святой Алексий, митрополит Московский*, управлял Русской Церковью с 1354-го по 1378 год.

[4] *Димитрий IV Иоаннович*, великий князь Донской, родился 12 октября 1350 года; с 1362 года получил великое княжение; построил каменный Кремль в Москве; княжил двадцать сем лет, жил сорок лет. Он победил хана Мамая на Дону 8 сентября 1380 года; скончался 19 мая 1389 года.



что путешествие его будет благополучно. Взяв некоторую часть воска от той свечи и изготовив из него малую свечу, святитель вместе со своим клиром стал готовиться в дорогу, твердо уповая на милость Божию.

Еще до прибытия блаженного в столицу монголов царица в сонном видении узрела святителя Божия Алексия в архиерейской одежде в сопровождении иереев. Пробудившись, она тотчас приказала изготовить драгоценные облачения для архиерея и священников по тому образцу, как она видела в сонном видении. Когда святой Алексий приближался к столице татар, Джанибек вышел навстречу ему с великой честью и ввел его в свои палаты. Святитель, начав молебное пение, повелел возжечь ту малую свечу, которую он взял с собою. После продолжительной молитвы он окропил освященной водой царицу, и та тотчас прозрела. Хан со своими вельможами и все бывшие там весьма изумлялись этому дивному и славному чуду и воссылали хвалы Богу. Почтив Алексия[1] и бывших с ним и щедро наградив их, Джанибек отпустил их с миром.

Возвратившись из Орды, святой Алексий, по прошествии некоторого времени, принужден был снова отправиться в Орду. Хан Джанибек умер, а на его престол вступил жестокий и кровожадный сын его Бердибек. Убив своих двенадцать братьев, он хотел идти со своим войском на русскую землю. Тогда по просьбе великого князя Иоанна святой Алексий отправился в Орду к Бердибеку и своей кроткой, разумной беседой укротил ярость жестокого хана. Исходатайствовав пред грозным владыкой мир для христиан, святой Алексий возвратился в Москву, ибо сюда был перенесен святым Петром, митрополитом Киевским, престол Киевской митрополии вследствие частых войн и вторжений варварских народов.

---

[1] Признательный хан дал святителю в знак почести перстень, который доселе хранится в патриаршей ризнице.

Когда скончался великий князь Иоанн, на рамена святителя пала опека над несовершеннолетним князем Московским Димитрием Иоанновичем. Власть великого князя выпросил себе в Орде Суздальский князь Димитрий Константинович[1]. Святитель должен был благословить Суздальского князя на великое княжение, но решительно отказался исполнить просьбу великого князя жить во Владимире, оставаясь благопопечительным отцом для юного князя Димитрия Иоанновича. В Орде между тем шли смуты; каждый год являлось по несколько ханов, истреблявших один другого; в 1362 году явились два хана соперника. Юный Димитрий выпросил у одного из них звание великого князя России и заставил Димитрия Константиновича удалиться из Владимира. Святитель Алексий с радостию благословил питомца своего на великое княжение чудотворной Владимирской иконой Богоматери. Он был душою советов и дел князя Димитрия; трудами святителя росла и крепла власть великого князя Московского.

Между тем святитель Алексий занимался строением обителей иноческих. Так, он построил на берегу реки Яузы храм во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь Нерукотворенного Его Образа, устроил при этом храме монастырь и ввел в нем общежительный устав[2]. Старейшинство в новой обители он вручил Андронику[3], уче-

---

[1] *Димитрий Константинович* был великим князем с 1359-го по 1363 год.

[2] Этот монастырь был обетный. Когда святитель Алексий отправлялся в Константинополь для посвящения в сан митрополита Киевского и всея России, то на возвратном оттуда пути подвергся бедствию, так что сама жизнь его была в опасности: на море поднялась страшная буря, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в волнах. Все бывшие с митрополитом отчаивались в спасении. Между тем святитель усердно молился Богу, причем дал обет соорудить храм во имя того святого, которому будут праздновать в день высадки пловцов на берега. Господь услышал молитву святителя. Настала тишина, и корабль пристал к берегу 16 августа. Во исполнение этого обета святым митрополитом Алексием и был основан около 1360 года вышеупомянутый монастырь в честь Всемилостивого Спаса, Нерукотворенного Его Образа. В деле созидания монастыря много помогал святителю преподобный Андроник, ученик преподобного Сергия, почему он и получил наименование Спасо-Андроникова (Андрониева) монастыря; ныне — второклассный монастырь. В монастыре и теперь хранится Нерукотворенный Образ Спасителя, привезенный святым Алексием из Царьграда, украшенный богатой ризой.

[3] Память преподобного Андроника совершается 13 июня. Мощи его почивают в созданном им совместно со святителем Алексием Спасо-Андрониковом монастыре.

нику святого чудотворца Сергия. Кроме этого монастыря, святитель Алексий построил еще другие церкви и монастыри в Москве и в других городах русских. Так, он построил в Москве каменную церковь во имя святого Архистратига Михаила, в честь славного чуда его, бывшего в Хонех[1], и устроил монастырь, доныне именуемый Чудовым[2]; при этом святитель заповедал положить здесь свое тело. Много других дел, достойных памяти, славных и дивных, соделал святитель Алексий во славу Божию, и добре пас свое словесное стадо до самой своей кончины.

Предузнав о своем отшествии к Господу, святитель совершил Божественную службу и причастился святых Таин. Пожелав всем пребывать в мире, он воздал всем последнее целование и спокойно предал Господу свою душу 12 февраля 1378 года[3]. Святительский престол этот великий служитель занимал двадцать четыре года, всех же лет жизни его было восемьдесят пять. С подобающею честию тело его было погребено в созданном им храме во имя Архистратига Михаила в приделе Благовещения Пресвятой Деве.

Спустя много лет обретены были святые и многоцелебные его мощи вполне нетленными[4]. Даже ризы на почившем святителе были совершенно целы, как будто их надели накануне. После чего эти святые мощи были перенесены в церковь, построенную во имя этого угодника Божия.

От них и доселе источаются, как бы от неиссякаемого источника, многие исцеления и подается святыми его молитвами помощь всем с верой припадающим к ним по неизреченному милосердию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава вовеки. Аминь.



[1] Воспоминание чуда, бывшего в Хонех, празднуется 6 сентября.

[2] Чудов монастырь (кафедральный) основан в 1365 году в память чудесного исцеления татарской царицы Тайдулы.

[3] В духовной литературе святой Алексий митрополит оставил после себя грамоты, поучения и переводы. В Московском Чудовом монастыре хранится переведенное им с греческого и собственноручно написанное Евангелие.

[4] Это было 20 мая 1431 года.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ **МАРИИ**, подвизавшейся в мужском образе под именем **МАРИНА**, и отца ее, преподобного **ЕВГЕНИЯ**

В Вифинии[1] жил один благочестивый человек, по имени Евгений. Жена его также была богобоязненна и имела страх Божий в сердце своем. У них была единственная дочь — Мария. Когда мать ее умерла, Евгений воспитал дочь свою в заповедях Господних. Когда отроковица возросла, отец сказал ей:

— Возлюбленная дочь моя, вот я отказываю тебе все свое имение, а сам пойду в монастырь спасать свою душу.

Отроковица же возразила отцу своему:

— Отец мой, ты сам хочешь спастись, неужели ты небрежешь спасти и меня. Ведь ты знаешь, что Господь сказал в Евангелии: *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Ин. 10, 11); ибо тот, кто спасает чью-либо душу, как бы созидает ее.

Услышав это, Евгений был весьма рад, что дочь его так благочестива. А юная Мария, ведя беседу с отцом, рыдала.

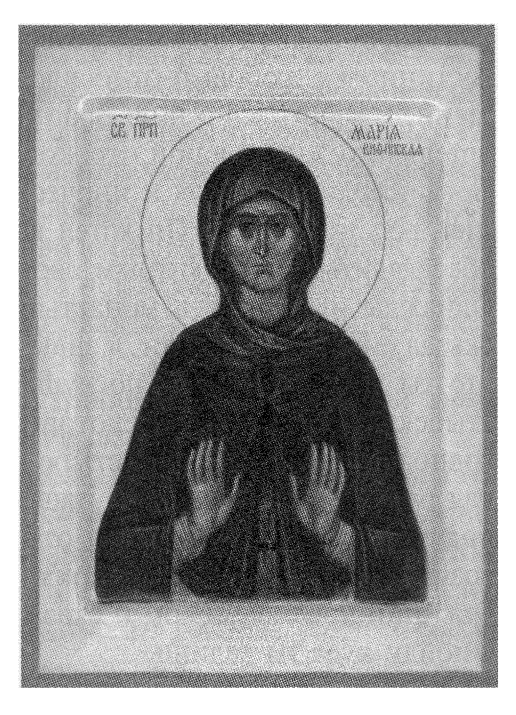
— Любезная дочь, — сказал Евгений, — не знаю, как мне поступить с тобою. Ведь ты женского пола, я же пойду в монастырь мужской. Как же ты можешь пребывать там вместе со мною? Диавол может твоим видом ввести кого-либо в грех.

Услышав это, отроковица сказала:

— Отец, я не войду в мужской монастырь в образе жены. Я остригу мои волосы, надену мужское одеяние, войду вместе с тобою в монастырь, и никто не узнает, что я жена.

Услышав это, блаженный Евгений возрадовался еще сильнее; раздав нищим и убогим, сиротам и вдовицам все свое имение, он постриг свою дочь, дал ей мужское одеяние и назвал ее Марином вместо Марии.

[1] Северо-западная провинция Малой Азии.



— Дочь моя, — сказал он ей, — ты должна соблюдать себя и скрывать твой пол; ты знаешь, что жены в монастырь не входят, ты будешь посреди мужей, как бы посреди огня; соблюдай свое девство. Если мы исполним наше обещание, то сподобимся быть наследниками Царства небесного.

Помолившись Богу, Евгений вместе с дочерью своею, облеченной в мужские одежды, вступил в монастырь. Оба они стали подвизаться среди других иноков. Дочь его день ото дня все более и более успевала в добродетельной жизни. Она отличалась своим послушанием, смирением и всегда стремилась на большие подвиги. Прошло несколько лет. Иноки того монастыря считали ее за евнуха, ибо у нее не было усов и бороды, и голос ее был тонок. Другие же думали, что такой голос у Марина вследствие его великих подвигов и поста, ибо Марин принимал лишь немного пищи и то не ежедневно, а через день.

Спустя некоторое время преподобный Евгений преставился к Богу в иноческом чине, так что дочь его Мария, или иначе отрок Марин, осталась сиротой. С этого времени она еще более стала подвизаться, умерщвляя тело свое многими трудами и воздержанием. Благодатью Божией она до того преуспела в добродетелях, что получила даже власть над духами злобы: к ней часто приводили страждущих от нечистых духов; святая возлагала на них руки, молитвой своей изгоняла из них бесов, и больные становились совершенно здоровыми.

В этом монастыре было всего сорок человек братии, украшенных всякой добродетелью и духовной мудростью. Ежемесячно из числа братии 4 инока были посылаемы на огороды ради монастырских потреб, ибо монастырь тот имел села, удаленные от обители на значительное расстояние. Посредине, на пути между монастырем и огородами, находилась гостиница, в которую заходили для отдыха бра-

тия, идущие на работу или возвращающиеся оттуда. Сам хозяин той гостиницы с любовью относился к инокам, отвел им особое помещение и заботился о них. Враг человеческий, не терпя столь добродетельного жития юной отроковицы в мужском образе, ее любви к Богу, усердия в трудах и иноческих подвигах и неуклонного терпения, восстал на нее. Он хотел воспрепятствовать ей в ее подвиге и обесславить ее. Он хитрым своим коварством устроил следующее. Однажды игумен того монастыря призвал к себе инока Марина и сказал ему: «Брат Марин, я знаю твою добродетельную жизнь, знаю, что ты подвизаешься в послушании, не откажись, сходи на монастырские работы. Ведь некоторым инокам неприятно, что ты неисходно пребываешь в монастыре и никогда не выходишь на огороды для работы, потребной для нашей обители. Отправься туда, чадо, и получишь множайшую мзду от преблагого Бога, ибо и Он Сам не возгнушался послужить Своим ученикам». Услышав это, Марин упал ниц пред игуменом и сказал: «Благослови меня, честный отче: я пойду, куда ты велишь».

Вместе с другими тремя иноками Марин отправился на монастырские работы. Дорогой он ночевал в упомянутой гостинице. У хозяина же той гостиницы была дочь, уже совершенно взрослая. Некий воин, ночуя в той гостинице, растлил ее, и она зачала. Тот же воин научил ее сказать своим родителям, что в падении ее виновен Марин. Когда родители спросили дочь свою, кто ее обольстил, она указала на Марина. Сильно опечалился ее отец. Он отправился в монастырь и с гневом стал кричать:

— Где у вас здесь этот лукавый и ложный христианин, который выдает себя за инока?

К нему вышел монастырский ключарь со словами:

— В добрый час ты пришел, но отчего же так печален, почему ты восклицаешь с таким гневом? Смирись, молю тебя.

На это гостиник отвечал:

— Проклят тот час, когда я свел знакомство с вашим монастырем. Горе мне! Что за несчастие случилось со мною. Как мне быть, не знаю.

Игумен, услышав об этом, призвал к себе гостиника и спросил, что с ним случилось, чем он столь опечален, чего желает он.

— Чего я хочу? — сказал гостиник, — я хочу, чтобы мне никогда и нигде не видеть ни одного инока и не говорить с ним.

Когда игумен спросил, почему он так говорит, гостиник отвечал:

— У меня была единственная дочь. Я думал, что она успокоит меня на старости — и вот что сделал с нею Марин, которого вы считаете добрым и благонравным христианином, — он обесчестил мою дочь, и она зачала от него во чреве своем.

Услышав это, игумен сильно удивился и отвечал гостинику:

— Что мне делать: сейчас Марина нет в монастыре, ибо он еще не возвратился с монастырских работ. Когда же он придет, я немедленно изгоню его из монастыря.

Между тем возвратился в обитель Марин вместе с прочими тремя иноками. Игумен тотчас призвал его и сказал:

— Таково ли, брат, твое житие, таков ли твой подвиг: ночуя в гостинице, ты растлил дочь хозяина той гостиницы, и теперь она непраздна. Отец ее пришел сюда и всячески поносил нас из-за тебя.

Услышав это, Марин упал в ноги пред игуменом и сказал ему:

— Отче, прости меня грешного, прости Господа ради, я согрешил, как человек.

Тогда игумен, сильно разгневанный этим, с бесчестием изгнал Марина из монастыря.

По изгнании из монастыря неповинный Марин пребывал пред воротами обители; сидя здесь без одежды, он терпеливо переносил и зной и холод. Входящие в монастырь или выходящие из него спрашивали его:

— Почему, авва, ты сидишь здесь обнаженным, перенося сии лишения?

— Я согрешил, — отвечал Марин, — и поэтому изгнан из монастыря.

Между тем дочь гостиника родила отрока; отец ее, взяв этого младенца, пришел к монастырю и, найдя Марина сидящим пред вратами, бросил пред ним младенца и ушел. Взяв его, Марин с рыданием говорил: «Увы мне окаянному и отверженному. Воистину я, скверный, воспринимаю достойное по делам моим, но этот бедный младенец почему должен страдать и умереть у меня?»

Марин начал просить у пастухов молока и им кормил младенца, как настоящий отец. Мало того, что Марин претерпевал постоянно зной и голод, насмешки и скудость во всем, даже уход за младенцем доставлял ему много трудов и забот. Часто младенец грязнил его одежды, но преподобный Марин все то безропотно переносил в те-

чение трех лет, терпя и благодаря Бога. По прошествии трех лет братия стала жалеть о Марине. Иноки, собравшись, пришли к игумену и сказали ему: «Отче честный, довольно покаяние Марина; ныне мы просим тебя, прими его в монастырь. Ведь он раскаялся и перед всеми рассказал о своем падении».

Но игумен не хотел послушать их просьбы и опять принять Марина. Тогда иноки снова стали просить его и сказали:

— Если ты не примешь в монастырь брата Марина, то и мы все уйдем. Ведь как мы можем просить Господа, чтобы Он оставил наши согрешения, когда мы сами не отпускаем их нашему брату, который уже три года страждет без покрова пред вратами нашей обители.

Услышав это, игумен отвечал инокам:

— Истинно, ради греха, который содеял Марин, он недостоин войти сюда, но ради вашей любви и вашего прошения я принимаю его.

Призвав Марина, игумен в присутствии всех иноков сказал ему:

— Брат, ради греха, содеянного тобою, ты недостоин занимать прежнее твое первое место среди братии. Но ради любви братии, которая просила меня за тебя, я даю тебе в монастыре последнее место — и должен ты быть последним среди иноков.

Со слезами Марин сказал игумену:

— Честнейший отче, для меня уже и того много, что ты позволяешь мне войти в монастырь, где могу я послужить всей братии.

Приняв Марина, игумен велел ему исполнять самые трудные и последние работы в монастыре. Святой Марин исполнял их с великим тщанием, в сокрушении сердца, в полном смирении. Вместе с ним был и отрок, который, следуя постоянно за Марином, называл его, как отца, и просил у него пищи. Преподобный Марин заботился о воспитании отрока. Когда он подрос, то, по молитвам своего мнимого отца, стал преуспевать в смирении и молитвах: был любим всеми за свою добродетель и принял иноческий сан. Но это случилось уже по преставлении святого Марина, блаженная кончина которого происходила так.

Христос видел веру и терпение невесты Своей, потрудившейся во имя Его в мужском образе, перенесшей столь великие напасти и злострадания. И восхотел Господь утешить ее в скорбях и дать ей успокоение от ее многих трудов и вселить ее в райские обители. По Божию изволению она преставилась в своей келье — и никто не знал этого. Игумен, видя, что Марин уже три дня не приходит в церковь и на монастырские работы, спросил иноков: «Вот уже три дня про-

шло, как я не вижу Марина. Первым он всегда приходит к началу богослужения, а ныне нет его. Сходите к нему в келью и узнайте, не приключилась ли с ним какая болезнь».

Братия, отправившись, нашли, что Марин предал Господу свою душу; возле него сидел плачущий отрок. Братия немедленно сообщили игумену, что Марин преставился. Услышав это, игумен удивился и сказал:

— Душа его покинула тело его; какой ответ он даст Господу о своих согрешениях?

После этого он повелел, по обычаю, приготовить тело Марина для погребения. В это время иноки увидели, что брат Марин был женского пола. Они ужаснулись и все единогласно начали взывать: «Господи, помилуй!»

Игумен, услышав их восклицания, удивился и сказал:

— Что это такое?

Ему отвечали:

— Брат наш Марин — естеством жена.

Игумен, приблизившись к преподобной, увидел эту дивную неожиданную вещь, упал на землю и, касаясь к ногам святой, взывал: «Прости меня, Господи Иисусе Христе, что в своем неведении я согрешил и столь много опечалил святую и чистую Твою невесту».

И снова, припав к ногам святой, взывал: «Здесь я умру при честных твоих ногах или буду призывать до тех пор, пока не получу прощения моих согрешений, коими я оскорбил тебя».

Так он долго плакал и рыдал. Вдруг с неба раздался глас: «Если бы ты совершил это в ведении, то не было бы тебе прощено это, но ты согрешил в неведении, поэтому ныне прощаются тебе грехи твои».

Тогда игумен, встав от честных мощей, послал сказать гостинику: «Приди к нам немедленно, я имею нечто сказать тебе».

Когда гостиник пришел в монастырь, игумен сказал ему:

— Брат Марин умер.

Он же отвечал:

— Бог да простит ему его грех!

Но игумен прервал его, сказав:

— Покайся, брат, ибо ты согрешил пред Господом и меня прельстил своими речами и я согрешил из-за тебя. Марин — жена!

Услышав это, гостиник пришел в ужас и молчал, словно был немым. Игумен же, взяв его за руку, повел его к тому месту, где лежало

святое тело блаженной Марии, и сказал ему, что напрасно он винил Марина в растлении его дочери. Увидев такое дивное чудо, гостиник стал плакать и раскаиваться в своем озлоблении, которое он имел прежде на святую. Между тем игумен вместе с иноками при пении надгробных песнопений честно положили чистое девственное тело непорочной невесты Христовой в монастыре в особо приуготованном месте. Сюда пришла и дочь гостиника, которая мучима была нечистым духом. Она открыто перед всеми рассказала всю истину. Когда ее подвели ко гробу святой Марии, нечистый дух тотчас вышел из нее, и она с того часа стала совершенно здоровой. Все, видевшие это чудо, прославили премилостивого Бога и Его святую угодницу Марию, которая неведомо для всех до смерти хранила тайну и многое претерпела ради Царствия небесного[1].

Да будем и мы, братие, подражать ее мученичеству, твердости и терпению; тогда и мы получим в будущей жизни благодать от великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вместе с Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **АНТОНИЯ**, патриарха Константинопольского

Родиной святого Антония была Азия, но вся жизнь его — от младенчества и до блаженной кончины — протекла в столице Греческой империи Константинополе[2]. В этом городе преподобный был вскормлен, провел свои детские и юношеские годы, получил образование и, наконец, стал епископом. О высоком служении святого Церкви в сане епископа было весьма много предзнаменований. Между прочим, будучи еще младенцем, он внимательно присматривался к тому, как совершать проскомидию, как держать кадило, как вообще отправлять в храме Божественную литургию. Так, благодать

[1] Преподобная Мария, переименовавшаяся Марином, и отец ее Евгений скончались в начале VI века.

[2] Святой Антоний родился около 829 года.

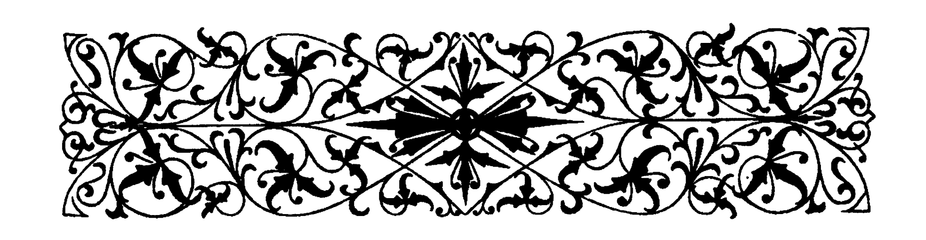
Божия подготовляла преподобного еще с младенческих лет его к совершению богослужения. Достигнув совершеннолетия, святой Антоний в одной из константинопольских обителей принял иночество и доблестно стал проходить подвиги иноческой жизни. Строгостию своих подвигов он вскоре обратил на себя внимание и, против своего желания, был рукоположен сперва в сан пресвитера, а потом, по повелению патриарха, поставлен и игуменом. В это время и отец преподобного вступил в иноческое звание. Неся новые труды игуменства, святой Антоний сверх того неизменно продолжал и обычные свои подвиги, пребывая в постоянном бодрствовании, посте и непрестанных молитвах. Проводя таким образом время, он занимался еще тем, что своими руками раздавал милостыню бедным. И вот в то время, когда этот великий подвижник, проходя свою многотрудную иноческую жизнь, совершал дела милости, однажды кто-то принес ему мешок золота и, подавая его, сказал: «Возьми это для раздачи нищим».

При этих словах явилась преподобному только рука, держащая мешок с золотом, а сам подававший его был невидим. С этого времени преподобный в изобилии стал раздавать милостыню всем, достойным ее.

Наступило время, когда патриарший престол в Константинополе стал праздным, и преподобный Антоний, по единогласному избранию епископского собора и императора, был возведен на кафедру Константинопольского патриарха[1]. В это время он уже был в преклонном возрасте, но, невзирая на слабость своих старческих сил, крепкий силой Святого Духа, он обошел все церкви своей патриархии, преодолевая временные свои недуги, насколько это в его возрасте было возможно, силой молитвы. Видя стесненное положение клириков, вследствие недостатка материальных средств, преподобный выводил их из затруднения обильными денежными пособиями. При входе в церкви его встречали всегда тысячи нищих, и он всех их оделял милостыней. Вообще для многих во многом он был слугой. Совершив множество чудес, преподобный Антоний в глубокой старости отошел ко Господу.

---

[1] *Святой Антоний II* (по прозвищу *Кавлей*) вступил на патриарший Константинопольский престол в 893 году и патриаршествовал до самой кончины своей, последовавшей в 895 году.



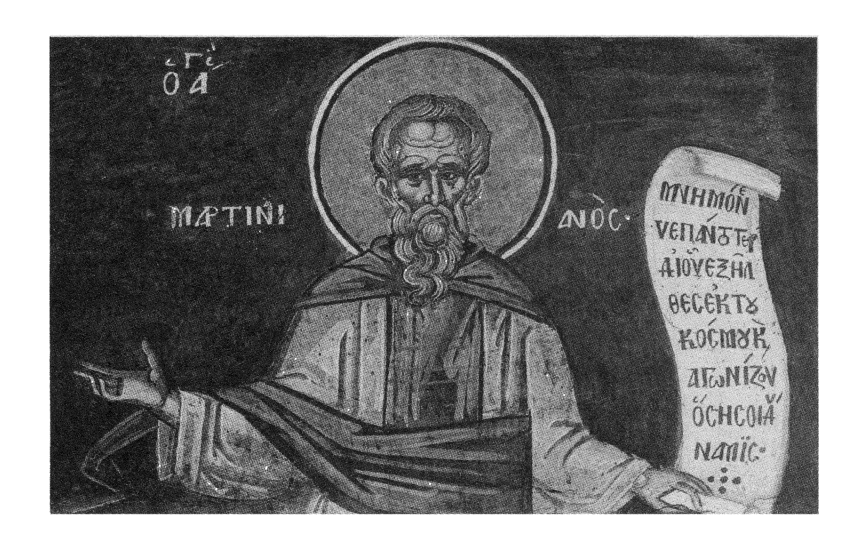
День тринадцатый

ЖИТИЕ
преподобного отца нашего
МАРТИНИАНА,
и память святых жен
ЗОИ и ФОТИНИИ

В Палестине, близ города Кесарии[1], находится гора, называемая «Ковчежное место». Много пустынников подвизалось на ней, и между ними блаженный и достохвальный инок, исполненный Божественной благодати, — святой Мартиниан. С юного возраста он возлюбил Бога и стал проводить иноческое житие. Прекрасный собою Мартиниан, восемнадцати лет от роду, оставил город, своих сродников, отрекся от мирской суеты и пришел на сию гору для безмолвного и пустынного жития. Проводя жизнь подобно бестелесным Ангелам, он пробыл здесь двадцать пять лет. За свою добродетельную жизнь он удостоился получить от Бога дар исцелять недуги и болезни. Многие, по его святым молитвам, исцелялись от различных недугов; многие, одержимые злым духом, приходя к нему на гору, освобождались от козней лукавого. Много других чудес Бог творил по молитвам Своего угодника. День ото дня все более и более преуспевал Мартиниан в своих подвигах; слава о его добродетельной жизни распространилась далеко за пределы той страны; все, слышавшие о нем, приходили к нему ради пользы душевной. Но враг рода человеческого диавол не мог стерпеть такой добродетельный жизни юного подвиж-

---

[1] *Кесария* — большой город в Палестине, при Средиземном море; там имели местопребывание Римские прокураторы.



ника, столь украсившего себя духовными подвигами. Сначала он стал всячески искушать блаженного Мартиниана и старался различно устрашить его. Потом древний завистник рода человеческого употребил то оружие, коим некогда изгнал Адама из рая, желая и этого подвижника изгнать из его безмолвной пустыни и лишить вечного блаженства.

Однажды, когда блаженный Мартиниан воспевал псалмы Давидовы, диавол принял на себя образ великого змея и, приблизившись к стене келии святого, начал сильно копать землю. Он хотел подкопать землю и обрушить келию на блаженного. Но Мартиниан без страха и смущения, окончив пение, выглянул в оконце келии и сказал тому змею:

— Воистину, тебе подобает ползать по земле; зачем напрасно ты трудишься? Не устрашат меня твои козни. Ибо Господь мой Иисус Христос помогает мне: Он победит твои козни и посрамит твою силу.

Услышав это, диавол, изменившись в мрачный вихрь, побежал со стыдом, говоря:

— Погоди, погоди; знаю, как тебя победить. Сделаю я тебя своим рабом, развею я все твои надежды. Я наведу на тебя такое искушение, какого ты не можешь вынести; исторгну я тебя из твоей келии, брошу тебя, как лист, гонимый ветром. Тогда посмотрю, кто поможет тебе.



Преподобная Зоя

Сказав это, диавол исчез. Мартиниан же был столь крепок в вере, что пребывал без всякой боязни и страха, как будто он не видал никакого привидения. Он только восхвалял Господа, упражняясь в богомыслии и в чтении и разумении Божественного Писания.

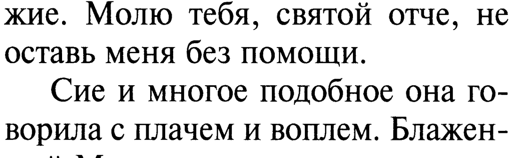
После этого случилось следующее. Некоторые жители Кесарии однажды беседовали между собою о добродетельном житии Мартиниана. Они много дивились его мужеству и терпению. Некая жена блудница случайно услышала сию беседу. По диавольскому наущению, она приступила к сим мужам с такими словами:

— Почему вы так дивитесь житию этого подвижника? Разве уже он столь тверд в добродетели? Если только захочу, я могу поколебать его, как ветер колеблет лист на дереве. И что достойное хвалы нашли вы в нем? Уж не то ли, что он, подобно дикому зверю, удалился в пустыню, не будучи в состоянии бороться в городе с похотию плоти и мирскими соблазнами? И что удивительного, если он бесстрастным остается, не видя никогда ни одной женщины. Вы сами хорошо знаете, что без огня сено не горит; но то было бы весьма удивительно, если бы не загорелось сено, положенное близ огня. Так следует рассуждать и об этом человеке. Если я пойду к нему, и он останется столь же бесстрастным и не соблазнится красотою моею, тогда он будет велик не только пред людьми, но и пред Богом и Ангелами Его.

После этих слов она поспорила на деньги с теми мужами и отправилась к себе в дом. Здесь она сняла свои богатые одеяния, облеклась в худые и разодранные одежды, покрыла себе голову рубищем и опоясалась веревкой. А всю свою богатую одежду, кольца и серьги, золотые перстни, мониста и все, что прельщает ум и глаза юношей, — она вложила в мешок и взяла его с собою. Вечером она вышла из



Кесарии и ночью пришла на ту гору в пустыне, где жил преподобный. Ночь была дождливая и бурная. Приблизившись к келии Мартиниана, та жена притворно со стоном стала просить святого:



— Помилуй меня, раб Божий! Не оставь меня, окаянную, на съедение зверям. Я заблудилась в пустыне и не знаю, куда идти. Умилосердись, сжалься надо мною в такой беде и не возгнушайся меня грешницы, ибо и я — создание Божие. Молю тебя, святой отче, не оставь меня без помощи.

Сие и многое подобное она говорила с плачем и воплем. Блаженный Мартиниан открыл свое оконце, поглядел, и, увидев ее в таком плохом одеянии, стоящую под сильным дождем, помыслил в себе:

— О, горе мне, окаянному грешнику. Се ныне предстоит мне искушение: или я должен исполнить заповедь Божию, повелевающую быть милосердным, или должен нарушить свой иноческий обет. Если я не приму в келию сию жену, находящуюся в таком бедственном состоянии, ее пожрут звери или она умрет от великой стужи. Тогда я оскверню свою душу и буду подобен убийце. Если же я введу ее в свою келию, то боюсь, как бы не постигло меня искушение. Тогда я оскверню и свое тело и свою душу и буду нечистым блудником пред моим Господом. Не знаю, как поступить мне.

И воздев руки к небу, блаженный Мартиниан воззвал:

— *К Тебе, Господи, возношу душу мою* (Пс. 24, 1), не попусти мне впасть в искушение и сделаться рабом льстивого диавола. Но сохрани меня в час этот и покрой от навета врага, ибо Ты благословен вовеки.

Помолившись, он открыл двери, ввел в келию ту женщину и, разведя огонь, предложил ей обогреться, затем принес финиковых плодов, которые сорвал с дерева, стоящего недалеко от его келии, дал ей их и сказал:

— Женщина! Ешь и грейся здесь у огня, утром же с миром оставь мою келию.

После этого он оставил ее во внешней половине келии, а сам ушел во внутреннюю и запер за собою двери. В третьем часу ночи он, по заведенному им обычаю, стал воспевать псалмы и молитвы. После этого он лег на землю и уснул. Но сатана смутил его в ту ночь похотию плотскою. В полночь жена, встав, вынула из мешка все свои украшения и надела их на прельщение святого. Убрав в мешок свое бедное одеяние, она ждала, пока Мартиниан не выйдет к ней. Утром святой вышел из своей половины, желая отпустить женщину из своей келии. Увидав ее в богатой одежде и украшенную, он не узнал ее. В ужасе он остановился и долгое время молчал. Наконец сказал ей:

— Кто ты и откуда пришла и откуда на тебе такие бесовские одеяния?

Она отвечала ему, что она та самая женщина, которую он сам впустил в свою келию.

— Зачем же ты переменила свои одежды? — спросил ее Мартиниан. — Вечером ты была в бедном рубище, теперь же в богатой одежде.

Тогда она сказала:

— Я из Кесарии Палестинской; я много слышала о тебе, о твоей красоте, и сердце мое воспылало любовию к тебе. Я совершила такой далекий путь ради тебя. К чему твое воздержание, к чему удручать тебе свое тело столь строгим постом. В каких книгах нашли вы, чтобы ни пить, ни есть, ни жениться? Разве не сказал апостол Павел: *Брак у всех да будет честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4)? Кто из пророков лишился Царствия небесного лишь за то, что имел жену? Разве великий и дивный Енох не был женат? А он взят на небо и не вкусил смерти даже до этого дня (см.: Быт. 5, 24; Евр. 11, 5). Праотец Авраам имел трех жен и был наречен даже другом Божиим; мало того, он даже сподобился принять в своей сени Самого Бога в Трех Лицах (см.: Быт. 18). Был женат и Исаак, этот прообраз Христа (см.: Быт. 24, 67). У Иакова были две жены и две наложницы, а он мог бороться с Ангелом и удостоился зреть Божию славу (см.: Быт. 32). Великий Моисей, верховный пророк и служитель Божий, разве не был женат (см.: Исх. 2)? А ведь он беседовал с Богом, освободил народ еврейский от тяжкого рабства иноплеменников и сподобился небесного Царства. Также Давид, прочие пророки и святые мужи имели законных жен, чад — и все они водворяются в небесном Царствии.

Говоря так, грешница старалась смутить святого и поколебать его; она хватала его за руки и начала увлекать святого к погибели.

— Но если я сделаю тебя своей женою, — сказал Мартиниан, — как мне быть с тобою? Чем мне содержать тебя, когда у меня ничего нет? Ты видишь мою жизнь, с юности я ничего из тленных благ не старался приобрести.

На это та жена отвечала:

— Господин, ты только пребудь со мною и позволь мне насладиться твоею красотой, а о прочем не заботься. У меня есть дом, много имения: и золота и серебра, и рабов и рабынь. Всему этому ты будешь господином.

Слыша слова, какие говорила эта жена или, лучше сказать, сам диавол, древний человекоубийца ее устами, Мартиниан начал колебаться, помышляя о совершении греха. Наконец, он сказал жене:

— Пережди немного: некоторые обыкновенно приходят ко мне ради благословения. Я пойду и погляжу, нет ли кого, чтобы нас не увидели. От Бога не можем мы утаить греха нашего; утаим его, по крайней мере, от людей, чтобы нас не хулили и не поносили.

Сказав это, он вышел из келии, и став на находившемся там камне, начал внимательно осматривать дорогу. Но человеколюбец Бог никому не хочет погибели. Он не пренебрег и трудами святого Мартиниана, подъятыми им с юности, вспомнил о молитвах его, оказал ему Свою помощь и злой помысл его пременил на добрый. Сходя с камня, Мартиниан нашел иссохший хворост, взял его и внес в свою келию. Положив его посредине келии, он зажег его. Когда огонь сильно разгорелся, святой, сняв свои сандалии и вступив в огонь, стоял там до тех пор, пока огонь не начал опалять все его тело. После этого он вышел из пламени и сказал, как бы укоряя самого себя:

— Что, Мартиниан, хорош ли этот временный огонь? Приятно ли это мучение? Если можешь ты его вытерпеть, то тогда и приступи к этой жене. Она, или диавол чрез нее, приуготовит для тебя вечный огонь. Нет, виновна не она, а диавол, внушивший ей эту мысль, — это делает он потому, что хочет вовлечь тебя в погибельную пропасть. Помысли, недостойный Мартиниан, о предстоящей тебе муке, вспомни о вечном огне; этот временный огонь можно угасить водою. В нем есть и свет. Адский же огонь не имеет никакой светлости, не могут угасить его все моря и реки, сколько их ни существует под небом. Если ты можешь терпеть этот неугасимый огонь, то приступай к жене и соверши свое желание.

Так он говорил сам с собою. Когда же боль его начала немного утихать, он снова стал в огонь и стоял там долго, до тех пор, пока возможно было это. Выйдя из костра, он пал на землю и с сердечным сокрушением, вздыхая и плача, он воззвал к Господу:

— Господи, Боже мой, милостив буди ко мне грешному, прости омрачение ума моего и мое поползновение ко греху. Ты, испытующий сердца и внутренние помышления, знаешь и мое сердце, Ты ведаешь, что я возлюбил Тебя с ранней юности и ради Тебя опалил огнем мое тело. Прости меня, Владыка мой Господи, ибо Един Ты благ и милостив, яко благословен еси вовеки.

Так молился святой, лежа лицом к земле: от сильных ожогов он не мог стоять. После этого он начал воспевать: *Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем! А я — едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои*[1] (Пс. 72, 1–2).

Видя сие, жена удивилась, как святой, ради спасения своего, сам подверг себя огненному пламени. И сама она вспомнила о своих согрешениях и воспрянула духом, как бы пробудившись от сна. Она сорвала свои одежды и все украшения, бросила их в огонь и, облекшись снова в бедное рубище, упала к ногам святого Мартиниана и со слезами начала говорить ему:

— Прости меня окаянную и грешную, раб Божий; тебе, господин, известно, как сильны и многообразны козни и прелести диавола. Он и мне внушил мысль искусить тебя. Помолись за меня, святой отче, чтобы по твоим молитвам могла получить спасение и я — великая грешница. Знай же, отче, что я уже не возвращусь более в город, не войду в дом мой, не увижу моих родных и знакомых. Нет, я твердо решила оставить мои скверные дела, я буду лишь заботиться о спасении моей окаянной души. Знай и то, господин мой: во Имя Господа нашего Иисуса Христа я буду вести с диаволом борьбу тем же самым способом, каким он внушил мне восстать на тебя. И надеюсь посрамить его: этот древний льстец, восставляя меня на тебя, восставил меня на себя самого. Он хотел через меня одолеть тебя, но с помощию Владыки нашего, Который призывает к покаянию и блудниц, он сам побежден будет мною.

Это сказала она, проливая слезы. Блаженный же отвечал ей:

---

[1] То есть, был в опасности отказаться от здравых и поддерживающих меня помыслов и подвергнуться величайшему поползновению. — Ногами и стопами пророк называет, как объясняет блж. Феодорит, — помыслы.

— Господь мой и Бог да простит тебе, жена, грех твой. Иди с миром и позаботься, как ты говорила, о спасении души своей. Веди борьбу со страстями, налагая на себя покаяние, и так сможешь ты посрамить лукавого.

В ответ на это она сказала блаженному:

— Прошу и умоляю тебя, отче, наставь меня на путь спасения; скажи, как мне получить спасение?

Он же отвечал:

— Иди в Вифлеем, отыщи там святую деву, по имени Павлу[1], которая построила там святую церковь. Пришедши к ней, расскажи ей все случившееся и спасайся у нее.

Жена, встав, поклонилась ему и сказала:

— Молись, отче, за меня грешницу!

Святой, удручаемый сильной болью, с большим трудом мог подняться с земли. Он дал на дорогу женщине немного фиников, вывел ее из келии и, указав ей дорогу к Иерусалиму, сказал:

— Иди с миром и спаси свою душу и подвизайся в покаянии. Смотри, не возвращайся назад: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). Наблюдай за собою, чтобы тебе опять не быть поруганной врагом, неослабно пребывай в покаянии, ибо Бог приемлет кающихся.

Слыша это, жена еще сильнее заплакала и сказала:

— И я уповаю на Того, на Кого уповали народы и не посрамились. Я твердо верю и надеюсь, что отныне диавол не найдет слуги во мне.

Блаженный Мартиниан, ознаменовав ее крестным знамением, сказал:

— Господь Бог мой да сохранит душу твою и соблюдет тебя до конца.

Эта женщина, поклонившись святому, ушла, а святой возвратился в келию, где со слезами стал молиться Господу. Между тем та женщина шла, со слезами молясь Богу, чтобы Он наставил ее на путь спасения. Уже наступила ночь, а она все еще шла в пустыне. Здесь же она остановилась на ночлег. Встав утром, она снова продолжала свой путь, молясь и проливая слезы. Лишь только поздно вечером на другой день она пришла в Вифлеем. Войдя в монастырь, построенный

---

[1] Преподобная *Павла* вдова подвизалась в Вифлееме двадцать лет, от 384 года; скончалась 26 января 404 года.

блаженной Павлой, она поклонилась ей и рассказала обо всем бывшем. Услышав ее рассказ, блаженная Павла прославила человеколюбца Бога, с радостию приняла ее в свой монастырь и каждый день поучала ее и наставляла на путь спасения. Эта жена стала столь подвизаться и поститься, что много раз блаженная Павла говорила ей:

— Щади, чадо, плоть свою, чтобы она не изнемогла, старайся, чтобы тебе возможно было до конца подвизаться в постничестве.

Но она не ослабляла своих подвигов. Незадолго до кончины, блаженная Зоя — такое имя носила та женщина — просила у Господа, чтобы Он открыл ей, принято ли ее покаяние. Во извещение Своей милости, человеколюбивый Бог дал ей дар исцеления. Одна женщина, сильно страдавшая глазами, пришла в тот монастырь, надеясь получить исцеление. Блаженная Павла, желая узнать покаяние Зои, сказала ей:

— Помолись, чадо, за эту жену: быть может, по твоей молитве Господь подаст ей исцеление.

Спустя немного времени, когда Зоя молилась о болящей, та получила исцеление. В благодарность за свое исцеление, та женщина постриглась в том монастыре и стала с большим рвением подвизаться в иноческих подвигах.

Двенадцать лет блаженная Зоя подвизалась в постничестве и с миром предала Господу свою душу. Во все время своего покаяния она не вкушала вина, ни масла, ни овощей, но только немного хлеба и воды. Она принимала пищу только раз в день к вечеру, а иногда и через два дня, ложем ей была голая земля. Такова была подвижническая жизнь святой, такова была ее кончина.

Но обратимся снова к повествованию о блаженном Мартиниане.

Преподобный Мартиниан только через семь месяцев исцелился от ожогов. После того он начал так размышлять:

— Если я не уйду отсюда в какое-либо другое место, лукавый враг не оставит меня и не даст мне покоя. Да и мне следует жить в таком месте, куда бы вовсе не было доступа женщинам.

Помыслив так, он встал и помолился Богу:

— Владыка неба и земли и Творец моря! Сотвори то, что будет мне на пользу, не оставь меня, не попусти погибнуть мне до конца, будь мне помощник и покровитель. Господи сил! Укажи мне путь спасения.

Ознаменовав себя крестным знамением, блаженный вышел из

своей келии и направился к морю. Увидев, что подвижник покинул это место, диавол возопил:

— Да будет славно имя мое, ибо я изгнал тебя, Мартиниан, из келии, опалил твое тело, сделал тебя беглецом и своим пленником. Что же, Мартиниан, ты бежишь отсюда? Но знай, что куда бы ты ни пошел, я всюду последую за тобою; как изгнал тебя из этого места, так изгоню тебя отовсюду, где бы ты ни поселился; не оставлю тебя прежде, чем вконец не одолею тебя и сделаю тебя своим рабом.

Блаженный же отвечал:

— Немощный и окаянный! Неужели ты, сам не имея никакой силы, думаешь, что изгнал меня из этой келии или думаешь, что я покинул ее в отчаянии? Нет, я вышел отсюда затем, чтобы лучше бороться с тобою и победить тебя. Если с тебя мало тех двух искушений, кои ты навел на меня, то и еще старайся искусить меня. С помощию Бога моего я уничтожил твое лукавое коварство и пострадал не для тебя, а ради имени Господа Бога моего. Ведь даже та самая жена, коей ты внушил мысль искусить меня, и та знает ныне твое ничтожество и сравнивает тебя с дымом: она попрала твои нечестивые и злые козни, так что ты не смеешь приблизиться даже к ее тени.

Слыша эти слова святого, диавол исчез. Блаженный же начал воспевать псалом: *Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его* (Пс. 67, 1). С пением этого псалма он направился к морю. Дойдя до одной пристани, он нашел здесь некоего богобоязненного корабельщика и сказал ему:

— Брат! Не знаешь ли ты на море какого-нибудь малого и необитаемого острова?

Владелец корабля отвечал ему:

— Зачем ты спрашиваешь об этом? Зачем тебе это надобно?

— Я хочу удалиться от этого суетного мира и наложить на себя подвиг безмолвия, — отвечал Мартиниан, — но я не знаю места, удобного для этого.

Тот муж сказал:

— Есть одно такое место, но оно страшно: среди моря находится высокая каменная скала, откуда нельзя даже видеть земли.

— Такое место для меня удобно, — отвечал блаженный, — я желаю там поселиться, ибо туда не может быть доступа для жен.

— Но кто же тебе будет доставлять пропитание? — спросил его корабельщик.

Мартиниан сказал:

— Я хочу об этом просить тебя. Ты будешь доставлять мне пищу, а я буду молиться за тебя. Если же ты будешь привозить пальмовых ветвей, то я буду заниматься плетением; приезжая, ты будешь брать мое рукоделие и продавать его; а на эти деньги будешь покупать мне хлеб; привози мне также и воду в сосуде. Приезжать ко мне с хлебом и водою я прошу тебя два или три раза в год.

Слыша это, корабельщик уразумел, что пред ним стоит святой муж; он обещался исполнить все, о чем будет просить блаженный. Войдя в корабль, они отплыли на то пустынное место. При благоприятном попутном ветре они к вечеру достигли той каменной скалы. Увидев ее, блаженный возрадовался духом и восхвалил Бога. Благословив корабельщика, он вошел на скалу и стал воспевать: *Терпя́ потерпе́х Господа, и внят ми, и услы́ша молитву мою, и возведе́ мя от ро́ва страстей и от бре́ния тины, и постави на камени но́зе мои, и исправи стопы́ моя* (слав. Пс. 39, 2). (*Ров страстей* есть, по объяснению святого Афанасия, порок и невежество. *И от брения тины*, ибо в грехах, как в тине, увязают уловленные ими.)

Окончив псалом, он помолился и сказал корабельщику:

— Иди с миром, брат, и привези мне хлеб, воду и ветвей, чтобы я мог делать корзины.

— Если ты желаешь, — отвечал корабельщик, — я привезу и деревьев. Здесь мы построим для тебя небольшую хижину.

Но блаженный не пожелал этого: он остался жить на этом камне под открытым небом, терпеливо перенося и дневной жар и ночной холод. Ежегодно два или три раза корабельщик привозил ему хлеб и воду, как просил его святой. Живя на скале, блаженный Мартиниан был весьма рад, что он бежал мирской суеты. Он днем и ночью восхвалял Бога и беспрестанно поучался в богомыслии. Но лукавый диавол и здесь не хотел оставить святого и старался ему всячески досадить. Однажды ночью он поднял на море великую бурю и воздвиг громадную волну над главою блаженного. Она возвышаясь над скалою на пятнадцать локтей. При сем диавол взывал:

— Теперь потоплю тебя, Мартиниан!

Блаженный же без смущения ответствовал:

— Напрасно ты, немощный и окаянный, трудишься: не устрашат меня твои козни, не смутят меня твои ковы. Я уповаю на Господа моего Иисуса Христа и именем Его посрамлю тебя.

Сказав это, блаженный начал воспевать: *Спаси меня, Боже, яко внидо́ша во́ды до души́ моея́. Углебо́х в тиме́нии глубины́* морския, *и буря потопи мя* (слав. Пс. 68, 2).

Окончив этот псалом, Мартиниан стал молиться.

— Господи, Иисусе Христе, — взывал он, — единородный Сын невидимого Отца, Ты сошел на землю ради нашего спасения, Ты властвуешь и над морем, повелеваешь ветрами. Все со страхом слушает тебя. Услышь меня, Владыка, в час этот и прекрати сию бурю, посрами диавола, который хочет погубить меня; все возможно Тебе, Господи; все находится в Твоей власти.

При этих словах святого диавол скрылся. Буря прекратилась, не причинив святому никакого вреда. После этого святой пребывал на той скале еще шесть лет, претерпевая ради своего спасения и дождь, и холод, и жар. Но диавол не прекращал своих козней. Он ввел святого в другое, еще тягчайшее искушение и подверг его еще большей напасти.

Однажды диавол увидел, что в море плывет корабль, где находились и мужи и жены. Он воздвиг бурю, и сильный ветер, пригнав корабль к одному камню, разбил его. Все бывшие на нем потонули, лишь только одна отроковица успела ухватиться за доску и на ней приплыла к той скале, где жил Мартиниан. Схватившись за камень, отроковица начала взывать:

— Помилуй меня, раб Божий, подай мне руку, спаси меня и не оставь меня на погибель.

Увидев, что отроковицу никто, кроме него, не может спасти, блаженный сказал:

— И это — ко́зни бесовские, но ныне, диавол, не можешь победить меня.

Размышляя об этом, блаженный говорил:

— Увы мне грешному, ибо опять предстоит мне искушение: как мне поступить? Если не подам отроковице руки и не извлеку ее из воды, то она утонет, и на душе моей будет лежать тогда тяжелый грех, ибо я буду тогда ее убийцей. Если же я извлеку ее, то мне нельзя оставаться здесь с нею. Тогда будет для меня беда, бо́льшая первой. Прежде я, находясь на земле, мог бежать, но теперь — куда мне бежать? Ведь только и есть здесь одна малая скала, вокруг коей повсюду море.

Простерши затем свои руки к небу, блаженный начал молиться:

— Господи, не дай мне погибнуть, но устрой все на пользу души моей.

Сказав это, он подал отроковице руку и вывел ее из моря на скалу. Увидев, что она весьма красива, Мартиниан сказал:

— Воистину, не может быть вместе сено и огонь; невозможно, чтобы ты и я жили здесь вместе. Оставайся здесь и не бойся ничего: тут есть хлеб и вода: их доставляет сюда некий корабельщик. Вот через два месяца он приедет сюда. Расскажи ему обо всем случившемся, и он перевезет тебя через море.

После этого святой ознаменовал море крестным знамением и сказал:

— Господи Иисусе Христе! Ты запретил ветрам, кои слушают Тебя с трепетом, призри и помилуй меня и не дай мне погибнуть. Во имя Твое я ввергнусь в море, ибо лучше мне умереть в волнах, чем разжигаться телесною страстию к женщине.

Обратившись затем к отроковице, Мартиниан сказал:

— Спасайся, девица; Бог соблюдет твою душу от всех вражеских наветов и сохранит тебя до конца!

С этими словами он бросился в море и поплыл. По смотрению Божиему, два дельфина подняли его на свои хребты и понесли. Увидев это, девица смотрела на него до тех пор, пока он не скрылся из виду. Дельфины вынесли блаженного на твердую землю. Выйдя на сушу, Мартиниан стал благодарить Господа:

— Восхваляю Тебя, Господи Боже мой, ибо Ты дивно проявил Свою милость на мне грешном и недостойном рабе Твоем. Не оставь меня и до конца.

После того он так начал размышлять:

— Не знаю, что мне делать? Враг не оставляет меня ни в горах, ни в пустынях. Не оставил он меня и на море. Но я должен всегда носить в сердце слова евангельские: *Когда будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых* (Мф. 10, 23).

Сказав это, блаженный начал переходить из одного места в другое, из одного города в другой и говорил так:

— Бегай, Мартиниан, чтобы тебя не постигла напасть.

Так, постоянно странствуя, он проводил свою жизнь. При этом он не носил с собою ни жезла, ни мешка, ни хлеба, ни двух одежд, ни денег — словом, ничего, что необходимо для нашей жизни. Когда

он входил в город или какое-либо село, он спрашивал, кто из жителей отличается своим благочестием, и у того обитал и принимал пищу. Ночевал он там, где застигала его ночь: в пустыне или в поле; при этом он ложился отдохнуть лишь на самое краткое время. Странствуя так, он в два года посетил сто шестьдесят четыре города и наконец пришел в Афины[1]. Епископу того города Бог благоволил открыть все о блаженном Мартиниане. Здесь, чувствуя приближение своей кончины, святой, уже будучи болен, вошел в церковь, возлег на землю и сказал окружающим:

— Призовите сюда скорее епископа!

Окружающие подумали, что он безумный. Когда же Мартиниан стал снова просить их, они повиновались ему, пошли к епископу и сказали ему:

— Некий человек лежит в церкви; мы не знаем, безумный ли он или что другое. Он просил нас призвать тебя к нему.

Епископ же отвечал им:

— Напрасно вы называете безумным этого человека: он гораздо лучше и выше меня!

Восстав, епископ отправился в церковь. Блаженный, увидев епископа, не мог подняться. Простирая к нему свои руки, он хотел этим воздать должную честь Божию архиерею. Епископ же также старался оказать ему честь и сказал:

— Некогда Бог обещал мне показать Своего раба. Вот ныне исполнилось Его обещание. Когда же ты удостоишься небесного Царства, то помяни и меня.

Блаженный отвечал:

— Благослови меня, отче, и молись за меня Господу, чтобы мне неосужденным предстать пред Его праведным судом.

Сказав это, святой возвел очи свои к небу и сказал:

— Господи Иисусе Христе! В руки Твои предаю дух мой!

И перекрестившись, сказал епископу:

— Предай погребению меня, отче, Господа ради!

При этом лицо блаженного озарилось улыбкою, и так он предал Господу свою душу[2]. Так святой Мартиниан скончал с честию свое земное поприще, сохранил веру и удостоился получить венец, при-

---

[1] Город в Греции; теперь — столица греческого королевства; в древности этот город славился своей ученостью.

[2] Святой Мартиниан скончался в конце IV или начале V века.

уготованный ему в Царстве небесном. Епископ с великою честию предал погребению его святое тело в той церкви.

Кто не удивится сему подвижнику, кто не ублажит его память! Он до конца дней своих подвизался, чтобы спасти душу свою. И даже сам добровольно подверг себя мучениям. Тогда не было еще воздвигнуто на христиан гонений, но святой сам себе устроил мученичество. Он победил диавола и расторг все его козни. Он сам был для себя гонителем и добровольно налагал на себя страдания. Истинно, его следует назвать мучеником и добрым страдальцем; огнем временным он преодолел огонь вечный. Диавол воздвиг его на жену, а этот блаженный обратил ее на правый и добрый путь.

Но обратимся к той девице, оставленной Мартинианом на скале, и увидим, что ей много способствовала молитва блаженного.

Оставшись на скале, Фотиния — таково было имя этой девицы, — питалась хлебом и водою, как указал ей блаженный. По обычаю, через два месяца корабельщик направился к скале, везя для преподобного хлеб и воду. Приближаясь к скале, он увидел девицу вместо инока и подумал, что это привидение. В ужасе он стал отплывать от скалы. Фотиния же стала кричать ему:

— Не бойся ничего, я — действительно женщина и — христианка; не уезжай от меня, но приди и выслушай, что я расскажу тебе.

Но корабельщик не поверил ей. Тогда она, заклиная его, стала говорить:

— Клянусь тебе Христом, что я — христианка; без боязни подойди сюда и выслушай мой рассказ.

Тогда корабельщик, пристав к скале, сказал ей:

— Где находится бывший тут черноризец? Как и куда он мог уйти отсюда? Кто привез тебя и оставил на этом камне?

Перекрестившись, Фотиния начала рассказывать обо всем, случившемся с нею. Услышав ее рассказ, тот человек весьма изумился и сказал ей:

— Иди, я перевезу тебя отсюда на землю, чтобы ты могла идти в свой город.

— Нет, брат, — отвечала она ему, — прошу тебя, не увози меня отсюда, но окажи мне милость: сходи в селение, принеси мне мужскую одежду из власяницы; приноси мне хлеба и воды, как ты делал

это для блаженного мужа, и ты получишь обещанное им Божие благословение. Ибо нет разницы между мужским полом и женским, как сказал апостол: *все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). Не гнушайся мной грешницей, ибо и я хочу получить спасение. Быть может, Бог, желая спасти меня, Своим мудрым смотрением благоизволил поселить меня на этой скале. Не оставляй меня только потому, что я — женщина; вспомни, что Бог сотворил Адама и Еву, и что Сам Он благоизволил родиться от Пресвятой Девы Марии. Послужи и мне, как служил ты тому праведнику, и принеси мне все, о чем я просила тебя. Принеси также и шерсти, чтобы я могла заниматься рукоделием. Пусть с тобой приедет сюда и твоя жена: она облечет меня в мужскую одежду, и я буду работать то, что она мне прикажет. Господь и Бог мой да пребудет с тобой во всю твою жизнь, и даст тебе и в этой и в будущей жизни благодать, милость и отпущение грехов.

Корабельщик же отвечал ей:

— Я сделаю все, о чем ты просишь меня, только крепись и мужайся, и Бог исполнит твое желание.

С этими словами он отплыл домой; спустя два дня он приехал опять сюда вместе с женою, взяв все, что просила девица. Выйдя из корабля, жена его поднялась на скалу к блаженной Фотинии. Она поцеловала ее и поклонилась до земли. Затем она принесла ей из корабля одежду и хлеб. Попросив корабельщика немного отойти, блаженная Фотиния совлекла с себя женскую одежду, отложив вместе с этим и женскую немощь, и облеклась в мужское одеяние и препоясалась мудростию и мужественной силой. При этом она молилась, взывая:

— Господи Боже! Ты от века внимал молитвам всех Твоих святых, послушай и меня грешную, помоги мне на этом месте в мужеском одеянии пожить тихо и благочестно; сохрани мою душу, утверди мое сердце, укрепи мое тело и наставь меня на путь спасения; воздай достойную мзду и этим людям, кои мне послужат. Ибо Ты благословен и препрославлен во веки. Аминь.

После этого она сказала жене:

— Госпожа моя, прошу тебя: доставляйте мне и шерсть вместе с хлебом и водою, чтобы мне не есть без вознаграждения вашего хлеба, а эти одежды мои возьми себе в воспоминание моего смирения.

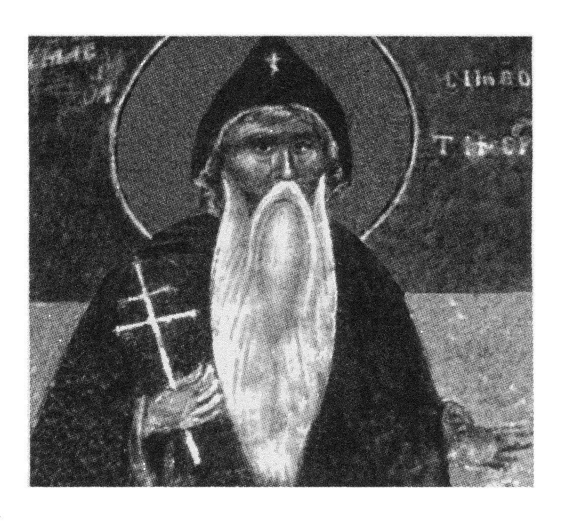
После этого она с миром отпустила их. На третий же месяц корабельщик вместе со своею женою снова приехали к Фотинии и привезли ей с собою хлеба.

Пребывая на острове, блаженная дева восхваляла Господа за свою жизнь. Ежедневно она возносила двенадцать молитв Богу, а каждую ночь она усугубляла это благочестивое дело и двадцать четыре раза молилась Господу. Фунт хлеба служил для нее пищей на два дня. Так, при помощи Божией, она достигла конца своей жизни. Когда она поселилась на этой скале, ей было двадцать пять лет, а на скале она подвизалась шесть лет; поэтому с миром предала Господу чистую и святую душу свою. Уже через два месяца после ее смерти, когда в положенный срок прибыли корабельщик вместе с женою, они нашли блаженную Фотинию усопшей; руки ее были крестообразно сложены, лицо ее было светло: она имела вид как бы спящей. Поклонившись ее святому телу и взяв его, они положили его в корабль и отплыли к городу Кесарии Палестинской. Здесь корабельщик отправился к епископу Кесарийскому и рассказал ему все о добродетельной жизни святой Фотинии. Со всем клиром епископ с честию предал погребению ее тело, с пением боговдохновенных псалмов и пений, воздавал честь и славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
СИМЕОНА МИРОТОЧИВОГО,
царя Сербского[1]

Преподобный Симеон был правителем Сербии, но отказался от царства земного и всю свою жизнь посвятил на то, чтобы снискать себе нетленное Царство на небе. Он устроил в своей стране

[1] *Святой Симеон*, до своего иночества, был великим сербским жупаном (князем) и назывался *Стефан Неманя*. Он объединил большую часть сербских земель и доставил им политическую независимость. Во время своего правления он много потрудился, защищая свой народ от влияния латинства, арианства и других ересей. Супруга Стефана Неманя, благочестивая Анна, последовала примеру мужа, приняла иночество и поселилась в одном из женских монастырей.



множество монастырей и на берегу реки Студеницы соорудил во имя Пречистой Божией Матери великолепный храм, повелел выложить его внутри от основания до потолка мрамором и украсить золотом. Всегда снабжая бедных всем необходимым, святой Симеон, наконец, все свое неисчислимое богатство раздал нищим. После этого, добровольно передав в управление сыну своему Стефану все бывшие под его властию земли, он немедленно оставил мир и последовал за сыном своим, преподобным Саввою[1], который незадолго пред этим принял иночество в одной из обителей Афонской Горы. Прибыв на святую гору, преподобный, при содействии сына своего, возобновил здесь запустевший монастырь с церковию, называемый Хиландарь, и стал подвизаться в нем. Научившись страху Божию и неуклонно исполняя правила иноческой жизни относительно молитвы и поста, святой Симеон достиг бесстрастия, смирил свой греховный разум и, при содействии благодати Божией, стал великим подвижником. В воздержании и посте он достиг такой высоты, что уподоблялся Ангелам. Поэтому еще при жизни его в обитель его стеклось из разных стран для прославления Бога множество иноков, и многим из них он был наставником и руководителем на пути ко спасению. Прожив там благочестиво свою жизнь, преподобный Симеон в глубокой старости с радостию и светлою надеждою на вечное блаженство отошел ко Господу, Которого так возлюбил при жизни своей[2].

По преставлении преподобного Господь удостоил его за великие его добродетели дара чудотворений. Тело его стало источать миро, и

---

[1] *Преподобный Савва* был сперва иноком Святой Афонской Горы и подвизался в обители святого великомученика Пантелеимона, называемой Русы, а потом Константинопольским патриархом Мануилом был поставлен в архиепископы Сербии; прославился святостью жизни и причислен Церковью к лику святых. Память его празднуется 12 января.

[2] Преподобный Симеон скончался в восемьдесят шесть лет, 13 февраля 1200 года.

чрез него силою Божиею начали совершаться многие чудеса. После этого сын святого, преподобный Савва, перенес тело своего отца в Сербию и с честию положил его в церкви во имя Пресвятой Богородицы, на реке Студенице, которую с такою любовию на свои средства построил сам святой Симеон. И до настоящего времени благочестивые христиане из раки, где покоятся мощи преподобного Симеона, берут миро, помазываются им при различных болезнях и получают исцеление.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ЕВЛОГИЯ, архиепископа Александрийского

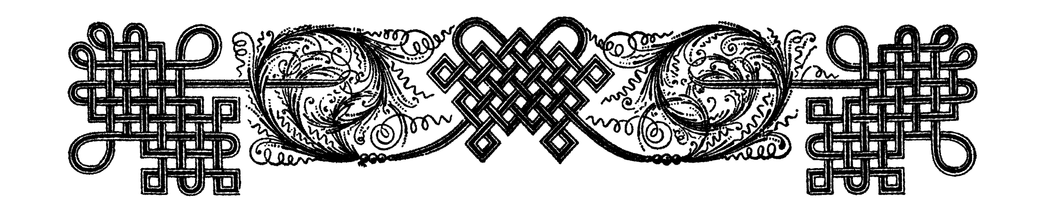
Святой Евлогий был сперва игуменом Богородичной Юстиниановой обители в Антиохии. Император Тиверий[1] избрал его на кафедру Александрийскую. Здесь святой Евлогий действовал против еретиков с неутомимой ревностью[2], рассылал свои сочинения, одно за другим, по египетским монастырям, которые были сильно заражены евтихианством. Ему приходилось бороться и с самарянами, выдававшими тогда какого-то Досифея за пророка, о котором говорил Моисей. Святитель собирал по этому делу собор. Святой Евлогий скончался в глубокой старости около 608 года, 18 февраля[3].



[1] *Император Тиверий II* царствовал с 578 по 582 год.

[2] В письмах святого Григория Двоеслова к святому Евлогию читаем драгоценные свидетельства о благоплодной деятельности Александрийского архипастыря. По словам святого Григория, учение святого Евлогия «значительно уменьшило число врагов Церкви и умножило стадо Господне».

[3] Сочинения его известны ныне почти только по выпискам патриарха Фотия. Почти все они писаны по случаю современных ему споров: 1) относительно соединения двух естеств во Христе Иисусе; 2) шесть книг против новатиан; 3) три книги против самарян, и другие. Из многих бесед святого Евлогия дошла до нас в целом виде только одна — на неделю Ваий.



День четырнадцатый

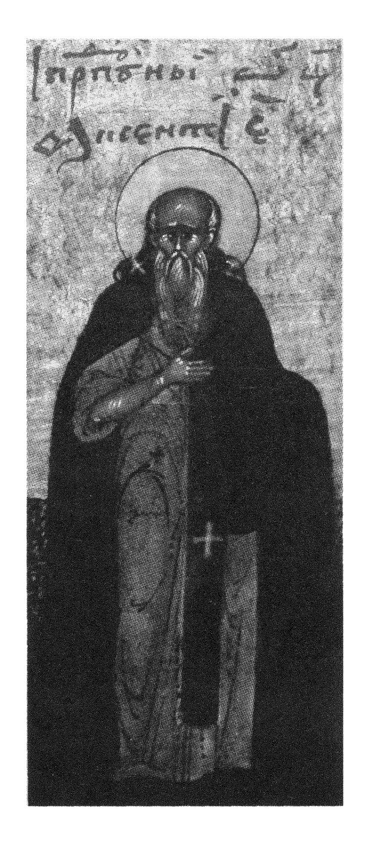
ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АВКСЕНТИЯ

В царствование Феодосия Младшего[1] в Царьграде при дворе царском занимал важную должность один благочестивый муж, сын Адды персянина, по имени Авксентий. Он был всеми почитаем как вельможа, хорошо знающий Божественное Писание, а также и светские науки, и как человек, известный своими добрыми делами. Сей Авксентий был знаком с преподобным Маркианом[2], который был потом икономом в великой Церкви, знал также и добродетельного монаха Иоанна, который жил при церкви святого Иоанна Предтечи в предместье Царьграда, которое известно было под именем «Евдома», вел дружеские сношения и с другими благочестивыми мужами. Желая подражать их житию, Авксентий оставил суету, славу и волнение этого мира и стал воином небесного Царя Христа, приняв иноческое пострижение. Сначала он служил Господу в диаконском чине, потом в пресвитерском, и такую сподобился получить власть над бесами, что мог прогонять злых духов из людей, за что и прославляли его все в Царьграде. Но не славы человеческой искал святой Авксентий: она тяжела была ему; стремясь к безмолвному житию, он оставил многолюдный город, отправился в Вифинию и пришел на одну пустынную гору, называемую «Оксия», которая находилась в десяти стадиях от Халкидона. Понравилось ему то место; он взошел на холм и, воздев свои святые руки, стал там прославлять Бога, говоря: ибо Ты, Господи, един

---

[1] *Феодосий Младший* царствовал с 418 по 450 год.

[2] Память преподобного Маркиана — 10 января.



даешь мне жить в безопасности (Пс. 4, 9). И вселился святой на той горе, которая потом по имени его была прозвана «Авксентиевой», под каким названием упоминается гора эта в житии преподобного Стефана[1], пострадавшего от иконоборцев, который впоследствии жил на этой горе.

Жительствуя на этой горе, преподобный Авксентий был найден здесь пастухами; они искали своих заблудившихся овец, которых и разыскали по молитвам преподобного. С того времени и разнеслась молва о святом, так что много людей стало приходить к нему: одни, чтобы получить телесное исцеление, ибо по молитвам святого выздоравливали от всяких болезней, другие же — для пользы душевной. Потом благочестивые люди из окрестных селений, собравшись, построили для преподобного келию на самой вершине горы. Заключившись в ней, святой через небольшое оконце беседовал с приходящими к нему, поучая добродетели и исцеляя недужных, ибо он был как бы целебный источник, исполненный Божией благодати, так что люди из разных городов приходили к нему, как к безмездному врачу. Однажды к Авксентию пришла из Никомидии жена некоего комита[2], потерявшая зрение, и стала молить его:

— Помилуй меня, раб Бога Вышнего!

На это преподобный отвечал ей, обращаясь ко всем там присутствовавшим:

— Я грешный человек; как и вы, я также подвержен страстям. Если же вы веруете, что Исцеливший слепого от рождения не

[1] Память его — 28 ноября.

[2] *Комитами* назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

презрит и этой женщины, то с усердием помолимся о ней все Господу.

Когда все молились, святой прикоснулся очей ее и сказал:

— Исцеляет тебя Иисус Христос, свет истинный.

Тотчас прозрела та женщина, и все стали прославлять Бога. В благодарность за свое исцеление она подала щедрую милостыню нищим, которые находились у подножия той горы и просили милостыню у приходящих к святому; и сам он заботился о них, раздавая им через своих учеников приносимый ему хлеб. Кроме дара подавать исцеление у преподобного был еще и другой дар — дар прозорливости. Так, к нему пришли однажды два человека: один православный, другой же последователь еретиков; православного святой принял с ласкою и долго беседовал с ним о душевной пользе, а с еретиком он и слова не сказал, провидя его неверие. Когда они отошли от святого, тогда тот еретик начал хулить преподобного и порицать его, называя лицемером. Не успели они еще дойти до своих домов, как на пути встречает еретика слуга, который сообщил ему, что в дочь его вселился бес, который сильно ее теперь мучит. Весть эта сильно опечалила еретика; он раскаялся в своих грехах, отвел дочь свою, одержимую нечистым духом, к преподобному Авксентию и стал смиренно молить святого, чтобы он исцелил его дочь, и она исцелилась от мучений беса, а ее отец — от своего зловерия.

В другой раз к Авксентию пришли два прокаженных, с просьбою исцелить их. Святой спросил их:

— Какие же ваши согрешения, что на вас ниспослано такое наказание Богом?

Они же, поклонившись святому, просили:

— Помилуй нас, раб Христов, и помолись о нашем исцелении.

На это святой отвечал им:

— Братия, вас постигла болезнь за то, что вы привыкли часто клясться и божиться, чем и воздвигли гнев Божий на себя.

Услышав эти слова святого, они сильно изумились тому, что святой знает их согрешения; пав пред преподобным на землю, они раскаялись в своем грехе. Авксентий сжалился над ними, помазал их священным елеем с головы до ног и сказал:

— Исцеляет вас Иисус Христос, а я сам — человек грешный.

Тотчас прокаженные исцелились от своего недуга.

Однажды привезли к святому на колеснице лежащего на одре расслабленного; родители этого человека, припав к преподобному, с плачем говорили ему:

— Нашего сына постигло расслабление по множеству грехов наших.

Тогда Авксентий спросил их:

— Веруете ли, что Бог может чрез меня грешного подать исцеление вашему сыну?

Они же отвечали:

— Воистину ты Ангел, ниспосланный на спасение наше, и мы верим, что Богу все возможно.

На это преподобный отвечал:

— По вере вашей буди вам.

И взяв священный елей, он помазал им все тело расслабленного; последний тотчас же поднялся совершенно здоровым; все, видевшие это чудо, прославляли Господа Бога. Рассказывать же о всех тех случаях, когда святой прогонял бесов, нет возможности: великое множество людей были избавлены по молитвам святого от нечистых духов, так что к преподобному постоянно приходило из разных, даже отдаленных стран большое число бесноватых, а иных силою приводили к святому, и все они получали избавление от нечистых духов по его святым молитвам. Такую великую силу и власть над бесами получил от Бога этот блаженный подвижник.

Святой Авксентий был также призван на IV Вселенский святых отцов собор, который был в Халкидоне[1]; здесь он много подъял трудов, противоборствуя Евтихиевой ереси и Несториеву зловерию, почему и потерпел много притеснений от еретиков. Но его сильно почитал благочестивый царь Маркиан и все святые отцы весьма любили его; и действительно, он был знаменитым членом собора, отличаясь своею мудростию и чудесами, своею правою верою; невозможно было переспорить его, так как он хорошо знал все Священное Писание. Одним словом, к нему применимо написанное: *муж, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом* (Лк. 24, 19). Утвердив на сем соборе вместе с прочими святыми отцами истинную православную веру, святой Авксентий снова возвратился на свою пустынную гору в свою уединенную келию. По дороге в Халкидон, как туда, так и обратно, он совершил много преславных

[1] IV Вселенский собор происходил в 451 году.

чудес, изгоняя бесов из людей, исцеляя всякую болезнь и недуг. Даже находясь в своей келии, он оказывал вселенной большую пользу, подавая пример добродетельного жития, а также своими духовными поучениями, которыми наслаждались все приходящие к нему из разных стран, равно как удивлялись и творимым им чудесам. Своими прозорливыми очами святой Авксентий и далекое видел с такою ясностию, как бы оно находилось пред ним, — мог видеть и бестелесных блаженных духов и души праведников. Так, однажды, заключившись на ночь в своей келии, он стал возносить свои обычные молитвы Богу, а ученики и пришедшие к святому находились вне его келии и еще не успели отойти ко сну; вдруг преподобный неожиданно, против обыкновения своего, отворил свое оконце и произнес громким голосом:

— Благословен Господь Бог! Благословен Господь Бог! Благословен Господь Бог!

С этими словами он тяжко вздохнул и склонил свою голову к земле. Когда все стояли и не смели вопросить его, он сказал:

— Чада! Светило на востоке, отец наш Симеон, отошел ко Господу[1].

Промолвив это, он сильно заплакал; потом, спустя некоторое время, он опять сказал:

— Святой отец наш, столп и утверждение истины, — Симеон Столпник опочил; его непорочная и чистая душа, проходя мимо, не возгнушалась приветствовать меня грешного и скверного.

Слыша сии слова, все изумились и дивились силе его прозорливости и запомнили час, когда святой сообщил им это известие; потом весть о кончине святого Симеона Столпника пришла и к благочестивому царю Льву, который вступил на престол после Маркиана, и слух этот распространился повсюду. Тогда и ученики Авксентия, узнав о смерти преподобного, могли еще раз убедиться в истинности слов своего святого наставника: время смерти его действительно совпало со временем предсказания святого.

Вскоре после преставления блаженного Симеона Столпника приблизилась и блаженная кончина святого Авксентия, который уже достиг преклонной старости; тогда с миром отошел ко Господу и этот угодник Божий, который вел благочестивую и богоугодную жизнь, своим благословением устроил по разным местам много мо-

[1] Святой Симеон Столпник скончался в 459 году; память его — 1 сентября.

настырей, был начальником духовным всей Вифинийской области и многих наставил на путь спасения[1].

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО **ИСААКИЯ**, затворника Печерского

Человеку невозможно избежать искушений; если искуситель дерзнул приступить в пустыне к Самому Господу (см.: Мф. 4, 3), то тем более дерзает он искушать раба Господня; но подобно тому, как золото, очищенное огнем, светится перед людьми как солнце, так и человек, искушенный напастями врага, преданного вечному огню, просветится пред Богом своими добрыми делами, как яркое дневное светило. Эта истина ясно сказалась на преподобном отце нашем Исаакии, затворнике Печерском. Сей преподобный отец в миру был богатым купцом Торопецким[2]; задумав стать иноком, он роздал все свое имение нуждающимся и монастырям, пришел в пещеру к преподобному Антонию[3] и просил принять его в число иноков. Преподобный Антоний, предвидя, что этот муж будет подобно Ангелам подвизаться в добродетелях и сам уподобится Ангелам, исполнил его желание. Сделавшись иноком, преподобный Исаакий возлюбил суровую жизнь: он не только надел на себя власяницу, но велел еще купить себе козла и снять с него кожу; из этой кожи, еще сырой и мокрой, он сделал себе одеяние и носил его сверх власяницы, так что кожа та высыхала на его теле. Тогда же Исаакий затворился в одной тесной пещере, которая была размером всего около четырех локтей[4], и там молился Богу со слезами; пищей ему служила одна лишь просфора, но и ту он вкушал через день; жажду он утолял водой, и то лишь в не-

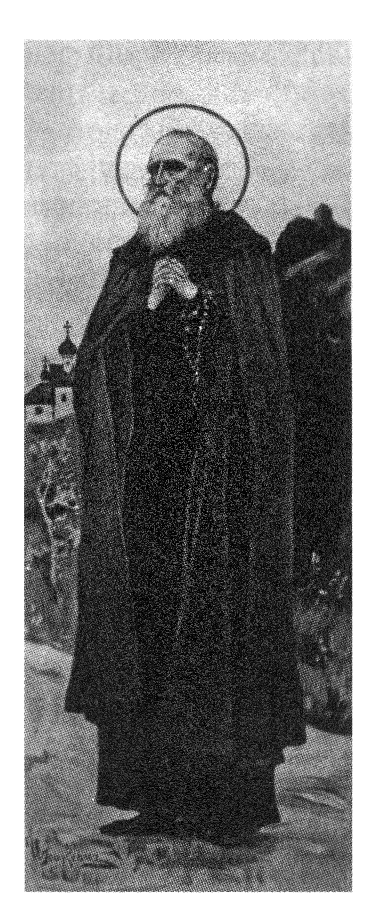
---

[1] Святой Авксентий скончался в царствование Льва Великого, около 470 года.

[2] *Торопец* — уездный город Псковской губернии.

[3] Преподобный *Антоний Печерский*, первоначальник монахов в России и основатель Киево-Печерской Лавры. Преподобный Антоний подвизался сорок шесть лет в пещере; преставился в девяносто лет, в 1073 году, 7 мая. Мощи преподобного Антония почивают под спудом в той самой пещере, где подвизался он. Память преподобного Антония — 10 июля.

[4] *Локоть* или *лакоть* — мера длины, равная 10,5 вершкам.



большом количестве. И пищу и питье приносил ему преподобный Антоний и подавал чрез столь узкое оконце, что в нем могла поместиться одна только рука; кроме того, преподобный Исаакий никогда не ложился на одр, но, сидя, подкреплял себя кратковременным сном. Так, среди великих подвигов, он пробыл семь лет, не выходя из своей тесной келии.

Однажды, при наступлении вечера, он по своему обычаю начал творить коленопреклонения, воспевая псалмы до полуночи; когда же он утомился, то, погасив свечу, сел на месте своем. Внезапно пещеру озарил великий свет, яркий как солнечный, и к преподобному подошли два беса, в образе прекрасных юношей; лица их светились как солнце; они сказали святому:

— Исаакий! Мы — Ангелы, а вот грядет к тебе Христос с небесными силами.

Поднявшись, Исаакий увидел множество бесов; лица их светились как солнце; один же среди них сиял более всех, и от лица его исходили лучи; тогда бесы сказали Исаакию:

— Исаакий! Вот — Христос; пади пред Ним и поклонись Ему.

Не поняв бесовской хитрости и забыв ознаменовать себя крестным знамением, преподобный поклонился тому бесу, как бы Христу.

Тотчас же бесы подняли великий крик, возглашая:

— Исаакий — ты наш теперь!

Посадив его, они и сами сели вокруг него; вся келия и пещерная улица около той келии наполнились бесами. Тогда один из бесов, мнимый Христос, сказал:

— Возьмите сопели, гусли и тимпаны и играйте на них, а Исаакий пусть пляшет перед нами.

Тотчас бесы стали ударять в сопели, тимпаны и гусли; схватив Исаакия, они стали скакать с ним и плясать в течение долгого времени; утомив преподобного и оставив его едва живым и таким образом надругавшись над ним, бесы исчезли.

На следующий день, при наступлении времени, когда обыкновенно Исаакий вкушал свою пищу, преподобный Антоний подошел по своему обычаю к оконцу и сказал:

— Благослови, отец Исаакий.

На это не было никакого ответа; изумившись, Антоний подумал, уж не преставился ли святой Исаакий? Тогда послал он в монастырь за преподобным Феодосием и за прочей братией. Придя, братия откопали пещеру и вынесли Исаакия, думая, что он умер, и положили перед пещерою; но тут заметили они, что Исаакий еще жив. Тогда игумен, преподобный Феодосий[1], сказал:

— Поистине, происшедшее с ним — дело бесовское.

Затем Исаакия положили на одре, и сам святой Антоний ухаживал за ним. В то время случайно князь Киевский Изяслав возвращался в Киев из Польши; князь Изяслав начал гневаться на преподобного Антония из-за Всеслава, князя Полоцкого, который при жизни преподобного занимал некоторое время киевский престол. Тогда князь Черниговский Святослав прислал ночью из Чернигова за святым Антонием; последний, придя к Чернигову, полюбил место, называемое горой Болдынской; выкопав пещеру, преподобный поселился там, где и ныне стоит монастырь[2]. Узнав, что святой Антоний ушел к Чернигову, преподобный игумен Феодосий, взяв Исаакия, перенес его в свою келию и ухаживал за ним, — а был Исаакий расслаблен умом и телом, так что не мог ни сидеть, ни стоять, ни даже перевернуться на другую сторону, но лежал только на одном боку, так что часто под ним заводились черви. Сам преподобный Феодосий собственными руками омывал и оправлял его и служил ему таким образом целых два года, пока Исаакий лежал. Удивительно то, что в течение двух лет Исаакий не вкушал ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой другой пищи, но

---

[1] Преподобный *Феодосий, игумен Киево-Печерский,* на двадцать четвертом году вступил в монашество в Киево-Печерском монастыре, где впоследствии, по избранию братии и благословению преподобного Антония, был поставлен игуменом. Он первый ввел в своем монастыре устав общежития Константинопольского Студийского монастыря; преставился 3 мая 1074 года.

[2] Ильинский-Троицкий-Болдинский мужской монастырь Черниговской губернии и уезда, в двух верстах к юго-западу от Чернигова. Основан в 1069 году, в 1239 году был разрушен Батыем, в 1694 году восстановлен, в 1790 году обращен в архиерейский дом. Здесь находилась чудотворная Ильинская икона Божией Матери. В монастыре погребались архиепископы Черниговские. В XVII и начале XVIII столетия при монастыре существовала типография.

все-таки оставался живым, лежа на одре своем немым и глухим. Преподобный Феодосий творил молитву над ним, день и ночь, до тех пор, пока на третий год Исаакий не стал говорить; тогда он стал просить поставить себя на ноги и начал ходить как бы ребенок; но не стремился он идти в церковь, так что его силою туда приводили, а потом он и сам стал приходить в церковь. Начал он затем посещать и трапезу, где его сажали отдельно от братий; пред ним клали хлеб, но он не хотел прикасаться к нему; братия стали было вкладывать ему хлеб в руки, но преподобный Феодосий сказал:

— Положите перед ним хлеб, но не влагайте его в руки ему, чтобы сам он ел.

Так, целую неделю он не давал братии вкладывать хлеб в руки Исаакию; последний, смотря на других, стал сам вкушать хлеб и таким образом научился есть. Так, преподобный Феодосий избавил его от козней и прельщения диавольского.

Когда преставился преподобный Феодосий и блаженный Стефан стал игуменом вместо него, Исаакий снова стал вести суровую жизнь, сказав искусителю:

— Ты прельстил меня, диавол, когда я находился в уединении в пещере, но теперь уже я не затворюсь, но постараюсь, при Божией помощи, победить тебя, трудясь в монастыре.

Тогда Исаакий снова облекся во власяницу, поверх власяницы он надел толстую свиту[1] и начал помогать поварам, работал на братию, входил в церковь на утреню прежде всех и неподвижно стоял на своем месте в церкви. Когда же наступила зима, он стоял в церкви, невзирая на сильный мороз, в сильно разорванной обуви, так что ноги его часто примерзали к камню, но он не переступал ногами до тех пор, пока не оканчивалась служба. После утрени он прежде всех шел на поварню, приготовлял огонь, дрова и воду; только тогда приходили и прочие иноки, на коих было возложено это послушание. Однажды один из этих иноков, по имени также Исаакий, сказал, подсмеиваясь, блаженному:

— Исаакий! Вот сидит ворон, иди и поймай его.

Поклонившись до земли, смиренный инок подошел и взял ворона и принес его в поварню к инокам. Удивились все такому делу и рассказали о том игумену и братии; и начали братия с тех пор ува-

[1] *Свита* или *свитка* — верхняя простая грубая одежда.

жать его. Но не желая славы от людей, блаженный принял на себя юродство и стал оскорблять то игумена, то братию, то мирян, так что многие даже били его. Сделавшись юродивым, он снова вселился туда, где был прежде, — в пещеру преподобного Антония, который уже преставился. Собрав к себе детей, он возлагал на них черническое одеяние. За это он принимал наказание от бывшего тогда игумена блаженного Никона, а иногда принимал побои от родителей тех детей; но он претерпевал все то с радостию, перенося и побои, и наготу, и холод.

Однажды ночью блаженный Исаакий затопил печь в пещере; печь была худая, и когда огонь разгорелся, то пламень начал подниматься кверху чрез трещины; не имея чем прикрыть эти скважины, Исаакий стал босыми ногами на пламень и стоял до тех пор, пока не прогорела печь; тогда он сошел, не испытав никакого повреждения. Много и другого удивительного творил Исаакий. Он получил, наконец, над бесами такую власть, что не страшился их и не боялся их угроз и наваждений; а бесы часто причиняли ему досаждение и говорили:

— Ты наш, Исаакий, потому что поклонялся нашему князю.

Он же отвечал им:

— Князь ваш бесовский — веельзевул; я же боюсь его, как идола мух (так толкуется имя его)[1]; не страшусь я и вас рабов его; если вы раньше и прельстили меня, потому что я не знал ваших козней и лукавства вашего, то ныне силою Господа моего Иисуса Христа и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия я одержу победу над вами.

При этом он ознаменовывал себя крестным знамением и так отгонял их. Иногда бесы старались тем навести ужас на блаженного, что приходили к нему ночью, многочисленной толпой, с мотыгами[2] и заступами, и говорили:

— Раскопаем мы пещеру твою и погребем тебя под развалинами.

Другие же из них говорили ему:

— Выйди, Исаакий: тебя хотят засыпать в пещере.

---

[1] *Веельзевул* — идол Аккаронский в Палестине, начальник над житницами и съестными припасами, который отгонял мух и других гадов. В Еванг. (Мф. 12, 24 и Лк. 11, 15) называется он *князем бесовским*.

[2] *Мотыга* — кирка, заступ, железная лопатка.

На это блаженный отвечал им:

— Если бы вы были людьми, то ходили бы днем; но вы сыны тьмы, поэтому и ходите во тьме.

При этом он осенял себя крестным знамением, как и при всех наваждениях, и бесы тотчас же исчезали. Иногда, желая устрашить его, они являлись в образе медведей или львов и других лютых зверей, то приползали к нему в виде змей, жаб, мышей и других гадов, но ничего не успев сделать, сказали наконец:

— Исаакий, ты победил нас!

Он же отвечал:

— И вы некогда победили меня, явившись в образе Иисуса Христа и Ангелов, не будучи достойны такого образа; теперь являетесь вы в подлинном своем виде, в образе зверей и скотов, змеев и гадов, так как таковы вы и сами.

И с тех пор бесы не могли причинить святому никакой напасти; он вел с ними борьбу три года с тех пор, как сам вселился вторично в пещеру, по его собственному свидетельству о том. После этого он начал вести еще более суровую жизнь, являл еще большее воздержание, усиленнее стал он поститься и подвизаться. Среди таких подвигов наступило время его кончины; он сильно занемог в своей пещере. Братия перенесли болящего в монастырь; здесь он болел до восьми дней и в добром исповедании отошел ко Господу[1]. Игумен Иоанн и вся братия, опрятав тело преподобного, погребли его честно в пещере, где находились и другие святые отцы. Так этот добрый воин Христов, побежденный сначала врагом, после сам победил диавола и сподобился получить небесное Царствие. Святыми молитвами его да сподобимся и мы, победив врагов души нашей, царствовать с победителем ада, Иисусом, Царем славы, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и в бесконечные веки, аминь.



[1] Преподобный Исаакий преставился в XII веке. Мощи его открыто почивают в пещерах преподобного Антония, а часть их перенесена из Киева в Торопец игуменом Кудина монастыря в 1711 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
МАРОНА

Преподобный Марон избрал себе подвиги беспокровного жития. С этою целию он взошел на вершину одной горы, которая чтилась когда-то некоторыми из язычников, нашел там оставленный уже языческий храм и, посвятив его Богу, стал жить в нем[1]. Впоследствии он соорудил для себя небольшой шалаш, но мало пользовался им. По природе болезненный сам, он уступал его другим больным, которые во множестве приходили к нему. И подвигоположник Бог благодатью Своей подкреплял святого подвижника и по молитвам его исцелял приходивших к нему для исцеления. Вскоре преподобный стал известен тем, что одною только молитвою исцелял горячку, лихорадку и многие другие болезни, а также изгонял бесов. В течение своей жизни он основал множество обителей и подвигами поста многих иноков сделал угодными Богу. Таким образом, усердно подвизаясь в добродетели, святой Марон врачевал в то же время и тела, и души людей. Перенесши множество различных недугов, преподобный после кратковременной болезни оставил эту жизнь и с миром отошел ко Господу[2].



В тот же день память **святого равноапостольного Кирилла**, учителя Словенского[3].

---

[1] Гора эта находилась недалеко от города Кирра в Сирии, на два дня пути от Антиохии в Евфратской епархии.

[2] Скончался в IV веке. — Ученики Марона были: Иаков Отшельник — 26 ноября, Лимний — 22 февраля, Домнина — 1 марта.

[3] Скончался 14 февраля 869 года. (Житие его – 11 мая, когда он вторично воспоминается вместе с братом своим Мефодием.)

АМЯТЬ СВЯТОГО
АВРААМА,
епископа Каррийского

Преподобный Авраам жил в царствование императора Феодосия Великого[1]. Местом его рождения и воспитания был остров Кипр[2]. Пришедши в совершенный возраст, он роздал на монашеские обители свое имущество, принял в одной из них монашество и предался иноческим подвигам. Бодрствованием, молитвенным стоянием и постом он до того изнурял свое тело, что на долгое время терял способность двигаться, и совершенно не в состоянии был ходить. Узнав, что на Ливанских горах[3] есть одно удобное для уединенных подвигов место, преподобный Авраам оставил обитель и пришел туда. Он соорудил небольшую келию и стал проводить время в подвигах отшельнической жизни. В строгом молчании он три дня проводил в келии и только на четвертый день так же безмолвно выходил из нее. Много страданий претерпел на этом месте преподобный. Язычники, узнав о нем, сперва засыпали его песком, а потом стали причинять ему и другие насилия, с целию заставить его уйти подальше из этого места. Кроме того, и бедные земледельцы из ближнего селения сильно досаждали ему тем, что часто приходили к нему и просили подаяния. Но преподобный терпеливо переносил все, и чтобы избавить себя от мучительных издевательств, отдавал просившим подаяние все то, чем снабжали его некоторые благочестивые посетители. Такое человеколюбие преподобного до того поразило жителей селения, что они построили церковь, и так как были христианами, то стали настойчиво просить его принять иерейский сан и быть их пастырем. Святой Авраам исполнил их желание и, утвердив свою паству в благочестивой жизни, оставил ей вместо себя другого иерея, а сам снова поступил в

[1] *Феодосий I Великий* царствовал с 379 по 395 год. Он управлял восточной частью Римской империи.

[2] *Остров Кипр* находится в восточной части Средиземного моря; это — гористый, в древности весьма плодородный остров. Во время благовестнических путешествий апостола Павла остров Кипр первый удостоился слышать его и Варнаву (Деян. 13, 4–12). С XVI века остров находится во власти турок.

[3] *Ливанская горная цепь* тянется по берегу Средиземного моря от северных границ Палестины на север.

монастырь. Вскоре он прославился великими подвигами и, как муж высокого благочестия, был поставлен епископом города Карра[1]. Примером своих строгих подвигов и боговдохновенными наставлениями он в короткое время привел свою паству к богоугодной жизни. Во все время своего пребывания в священном сане святой Авраам никогда не вкушал ни хлеба, ни приготовленного на огне кушания, ни вареных или квашенных в воде овощей; его пищею были только сырые овощи, дикие ягоды и прочее, сему подобное. Когда слух о преподобном Аврааме дошел до императора Феодосия Младшего[2], то последний пригласил его к себе. Преподобный отправился в Константинополь и, прожив в нем недолгое время, предал душу свою Господу. Тело его, по повелению благочестивого императора, торжественно было перенесено из Константинополя в город Карр и там предано погребению.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ **МИХАИЛА ВСЕВОЛОДОВИЧА** Черниговского, и боярина его **ФЕОДОРА**

Эти мученики пострадали от Батыя в 1244 году 20 сентября. Мощи их были принесены из Чернигова в Москву 14 февраля 1578 года и положены в Кремле в храме, созданном во имя их, близ Тайницких ворот; 25 августа 1770 года перенесены в Сретенский собор, что во дворце на «сенях»; 21 ноября 1774 года положены в Архангельском соборе, где и доныне почивают[3].

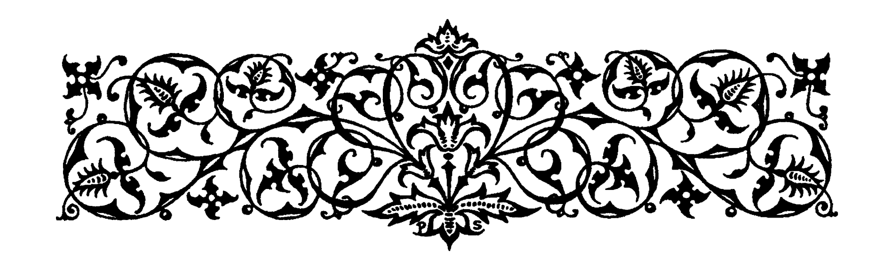


---

[1] *Город Карр* находился в Месопотамии в верховьях реки Евфрата, на берегу одного из его притоков (Ховаре), несколько южнее города Едесы.

[2] *Император Феодосий II Младший* царствовал с 418 по 450 год.

[3] Память святых Михаила и Феодора празднуется 20 сентября; этого же числа помещено и повествование о страдании их.



День пятнадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ОНИСИМА, одного из лика семидесяти

Во времена апостольские в фригийском городе Колоссах[1] жил христианин знатного рода по имени Филимон; впоследствии он удостоился епископского сана и был включен в число святых семидесяти апостолов. У Филимона, еще до его апостольства, был раб, по имени Онисим. Провинившись пред своим господином и боясь наказания, Онисим бежал от него и прибыл в Рим[2], где и нашел в узах святого апостола Павла; услышав от него святую проповедь и научившись вере в Господа нашего Иисуса Христа, он был крещен апостолом и усердно служил ему вместе со святым Тихиком. Святой апостол Павел, отправляя святого Тихика со своим посланием к колоссянам, дал ему в спутники святого Онисима, как сам он пишет в конце послания: *О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе, которого я для того послал к вам, чтобы он узнал о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши, с Онисимом,*

---

[1] *Колоссы* — город в юго-западной части Фригии, области Малой Азии, при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В десятый год царствования Нерона (64 г. по Р. Х.) Колоссы были разрушены землетрясением; после снова были выстроены, но уже никогда не достигали прежней славы. Впоследствии город назывался *Хоны.* Ныне это небольшая деревенька на одном из склонов горы Хонас, при которой сохранились еще развалины древнего города. Одно из посланий святого апостола Павла написано к жителям этого города.

[2] Главный город Римского государства; лежит в средней части Италии по обеим сторонам реки Тибра при впадении ее в море.

верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем (Кол. 4, 7–9).

К колоссянам апостол написал через Тихика, а через Онисима он прислал особенное послание к Филимону, господину его; в этом послании апостол просил Филимона, чтобы он простил Онисиму его прегрешение, и чтобы принял его не как раба, но как самого его, апостола Павла. В своем послании апостол Павел называет Онисима своим чадом: *Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце* (Флм. 10–12). С радостию Филимон поступил так, как советовал апостол: он не только с любовию принял Онисима, но и дал ему свободу и снова отослал в Рим к святому апостолу Павлу с тем, чтобы Онисим служил там апостолу, ибо того желал святой Павел: *Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно* (Флм. 13–14).

Итак, святой апостол Онисим был в Риме, служа апостолам до самой кончины их; он был поставлен ими епископом для благовествования слова. После кончины святых апостолов он, выйдя из Рима, обошел много городов и стран, проповедуя Христа в Испании[1], в Карпетании[2], в Колоссах, в Патрах[3], затем занял престол в Ефесе[4] после святого Тимофея и святого Иоанна Богослова. Об

---

[1] *Испания* в древности обнимала нынешнюю Испанию и Португалию вместе. На севере она отделяется от Франции Пиринейскими горами; к востоку граничит с Средиземным морем; к югу — с Средиземным морем и Гибралтарским проливом; к западу — с Атлантическим океаном.

[2] *Карпетания* получила свое название от населявшего ее иберийского народа, жившего в тарраконской Испании, на реках Анасе и Тагусе, с главным городом Толетом (ныне Толедо).

[3] *Патры* — древний город на северном берегу Пелопоннеса; был одним из двенадцать самостоятельных городов Ахейской области; императором Августом обращен в римскую колонию; в 1205–1408 годах был главным городом франкского герцогства Ахейского; в 1463 году достался в руки туркам; в настоящее время город в королевстве греческом близ входа в Лепантский (Коринфский) залив.

[4] *Ефес*, при Эгейском море, — важный торговый город Малой Азии. Приморское положение, хороший климат, прекрасная гавань, знаменитый храм Дианы — делали его одним из самых богатых и знаменитых городов малоазийских.



епископствовании в Ефесе явно свидетельствует, в своем послании к ефесянам из Смирны, святой Игнатий Богоносец; когда его вели из Антиохии в Рим на съедение зверям, его встретил святой Онисим на пути в Смирне с некоторыми жителями Ефеса. Святой Игнатий пишет об этом к ефесянам так:

— Я, во Имя Божие, принял многочисленное общество ваше в (лице) Онисима, мужа несказанной любви, вашего во плоти епископа. Любите его, умоляю вас Иисусом Христом, и все будьте подобны ему; ибо благословен Тот, Который даровал вам быть достойными иметь такого епископа.

В своем же послании к антиохийцам он снова пишет:

— Вас целует Онисим, пастырь Ефесский.

Отсюда становится известным, что святой Онисим, обошедши много стран и городов, прибыл в Ефес, будучи уже старцем; там пас он некоторое время Церковь Божию, потом был схвачен неверующими и приведен из того города в Рим, что происходило в царствование Траяна[1]; в Риме же он был отдан на пытку епарху Тертиллу. Епарх спросил святого:

— Кто ты?

Онисим отвечал:

— Я христианин.

Тогда епарх опять спросил:

— К какому сословию принадлежишь ты?

Евангелие здесь проповедовали святой апостол Павел, а после него святой Иоанн Богослов. Одно из посланий святого апостола Павла написано к жителям этого города.

[1] С 98 по 117 год.

На это святой сказал:

— Некогда я был рабом одного мужа, а ныне я верный раб благого Владыки Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Епарх продолжал допрашивать Онисима:

— Почему же ты перешел к другому господину?

Онисим отвечал:

— Потому что я познал истину и возненавидел идолопоклонство.

Тогда епарх спросил:

— Какою ценою ты был продан новому господину?

Онисим отвечал:

— Божий Сын Иисус Христос искупил меня от погибели честною Своею кровию, переселил в нетление, как писано о том в наших писаниях: *не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца* (1 Пет. 1, 18–19).

Епарх спросил:

— Скажи нам, какую жизнь называют ваши писания суетною?

— Суетная жизнь есть беззаконное прелюбодеяние, которое за малую сладость плотскую готовит вечный огонь страстным грехолюбцам; она же заключается и в сребролюбии, ради которого обижают ближнего, в чародеянии, когда жительствуют с бесами, — последнее зло есть корень всякого навета и ловительства; она есть гордость, когда своим высокоумием возносятся над другими, — зависть, научившая братоубийству Каина и многих других, — злословие и необузданный язык, который распространяет на всех издевательство, словно облако; она есть лицемерие и ложь, противница истины, пособница диавола, чрез которую и Еву прельстил всезлобный враг; она есть гнев, побуждающий на проклятие и возбуждающий брани и убийства отцов, — пьянство, которое сопровождается невоздержанием и порождает сладострастие, побуждая на сквернословие; нет в ней доброго помысла, одно безобразие. Все эти пороки и есть жизнь суетная. Источником такого жития и материю всего является служение идолам, которое вы совершаете; оно есть основание блудодеяния, учитель неведения Бога, ослепление ума, возбудитель сладострастных страстей; в нем нет чести, оно воюет против Господа всяческих, старается разорить истинное Богопочитание; это служе-

ние — вождь смерти, служитель змея, пища злых, противник добродетели, оно бегает нетления; оно является проповедником пагубного вашего закона, горячим сторонником тьмы и мрака, другом кровопролития, князем ненависти; оно улавливает простых неведающих Бога, чуждо светлой благодати, связывает своих служителей узами бесчестных дел, научает тщеславию; оно исполняет бесчестием седых старцев, внушая им плясать под звук жреческой трубы; оно погубляет девическое целомудрие; оно растворяет свои праздники мечом и железом, пролитием крови животных и их сквернами; оно указывает на скверны своего бесстыдства; оно заставляет мужей обнажать свои тела среди города и нагими показывает их женам; оно сопровождает таинства свои убийствами и прелюбодеяниями; оно обуревает различными образами идолобесия умы человеческие, словно ладьи: то повелевает жрецам своим вкушать от ядовитых змиев, то, увещевая их съедать чужих богов, внушает им то закалывать вола, то приносить жертву волу, приносить в жертву овце овцу, одно и то же почитать за бога и скота[1], то человека убивает в жертву человеку, сделанному из камня и дерева, так что вместо благодеяния оно творит убийство, принося в жертву бездушным одушевленных. Но к чему мне много говорить? Ваше зловерие даже чесноку воздает божественную честь, чтобы в великом ослеплении и неведении низвести людей в ад. Рассмотрев такое суетное, нечестивое и скверное житие, которого вы придерживаетесь в своем идолопоклонническом служении, — житие, изобличенное Священным Писанием, я бежал от него, как от волнующегося моря, и прибыль в доброе пристанище — в праведное и преподобное житие, заключающееся в святой вере в Бога Единого и истинного, в вере и любви к ближнему. И тебя я увещеваю, Тертилл, исполни закон любви, повелевающий любить ближнего как самого себя; тогда и ты, познавши, как и я, истину, оставишь суету временную и все, что в мире сем проходит словно как сон или тень; тогда ты приступишь к Создателю всех Богу и спасешься, придя в истинный разум; не радуется Бог смерти прогневляющих Его, но веселится о их обращении и покаянии и прощает их прежние грехи.

---

[1] Святой Онисим указывает здесь на одно из вопиющих противоречий, существовавших в языческой религии, взятой вместе без различия места и времени: в одной местности почитали животное за бога, а в другой не выделяли его из ряда четвероногих и приносили в жертву какому-либо божеству.

Тогда Тертилл епарх отвечал:

— Так ты не только сам не хочешь поклониться богам, не убоявшись мук, даже и нас хочешь привести в свое заблуждение.

— Твои муки не могут устрашить меня, — отвечал святой Онисим, — как бы сильны они ни были, ибо я, утешаемый ожиданием будущих благ и укрепляемый силою Христа моего, с легкостию перенесу страдания, коим ты подвергнешь меня.

Тогда епарх повелел заключить Онисима в темницу; святой пробыл здесь восемнадцать дней, причем темница для него была не страшным местом заключения, а светлым, полным духовной радости, раем, где он находился, веселясь о Господе своем. Верные приходили к нему, прославляли страдания святого и своими словами укрепляли его на подвиг. Святой проповедовал Слово Божие неверным, приходившим сюда вместе с христианами, и обращал их к истинной вере Христовой. После этого епарх, желая показать себя милосердным пред народом, не осудил святого на смерть, но послал его на заточение в Путиолы[1]. Святой апостол и там ревностно проповедовал учение Христово и наставлял многих на истинный путь. Тертилл, узнав об этом, снова взял его и приказал в оковах привести его к себе на суд. Он допросил его и узнал, что святой, как и прежде, непоколебимо исповедует веру Христову. Тогда епарх приказал положить святого и немилосердно бить четырьмя палицами. Мучители долго и немилосердно наносили удары святому страдальцу, сокрушили ему голени и прочие кости, наконец усекли его главу мечом. Так скончался[2] святой Онисим. Некая жена из царского рода взяла святое тело его, положила его в серебряной раке и совершала память мученика. Этим она снискала себе память у Господа в Царствии небесном по молитвам святого апостола Онисима, чего и нас да сподобит Господь Иисус Христос, Которому слава вовеки. Аминь.



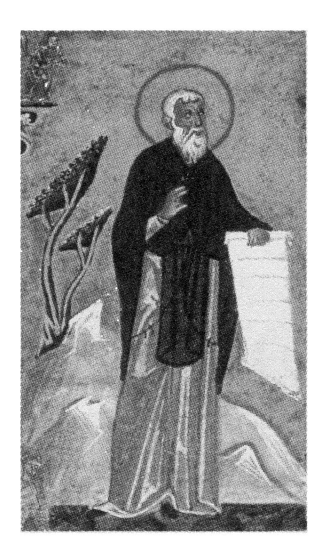
---

[1] *Путиолы* — приморский город Кампании, области средней Италии.

[2] Около 109 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЕВСЕВИЯ ПУСТЫННИКА

О месте рождения и родителях этого преподобного не сохранилось никаких сведений. Известно только, что первоначально он поступил в один монастырь, а потом оставил его, взошел на вершину горы, близ которой было расположено селение, по имени Асиха[1], и, сложив там из сухих камней себе ограду, стал изнурять тело свое. Во всю свою жизнь он ничего другого не носил на теле, кроме кожаной одежды, а питался только квашенным горохом и бобами. Пренебрегая телесною немощию, преподобный поступал так до самой глубокой старости, когда уже все зубы его выпали, так что нельзя уже было разжевывать ими пищу, и, мужественно перенося всякую непогоду, никогда не жил в доме. Лицо у него было сморщено, и все члены тела до того истощены, что пояс не мог держаться на нем: так исхудали его ноги и поясница. Так как к преподобному стало приходить много народа, то он, боясь славы, ушел в ближний монастырь и, устроив у стены его небольшую ограду, продолжал свои обычные подвиги. Пост преподобного доходил до такой степени, что в течение семи недель великого поста он употреблял в пищу только пятнадцать смокв. Проводя такую строгую постническую жизнь, преподобный Евсевий прожил более девяноста лет и после тяжкой болезни отошел ко Господу[2].

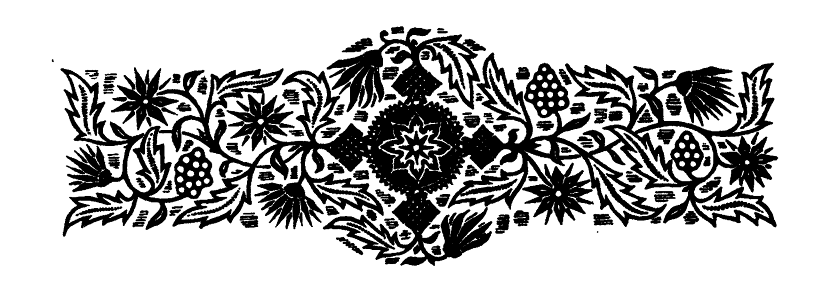


В тот же день память **преподобного Пафнутия и дочери его Евфросинии**. Житие их 25 сентября.

---

[1] В Сирии.

[2] Преподобный Евсевий скончался около 400 года.



День шестнадцатый[1]

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ ДВЕНАДЦАТИ МУЧЕНИКОВ: ПАМФИЛА ПРЕСВИТЕРА и прочих с ним

Эти двенадцать святых мучеников, удостоенные дара пророческого и апостольского и равные по числу своему двенадцати апостолам, пострадали за Христа в Кесарии Палестинской[2], в царствование Диоклетиана. Из них старшим по своему сану и первым по времени страданий был святой Памфил, пресвитер Кесарии. Он был родом из Берита[3] и с юности еще был научен языческому любомудрию; при этом Памфил был преисполнен и духовной премудрости[4] и сиял своим добродетельным житием. После он стал славен и мужественным исповеданием Имени Христова. Вторым из мучеников был Валент, диакон Елийской церкви, — муж уже преклонного возраста. Он был также человеком сведущим и особенно отличался прекрасным знанием Священного Писания. Третий — Павел, объятый верою во Христа, горел своею ревностию по благочестию. Он происходил из

---

[1] В обычный год — 1 марта по н. ст., в високосный год — 29 февраля по н. ст.

[2] *Кесария* — большой город в Палестине, при Средиземном море.

[3] *Берит* — нынешний Бейрут, главный город азиатско-турецкого вилайета Сирии, важнейший торговый пункт сирийского прибережья между Саидом и Тарабулом (Триполисом).

[4] Одним из главных занятий святого Памфила было сличение и исправление рукописей Священного Писания, текст которого был в то время значительно поврежден переписчиками. Его заботами и трудами была собрана в Кесарии обширная библиотека. Блаженный Иероним очень уважал мученика Памфила и, нашедши некоторые рукописи его, считал себя богаче Креза.



Мчч. Памфил и Феодор Ти́рон

города Иамнии[1] и еще раньше претерпел за Христа огненное жжение. Сии три страстотерпца после различных мук за имя Христово, которым их подверг префект Урбан, были ввержены в темницу. Здесь они томились целых два года, когда после Урбана префектом стал Фирмилиан. В правление этого игемона в Египте было осуждено на изгнание сто тридцать исповедников Христовых: они были отправлены в Киликию[2] для копания золотой руды. В это время некоторые юноши, братья не только по плоти, но и по духу, проводив тех мучеников от Египта до Киликии, снова возвращались оттуда в отечество свое Египет и подходили уже к Кесарии, так как мимо него пролегал их путь; числом их было пять. Когда они входили в городские ворота, стражи спросили их, кто они и откуда? Мученики, не скрывая истины, отвечали, что они христиане и называли своим отечеством горний Иерусалим. Тогда они были схвачены как злодеи и брошены в темницу. На следующий день — именно 16 февраля — эти юноши выведены были из темницы вместе с вышеназванными Христовыми исповедниками Памфилом, Валентом и Павлом, и вместе с ними предстали пред судилищем нечестивого мучителя игемона Фирмилиана. Игемон сначала старался совратить юношей египетских, устрашая их различными муками. Одного из них — старшего по возрасту, он, поставив посреди, спросил, кто он? Святой мученик безбоязненно отвечал, что он и его спутники — христиане. Когда игемон спросил, как их зовут, этот юноша себя назвал Илией, другого — Иеремией, третьего — Исаией, четвертого — Самуилом, пятого — Дани-

[1] Греческое название филистимского города Иавнеи, между Экроном и морем; ныне — это большое село с наименованием Иевна.

[2] *Киликия* — юго-восточная береговая страна Малой Азии.

илом. Ибо сии святые юноши, отрекшись от своих языческих имен, данных им не верующими во Христа родителями, вместо них называли себя именами пророков. Этим они хотели явно показать, что они — рабы Бога Израилева, не только по своим делам, но и по своим именам. Не зная таких имен, игемон Фирмилиан стал спрашивать их об отечестве.

Тогда Илия, памятуя слова апостола Павла: *вышний Иерусалим свободен: он — матерь всем нам* (Гал. 4, 26), и другие его слова: *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму* (Евр. 12, 22), назвал себя гражданином Иерусалима небесного, разумея под этим городом свое отечество духовное, а не земное. Игемон же Фирмилиан не знал, что это за город Иерусалим и где он находится. Ибо в то время святой град не назывался Иерусалимом, а Елией. Это наименование дал ему нечестивый царь римский Адриан. Он на месте прежнего Иерусалима, разрушенного Титом, построил новый город и дал ему свое имя, ибо он назывался Елий Адриан. При этом, назвав Иерусалим Елией, Адриан осквернил в нем все святые места, засыпал песком и камнями гроб Господень и повсюду поставил скверных идолов. После этого он приказал, чтобы все называли этот город не иначе, как Елия. Все это он сделал потому, что хотел уничтожить на земле даже самое воспоминание о имени Иисуса Христа. После того в течение двухсот лет нечестивые идолопоклонники не называли этот город Иерусалимом и пренебрегали им. Так продолжалось до времени благочестивого царя Константина и матери его Елены. Поэтому-то и игемон Фирмилиан, живший в Палестине в царствование Диоклетиана, не знал, где находится город, называемый Иерусалимом, о котором говорил ему святой юноша. Он приказал тому блаженному юноше, который назвал себя Илией, связать сзади руки, повесить его нагим на мучилищном месте и жестоко бить, чтобы он сказал, что это за город Иерусалим и в какой стране он находится. Благочестивый юноша отвечал, что Иерусалим есть отечество одних только христиан и никто из язычников не может войти в него и что град этот основан на Востоке, где солнце начинает проливать на землю свои первые лучи. Так святой говорил игемону о вышнем, духовном Иерусалиме, не обращая внимания на мучения, словно он был бестелесным. Игемон же, не разумея, что святой говорит ему о духовном Иерусалиме, подумал, что христиане

где-нибудь построили себе город и хотят сопротивляться римлянам. Поэтому он велел еще большим мучениям подвергнуть святого юношу, чтобы он подробнее рассказал все об этом христианском городе и указал бы, где он находится. Но когда игемон не мог ничего более услышать от него, кроме исповедания имени Христова, он приказал усекнуть мечом главу святому юноше. Потом он подверг мучениям и прочих юношей: Иеремию, Исаию, Самуила и Даниила. Но услышав от них то же самое, что и от первого, он приказал и их усечь мечом. Узнав также, по исследовании, что святой пресвитер Памфил, диакон Валент и Павел уже за два года до него содержались долго в темнице его предместником игемоном Урбаном, Фирмилиан не захотел их более мучить. Он приказал их только спросить, послушаются ли они царского веления; и когда узнал, что они остаются непреклонными, он и их осудил на смерть.

Один из слуг Памфила, по имени Порфирий, юноша лет восемнадцати, очень любимый своим господином, святым пресвитером Памфилом, за свое целомудрие и благоразумие, услышав смертный приговор на святых мучеников, громко воскликнул из народа:

— Прошу, дайте мне телеса святых, чтобы можно было их предать погребению.

С этими словами он вышел из народа и стал пред игемоном. Узнав, что и Порфирий христианин, игемон приказал его повесить нагим на том же месте, на котором мучил и пять святых юношей, и велел жестоко его бить. Нечестивые мучители били его до тех пор, пока все тело его не было покрыто ранами и уже кусками отпадало на землю, так что можно было видеть даже его кости и внутренности. Но святой Порфирий терпеливо переносил эти мучения; казалось, он ничего не чувствовал: он даже не стонал и не кричал, но молчал, словно мучители наносили раны не ему, а какому-либо столпу или стене. Все это еще более усилило ярость игемона: Фирмилиан приказал терзать его раны колючей и жесткой власяницей, а после этого осудил его на сожжение. Мучители поставили столп, привязали к нему святого мученика, обложили вокруг дровами и зажгли. Когда огонь уже объял его со всех сторон, мученик громко стал взывать, призывая на помощь Иисуса Христа, Сына Божия; потом он умолк и предал Господу свою святую и чистую душу. Итак, он пострадал за Господа своего уже после своего господина, но преж-

де него удостоился получить мученический венец, ибо в то время, когда святой Порфирий, предав на костре свою душу, отошел ко Господу, святой Памфил вместе с другими мучениками еще не был усечен мечом.

В то время, когда святого Порфирия сожигали на костре, среди народа находился один благочестивый муж, по имени Селевкий, бывший прежде воином. Когда Порфирий уже предал Господу свою душу, он отправился вслед за святыми мучениками, коих повели на место страданий. Он нашел их еще живыми, так как святые упросили своих мучителей дать им немного времени для молитвы. Селевкий, подойдя к святому Памфилу, рассказал ему все о мучении святого Порфирия, и возрадовался Памфил и стал воссылать благодарение Богу. Здесь Селевкий в последний раз дал целование мученикам, уже готовым преклонить свои головы под мечное усечение. Бывшие тут воины, увидев это и узнав, что Селевкий — христианин, схватили его и привели к игемону. Фирмилиан приказал немедленно и Селевкия казнить мечом. Сей святой происходил из Каппадокии и был храбрым и славным воином в римских войсках; в начале гонения на христиан, за исповедание Христа его сильно били, лишили воинского звания и чести и изгнали из полка. Но он ухаживал за больными, лежащими на городских улицах, заботился о нищих и сиротах, а потом, приобщившись к святым мученикам и исповедникам, радуясь, отошел ко Владыке своему Христу Господу.

В то же время после святого Селевкия к лику мучеников приобщился еще святой Феодул. Он был одним из слуг игемона Фирмилиана; этого мужа все уважали за его преклонную старость: у него были уже правнуки. Будучи тайным христианином, он, приступив к одному из святых мучеников, веденных на страдания, поцеловал его и просил, чтобы святой Христов мученик вместе с ним помолился о нем Господу Богу. Некоторые из слуг игемона, видя это, донесли своему господину о Феодуле и сказали, что и он христианин. Когда Фирмилиан сталь расспрашивать святого Феодула и узнал, что этот муж действительно христианин, он сильно разгневался на него и приказал распять святого Феодула на кресте.

Заключая двенадцатичисленный лик апостолов, после всех к числу мучеников присоединился и святой Юлиан. Он также происходил из Каппадокии и был мужем честным и добродетельным. Ему было не-

обходимо по своим делам съездить в Кесарию Палестинскую. Приближаясь к городу, Юлиан заметил, что около города брошены на съедение псам и птицам телеса святых мучеников. Он возрадовался духом и, припав к ним, целовал телеса Христовых страдальцев и восхвалял их мученическую кончину, после которой они сподобились нескончаемой жизни со Христом. Но вдали были поставлены воины, которые должны были смотреть, чтобы кто-либо из тайных христиан не похитил их тела. Увидев, что какой-то человек припадает к телам святых и целует их, они поняли, что он тоже христианин; тогда воины схватили его и отвели к игемону. Допросив его, Фирмилиан осудил святого мужа на сожжение; и так святой Юлиан пострадал за Христа таким же точно образом, как и святой Порфирий.

Так эти двенадцать мучеников, равные по своему числу апостолам, вместе с ними удостоились стать и пред престолом Божиим в небесном Царстве, украсившись победными венцами[1]. Их святые тела лежали брошенными во прахе за городом четыре дня. Нечестивцы, увидев, что к ним не касаются ни псы, ни звери, ни птицы, объявили, что, кто хочет, может взять их и предать погребению; тогда христиане, взяв эти святые тела, благоговейно погребли их, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога. Аминь.

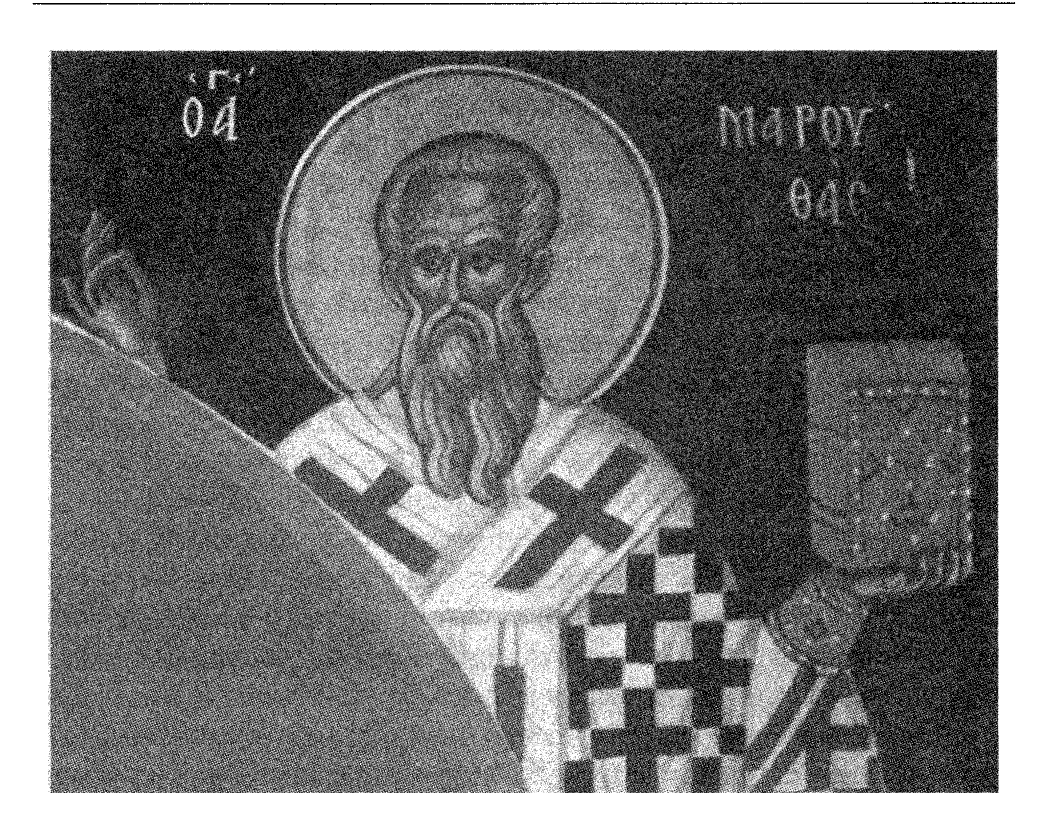
ПАМЯТЬ СВЯТОГО
МАРУФА ЕПИСКОПА
и святых мучеников, пострадавших в Мартирополе

Святой Маруф был епископом Тагрита[2], главного города Месопотамо-Софосенской области: эта местность находилась на границах Греческой империи и языческой Персии; в ней благочестивый епископ, как светильник, сиял светом своего богопознания: язычников-персов он своею проповедию обращал в христианство, ходатайствовал за христиан пред персидскими царями и всюду старался вве-

---

[1] Это было в 309 году.

[2] *Тагрит,* или по греч. *Мартирополь,* до времен Юстиниана принадлежал к Греческой империи и был пограничным ее городом с Персидской империей.



сти мир и безмятежие. Так, при Феодосии Младшем Маруф два раза был посылаем к Издегерду[1] для заключения мира между двумя империями и своим благочестием и умом приобрел полное уважение у Издегерда. Персидским магам это расположение царя к святому Маруфу очень не понравилось, и вот они решили погубить благочестивого епископа; после того как Маруф исцелил Издегерда от опасной головной болезни, которой не могли исцелить маги, решено было употребить меры против него. Однажды, когда царь, по обыкновению, взошел в храм для поклонения огню, он услышал голос:

— Вон царя, — нечестива любовь его к христианскому священнику!

После этого изумленный Издегерд хотел было удалить от себя Маруфа, но обман скоро был обнаружен, и маги были казнены; после этого между огнепоклонниками стала распространяться христианская вера.

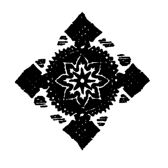
---

[1] *Персидский царь Издегерд I* царствовал с 399 по 420 год.

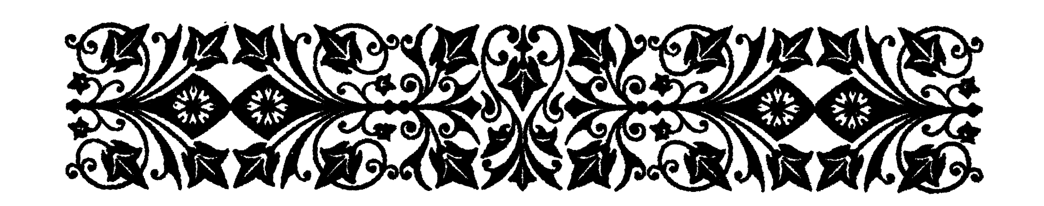
В 414 году Маруф в другой раз исполнял должность посла при дворе Издегерда. Маги снова было восстали на святого епископа, но умысел их был опять неудачен, и Маруф еще более приобрел доверие пред персидским царем. В это же время святой Маруф вместе с епископом Авдою молитвою веры исцелил бесноватого сына Издегерда; после этого Издегерд намеревался даже принять крещение и дозволил свободно исповедовать христианскую веру в Персии.

Пользуясь таким расположением персидского царя, святой Маруф всюду распространял Христово учение, восстановлял храмы, ниспровергнутые во время гонения Сапора, созывал соборы.

В это же время он собрал останки святых мучеников, пострадавших при царе Сапоре, и перенес их в созданный им город Тагрит, где он и сам скончался около 422 года[1].



[1] Маруф оставил после себя довольно много сочинений на сирском языке, которые доселе не все изданы. Особенно заслуживают известности: 1) неизданные его *Толкования на Евангелие;* 2) *История мучеников Персидских;* 3) *Песни* Маруфа; 4) *Литургия* его и 5) 73 *правила* Собора Никейского с описанием деяний этого собора. Мощи святого Маруфа были впоследствии перенесены в Египет и положены в скитском монастыре Богоматери.



День семнадцатый[1]

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ФЕОДОРА ТИРОНА

Нечестивые цари Максимиан и Максимин[2] разослали по всему царству своему повеление, чтобы все, принявшие закон Христов, были освобождены от казни, если только они вкусят от идольских жертв, тех же из них, кто откажется от этого, предать суду. В то время святой Феодор Тирон[3], незадолго перед тем избранный в воины, был назначен в мармаритский полк, бывший под начальством препозита[4] по имени Вринка; этот полк стоял тогда в Амасии, городе Понтийском[5]. Когда святой Феодор был приведен в тот полк, то неверующие стали принуждать его, чтобы он принес жертву идолам; истинный же воин Христов Феодор, верный Богу, исполнившись Духа Святого, сказал во всеуслышание:

---

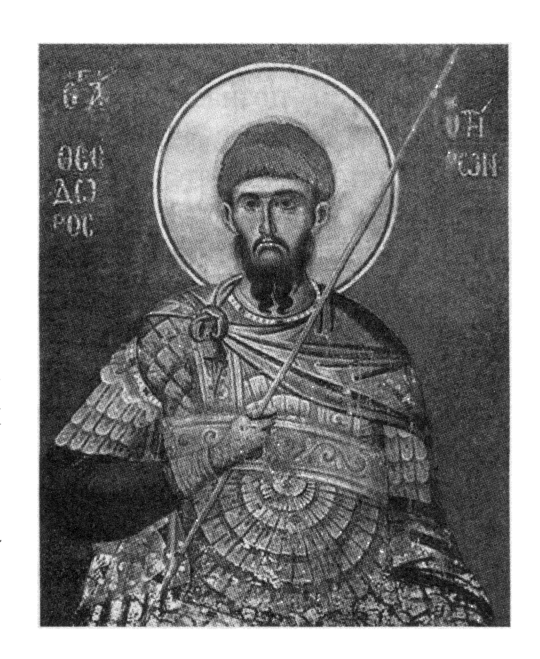
[1] В обычный год — 2 марта по н. ст., в високосный год — 1 марта по н. ст.

[2] Под *Максимианом* здесь разумеется Максимиан Галерий, зять императора Диоклетиана (284–305), соправитель его на Востоке, и после — его преемника (305–311). *Максимин Дака* был соправителем Максимиана Галерия, которому он доводился племянником. От своего дяди он получил во владение Сирию и Египет с титулом цезаря. Царствовал почти одновременно с Галерием (305–313).

[3] *Тирон* — слово римское, значит: *новобранец, воин новый.*

[4] *Препозит* — слово латинское, значит начальник.

[5] *Амасия* — сильно укрепленный город в Понте, по обоим берегам Ириса, бывшая столица понтийских царей. *Понт* — северо-восточная область Малой Азии, тянувшаяся по берегу Черного моря или Понта Эвксинского, как это море называлось в древности. Таким образом, Понтийская область от моря получила свое название (понт — значит море).



— Я — христианин, и мне велено не приносить жертвы мерзким языческим богам, ибо я поклоняюсь Иисусу Христу, истинному Богу и небесному Царю.

Тогда препозит Вринка стал убеждать святого:

— Послушай меня, Феодор, возьми с собой все свое оружие и, как воин, приди и принеси жертву богам.

Святой Феодор отвечал ему:

— Я воин моего Царя Христа и не могу быть воином какого-либо другого царя.

На это препозит Вринка сказал:

— Вот эти все воины — христиане, и однако же они — воины римского царя.

— Каждый знает, кому он служит, — ответствовал святой Феодор, — я же служу моему небесному Царю и Владыке — Богу и единородному Сыну Его — Иисусу Христу.

Тогда сотник Посидоний, стоявший тут, спросил:

— Разве твой Бог, Феодор, имеет и Сына?

Святой Феодор отвечал:

— Он воистину имеет Сына, Слово Истины[1], чрез Которое Он сотворил все.

Препозит спросил его:

— Можем ли мы познать Его?

На это святой ответствовал:

— Я желал бы, чтобы Бог дал и вам такое разумение, дабы вы познали Его.

---

[1] Наименование Второго Лица Святой Троицы *Словом* заимствовано у евангелиста Иоанна Богослова. Свое Евангелие евангелист Иоанн начинает вдохновенными строками о Боге-Слове, прежде век бывшем с Богом Отцом, — Слове, через Которого *все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1, 1–3).

Тогда Посидоний спросил его:

— Если мы познаем Его, то можем ли мы оставить царей наших и приступить к Нему?

— Ничто не препятствует вам, — отвечал святой Феодор, — оставив тьму и временных земных царей, приступить к живому Богу, Царю и Владыке вечному и быть воинами Его, подобно мне.

Тогда препозит Вринка сказал сотнику:

— Оставим его (Феодора) на несколько дней, пусть он поразмыслит и сам решит, что ему делать.

Во все то время, которое дано было Феодору для размышления, он молился непрестанно и славословил Господа; а нечестивые, дыша яростию на некоторых других граждан, веровавших во Христа, взяли их и отвели в темницу; когда их вели, святой Феодор, идя вслед за ними, поучал их вере и терпению и убеждал, чтобы они не отвергались своего небесного Царя — Христа. Когда они были заключены в темнице, святой Феодор, выбрав удобное время, зажег ночью капище матери богов[1]. Некоторые граждане видели, как святой поджигал храм, и донесли на него властям. Тогда градоначальник Кронид, боясь, как бы ему не пришлось отвечать за Феодора, взял его, привел к игемону Публию и сказал:

— Господин мой, этот муж, избранный недавно в воины, человек вредный; с злым умыслом он пришел в наш город, сжег храм матери богов наших и обесчестил богов; взяв его, я привел к твоему величеству, чтобы он по божественному повелению владык вселенной — по приказанию царей, воспринял вполне достойную казнь за свою дерзость. Игемон, призвав препозита Вринку, спросил его:

— Ты ли позволил воину Феодору сжечь храм матери богов наших?

Тот отвечал:

— Часто я увещевал его и наконец назначил ему срок, чтобы он, поразмыслив, принес жертву богам. И если он поступил таким образом, то, значит, он совершенно отвратился от богов наших и презрел царское повеление; поэтому ты, как судия, исполни то, что приказали цари.

[1] Здесь разумеется языческая богиня Цибела, дочь неба (Урана) и земли (Геи); она почиталась как великая матерь богов, так как греческая мифология считала ее матерью олимпийских богов с Зевсом во главе.

Тогда игемон, воссев на судилище, призвал к себе блаженного Феодора и спросил его:

— Почему, когда нужно было принести богине жертву и кадило, ты принес ей огонь?

Святой Феодор ответствовал:

— Не стану скрывать, зачем я сделал это. Я зажег дрова, чтобы огонь опалил камень. Неужели так бессильна ваша богиня, что огонь может касаться ее и опалять ее?

Разгневанный этими словами, игемон велел бить его, сказав:

— Моя кротость делает тебя дерзким. Но советую тебе не многословить. Ибо если ты не исполнишь царского повеления добровольно, то мы принудим тебя исполнить его жестокими муками.

На это святой отвечал:

— Я не боюсь ни тебя, ни твоих мук, как бы люты они ни были. Делай что хочешь; я надеюсь на Господа моего, уповаю получить от Него награду себе на небесах и готов пострадать за Него.

— Принеси жертвы богам, Феодор, — сказал судия, — и ты будешь свободен от предстоящих тебе мук, иначе тебя ждет ужасная смерть.

Но святой Феодор мужественно возразил ему:

— Твои муки мне не страшны. Ибо предо мною — Господь и Царь мой Иисус Христос. Он избавит меня от твоих мук. Но ты не можешь Его видеть, так как ты не можешь смотреть духовными очами.

Судия, исполнившись, подобно дикому зверю, ярости, приказать ввергнуть святого в темницу и, запечатав двери, оставить его там на голодную смерть. Но Святой Дух подкреплял блаженного Своею благодатию. Сверх того, однажды ночью ему явился Господь Иисус Христос и сказал:

— Дерзай, Феодор, Я с тобою; не принимай пищи или пития земного, ибо для тебя уготована жизнь вечная со Мною на небесах.

После этого Господь сокрылся из глаз святого. Утешенный видением, блаженный Феодор начал воспевать псалмы и возвеселился душою. Великое множество святых Ангелов внимало ему. Темничные стражи, услыхав это сладкопение, подошли к дверям темницы. Увидев, что двери заперты и печать цела, они посмотрели через окно и увидели множество мужей в белых ризах, воспевающих вместе со святым Феодором. В страхе они возвестили об этом игемону Пуб-

лию. Он тотчас же отправился поспешно к темнице и, придя на место, увидел, что двери на запоре и замок с печатью целы. А так как игемон слышал голоса поющих внутри вместе со святым Феодором, то он приказал вооруженным воинам со всех сторон обступить темницу. Он думал, что вместе с Феодором находятся в темнице некоторые из христиан. Но, войдя в темницу, он никого не нашел там, кроме верного раба Божия святого Феодора, который был связан. Страх и трепет напали на игемона и на всех бывших с ним. Выйдя из темницы, они снова затворили двери и ушли. Судия приказал давать каждый день святому небольшую часть хлеба и немного воды. Но в подтверждение слов Священного Писания: *праведный своею верою жив будет* (Авв. 2, 4; Рим. 1, 17) — святой Феодор не восхотел принимать хлеба и воды, сказав:

— Господь и Царь мой — Иисус Христос — питает меня.

Утром судия приказал привести святого на судилище и сказал ему:

— Послушайся моего совета и не заставляй меня приказывать, чтобы тебя пытали и мучили: принеси жертву великим богам. Я тогда напишу о тебе нашим царям — властителям вселенной, и они сделают тебя главным жрецом богов, так что ты получишь тогда почести, равные со мною.

Воззрев на небо и осенив себя знамением креста, святой Феодор отвечал своему мучителю:

— Жги мое тело огнем, предавай меня разным мукам, секи меня мечами, отдай меня на съедение зверям, но я не отвергнусь Христа моего, до конца моей жизни.

Посоветовавшись с препозитом, мучитель повелел повесить святого на дереве и строгать тело его железными зубцами. Святого мучили так до тех пор, пока не стали видны кости. Блаженный при сем ничего не говорил своему мучителю, но только воспевал:

— *Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих* (Пс. 33, 2).

Мучитель, удивляясь такому мужеству и терпению святого Феодора, сказал ему:

— Неужели ты, сквернейший из всех людей, не стыдишься уповать на Человека, названного Христом, Который Сам был казнен

бесчестной смертию? Неужели ты ради этого Человека так безрассудно подвергаешь себя мукам?

Христов мученик отвечал на это:

— Пусть выпадет на мою долю и на долю всех призывающих имя Господа Иисуса Христа такое же бесчестие!

Тогда народ стал кричать и требовать, чтобы скорее была совершена казнь над святым Феодором. Слыша вопль народный, судия через глашатая спросил Феодора:

— Хочешь ли ты принести жертву богам или же намерен претерпевать еще большие мучения?

Смело отвечал на это Христов мученик:

— Нечестивый, всякой скверны и лести исполненный, слуга диавола, разве ты не боишься Бога, давшего тебе такую власть и силу: ибо — Им *цари царствуют и вельможи и все судьи земли* (Притч. 8, 15–16). Как ты можешь принуждать меня оставить живого Бога и поклониться бездушному камню?

Подумав, судия сказал Феодору:

— Чего хочешь ты: быть ли с нами или с твоим Христом?

С великою радостию святой ответствовал:

— Со Христом моим я был, есмь и буду; ты же делай что хочешь.

Судья, видя, что ничто не может одолеть твердости Феодора, произнес смертный приговор.

— Феодор, — сказал он, — который не повинуется власти великих царей, не признает великих богов и верует в Иисуса Христа, распятого, как говорят иудеи, при Понтийском Пилате, я повелеваю предать огню.

Это приказание мучителя было быстро исполнено: слуги его собрали из ближайших домов и бань много дров, сложили огромный костер и привели к костру святого Феодора. Подожженный со всех сторон костер разгорелся ярким пламенем. Войдя на костер, святой Феодор перекрестился, и вот внезапно сошел Дух Святой и посреди пламени дал прохладу святому страстотерпцу. Святой же, воспевая и славословя Бога, в мире предал Ему дух свой.

— И мы видели, — пишет один очевидец блаженной кончины великомученика, — его честную и святую душу, вознесшуюся как молния на небеса.

Одна благочестивая и добродетельная женщина, по имени Евсевия, просила тело святого славного великомученика Феодора. Когда ей отдали честные мощи святого, она помазала их благовонным миром и, обвив чистой плащаницей, погребла в своем доме в городе Евхаитах[1], в митрополии Амасийской, и ежегодно совершала святую память мученика. Скончался святой великомученик Христов Феодор 17 февраля около 306 года, в царствование императора Максимиана.

О чуде святого великомученика Феодора Тирона

После сына Константина Великого Констанция[2] на царский престол вступил Юлиан Отступник[3]. Он отрекся от Христа, стал поклоняться идолам и воздвиг на христиан великое гонение. Юлиан преследовал христиан не столько открыто, сколько тайно; ибо он не решался явно подвергать жестоким и бесчеловечным мучениям всех христиан, так как боялся, чтобы многие из язычников, видя мужественное терпение мучимых христиан, не обратились бы сами ко Христу. Поэтому этот нечестивый царь замыслил тайно осквернить христиан. Он знал, что в первую седмицу Великого поста христиане соблюдают особенную чистоту и каются в своих согрешениях. И вот он призвал к себе константинопольского градоначальника и повелел ему ежедневно в продолжение первой седмицы осквернять припасы, продаваемые на торжищах, кровию идольских жертв, от которых христиане всегда обязаны воздерживаться (см.: Деян. 25, 29). Приказание царя было исполнено, и на всех торжищах были положены яства, оскверненные неверующими. Но всеведущий Господь, посрамляя язычников и заботясь об истинных рабах Своих, разорил

---

[1] *Евхаиты* — незначительный город, находившийся в Понтийской области, близ Амасии.

[2] *Император Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год, сын его Констанций — с 337 по 361 год.

[3] *Юлиан* вступил на царство в 361 году и царствовал до 363 года. Воспитанный в христианской вере, он, как только сделался императором, отрекся от христианства и перешел на сторону язычества. За это он и называется «Отступником».

это тайное коварство. Он послал к Константинопольскому архиепископу Евдоксию[1] святого страстотерпца Своего Феодора, за много лет пред тем пострадавшего за Христа и пребывавшего во славе в небесном Царствии. Святой Феодор явился Евдоксию не во сне, но наяву и сказал ему:

— Собери немедленно Христово стадо и прикажи всем православным, чтобы никто из них не покупал на торжищах яств, ибо они, по приказанию нечестивого царя, осквернены идоложертвенною кровию.

Архиерей в недоумении стал спрашивать, чем же заменить покупаемые на торжищах яства людям бедным, имеющим недостаток в домашних запасах.

Святой отвечал:

— Дав им коливо, ты избавишь их от затруднений!

Но епископ продолжал выказывать недоумение, так как, не знал, что такое коливо. Тогда святой Феодор сказал:

— Коливо — это вареная с медом пшеница[2]. Так называется это кушанье в Евхаитах.

Тогда епископ спросил святого:

— Кто ты и почему так заботишься о православных христианах?

На это святой отвечал:

— Я — мученик Христов Феодор; я, по Божию повелению, послан вам на помощь.

Сказав это, святой стал невидим. Епископ тотчас же собрал всех христиан и рассказал им, что видел и слышал. Приготовив коливо, он сохранил свое стадо от вражеского коварства. Нечестивый царь, видя, что козни его разрушены, весьма устыдился и приказал доставлять на торжища неоскверненные яства. А христиане, благодаря Господа за Его неизреченное милосердие и восхваляя Христова великомученика святого Феодора, в субботу первой седмицы Великого поста совершили празднование святому великомученику, благословив в честь и память его коливо в пищу для употребления верным. И с того времени даже доныне Церковь творит в первую субботу Великого поста освящение колива в память бывшего при архиепископе

---

[1] *Святитель Евдоксий* занимал константинопольскую кафедру с 340 по 341 год.

[2] *Коливо*, иначе кутия, или сочиво, — скудное кушанье. Оно состоит из сухих зерен пшеницы, чечевицы и ячменя, что, размочив водой, едят с медом.

Евдоксии чуда и прославляет страстотерпца Христова Феодора, чтобы дать верующим постоянное напоминание о милостивом промысле Божием о рабах Своих — и о помощи святого великомученика Феодора христианам[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ
МАРИАМНЫ

Святая Мариамна была сестрою святого апостола Филиппа[2]. Дав обет девства, она присоединилась к брату, вместе с апостолом Варфоломеем[3], когда святой Филипп, проповедуя Евангелие в областях Малой Азии, пришел в Лидию и Мизию[4]. С этого времени святая Мариамна была пособницей святых апостолов Филиппа и Варфоломея в их апостольских трудах и вместе с ними переносила все тяготы и скорби апостольства. Проповедуя слово Божие, они пришли в Иераполь Фригийский[5]. Здесь, едва прибыли они, — рассказывает о них на основании древних преданий церковный историк Никифор Каллист, —тотчас прекратилось служение идолам, боготворимая жителями Иераполя ехидна была изгнана из святилища, чтившие ее покрылись стыдом и досадою. Чтобы прекратить успехи их проповеди, градоначальник повелел схватить Филиппа, Варфоломея и Мариамну и заключить их в темницу. Затем апостол Филипп был предан смерти чрез повешение на кресте. Мариамна же и Варфоломей, после чудес-

---

[1] Празднование в память чудесного явления архиепископу Евдоксию великомученика Феодора начинается в навечерие субботы — в пятницу на литургии по заамвонной молитве. В это время и совершается благословение колива вместе с пением молебного канона великомученику, составленного святым Иоанном Дамаскиным. В субботу Церковь постановила читать похвальное слово святому Феодору и петь канон Иоанна, митрополита Евхаитского.

[2] Память святого апостола Филиппа (из 12) празднуется 14 ноября.

[3] Память святого апостола Варфоломея (из 12) — 11 июня и 25 августа.

[4] *Лидия и Мизия* — северо-западные области Малой Азии.

[5] *Иераполь Фригийский* находился в южной части Фригии (в средней части Малой Азии), в древности довольно значительный город, славившийся ломкой мрамора и теплыми источниками. Ныне здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

ного проявления гнева Божия на градоначальника и жрецов ехидны (их поглотила земля), были освобождены. С любовию облобызав снятое со креста тело скончавшегося мученически брата своего, святая Мариамна прославила Господа и отправилась с проповедию Евангелия в Ликаонию[1]. Здесь, среди успешного благовествования, она мирно скончалась, успокоившись от трудов своих.

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **МИНЫ КАЛЛИКЕЛАДА**

Будучи родом из Афин, святой Мина получил прекрасное образование и славился красноречием, почему и получил наименование Калликелада *(Красноглаголивого)*. При императоре Максимине[2], он принял мученическую кончину около 313 года[3]. Обретение мощей его было при византийском императоре Василии Македонянине[4].

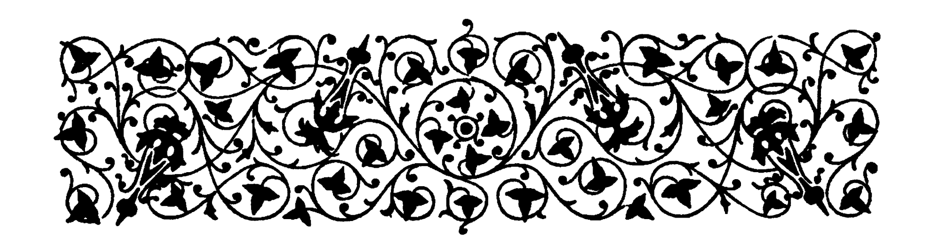


[1] *Ликаония* — одна из серединных областей Малой Азии, граничащая с Фригией.

[2] Разумеется *Максимин Дака*, царствовавший в Сирии и Египте с 305 по 313 год.

[3] См. об этом подробное повествование в Житиях Святых 10 декабря.

[4] *Византийский император Василий I Македонянин* царствовал с 867 по 869 год.



День восемнадцатый[1]

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЛЬВА,
папы Римского

Великий святитель и пастырь Божией Церкви — Лев, папа Римский, родом был из Италии; отец его именовался Квинтианом. С юных лет святой Лев был обучен всякой книжной премудрости, познакомился с внешней философией[2] и был наставлен в добродетелях христианских. Возлюбив духовное житие более мирского, он сначала был архидиаконом[3] у папы Сикста III[4]. За свое высокое целомудрие и чистоту он, по смерти Сикста, единогласно был избран в первосвятителя Римской церкви. Как добрый пастырь, святой Лев усердно пас словесных овец Христовых, полагая за них свою душу.

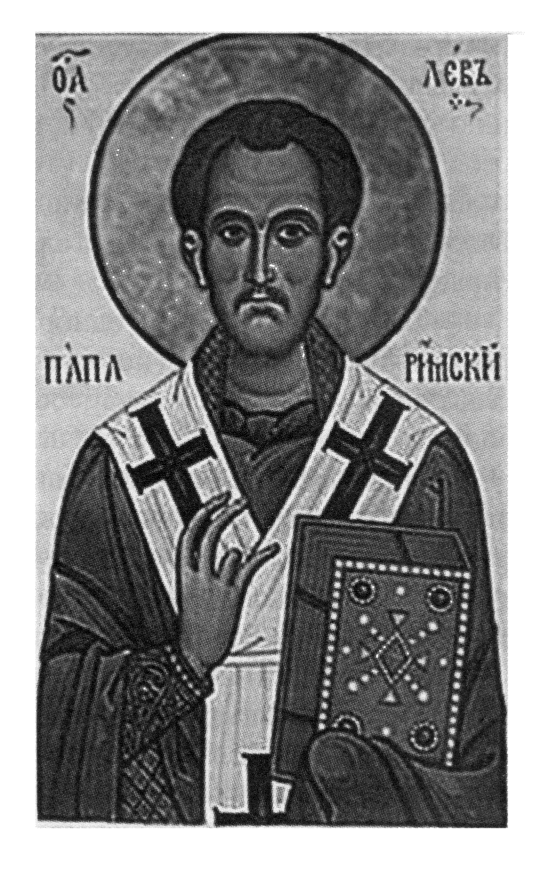
---

[1] В обычный год — 3 марта по н. ст., в високосный год — 2 марта по н. ст.

[2] *Внешней философией* назывались произведения языческих философов — Платона, Аристотеля, Пифагора и других, то есть тех писателей, которые, по вере, находились вне Церкви Христовой.

[3] *Архидиакон* — старший или первый диакон. При каждой епископской кафедре было по одному архидиакону. В древней Церкви должность архидиакона почиталась очень почтенной, и архидиакон был одним из самых приближенных лиц к епископу. Часто в епископы избирались архидиаконы, как это можно видеть на примере святого Афанасия Великого, Льва, папы Римского, и многих других. Ныне архидиаконами называются первенствующие иеродиаконы, то есть диаконы, монашествующие в больших монастырях, особенно ставропигиальных, и кафедральных соборах. Звание это дает только первенство чести, а не власти, потому что архидиакон не есть начальник диаконов, а только первый из них по месту в служении и собраниях.

[4] *Папа Сикст III* занимал Римскую кафедру с 432 по 440 год.



В то время лютый мучитель Аттила, предводитель гуннов[1], называвшийся бичом Божиим, завоевав много стран, пришел и в Италию, намереваясь и ее опустошить огнем и мечом. Видя, что никто не может сопротивляться грозному завоевателю, папа Лев обратился с прилежною молитвою к Богу и, наложив на себя пост, призывая на помощь святых первоверховных апостолов Петра и Павла, со слезами умолял Господа, чтобы Он защитил Своих рабов от свирепого врага. Почерпнув в молитве мужество и твердость, святой Лев решил отправиться к мучителю, чтобы утишить его гнев и прекратить его ярость, готовый в случае нужды даже положить душу за овец своих. Мудрыми сладкоглаголивыми и боговдохновенными словами беседовал он с Аттилою и превратил его из лютого волка в кроткую овцу; грозный и неукротимый воитель смиренно и мягко внимал

[1] *Гунны* — азиатский народ, вторгшийся в конце IV века в Европу и произведший в ней значительные опустошения, разрушая города и целые царства. В Европе свое местопребывание гунны утвердили в долине реки Тиссы, притока Дуная, в теперешней верхней Венгрии. Время правления Аттилы (433–454) представляет собой блестящий период гуннского могущества. Аттила держал в постоянном страхе византийского императора, заставил его выплачивать огромную дань и предоставить гуннам все земли на юг от Дуная. В 440 году Аттила во главе полумиллионной рати двинулся на Запад. Предавая все огню и мечу, он прошел всю Германию до Рейна, потом переправился через эту реку и разрушил целый ряд городов. На юге Франции он получил, однако, отпор и принужден был возвратиться в Германию. В 452 году он предпринял новый набег — на этот раз на Италию. Риму и всей Италии грозила опасность сделаться жертвою врагов; но Аттила остановил свое победное шествие и, после переговоров с папой Львом Великим возвратился назад. Вскоре же после этого похода Аттила умер.

словам угодника Божия, удивляясь его архиерейскому величию и ужасаясь пред святостию честного лица его. Исполнив все по желанию святого Льва, грозный Аттила отошел от пределов Италии в свои земли.

Воеводы Аттилы немало удивлялись, как Лев мог так скоро и так необычно сделать Аттилу из столь лютого князя столь кротким; они спрашивали Аттилу:

— Почему ты убоялся одного только римлянина, пришедшего без оружия? Почему ты повиновался ему? Почему ты, словно побежденный, предался бегству, оставляя в Италии такое множество богатств?

— Не видели вы того, что я видел, — отвечал им Аттила, — а видел я двух ангелоподобных мужей, стоявших по обеим сторонам папы (это были святые первоверховные апостолы Петр и Павел); в руках они держали обнаженные мечи и грозили мне смертию, если я не послушаюсь Божия архиерея.

Таков был великий угодник Божий Лев, наводящий страх не только на невидимых врагов, но даже и на видимых, горячо любимый овцами, так как ради них он не убоялся идти к страшному завоевателю, готовясь в случае нужды даже пострадать от него.

Во время его святительства после еретика Нестория[1] выступили: Евтихий, архимандрит Цареградский, и Диоскор, патриарх Александрийский[2], бесстыдные хулители, которые сливали два естества во Христе Господе нашем, Божеское и человеческое, в одно. Своею ересию они сильно смущали Церковь Божию. Собрав в Ефесе[3] свое неправедное соборище[4], они несправедливо осудили и замучили свя-

---

[1] *Несторий, патриарх Константинопольский*, занимавший кафедру с 428 по 431 год, проповедовал еретическое учение о том, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а — человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный, за святость жизни, особенной благодати Божией и спасающий нас не искупительной смертью, а наставлениями и примером жизни. За эту ересь Несторий отлучен от Церкви на III Вселенском соборе и умер в ссылке 436 года.

[2] Занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 444 по 451 год.

[3] *Ефес* — город на западном, берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во времена императоров — один из главных городов Малой Азии. В Ефесе провел остаток жизни и скончался святой апостол Иоанн Богослов. Здесь также имел заседания III Вселенский собор.

[4] Это было в 449 году.

того Флавиана, патриарха Цареградскаго[1], защитника Православия, и много зла причиняли православным. Тогда святой папа Лев употребил все свое старание к тому, чтобы укрепить и умиротворить Церковь, смущаемую еретиками; он писал к царям, сначала к Феодосию[2], потом к Маркиану[3], чтобы они созвали Вселенский собор. Наконец, в царствование Маркиана и Пульхерии[4] созван был против Евтихия и Диоскора, проповедующих во Христе Господе единое естество, единое действование и волю, Вселенский собор в Халкидоне[5], по счету четвертый, на котором было шестьсот тридцать святых отцов[6]. На этом соборе святейшему папе Льву нельзя было присутствовать — как по причине продолжительности пути и преклонного возраста, так и потому, что невозможно было ему удаляться из Италии вследствие часто случавшихся тогда нашествий врагов на эту страну; поэтому он послал своих наместников: епископов Пасхазия и Лукентия и пресвитеров Вонифатия и Василия. Во время прений с еретиками на том соборе многими овладело сильное сомнение; тогда по повелению святых отцов, по поводу возражений еретиков, было прочтено послание святого Льва, папы Римского, писанное к бывшему перед тем патриарху Цареградскому святому Флавиану, который созвал против Евтихия Поместный собор в Константинополе. Об этом послании рассказывается, что сам святой верховный Апостол Петр своею рукою апостольскою исправил его; свидетельство об этом мы находим в Лимонаре святого Софрония Иерусалимского[7].

---

[1] *Святой Флавиан* занимал Константинопольскую патриаршую кафедру с 434 по 447 год.

[2] Царствовал с 408 по 450 год.

[3] Царствовал с 450 по 457 год.

[4] *Святая Пульхерия*, сестра императора Феодосия, была супругой императора Маркиана. Память ее — 10 сентября.

[5] *Халкидон* — предместье Константинополя, находился против него, на азиатском берегу Босфора.

[6] Заседания собора открылись 8 октября 451 года.

[7] *Святой Софроний* был Иерусалимским патриархом с 634 по 644 год. До своего избрания в патриарха Софроний сначала подвизался в Палестинской обители преподобного Феодосия, под руководством известного подвижника Иоанна Мосха, а потом с ним же посещал Фиваидских (Египетских) пустынников. Подвиги и чудеса последних он изобразил в одной книге, которая называется *Лимонарь* (от греч. слова лимон — луг, пажить) и представляет собой как бы собрание цветов добродетелей с луга духовного.

— Поведал нам, — пишет святой Софроний, — авва Мина, настоятель киновии, именуемой Саламановой, находившейся близ Александрии, что он слышал такой рассказ аввы Евлогия, Александрийского патриарха[1]. Когда пришел я (рассказывал Евлогий) в Константинополь, я жил с господином Григорием, архидиаконом Римской Церкви, мужем поистине отменным и добродетельным, и часто беседовал с ним. Он-то и рассказал мне о блаженнейшем и святейшим Льве, папе Римском: именно о нем записано в Церкви Римской следующее: когда святой Лев написал послание к святому Флавиану, епископу Константинопольскому, против злочестивого Евтихия и Нестория, он положил это послание на гробе первоверховного апостола Петра, а сам с молитвою и постом просил этого апостола:

— Если я, как человек, в чем-либо ошибся или же чего-нибудь не пояснил, то ты, которому от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа поручена Церковь и этот престол, исправь это.

Спустя сорок дней ему во время молитвы явился апостол и сказал:

— Прочитал и исправил.

Взяв свое послание с гроба блаженного Петра, Лев раскрыл его и нашел его исправленным рукою апостола. Это сообщает нам святой Софроний.

Когда это послание святого папы Льва было читано на Вселенском IV соборе, то все святые отцы воззвали:

— Святой апостол Петр глаголет устами Льва.

Таким образом, отцы собора в своих суждениях основывались на послании святого Льва и этим посланием посрамили еретиков. Не только тогда, но и потом, грамота эта, утверждающая Православие и заграждающая уста еретикам, была в великом почитании у святых отцов, и, между прочим, у вышеупомянутого блаженного Евлогия, патриарха Александрийского. Сей Евлогий в то время, как еретики сильно хулили послание Льва и возражали написанному в нем, крепко защищал его, поэтому он приятен был святому Льву, уже отшедшему в то время из этой жизни и предстоящему вместе со святыми пред Богом.

[1] *Святой Евлогий* занимал патриаршую кафедру в Александрии с 579 по 607 год. Память его — 13 февраля.

Об этом тот же святой Софроний повествует: святой Феодор, епископ города Дарны в Ливии[1], рассказал нам следующее: когда я был кувикуларием[2] святого патриарха Александрийского Евлогия, я видел во сне мужа священнолепного и светлого, который сказал мне: «Возвести о мне патриарху Евлогию».

Я спросил:

— Кто ты, владыко, и как мне сказать о тебе?

Он ответил мне:

— Я — Лев, папа Римский.

Войдя к патриарху Евлогию, я сказал ему:

— Святейший и блаженнейший папа Лев, первосвятитель римский, хочет войти к тебе.

Услышав это, патриарх Евлогий, быстро поднявшись, вышел ему навстречу; совершив молитву, они поцеловались и сели. Тогда блаженный Лев сказал святому патриарху Евлогию:

— Знаешь ли ты, зачем я пришел к тебе?

Тот отвечал:

— Нет.

Лев сказал ему:

— Я пришел благодарить вас за то, что вы хорошо и сильно защищали мою грамоту, изъяснили мое разумение, заградили ею уста еретиков и объяснили, таким образом, мою грамоту, которую я писал брату моему Флавиану, патриарху Константинополя, на обличение злочестивой ереси Нестория и Евтихия: знай же, брат, что не только я работал и трудился над этой грамотой, но также и святой первоверховный апостол Петр прочитал и исправил ее, а более всех ее освятил Сам Христос Бог наш — проповедуемая нами Истина.

Такое видение (рассказывает епископ Феодор) видел я не один раз, но дважды и трижды: блаженные отцы — Лев и Евлогий пред моими духовными очами трижды сходились и беседовали друг с другом; об этом, повторенном троекратно, видении я возвестил святому Евлогию. Услышав это, святой Евлогий прослезился и, простерев руки к небу, воздал благодарение Богу, говоря:

---

[1] *Ливия* — провинция в Северной Африке, смежная с Египтом, тянущаяся на запад от него, по берегу Средиземного моря и в глубь Африки.

[2] *Кувикуларий* — спальник, постельничий.

— Благодарю великую и неизреченную благость Твою, Владыка Христе Боже наш, за то, что Ты сподобил меня недостойного быть проповедником Твоей истины и, по молитвам рабов Твоих, Петра и Льва, благоволил принять малое дерзновение мое, подобное двум медницам вдовы (ср.: Мк. 12, 41–44).

Таково известие Софрония. Изложенное здесь видение произошло спустя много лет после преставления святого Льва, ибо святой Евлогий жил гораздо позднее, а именно — в царствование императоров Маврикия и Фоки[1], между тем как святой Лев, папа Римский, скончался прежде того, в царствование соименного себе царя Льва Великого[2].

Вот что известно о последних днях жизни святого папы Льва:

Достигнув глубокой старости и приблизившись к скончанию дней своей земной жизни, святой Лев был извещен от Бога о прощении своих немощей человеческих. Это произошло при таких обстоятельствах: папа Лев пробыл сорок дней у гроба святого апостола Петра в молитве и посте, умоляя святого апостола, чтобы он просил у Господа, да отпустит ему всеблагий Бог его прегрешения; по прошествии сорока дней ему явился святой апостол Петр и сказал:

— Я молился за тебя, и отпущены тебе все грехи твои, кроме грехов, которые ты совершил при хиротонии других на священные степени. Лишь о том ты должен будешь отвечать: законно ли ты рукоположил кого или нет.

После этого извещения святой Лев усилил свои молитвы, усугубил свой пост, умножил свои милостыни, вопия в сокрушении сердца своего до тех пор, пока не получил отрады совершенного прощения. Потом, приготовившись как должно к исходу, он предал святую свою душу в руки Божии и присоединился к лику прежде почивших святых, великих иерархов и учителей[3]; с ними он и пред-

[1] *Император Маврикий* занимал престол с 582 по 602 год. *Император Фока* — с 602 по 610 год.

[2] *Византийский император святой Лев I* царствовал с 457 по 474 год.

[3] Кончина святого Льва, папы Римского, последовала в 461 году. Мощи его почивают в пределе его имени в Ватиканском соборе святого Апостола Петра в Риме. После папы Льва осталось до ста слов и до ста сорока писем — догматического и нравственного содержания. Все эти сочинения отмечены духом строго выдержанного православного учения. Так, в известном послании к Константинопольскому патриарху Флавиану, которое было читано на IV Вселенском со-

стоит ныне пред престолом Христа Бога нашего, славимого и поклоняемого со Оцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЛАВИАНА ИСПОВЕДНИКА,
патриарха Цареградского

Святейший отец наш Флавиан был сначала сосудохранителем и пресвитером в святой, великой Константинопольской церкви[1]; потом по преставлении Святейшего патриарха Прокла[2] он за свою непорочную и богоугодную жизнь был возведен на патриаршеский престол. Это было в царствование Феодосия Младшего и сестры его Пульхерии[3]. У царя был евнух, по имени Хрисафий, исполненный лукавства и злобы; мудрствуя еретически и зная, что Флавиан благо-

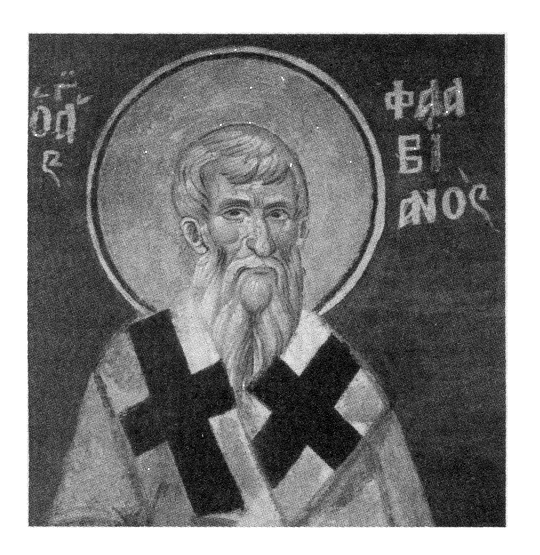
---

боре, святой Лев высказывает такие мысли о воплощении Бога: «Божество восприяло нашу немощь, не нарушив свойств ни того, ни другого. Истинный Бог явился в истинном и совершенном естестве истинного человека, весь с тем, что свойственно Ему, и весь в том, что свойственно нам. Человек не уничтожается величием Божества. Та и другая природа действует при взаимном общении свойственным себе образом». Нравственное учение папы Льва также заслуживает особенного внимания. Святой Лев часто убеждал паству свою творить дела милосердия. Долг милосердия, говорил он, определяется не по мере благ, а расположением сердца. Богатые сами должны отыскивать бедного и помогать ему. Бог для того и дает богатство, чтобы оно текло к бедному. Говоря о молитве, святой Лев убеждаег обращаться за помощью к ходатайству святых и заповедал чтить святые мощи.

[1] Здесь разумеется церковь святой Софии, Премудрости Божией — соборный храм столицы, в котором была утверждена кафедра Константинопольских патриархов.

[2] *Святой Прокл*, ученик святого Иоанна Златоуста, занимал Константинопольскую патриаршую кафедру с 434 по 447 год.

[3] *Император Феодосий II Младший*, внук Феодосия Великого, царствовал с 408 по 450 год. Пульхерия была старшей сестрой Феодосия. Мудрая не по летам, она заменяла Феодосию, вступившему на царство восьми лет, мать и сначала управляла государством вместо него с титулом Августы, потом же разделяла власть вместе с императором.



честив и твердо держится православной веры, Хрисафий не любил его и всячески противился поставлению святого на патриаршество. Когда же, несмотря на его противодействия, святой Флавиан был поставлен в патриарха, Хрисафий стал изыскивать какой-нибудь повод, чтобы причинить зло патриарху. И был он весьма искусен в лукавых делах своих, потому что пользовался благорасположением царя и имел великую власть.

Пользуясь своим влиянием на царя, Хрисафий скоро нашел повод к возбуждению неудовольствия последнего на святого патриарха. По свидетельству церковного историка Никифора[1] он научил царя послать к патриарху сказать, чтобы он, как новопоставленный патриарх, приготовил царю дар, достойный его царского сана. Тогда святейший Флавиан, изготовив хлебы из чистой муки, послал царю на благословение этот дар, поистине достойный рук царя. Хрисафий же отбросил эти хлебы, говоря, что патриарху надлежало прислать в дар царю не хлеб, но золото. Святейший патриарх отвечал чрез посланцев, что такого дара он не имеет.

— Я не имею золота, — говорил он, — потому что презрел все сокровища мира сего. Разве дам что-нибудь из церковных сокровищ? Но церковное серебро и золото принадлежит Богу и никому не должно подавать его, кроме нищих, — что должно быть хорошо известно и самому Хрисафию.

Впрочем, впоследствии, как добавляет историк Евагрий[2], когда Хрисафий стал настойчиво добиваться присылки драгоценного подарка, патриарх послал ему несколько золотых сосудов, взяв их из алтаря; сим подарком патриарх хотел посрамить Хрисафия и обли-

---

[1] Здесь разумеется инок Софийского монастыря в Константинополе — *Никифор Каллист,* умерший около 1350 года, его «церковная история» доведена до кончины византийского императора Фоки (611 г.).

[2] *Евагрий Схоластик,* автор церковной истории, обнимающей время с 431 по 594 год, между 537 и 594 годами.

чить его ненасытную страсть к золоту. Хрисафий пришел в сильный гнев и стал возбуждать против патриарха царя, говоря ему, что новопоставленный патриарх глумится над его державою. Но этот коварный царедворец не мог причинить большого зла патриарху, так как благочестивая царица Пульхерия, сестра императора Феодосия, управлявшая тогда всем царством Греческим, покровительствовала патриарху, защищая этого неповинного и святого мужа. Тогда Хрисафий стал строить козни и против благочестивой Пульхерии, коварным образом вооружив против нее царицу Евдокию[1], как об этом пространно изложено в житии святой Пульхерии. Хрисафий достиг даже того, что царская сестра была удалена из царского дворца и лишилась своей власти. Произошло это следующим образом: царь Феодосий, по совету супруги своей Евдокии и Хрисафия, пожелал, чтобы патриарх убедил сестру его принять иноческое пострижение, надеясь таким образом устранить ее от царской власти. Поэтому у царя тайно был собран совет, куда был приглашен и Святейший патриарх; на совете патриарх показал вид, что исполнит желание царя, но в сердце своем он не одобрял его, так как считал несправедливым устранение от управления Греческим государством Пульхерии, которая отличалась премудростию, благоразумием, целомудрием и святостию, заменила царю мать, когда во время его детства родители его скончались, и, сверх того, являлась защитницей благочестия и мудрою правительницею государства. Уважая и почитая Пульхерию, святой Флавиан тайно известил ее обо всем, что происходило на тайном совещании царя. Тогда благочестивая царевна Пульхерия, поняв вражду царицы и Хрисафия и видя намерение брата, сама оставила управление царством, оставила также и царские палаты и город и предалась тихому безмолвию. После того лукавый Хрисафий, дождавшись благоприятного времени, стал снова строить козни против Святейшего патриарха Флавиана, вос-

---

[1] *Императрица Евдокия* была дочерью Афинского философа Леонтия; лишенная, по смерти отца, части в наследстве, она приехала с жалобой на братьев в Константинополь, где нашла покровительницу себе в самой соправительнице императора — Пульхерии. Оценив красоту, ум и благонравие афинянки, Пульхерия приблизила ее к себе и решила на ней женить брата; но так как та была язычницей, то прежде всего Пульхерия привела ее к вере Христовой. Так, с именем Евдокии, юная афинянка сделалась императрицей, женой императора Феодосия Младшего.

ставляя на него самого царя и говоря, что он не сохранил царской тайны и держит сторону Пульхерии, а не царя. Ибо все вскоре узнали о том, что патриарх сообщил Пульхерии о царском намерении. Таким образом Хрисафий достиг того, что царь стал весьма гневаться на патриарха Флавиана.

В то время в Царьграде проживал архимандрит Евтихий, получивший печальную известность своим богохульным учением, так как он сливал два естества в Господе нашем Иисусе Христе — Божеское и человеческое — в одно естество. Сей Евтихий был духовным отцом Хрисафию, так как он был восприемником его при святом крещении. Созвав в Константинополе Поместный собор[1], Святейший патриарх Флавиан призвал на него Евтихия для того, чтобы он открыто перед всеми заявил о своем исповедании. Но Евтихий не хотел идти на собор, измышляя в оправдание своего нежелания различные предлоги: то он утверждал, что из своего монастыря он не может выходить, как из гроба, потому что дал обет, то говорил, что стар и сильно болен. Но Святейший патриарх снова посылал к нему архимандритов, пресвитеров и диаконов, с любовию приглашал его на собор, всячески содействовал его раскаянию, старался, чтобы он перед всеми отверг свое еретическое мудрование и присоединился к святой Православной Церкви, надеясь, что другие, следуя его примеру, оставят свое заблуждение и обратятся к истинной вере. Лишь после неоднократно повторенных призывов Евтихий согласился, и то неохотно, прийти на собор. Отправляясь на собор, он прежде всего зашел в царские палаты, стараясь найти себе у царя защиту и помощь. Через Хрисафия он выпросил у царя послать вместе с ним на собор избранных сановников и несколько воинов. Царь послал с Евтихием патриция Флоренция и других сановников вместе с воинами. Так Евтихий отправился на собор словно на какую-либо битву, окруженный воинами и царскими сановниками. Последние послали сказать отцам собора:

— Мы и сами не придем на собор и Евтихию не дадим прийти, если вы нам заранее не обещаете, что отпустите его с собрания свободным.

Собравшиеся на собор отцы дали свое обещание. Когда Евтихий предстал пред собором, то сначала были прочитаны его книги, ис-

[1] Это было в 448 году.

полненные еретических догматов, которые он разослал по различным монастырям и тем многих склонил к своему пагубному заблуждению. Затем после долгих уверток Евтихия отцы собора принудили его устно высказать свое исповедание. Евтихий сказал:

— Я исповедую, что Господь наш Иисус Христос два естества имел пред Своим воплощением, но после воплощения в Нем стало одно естество[1].

Тогда бывшие на соборе отцы потребовали, чтобы он проклял свое еретическое мудрование и принял бы православные догматы, но он отказался от этого пред лицом всего собора, на котором присутствовало тридцать два епископа, двадцать три архимандрита и множество пресвитеров и диаконов. Тогда святейший Флавиан и все святые отцы, присутствовавшие на соборе, извергли Евтихия из священного сана и написали следующую грамоту: «Евтихий, бывший некогда пресвитером и архимандритом, в прежних своих писаниях и в нынешнем устном исповедании показал, что разделяет ересь Валентина и Аполлинария[2]; неуклонно следуя заблуждению этих еретиков, он не послушался нашего увещания и, не принимая истинного учения,

---

[1] Смысл слов Евтихия, очевидно, тот, что в момент зачатия два естества — Божеское и человеческое — имели каждое самостоятельное значение и были отличны; но это был только один момент; когда же, при воплощении Бога, Божество соединилось с человечеством, то последнее было поглощено первым и во Христе стало одно естество.

[2] *Валентин* — еретик, живший в первой половине II века. Он не признавал существования в Спасителе телесной природы и, таким образом, не считал его полным, совершенным человеком. *Аполлинарий* жил в IV веке. В противоположность Валентину он учил, что Христос имеет тело, но о соединении в Нем Божества с человечеством Аполлинарий мыслил очень своеобразно. Думая, что совершенный человек и совершенное Божество не могли соединиться в одно лицо, Аполлинарий учил, что Христос имел только две части человеческого существа — тело и душу, третью же часть — дух — заступал в нем Божественный Логос (Слово). Таким образом он также не считал Христа совершенным человеком. У Евтихия есть точки соприкосновения и с Валентином, и с Аполлинарием. Так как, по его учению, человечество поглощено во Христе Божеством, то Христос есть только Бог, а не Богочеловек, и человечество Его является уже не действительно существующим, но чем-то воображаемым; а это довольно близко подходит к представлению Валентина, который учил, что человеческое тело Христа было не действительное, а только призрачное. С другой стороны, учение о поглощении человечества Божеством очень напоминает учение Аполлинария о том, что во Христе высшая часть человеческого существа — дух — была заменена Божественным Логосом.

отказался следовать правым догматам. Поэтому мы, плача и стеная о его конечной гибели, решили во Имя Господа нашего Иисуса Христа, Коего он хулит, отлучить его от иерейского сана, начальствования над монастырем и нашего общения. Да будет это известно всем, кто потом будет беседовать с ним или посещать его; пусть знают эти люди, что они навлекут на себя наказание и подвергнутся отлучению, так как не отклонились от его заблуждений».

Эту грамоту подписал Флавиан — епископ нового Рима[1], а также и все прочие епископы и архимандриты.

Будучи извержен, Евтихий искал поддержки при царском дворе, так как ему сильно помогал во всем влиятельный Хрисафий. Сей лукавый евнух имел на святейшего Флавиана великую ярость и гнев; он всячески старался низложить с престола святого архипастыря, ибо тем он хотел и за Евтихия отомстить, и в особенности причинить неприятность Пульхерии, уважавшей святого Флавиана. Пользуясь своим влиянием на царя, которое было так велико, что он мог совершать все, что ему было угодно, — Хрисафий написал послание к патриарху Александрийскому Диоскору[2], человеку, способному на всякое зло, опытному в коварстве, отличающемуся своим нечестием; в своем послании Хрисафий старался вооружить Диоскора против Флавиана, поручая Евтихия его покровительству, и обещал ему большую милость у царя. Письмо было написано от лица царя, именем которого Хрисафий повелевал Александрийскому патриарху, чтобы он, собрав подвластных ему единомышленных епископов, каких хочет, отправился бы поскорее в Ефес и составил бы там Вселенский собор относительно догматов веры, ибо Флавиан вносит в церковь некоторые еретические мудрования и смущает верующих. Итак, писал Хрисафий, пусть Диоскор рассмотрит на соборе все дело и извергнет Флавиана, а Евтихия, если он окажется невиновным, пусть разрешит от соборной клятвы и восстановит в его сане. Тот же Хрисафий привлек на сторону Евтихия и царицу Евдокию, так что и она помогала еретику против Флавиана. Диоскор же, взяв с собою более десяти единомышленных с ним епископов и некоего архимандрита по имени Варсума, сопровождаемый тысячью монахов, прибыл в

---

[1] *Новым Римом* назывался Константинополь.

[2] *Патриарх Александрийский Диоскор* занимал патриаршую кафедру с 444 по 451 год.

Ефес. Здесь по царскому повелению составился, под председательством Диоскора, собор[1], на котором присутствовало сто двадцать восемь епископов, съехавшихся из разных стран; на этот собор прибыл и святейший Флавиан, призванный сюда на суд. Царь же или вернее Хрисафий от имени царя написал послание к комиту[2] Елпидию и к другим комитам, бывшим там с войском, чтобы они не допускали на собор тех епископов, которые, вместе с Флавианом, осудили Евтихия на Поместном соборе, бывшем в Константинополе, и подписались под грамотою об извержении его.

Когда собралось то лукавое соборище, где председательствовал Диоскор, выступил Евтихий и подал написанное им самим исповедание веры, где изложил свое еретическое учение, искусно прикрытое двусмысленными выражениями. Лишь только Евтихий окончил чтение своего исповедания веры, среди участников собора поднялись разногласие и шум: одни защищали Евтихия и утверждали, что он неповинен, так как право исповедует святую веру, другие же стояли за Флавиана; но последних было мало, ибо все возлюбили тьму более света и ложь более истины, стараясь угодить земному царю, а не небесному. Ибо царь Феодосий, хотя и был благочестив, однако, как человек, согрешил по неведению, не поняв коварства Евтихия, Диоскора и Хрисафия. А последний постоянно лукаво льстил перед царем, стараясь уловить его душу в свои·коварные сети. В своем неведении царь считал еретиков за православных и доверчиво внимал лжи, принимая ее за истину, ибо не было уже при нем его мудрой сестры, блаженной Пульхерии. Итак, после долгих разногласий и споров сторона противников истинного Православия на нечестивом соборище в Ефесе возобладала. Беззаконное соборище провозгласило догмат, будто во Христе не два естества, а одно, и объявило Евтихия неповинным и право верующим, тогда как он на самом деле был еретик; правоверного же и благочестивого патриарха Флавиана собор несправедливо осудил как еретика. Ему даже не было дозволено что-либо говорить в защиту себя. Председательствовавший на соборе Александрийский патриарх Диоскор объявил его изверж-

[1] Собор открылся 8 августа 449 года. Он состоялся в той же церкви Ефеса, в которой заседал восемнадцать лет пред тем III Вселенский собор.

[2] *Комитами* назывались спутники (свита) высшей чиновной особы в провинциях, а позднее и спутники императоров.

ным из сана, лишенным святительства, иерейства и всякой духовной власти, и об этом было составлено письменное постановление. Сверх того, на этом беззаконном соборе было решено отправить святого патриарха в заточение. Тогда встали Онисифор, епископ Иконийский[1] и, вместе с другими епископами, уверенными в невинности Флавиана, коснувшись колен Диоскоровых, стал просить его:

— Не приводи в исполнение своего намерения, честнейший отче, ибо Флавиан решительно ничего не сделал такого, что бы было достойно извержения; если же нужно наказать его, то накажи, но не извергай.

Диоскор, поднявшись с престола и став на возвышении перед троном, сказал:

— Если бы мне и язык грозили отрезать, я все же не изменю приговора.

Тогда приближенный Диоскора архимандрит Варсума стал громко восклицать:

— Кто исповедует, что во Христе два естества, тот да будет рассечен пополам.

Когда епископы стали просить Диоскора о том, чтобы он не посягал на Флавиана, председатель спросил:

— Где комиты?

И тотчас комиты с Елпидием во главе и со множеством воинства вошли в церковь и принесли большие железные вериги, приготовленные для святого Флавиана; вместе с воинами вошли и монахи Варсума. Тогда епископы стали громко заявлять:

— Варсума — разбойник, разорил всю Сирию, привел и на нас своих монахов. Варсума — разбойник, анафема Варсуму!

А Варсума кричал:

— Убить еретика Флавиана, убить его!

В безумном дерзновении нечестивцы устремились на святого и стали наносить ему побои, кто просто кулаками, кто палками. Даже сам Диоскор, набросившись на Флавиана, поверг его на землю и попирал ногами; так они били его некоторое время, а затем возложили на него, едва живого, вериги. Диоскор понуждал епископов,

---

[1] *Икония* — город на высокой плодоносной равнине внутри Малой Азии; был некогда главным городом Ликаонии — провинции, лежащей в средней части Малой Азии.

чтобы они все подписали грамоту об извержении Флавиана. Сторонники Диоскора подписали ее немедленно; а те из епископов, которые видели происходящую пред ними несправедливость и разбойничество, не соглашались подписать этой грамоты; но тогда их не стали выпускать из церкви расставленные вокруг нее вооруженные воины; монахи же Варсума яростно кричали и поносили их. И держали тех епископов в церкви до ночи, пока они, наконец, подписали сию грамоту, против своей воли, будучи устрашены угрозами. Так окончилось это безбожное соборище, известное в истории под именем разбойничьего собора.

Святой же исповедник Христов Флавиан на третий день после того, как претерпел жестокие побои, предал святую свою душу в руки Господа, за Которого невинно пострадал, подобно Авелю, и таким образом, вместо изгнания, переселился на небеса. На его место патриархом в Константинополе был избран Анатолий[1].

Чрез некоторое время злые дела и коварство Хрисафия были изобличены, так что он бесчестно был изгнан из царских палат и погиб бесславною смертию; царица же Евдокия, сообщница его, устрашенная гневом Феодосия, отправилась в Иерусалим. После того сам царь убедительно и долго просил святую Пульхерию, сестру свою, возвратиться во дворец и по-прежнему помогать ему в государственных заботах; исполняя желание своего брата, святая возвратилась из своего уединения. Вскоре же после того, как она приняла в свои руки бразды правления, святая Пульхерия озаботилась восстановить православное учение, а также честь защитников Православия. Мощи святого исповедника Христова Флавиана она перенесла с великой честию в Константинополь[2]. Диоскор же и Евтихий, преданные проклятию на IV Вселенском соборе, бывшем в Халкидоне[3], навлекли на себя вечную гибель. А Церковь Христова, которую не смогли одолеть врата адовы, процветала, прославляя Христа, в двух естествах, неслитно и нераздельно познаваемого, хвалимого и превозносимого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

---

[1] *Святой Анатолий* занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 449 по 458 год.

[2] Это было в 451 году.

[3] Заседания собора открылись 8 октября 451 года. К этому времени Феодосий скончался, и императорский престол в Византии занимал Маркиан (царствовал с 450 по 457 год), который, сделавшись императором, женился на Пульхерии.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АГАПИТА ИСПОВЕДНИКА, епископа Синадского

Преподобный Агапит родился в Каппадокии[1] в царствование императоров Диоклетиана и Максимиана[2]. Родители его были христианами. Еще в молодых годах он принял иночество и поступил в один из монастырей своей родины, где подвизалось более тысячи иноков. Научившись от них добрым иноческим навыкам, преподобный вскоре стал искусным исполнителем заповедей Господних. Он так ревностно подвизался в посте, бодрствовании и молитве, что у всех вызывал удивление и за свои строгие подвиги пользовался в обители всеобщею любовию. Он носил одежду из древесной коры, питался нередко в течение восьмидесяти дней золою вместо хлеба, отказывался от сна и, почитая и называя всех иноков обители своими господами, старался быть полезным им разными монастырскими услугами. За такие подвиги Господь сподобил преподобного благодати чудотворения. Молитвою он однажды умертвил змея, а потом исцелил одну девицу, которая страдала от тяжкого недуга.

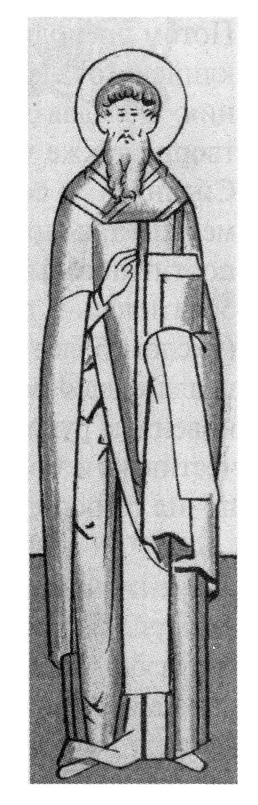
Император Ликиний[3], узнав о том, что преподобный Агапит обладает большою телесною силою, повелел взять его из обители и против его воли определил в число своих воинов. Исполняя обязанности военной службы, преподобный не оставлял и иноческих подвигов и удостоился благодати Божией одним своим появлением врачевать мучительные припадочные недуги. Кроме того, он чудесно исцелял различные болезни не только у людей, но и у лошадей, волов и других животных. В то время Ликиний воздвиг гонение на христиан, и когда славные мученики Виктор, Дорофей, Феодул,

---

[1] *Каппадокия*, восточная малоазийская область Римской империи, граничила на востоке с Арменией, на севере — с Понтом и на юге — с Киликией.

[2] *Император Диоклетиан* (284–305) для более успешного управления обширной Римской империей в начале своего царствования избрал себе соправителей, в числе которых с 285 года был Максимиан Геркул.

[3] *Император Ликиний*, с 311 года преемник императора Галерия, был правителем восточной части Римской империи, соправителем Константина Великого и впоследствии врагом и жестоким гонителем христиан.



Агриппа[1] и многие другие, по его повелению, были подвергнуты за веру во Христа жестоким мучениям, то в числе их пожелал быть и преподобный Агапит. После того как они приняли за Христа мученическую кончину, преподобный был ранен копьем, но Господь сохранил ему жизнь для того, чтобы впоследствии он спас многих.

Вскоре Ликиний умер и по воле Божией власть над всею Римскою империею принял император Константин Великий. В числе слуг императора находился один любимый им слуга, который был одержим нечистым духом. Узнав о преподобном, император призвал его к себе, привел к нему больного слугу и просил исцелить его. Преподобный помолился, и слуга немедленно же получил исцеление. Император хотел наградить святого, но преподобный не стал просить никакой другой награды, как только того, чтобы ему позволено было оставить военную службу и возвратиться к возлюбленной им иноческой жизни. Император оказал ему в этом содействие, и он, оставив воинское звание, возвратился в ту же обитель, где подвизался и раньше.

Спустя некоторое время после этого епископ города Синады[2] призвал преподобного Агапита к себе и, против его желания, рукоположил в сан пресвитера, а затем вскоре скончался. Тогда изволением Божиим и по избранию духовенства и народа святой Агапит был поставлен епископом Синадским. С принятием епископского сана преподобный удостоен был от Господа дара пророческого прозрения. Этот дар обнаружился при следующих случаях. Одна женщина, услышав о новопоставленном епископе, пришла однажды к нему, чтобы принять от него благословение. Когда она предстала пред святителем, то он рассказал ей все, что произошло с нею в течение всей ее жизни, начиная с детства, дал ей при этом наставление, и она ушла от него с твердым намерением жить благочестиво.

---

[1] Память их празднуется так же, как и память преподобного Агапита, 18 февраля.

[2] *Город Синада* находился во Фригии.

Потом преподобный обличил в растлении девицы слугу одного Ираклийского[1] диакона, когда тот пришел к нему просить благословения. Обладая даром пророческого прозрения, преподобный Агапит творил также чудеса. Так, пришел однажды к нему епископ города Силандеи[2] и сообщил, что протекающая близ города река в зимние месяцы так сильно наполняется водою, что затопляет нивы и поля и портит посевы. Тогда преподобный помолился Богу, и течение реки обратилось в другую сторону. Святой Агапит совершил множество (числом более ста, как сообщает запись о нем) и других чудес, исцеляя одержимых падучею болезнию одним словом своим, прикосновением руки и тенью, падавшею от тела его. Окончив свою благочестивую и богоугодную жизнь, преподобный в глубокой старости почил о Господе Спасителе нашем Иисусе Христе[3].

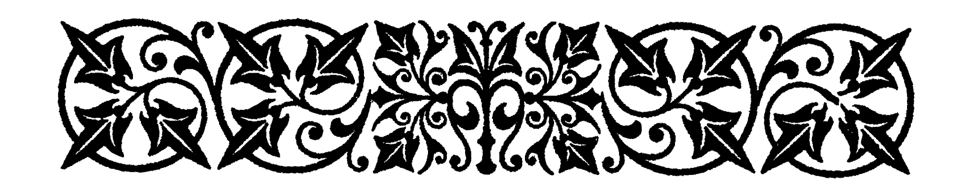


---

[1] *Город Ираклия* или *Гераклея* находился в Вифинии на берегу Понта Евксинского, ныне Черного моря.

[2] *Город Силандея* или *Селена* находился в Фригийской области у истоков реки Меандры, впадавшей в Эгейское море.

[3] Кончина святого Агапита относится к IV веку.



День девятнадцатый[1]

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ДОСИФЕЯ,
ученика преподобного Дорофея

Блаженный отец наш Дорофей[2], ревнуя о богоугодной жизни и возлюбив иноческое житие, отправился в киновию аввы Серида[3], где нашел множество великих постников, подвизающихся в безмолвии; среди них особенно отличались два великих старца: священный Варсонофий и ученик и сопостник его, авва Иоанн, носивший наименование пророка, так как он получил от Господа дар прозорливости. Святой Дорофей вверил себя руководству этих постников и со

---

[1] В обычный год — 4 марта по н. ст., в високосный год — 3 марта по н. ст.

[2] *Преподобный Дорофей* жил и подвизался в конце VI и начале VII века. Прежде чем удалиться в пустыню для иноческих подвигов, он в молодых летах много занимался науками. Потом, сделавшись иноком, он с той же любовью и неутомимостью предался упражнению в добродетели. Скончался около 620 года. От него осталось несколько сочинений, написанных простым языком, но в которых ясно выразилась духовная мудрость их составителя. Сюда относятся двадцать пять *наставлений* ученикам в подвижнической жизни, которые представляют собой возвышенное учение об обязанностях и поведении иноков, тридцать глав или слов о подвижничестве и многие другие сочинения. Память преподобного Дорофея (по месяцеслову Сергия, архиепископа Владимирского) 5 июня.

[3] *Преподобный Серид* жил в VI веке и был основателем Палестинской обители близ города Газы. Память его в субботу сырную. Основанная им обитель являла собой такой вид общежительного монастыря, в котором братия не только стол, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря. Такие обители и назывались *киновиями* (от греч. слова кинос — общий, и виос — жизнь).

всем усердием стал подражать им. Вместе со святым отцом Серидом, преподобный Дорофей нередко приходил к великому старцу Варсонофию и беседовал с ним, а отцу Иоанну, отличавшемуся даром прорицания, он удостоился прислуживать. Так пребывал блаженный Дорофей в киновии аввы Серида, упражняясь в подвиге послушания. Тогда вышеназванные святые отцы положили, чтобы отец Дорофей устроил больницу и сам имел бы о ней попечение, ибо братия сильно страдали, когда впадали в болезни, — некому было заботиться о них и ухаживать за ними. С Божией помощию преподобный построил больницу при содействии брата своего по плоти, который, будучи благочестив и любя иноков, давал святому Дорофею необходимые для постройки средства. С тех пор авва Дорофей с некоторыми другими благоговейными иноками служил больным и странным, считая это за послушание, возложенное на него отцами обители[1].

Однажды призвал к себе преподобного Дорофея игумен Серид; придя к настоятелю, Дорофей застал у него некоего юношу в воинском одеянии, весьма младого и прекрасного собою: он пришел в монастырь вместе с некоторыми из слуг княжеских, которые пользовались любовию аввы Сериды и часто приходили к нему. Когда пришел отец Дорофей, авва Серид пригласил его к себе одного и сказал ему:

— Вот эти люди привели этого юношу; они говорят, что он хочет вступить в нашу обитель; я же боюсь, что это сын какого-либо вельможи, который, быть может, что-либо украл или совершил какое-нибудь зло и теперь хочет укрыться: тогда, если мы примем его, нам будет грозить прямая опасность. Думаю я так потому, что ни его одеяние, ни его облик не обличают в нем человека, хотящего подвизаться.

Юноша же действительно был родственником одного воеводы; живший доселе среди богатства, привыкший к изнеженному образу жизни, он никогда доселе не слышал слова Божия. Некоторые же слуги того воеводы рассказывали иногда при нем о святом граде

---

[1] С какой любовью исполнял преподобный Дорофей такое послушание, показывают собственные слова его: «В то время я только что встал от болезни тяжкой. И вот приходят странники вечером, я проводил с ними вечер, — а там погонщики верблюдов — и им приготовлял я нужное; много раз, когда отходил я спать, встречалась другая нужда и меня будили, а затем приближался час бдения».

Иерусалиме, так что юноша пожелал видеть святые места и просился у воеводы, чтобы он отпустил его посмотреть на святой град. Не желая огорчить его отказом, воевода обратился к одному близкому ему человеку, который намеревался посетить святые места, и стал просить его:

— Окажи мне свое расположение, возьми с собою этого юношу, чтобы он мог видеть святые места.

Отправлявшийся взял юношу, оказывал ему всякий почет и много заботился об его удобствах.

Когда путники достигли святого града и поклонились там святым местам, они пришли также и в Гефсиманию[1]. Там находилось изображение страшного суда Божия, где были представлены различные виды адских мучений. Увидев это изображение, юноша внимательно рассматривал его и удивлялся. Неподалеку от себя он увидел честную жену, облеченную в багряницу; она стала объяснять ему мучение каждого из осужденных и, поучая его, прибавила несколько слов от себя. Слыша ее рассказ, юноша молчал и удивлялся, ибо он, как раньше было замечено, никогда не слышал слова Божия и ничего не знал о страшном суде. Наконец, обратившись к женщине, он сказал ей:

— Госпожа, что нужно делать каждому, чтобы избавиться от этих мучений?

В ответ на это она сказала ему:

— Постись, не употребляй мяса, возможно чаще молись и будешь избавлен от этих мук.

Дав ему три таких заповеди, одетая в багряницу жена стала невидима.

Юноша обошел все то место, тщательно стараясь встретить ее; он думал, что это была обыкновенная женщина, и нигде не мог найти ее, ибо то была Сама Пречистая и Пресвятая Дева Мария Богородица.

---

[1] *Гефсимания* — селение или место за потоком Кедрским, при подошве горы Елеонской, где был сад, куда Господь часто удалялся с учениками Своими и где Он был предан Иудой (см.: Мф. 26, 36; Ин. 18, 1–3). Гефсимания — по-русски значит: место маслин, или точило для выжимания сока из маслин. Сад Гефсиманский и теперь еще показывают при подошве горы Елеонской — с южной ее стороны; в саду указывают и место Гефсиманской молитвы Господа пред Голгофскими страданиями, равно как и погребальный вертеп Богоматери, где теперь находится гроб Ее.

Наставление таинственной жены произвело на юношу сильное впечатление: умилившись сердцем, он стал строго соблюдать три заповеди, которые дала ему виденная им в Гефсимании Жена. Друг воеводы, на обратном пути, видя, что юноша постится и не вкушает мяса, стал скорбеть, опасаясь воеводы, ибо он знал, что воевода сильно любит того юношу. Бывшие с ними воины, видя такое воздержание юноши, стали говорить ему:

— Господин, ведь ты делаешь то, чего не делают люди, живущие в миру. Так поступают только в монастырях. Иди туда и там спасешь свою душу.

Ничего не зная о Боге и не представляя себе, что такое монастырь, юноша отвечал:

— Возьмите меня и отведите в какой-либо монастырь. Сам я не знаю, куда идти.

Некоторые из воинов, сопровождавших юношу, особенно уважали авву Серида. Поэтому они и пришли в его монастырь вместе с тем юношей.

Игумен послал блаженного Дорофея поговорить с юношей и узнать, кто он. На все вопросы преподобного Дорофея юноша давал один ответ:

— Я хочу спастись.

Тогда Дорофей пришел к игумену и сказал ему:

— Если ты желаешь принять его, то принимай без всякого опасения. Нельзя ожидать от него ничего злого.

Игумен ответил:

— Окажи ему милость, отче, и приими его к себе, чтобы он мог получить спасение, наставляемый тобою.

Но смиренный инок отказывался и говорил:

— Не могу я взять его к себе, ибо это выше моих сил, не могу я наставить его на путь спасения.

На это игумен возразил ему:

— Я забочусь и о твоем спасении и о спасении всех вас; ты же не хочешь позаботиться о спасении одного юноши.

— Если ты хочешь того, отче, — заметил Дорофей, — то спросим совета у великого старца Варсонофия.

— Хорошо, — ответил игумен, — я скажу ему.

Отправившись к Варсонофию, игумен возвестил ему обо всем происшедшем. Тогда святой Варсонофий сказал Дорофею:

— Приими этого отрока, ибо Господь чрез тебя благоволит спасти его.

После этих слов блаженный Дорофей с великою радостию принял юношу, поместив его вместе с собою в больнице. Имя тому юноше было Досифей. Когда наступило время обеда, авва Дорофей сказал Досифею:

— Ступай и подкрепи свои силы, только скажи мне, сколько пищи принял ты.

Возвратившись, Досифей сказал:

— Я съел хлеб и полхлеба, а в каждом хлебе было по четыре фунта.

Дорофей спросил его:

— Достаточно ли с тебя сего?

Юноша ответил:

— Да, господин мой, этого вполне достаточно с меня.

— И ты не голоден? — спросил Дорофей.

— Нет, — отвечал Досифей.

— В другой раз, — сказал на это авва Дорофей, — ты съешь хлеб с четвертью хлеба, а другую четверть раздели на две части и одну из них также съешь.

Досифей так и сделал в следующий раз.

— Голоден ли ты? — спросил его Дорофей.

— Да, я чувствую некоторый голод, — отвечал Досифей.

Спустя немного дней блаженный Дорофей снова спросил его:

— Чувствуешь ли ты, чадо, голод?

Юноша ответил:

— Нет, господин мой, твоими молитвами я чувствую себя очень хорошо.

— Теперь ты употребляй только хлеб и полчетверти другого.

Досифей так и сделал. Чрез несколько дней преподобный Дорофей снова спросил его:

— Не чувствуешь ли ты теперь голодным себя, сын мой?

— Нет, я вполне сыт.

— Раздели, — сказал святой Дорофей, — и другую четверть на две части, одну из них ты можешь съедать, а другую сохрани.

Досифей исполнил слова своего наставника. Постепенно, с Божией помощию, Досифей стал употреблять в пищу вместо шести фунтов всего только восемь лотов, ибо, как и во всем, в пищи важна привычка: каждый ест такое количество, к какому успевает привыкнуть.

Всякое дело блаженный Досифей делал тихо и кротко; он прислуживал больным в больнице, и каждый благодарил его за его уход, ибо он старался все держать в чистоте. Если же ему от усталости случалось сказать какому-нибудь болящему что-либо с гневом, то он тотчас оставлял больницу, входил в келарню и там плакал. Другие больничные служители старались в этих случаях утешать его, но старания их оставались безуспешными: Досифей оставался неумолимым к себе. Тогда они отправлялись к отцу Дорофею и говорили:

— Окажи милость, отче, узнай, о чем рыдает брат Досифей, мы не знаем этого и не можем его утешить.

Преподобный Дорофей входил и находил ученика своего сидящим на земле и плачущим. Он спрашивал его:

— Что с тобою, Досифей, о чем ты плачешь?

На это Досифей отвечал:

— Прости меня, отче, я в гневе сказал брату моему злое слово.

Тогда авва Дорофей говорил ему:

— Зачем ты гневаешься, Досифей, зачем позволяешь себе с гневом говорить своему брату? Разве ты не знаешь, что, оскорбляя его, ты оскорбляешь Христа?

Досифей склонял свою голову долу и ничего не отвечал. Когда же Дорофей видел, что Досифей уже довольно раскаялся, он тихо говорил ему:

— Бог простит тебя; встань, и с этого дня положим начало твоему исправлению, усугубим свое усердие к деланию добра, и Бог поможет нам.

Тогда Досифей вставал и с радостию принимался за свое дело, как будто получал прощение от Бога. Бывшие в больнице вскоре узнали обыкновение Досифея, и когда они видели, что Досифей плачет, то говорили:

— С Досифеем что-то приключилось, он в чем-то согрешил.

И затем обращались к блаженному Дорофею:

— Отче, ступай в келарницу, там есть для тебя дело.

Когда Дорофей входил и видел своего ученика плачущим, он разумевал, что опять Досифей сказал кому-либо злое слово, и говорил ему:

— Что с тобою, Досифей? Неужели ты опять оскорбил Бога? Неужели ты опять поддался чувству гнева? Неужели ты забыл о своем намерении исправиться?

Когда преподобный Дорофей видел, что его ученик пролил уже немало слез, он говорил ему:

— Встань, Досифей, и да простит тебя Бог; ты же со своей стороны снова постарайся положить начало исправлению.

Утешенный этими словами, Досифей оставлял свою печаль и шел постилать постели, что он делал уже с кротостию. Постоянно исповедуясь пред своим наставником во всех делах своих и помышлениях, блаженный Досифей, постилая для болящих мягкие постели, часто говорил проходившему мимо Дорофею:

— Отче, моя совесть говорит мне, что я хорошо постилаю постели.

На это авва Дорофей отвечал ему:

— Удивительное дело, Досифей, ты становишься хорошим слугою и отличным постельником, но из тебя не выходит хорошего инока.

Преподобный Дорофей никогда не позволял Досифею иметь к чему-либо пристрастия, и ученик исполнял все заветы своего учителя. Когда для Досифея нужна была одежда, авва Дорофей приказывал своему ученику самому сшить себе одежду и давал ткань. Блаженный Досифей удалялся и исполнял это поручение с тщанием великим. Когда он кончал работу, авва Дорофей призывал его и говорил:

— Кончил ли ты, Досифей, свою работу?

— Да, мой отец, я хорошо сшил одежду, — отвечал Досифей.

— Иди и отдай ее такому-то брату (он называл имя его) или больному.

Досифей с радостию исполнял это приказание своего наставника, а блаженный Дорофей давал ему сшить другую одежду; когда он кончал и эту, наставник его говорил ему:

— Отдай ее такому-то брату!

И Досифей отдавал ее. Он никогда при этом не роптал и не говорил: «Берет мою одежду и отдает ее другому», — но с усердием и любовию совершал все, что приказывал ему его наставник.

Однажды монастырский строитель[1] принес от кузнеца хороший, острый нож. Досифей взял его, принес к авве Дорофею и сказал:

— Отче, брат строитель принес этот нож; я взял его, чтобы иметь его в больнице, если ты позволишь.

Блаженный же Дорофей всегда имел в больнице то, что было похуже; поэтому он отвечал Досифею:

— Покажи его мне; я посмотрю, хорош ли он.

Досифей подал нож своему наставнику. Святой Дорофей хотя и видел, что нож хорош, однако не желая, чтобы ученик его имел пристрастие к какой-либо вещи, сказал ему:

— Так ли ты хочешь, Досифей, чтобы тебе быть рабом этого ножа, и неужели ты не боишься того, что нож этот, а не Бог, будет обладать тобою?

Слыша сии слова, Досифей молчал. Достаточно пристыдив его, преподобный Дорофей сказал своему ученику:

— Ступай, положи где-нибудь этот нож и не прикасайся к нему.

Блаженный Досифей свято исполнил это приказание; он даже никогда не осмеливался подать этого ножа кому-либо другому, хотя другие служители и брали его: только он один не касался его; ни разу он даже не подумал:

— Зачем только мне одному приказано не брать его; разве я не равен с другими?

Никогда не помышлял так преподобный Досифей, но всегда совершал с радостию все, что приказывал ему его наставник.

Даже, когда авва Дорофей, порицая его, говорил что-либо иносказательно, святой Досифей и в таком случае старался угадать и исполнить желание своего наставника. Так в его жизни имело место такое происшествие. Сначала Досифей имел обыкновение говорить очень громко. Блаженный Дорофей, желая, чтобы он говорил не так громко, сказал:

---

[1] *Строитель* — иначе домостроитель, домоправитель, казнохранитель, эконом, или же ключник. Так назывались иноки, заведовавшие монастырским хозяйством.

— Досифей, надобно принести чашу нерастворенного вина. Иди и возьми сосуд!

Он тотчас же отправился и принес полную чашу вина и хлеб. Подавая это наставнику, он хотел получить от него, по обычаю, благословение. Дорофей, увидев это, удивился и спросил его:

— Что ты хочешь сделать, Досифей?

— Отче, — ответил ему ученик его, — ты повелел принести мне сосуд нерастворенного вина; итак, дай мне благословение.

— Несмысленный, — отвечал авва Дорофей, — ты говоришь очень громко, словно готы[1], когда они упьются вином. Поэтому и я сказал тебе: возьми чашу вина, ибо ты кричишь так же громко, как готы.

Святой Досифей, поклонившись, положил обратно то, что принес, и с того времени стал говорить тихо.

Однажды он пришел к преподобному Дорофею и просил его объяснить одно место из Священного Писания, ибо, ревнуя о просвещении ума своего, он начал размышлять над некоторыми местами Священного Писания.

Но его наставник не хотел, чтобы Досифей упражнялся в изучении Писания, так как боялся, что тогда он возмечтает о себе и не сохранит смиренного сознания своей нищеты душевной. Поэтому на вопрос ученика преподобный Дорофей отвечал:

— Не знаю.

В другой раз, когда Досифей снова пришел к своему наставнику и спросил его о другом месте Священного Писания, он получил такой ответ:

— Поди к игумену и спроси его об этом, я же не могу тебе объяснить.

Повинуясь повелению наставника своего, блаженный Досифей отправился к игумену. Но авва Дорофей предупредил игумена:

---

[1] *Готы* — были полудиким народом, германского происхождения, который жил первоначально к юго-востоку от Балтийского моря. В эпоху великого переселения народов (V в.) готы распространились к югу и некоторое время грозили Византийской империи. В это же время, а также и позднее из готов было немало наемников, служивших в войсках греческого императора, а потому народ этот был известен даже в Палестине.

— Если придет к тебе, отче, Досифей и станет спрашивать о разных местах Священного Писания, нанеси ему удар.

Когда Досифей пришел к игумену и просил его объяснить непонятные места Священного Писания, игумен начал наносить ему удары, говоря:

— Зачем ты не молчишь, если ничего не понимаешь? Зачем ты осмеливаешься спрашивать о сем? Не должен ли ты больше заботиться о своей чистоте, вместо того чтобы заниматься испытанием Писаний.

Затем, еще ударив его дважды по ланитам, игумен отпустил его. Возвратившись к отцу Дорофею, преподобный показал ему свои покрасневшие от удара ланиты и сказал: «Игумен нанес мне удар также и по спине», — и больше ничего не прибавил. Он не стал укорять своего наставника, не сказал ему: «Зачем ты не вразумил меня, зачем послал меня к игумену». Нет, ничего подобного не сказал блаженный Досифей; он все, что приказывал ему наставник его, принимал с верою и тотчас же исполнял его повеление без всякого рассуждения. Когда авва Дорофей спрашивал ученика своего о его помышлениях, Досифей рассказывал их своему наставнику и покорно выслушивал от него все наставления. При этом повеления своего учителя он старался соблюдать с такою точностию, что святому Дорофею никогда не приходилось повторять свои наставления. Так он поступал во все время своего недолгого пребывания в обители, а пробыл он в ней всего около пяти лет. Так он и окончил жизнь свою, не выходя из повиновения наставнику и отцу своему, совершенно отказавшись от своей воли и не имея пристрастия ни к какой вещи.

Даже о своем здоровье преподобный Досифей нисколько не заботился. Когда он впал в тяжкую болезнь, так что у него шла кровь горлом, то он услыхал, что его болезни могут помочь недоваренные яйца. Преподобный Дорофей, который прилагал все усилия, чтобы излечить от болезни ученика своего, также слышал об этом средстве, но в то время забыл о нем. И вот святой Досифей однажды сказал своему наставнику:

— Отче, я хочу сказать тебе об одной вещи. Я знаю одно средство против моей болезни, но хочу, чтобы ты приказал мне не упо-

треблять его, ибо боюсь, что в противном случае будет возмущать дух мой суетный помысл о выздоровлении.

— Скажи мне, чадо, что это за средство? — спросил преподобный Дорофей.

— Обещай мне наперед, что ты не дашь мне его, — снова стал просить отца Дорофея блаженный Досифей.

— Хорошо, — ответил наставник, — я исполню твое желание.

Тогда болящий сказал ему:

— Я слышал от некоторых, что для таких больных, как я, полезны недоваренные яйца, но прошу тебя, не приказывай мне употреблять их, чтобы суетный помысл о выздоровлении не смущал меня.

— Хорошо, сын мой, я не стану принуждать тебя, как ты сам об этом просил меня. Только ты не скорби и не падай духом.

И действительно, вместо недоваренных яиц преподобный Дорофей давал своему ученику другие средства, помогающие в его болезни. Так святой Досифей, даже заболев тяжкой болезнию, старался отречься от своей воли.

Преподобный всегда имел в уме и на устах память о Боге. Духовный отец его советовал ему постоянно произносить: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, помилуй меня», и «Сыне Божий, помоги мне». Эти молитвы святой Досифей всегда имел на устах своих. Когда болезнь его усилилась, отец Дорофей сказал ему:

— Досифей, не забывай своих молитв и удвой свои моления!

— Моли, отче, Бога за меня, — ответствовал страдалец.

Когда болезнь усилилась еще более, Дорофей спросил:

— Что, Досифей, творишь ли ты свои молитвы так же, как и прежде?

— Да, отче, по молитвам твоим, я не оставляю этого дела.

Когда болезнь его еще более усилилась, так что Досифей сам уже не мог вставать и приходилось носить его на полотне, — преподобный Дорофей спросил его:

— Продолжаешь ли ты, Досифей, молиться?

— Прости меня, отче, — отвечал больной, — более я не могу молиться.

— Тогда оставь молитву, — отвечал Дорофей, — только поминай Имя Божие и имей всегда Его пред своими глазами.

Страдания святого Досифея все усиливались, и однажды он обратился к старцу Варсонофию с такою просьбою:

— Отпусти меня, отче, более я не могу жить.

Святой Варсонофий послал сказать ему:

— Терпи, чадо, ибо недалеко уже милость Божия.

Видя, что святой Досифей сильно недугует, преподобный Дорофей был весьма опечален этим. Чрез несколько дней болящий снова послал сказать святому Варсонофию:

— Владыко мой, не могу более жить.

На это великий Варсонофий отвечал:

— Иди с миром, предстань пред Пресвятой Троицей и моли за нас пред престолом Вседержителя.

Слыша эти слова великого Варсонофия, иноки стали негодовать; они говорили друг другу:

— Что же великого сделал Досифей? В чем был подвиг его? За что он получил такой ответ от великого старца?

Они действительно не видели особенных подвигов преподобного Досифея, не видели, чтобы он вкушал только через день, как делали некоторые из бывших там иноков; не видели они, чтобы Досифей раньше всех являлся в церковь, не видели, чтобы он проявлял особенное воздержание. Они все видели, как Досифей вкушал пищу, хотя и в небольшом количестве. Они знали, что святой Досифей иногда питался соком, который оставался после раздачи болящим, или головами рыб, или другими подобными кушаньями. А в этом монастыре было много иноков, которые долгое время ревностно подвизались в воздержании, вкушали пищу только через день, постоянно молились; они, слыша ответ великого Варсонофия, данный болящему, пробывшему не более пяти лет в монастыре, смутились; ибо не знали безропотного и полного послушания святого Досифея, и не могли понять его великого подвига. Поэтому-то они и стали роптать, когда услышали обращенные к нему слова святого Варсонофия.

Но Господу было угодно показать славу, уготованную Досифею за его великое послушание, и вместе с этим пред всеми явить, насколько мудро и скоро наставил преподобный Дорофей своего ученика на путь спасения. Вскоре после преставления Досифея[1] в монастырь пришел один святой старец, опытный подвижник, и был принят с

---

[1] Скончался в VII веке.

честью. Этот старец, желая увидеть прежде почивших святых отцов обители, молился Господу, чтобы Он открыл ему что-либо о них. Молитва его была услышана, и он удостоился узреть всех отцов обители, стоящих в светлом месте, среди которых находился юноша с веселым лицом. После этого видения старец стал расспрашивать, кто этот юноша, которого он видел среди святых отцов. Когда он описал его наружный вид, все поняли, что это был блаженный Досифей. Тогда все прославили Бога и дивились Его неизреченной милости.

Так, преподобный Досифей в малое время достиг великой славы в Царстве небесном, потому что подвизался в послушании, отвергся воли своей и поработил ее воле наставника своего, как бы Самому Богу. За это он предстоит ныне со всеми святыми отцами на небесах Живущему и на смиренных в послушных призирающему Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
АРХИППА, ФИЛИМОНА и АПФИИ

По свидетельству блаженного Амвросия[1], святой апостол Архипп, один из числа семидесяти, был епископом после святого Епафраса[2] в городе Колоссах[3], во Фригии; святой апостол Павел в своем

[1] *Святой Амвросий* был епископом Медиолана (ныне Милан, на севере Италии). Для западной половины вселенской Церкви он имел такое же значение, какое Василий Великий для восточной, потому что подобно ему прославился как ревностный поборник Православия. Много осталось от него и писаний, в которых он частью излагает учение веры, частью объясняет слово Божие, частью поучает христианским добродетелям. Свидетельство об апостоле Архиппе находится у Амвросия в его изъяснении послания апостола Павла к колоссянам, в котором сказано: *Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе* (Кол. 4, 17). Скончался святой Амвросий в 397 году. Память его — 7 декабря.

[2] *Святой Епафрас* был апостолом из 70-ти. Вместе с апостолом Павлом он содержался в Риме в узах. Память его празднуется 4 января (собор 70-ти апостолов).

[3] *Колоссы* — город в юго-западной части Фригии (область Малой Азии), при реке Ликусе, близ Лаодикии и Иераполя. В древности был большой, населенный, богатый город. В настоящее время это небольшая деревенька на одном из скатов горы Хокас, при которой сохранились еще развалины древнего города Колоссы.

послании к Филимону называет святого Архиппа своим сподвижником (см.: Флм. 2). Святой Филимон был именитый гражданин в Колоссах, святая же Апфия, по свидетельству Иоанна Златоустого, была супругою Филимона. Последний, уверовав во Христа, сделал из дома своего церковь; таким образом в доме Филимона собирались все верующие в Колоссах и здесь совершались, как бы в церкви, божественные службы[1]. Потом святой Филимон был поставлен епископом с тем, чтобы помогать апостолам в распространении Евангелия.

Во времена святых апостолов одни из епископов имели постоянное жительство и занимали одну определенную кафедру, другие же, не имея этого, обходили различные города и селения; такие назывались епископами апостольскими, так как были посылаемы на апостольскую проповедь. Таким епископом был и святой Филимон, сподобившийся быть причтенным, подобно некоторым поместным епископам, к числу семидесяти святых апостолов; он обходил города Фригии и некоторые другие и везде ревностно проповедовал слово Божие. Сохранилось до нас известие, что он был епископом и в Газе[2].

Святая Апфия, устроив в своем доме в Колоссах церковь, усердно служила денно и нощно Господу, подвизаясь в молитве и посте; она с радостию принимала и давала пристанище тем, кто трудился, благовествуя учение Христово; она доставляла пищу нищим, убогим и странникам, так что дом ее был не только церковию, но также и странноприимницей, больницей и пристанищем для всех, кто не имел места, где бы мог отдохнуть и успокоиться.

---

[1] Во времена апостолов христиане не имели особых мест для молитвенных собраний. Обыкновенно для этого служила какая-нибудь самая лучшая горница, по большей части, в доме какого-нибудь состоятельного из верующих, и в ней-то собирались все христиане города для совершения таинства Евхаристии и общественных молитв. Таким образом, простая горница являлась как бы храмом. Первообраз такого храма-горницы мы имеем в известной Сионской горнице, в которой, по преданию, была совершена Тайная вечеря Господом Иисусом Христом пред Своими страданиями и в которой по вознесении Господа собирались апостолы, получив в ней, в пятидесятый день, по воскресении Его, дары Святого Духа, сошедшего на них.

[2] *Газа* — один из самых древнейших Филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда значительный город. Недалеко отсюда расположен новый город, позднейшего происхождения, того же имени.



Однажды в Колоссах совершался богомерзкий праздник в честь языческой богини Артемиды[1]. В это время бывшие в городе святые апостолы Архипп и Филимон, собрав всех верующих в дом Филимона и Апфии, возносили Господу обычные свои моления и отправляли божественную службу. Между тем идолослужители, питавшие сильную ненависть к верующим, узнали, что все христиане собрались в доме Филимона. Воспользовавшись таким случаем, язычники напали внезапно на верующих, разогнали все стадо Христово, одних избили, других убили; затем, схватив святых апостолов Архиппа и Филимона, а также святую Апфию, привели их к ефесскому градоначальнику Артоклису и, по повелению последнего, подвергли святых мучениям: сначала мучители распростерли их на земле и стали влачить их, немилосердно нанося им при этом удары; затем каждого из них в отдельности закопали до бедер в землю и начали побивать камнями. Святого Филимона и святую Апфию они совсем закидали камнями; а святого Архиппа еле живого оставили на посмеяние детям; сюда собралось множество отроков, которые стали терзать святого ножами. Так эти трое святых предстали на небесах пред престолом Пресвятой, животворящей, Божественной и неразделимой Троицы[2].

---

[1] *Артемида, иначе Диана,* — известная языческая богиня у греков и римлян, которая олицетворяла собой луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с большим великолепием и блеском; особенно чтили ее в городе Ефесе.

[2] Апостолы Архипп и Филимон и святая жена Апфия скончались в царствование Римского императора Нерона (54–68 гг.). Память их празднуется Церковью также и 22 ноября.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
РАВУЛЫ

Святой Равула родился в городе Самосатах[1]. Образование он получил под руководством одного знаменитого, хорошо владевшего сирским языком, ученого мужа, по имени Варипсава. С юных лет проводя добродетельную жизнь, преподобный по достижении совершенного возраста принял иночество и избрал себе необыкновенные подвиги. Подобно святому пророку Илии, он один обитал по горам и пещерам и в образе жизни своей подражал святому Иоанну Крестителю.

По прошествии некоторого времени преподобный вместе с другим иноком отправился в Финикию[2] и, подвизаясь здесь, обратил на себя внимание высокими своими добродетелями, так что вскоре помимо своего желания стал всем известен. Получив денежное пособие от императора Зенона[3], он при содействии Беритского[4] епископа Иоанна построил в одном месте среди гор обширный монастырь и населил его иноками. В окрестностях монастыря проживало множество закоренелых язычников. Преподобный Равула и подвизавшиеся вместе с ним в обители иноки, уподобляясь святым апостолам Павлу и Варнаве, а также Петру и Иоанну, стали то обличать их заблуждения, нередко вступая с ними в спор, то преподавать им наставление в вере, и вскоре привели всех их к познанию истинного Бога. Это было первое славное деяние преподобного.

После смерти императора Зенона управление империей принял император Анастасий[5]. Преподобный Равула отправился в Констан-

---

[1] *Город Самосаты* находился в Сирии и расположен был на правом, западном берегу реки Евфрата, в его верховьях.

[2] *Финикия* находилась к северу от Палестины и лежала между Средиземным морем и Ливанскими горами.

[3] *Зенон* царствовал с небольшим перерывом с 474 по 491 год. В его царствование происходила борьба православных с еретиками монофизитами, и он принимал в этой борьбе деятельное участие, стараясь дать перевес и торжество представителям православного учения Церкви.

[4] *Берит*, ныне Бейрут, был приморским городом Финикии и расположен близ устьев реки Магоры.

[5] *Император Анастасий* управлял империей с 491 по 518 год.

тинополь и своими хлопотами достиг того, что император оказал ему новое денежное пособие, которое и было употреблено им на построение второго монастыря. Впоследствии он построил в разных местах много еще и других монастырей. Святой Равула всегда был ко всякому доброму делу рачителен, кроток, милостив, человеколюбив, никогда не предавался гневу, всегда пребывал в молитвах и ко всем относился благожелательно. И когда диавол, возбуждая в нем страсти, вступал с ним в борьбу, то, в совершенстве зная и понимая Священное Писание Ветхого и Нового Завета, он противопоставлял ему и слово Божие, и дела благочестия и тем отгонял от себя противника. Преподобный жил до времени царствования Юстиниана Великого[1], построившего знаменитый храм святой Софии в Константинополе[2]. Достигши восьмидесяти лет, он услышал однажды голос с неба, сказав ему: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28), после этого, немного поболев, отошел ко Господу[3].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ЕВГЕНИЯ и МАКАРИЯ
исповедников

Когда в Римской империи царствовал Юлиан, то все христиане скрывались из-за того, что по повелению императора везде приносились жертвы языческим богам, и язычники в угоду своему государю, оскверняя себя и не боясь суда Божия и вечного наказания,

---

[1] *Юстиниан* вступил на престол после Юстина в 527 году и царствовал до 565 года.

[2] Главный великий собор Константинополя во имя Софии — Премудрости Божией, который первоначально был создан Константином Великим. При императоре Юстиниане он был великолепно возобновлен и расширен в 537 году. В 1453 году, при взятии Константинополя турками, он обращен в мечеть. Юстиниановский храм святой Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры Византийского стиля, самой цветущей эпохи его развития.

[3] Святой Равула скончался около 530 года.

силою принуждали твердых в вере исповедников Христа принимать участие в этих жертвоприношениях. В это время были схвачены и приведены на суд к Юлиану два пресвитера Антиохийской церкви Евгений и Макарий. На суде они исповедали Христа истинным Богом и Судиею живых и мертвых и обличили императора отступника, как нечестивца и убийцу, нарушителя заповедей Божиих, язычника и служителя идолов, причем сказали ему:

— Горе тебе, нечестивец и наследник вечного, нескончаемого огня! Горе твоей суетности! Как ты решился вместо света снискать себе тьму?

От этих слов Юлиан пришел в гнев и повелел сперва связать святых тонкими ремнями, повесить вниз головами и окуривать ядовитым зловонным калом, а потом сильно раскалить железный лист и, обнажив их, разложить на нем. Подвергнутые таким мучениям, святые Евгений и Макарий возвели глаза свои к небу и, сохраняемые силою Божиею, оставались невредимыми, причем лица их сияли радостию и тем обличали злобу мучителя. После этого Юлиан приказал заключить их в оковы и сослать в Оасим аравийский[1]. Идя на место ссылки, святые радовались, что терпят изгнание за Христа, и пели: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1).

С радостным духом они прибыли в Оасим, взошли на одну гору и одни стали жить на ней. Правители страны сказали им:

— Братия, уйдите из этого места, потому что неподалеку отсюда обитает свирепый змей, который пожирает всех, кто близко подходит к нему.

На это святые отвечали:

— Покажите нам пещеру, где обитает этот змей.

Их привели к месту обитания змея и издали показали пещеру, где он находился. Тогда святые, преклонив колени, помолились Богу, и внезапно последовал с неба удар грома и поразил змея. Убитый змей объят был пламенем и немедленно же сгорел, причем вместе с ним сгорел и песок, бывший в пещере, и над пещерою бурным зловонным вихрем поднялась пыль. Увидев такое чудо, начальники страны, бывшие язычниками, уверовали во Христа.

---

[1] *Аравия* — каменистый полуостров на юго-западе Азии. Оасим представлял собой один из оазисов Аравийской пустыни.

Между тем святые Евгений и Макарий вошли в пещеру, где обитал змей, и тридцать дней провели в молитве, не имея при себе ни пищи, ни питья. Наконец они услышали голос, сказавший им:

— Рабы истинного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, подойдите к камню, который находится вблизи вас.

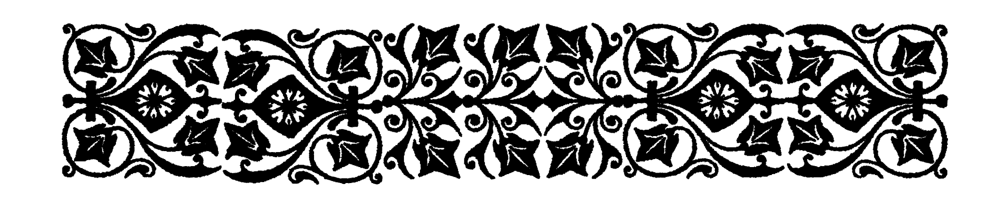
Святые исполнили повеление, и когда подошли к камню, то сперва увидели в нем свет, а потом камень распался на две части, и из него в изобилии потекла вода. Взяв этой воды, они досыта напились ее и тем утолили и голод свой и жажду. Находясь в пещере, святые молились о том, чтобы Господь сподобил их умереть в одно время и вместе быть со Христом, и Господь принял молитву их: они оба вместе отошли ко Господу, благодаря и прославляя Его[1].

В тот же день **память святых мучеников Максима, Феодота, Исихия** и **святой мученицы Асклипиодоты**, пострадавших при императоре Максимиане Галерии в Адрианополе[2].



[1] Кончина святых относится к 363 году.

[2] Память трех из них — Максима, Феодота и Асклипиодоты (иначе Асклиады) — празднуется еще 15 сентября.



День двадцатый[1]

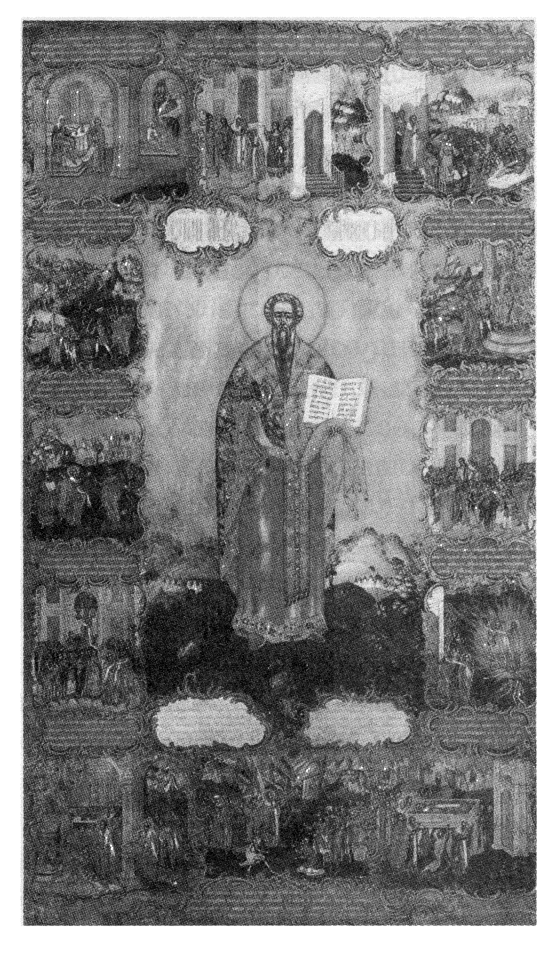
ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЛЬВА,
епископа Катанского

Угодник Божий Лев, сын благородных и благочестивых родителей, происходил из области Равеннской[2]. За свое чистое житие и разум он был удостоен всех по порядку священных степеней, а по преставлении блаженного Савина, епископа Катанского, избранием Божиим, был возведен на епископский престол. Город Катана находится на острове Сицилии, недалеко от горы Етны, которая и доныне извергает огненную лаву. Приняв престол епископский, святой Лев принял на себя и все труды, соответствующие новому его сану. Он заботился о сиротах, нищих, вдовицах, больных, странных, питая и одевая их на счет церковных имений, и врачевал недуги их своими молитвами; он был милостивым отцом к своим чадам и верным пастырем своего стада, но для бесов и их служителей он был страшен, как лев для волков. Во дни его в Катане был некий волхв, по имени Илиодор; он был сыном верующих во Христа и благочестивых родителей, и сам был просвещен святым крещением, но потом тайно отвергся от Христа и стал служить бесам, научившись от одного иудеянина волхвованию. Таким образом он считался христианином, но на самом же деле был язычником, служителем бесовским и великим волхвом, нисколько не лучше того древнего волхва Симона, которого своей молитвой предали смерти святые верховные апостолы Петр и

---

[1] В обычный год — 5 марта по н. ст., в високосный год — 4 марта по н. ст.

[2] *Равенна* — ныне итальянская провинция у Адриатического моря.



Павел; во всем был подобен ему и Илиодор: совершая удивительные волшебные чудеса, он, чрез свое внушение, достигал того, что людям казалось, будто по сухой земле, на путях и стогнах, текут реки, так что граждане обоего пола, обнажившись, среди города переходили, как им казалось, реку; камни он обращал в золото, но лишь на малое время; на торжищах волхвованиями своими он причинял купцам большие убытки; благородных девиц, дочерей честных и сановитых граждан, он своим волшебством так возбуждал к плотскому греху, что они, забыв стыд, оставляли свои кровы и родителей и ради любодеяния бегали по различным местам. Когда же игемон Луций сделал донесение о нем царям Льву и его сыну Константину Багрянородному[1], то цари послали повеление — взять его; но Илиодор сам отдался в руки людей, искавших его; он сел с ними на корабль в Катане и в тот же день пристал к Царьграду, проплыв в один час такое расстояние, о котором имеют понятие только люди, переплывающие с Запада — от Сицилии на Восток — до Фракии. Явившись пред царями, он был осужден ими на смерть, но тотчас же на царских глазах стал невидим и опять появился в Катане; будучи вторично призван в Царьград и осужден на усечение мечом, волхв снова стал невидим в то самое время, когда воин, подняв меч над его головою, сильно взмахнул им, так что меч ударил только по воздуху; и опять этот чародей очутился в Катане.

[1] *Лев III Исаврянин* (717–741); сын его *Константин* царствовал с 741 по 775 год.

Часто убеждал его святитель Христов Лев отстать от таких злых дел и, раскаявшись, обратиться к Богу, но нельзя было уговорить Илиодора, как нельзя сделать белым эфиопа и твердый камень обратить в мягкий воск. Нечестивец не только не исправился, но задумал и еще большее зло: он простер свое волхвование на самого архиерея Божия, желая своим волхвованием насмеяться над ним. Однажды в торжественный день одного праздника святитель, в присутствии всего народа, совершал со всем своим причтом в церкви Божественную службу; в храм вошел и волхв Илиодор, как лицемерный христианин, и начал тайно совершать свои волхвования; чрез них он достиг того, что одни из народа стали топотать в церкви, словно лошади, ногами и рычать, подобно зверям; другие стали неудержимо хохотать, а иные стали гневаться; волхв же хвалился, что сделает еще то, что и сам епископ со всеми своими пресвитерами и клириками, прекратив служение, будет тут же скакать и плясать, как будто под звуки музыки и органов. Святитель Божий, уразумев помышление Илиодора, преклонил колени пред престолом Божиим и, усердно помолившись, встал, вышел из алтаря и, взяв своим омофором за шею волшебника, связал его, и, выведя его затем из церкви на средину города, повелел народу, чтобы тотчас же принесли побольше дров и развели бы сильный огонь. Когда его приказание было исполнено, святой расспросил Илиодора о всех его волхвованиях и чародеяниях, а после того, держа его связанным своим омофором, вошел с ним в огонь и, находясь среди пламени, держал его и не покидал своего места до тех пор, пока нечестивый волхв весь не сгорел; после этого архиерей Божий Лев, возвратившись в церковь, докончил Божественную службу. Это преславное чудо всех привело в ужас, ибо, держа в пламени волхва, сам святитель не только не опалился в огне, но даже огонь не коснулся его святительских облачений: роса Духа Святого окружила его в пламени и защищала от опаления; слух об этом прошел по всем концам земли; цари, узнав о таком чуде, призвали святого с великою честию к себе в Царьград и, припав к его честным ногам, умоляли его помолиться за них. Входя же в царскую палату, блаженный нес на своей одежде горящие угли, и одежда его не опалялась. И много других чудес сотворил этот великий угодник Божий: он подавал слепым прозрение, больным исцеление, изгонял из людей бесов, сокрушил своею молитвою идоль-

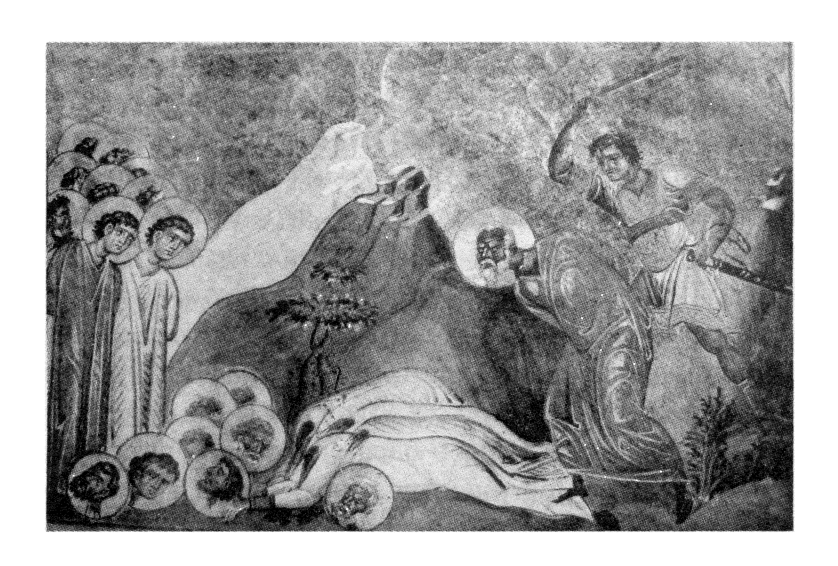
ское капище и своим словом ниспроверг идолов; наконец в старости он преставился Господу. В это самое время одна кровоточивая женщина из Сиракузской области[1], сенаторского рода, пришла в город Катану к святому; долгое время страдала она недугом кровотечения: уже врачи отказались лечить ее; слыша, что святой епископ Лев своею молитвою подает людям исцеление от болезней, она пришла просить святого помолиться о ней; в то время, как она входила в городские ворота, она услышала звон по умершем, когда же она спросила, кто это скончался, ей ответили, что преставился святой епископ Лев; исполненная глубокой жалости, она пошла к преставившемуся и, лишь только коснулась одра его, тотчас остановилось у нее кровотечение, и она совершенно исцелилась. Святое тело епископа Льва положено было в церкви святой мученицы Лукии; этот храм был построен самим блаженных Львом. От святых мощей святителя Христова истекло благовонное миро, которое и исцеляло разные недуги во славу Христа Бога нашего.

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
САДОКА,
епископа Персидского, и с ним 128 мучеников

Святой Садок вступил на епископский престол в персидских городах Салике и Ктизифоне после того, как там пострадал святой Симеон, епископ Персидский. Однажды святой Садок увидел страшный сон: пробудившись, он призвал к себе свой клир, пресвитеров и диаконов — в то время все они скрывались, боясь царя — и начал им говорить:

— В эту ночь я видел во сне лестницу, касавшуюся своим верхом небес; на ней с великою славою стоял святой епископ Симеон, я же стоял на земле; святой Симеон громко сказал мне: «Взойди ко мне,

[1] *Сиракузы* — одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова Сицилии, основана, по преданию, коринфянами около 735 года до Рождества Христова. Ныне итальянская провинция.



Садок, и не бойся, — я вчера вошел, а ты взойди сегодня». После такого видения и слов святого я верую, что меня возьмут на мучение за Христа; слова святого Симеона: «Я вчера взошел, а ты взойди сегодня», означают то, что он претерпел страдание в прошлом году, а мне в текущем году предстоит претерпеть мучение и смерть.

После этого святой Садок начал так поучать клир:

— Братия мои возлюбленные и отцы, возлюбим Бога от всей души и Господа нашего Иисуса Христа всем помышлением; облекшись в броню веры, не устрашимся никакого зла, не станем ужасаться, если постигнет нас мучение и смерть, — пусть каждый из нас будет добрым воином Иисуса Христа. Если нам должно умереть, то умрем как подобает совершенным; если же нам суждено жить, то будем жить подобно праведным. Если мы и умрем, то умрем за Спасителя нашего и не станем страшиться меча, если чрез меч нам открывается вечная жизнь. Пока еще день[1], станем ревностно трудиться над спасением своей души, чтобы нам обогатиться нетленными благами, удостоиться чести и славы бесконечной в небесном Царствии, чтобы имя наше осталось славным в памяти христианского рода. Братия, станем молить Бога нашего, чтобы Он скоро исполнил то,

[1] Намек на слова Христовы: *не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним* (Ин. 11, 9–10).

что мне представилось в видении. Ибо тот, кто от духа, с радостию и великою любовию стремится претерпеть мучение и смерть за Христа и не боится, так как он всегда готов на такой подвиг. Но страшен и ужасен смертный час для того, кто от плоти; люди добродетельные сами с тщанием и великодушием ищут такой смерти, чтобы чрез нее наследовать вечную жизнь; а ленивые и нерадивые скрываются, видя пред собою смерть. Ибо любящие Бога восходят к Богу, а любящие мир в мире пребывают; первые оставляют тело для радости и веселия, вторые же остаются в этой жизни на беды и воздыхания.

На второй год гонения царь персидский Сапор прибыл в упомянутые города Салик и Ктизифон; в это время пред ним оклеветали святого епископа Садока, имя которого обозначает «царев друг», и действительно он от всей души своей и всею крепостию любил небесного Царя Христа: он отличался великим воздержанием и был исполнен правды и веры; он подражал святому Симеону, после коего вступил на святительский престол. Тогда Сапор послал воинов, чтобы они взяли епископа вместе с его клиром; вместе с ними было схвачено много других христиан и черноризцев, всего сто двадцать восемь; все они были связаны железными веригами и заключены в темнице, в месте мрачном, смрадном и страшном. Здесь в течение пяти месяцев они томились в невыносимых страданиях, ибо нечестивые слуги безбожного царя связывали каждого мученика по всему телу тонкими бичевами, сгибали при помощи дерева, так что кости страдальцев трещали и кожа их трескалась — столь сильные муки переносили святые.

Мучители при этом говорили:

— Поклонитесь солнцу и огню, исполните волю царя и останетесь живы.

Святой же Садок отвечал за всех:

— Мы — христиане, и поклоняемся Единому Богу, Творцу неба и земли; Ему мы и служим всею душою и всеми силами нашими; а солнцу и огню мы не поклоняемся и не почитаем их, ибо они созданы на службу людям. Не послушаем мы царского повеления и не отступим от Бога нашего, не устрашимся смерти, которая приводит нас из этой временной и суетной жизни в вечное Царство; итак, не медлите, убейте нас, не жалейте крови нашей, уже не раз проливавшейся пред вашими глазами.

После этого вторично пришло повеление царское к святым:

— Если вы не послушаете моего повеления и не исполните моей воли, то скоро вас постигнет злая гибель.

Святые же как едиными устами отвечали:

— Не погибнем мы у Бога нашего, не умрем мы во Христе Его, ибо Он оживляет нас блаженною и вечною жизнию и дает нам бессмертное Царство в наследие и покой; ты же не отлагай нашей смерти, ибо мы с усердием готовы пострадать за Бога нашего; не станем мы поклоняться солнцу и огню, не станем мы слушать нечестивых царских повелений, исполненных смерти и гибели.

Царь, видя их твердое постоянство в вере, издал указ, чтобы всех их посечь мечом. Святые же, услышав о распоряжении царя, все с радостию стали готовиться к смерти. Их повели за город. На пути туда они радостно воспевали:

— Суди нам, Боже, и рассуди спор наш, избавь нас от народа нечестивого, от людей неправедных и льстивых (ср.: слав. Пс. 42, 1), проливающих кровь, избави нас, ибо Ты, Господи, надежда наша.

Когда же пришли на место казни, все они единодушно стали взывать:

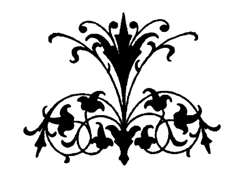
— Благословен Ты, Господи Боже наш, сподобивший нас этой благодати; Ты не презрел молитв наших, но даровал нам этот драгоценнейший венец — мученичество. Ты, Господи, ведаешь, как мы желали его. Благословен Бог наш Единородный Сын Твой, Отче, спасший и призвавший нас к вечной жизни. Не оставь нас, Господи, бедствовать в сем мире, но утверди нас пред Тобою вовеки ради Твоей благости, омой нас в крови нашей от грехов наших, ибо Ты Един Бог препрославленный и Единородный Сын Твой и Пресвятой Твой Дух вовеки. Аминь.

В то время, когда святые возносили Господу такое моление, нечестивые посекали их, но мученики продолжали славословить Бога до тех пор, пока не был умерщвлен последний из них. А честного и славного страстотерпца Садока мучители отвели в оковах в другой город, называвшийся Вифлапат, и там отрубили ему честную и святую главу. Так в мире скончались все эти святые и славные мученики, восхваляя и славословя Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
АГАФОНА,
папы Римского

Преподобный родился в Италии от богатых родителей, которые веровали во Христа и проводили благочестивую жизнь. Любя своего сына, они научили его всяким полезным и богодухновенным книгам. В знании Священного Писания преподобный так преуспел, что после кончины своих родителей собрал оставшееся после них богатство (около 1633 литр[1]) и, созвав нищих, сирот и вдов, в один день все роздал им.

После этого в одном из монастырей он принял иночество и предался иноческим подвигам, и днем и ночью неленостно трудясь для угождения Богу и молясь о всем мире. Он так ревностно подвизался в добродетели, что удостоен был от Господа дара великих чудес. Добродетельная жизнь святого Агафона не могла укрыться от людей, и он поставлен был архиепископом города Рима. Наставив в добродетели свою паству и прославившись чудесами, преподобный в сане епископа отошел ко Господу[2].



---

[1] *Литра* — название веса. Еврейская литра заключала в себе 72 золотника. См.: 3 Цар. 10, 17.

[2] *Агафон, папа Римский*, правил Церковью Римской с 679 по 682 год. Погребен 10 января.



Д е н ь   д в а д ц а т ь   п е р в ы й[1]

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ТИМОФЕЯ,
пустынника в Символах



Близ Олимпийской горы[2] находилось одно пустынное место, прозываемое Символы, где стоял монастырь. Архимандритом того монастыря был преподобный Феоктист, муж добродетельный, у которого преподобный исповедник Платон поучался иноческому житию. Среди учеников блаженного архимандрита Феоктиста был и преподобный Тимофей; с юных лет он посвятил себя иноческим подвигам, подвизался в посте, воздержании и посвящал целые ночи молитве; окончательно умертвив в себе плоть, он был чужд страстей и отличался духовным совершенством и до самой кончины своей соблюдал девство душевное и телесное, ибо положил завет с самого раннего возраста никогда не взирать на лицо женское. Поэтому он и сподобился быть храмом Духа Святого и восприял дар исцеления и силу против бесов; по его молитвам происходило много чудес: святой исцелял всякие недуги и изгонял из людей нечистых духов. Много лет он скитался по горам

[1] В обычный год — 6 марта по н. ст., в високосный год — 5 марта по н. ст.
[2] В Малой Азии, на границе Фригии и Вифинии.

и пустыням, жил один в Господе и в непрестанной молитве проливал обильные слезы, орошая ими свою душу как росой. В такой жизни он достиг глубокой старости и отошел к Господу.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ГЕОРГИЯ**, епископа Амастридского

Родители преподобного, Феодор и Мигефуса, были люди благочестивые, происходили из знатного рода и отличались добродетельной жизнью[1]. Будучи бездетными, они усердно молились Богу о даровании им детей, и только в глубокой старости Господь исполнил их молитву. Голос с неба возвестил им о рождении у них сына, нарек ему имя и предсказал, что родившийся удостоен будет благодати епископства. Сын родился. Это и был преподобный Георгий. Когда он достиг отроческих лет, то стало приходить в исполнение и предсказанное о нем, ибо он оказывал блестящие успехи в светских и духовных науках, и родители, видя это, прославляли Бога. Придя в совершенный возраст и окончив образование, преподобный Георгий оставил свое отечество и удалился в Сирикийские горы. Здесь он встретил одного благочестивого старца, принял от него иноческое пострижение и под его руководством стал проходить иноческую жизнь. После кончины старца преподобный ушел в Вониссу и предался здесь суровым подвигам постнической жизни. Благочестивая жизнь святого Георгия скоро стала известна всем, и когда скончался епископ города Амастриды[2], то изволением Божиим он был избран клиром и народом епископом. Прибыв в Царьград для рукоположения, он приобрел расположение императора Константина VI и матери его Ирины и посвящен патриархом Тарасием. Таким образом, и сбылось, наконец, все то, что некогда предсказал о нем Господь его родителям, — пре-

[1] Они жили в городе Кромне, в Пафлагонии, при Черном море.

[2] *Город Амастрида* находился в Пафлогонии, одной из северных малоазийских провинций Римской империи, расположенной между Вифинией и Понтом по берегу Понта Евксинского, ныне Черного моря.

подобный был возведен на кафедру Амастридского епископа, подобно светильнику, которого не скрывают под сосудом, но ставят на подсвечнике (см.: Мф. 5, 15). Когда он прибыл из столицы в свой кафедральный город, то утвердил свою паству в Божественном учении, умножил церковную утварь и украшения в храмах и составил церковные правила относительно алтаря. При этом он всегда был защитником вдов и сирот, кормителем нищих и разрешителем долгов и для всех служил образцом истинно богоугодной жизни. Преподобный совершал много чудес: так, например, своими молитвами он прогнал от города сарацин, опустошавших окрестную страну; спас чудесным образом амастридских купцов, взятых в Трапезунде и несправедливо осужденных на смерть. Прожив в таком благочестии земную жизнь, преподобный Георгий оставил ее и с миром предал дух свой Господу, Которому да будет слава теперь, всегда и во веки веков[1].

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВСТАФИЯ,
епископа Антиохийского

В сонме великих святителей Церкви Христовой святой Евстафий, епископ древней столицы Малоазийского Востока и Греко-Римской империи — Антиохии[2], является одним из славнейших хри-

[1] Святой Георгий скончался 3 марта в царствование Никифора Логофета (802–811 гг.). При гробе его совершалось много чудес.

[2] *Город Антиохия* для христианской Церкви имеет особенно важное значение, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства, и так как в Антиохии же возникла первая христианская Церковь из язычников. Основана была Антиохия за 300 лет до Рождества Христова сирийским царем Селевком Никатором, который основал и еще более десяти городов с именем Антиохия, чем он желал увековечить имя своего отца Антиоха. А эта столичная Антиохия, для отличия ее от прочих, называлась Антиохия-Епидафна, то есть близ храма и рощи Дафны; она также отличалась названием Антиохии на Оронте, по имени реки, на берегу которой она находилась верстах в 10 от впадения в Средиземное море. Цари сирийские и императоры римские очень заботились об украшении этой Антиохии, так что она поражала великолепием и роскошным блеском своих построек, кото-

стианских исповедников и борцов-защитников истинной веры в Бога.

Жил святитель Евстафий[1] с конца III до половины IV столетия. Родился он в городе Сиде[2] Памфилийском, а архипастырствовал сначала в Берии[3] Сирийской, откуда за свои достоинства и заслуги Церкви, по желанию народа, отцами I Вселенского собора перемещен был в Антиохию.

Время архипастырской деятельности святого Евстафия было временем чрезвычайным и единственным в ряду веков жизни Церкви Христовой. Это был век особенно светоносный и по числу и по величию светил Церкви, учителей вселенских. Века последующие хотя

рые от востока к западу, на протяжении 15 верст, пересекала аллея, украшенная двумя рядами колонн, представлявших крытый ход по обеим сторонам открытой вымощенной дороги... Население было смешанное: были и иудеи; жизнь велась веселая, оживленная; поэты, риторы, философы, ученые, гадатели щедро предлагали там свои умственные труды, вообще культура языческая процветала, но извращенная... В самом начале своего появления христианство озарило Антиохию Божественным светом своего учения; там нашли убежище те первые христиане, которые после убиения архидиакона Стефана, избегая его участи, должны были скрыться из Иерусалима, и начатая ими проповедь в Антиохии признана была столь потребною, что иерусалимской Церковью поручено было апостолам Варнаве с Павлом утвердить там веру; они *научили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами* (Деян. 11, 20–26). В Антиохии же возникла первая христианская миссия; апостол Павел совершал оттуда свои миссионерские путешествия; Церковью управлял там еще и апостол Петр. А после падения Иерусалима Антиохия заняла первое место в азийской Церкви и значение ее равнялось с Римом, Константинополем и Александриею. В Антиохии процветала знаменитая богословская школа, давшая многих выдающихся учителей Церкви, которые защищали христианство против язычества, иудейства и еретиков; там же происходило много соборов пастырей Церкви во времена еретических распрей... В XIII веке Антиохия совсем разрушена была египетским султаном, и теперь на ее месте находится жалкий грязный турецкий городок Антакия, только этим искаженным названием напоминающий о былом шестнадцативековом славном бытии долго знаменитой Антиохии на Оронте... Но и в настоящее время Антиохийский христианский патриарх занимает важное третье место среди патриархов Восточной Церкви и носит титул «патриарха всего Востока».

[1] Имя Евстафий греческое, оно значит «*постоянный*», твердостоящий.

[2] *Сид* был важным портовым городом в Памфилии, области, составлявшей прибрежную часть Сирии, в южной части Малой Азии, у подножия Таврских гор.

[3] *Берия* была городом в Сирии, Малоазийской области на восток от Средиземного моря.

славны также учителями веры, но то были уже подражатели и ученики богомудрейших отцов IV века. Брань христианства против язычества, совершавшаяся за первые три века под знамением Креста Христова, окончилась в начале IV века полной победой над язычеством, и уже не было более нужды защищать христианскую веру против язычества во всемирной Греко-Римской империи, уже не было нужды доказывать превосходство христианства над язычеством. Внешний покой, наступивший тогда для Церкви Христовой, дал возможность к всеобщему однообразному устроению внутренних дел Церкви и к беспрепятственным учительным беседам пастырей с пасомыми. Но тут-то и возникла еще большая нужда в брани еще труднейшей с внутренними врагами Церкви, с еретиками[1].

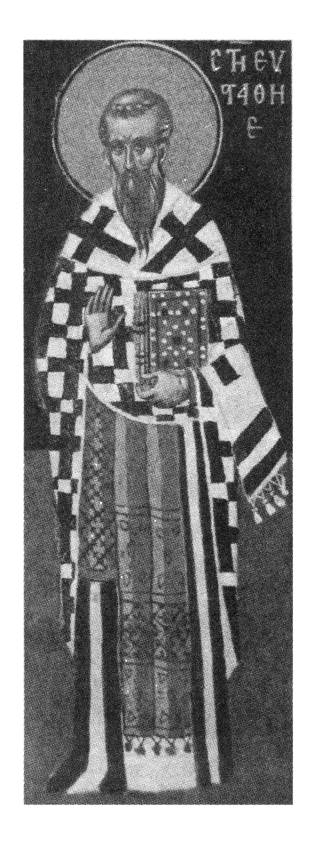
Главным из еретиков, смущавших в то время Церковь, оказался ученый пресвитер Александрийской[2] церкви в Египте по имени Арий[3]. В гордом увлечении своего ограниченного умствования Арий, возобновляя языческое учение о сообщении божества не богам, богохульно утверждал, что: 1) Бог Отец хотя вечен, но было время, когда Он не был Отцом и у Него не было Сына; 2) Сын со-

---

[1] В правиле святого Василия Великого говорится, что древние отцы Церкви еретиками называли «совершенно отторгшихся и в самой вере отчуждавшихся».

[2] *Александрия* — знаменитый город в Египте, основанный за 300 лет до Рождества Христова Александром Великим на берегу Средиземного моря. Александрия славилась наукой и торговлей, а с начала IV века стала важным центром Церкви христианской и богословской образованности. Знаменитая Александрийская богословская школа привлекала к себе слушателей не только из христиан, а также из язычников.

[3] *Арий*, бывший еще диаконом Церкви в Александрии, был отлучен святым Петром, епископом Александрийским; но преемником святого Петра, престарелым епископом Ахиллом, Арий был помилован, восстановлен в диаконстве и даже посвящен в пресвитеры. Арий занял тогда важное место в Александрии; он был в многолюдном приходе Вокалис председателем, преподававшим вероучение христианское. Арий был учен, безупречен в нравственности житейской, вид имел суровый, рост высокий, поступь имел важную, и вся его наружность способствовала к обольщению многих. Одежда его походила на монашескую; он всегда носил тунику без рукавов и очень узкую мантию, а его мягкая речь, притворно вежливое обращение и ласкательства, расточаемые, когда ему было это нужно, привлекали к нему слушателей. Когда после отлучения Ария Вселенским собором опять решено было, по проискам его единомышленников, обратно принять его в 336 году в лоно Церкви, Арий, не доходя до храма, скоропостижно захворал, внутренности его вывалились, и он умер на площади.



здан, сотворен Отцом прежде всего и чрез Сына создан мир; 3) Сын не вечный, но высший всех тварей; Сын подобен Отцу — Бог по имени, *но не по существу*; 4) Бог Отец по благости сообщил Сыну мудрость: но Сын не знает вполне Бога Отца; 5) Дух Святой также не лицо Божие, а создан Сыном[1].

Возмущенный таким богохульным лжеучением, Александрийский епископ Александр[2] убеждал Ария отказаться от такого еретичества. А когда Арий не подчинился кротким увещаниям епископа, был созван Поместный собор из ста епископов Египта и Ливии. Этот Поместный собор Александрийской Церкви отлучил, как богохульных еретиков, Ария с несколькими единомышленными ему пресвитерами и диаконами, а они деятельно стали стараться приобрести себе поддержку не только между пастырями соседних церквей, а также и среди народа. Для этого они рассылали своих единомышленников и письма со своим хитросплетенным лжеучением по всем церквам Востока и составляли в духе Ариева лжеучения песни, распеваемые на народные напевы. Страсть же к богословским рассуждениям и спорам была в то время на Востоке столь велика, что религиозными вопросами занимались не только в домах, а и на площадях и перекрестках; язычники даже осмеивали эти споры в своих театрах и обращали разногласия христиан в пользу отвергнутого язычества.

---

[1] Филарета, архиепископа Черниговского, Православное Догматическое Богословие, изд. 1865 г., ч. 1, с. 164. И «Учение об отцах Церкви», изд. 1859 г., т. 2, с. 13.

[2] *Святой Александр*, ревностный защитник Православия, бывший епископом Александрийским с 313 по 328 год и прославившийся твердостию в вере. На I Вселенском Никейском соборе в 325 г. он был влиятельным поборником Православия вместе со святым Евстафием Антиохийским и со святым Афанасием, которого потом назначил по себе преемником в Александрии. К святому Евстафию, как к известному защитнику Православия, святой Александр писал послание об Арии.

Смущаемые таким образом лукавыми еретиками арианами, волновались церкви и в Сирии и там, где архипастырствовал святой Евстафий, спорили о разрешении богословских вопросов и недоумений... Святой же Евстафий, отличавшийся глубокими богословскими знаниями и светскою ученостию, был твердым, неустрашимым исповедником[1] православной веры Христовой и в Берии, во время последнего языческого гонения христиан, и теперь, при смущении Церкви арианством, одним из первых святителей ревностно восстал устно и письменно против богохульного лжеучения Ария и ариан.

Восстановить согласие и мир между православными и арианами в Александрии, в Сирии и в других церквах пробовал, но не смог даже равноапостольный император Константин Великий[2]. Поэтому для прекращения раздора император решил прибегнуть к епископству всей Церкви христианской и созвал в Никее[3] I Вселенский собор Церкви.

Император Константин, созывая этот собор, желал, по словам Евсевия, историка того времени, посвятить Христу Спасителю «священнический венец из прекрасных цветов, сплетенный и связанный единением мира». И на зов императора собралось в город Никею из Азии, Африки и Европы одних епископов до трехсот; были даже епископы из стран, не подчиненных Греко-Римской империи, например, из Персии и Скифии[4]. Число же сопутствовавших им пре-

[1] *Исповедниками* называются в христианской Церкви те лица, которые во время гонений за веру открыто исповедовали христианство и претерпели за это мучения, но остались в живых. Они пользовались особым уважением среди христиан, и им по преимуществу поручалось воссоединение с Церковью падших и отрекавшихся.

[2] *Святой равноапостольный Константин Великий* царствовал в западной половине Римской империи с 306 года, а потом единовластным государем всей империи с 324 по 337 год.

[3] *Никея* была главным городом Вифинии, северо-западной провинции Малой Азии, завоеванной римлянами за семьдесят пять лет до Рождества Христова. В древности Никея была богатым и цветущим городом, а ныне на ее месте бедный городок Исник.

[4] *Святой Афанасий Великий*, епископ Александрийский, утверждает, что I Вселенский собор представлял собой «всю» нашу вселенную, потому что приглашения императора Константина на этот собор были сообщены епископам, находившимся и вне пределов Римской империи, чем и объясняется присутствие на этом соборе епископов Персии и Скифии, стран, не входивших в состав Римской империи.

свитеров, диаконов и прочих клириков было еще много больше числа епископов. Из мирян, кроме высших сановников, прибыло в Никею много философов[1] и ученых. И вот на этом соборе святому Евстафию вследствие его великого благочестия и глубоких познаний богословских и мирских, соединенных с непоколебимою ревностию к сохранению чистоты православного вероучения, дано было святителями Церкви особенно выдающееся важное значение. Святому Евстафию поручено было первое председательство[2] на великом Вселенском соборе; он занимал место первого епископа, сидя с правой стороны императора, и ему дана была честь от всего Вселенского собора приветствовать речью равноапостольного императора Константина. Вот эта красноречивая и сильная верою и духом речь святителя Евстафия:

«Благоверный государь!

Благословен Бог, избравший тебя царем земли, рукою твоею истребивший идолопоклонство и водворивший чрез тебя в сердцах верующих мир. Уже попрана власть духов злобы; ниспровержены алтари многобожия; рассеивается мрак нечестия; и свет Божественного учения озаряет всю вселенную. Прославляется Отец, почитается и Сын, возвещается и Дух Святой — Троица Единосущная; Едино Божество в трех Лицах или ипостасях всюду проповедуется. На этом учении, государь, утверждается величие твоего благочестия. Сохрани его для нас целым и ненарушимым, да никто из еретиков, проникнув в Церковь, не расторгнет единства троичного Бога и не подвергнет нашей веры поруганию! Причиною же настоящего собрания и рассуждений наших — неистовый Арий, который, прияв служение пресвитера в Александрийской церкви, оказался чуждым учения блаженнейших пророков и апостолов. Ибо единородного Сына и Слово Отчее он не признает единосущным и равным Отцу, и почитатель твари хочет сопричислить Творца к творению. Повели, госу-

[1] *Философ* значит: любитель мудрости. Философами называются люди, посвятившие себя исследованию высших вопросов бытия о Боге, о начале и законах мира и человека, о конечных целях бытия и тому подобном.

[2] На I Вселенском соборе председательствовали поочередно епископы знаменитейших престолов, и первым из этих председательствующих был святой Евстафий Антиохийский. (Подроб. об этом в Истории Церкви Д. Б. Вл. Геттэ, изд. 1875 г., т. 3, с. 6–7 и 10).

дарь, чтобы он, оставив свое заблуждение, не восставал против учения апостольского, или, если останется упорным в своем нечестивом мнении, изгони его из общества Православной Церкви, — да не колеблет он более своими нечестивыми мнениями веры душ слабых»[1]. Так говорил святой Евстафий.

На этот I Вселенский собор христиан прибыли в Никею многие языческие философы, одни с тем, чтобы ознакомиться лучше с учением христианским, а другие по ненависти к этому учению надеялись при помощи хитросплетенных рассуждений запутывать речи епископов и опровергнуть учение христианское. Церковные писатели упоминают, что одному тщеславнейшему из этих философов, по имени Федон, который защищал нечестивого Ария и его хульное учение, первое опровержение от имени всего собора давал святитель Евстафий Антиохийский[2], как владевший высокими философскими познаниями. И философ этот в конце своих прений со святым собором был поражен ответами святителей настолько, что громко воскликнул: «Слава Тебе, Боже, открывшему святым Твоим, превышающее всякий ум, таинство чистого, безмерного и не созданного Божества. Молю Тебя, Христе, всеблагого Сына всеблагого Отца, прости мне все, сколько я согрешил против Тебя, увлекаясь доселе нечестивыми мнениями Ария... Отныне я предаю навсегда проклятию Ария и нечестивые мнения его и всех, одинаково с ним мудрствующих и богохульствующих против Отца и Сына и Святого Духа...»[3]

Но сам Арий с несколькими единомышленниками остался непреклонным в своих мнениях. Тогда отцы собора, между коими столь почетное место занимал святой Евстафий, торжественно и единогласно исповедали Сына Божия единосущным Богу Отцу; Ариево же учение, как противное слову Божию и отеческому преданию, со всеми, содержащими Ариево лжеучение, предали анафеме и отлучению от Церкви правоверующей. А чтобы утвердить в точности правое исповедание веры на все последующие времена, отцы собора изложили это исповедание в Символе веры, как дан-

---

[1] Деяния Вселенских соборов, издан. в русск. перев. при Казанск. Дух. Акад. Изд. 1859 г., т. 1, с. 86–87.

[2] Деяния Вселенск. собор., изд. 1859 г., т. 1, с. 104–106.

[3] Деяния Вселенск. собор., изд. 1859 г., с. 145.

ном от Бога[1]. Ария и двух единомышленных с ним епископов Феона и Секунда[2], после отлучения их от Церкви, император сослал в заточение.

Утвержденное Вселенским собором исповедание христианской веры подписали и многие покровители Ария, а Евсевий, епископ Никомидийский, и Феогний Никейский, подписав этот соборный Символ, отказались подписать осуждение Ария. За это, как защитников Ариевой ереси, император объявил их лишенными их церковных мест и отправил в ссылку, откуда, однако, они прислали письменное раскаяние в своем заблуждении и потому были прощены и возвратились в свои епархии.

Церковный историк того времени, блаженный Феодорит, епископ Кирский[3], описывая I Вселенский собор, приводит, между прочим, следующий отрывок из сочинения святого Евстафия Антиохийского, написанного против ариан: «Когда для рассуждения о делах веры собрался в Никее великий Собор, на котором соединилось около двухсот семьдесяти епископов (говорю около, потому что по многочисленности собравшихся не могу с точностью определить числа их, да притом и не исследовал этого с особенною заботливостью), и когда стали устанавливать Символ (веры) — на средину (собора) явилось сочинение Евсевия (Никомидийского), исполненное богохульного учения. Быв прочитано вслух всех, оно тотчас причинило слушателям неизъяснимую скорбь своим безобразием, а самого сочинителя покрыло невыносимым стыдом. Теперь работа Евсевиан[4] обнаружилась и нечестивое сочинение (Евсевиев символ)

---

[1] Деяния Вселенск. собор., изд. 1859 г., с. 157, 22, 29 и прочее. Собор Никейский, Вселенский I, по словам церковных историков, был «в консульство Павлина и Юлиана, в 20-й день месяца мая, в 636 год от Александра, царя Македонского», это был 20-й год царствования Константина Великого и 325 год по Рождестве Христовом.

[2] *Феон, епископ Мармарикский*, и *Секунд, епископ Птолемаидский*, которые отказались подписать Символ веры, утвержденный всем собором.

[3] Известный историк Церкви *Феодорит, епископ Кирский*, родился в Антиохии на Оронте в 390 году, сделан епископом Кирским, в Антиохийском патриархате, в 423 году, а скончался в 457 году; он принадлежал к числу образованнейших архипастырей Восточной Церкви V века.

[4] *Евсевий, епископ Никомидийский*, вместе с епископами Менофонтом Ефесским, Патрофилом Скифополисским, Феогнисом Никейским, Нарсисом Нерониадским, Феоною Мармарикским и Секундом Птолемаидским представили опыт

ввиду всех разодрано... Боясь, как бы по приговору столь великого Собора не быть изверженными из Церкви, приверженцы Ария[1] также встали (на соборе) и предали анафеме осужденное Собором учение (Ария)... Таким образом, чрез многие происки они удержали за собою предстательство в Церкви (то есть свои епископские места), тогда как им надлежало бы находиться под покаянием; (и после Вселенского собора) они то скрытно, то явно стали покровительствовать отвергнутым собором мнениям и даже подтверждать их. Кроме того, желая укоренить насаждение плевел, они остерегались встречи с людьми сведущими (в Священном Писании), уклонялись от надзора и таким образом как бы побрали проповедников благочестия. Но мы веруем, что люди безбожные не могут преодолеть божественного: «Аще бо паки возмогут и паки побеждены будут...»[2]

Возвратясь со Вселенского собора из Никеи в Антиохию, святой Евстафий созвал собор из епископов и пресвитеров многих церковных областей, подчиненных его Антиохийской митрополии[3], сообщил им акты всех постановлений Вселенского Никейского собора и убеждал их неизменно держаться этих постановлений и в осо-

---

Символа веры, составленный по армянским заблуждениям, которые они старались прикрыть выражениями двусмысленными, но эта уловка была немедленно обнаружена исповедниками правого учения веры, и Символ Евсевия Никомидийского был отвергнут без колебаний, как еретический. Второй опыт Символа, представленный и другим Евсевием, Кесарии Палестинской, был одобрен с тем, чтобы в него было включено слово «Единосущный». Принято же было собором изложение исповедания веры, представленное Осиею, епископом Кардубским, особенно любимым императором, и названное Никейским символом веры.

[1] Это были: Евсевий Никомидийский, Феогнис Никейский, Феона Мармарикский, Секунд Птолемаидский, Феодот Лаодикийский, Павлин Тарский, Афанасий Аназарбский, Аэций Лидский, Григорий Бейрутский, Менофант Ефесский, Патрофил Скифополисский, Марис Халкидонский, Нарсисс Нерониадский.

[2] Церковная История блаженного Феодорита, епископа Кирского. Русск. издание С.-Петерб., 1852 г., гл. VIII, с. 46–47.

[3] По примеру святых апостолов и на основании правила 34 святых апостолов в Церкви Православной издревле созывались первенствующими епископами главенствующих городов соборы *«Поместные»*, частные, из епископов и пресвитеров, подчиненных епископу главного города той страны, для разрешения по правилам и преданию Церкви вопросов и дел, возникающих в пределах той местности касательно вероучения и управления. Постановления таких соборов имеют обязательное значение лишь в той стране или области, из представителей которой состояли члены такого Поместного собора.

бенности правильного исповедания веры, выраженного в Символе, утвержденном собором представителей всей Церкви христианской[1].

В следующем затем 326 году святому Евстафию поручено было отправиться для крещения пожелавших принять христианство жителей страны грузинской, древней Иверии[2], и для устроения там Православной Церкви. Племена, населявшие древнюю Иверию (Георгию), или Грузию, были идолопоклонниками и огнепоклонниками; находились они в некотором подчинении Греко-Римской империи, но имели своих царей и свое гражданское устройство. Впервые некоторым приморским племенам Грузии проповедовал Христа Спасителя святой апостол Андрей, по местному преданию, и с Симоном Кананитом[3]. Обращена же была в христианство большая часть жителей и царская семья святою девою Ниною[4], пришедшею из Сирии в первой четверти IV века.

---

[1] Вот этот Символ исповедания веры по переводу Святого Синода, изложенному в книге Правил святых апостолов, святых Соборов и святых отцов. «Веруем во единого Бога Отца, вседержителя, Творца всех видимых и невидимых. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, не сотворена, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и на земли; нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшего, и воплотившася и вочеловечшася, страдавша, и воскресшего в третий день, и восшедшего на небеса и седяща одесную Отца, и паки грядущего судити живым и мертвым. И во Святого Духа. Глаголющих же о Сыне Божием, яко бысть время, егда не бе, или яко прежде неже родитися, не бе, или яко от не сущих бысть, или из иныя Ипостаси или сущности глаголющих быти, или превратима, или изменяема Сына Божия, — этих анафематствует кафолическая и Апостольская Церковь». — Текст ныне употребляемого Символа веры был установлен II Вселенским собором в Константинополе в 381 году.

[2] *Грузия, или древняя Иверия,* — страна в Закавказье, составляющая четырехугольник, омываемый с востока и запада морями Каспийским и Черным, с севера ограждаемый Кавказскими горами, а на юге ограниченный рекой Араксом и горой Араратом. Грузия заключала в себе Кахетию, Гурию, Имеретию, Карталинию, Мингрелию, Абхазию, Сванетию, Осетию и Дагестан.

[3] Это упомянуто в житии святого апостола Андрея в Минеи-Четьи на 30 ноября (на русск. языке издан. Синод. Тип., кн. 3, с. 809) и подробно засвидетельствовано с указанием древних источников в «Краткой истории Грузинской Церкви», составл. П. Иосселианом, изд. 2-е, 1843 г., с. 1–6.

[4] *Святая Нина* была родом из местечка Каластри Каппадокийского в Сирии. Отец ее Завулон был римским воеводой и родственником святого великомученика Георгия, а мать ее Сусанна была сестрой иерусалимского епископа. Когда Нине было двенадцать лет, родители ее прибыли в Иерусалим. Завулон ушел в пустыни

Когда по проповеди святой Нины, сопровождаемой чудесами, уверовали в Христа усерднейшие идолопоклонники — грузинская царица Нана и царь Мириан, они отправили к императору Константину Великому посольство с просьбою прислать в Грузию духовных лиц для крещения их и народа. Император сказал, что он обрадован обращению в христианство иверийцев более, чем присоединению целого царства к своей империи, и немедля повелел отправиться в Грузию святому Евстафию Антиохийскому[1] с несколькими священниками, диаконами и прочими клириками. Они же привезли с собою в Грузию и всю церковно-богослужебную утварь. По прибытии святого Евстафия в столицу Грузии Мцхет царь Мириан послал повеление правителям областей, воеводам и царедворцам, чтобы все прибыли в столицу. Когда они собрались, царь Мириан в присутствии всех принял от епископа Евстафия святое крещение, а за ним, царица и дети их; у моста же на реке Куре, где прежде находилось капище языческих жрецов, устроена была крещальня, где святой Евстафий крестил правителей областей грузинских, воевод и царедворцев, почему место это было названо «Мтаварта санатлави», то есть купель вельмож. Немного ниже этой купели священники, прибывшие со святым Евстафием, крестили народ, который притекал к крещению, побуждаемый проповедью святой Нины, — если кто не примет возрождения от воды и Духа Святого, тот не увидит жизни и света вечного... Священники же ходили потом по городам и деревням для крещения и научения прочих жителей Иверии. Итак, при помощи Божией, почти вся страна приняла крещение, и евангель-

---

Иорданские для иноческих подвигов, а Сусанна диакониссой при Иерусалимском храме служила бедным и немощным женщинам. Дочь их Нина, посвященная на служение Богу и воспитанная при храме в строгом благочестии, решилась на подвиг проповеди Христа Спасителя в Иверии, где, по преданию, обретался хитон Господа Иисуса Христа. Подробн. в «Истории Грузинской церкви» Иосселиана. Изд. 1843 г., с. 8–19. Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, изд. 5-е, 1900 г.

[1] Хотя прибытие в Иверию-Грузию именно епископа Евстафия Антиохийского не упоминается писателями греческими, но оно несомненно удостоверено, как всеобщим преданием в Грузии, так и письменными грамотами, жалованными Константинопольскими императорами и царями Грузинскими Иверскому монастырю на горе Афонской, где они и сохранены доныне. (Краткая История Грузинской Церкви. Составл. П. Иосселианом. Изд. 2-е, С.-Пб., 1843 г., с. 13. Житие святой равноапостольной Нины, изд. Афонск. монаст. 1900 г.).

ское благовестие утвердилось в Иверии трудами в этом деле святой Нины и святого Евстафия Антиохийского. Во Мцхете святой Евстафий освятил только что перед прибытием его построенный в царском саду храм во имя двадцати апостолов и даровал новоустроенной Церкви Грузинской чин богослужения и вероучения Православной Греческой Церкви. Первым епископом Грузинской Церкви поставлен был пресвитер Иоанн с подчинением его Антиохийской митрополии, почему и доныне патриарх Антиохийский называется в титуле: «И Иверским»[1]. Таким образом, при объединении ныне Церкви Грузинской с Российскою, святой Евстафий является первосвятителем целого древнейшего Православного Экзархата нынешней Всероссийской Православной Церкви.

По окончании благоустроения тогда новой Грузинской Православной Церкви святой Евстафий заповедал юной Церкви Христовой мир и возвратился в Антиохию.

В Антиохии ревностного святителя Евстафия уже ожидали усиленные труды и тяжкие испытания. Уверенность, что после Вселенского собора воцарится мир и полное единение во всей Церкви, была напрасна. Оказалось, что вышеупомянутые епископы, приверженные к арианству, соглашались с большинством членов собора не искренно, а только видимо, по своим личным соображениям и расчетам. Когда после Никейского собора император Константин поехал в западную часть империи, арианствующие снова подняли голову. Они прежде всего стали хлопотать чрез приближенного к императору пресвитера о возвращении из ссылки Ария с явно поддерживавшими его епископами и, убеждая, что они сделались жертвами ошибочного мнения и что сосланные дадут импе-

[1] Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузин. Изд. 5, 1900 г., с. 23–25, Краткая история Грузинской Церкви, составл. Иосселианом. Изд. 2-е, С.-Пб., 1843 г., с. 12–14 и 20. По прошествии нескольких лет царь Мириан послал к императору Константину второе посольство с просьбой прислать в Грузию еще больше священников и искусных храмоздателей. Исполняя эту просьбу, Константин Великий послал много золота, серебра и подножие животворящего древа Креста Христова с одним из гвоздей, которыми был пригвожден ко кресту Господь Иисус Христос. Подарены были грузинам еще много икон Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы и мощи святых мучеников в основание храмов. Тогда же и сын Мириана, и наследник царства, который находился заложником в Риме, был отпущен к отцу своему; он был ревностным распространителем христианства, воздвигая везде храмы и утверждая веру.

ратору письменное заявление в принятии постановлений Вселенского Никейского собора, достигли их возвращения. Всячески желая водворить мир в Церкви, император проявлял знаки своего благоволения даже и к возвращенным из ссылки, а они пользовались этим для распространения арианских заблуждений и под разными благовидными предлогами принялись преследовать главных поборников правоверия, святых епископов Александра, а потом Афанасия[1] Александрийских и святого Евстафия Антиохийского.

Единомышленники Ария надеялись, что после Никейского собора, вследствие настоятельного требования императором Константином полного мира для Церкви от всех без исключения, никто уже не будет бороться с распространением арианских заблуждений. А святитель Евстафий еще с большею ревностию продолжал противодействовать распространению арианства и обличал его еще сильнее, опираясь на осуждение его Вселенским собором. Зная же, что Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, который отчасти подчинен был Антиохийскому епископу, придерживался и до Вселенского собора арианских взглядов, коих не был чужд и опыт его символа, святой Евстафий писал и Евсевию увещания и обличения арианских заблуждений. Евсевий очень негодовал на это, отвечал осуждением понятий святого Евстафия, утвержденных собором, называя их савелианскими[2], и, продолжая придерживаться понятий арианских,

---

[1] *Святой Афанасий Великий*, епископ Александрийский, преемник святого Александра. На I Вселенском соборе блестяще опровергал арианство еще в сане диакона и потом был замечательнейшим защитником Православия против арианства. Епископствовал в Александрии с 326 по 373 год с промежутками, потому что, по проискам ариан, и пять раз был удаляем из Александрии как нарушитель мира церковного. Стяжал себе имя «отца православия» и был идеалом духовного пастыря, дав своим высоким служением образец архипастырской деятельности и борьбы за веру.

[2] *Савелий* был еретик. Сведения о его жизни очень скудны. Жил он около половины III века; родом был из Птолемаиды Ливийской. Савелий учил, что Бог есть троица только по имени: Отец, Сын и Святой Дух суть только три имени и три действия одного и того же Лица Бога. В Ветхом Завете Бог является Отцом, дающим законы людям; в Новом Завете Бог явился Сыном, спасающим людей, и продолжает являться, как освящающий людей Дух. Соборами отцов Церкви в Александрии и в Риме во второй половине III века учение Савелия осуждено как еретическое.

жаловался на святого Евстафия другу своему Евсевию Никомидийскому, возвращенному из ссылки. А этот Евсевий Никомидийский был самым хитрым и коварным арианствующим епископом. Даже император Константин, свидетельствуясь Самим Богом, писал никомидийцам, что Евсевий был союзником и помощником жестокого гонителя и мучителя христиан Ликиния, что Евсевий с бесстыдством защищал отовсюду опровергнутую ложь ариан и обошел, низко обманул даже его, императора Константина[1]... И вот этот-то лукавый Евсевий Никомидийский вместе с друзьями своими Феогнисом Никейским и Евсевием Кесарийским[2] решили избавить ариан от святого Евстафия, неутомимо ревностного обличителя их заблуждений.

Император Константин до построения Константинополя находился очень часто в Никомидии, и, чтобы польстить ему и выполнить свой план удаления святого Евстафия, лукавый Евсевий Никомидийский выразил императору пламенное желание видеть великолепный храм, тогда только что выстроенный Константином при Гробе Господнем. Польщенный таким желанием, император предоставил в распоряжение Евсевия свои царские колесницы, что придало путешествию Евсевия особенный почет. Под благовидным предлогом поклонения святыне иерусалимской к нему присоединился и Феогнис Никейский, верный сообщник его злых замыслов. Прибыв в Антиохию с личиною благочестия, они были приняты святым Евстафием добросердечно и с подобающей епископам честью. Когда же они достигли Иерусалима, продолжает древний исто-

---

[1] Послание императора Константина к никомидийцам против Евсевия и Феогниса — в Деян. Вселенск. соборов. Изд. 1859 г., т. 1, с. 199–203.

[2] *Евсевий Никомидийский* был другом и товарищем Ария по Антиохийской школе Лукиана, который за неправоверие был отлучен от Церкви. *Евсевий* же *Кесарийский* был другом обоих и не только на соборе, но ранее и после везде принимал их сторону, и его считают вождем умеренных ариан. Кесария Палестинская была главным городом в Палестине на восточном берегу Средиземного моря; она получила свое наименование в честь римского кесаря (Октавия) Августа от царя иудейского Ирода, который строил города в честь кесаря. Начало христианства в Кесарии положено было святым апостолом Петром обращением сотника Корнилия со всем домом его (см.: Деян. 10). После разрушения Иерусалима Кесария была местом пребывания епископа, которому подчинена была Церковь Иерусалимская до 451 года. Ныне от великолепной Кесарии остались только груды развалин.

рик[1], и увиделись со своими единомышленниками (арианствующими) Евсевием Кесарийским, Патрофилом Скифополиским, Аэцием Лиддским, Феодотом Лаодикийским и другими, которые заражены были учением Ария, то открыли им тайное свое намерение удалить святого Евстафия. Под предлогом оказания чести Евсевию Никомидийскому эти единомышленники сопроводили его до Антиохии, где выражали большое уважение и святому Евстафию, чтобы он не подозревал расставленных ему коварных сетей. А так как в то время в Антиохии находились еще и некоторые из православных епископов, то арианствующие предложили составить братский собор для обсуждения некоторых общих предметов и дел Церкви, на что святой Евстафий и прочие епископы согласились.

И вот в то самое время, когда епископы собрались, вдруг явилась к ним женщина с ребенком на руках и с криком объявила, что отец ее младенца Евстафий. Нисколько не смутившись, святитель Антиохийский потребовал, чтобы женщина та представила свидетелей, которые бы знали высказанное ей, и сообщила бы, какие имеет тому доказательства. Но она отвечала, что свидетелей у нее нет. На это арианствующие епископы заявили, что будет достаточно, если женщина подтвердит свое обвинение клятвою. Епископы же православные не согласились с этим, напомнив, что по древнему правилу и апостольскому указанию (см.: 1 Тим. 5, 19) для принятия обвинения на священника требуется не менее двух или трех свидетелей, почему они и воспротивились определению, которое арианствующие хотели постановить об осуждении святого Евстафия Антиохийского[2].

Между тем православный народ в Антиохии, услышав об оскорблении, по проискам приезжих епископов, любимого своего архипастыря Евстафия, заволновался и готов был взяться за оружие против приверженцев арианства. Тогда Евсевий Никомидийский с Феогнисом Никейским, видя церковную неудачу своего замысла против святого Евстафия, поспешили уехать к императору и сообщили ему, что в Антиохии происходит народное волнение, которое возбудил будто бы епископ Евстафий Антиохийский в защиту своих религиозных мнений, нарушая тем столь желанный мир Церкви; они при-

---

[1] Феодорит, епископ Кирский. Церковная история, изд. 1852 г., гл. 21, с. 84–86.

[2] История Церкви, изд. по подлинным памятникам. Д. Б. Влад. Геттэ. Изд. С.-Пб. 1875 г., с. 64–65.

соединили к этому еще новую клевету, что епископ Евстафий оскорбительно отзывался о матери императора Константина[1]. Им нужно было прибегнуть к такой возмутительной клевете, чтобы решительнее возбудить императора против святого Евстафия, потому что женщина, клеветавшая в Антиохии на святого Евстафия, пораженная после этой клеветы тяжкою болезнию, призвала многих священников и православных граждан и пред всеми созналась, что ее подкупили арианствующие, чтобы она оклеветала епископа Евстафия; она пояснила еще, что клятва ее пред епископами была не совсем ложна, так как отец ее дитяти, местный медник, именуется также Евстафием. Таким признанием женщины в подкупе ее арианами враги святого Евстафия были опозорены своею же сообщницею, и их замысел удалить епископа Евстафия по обвинению женщины оказался неудачным, почему они и прибегли к возмутительной клевете об оскорблении святителем Антиохийским царской матери.

Обманутый и возмущенный император, который всеми способами старался сохранить мир между христианами, прежде всего для прекращения волнения народа в Антиохии вызвал в Константинополь[2] святого Евстафия.

Святой же Евстафий, предвидя свою высылку из Антиохии, еще чаще и чаще пред этим собирал православных граждан и настоятельно, со всею силою своего задушевного красноречия и глубоких познаний, убеждал их не соблазняться в его отсутствие еретическими лжемудрованиями и непоколебимо пребывать верными Православию[3]. Святой Иоанн Златоуст свидетельствует об этом так[4]:

---

[1] Историческое учение об отцах Церкви, арх. Филарета Чернигов., изд. 1859 г. том II, с. 25. То же свидетельств., и професс. Н. Барсов.

[2] Историческ. Исследован., «наход. в Деян. святых» (изд. Голландистов) июля кн. IV. И англо-немецко-французское издан., житий святых отцов и мучеников, перев. и обработ. Бутлера, Реса и Вейса, ч. 9, немец., изд. 1824 г.

[3] «Стремление сохранить и оградить от повреждений те начала, которые были положены в периоде нераздельной Церкви, обнимавшей восток и запад, — есть именно то, что в Восточной Церкви называется *православием*». «Церковь Православная есть та, которая право или неизменно сохраняет учение древней Церкви вселенской и во всем пребывает верной тем началам, какие определены ей основателем ее Иисусом Христом и Его апостолами». (Введение в Православное церковное право. Д. Б. М. А. Остроумова. Т. 1, издан. 1893 г., с. 27–28 и 670.)

[4] Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Изд. 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 646–647 и 649. Похвала святому отцу Евстафию, архиеп. Антиохии великой. —

«Святой Евстафий, бодрствуя и наблюдая и предвидя издалека все, имевшее случиться (нападение ариан на Православие), как мудрый врач, прежде чем болезнь вторгалась в город, пребывая здесь, приготовлял лекарства и управлял священным кораблем Антиохийской паствы с великою предусмотрительностию, посещая все места, воодушевляя всех и возбуждая к вниманию и бодрствованию, как будто морские разбойники нападали и покушались отнять сокровище веры... И, призвав всех, увещевал не отлучаться (истинной веры), не уступать волкам и не предавать им паствы, но оставаться внутри, заграждая им уста и обличая их, а простейших из братьев утверждая... И повсюду он посылал людей, которые бы учили, убеждали, советовали, заграждали доступ противникам...»

И большинство паствы антиохийской осталось верным Православию, несмотря на назначение в Антиохию вместо святого Евстафия епископа из арианствующих, так как народ чуждался таких епископов и с многими православными священниками образовал отдельные от арианствующих собрания, почему ариане называли их «Евстафианами»[1] за то, что они были верны Вселенскому апостольскому православному вероучению.

Но эта раздвоенность народа, ради преданности большинства антиохийцев православным наставлениям святого Евстафия, еще более

Святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, знаменитый отец вселенской Церкви половины IV и начала V века, прославившийся особенно своими проповедями и толкованием Священного Писания. За свое необыкновенно блестящее красноречие он назван *Златоустым*. Родился в 347 году в Антиохии, крещен был на 23-м году. Большую часть своей жизни трудился он в сане священника в Антиохии Великой, а в конце IV века поставлен епископом Константинопольским и за этот последний период своего священнослужения претерпел много гонений по влиянию императрицы Евдоксии, супруги императора Аркадия, и мученически скончался в ссылке в Армении в 407 году. Ему принадлежит чин литургии, совершающейся в Православной Церкви большую часть года. Память его празднуется 30 января и 13 ноября.

[1] Феодорита, епископа Кирского, Церковн. история. Изд. 1852 г., гл. 22, с. 87. История Церкви изд. Вл. Геттэ, изд. 1875 г., т. 3, с. 65. Впоследствии ариане стали называть православных антиохийцев еще и «кампенсами» (от слова «campus» — поле), так как они собирались для богослужения между прочим и в открытом поле, вследствие того, что ариане, при поддержке мирских властей, захватили и занимали храмы православных. См. творен. блж. Иеронима Стридонского. Издан. 2-е, 1893 г., ч. 1, с. 55–56 (Жизнь).

возбуждала императора против святителя и послужила к изданию императорского указа об удалении без суда и без лишения епископства святого Евстафия в 331 году в ссылку во Фракию[1]. Исповедник же Христов и там продолжал проповедовать истинную православную веру с обличением еретиков. «Он, — по свидетельству Златоустого, — был хорошо научен благодатью Духа, что предстоятель Церкви должен заботиться не о той одной Церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей Церкви по вселенной; этому научился он из священных молитв. Если должно, говорил святой Евстафий, творить молитвы за вселенскую Церковь, от концов до концов вселенной, то тем более должно проявлять и попечение об ней о всей, равно заботиться о всех (церквах) и пещись о всех... Изгоняли Евстафия, но голос его не замолк; человек был изгнан, а слово учения не было изгнано»[2].

Еретики же арианствующие, которые при преемниках императора Константина[3] приобрели уже полное влияние, для большего стеснения святого Евстафия и надзора за его деятельностью настояли на издании еще императорского указа о переселении его из Фракии в македонский город Филиппы[4]. Там около 345 года святитель Евстафий Антиохийский, всю жизнь свою неустанно боровшийся против еретических заблуждений и проповедовавший правильную веру в Бога истинного, скончался[5].

---

[1] Святой Иероним пишет, что это была ссылка «за веру» православную. (Хроника Иеронима, год 332.) *Фракией* в древности называлась вся страна на Балканском полуострове на север от Македонии, Эгейского моря и Мраморного, где ныне часть Венгрии, Трансильвания, Бессарабия, Румыния, Болгария, Сербия и восточная часть Румелии. Фракия славилась богатством металлов, пением и музыкой. Римляне покорили ее лет за двадцать до Рождества Христова.

[2] Похвала святому отцу нашему Евстафию Антиохийскому творен. св. Иоанна Златоустого, издан. 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 647.

[3] *Император Константин* скончался в 337 году. Ему наследовали сыновья его Константин II, Констанций и Констант. Констант вскоре умер, а Констанций, царствовавший в восточной части империи, вполне покровительствовал арианам.

[4] *Филиппы* — город на реке Марице в Македонии, был древней греческой колонией, которой овладел Филипп Македонский, назвавший его Филиппы. Ныне это Филиппополь, по-болгарски Плавдиноград. К христианам этого города филиппийцам апостол Павел написал известное послание.

[5] Вполне точного сведения о годе смерти святого Евстафия нет в древних памятниках. Филарет, архиепископ Черниговский, и профессор Н. Барсов годом его кончины считают 345 год.

Вскоре после II Вселенского собора, бывшего в 381 г. в Константинополе и подтвердившего исповедание веры I Вселенского Никейского собора с повторением анафематствования арианства, полуарианства и всех ересей, возникших против православного христианского учения, — настало благоприятное время для прославления святителя Евстафия Антиохийского, мученика за истинную веру. И в 382 году[1] святые его мощи[2] перенесены были в Антиохию с великою торжественностию в утешение горячо почитавших его антиохийцев.

Любимый народом, высокоуважаемый всеми православными отцами Церкви и превозносимый церковными писателями, святой Евстафий принадлежит к знаменитейшим, по трудам и заслугам для Церкви, епископам славного IV века. Святые отцы VII Вселенского собора[3] называли святого Евстафия Антиохийского «твердым поборником православной веры и разрушителем арианского нечестия»[4].

---

[1] Полный месяцеслов Востока. Архиеп. Сергия. Изд. 1876 г., т. II, ч. 2, с. 58. Заметки на 21 февраля. Об этом перенесении мощей пишет Феодор Чтец, известный историк VI века, написавший 4 книги Церковной истории — первые две по прежним историкам, а последние самостоятельно.

[2] Под именем *мощей* в святой Церкви в обширном смысле разумеется тело каждого умершего христианина. Так в чине погребения усопших говорится: «Взявше мощи усопшего, отходят (с ними) во храм». Но собственно под св. мощами разумеются *честные останки святых угодников Божиих*. Однако и здесь слово «мощи» имеет разное значение. Мощами называются прежде всего «кости» святых угодников. Так древние христиане почитали кости святых мучеников Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского. Церковный историк Евсевий, говоря о перенесении в IV веке мощей святых апостолов Луки и Тимофея, добавляет, что патриарх держал их у себя на коленах в небольших «ковчежцах или ящиках». Очевидно, в этих ковчежцах могли уместиться только *кости* святых апостолов. Слово «*мощи*» и у наших предков означало главным образом «*кости*». Некоторые же мощи святых представляют целые тела усопших и сохраняются настолько, что отличаются даже мягкостью и гибкостью членов, например, на остров Корфу мощи святого Спиридона Тримифунтского свыше полторы тысячи лет лежат в сыром и жарком климате, сохраняя гибкость членов. (Миссион. Щит веры. Сост. И. Смолиным. С.-Пб., изд. 1904 г., с. 64 и проч.).

[3] VII Вселенский собор Церкви состоялся в 787 году в царствование императрицы Ирины с сыном Константином там же, где был и I Вселенский собор, в городе Никее Вифинской; им установлен догмат об иконопочитании против иконоборцев. Подлинные деяния этого собора сохранены полностью и на русском языке изданы при Казанской Духовной Академии в 1891 году.

[4] Деяния Вселенских соборов издан. в русск. переводе при Казанской Духовной Академии в 1891 году, т. VII, с. 233.

Знаменитейший из отцов-учителей древней Западной Церкви святой Иероним[1] свидетельствует, что святой Евстафий был первым, писавшим против Ария, изумляется учености святителя и говорит, что он был весьма образован в духовных и светских науках, особенно же в философии, и написал бесчисленное множество письмопосланий о вере. Святой Афанасий Александрийский, Иоанн Златоуст, Василий Великий[2], Епифаний Кипрский[3], Анастасий Синаит[4] и дру-

---

[1] *Преподобный Иероним Стридонский* родился в 330 году в небольшом городке Стридоне в Далмации и Панонии; родитель его был благочестивый дворянин, скончался Иероним в 420 году, девяноста лет. По своей обширной многосторонней учености, по своей неутомимой деятельности и великим письменным трудам на пользу христианской науки и Церкви Христовой, по истинно подвижнической поучительной жизни блаженный Иероним принадлежит к знаменитейшим отцам — учителям древней Западной Церкви; большую часть жизни своей провел он на Востоке. Творения блаженного Иеронима изд. при Киевск. Духовной Академии, изд. 2-е, 1894 г., ч. 2, с. 265. Письмо 68 Евангелу пресвитеру и с. 251–252 письмо 65.

[2] *Святой Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской*, родился около 330 года в Кесарии, главном городе Каппадокии, в родовитой и высокообразованной семье. Лет восемьнадцати отправился в Константинополь и Афины, где блестяще закончил свое научное образование, и, вернувшись в Кесарию, лет двадцати пяти принял крещение и сделан был «чтецом». В 364 году был посвящен в пресвитеры, а в 370 году — в епископы; скончался в 379 году. Он ревностно защищал православное учение веры от арианства, но испытал вражду не только от ариан, а и от ревнителей правоверия, которые находили, что он слишком примирительно действует с арианами; он решительно воспротивился стараниям тогдашнего императора Валента, ярого приверженца Ариевой ереси, привлечь Церковь Кесарии к арианству. Святой Василий Великий оставил богатейший вклад в святоотеческую литературу своими многочисленными дивными сочинениями и чином литургии, за что получил наименование «Вселенского учителя» веры христианской. Память его — 1 и 30 января.

[3] *Святой Епифаний, епископ Кипрский*, или, точнее, города Саламина, на острове Кипре, родом иудей, принял крещение на 16-м году, в епископы посвящен на шестидесятом году своей жизни. Строгий подвижник отличался детской доверчивостью, добротой и благотворительностью. Основал в Палестине иноческую обитель, где около тридцати лет был ее настоятелем. Одарен был даром чудотворения, обладал знанием многих языков и был пламенным ревнителем Православия; скончался в 403 году глубоким старцем. Главные его сочинения «о ересях»: «Якорь против арианства и духоборцев» и «Лекарственный ящик против восьмидесяти ересей» — древних и ему современных. Память его — 12 мая.

[4] *Анастасий Синаит*, или *Киновит*, из синаитских аскетов второй половины VI века, был патриархом Антиохийским, ревностным борцом за Православие против еретиков (придворных), чем навлек на себя гнев императора Юстиниана,

гие также подтверждают высокую образованность, религиозную ревность святого Евстафия. Известный же историк того времени Феодорит, епископ Кирский, называет святого Евстафия величайшим столпом Церкви и благочестия, таким же, каким был и святой Афанасий Александрийский и прочие самые главные поборники Православия того времени[1]. А историк половины V века Созомен говорит, что «искусству проповеди и красноречию святого Евстафия чрезвычайно удивлялись его современники. Это (искусство) можно видеть в книгах Евстафия, которые доселе целы», — утверждает Созомен[2]. «К сожалению, — замечает архиепископ Филарет Черниговский[3], — ныне нельзя сказать, что книги Евстафия целы: но и в том, что до нас дошло, видны все те качества, которые хвалили древние в сочинениях Евстафия». Полностью сохранились только вышеприведенные, «Речь императору Константину на I Вселенском соборе» и об Аэндорской волшебнице; из многих остальных сочинений святого Евстафия дошли до нашего времени только выписки, сделанные древними писателями[4].

и, несмотря на святость жизни, удален в изгнание, где пробыл более двадцати лет. В этом заточении он написал много богословских сочинений, особенно по вопросам о двух естествах и о двух лицах в Иисусе Христе. Святой Анастасий Синаит называет святого Евстафия Антиохийского «божественным» и пишет, что он смотрит на него как на мужа, совершенного в путях Божиих, как на мудрого проповедника, святого мученика и учителя, как на своего отца и защитника, как на мужа боговдохновенного.

[1] Церковная история блж. Феодорита, еписк. Кирского. Русск. изд. С.-Пб. 1852 г., кн. 1, гл. VIII, XXV и прочее. Также в Церковной историографии. Д. Б. А. П. Лебедева, изд. 1898 г.

[2] Эрмий Созомен, Саламинский, по родовой его фамилии, греческий церковный историк, родом из Палестины, законовед. Церковная история его обнимает время с 323 по 439 год. Воспитание его происходило под влиянием монахов, в половине V века. Его история первых трех веков христианства не сохранилась. А Церковная история IV века в русском перевовде издана в 1851 году. Там об Евстафии Антиохийском с. 22,121,123 и прочее. Но тот Евстафий, о котором Созомен пишет (на с. 404), что он был возвращен Иовианом и посвящал в епископы Евваргия, был иным, не святым. (Ист. уч. об отц. Цер., с. 25–26.)

[3] Историческое учение об отцах Церкви. Филарета, архиеп. Черниговского. Изд. 1859 г., т. 2, с. 26.

[4] Эти выписки и целое сочинение об Аэндорской волшебнице с речью к императору Константину, изданы в четвертом томе Голландовой библиотеки и Мина Patrolog. Т. 18. Еще в Фабрициевой греческ. библиотеке (t. 9, p. 133, fol. 68, 170). Историч. учен. об отц. Церкви. Филарета, арх. Чернигов., 1859 г., т. II, с. 26.

По сохранившимся выпискам из книг против Ария видно, что святой Евстафий написал их восемь. Эти выписки показывают, что защитник истины прежде всего положил отличать места Священного Писания, которые говорят о человечестве Христа Иисуса, от мест, которые изображают Его, как Сына Божия и Бога, и святой Евстафий выполняет это с особенным успехом, верно объясняя смысл тех и других мест[1]. Этим он наносил самое верное поражение арианам, которые намеренно отыскивали места, относящиеся к уничиженному состоянию Христа Иисуса, и отклоняли от своего внимания, и особенно от внимания других, места другого рода. Против ариан же писаны замечания на притчи Соломоновы (8, 22) и на псалмы Давида (15–56 и 92). Как первое место, так и некоторые слова из показанных псалмов ариане старались употреблять как свидетельство истинности своего учения. Святой Евстафий и здесь употребляет то же средство против них — соединяет и объясняет изречения Священного Писания, относящиеся к человеческой и Божественной природе Искупителя. Объясняя таким образом Священное Писание, святой Евстафий показывал арианам, что в Христе соединено было Божество и человечество, без изменения Своих свойств, что Сын Божий был под законом только для того, чтобы спасти рабов греха и осуждения. «Не Слово подлежало закону, как думают кощуны, — пишет святой Евстафий, — Слово Само — закон; и не Бог имел нужду в очистительных жертвах; Он единым мановением все очищает и освящает. Но так как Он носил человеческое орудие, заимствованное от Девы, то был под законом, — да освободит от рабства закона преданных осуждению клятвы...»

Такое направление сочинений святого Евстафия вполне объясняет, почему в «сводах толкований» на Священное Писание весьма часто встречаются толкования святого Евстафия Антиохийского[2].

Сочинение «о душе» составляло философско-богословское рассуждение святого Евстафия о душе Господа Иисуса Христа и направлено также против заблуждений ариан.

---

[1] Историческое учение об отцах Церкви. Филарета, арх. Чернигов., Изд. 1859 г., т. II, с. 27.

[2] Например, в своде толкований на книгу Бытия (Fabrit. Bibl. graec. 8, p. 641,643–645), на книги Царств и на притчи Соломоновы (Bibliot. Coislian, p. 43–45, p. 60, 247).

Наконец, сочинение святого Евстафия «о чревоволшебнице Аэндорской» является сочинением образцовым и по возвышенному изложению мыслей и по красоте слога и изображений, оправдывая похвалу, которою отмечали сочинения святого Евстафия все писатели и отцы Церкви, имевшие в своих руках эти сочинения. В этом труде своем святой Евстафий, между прочим, делает строгие, но справедливые замечания Оригену[1] за его излишнюю любовь к аллегорическому объяснению Священного Писания, то есть не по прямому, не по буквальному смыслу слов. Так, Ориген «изъясняет аллегорически, отлично от буквального смысла слов, — пишет святой Евстафий, — колодцы, вырытые Авраамом, и прочее, относящееся к тому, в длинной речи, давая всему делу другой смысл, тогда как колодцы эти доселе могут видеть в той стране обыкновенными очами...» И об Аэндорской волшебнице[2] (см.: 1 Цар. 28) святой Евстафий доказывает, вопреки Оригену, что не могла она и не вызывала души пророка Са-

[1] *Ориген* был знаменитым христианским учителем Александрийской церкви в половине III века (скончался в 254 году) и выдающимся катехизатором Александрийского огласительного училища, а потом в Кесарии Палестинской в сане пресвитера. Ориген родился в Александрии в конце II века и остался семнадцатилетним юношей после отца, казненного за исповедание христианства. В Дециево гонение был заключен в тюрьму, разрушившую его здоровье, отчего он и скончался около семидесяти лет. За неутомимость в труде был прозван «адамантовым». Многие святые отцы Церкви были обязаны Оригену первоначальным своим научением и обращением из язычества в христианство, например, святой Григорий Неокесарийский. Многочисленные его сочинения направлены к защите христианства против еретиков, врагов христиан, и особенно замечательны труды по Святому Писанию, где он пытался согласовать веру со знанием и философией, но Ориген выражал часто произвольные, не разделяемые всей Церковью, толкования и мысли, например, о Лицах Святой Троицы, о создании душ, хотя высказывал их, как личные свои предположения, которые его поклонники развивали до крайности и до ереси. В VI веке Оригена обвиняли в десяти ересях, и на поместном Константинопольском соборе в 543 году Ориген осужден, как еретик, предан анафеме, а сочинения его объявлены подлежащими истреблению, как еретические.

[2] *Аэндор*, или *Ендор* (источник жилища), был городок при потоке Киссоне, в Палестине. Близ Аэндора жила волшебница, упоминаемая в 1-й книге Царств (28), к которой приходил ночью еврейский царь Саул и просил ее вызвать ему умершего Самуила. Путешественникам и теперь показывают близ Назарета пещеру, в которой будто жила та волшебница. Ныне на месте Аэндора находится небольшая бедная деревня, называемая Эндур.

муила[1], а являлся по ее чарам только призрак, представлявший Самуила для обмана и на пагубу Саулу[2]. Здесь святой Евстафий учит, что в Ветхом Завете души праведников покоились в недрах Авраама[3], но не могли восходить на небо прежде того, как Иисус Христос отверз двери небесного Царства Своим воскресением; праведники Нового Завета счастливее тех праведников — они по разлучении с телом достигают уже славы небесной, уже некоторого общения с Господом Иисусом Христом[4]...

Жизнь и деятельность святителя Евстафия Антиохийского весьма поучительна не только для пастырей Церкви, а также и для всех положений жизни православных христиан. Вот об этом, кроме приведенных выше, еще некоторые общие указания, какие делает всем православным Златоуст, вселенский учитель веры христианской в своей пространной «похвале» святому отцу нашему Евстафию Антиохийскому[5].

«Не удивляйтесь, что, начиная слово похвалы святому Евстафию Антиохийскому, я назвал этого святого мучеником; он своею смертью окончил жизнь, как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается

---

[1] *Самуил* был последним и знаменитейшим из судей израильских за одиннадцать веков до Рождества Христова. Им основаны были пророческие сонмы, или школы, как религиозно-нравственные общества для пробуждения в народе патриотизма и просвещения. Мудро правил он народом; скончался на 88-м году, поставив первого царя Саула. Жизнь Самуила описана в первых главах 1-й книги Царств.

[2] *Саул, сын Кисов*, первый царь еврейского народа, помазанный Самуилом на царство, царствовал сорок лет сначала добродетельно, а потом властолюбиво и жестоко, когда перестал следовать советам Самуила. Жизнь его описана в (1 Цар. 9–31).

[3] *В недрах Авраама* или на лоне (на груди) Авраама — выражение библейское, означающее место загробного нахождения ветхозаветных праведников (Лк. 16, 22–23). Образ выражения этот взят от возлежания на вечерях у иудеев, причем возлежать на персях, на лоне, было знаком особенной близости возлежащих так.

[4] Историческое учение об отцах Церкви. Филарета, архиепископа Черниговского. Изд. 1859 г., т. II, с. 28.

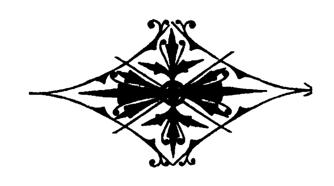
[5] Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Издан. С.-Петерб. Духовн. Академии 1896 г., т. 2, кн. 2, с. 642–650.

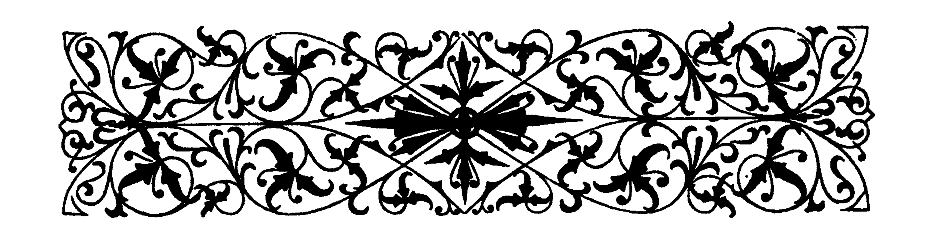
венец мученичества... Святой Евстафий потерпел смерть за Христа не в собственной стране, а в чужой. Это — дело врагов; они изгнали его из отечества, дабы посрамить его, но он сделался еще славнее и знаменитее чрез изгнание на чужбину, как доказал и конец дел... Святой Евстафий, подобно апостолу Павлу, готов был на бесчисленные смерти, и все их претерпел расположением и ревностью, много опасностей, постигших его, перенес и самым опытом. И из отечества изгнали его и многое другое воздвигли тогда против этого блаженного, хотя не имели никакой справедливой причины к обвинению, а только то, что, по словам апостола Павла, враги его *заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца* (Рим. 1, 25), он же удалился от нечестия и убоялся беззакония, но это достойно венцов, а не обвинения».

«Для чего же был изгнан святой Евстафий, для чего Бог попустил гонителям его. Для чего? Не подумайте, что слова эти послужат к разрешению одного только этого недоумения; нет, если случится вам говорить о подобном и с язычниками, или еретиками, то, что будет здесь сказано, будет достаточно к разрешению всякого недоумения. Бог попускает истинной и апостольской вере Своей подвергаться многим нападениям, а ересям и язычеству попускает наслаждаться спокойствием; для чего? Для того, чтобы ты познал слабость их, когда они, и не тревожимые, сами собою разрушаются, и чтобы ты убедился в силе веры, которая терпит нападения и чрез самих противников умножается... Видишь ли, что Бог для того попускает Ангелам сатаны нападать на рабов Божиих и причинять им бесчисленные бедствия, чтобы проявилась сила Его. Поистине, с язычниками ли или с жалкими иудеями мы станем рассуждать, для нас достаточно будет для доказательства божественной силы то, что вера Христова, подвергаясь бесчисленным войнам, одержала верх, и, тогда как вся вселенная противоборствовала и все с великим жаром гнали тех двенадцать человек, то есть апостолов, они, бичуемые, гонимые и терпевшие бесчисленные бедствия, были в состоянии в короткое время с полным превосходством победить причинявших им это. Для того Бог попустил и блаженному Евстафию Антиохийскому быть отправленным на чужбину, чтобы еще более показать нам и силу истины и бессилие еретиков».

«Молитвами святителя Евстафия да спасет Господь Бог Церковь Свою от всякого лжеименного знания и разделения и да сохранит церковное единение и мир в духе кротости и любви христианской, и всех нас, верующих, да помилует и спасет».

«И, за все воздав благодарность Богу, будем подражать добродетелям святых, чтобы участвовать с ними и в венцах, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, честь и держава во веки веков. Аминь».





День двадцать второй[1]

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
МАВРИКИЯ
и сына его
ФОТИНА
и с ними семидесяти воинов

Беззаконный и нечестивый царь Максимиан[2] полагал, что, служа своим ложным богам, получит себе помощь и возвышение своего царства, поэтому он повелел, чтобы все его подданные приносили жертвы нечестивым идолам. Он сам старался подавать пример ревностного и прилежного служения бесам, принуждая и других приносить скверные жертвы. Для него было мало, подобно прежним царям, ограничиваться рассылкой указов начальникам областей, где им предписывалось заботиться о почитании идолов: он сам лично без всякой лености обходил свои владения, совершая службы перед бесовскими алтарями; безбожный царь надеялся, что, благодаря его приходу, все, отвергнувшиеся от языческого заблуждения и сподобившиеся познать Христову истину, снова возвратятся к прежнему зловерию. С таким намерением он оставил Рим и направился по восточным областям; между прочим он прибыл в город Сирийский Апамию. Здесь к нему приступили идольские жрецы и стали клеветать на христиан, говоря:

— Державнейший царь, так как боги даровали нам возможность свободно говорить с тобою, то мы возвещаем тебе, что всякий из нас

---

[1] В обычный год — 7 марта по н. ст., в високосный год — 6 марта по н. ст.

[2] *Максимиан Галерий*, Римский император — с 305 по 311 год.

со страхом и усердием почитает великих богов отеческих, в особенности же Зевса[1] и чудного Аполлона[2], самых главных богов наших, защитников и покровителей державы твоей. Но Маврикий и вместе с ним других семьдесят твоих воинов, напыщенные почестями и обогащенные твоими великими дарами, презирают богов наших, противятся твоей великой и непобедимой власти — они прельстились заблуждением христианским.

Услышав об этом, царь Максимиан сильно разгневался; ярость охватила его сильнее пламени, пылающего в печи; он особенно негодовал на то, что в полках его нашлись такие воины. В один из торжественных дней он велел приготовить судилище на месте для зрелищ, называемом Амаксика; оно было между северными городскими воротами. Это место Максимиан избрал для того, чтобы весь народ мог видеть суд; сюда повелел он привести святых мучеников. В назначенный день, когда сошлось множество народа на указанное место, даже девы и те не оставались дома, царь Максимиан воссел на высоком судилище. Тогда приведены были сюда оруженосцами и семьдесят святых Христовых воинов, вместе со своим начальником святым Маврикием. Взглянув на них, царь сказал Маврикию:

— Мы надеялись, Маврикий, что вы, как люди, не оставленные нашею царскою милостию, кормившиеся нашим жалованьем и удостоившиеся от нас высших почестей, будете следовать нашему благочестивому примеру и своими мужественными делами и мудрым наставлением вразумите отвергающих наш угодный богам закон, уврачуете мнение заблуждающихся, измените к лучшему нуждающееся в исправлении, укрощая возбуждающих раздоры, — словом, мы были уверены, что исправите все, что делают не по нашему повелению, против нас и вопреки нашему желанно. Но мы слышим, что вы поступаете как раз наоборот — не только не усмиряете тех, кто восстает против нашего закона, но и сами являетесь противниками наших всесильных богов; вы пренебрегаете ими, не оказываете им чести, не приносите жертв и приношений; мало того, вы сделались

---

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

[2] *Аполлон* почитался богом солнца и умственного просвещения, а также общественного благополучия и порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего.

даже для других руководителями и увлекаете их в погибельную пропасть, если только есть правда в том, что нам сообщили о вас.

На это святой Маврикий отвечал:

— Царь, та обида, которую мы наносим бесчувственным богам вашим, готовит нам славный венец победы у истинного Бога нашего. Мы не унижаем, не презираем, как ты полагаешь в своем безумии, Бога, сотворившего нас, но прославляем Того, Кто Единый Истинный Бог, Кто создал небо и землю, море и все, что в них. И не подобает называть богами скверных и нечистых бесов, вводящих людей в гибель, и идолов их глухих, слепых и бесчувственных.

Тогда царь сказал:

— Так-то ты, Маврикий, воздаешь благодарность богам, которые удостоили тебя чести и даровали тебе первое место в воинстве?

Святой же Маврикий отвечал:

— Никогда никакой чести я не принимал от богов ваших и не хочу почитать их. Ибо кто из людей, знающих о Боге, захочет воздавать почитание бесчувственным вещам, кроме не имеющих разума и уподобившихся несмысленным скотам (см.: слав. Пс. 48, 13); только такие люди обоготворяют камни и деревья, полагая, что они имеют разум, и почитают их, как богов.

Царь же сказал:

— Ты получил первое место среди служащих нам; поэтому-то ты так дерзко и без всякого страха говоришь с нами.

Сказав это, царь велел отделить святого Маврикия от семидесяти воинов и обратился к последним с ласковою речью:

— Кто вас, братия, прельстил и внушил вам мысль отступить от спасителей наших богов и разделять заблуждение людей, почитающих Распятого Человека, какого-то злодея?

Тогда блаженный Феодорит вместе с Филиппом отвечали от лица всех святых мучеников:

— Безбожный мучитель, мы не только не заблуждаемся сами, но и тебя желаем освободить от заблуждения, от которого избавились, поклоняясь Единому истинному Богу — Отцу всемогущему и единородному Сыну Его Господу Иисусу Христу нашему — истинному Богу и Божией Премудрости и Святому Его Духу, Который вдохнул в нас познание и разумение, чтобы мы могли исповедовать единосущную Троицу. Мы гнушаемся нечестивой веры твоей, оставляем

сан временного воина, чтобы нам удостоиться быть воинами Бога, Царя Сил.

Тогда Максимиан сказал:

— Я вижу, Филипп, что ты уже достиг почтенной старости, но разумом ты далеко уступаешь юным; обратись лучше к нашим богам и тем покажи добрый пример прочим твоим сотоварищам по службе, чтобы и они сделали то же; тогда большую честь и дары получишь ты от нас.

Святой же Филипп отвечал:

— Знай, царь, что я не буду наставлять на злое тех, которые добровольно познали страх Божий, ибо писано: *горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7).

На это Максимиан сказал:

— Ты дерзок, Филипп, благодаря нашему терпению и кротости. Оставьте же лучше ваше зловерие, чтобы не возбудить в нас гнев и ярость; вы подвергнетесь лютым мукам, если осмелитесь исповедовать Человека, Которого вы считаете одним из богов.

Тогда святые семьдесят мучеников отвечали мучителю:

— Твоя суетная и тщетная угроза, богомерзкий царь, дает нам силу и крепость; мы не боимся никаких мук, ибо нет страха в душе того, кто любит Господа.

Максимиан разгневался на этот ответ и повелел снять с них пояса и одеяния воинские и сказал:

— Видите, какой славы и чести вы лишились и какое бесчестие навлекли на себя за свое непослушание.

Святые же отвечали:

— Ты, сняв с нас одежды и пояса, лишил нас чина воинского, но есть Бог на небесах, Которого мы почитаем: Он облечет нас в одежды и пояса нетления и сподобит вечной своей славы, которой ты совершенно недостоин видеть, так как в тебе говорит и действует отец твой сатана.

Тогда царь, разгневавшись еще более, сказал святым:

— Проклятые и недостойные даров богов наших, вы сами сніскали себе бесчестие: мы удостоили вас великой чести, вы же обесчестили великих богов, презрели нашу милость, примите же теперь по заслугам вашим.

Святые отвечали на это:

— Царь, быть воином у тебя — дело суетное и преходящее, честь же твоя — бесчестие, ибо ты забыл Бога, давшего тебе власть царскую, и в своем безумии почитаешь богами суетных и бездушных идолов, хотя они не приносят тебе никакой пользы и не разумеют, почитает ли их кто или бесчестит.

Тогда царь сказал:

— Желая, по моей царской милости, сохранить вашу жизнь, я еще даю вам время.

После этого он приказал заключить их в темницу на три дня, чтобы они, обдумав, могли бы избрать себе то, что пожелают. Святые же, заключенные в темницу и закованные в узы, так говорили:

— Возлюбленные братия, устремим души наши на молитву и станем прилежно молить благого и милостивого Бога нашего, чтобы Он ниспослал нам чрез Духа Своего Святого премудрость и разум: будем просить Его, чтобы Он вложил в уста наши то, что нам отвечать царю, так чтобы мучитель удивился истине нашей веры.

После этого они стали молиться, единодушно взывая:

— Господи, Иисусе Христе, Боже всесильный, Которого власть вечна и царство бесконечно, ниспошли нам Святого Твоего Духа, — пусть Он наставит нас и исполнит радости и веселия; пусть Он подаст нам победу над злобным заблуждением, и мы укрепимся в вере Святым Твоим Духом, Который да вещает в нас согласно Твоему истинному и неложному обетованию (см.: Мф. 10, 19–20). За отнятие от нас мирской чести даруй нам быть воинами в Твоем небесном граде и пребывать в числе горних граждан со всеми святыми Твоими, от века Тебе благоугодившими. Ты Един Бог, и Тебе подобает слава и сила во веки, аминь.

Спустя три дня царь Максимиан опять воссел на том же судилище у Амаксикийских ворот и велел привести святых мучеников; сюда же сошлись и все жители того города, чтобы посмотреть на суд. Мучитель, удерживая гнев свой, ласково обратился к святым:

— Мужи, изберите себе то, что для вас полезно: подойдите и принесите богам жертвы, тогда получите жизнь и избежите горькой смерти.

Тогда святые отвечали:

— Мы, царь, обдумали все как следует: послушай же нас внимательно и не заставляй нас более приносить жертв богам вашим; ибо

мы твердо решились: возненавидеть временную жизнь и предпочесть предстоящую нам смерть из-за любви ко Христу, от Которого мы надеемся получить жизнь вечную. Поэтому поступай с нами, как тебе угодно: мы не отступим от Бога нашего и никогда не станем поклоняться твоим бесам; будучи осуждены на временную смерть, мы тем избавляемся от вечного осуждения.

Таков был ответ святых. Мучитель же, заметив в числе их юношу, спросил его:

— Скажи мне, юноша, как тебя зовут и откуда ты родом?

Юноша отвечал:

— Меня зовут Фотином, такое имя я получил от истинного света, я — воин Христа моего, посрамившего отца твоего диавола. Родом же я римлянин, сын — не только по плоти, но и по душе — Маврикия светлейшего; ибо от него я рожден и получил познание о Боге; он воспитал меня в святой вере в Господа Христа, Которого ты царь, отвергаясь, уподобился бессмысленным животным.

На это мучитель отвечал:

— Неразумен ты, юноша, и слова твои обличают твой возраст; но пора тебе знать, что для тебя полезно, — приступи и принеси жертву великому Зевсу, пожалей свою юность.

Тогда юноша сказал:

— Ты называешь меня неразумным лишь только потому, что я не исполняю твоей воли и не поклоняюсь идолам. Нет, я всех вас разумнее, ибо верую в Господа моего Иисуса Христа, в Которого вы не веруете и знать не желаете.

Тогда мучитель снова сказал святым:

— Доколе нам терпеть ваше безумие, окаянные? Доколе мы, уступая нашей чрезмерной жалости, будем отдалять ваши мучения? Принесите жертву богам, не навлекайте на себя наш праведный суд, не возбуждайте нас к немилосердию и жестокости.

Святые отвечали:

— Скверный и нечестивый служитель бесов, если у тебя есть хоть сколько-нибудь ума, то ты уже узнал о вере нашей и о силе от Фотина; он хотя и юн летами, однако посрамил своей правою верою и исповеданием Христа твое нечестие; тем более стремимся мы к тому, чтобы претерпеть муки, чтобы посрамить отца твоего диавола и угодить Христу Богу нашему.

Тогда мучитель, исполнившись гнева, повелел обнажить святых и бить их воловьими жилами. Слуги начали исполнять то, что им было приказано: они распростирали каждого из воинов Христовых и без всякого милосердия наносили им удары по всему телу. Так святых мучили до тех пор, пока их святые тела не были раздроблены и множеством пролитой крови не обагрилось все то место. Святые же среди мучений взывали ко Христу Господу, прося у Него помощи. Господь не оставлял их невидимою Своею силою, облегчал их страдания и укреплял сердца их в терпении и Божественной любви. Когда уже слуги совершенно изнемогли, царь обратился к святым:

— Познали ли вы, дерзкие и неразумные, как легко мы можем лишить вас жизни? Так принесите же жертвы богам, чтобы не навлекать на себя еще более сильных наказаний!

Святые же отвечали:

— Знай, нечестивый и неведующий Бога нашего царь, что как ты далеко отстоишь от любви Христа и истинного света, будучи помрачен тьмою бесовского заблуждения, так и мы не чувствуем мук, которые ты нам причиняешь, ибо ум наш просвещен верою и любовию Христа Бога нашего. Придумай же, мучитель и служитель бесов, каким новым и тягчайшим мукам предать нас; душа наша жаждет и Христова любовь в нас желает чрез страдание разрешиться от тела и увидеть Бога живого, царствующего во веки.

Услышав это, мучитель возгорелся еще большею яростию и велел развести большой огонь, чтобы бросить в него святых мучеников.

Тогда был разведен большой огонь; святые же не ждали, чтобы слуги мучителя бросили их в огонь, но сами приступили к нему, как к воде, и войдя в средину костра, ходили невредимыми в огне, укоряя мучителя и посрамляя его богов. Все присутствовавшие дивились такому славному чуду. Но мучитель, как сосуд погибели, не хотел познать, что святым помогает сила Божия, которою они и побеждают силу огня, но с еще большею яростию старался погубить святых. Он повелел вывести из огня святых страдальцев, которым не причинило никакого вреда сильное пламя, и привязать их к тем деревьям, на которых обыкновенно подвергали мучениям преступников, и безжалостно строгать тела святых железными когтями. Святые же мужественно претерпели и это лютое мучение, не боясь теле-

сных страданий. Даже народ дивился ярости и безумию царя. Святой же Маврикий, обратившись к царю, сказал ему:

— Нечестивый и скверный мучитель, неужели ты не видишь своей слабости, неужели ты не сознаешь своего ничтожества; ведь Фотин, малый юноша, мог перенести столько лютых мучений; этим он сокрушил и сломил силу твоего беззаконного царства. Как же ты можешь одолеть всех нас, сам будучи побежден и посрамлен молодым юношей?

Максимиан с яростию взглянул на святого и, заскрежетав зубами, повелел тотчас же усекнуть мечом святого юношу Фотина пред глазами его отца; этим он хотел отомстить Маврикию; он думал, что сильно опечалит смертию сына отца его — святого Маврикия; но святой муж исполнился радости и веселия, взирая на мученическую кончину своего сына и его смерть за Христа Бога.

Когда святой Фотин, усеченный мечом, предал Господу свою душу, Маврикий сказал Максимиану:

— Ты исполнил наше желание, беззаконный мучитель, предпослав Фотина ко Христу Богу; теперь уже несомненно недалеко и наше отшествие на небеса: кто из нас не станет подражать воину Христову Фотину, который уже вселился в райские обители и посрамил сатану, отца твоего? Изобрети же еще большие и жесточайшие мучения и постарайся всячески испытать, крепка ли наша вера во Христа.

Когда Максимиан увидел, что святые мученики безропотно и мужественно переносят все мучения, не отступая от своей веры, то созвал всех своих злочестивых и безбожных советников и стал с ними придумывать, какой бы, самой лютой смертию погубить мучеников на устрашение всех христиан, где бы они ни жили. Одни советовали ему одно, другие — другое; наконец, один из них, самый лютый и нечестивый, в высшей степени бесчеловечный и злобный, сказал Максимиану:

— Ныне, царь, лето — идет месяц июль; вне же нашего города находится к западу между двух рек и озером одно место, болотистое и поросшее травою; там теперь множество комаров, оводов, ос и шершней, так что в этом месте и пройти человеку трудно, а остаться на час и совсем невозможно; вели сюда завести мужей, прикажи обнажить их и привязать к деревьям; кроме того, их должно обмазать

медом; тогда комары, шершни и всякие мухи будут жестоко терзать их; это самое сильное и ужасное мучение из всех, какие только можно придумать; тогда они и поймут, что нельзя поносить наших непобедимых и вечных богов.

Такой совет весьма понравился нечестивому царю и всем его скверным советникам, и святые страстотерпцы Христовы были осуждены на это мучение. Тогда воины, взяв их, связали и повели на вышеупомянутое место; здесь они накрепко привязали святых к деревьям, которые росли над источником и у болота, обмазали медом от головы до ног их обнаженные тела; кроме того, они повергли тело блаженного Фотина пред глазами его отца. После этого они удалились. Всякого рода мухи, комары, оводы, осы, шершни устремились на святых; словно густое облако они окружили страстотерпцев, немилосердно уязвляя их. Такое нестерпимое мучение святые переносили десять дней и десять ночей. Возведя взоры свои к небу, они молились, говоря:

— Господи, Боже наш, Ты создал нас по образу Твоему и подобию, сподобил нас познать истину Твою, благоволил нам открыть Свое Божество, Своего единородного Сына и Пресвятого и Животворящего Духа. Мы вручаем Тебе наши души и молим Тебя, сопричти нас со всеми святыми Твоими, от века Тебе угодившими. Ибо мы возлюбили Тебя и стремились к Тебе всею душою нашей; Тебя ради мы преданы на это мучение. Ты Един Бог благий и милостивый и Тебе подобает слава вовеки, аминь.

После этого они предали Господу святые свои души и сподобились венцов вечной славы. Беззаконный же мучитель Максимиан пылал яростью на святых даже после их смерти, когда они уже наслаждались в бессмертной жизни (ибо живы пред Богом скончавшиеся в Боге, хотя они и оставили этот мир). Услышав, что святые уже умерли, Максимиан повелел усекнуть их честные главы и оставить их без погребения. Тогда святые их тела и главы были разбросаны по лугу и дубраве, бывшей там, на съедение птицам и зверям. Некоторые из верующих, придя ночью, со страхом и трепетом собрали разбросанные мощи святых мучеников и погребли их на том месте, славя Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом прославляемого вовеки, аминь.

ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ во Евгении

Во время нечестивых царей римских, когда христиане многократно подвергались гонениям, бесчисленное множество исповедников Христовых и мучеников претерпели различные муки; их святые тела, повергаемые без погребения на съедение зверям и птицам, верующие тайно убирали и с честью погребали в потаенных местах, в домах или вертоградах. Так и в Евгенийских селениях было погребено много святых мучеников, пострадавших за Христа; их мощи долгое время были неведомы. Между тем еллинскому нечестию пришел конец, мучители с бесславием погибли, а на престолы вступили христианские цари; всю вселенную озарил свет святой веры, и церковь Христова стала процветать в глубокой тишине. Тогда и святые мощи Евгенийских мучеников Божественным изволением были чудно обретены, словно светильники из-под спуда[1]. На том месте, где они были погребены, начали подаваться болящим различные исцеления, ибо Бог восхотел, чтобы рабы Его были проявлены и прославлены. Туда пришел святитель с церковным причтом и, раскопав то место, обрел много мощей святых мучеников, имена коих ведает один Господь, написавший их в книги живота вечного на небесах. Те святые мощи были целыми и нетленными, так что на них исполнилось слово Писания: *хранит Господь вся кости их, ни едина от них сокрушится* (слав. Пс 33, 21). Мощи распространяли великое благоухание; от них истекало множество чудотворений, исцелялись всякие недуги и прогонялись нечистые духи из людей. Тогда святые мощи были со славою перенесены в церковь, и бесчисленное множество народа со свечами и псалмопениями сопровождало шествие. После этого было откровение одному клирику — Николаю Каллиграфу, мужу добродетельному и благочестивому: ему было открыто, что среди многих мощей мучеников, обретенных в Евгении[2], находятся мощи святого Андроника, одного из числа семидесяти апостолов, и помощницы Ан-

---

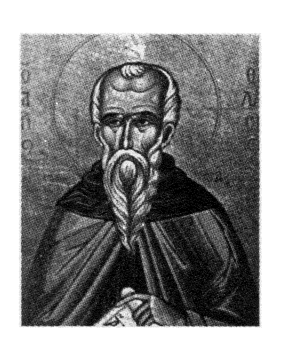
[1] Намек на слова Христовы в «нагорной беседе» (Мф. 5, 15).

[2] Местность, лежащая на восточной стороне Царьграда близ ворот и башни, именуемых Евгениевыми. Здесь император Андроник I в XII в. построил великолепный храм, вероятно, потому что здесь были мощи его ангела ап. Андроника.

дроника — Иунии; о них вспоминает святой Апостол Павел в послании к римлянам: *Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа* (Рим. 16, 7).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФАЛАССИЯ,
пустынника Сирийского

Преподобный Фалассий еще в юном возрасте построил себе на одной горе жилище и поселился в нем. Отличаясь по природе чистосердечием и смиренномудрием, он скоро почувствовал влечение к иноческим подвигам. Он удалился на вершину горы, расположенной близ селения Таргала, и провел на ней в подвигах тридцать восемь лет, причем не имел никакого жилища: ни келии, ни палатки, ни даже какого-либо навеса, но, соорудив из камней лишь небольшую ограду и имея покровом одно небо, все время пребывал в ней.



За такие подвиги Господь удостоил святого подвижника благодати чудотворений. Преподобный Фалассий изгонял бесов, исцелял различные болезни и силою своего чудодейственного дара уподоблялся святым апостолам. Однажды на него напал змей и хотел пожрать его, но он помолился и молитвою спас себя от смерти. В другой раз его постигла желудочная болезнь, которая причиняла ему жестокие страдания, но он призвал имя Божие и тем исцелился от мучительного недуга. К преподобному стекалось всегда множество народа с тем, чтобы видеть его подвиги, и многие из приходивших просили его принять их в число его сподвижников. Преподобный не противился таким просьбам. Построив для желающих подвизаться с ним келии, он дозволил им жить в них, причем раздавал им ту пищу, которую приносили для него с разных мест его почитатели. Прожив в таких подвигах жизнь свою, преподобный Фалассий с миром почил.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ВАРАДАТА,
пустынника Сирийского

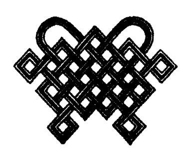
Преподобный Варадат был родом из Антиохии[1]. Избрав себе подвиги созерцательной отшельнической жизни, он заключился сперва в одной хижине, а потом чрез некоторое время удалился на одну высокую гору и безвыходно стал жить в келии, которую сам соорудил себе. Эту келию преподобный нарочито устроил так, что по размерам своим она была меньше его роста, а потому он всегда стоял в ней, сгорбившись, а лежал согнувшись. Келия была без окон с однею только дверью, да и ту святой держал всегда закрытою, чтобы оградить себя от сторонних посетителей, а для проникновения внутрь келии дневного света вместо окон он устроил в стене скважины, которые были так широки, что он никогда не имел в своем жилище защиты ни от дождя, ни от солнечного зноя. В таком тесном и неудобном помещении святой Варадат прожил много лет. Впоследствии уступив убеждениям Антиохийского епископа Феодорита, он вышел из своего жилища, но зато с этого времени стал носить одежду из сшитых кож, которая с ног до головы покрывала все тело его, и только около рта и носа для свободного дыхания в ней были оставлены небольшие прорезы. Не имея возможности в такой одежде ходить, преподобный постоянно стоял на ногах с воздетыми к небу руками и прославлял Бога. Таким образом, святой Варадат всегда пребывал в затворе. Он нес такой подвиг не для услаждения плоти, а для того, чтобы принуждать себя переносить телесные боли и тем смирять свою плоть, так как он одержим был сильными страстями и его постоянно разжигали пламенные, неукротимые похоти. Когда преподобный ради получения обещанной подвижникам награды в вечности довел до изнеможения плоть свою, то отошел ко Господу и принял от Него вечный покой.



[1] Здесь имеется в виду *Антиохия Сирийская*, некогда обширная и богатая столица сирийского царства, ныне незначительный городок в Азиатской Турции.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
АФАНАСИЯ ИСПОВЕДНИКА

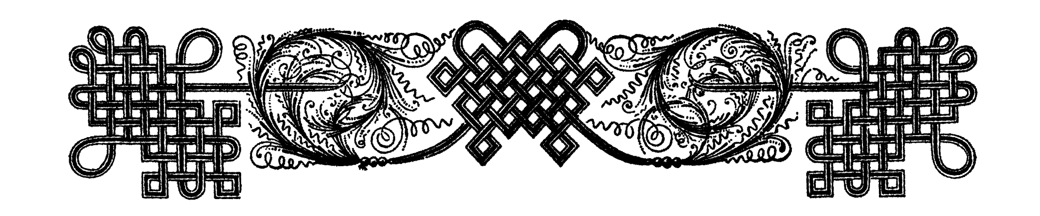
Преподобный Афанасий родился в городе Константинополе от благочестивых родителей, которые проводили богоугодную жизнь и были очень богаты. Он с детства отличался благоговейным настроением души, и любимою мечтою его юности было провести жизнь в иноческом звании. Поэтому по достижении совершенного возраста он удалился в одну из Никомидийских обителей[1] и там принял иноческое пострижение. В своих иноческих подвигах преподобный достиг такой высоты, что своим благочестием стал известен самому императору. В царствование Льва Иконоборца[2] на преподобного сделан был донос, что он чтит святые иконы, и за это он был подвергнут различным мучениям, потерпел тяжкие изгнания и перенес много страданий. Но, несмотря на все это, святой Афанасий остался непоколебимым. Сохранив до конца своей жизни православную веру, он отошел ко Господу[3].



[1] Город *Никомидия* находился в Малой Азии на берегу одного из заливов Пропонтиды, ныне Мраморного моря, и был любимой резиденцией императора Диоклетиана и местом страданий и кончины множества святых мучеников в его царствование. Обитель, где постригся преподобный, была известна под названием Павлопетрии, потому что посвящена святым апостолам Петру и Павлу.

[2] Гонение на почитателей святых икон продолжалось около ста лет. Из трех императоров этого периода, носивших имя Льва, название иконоборца здесь усвояется Льву Армянину, царствовавшему с 813 по 820 год.

[3] Преподобный Афанасий скончался в 821 году.



День двадцать третий[1]

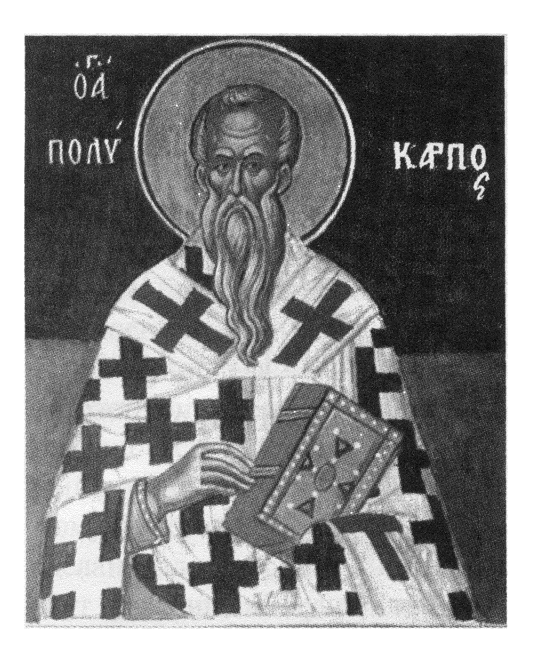
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ПОЛИКАРПА,
епископа Смирнского

В городе Смирне, находящемся в малоазийской области Ионии, во времена святых апостолов епископом был святой Вукол[2]; во дни этого епископа здесь жила благочестивая и боящаяся Бога вдова Каллиста. Ей во сне явился Ангел Господень и повелел взять к себе сироту — отрока Поликарпа; так как у Каллисты не было детей, то она с радостию взяла отрока и воспитывала его в благочестии, как своего родного сына. Когда он вырос и пришел в совершенный разум, вдова поручила ему все, что было у нее в доме. Как-то раз в это время ей понадобилось отлучиться далеко от дома по одному делу относительно своих имений, причем она довольно долго не возвращалась; во время ее отсутствия блаженный Поликарп, крайне милостивый к нищим, стал щедро подавать убогим, сиротам и вдовицам; он отпускал хлеб, вино, елей и всякую пищу всем просившим, так что хранилища его приемной матери оскудели. Когда Каллиста возвращалась, один из слуг, выйдя ей навстречу, стал жаловаться на Поликарпа, что он неразумно расточил все имение, так что теперь, клеветал он, в доме совершенная бедность. Каллиста сильно опечалилась этим: придя домой, она тотчас отправилась в кладовые и нашла там множе-

---

[1] В обычный год — 8 марта по н. ст., в високосный год — 7 марта по н. ст.

[2] *Святой Вукол* был ученик святого Иоанна Богослова и первый епископ Смирнской церкви; он обратил ко Христу множество язычников. Память его — 6 февраля.



ство всяких сокровищ. Ибо блаженный Поликарп, до прибытия Каллисты, обратился к Господу с такою молитвою: «Господи Боже мой, Ты наполнил сосуды вдовы Сарептской при Твоем пророке Илии (см.: 3 Цар. 17, 10–16), услышь меня в час этот и сотвори, чтобы во имя Христово наполнились все хранилища дома сего».

И Господь тотчас услышал молитву его и наполнил дом его благодетельницы всякими благами. Увидев, что в доме теперь гораздо более всего необходимого, чем было прежде, Каллиста разгневалась на слугу, жаловавшегося на оскудение, произведенное святым Поликарпом: она думала, что слуга или насмехается над ней, или же по ненависти оклеветал Поликарпа. Рассердившись, она хотела его наказать. Святой же Поликарп стал защищать его, говоря своей воспитательнице: «Умоляю тебя, госпожа, не наказывай другого вместо меня, но лучше меня подвергни наказанию; этот слуга не наказания достоин, но похвалы за свою верность и преданность тебе; он рассказал тебе всю правду: действительно, у нас оскудели все богатства и опустели все кладовые, ибо я, видя голодающих братий наших, нищих и убогих, роздал им все и истощил все запасы; они-то и умолили Бога, и Он послал Своего Ангела, который восполнил все твое имущество, чтобы и ты, по своему обычаю, могла оказывать неимущим щедрую милостыню».

Слыша и видя все это, Каллиста сильно удивлялась и с тех пор стала еще усерднее к добрым делам в благой вере, подавая обильную милостыню; еще сильнее, как своего собственного сына, полюбила она святого Поликарпа, удивляясь его добродетели; наконец, окончив свою богоугодную жизнь, она отдала в руки Господа свою душу, оставив наследником всего своего имения нареченного сына, святого Поликарпа. Все роздал блаженный нищим, а сам стал прилежно

заниматься чтением Божественных книг, усердно предаваясь богомыслию и молитвам; он проводил жизнь в большом воздержании и непорочном девстве, работал неустанно день и ночь Господу, с любовию служа больным, немощным и престарелым. За такую жизнь его сильно полюбил Смирнский епископ святой Вукол; сначала епископ сделал Поликарпа клириком, затем диаконом; по свидетельству святого Пиония, который написал житие блаженного Поликарпа, святой Вукол возложил на Поликарпа, в бытность его диаконом, еще обязанность проповедовать слово Божие, ибо святой Поликарп отличался своим благоразумием и красноречием, так что святой подвижник обязан был как в церкви, так и в других местах поучать народ. Не только святой Вукол, но и святые апостолы, Павел и Иоанн Богослов с прочими учениками Христовыми, любили святого Поликарпа; святой Поликарп участвовал вместе со святыми апостолами в их путешествиях, был их учеником, общником их трудов, подражателем их жизни; апостолы снова послали его в Смирну к святому Вуколу, который и рукоположил его в пресвитеры. Написал также святой Поликарп много слов и посланий, полезных для Церкви Христовой, но большая часть его сочинений во время гонений погибла, так что из них осталась только небольшая доля. Святому епископу Вуколу было предвозвещено, что после его смерти епископский престол в Смирнской церкви должен занять пресвитер Поликарп, а не другой кто-либо; а поэтому, умирая, святой Вукол, взяв правую руку Поликарпа и положив ее к себе на грудь, поручил ему пасти свое словесное стадо и со словами «слава Тебе, Господи» с миром отошел в жизнь вечную. Епископы апостольские, собравшиеся на погребение святого Вукола, и посвятили святого Поликарпа; при этом многие из них удостоились ужасных видений. Когда началось посвящение во епископа, Божественный свет озарил всех, бывших в церкви; некоторые из достойных увидали белую голубицу, которая, сияя, словно молния, летала вокруг головы святого Поликарпа; другим святой подвижник представлялся одетым словно воин: был опоясан воинским поясом и вооружен словно на сражение; иные видели его в царской порфире[1] с сияющим лицом; одной девице он показался гораздо большего роста, чем был на самом деле,

[1] *Порфира* — пурпуровая дорогая одежда в виде длинной мантии, которую носят государи в торжественных случаях.

причем риза его на правом плече была красного цвета. Когда же для принятия посвящения святой Поликарп преклонил колена, он увидел пред собою ноги самого Христа Господа, Который невидимо присутствовал при его посвящении. Так, рукоположенный самим Христом и Святым Духом, Поликарп управлял Церковию Божиею, по постановлениям святых апостолов; много трудов перенес он, спасая души человеческие, много дивных чудес сотворил он во время своего епископства.

Однажды святому Поликарпу случилось быть в одном из городов той же Ионийской области, Теосе, который находился около теплых вод, называемых Леведией; он остановился у епископа того города по имени Дафна, о котором упоминает святой Игнатий Богоносец[1] в своем послании к жителям Смирны. Святой Поликарп, видя бедность и недостаток в доме того епископа, помолился о нем Богу, чтобы Господь благословил его дом, и с того часа епископ Дафна не испытывал более недостатка: нивы его и виноградники, бывшие до этих пор неплодными, приносили необычайные урожаи и сделались весьма плодоносными; вино, бывшее лишь в небольшом количестве, святой своею молитвою увеличил до изобилия. Однажды, возвращаясь в Смирну, Поликарп вместе с сопровождавшим его диаконом свернул с дороги и зашел в гостиницу, бывшую на пути; это было уже вечером, и уставшие путники хотели отдохнуть; вкусив немного пищи, Поликарп и его спутник заснули; но недолго продолжался сон их; в полночь Ангел Господень, толкнув в бок Поликарпа, сказал ему:

— Поликарп!

Тогда святой спросил:

— Что, Господи?

— Встань, — сказал ему Ангел, — и выйди немедленно из гостиницы, ибо она скоро разрушится: жившие в той гостинице не веровали во Христа Бога и совершали много беззаконий.

---

[1] *Игнатий Богоносец* — второй епископ Антиохийский, ученик апостолов, скончавшийся мученически в гонение Траяна в 107 году. Его послания, писанные против иудействующих и докетов, — последние признавали плоть Христову призрачной, кажущейся, — имеют важное значение для истории христианских догматов и для борьбы Православия против протестантства по вопросу о епископстве.

Тогда святой, встав, стал будить своего диакона, повелевая ему встать; диакону же, который перед тем крепко спал, не хотелось вставать; он стал отговаривать святого:

— Еще не прошел первый сон, святой отец, куда пойдем мы; ты в своем постоянном размышлении о Божественных Писаниях и сам не спишь, и другим не даешь спать.

Услышав эти слова, святой Поликарп замолчал, но Ангел вторично явился ему и повелел выйти вон; тогда снова святой стал побуждать диакона, говоря, что здание это должно разрушиться; но диакон отвечал:

— Я верую в Бога и думаю, что это здание не рухнет, пока ты, отец, находишься в нем.

Поликарп же сказал:

— И я верую также в Бога, но не надеюсь на это каменное здание.

Между тем Ангел в третий раз явился и повторил то же самое приказание; только тогда епископ уговорил своего спутника выйти из гостиницы. Лишь только они вышли вон, тотчас здание рухнуло до самого основания и все, бывшие в нем, погибли до одного; а святой Поликарп, стоя и взирая на небо, молился так: «Господи, Боже Всесильный, Отец Иисуса Христа, Твоего благословенного Сына, Ты предвозвестил ниневитянам чрез пророка Иону гибель их города, но умилосердился и пощадил их; воистину благословляю Тебя, ибо Ты чрез Ангела Своего вывел нас из этого здания и избавил нас от внезапной смерти, подобно тому как Ты вывел Лота из Содома; Ты постоянно сохраняешь рабов Своих от всякого зла, Ты благ и милостив во веки».

После их прибытия в Смирну у князя того города, который не веровал во Христа, однажды ночью нечистый дух внезапно вошел в одного слугу; последний сильно кричал и поднимал великий шум, так что весь дом пришел в ужас, на всех обитателей напал страх и трепет. С наступлением дня в дом князя пришли иудеи, в большом числе, желая изгнать беса; но одержимый нечистым духом слуга бросился на них и, несмотря на то, что их было много, а он один, все-таки всех сильно избил; никто не мог одолеть его, никто не мог ускользнуть от его руки, так что они ушли от него еле живыми и сильно окровавленными: всю одежду, бывшую на них, бесноватый

сорвал и искусал их тела своими зубами. В том доме находился один христианин, который и сказал князю: «Если велишь, господин, я призову одного человека, который без всякого труда исцелит твоего раба».

Когда князь согласился на это предложение, слуга тот отправился к святому епископу Поликарпу и пригласил его в дом князя. Когда еще блаженный не вошел в дом князя, бес начал вопить: «Горе мне, сюда идет Поликарп, я против своей воли буду принужден бежать отсюда».

Лишь только святой вошел, бес тотчас с трепетом вышел и бежал из раба княжеского; князь же, видев это, сильно изумлялся. После того чуда ночью в Смирне вспыхнул пожар; так как все спали, то огонь сильно распространился и охватил большую часть города пламенем; при этом, как всегда бывает, поднялся сильный шум, крик и вопль, всех охватил ужас; весь народ принялся за тушение пожара, но ничего не могли сделать: огонь усиливался все более и более; собрались и иудеи, заговаривавшие огонь, но все их попытки оказались тщетными. Тогда князь вспомнил о святом Поликарпе и сказал своим начальникам и советникам: «Никто не может прекратить пожара, кроме учителя христиан Поликарпа, который недавно изгнал из раба моего беса».

Послав за ним, они пригласили его к себе и просили помочь городу, который постигло такое несчастие. Воздев свои честные руки, святой тут же пред ними стал молиться, и огонь, словно залитый сильною водою, погас и пожар прекратился. Видя такое чудо, люди стали думать, что святой — один из богов; но Поликарп пред всеми стал проповедовать Единого истинного, сущего на небесах Бога, Которого только рабом он сам является, так что многие уверовали и присоединились к святой Церкви Христовой. В другой раз случилось бездождие, продолжавшееся долгое время, настала засуха, а за нею и голод; тогда все люди с князем и его советниками стали молить святого, чтобы он сжалился над ними и испросил бы дождя на землю у Бога своего. Когда святой помолился, тотчас прошел сильный проливной дождь, так что земля наполнилась влагою, и в тот год урожай был гораздо лучше, чем прежде. Через такие и многие другие чудеса святого, равно как и через исцеление разных больных от недугов посредством возложения рук его, многие обращались к

Господу Иисусу Христу; день ото дня увеличивалась Христова Церковь, а идольская вера уменьшалась в Смирне, где святой Поликарп принял на себя служение слову по апостольскому повелению, как об этом свидетельствует святой Ириней[1], что Поликарп не только был апостольским учеником и другом и собеседником многим, видевшим Христа очами, но и был послан апостолами в Азию, чтобы там в Смирне занять (после святого Вукола) епископский престол; его (добавляет святой Ириней) и мы видели во время нашей молодости, когда он был уже весьма преклонным старцем, и чему он сам научился у апостолов, тому и других поучал и передал Церкви лишь только то, что истинно и не ложно; о святом Поликарпе свидетельствуют также и все бывшие после него епископы в Асийской церкви, что он, действительно, был постоянный и верный поборник правды, не такой, как Валентин и Маркион и все ересеначальники, внесшие в Церковь Христову столь вредные заблуждения. Этот блаженный Поликарп, придя в Рим, когда там папой был Аникита, многих отвратил от ереси маркионитов и привел их к истинной Церкви и вере, явно проповедуя истину, которую он принял от апостолов[2]. Между

[1] Святой Ириней, по собственным словам, в юности слушал в Малой Азии святого Поликарпа, епископа Смирнского, и других учеников апостольских. С Востока он был послан святым Поликарпом в Галлию для вспомоществования святому Пофину, епископу Лионскому, в проповедании веры. Поставленный святым Пофином в пресвитера, святой Ириней во время гонения на христиан Галлии в 177 году показал ревность свою к завету Христову; в следующем 178 году он был избран преемником мученически скончавшегося святого Пофина. В сане епископа он своей проповедью весь город обратил в христианство. Когда последователи гностика Валентина стали распространять ересь своего учителя в Галлии, святой Ириней боролся с ними и устно и письменно. К этому времени должно отнести появление знаменитых книг его в «обличение лжеименному разуму». Около 196 года епископ Римский Виктор произнес отлучение на восточные церкви за то, что последние не согласились с ним о времени празднования Пасхи. Святой Ириней кроткими, нетвердыми обличениями довел Виктора до примирения с Востоком. В 202 году в гонение Септимия Севера святой Ириней с тысячами из своей паствы отошел ко Господу. Из многочисленных сочинений святого Иринея одни известны только по названиям, от других же уцелели незначительные отрывки. В полном виде дошло до нас обширное и очень важное сочинение: *«Обличение и опровержение лжеименного знания»*, более известное под именем: «Пять книг против ересей». Память святого Иринея — 23 августа.

[2] В заботливости о благе церкви святой Поликарп во времена папы Аникиты (157–168 гг.) предпринял путешествие в Рим для борьбы с лжеучениями гностиков

прочим он рассказывал и следующее: ученик Господа Иоанн в бытность свою в Ефесе пришел однажды в баню; здесь он увидал моющегося еретика Херинта; апостол тотчас вышел из бани и других бывших с ним уговаривал последовать за ним, чтобы, добавил он, баня, где моется Херинт — враг правды Божией, как бы не обрушилась вдруг. Однажды тот же самый Поликарп встретился с еретиком Маркионом; последний с дерзостию сказал ему:

— Узнай нас.

На это Поликарп отвечал:

— Я знаю, что ты первородный сын диавола; от еретиков и сами апостолы и их ученики так тщательно сохраняли себя, что даже и беседовать с теми не хотели, которые своим хитрым суесловием пытались затмить истину, и святой Павел повелевает: *Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден* (Тит. 3, 10–11). Сохранилось и послание Поликарпа к филиппийцам[1], написанное чрезвычайно

Валентина и Маркиона. По поводу различия между малоазийскими и западными церквами в понимании и праздновании Пасхи епископы Смирнский и Римский не согласились отступить каждый от своего местного обычая, то есть святой Поликарп признавал правильным празднование восточными христианами Пасхи в 14-й день еврейского месяца нисана и посвящение ее воспоминанию последней вечери Господа с учениками и установленного на ней таинства Евхаристии, а Аникита признавал, наоборот, правильным утвердившееся на Западе понимание Пасхи, как *годового* праздника Воскресения Христова и празднование ее в первый воскресный день после весеннего полнолуния. Но это разномыслие не нарушило мира между епископами, в знак чего Аникита предоставил святому Поликарпу совершить Евхаристию в римской церкви.

[1] Из многих посланий святого Поликарпа, писанных, по словам святого Иринея, к церквам или отдельным лицам, до нас дошло одно только это. О послании святого Поликарпа к филиппийцам святой Ириней говорит, «что из него желающие и пекущиеся о своем спасении могут узнать характер веры (Поликарпа) и его проповедь истины». Отец церковной истории — Евсевий (263–340 гг.) приводит несколько мест из послания, замечая, что оно еще обращается между христианами. Блаженный Иероним (учитель Западной Церкви, 330–419 гг.) сообщает, что в его время послание святого Поликарпа к филиппийцам читалось в малоазийских церквах при богослужении. Послание написано вскоре после смерти Игнатия Богоносца (107 г.) и было вызвано просьбой христиан города Филипп о доставлении им посланий Игнатия к Поликарпу и другим христианам, какие у него были. Исполняя их просьбу, святой Поликарп в особом послании преподает филиппийцам ряд христианских наставлений — предостерегает от еретиков, указывает обязанности пресвитеров и диаконов, юношей и дев, супругов и вдовиц, убеждает из-

глубокомысленно, что не могут не заметить люди, пекущиеся о своем спасении и одобряющие его веру и проповедь.

Таков отзыв святого Иринея о Поликарпе. После двадцатидвухлетнего царствования Антонина на престол вступил сын его Марк Аврелий[1], деливший власть свою вместе с братом своим Луцием. В это время было воздвигнуто в Асии сильное гонение на христиан, тогда и святой Поликарп запечатлел своею кровью свое исповедание. О страдании и кончине этого праведного мужа находятся известия в послании Смирнской церкви[2], где святой Поликарп занимал епископский престол; содержание же этого послания таково.

Церковь Смирнская церкви в Филомелии и всем другим святым кафолическим церквам, находящимся у разных народов, — милосердие, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да будет с вами. Мы писали вам, братия, о святом Поликарпе, который огонь гонения угасил пролитием своей крови, и о других мучениках. Многие святые мученики показали тогда непобедимое мужество; иные были биты в продолжение такого долгого времени, что все суставы и жилы их были раздроблены и виднелись внутренности; другие были влачимы по камням и острым черепицам, и они все лютейшие муки, какие только могли изобрести мучители, претерпевали с удивительным спокойствием, третьи были отдаваемы на съедение зверям. И глубоко изумлялись и сильно удивлялись нечестивые, видя пред собою такое мужественное страдание святых. Между прочих страстотерпцев, при Божией помощи, показал выдающееся мужество один юноша, по имени Германик, с безбоязненным сердцем, не колеблясь умом, он мужественно вышел на смерть, по природе столь страшную для всех. Долго увещевал Германика судия, чтобы он пощадил свою юность и не губил столь горькою смертию эту сладостную жизнь, но он, лишь только увидел выпущенных на

бегать любостяжания, упражняться в молитве и посте, внушая терпение и любовь к врагам. В переводе это послание можно читать в книге протоиерея Преображенского «Писания мужей апостольских». СПБ., 1895 г.

[1] С 161 по 180 год.

[2] Окружное послание о мученичестве святого Поликарпа от той церкви, которой он был предстоятелем и среди которой пострадал, есть один из древнейших памятников христианской древности. Евсевий почти все это послание внес в свою историю (кн. IV, гл. 14). Перевод в наших Четьих-Минеях святого Димитрия Ростовского буквальный.

него зверей, сам бросился на них, дразня их, чтобы они растерзали его. Один человек из Фригии, по имени Квинт, увидев зверей и страшное мучение, тотчас убоялся и отпал от спасения своего, откуда стало ясно, что он безрассудно и не от чистого сердца, но по легкомыслию, словно гонимый внезапным порывом ветра, пришел на судище нечестивых и осмелился предать себя мучению. Он послужил для всех примером, что на столь великое дело, как предать себя на муки, не следует идти без осмотрительности. Поликарп, услышав об этих мучениях, узнал, что неверующий во Христа народ еллинский, взирая на мучения и других страстотерпцев, явно кричал судье: «Ищи Поликарпа, истребляй этих безбожников».

Слыша это, Поликарп, хотя и желал остаться в городе, пока его не схватят, но, уступая просьбам христиан, он вышел из города и скрылся в одном селении, где все дни и ночи, по своему обычаю, молился о мире церковном. За три дня до своего взятия нечестивыми он увидел во сне, будто возглавие его вспыхнуло от внезапного огня и сгорело. Восстав от сна, святой сказал бывшим с ним: «Меня сожгут в огне за Господа Иисуса Христа».

Спустя три дня после этого пришли в то селение посланные игемоном отыскивать Поликарпа. Они, схватив двух отроков, стали бить их лозою, чтобы те сказали, где находится Поликарп, и они указали его в одной комнате наверху; он хотя и мог бежать оттуда, однако не пожелал, говоря: «Буди воля Господа Бога моего».

Услышав слуг, идущих за ним, он сам вышел по лестнице навстречу и с радостным лицом дружелюбно приветствовал их. Не видавшие его ранее слуги, взирая на его седины и престарелость, на кротость и спокойную радость его благообразного лица, удивлялись и говорили: «Нужно ли было так много трудиться и стараться, чтобы отыскать этого старца?»

Тотчас же Поликарп приказал приготовить для них трапезу и просил их есть и пить, а ему — дать один час на молитву. И горячо молился Богу, воссылая благодарение за все, бывшее о нем попечение Божие, — за малое и великое, со дней юности его и вручая Богу Церковь святую, рассеянную по всему миру. После долгой его молитвы посланные взяли старца, посадили на осла и повели в город Смирну — это был день Великой субботы. На пути встретили его два честных сенатора Ирод и Никита и, посадив к себе в колесницу, со-

ветовали ему, чтобы он на суде только словом отказался от своей веры: «Разве так трудно сказать: владыко кесарь, я принесу жертву? Ведь таким образом ты избавишься от смерти».

Поликарп молчал на их слова; когда же они настаивали, отвечал: «Никогда я не сделаю того, что вы мне советуете».

Они рассердились и стали укорять его и сбросили с колесницы; при падении старец повредил себе голень, но не заботился об этом. Когда же его привели на суд, то нечестивый народ закричал, радуясь, что Поликарп взят; он же услышал голос Господа нашего с небес, говорящий ему: «Мужайся, Поликарп, и подвизайся великодушно!»

Этот голос слышали и другие из наших (говорит послание смирнское).

Судия спросил его:

— Ты ли Поликарп?

— Это я, — отвечал он.

— Пощади свою старость, — говорил судия, — отрекись от Христа, поклянись царскою фортуною.

Судия, говоря это и тому подобное, сказал:

— Приди в чувство, Поликарп, и скажи: погуби безбожных.

Тогда Поликарп, возведя очи свои к небу и протянув руки свои на нечестивый народ, сказал к Богу:

— Погуби безбожных!

Судия сказал:

— Отрекись от Христа, поругай Его, и отпущу тебя свободным.

— Восемьдесят шесть лет, — отвечал Поликарп, — служу я Христу, и не сделал Он мне никакого зла; как же Царя моего, Который и доныне меня сохраняет, стану поносить бесчестными словами?

Судия сказал:

— Я выпущу на тебя лютых зверей.

— Выпускай, — отвечал Поликарп, — но свое лучшее я не изменю на худшее.

— Я отдам тебя на сожжение, — сказал судия.

Он отвечал:

— Ты грозишь мне огнем угасающим, но ничего не знаешь о неугасимом огне, где вовеки будут палимы безбожные и неверные. Не медли более, но делай скорее, что задумал со мною сделать.

Тогда судия приказал глашатаю объявить народу, что Поликарп исповедует себя христианином. Услышав это, еллины и иудеи громогласно возопили: «Он совратитель всей Азии, он — отец христиан, он уничтожает богов наших, живым сожги его».

И настоял народ с иудеями на том, чтобы Поликарпа сожгли. Когда приготовили множество дров и хвороста, Поликарп снял свой пояс и стал снимать с себя одежды, скинул также и сапоги с ног, а мучители приготовляли железные орудия и гвозди, намереваясь ими пригвоздить Поликарпа, чтобы он никак не мог избежать огня. Святой же сказал им: «Не подобает меня пригвождать, ибо Кто подаст мне терпение в огненном пламени, Тот подаст мне и мужество, чтобы я не подвинулся с места или обратился на какую-либо сторону».

Тогда мучители не пригвоздили его, но только связали, и возложили на огонь этого убеленного сединами старца, словно овна лучшего из стада, связанного в жертву, в воню благоухания Богу. Святой же Поликарп молился, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Боже, что Ты благоизволил вчинить меня с твоими мучениками и исповедниками; и пью чашу страданий Христа Твоего и есть участник Его страсти, чтобы в воскресение живота вечного мне быть с Ним. Прими же меня как жертву тучную и благоугодную очам Твоим, которую Ты сам предопределил и предоставил, и се ныне совершил ее истинный Бог, Которого я славлю и хвалю, Тебя и Сына Твоего, вечного Архиерея Иисуса Христа; с Ним и со Святым Духом подобает Тебе всякая честь и слава и поклонение ныне и присно и во веки веков, аминь».

И когда произнес «аминь», слуги тотчас подложили огонь; когда дрова загорелись кругом и пламя высоко поднялось, произошло чудо, поразившее всех: пламя, окружающее святого и возвышающееся над его головою, не прикасалось и не приближалось к святому, но подобно надутым ветром корабельным парусам расходилось от него, соединяясь над ним в вышине. Святой же Поликарп стоял среди огня, словно золото, очищенное в горниле, и огонь тела его не опалял; мы обоняли, говорят в послании смирняне, такое облагоухание, исходящее из огня, которое без сравнения превосходило все ароматы. Нечестивые же, видев то, стали кричать спекулятору, чтобы он, подойдя, оружием бы достал через огонь до святого и убил бы

его. Подойдя, спекулятор пронзил святого длинным оружием, и из раны вытекло необычайное множество крови; словно поток, выходящий из источника, она угасила совершенно огонь; все множество народа удивлялось тому, убеждаясь, как велико различие между верующими и неверующими. Был Поликарп выдающимся мужем нашего времени, епископ Смирнской кафолической церкви, учитель, идущий от апостолов, и святой пророк: все, что он ни говорил, сбывалось.

Тогда иудеи стали просить судию, чтобы он не отдавал христианам тела Поликарпова. «Будут они, — говорили иудеи, — считать его своим богом, как и Распятого».

Не знали нечестивые, что не могло быть, чтобы христиане отступились от Христа Господа, умершего на кресте за спасение всего мира, и кого-либо другого считали богом: Ему, как истинному Сыну Божию, мы воздаем Божественную честь, а мучеников достойно почитаем как учеников и подражателей Христовых, которые пострадали за Него по любви к Нему; мы с любовию объемлем их и хотим подражать им в благочестии, а в вечной славе желаем быть их сопричастниками. Сотник же, по приказанию судьи, которого упросили иудеи, предал пламени, по обычаю эллинскому, тело Поликарпа; при жизни этого подвижника его тело не пострадало от огня, а по его смерти поддалось огненной силе. Мы же (говорят смирняне) собрали из пепла кости его, чистейшие золота и гораздо более дорогие, чем камни многоценные, и сохранили их в подобающем месте, где и будем с веселием праздновать день страдания его, как в воспоминание таким подвигом за Христа пострадавшего, так и на утверждение имеющих такой же смертию исповедать и прославить Христа, истинного Бога нашего. Это послали мы вам чрез брата Марка, и когда прочтете, то пошлите это послание и прочим рассеянным братиям, чтобы и они прославили Господа, показавшего нам столь великого избранника между своими рабами, могущего и нас всех исполнить Своей благодати и ввести в вечное Свое Царство чрез единородного Сына Своего Иисуса Христа, Ему слава, честь и поклонение вовеки, аминь. Целуйте всех святых, а вас целуют находящиеся с нами, и Еварест, написавший это послание, приветствует вас вместе со всем домом своим. Страдание свое Поликарп окончил в седьмой день майских календ, то есть 25 апреля месяца в Великую

субботу, в восьмой час дня при великом архиерее Филиппе, во время игемонства Траллиана, в вечное царство Иисуса Христа. Желаем доброго здравия братиям, ходящим во благовестии слова Иисуса Христа, с Которым слава Богу за спасение избранных святых, — как совершил страдание святой Поликарп; да будем и мы наследники его в Царствии Христовом. Послание же это переписал Гай из учеников святого Иринея, ученика блаженного Поликарпа, с этого же переписал Сократ Коринфский, а я, пресвитер Пионий, опять принял все это от вышеуказанных лиц и сверил с откровением, бывшим мне от святого Поликарпа, явившегося мне в видении. И написал, обновив все заглаженное давностью времени, чтобы и меня вместе с избранными своими воспринял Господь наш Иисус Христос в Свое небесное Царство; Ему же слава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ИОАННА, АНТИОХА, АНТОНИНА и МОИСЕЯ

Из этих преподобных святой Иоанн знал преподобного Лимнея[1], жившего и подвизавшегося в окрестностях селения Таргала, был его учеником и в образе своей подвижнической жизни подражал ему. Найдя на берегу реки один холм, открытый со всех сторон для ветра и лишенный всякой растительности, он, не имея никакого жилища, провел на нем в подвигах двадцать пять лет. В течение всего этого времени он питался только хлебом и солью, а одежду носил из овечьей шерсти, причем все тело его было покрыто тяжелыми железными веригами. Отягченный последними и постоянно палимый жгучими лучами солнца, он никогда не входил под тень и никогда не искал прохлады. Однажды кто-то из обычных посетителей преподобного посадил у тропинки, ведущей к месту его пребывания, миндальное дерево, но когда дерево выросло и стало бросать на него тень, то он приказал срубить его для того, чтобы нигде не было для него прохлады. Среди таких подвигов преподобный отошел к Господу.

---

[1] Память преподобного Лимнея празднуется 22 февраля.

Преподобный Моисей воспылал любовию к образу подвижнической жизни святого Иоанна и подвизался подобно ему на вершине одной горы, которая возвышалась над селением, называемым Рама.

Преподобный Антиох, будучи уже в преклонном возрасте, соорудил себе в одном пустынном месте ограду и подвизался в ней также подвигами беспокровного жития, близ него подвизался и преподобный Антонин, тоже старец, и во всем подражал ему: и в пище, и в одежде, и в бодрствовании, а также во вседневных и всенощных молитвах. И ни преклонные годы, ни старость, ни естественные немощи этого возраста не могли преодолеть преподобных в терпеливом перенесении всех невзгод их подвижнической жизни. Они подвизались для угождения Богу с таким усердием, как бы чувствовали в себе юношеские силы. Среди таких подвигов они и предали с миром души свои Господу. В подвигах телесного поста они потрудились так же, как преподобный Иоанн[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ЗЕВИНА, ПОЛИХРОНИЯ, МОИСЕЯ и ДАМИАНА

Преподобный Зевин подвизался на одной горе. Устроив себе на ней жилище, он всю жизнь свою до глубокой старости провел в иноческих подвигах на одном и том же месте. Жители окрестных мест всегда обращались к преподобному и большую пользу получали от его неустанных молитв. Достигнув преклонных лет, он не мог уже от старческой немощи стоять, но неослабно продолжал свои молитвенные подвиги, склоняясь на посох. Проведя в дивных и богоугодных подвигах свою жизнь, преподобный Зевин скончался.

Преподобный Полихроний был учеником святого Зевина и, подобно воску, сохраняющему на себе отражение прикоснувшегося к нему пальца, в жизни своей был полным отображением добродетелей своего учителя. Он уподоблялся последнему и в усердном бодрствовании, и в терпении, и в молитвенных подвигах. Вериг же преподобный не пожелал на себя наложить, так как, не имея на то при-

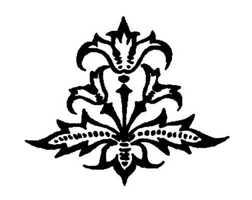
---

[1] Все эти преподобные отцы жили в V веке в Сирии.

мера в жизни своего учителя, опасался ввести кого-либо в соблазн, а вместо вериг он носил на плечах своих вырванный им из земли корень большого дуба, который был так тяжел, что его нельзя было сдвинуть с места двумя руками, и этим отягощал свое тело. За такие подвиги преподобному Полихронию дана была от Бога благодать чудотворений. Однажды во время бездождия он молитвою низвел дождь на землю, а в другой раз наполнил елеем пустой каменный сосуд. Сотворив множество и других чудес, он отошел ко Господу.

Преподобные Моисей и Дамиан были учениками святого Полихрония. Преподобный Моисей подвизался вместе со своим учителем и, переняв от него его добродетели, жил, во всем подражая ему. Преподобный же Дамиан удалился в одну обитель, по имени Иера, и, нашедши там пустую келию, стал жить в ней, подражая жизни своего учителя. В жилище его не было ничего другого, кроме небольшой коробочки с малым количеством чечевицы, которой он и питался. Такую великую пользу получили эти преподобные от сожительства со святым Полихронием и в благочестии окончили жизнь свою[1].

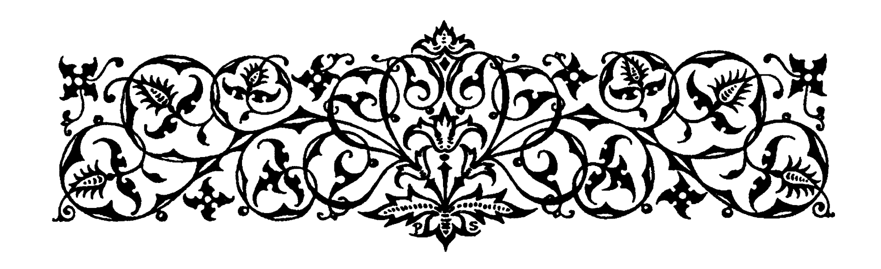
В тот же день память **преподобного Александра монаха**, обители неусыпающих первоначальника[2].



---

[1] Время жизни преподобных Зевина, Полихрония, Моисея и Дамиана — V век, место подвигов — Сирия.

[2] Житие его см. 3 июля.



День двадцать четвертый[1]

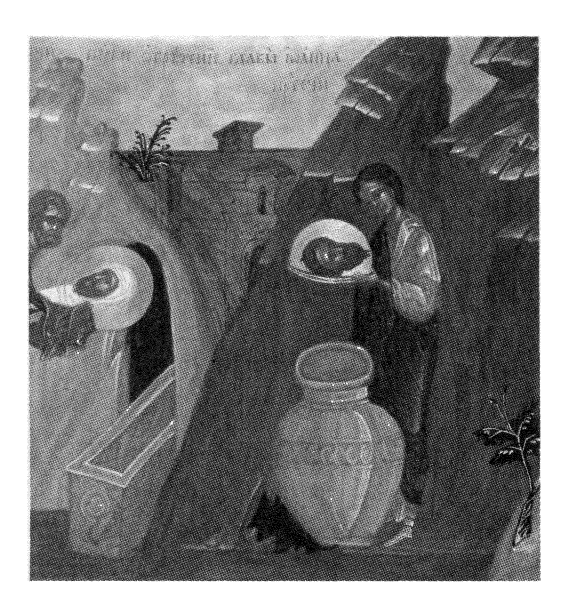
ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ ЧЕСТНОЙ ГЛАВЫ Предтечи и Крестителя Господня ИОАННА

Когда была усечена честная глава святого Иоанна Предтечи (см.: Мф. 14, 11), тогда дочь Иродиады приняла ее на блюде и отнесла своей матери. Эта нечестивая жена пронзила иглой язык святого, который обличал ее беззаконие, и, надругавшись над честной главой, не позволила предать ее погребению вместе с телом святого: Иродиада боялась, что Иоанн, если погребут тело его вместе с главою, воскреснет и снова станет обличать ее. Ученики святого Иоанна Крестителя тайно взяли его тело и ночью погребли (см.: Мф. 14, 12; Мк. 6, 29) в Севастии, городе самарийском[2]. Главу же святого Предтечи Иродиада глубоко закопала в своем дворце в тайном бесчестном месте. Лишь только жена Иродо́ва приставника Хузы по имени Иоанна, о коей упоминает святой евангелист Лука (см.: Лк. 8, 3), знала то место. Она, скорбя сердцем об убиении великого святого пророка Иоанна и о по-

---

[1] В обычный год — 9 марта по н. ст., в високосный год — 8 марта по н. ст.

[2] *Севастия* — главный город Самарии, подаренный Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил и, в благодарность Августу, назвал его *Севаста* или *Севастия*, что значит — город Августа. По преданию, святой евангелист Лука, проповедуя Христа в Севастии, выпросил у жителей десную руку Иоанна Крестителя и перенес ее в Антиохию. В X веке десница Крестителя перенесена в Константинополь, а в 1798 году орденом иоаннитов принесена в дар императору Павлу I и доселе хранится в церкви Зимнего Дворца. (Подробнее об этом повествуется 12 октября.)



ругании над его честною главою, взяла эту главу тайно ночью, положила ее в сосуд скудельный[1] и погребла на горе Елеонской[2], в одном из поместий Ирода. Между тем до Ирода дошли слухи об Иисусе Христе. Он вместе со своею женою Иродиадой стал думать, уж не Иоанн ли это, воскресший из мертвых. Они стали искать главу Иоанна и, не находя ее, приходили в недоумение. Ирод даже так сказал своим домашним об Иисусе: «Это — Иоанн, которому я повелел усекнуть главу. Ныне он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им» (см.: Мф. 14, 2; Лк. 6, 16).

Спустя много времени некий весьма знатный вельможа, по имени Иннокентий, уверовал в Иисуса Христа. Оставив мир, он пришел в Иерусалим, купил на горе Елеонской то место, которое некогда принадлежало Ироду, построил там себе келию и стал иноком, исполняя заповеди Христовы. Желая построить для себя небольшую каменную церковь, он начал копать ров для фундамента. И вот, по Божию смотрению, он обрел сокрытый в земле скудельный сосуд с главой Предтечи Христова. По различным благодатным знамениям и чудесам и по откровению от Бога он понял, что эта глава принадлежит святому Иоанну и стал с большим благоговением хранить ее у себя. Перед его кончиною по всей стране той распространилось неверие: цари чтили идолов вместо истинного Бога и повсюду в Иерусалиме поставили их изображения и творили им скверные жертвы. Видя это и предчувствуя свою кончину, этот инок снова скрыл в недрах земных святую главу Предтечи: он боялся, чтобы по его кончине кто-нибудь не стал поступать с нею бесчестно. Он положил ее на том самом месте, где

---

[1] *Скудельный* — глиняный; *скудельник* — горшечник, гончар.

[2] *Елеонская*, или *Масличная*, гора — одна из иудейских гор к востоку от Иерусалима; наименование свое получила по множеству произраставших на ней масличных деревьев.

была его келия и церковь. По его кончине та церковь пришла в ветхость, разрушилась и даже сровнялась с землей, так что долгое время никто не знал, где находится честная глава Крестителя Иоанна.

Когда вступил на престол великий царь Константин и просветил свою землю святым крещением, тогда мать его святая Елена стала возобновлять и очищать все иерусалимские святыни[1]. Она-то и святую гору привела в цветущее состояние. В это время два инока, подвизавшихся на Востоке, сговорились вместе идти в Иерусалим поклониться там честному Кресту, обретенному царицей Еленой, и гробу Господню и увидеть все святыни той земли. Достигнув Иерусалима, они стали обходить святыни, поклоняясь им и молясь Господу. Здесь одному из них, в сонном видении, явился святой Иоанн Предтеча, открыл то место, где была погребена его честная глава, и повелел взять ее из недр земных. Пробудившись, инок рассказал о видении своему товарищу, но тот, считая все это за простой сон, и сам не поверил и другому внушил то же. На следующую ночь святой Иоанн явился вторично, но уже каждому иноку, и притом отдельно, и сказал: «Воспряньте, оставьте ваше неверие и леность и сотворите то, что было вам возвещено».

Проснувшись, оба начали рассказывать друг другу виденное ими, а потом пошли на место, которое им было указано в сонном видении. Они начали там копать землю и обрели бесценное сокровище — святую главу Крестителя Христова. Положив ее в мешок, сделанный из верблюжьей шерсти, они пошли к себе обратно.

В это время один бедный скудельник из города Емесы[2] был вынужден вследствие нищеты оставить свое отечество и жену и идти в другую страну. На дороге он встретился с теми двумя иноками, нес-

---

[1] *Константин Великий* — святой и равноапостольный — был провозглашен императором в 306 году; в 312 году объявил христианскую веру господствующей в Римской империи; в 325 году созвал I Вселенский собор; скончался в 337 году. Святая Елена, мать Константина Великого, прославилась ревностью к распространению Христовой веры и благолепию храмов Божиих, в 326 году она путешествовала в Иерусалим, обрела там Крест Господень и украсила святыми храмами места в Палестине, прославленные во время земной жизни Спасителя; скончалась в 327 году. Память святых равноапостольных Константина и Елены празднуется 21 мая.

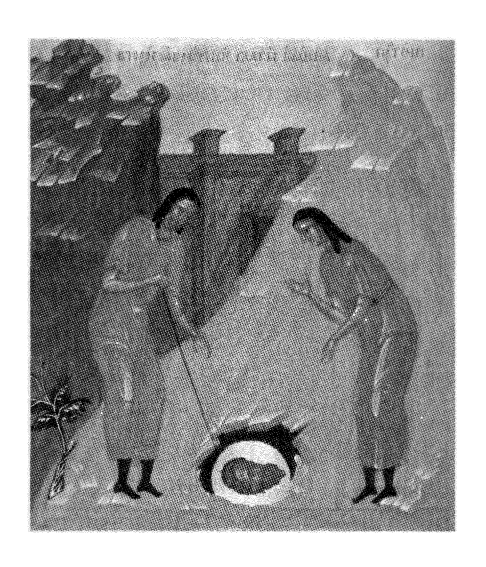
[2] *Емеса* — город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северо-западе Сирии в Средиземное море.

шими с собою главу Крестителя; он присоединился к ним и продолжал путь свой вместе с ними. Иноки, найдя себе попутчика, дали ему нести вретище[1] с главою Крестителя. А он, не зная того, что несет, продолжал спокойно путь свой. Вдруг явился ему святой Иоанн Предтеча и сказал: «Оставь своих спутников и беги от них с тем вретищем, которое ты держишь в руках».

Святой потому повелел это, что видел леность и нерадение тех иноков, которые сначала не верили его явлению, а потом не восхотели сами нести его честную главу, но вверили ее человеку простому, им неизвестному. В то же время святой хотел оказать благодеяние этому бедному человеку и направить его на путь доброй и богоугодной жизни. Этот человек, повинуясь святому, скрылся от иноков, бежал от них и возвратился домой к своей жене, благоговейно неся, как бы некое драгоценнейшее из всех сокровищ земных, честную главу Крестителя. И Господь, ради главы Иоанна Крестителя, благословил дом его всяким довольством. Скудельник стал жить среди изобилия, забыв о прежних своих несчастиях. Но он не возгордился: он подавал щедрую милостыню нищим и убогим от своего богатства. Памятуя твердо, что он получил все это ради благоговения пред Христовым Предтечею, он всегда почитал его святую главу, ежедневно кадил пред ней фимиамом, возжигал светильники, молился и старался всю жизнь свою проводить честно и поступать по заповедям Христовым. Когда приблизилось время его кончины, он, по повелению самого Крестителя Христова, положил святую главу в сосуд для воды, а сосуд этот заключил в ковчег и, запечатав, передал это сокровище своей сестре. При этом он подробно рассказал ей, как он ради этой честной главы избавился от крайней бедности и стал богатым человеком. Он завещал своей сестре, чтобы она всегда благоговейно и честно хранила эту святую главу и никогда не открывала ковчега до тех пор, пока сам святой Иоанн не благоизволит на это. Перед своею смертию она должна была передать это сокровище какому-либо богобоязненному и добродетельному мужу.

Так святая и честная глава Предтечи Христова, переходя долгое время от одного человека к другому, преемственно была хранима среди благочестивых христиан; наконец, она была передана некоему

[1] *Вретище* — мешок из дерюги или веретья, рубище, власяница.



священноиноку Евстафию, жившему недалеко от Емесы в одной пещере; он был заражен ересью Ария и не имел страха Божия. Недужные, приходившие к нему, получали исцеления от чудесной благодати, исходившей от главы Иоанна Предтечи, которую он держал втайне. Но Евстафий стал, подобно вору, приписывать себе и своей ереси эту благодать, стараясь скрыть от людей истинную причину тех чудесных исцелений, и через это многих совратил в свою ересь. Но жители Емесы, наконец, узнали его зловерие. Князь емесский, посоветовавшись с епископом, приказал изгнать его из пещеры и из пределов той области. Евстафий стал умолять посланных, чтобы они оставили его в пещере на этот день, обещаясь на другое утро уйти. Когда посланные согласились на это, он ночью скрыл сосуд со святой главой глубоко под землею в той пещере; ибо он надеялся по прошествии некоторого времени обратно вернуться, взять это сокровище и, производя чудеса при помощи святой главы Предтечи, снова распространять и утверждать свою ересь. Но не сбылись надежды еретика. Когда он оставил пещеру, в ней поселились некие благоверные и добродетельные иноки, так что ему нельзя было войти в нее и достать сокровища, оставленного им.

Спустя некоторое время на том месте собралась братия, и был основан монастырь. Но никто не знал, что в этой пещере обретается честная глава Предтечи. Лишь только после долгого времени архимандрит этой Емесской обители Маркел, муж, исполненный добродетели, открыл ее, о чем он сам повествует так:

«Благословен Бог Иисус Христос! Он сподобил меня, раба Своего Маркела, узреть видение во время сна ночного. Это было 18 февраля в средопостную седмицу[1] святой и великой Четыредесятницы. Я видел — все врата нашей обители открыты. Меня объял ужас, и я

---

[1] *Средопостная седмица* — так называется в Церковном Уставе средняя (четвертая) неделя Великого поста; эта же седмица называется и *крестопоклонной*.

захотел выйти, чтобы закрыть ворота. Но в это время я увидел, как чрез ворота обители вливается река. Я удивился и подумал, откуда такая сильная вода. Размышляя об этом, я вдруг услышал голос многих чинов, которые с шумом шествовали по воде к нам с востока. Все они — каждый на своем особом языке — возглашали: «Се является святой Иоанн, Креститель Христов».

С такими возгласами они вошли в монастырь. Я же, объятый страхом, уже забыл и думать о воде; оставив ворота, я вошел на верх лестницы. Стоя на ней, я — казалось мне — видел два двора в обители: один был к западу, другой — к югу; посреди них стояла великая церковь. Каждый чин, входя на западный двор, направлялся к церкви; поклонившись здесь, он выходил чрез южную дверь. Когда шествие чинов прекратилось, я снова услышал глас других, которые взывали: «Се святой великий Иоанн Креститель».

Взглянув, я увидел его в церкви. С ним было два мужа, которые стояли по сторонам его. В это время чины стали подходить к святому Иоанну и принимать от него благословение. И я задумал приступить к Крестителю и получить от него благословение. Со страхом и трепетом я последним вошел чрез особые двери, совершил земной поклон пред Крестителем и прикоснулся к его ногам. Он же, повелев встать, с любовию обнял меня, касаясь моего лица, взял сосуд, наполненный медом, и подал его мне со словами: «Приими благословение!»

Сказав это, он удалился. Когда я пошел было вслед за ним, я заметил огненный столп, предшествующий святому. В ужасе от такого видения я проснулся. Когда наступил следующий вечер, я повелел братии петь стихи псалмов, положенные в обычном правиле. Во время этого пения один брат, по имени Исаакий, взглянув вверх, увидел чрез окно, что в пещерной церкви, где была скрыта честная глава святого Иоанна, горит огонь. Видя это, он воскликнул: «Отче! Посмотри, в святой пещере горит огонь». — «Не бойся, брат, — сказал я ему, — но, ознаменовав себя крестным знамением, храни об этом молчание».

После этого прошло пять дней. Ночью на шестой день, когда я заснул, то некая рука трижды толкнула меня в правый бок и раздался голос: «Вот, я дарован вам; восстав, следуй за звездою, которая пойдет пред тобою, раскопай то место, куда она приведет тебя, и обрящешь меня».

С трепетом и страхом я восстал от сна, сел на своем одре и — вижу: пред дверями моей келии сияет звезда. Ужаснулся я, но, сотворив крестное знамение, я вышел; звезда шла предо мною; следуя за ней, я вошел в пещеру; когда я дошел до места, где находилась честная глава Предтечи, звезда вдруг стала невидима. Я упал на землю и воздал хвалу Господу. После долгой молитвы я возжег свечу, воскурил фимиам и начал копать, призывая имя Господне. Когда я копал, был слышен великий шум и стук, земля же была тверда, словно медь. Долго я трудился; наконец я нашел кирпичи; отняв их, я увидел каменную доску; с большим трудом я мог вынуть ее из ямы — и там-то нашел священный сосуд, где почивала честная глава Предтечи: радуясь, но в то же время и ужасаясь, я взял свечу и фимиам, дерзнул взять сосуд, поклонился и, закрыв его снова, вышел из пещеры. В дверях меня встретил архимандрит Геннадий, пришедший в нашу обитель. Он ввел меня в пещеру и, сотворив молитву, начал рассказывать мне о своем видении.

«Я видел, — так начал он свой рассказ, — будто оба мы стоим на том самом месте, где находимся и теперь. Здесь было множество ячменного хлеба, который был чище и светлее солнца. В пещеру входило множество народа, который воспринимал из наших рук этот хлеб. Однако количество его не только не умалилось, но, наоборот, все возрастало».

Это поведал мне Геннадий. Тогда я уразумел, что это видение было ему от Бога и что оно обозначало неоскудеваемую благодать Крестителя Христова, которая изобильно будет подаваться всем на том месте. Поэтому и я рассказал ему о своем видении и показал бесценное сокровище, обретенное мною. Увидев это, он возрадовался, и мы стали совещаться, как нам лучше поступить. Я посоветовал сначала об этом никому не говорить, даже главному пастырю церкви — Емесскому епископу Уратию, но прежде всего известить об этом блаженного старца Стефана, который, пребывая в Даромийском монастыре, подвизался постническим подвигом. Он же должен сообщить об этом и епископу, с которым был в большой дружбе. Но, придя в Даромийский монастырь, мы не застали там Стефана, который отправился обозревать другие свои монастыри. Тогда мы послали за диаконом Кириаком, который занимал первое место в соборном храме того города. Пришедши к нам, Кириак приветствовал

нас во Христе и рассказал нам о своем видении. Оно было во всем подобно тому, какое видел Геннадий. Тогда мы рассказали ему нашу тайну. Оба они, Геннадий и Кириак, стали говорить, что об этом следует сказать епископу, но я стал дожидаться возвращения Стефана. Уже прошло пять дней. На шестой — то была суббота — мы вместе все сидели и беседовали. Вдруг я упал на колена: какая-то болезнь внезапно поразила меня. Я даже не мог ни встать, ни двинуться. Мои спутники, дивясь такому случаю, стали молить за меня Господа. Окончив молитву, они сказали мне: «Не говорили ли мы тебе, что надо было рассказать епископу о тайне?»

Я и сам сознал тогда, что нехорошо поступил, не рассказав епископу о такой тайне, о которой следовало поведать ради славы Божией; а между тем болезнь моя не проходила. Вечером, после совершения обычного молитвенного пения, ко мне пришли Геннадий и Кириак и сказали:

— Мы дали себе слово: рассказать о твоей тайне архиерею во время утрени до восхода солнца.

Я же отвечал им:

— Хорошо решение ваше; пусть будет так, как вы сказали.

В то самое время, как я согласился с ними, я почувствовал себя совершенно здоровым: болезнь моя прошла. Наутро мы все вместе отправились в город и нашли епископа в то самое время, когда он выходил из церкви после утрени, и рассказали ему все об обретении честной главы Крестителя Христова Иоанна. Епископ сильно возрадовался при таком известии. Однако он запретил нам пока рассказывать другим об этом и приказал нам возвратиться в нашу обитель. Утром же он и сам пришел туда с пресвитерами и диаконами. Совершив соборне Божественную литургию, он приступил к тому месту, где находился сосуд с честною главою. Когда диакон возгласил: «Преклоним колена, Господу помолимся», все пали ниц. Епископ Ураний в это время возносил молитву; окончив ее, он взял сосуд с честною главою и вынес его из земли. Один из пресвитеров, бывших с епископом, по имени Малх, не верил сему, говоря: «Откуда здесь могла появиться глава Предтечи?»

Говоря так, он дерзновенно положил руку свою на сосуд и прикоснулся до влас честной главы Крестителя. Вдруг за его неверие рука его иссохла и пристала к сосуду. Видя это, все весьма ужасну-

лись. Епископ со всеми предстоящими стал прилежно возносить молитву Богу. Тогда Малх едва с большим трудом мог отнять руку от сосуда, но сам остался больным. Ураний со всем церковным причтом взял священный сосуд с лежащим в нем сокровищем, перенес его в святую церковь и положил в алтаре в диаконнике[1]. Здесь эта святыня хранилась до тех пор, пока не был выстроен в Емесе в честь Предтечи Христова особый храм, благолепно украшенный[2]. Незадолго до перенесения святой главы в этот храм Иоанн Креститель явился в видении неверовавшему пресвитеру Малху и повелел ему, при перенесении главы, рукой коснуться священного сосуда. Пресвитер, поступив так, получил исцеление». Этим оканчивается повествование блаженного Маркела.

Другой писатель, святой Симеон Метафраст[3], в житии преподобной Матроны[4] повествует еще следующее об обретении честной главы Предтечи. «В то время один человек, пахавший свое поле, заметил, что на одном месте — именно там, где были когда-то пещера и монастырь, — исходит огонь из земли. Не один раз видел он это: в течение многих дней огонь непрестанно исходил из земли. В воскресный день, именно в тот, когда Маркел вместе с Геннадием и Кириаком прибыли к епископу, этот человек также приехал в город Емесу и рассказал епископу Уранию о чудесном огне. Епископ вместе с духовными лицами направился к тому месту — это была та пещера, где некогда жил еретик Евстафий. Сотворив молитву, епископ повелел копать на том месте. Когда его приказание было исполнено, нашли на том месте сосуд. Не золото и не серебро было в нем, но в нем хранилось сокровище, гораздо более драгоценное, чем все зем-

---

[1] *Диаконик* — южное отделение алтаря, в котором устрояется место для хранения священных вещей, состоящих под ведением диакона, как то: риз, священных сосудов, напрестольных Евангелий и крестов, дарохранительницы и прочее.

[2] Второе обретение главы святого Иоанна Предтечи произошло в 452 году. По сказанию архимандрита Маркела, святая глава открылась ему 18 февраля, изнесена епископом Уранием в диаконик церковный 24 февраля, а 26 октября того же 452 году перенесена в церковь, в честь его имени созданную.

[3] *Симеон Метафраст* — известный церковный писатель X веке († 940 г.), составитель и собиратель житий святых; его труды в этой области послужили впоследствии главным источником для Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского.

[4] Преподобная Матрона скончалась около 492 года; память ее празднуется 9 ноября.

ные сокровища, — глава святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Слух об этом распространился повсюду: не только жители Емесы, но и обитатели всех окрестных городов и сел стали собираться сюда. Пришла сюда из своего монастыря на поклонение честной главе и преподобная Матрона вместе со всеми сестрами. Честная глава Крестителя Христова источала благовонное миро, коим священники помазывали крестообразно главы собравшихся людей. Преподобная Матрона взяла в маленький ковчег некую часть того мира, желая отнести его в свой монастырь на благословение. Но множество народа теснилось вокруг нее: все хотели получить благословение от священников и быть помазанными миром. Некоторые, заметив, что преподобная Матрона несет в ковчеге миро, просили ее, чтобы она помазала их миром, ибо сами они никак не могли дойти до священников, и она исполнила их прошение. Среди народа находился некий слепец, который от рождения не видал дневного света. И он обратился к преподобной Матроне, чтобы она ознаменовала его священным миром. Она помазала ему очи, и он тотчас прозрел. Так передает святой Симеон Метафраст об обретении главы Предтечи.

Через некоторое время святая глава Иоанна Крестителя была перенесена из Емесы в Константинополь. Здесь на месте, называемом Евдом, по царскому повелению, был построен прекрасный храм, в котором и положили честную главу. Во время ереси иконоборцев, когда много святых икон сжигали, другие бросали в море и реки, попирали ногами и различно бесчестили, тогда некоторые благочестивые христиане, убегая из наполненного еретиками Константинополя, взяли тайно вместе с собою главу Крестителя и принесли ее в Команы[1], где преставился некогда святой Иоанн Златоуст. Здесь они снова скрыли ее в земных недрах, положив в серебряный сосуд. Эта драгоценная святыня здесь в неизвестности хранилась до времен царя Михаила, сына Феофила, и матери его, царицы Феодоры, которая вновь утвердила Православие[2]. В царст-

[1] *Команы* — город в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии.

[2] *Феодора* — супруга Византийского императора Феофила иконоборца. По смерти последнего она правила государством совместно с сыном своим Михаилом. Император Михаил III царствовал с 842 по 867 год; вступил на престол четырех лет, а потому государством до 855 года управляла мать его, царица Феодора.

вование Михаила эта святыня была вновь обретена[1] по Божественному изволению и перенесена в Царьград патриархом Игнатием, в честь и славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

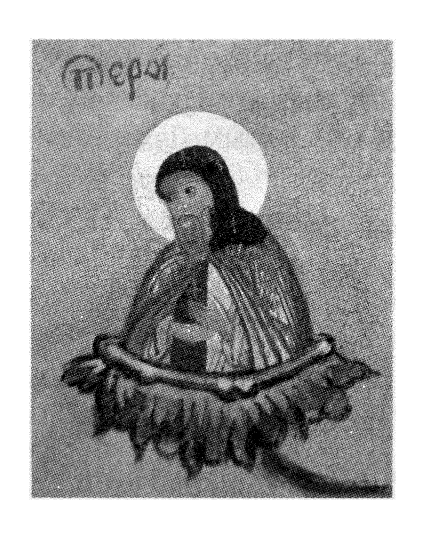
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ЕРАЗМА ПЕЧЕРСКОГО

Венец мудрых, — говорит Соломон, — *богатство их* (Прем. 14, 24), но особенно приличествует употреблять свое богатство на украшение церквей Христовых, ибо чрез это возможно получить Царство небесное. Таковым благоукрасителем храмов Божиих был преподобный отец наш Еразм, инок Печерский. За это он сподобился получить венец Царствия небесного. Имея большое богатство, он рассудил, что иноку не подобает владеть земными сокровищами; возлюбив церковное благолепие, он издержал все свое имение на церковное украшение — оковал золотом и серебром много икон в Печерской церкви. Молясь пред ними и с верою взирая на них, он украшал свою душу — этот храм Живого Бога, не серебром и златом вещественным, но чистотою, любовию и прочими добродетелями, приличными иноку. Вместе с пророком он мог воззвать о благолепии своем: *Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра* (Пс. 118, 72).

С преподобным Еразмом случилось такое искушение. Когда он истратил свое имение и стал бедняком, то все стали мало обращать

На Константинопольском соборе 842 года при царице Феодоре было восстановлено иконопочитание и установлено торжество Православия, совершаемое в первую неделю святой четыредесятницы.

[1] Это третье обретение главы Крестителя было около 850 года; празднуется Церковью 25 мая. Честная глава Предтечи, вторично перенесенная в Царьград, сначала положена была в царских палатах, а потом часть ее в Студийском Предтечевом монастыре; в этой обители верх главы видел паломник Антоний в 1200 году; другая часть главы была в Петре в монастыре Продром, крестоносцами она перенесена в Амиень во Франции, часть ее перенесена в Рим и находится в церкви папы Сильвестра. Другие части находятся в Афонском монастыре Дионисия и Угровлахийском монастыре Калуи.



на него внимания. Лукавый бес начал тогда внушать ему в сердце злую мысль, что он, истратив на церковное украшение все свое имение, не получил за это никакого возмездия или награды. Лучше было бы, говорил ему бес, раздать все имение нищим. Не рассудив, что эти мысли ему внушает диавол, Еразм впал даже в отчаяние, начал жить нерадиво и перестал заботиться о спасении своей души. Но щедрый и праведный Господь, помня о прежних добродетелях Еразма, спас его. Он навел на него лютую болезнь; Еразм уже помышлял о скорой кончине и в болезни своей лежал, ничего не говоря, с сомкнутыми очами семь дней; только по дыханию можно было видеть, что он еще жив. На восьмой день к нему собрались все иноки и, видя его, ужаснулись и говорили: «Горе, горе душе этого брата; он жил в грехах и лености; ныне же душа его зрит некое видение и мятется, не будучи в состоянии выйти из тела».

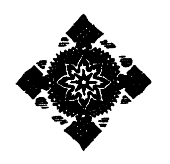
Вдруг блаженный Еразм, как будто никогда не болел, поднялся, сел и сказал инокам: «Отцы и братия! Истинно слово ваше. Я грешен и не покаялся. Но вот ныне мне явились преподобные отцы наши Антоний и Феодосий и сказали: „Мы молились за тебя Господу, и Господь даровал тебе время для покаяния“. После этого я узрел Пречистую Госпожу Богородицу — как Ее изображают на иконах, — на Ее честных руках был Предвечный Младенец, с Нею было множество святых. И Она сказала мне: „Еразм! Как ты украсил Мою церковь и обогатил ее иконами, так и Я тебя украшу и возвеличу в Царствии Сына Моего. Нищие везде с вами, Церковь же Моя не везде у вас. Встань, покайся, восприими великий ангельский образ; а на третий день Я возьму тебя, после твоего покаяния, к Себе за то, что ты так возлюбил благолепие дома Моего“».

Сказав это, Еразм начал перед всею братиею исповедовать свои грехи, ничего не утаивая и не стыдясь. Затем, поднявшись, отправился в церковь, был пострижен в схиму и на третий день с радо-

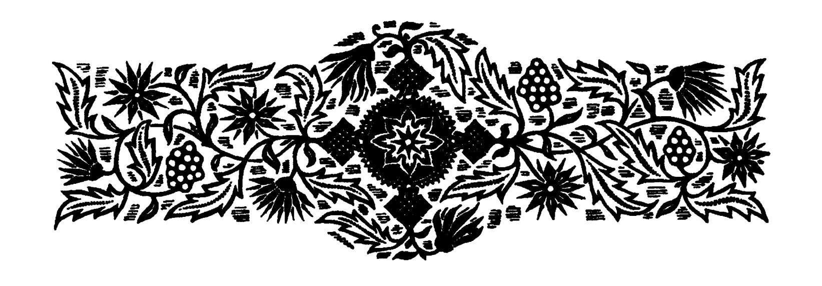
стию предал свою душу Господу и Пресвятой Его Матери, как Она и Сама о том прорекла.

Из этого явствует, как угодно Богу украшение церквей иконами и что Господь вселяет таковых в лик святых Своих.

По молитвам святого Еразма да поможет Господь и всем, украшающим святые церкви, получить вечное блаженство в будущей жизни со Христом Иисусом Господом нашим, Которому слава с Богом Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[1].



[1] Кончина преподобного Еразма последовала около 1160 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.



День двадцать пятый[1]

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ТАРАСИЯ,
архиепископа Константинопольского

Святой Тарасий родился в Константинополе; отец его Георгий и мать Евкратия были люди благородные и принадлежали к сословию патрициев[2]. Достигнув совершеннолетнего возраста и получив хорошее образование, Тарасий исполнял различные должности при царском дворце; за его благоразумие и добрый нрав здесь все любили и уважали его, и он был сделан одним из царских советников. А на царском престоле восседал тогда Константин Порфирородный[3], сын Льва Хозара[4], внук Копронима[5]; он царствовал не один, но вместе с материю своею Ириною[6], так как ему ко времени воцарения было всего десять лет. Патриархом же был тогда Павел Кипрянин[7], муж добродетельный и благочестивый, но слишком слабовольный и боязливый. Он возведен был на патриаршество в царствование упомянутого

---

[1] В обычный год — 10 марта по н. ст., в високосный год — 9 марта по н. ст.

[2] *Патрициями* называлось высшее сословие в Римской, а потом и в Византийской империи, соответствовавшее нашему родовитому дворянству.

[3] *Константин VI* Порфирородный царствовал с 780 по 797 год.

[4] *Лев IV Хозар* царствовал с 775 по 780 год.

[5] *Константин V Копроним* занимал царский престол с 741 по 775 год.

[6] Мать императора Константина была супругой Льва Хозара. По воцарении своего сына она в продолжение десяти лет, до 790 года, управляла государством вместо него; потом, по низложении Константина, она царствовала до 802 года.

[7] Это был *Павел IV*, который занимал патриаршую кафедру с 686 по 693 год.

Льва Хазара, сына Копронимова, при котором ересь иконоборцев, получившая начало от Льва Исаврянина[1], все более и более усиливалась. Видя, что многие претерпевают от злочестивого царя великие муки за поклонение святым иконам, патриарх убоялся и стал скрывать свое благочестие и даже имел общение с еретиками. По смерти Льва Хозара патриарх и хотел восстановить благочестивый обычай поклоняться святым иконам, но не мог, потому что не было у него помощника, между тем как ересь иконоборцев все усиливалась, как в самой столице, так и в других областях государства. Это сильно печалило патриарха. Видя, что он ничего не может сделать для торжества Православия, Павел задумал оставить патриарший престол, который занимал не более четырех лет. Заболев, он тайно оставил патриаршие палаты и прибыл в монастырь святого Флора, где и восприял святую схиму. Слух о пострижении патриарха скоро распространился повсюду, и все были сильно удивлены этим обстоятельством. А царица Ирина сильно опечалилась, так как патриарх оставил престол, не известив заранее о своем намерении. И вот она отправилась к нему с сыном своим, царем Константином, и спросила его:

— Что это ты, отче, сделал с нами? Почему так неожиданно оставил престол святительский?

Павел ответствовал:

— Моя болезнь и ожидание скорой смерти, а в особенности настроения в церкви нашей побудили меня оставить патриарший престол и восприять святую схиму. Церковь много терпит от иконоборцев, и, вследствие продолжительного торжества иконоборческой ереси, она получила неисцельную язву. Подобно многим другим, я, окаянный, не мог избежать сетей зловерных и погряз в них, в чем ныне горько каюсь; ибо три раза я собственноручно подписывал еретические постановления. Но вот что особенно печалит и удручает меня: я вижу, что все области, подвластные вам, соблюдая ненарушимо правила веры и следуя православному учению, чуждаются нашей церкви и, считая себя стадом Христовым, отгоняют нас от себя, как будто мы овцы не одного стада. Поэтому я отказываюсь быть пастырем в еретическом сонме и предпочитаю лучше умереть, чем подвергнуться анафеме от первосвятителей четырех апостольских престолов. Вам Бог даровал в руки власть царскую, чтобы вы

[1] *Лев III Исаврянин* царствовал с 716 по 741 год.

заботились о христианском стаде, живущем на земле. Итак, воззрите на скорбь матери вашей — Церкви, не допустите, чтобы она пребывала в неутешимой печали, но порадейте, чтобы она могла воспринять прежнее свое благолепие. Не попустите, чтобы богомерзкая ересь, подобно вышедшей на луга свинье, опустошала и губила вертоград Христов во время вашего царствования и оскверняла бы его злочестивым мудрованием. У вас есть искусный делатель, который поможет вам в ваших благих начинаниях. Он может возделать грозд истинного исповедания и, вложив его в точило Божией Церкви, наполнить им чашу премудрости и приготовить для верующих питие истинной православной веры.

После этих слов патриарха царица Ирина спросила его:

— О ком ты говоришь, отче?

— Я подразумеваю здесь Тарасия, который занимает первое место в вашем царском совете, — отвечал патриарх, — я знаю, что он вполне достоин управлять Церковию, так как он может жезлом своего разума отразить лживое учение еретиков, быть добрым пастырем словесного стада Христова и собрать его воедино.

Услышав это от патриарха Павла, благочестивая царица Ирина и ее сын царь Константин со скорбию оставили Павла. Он же сказал некоторым сенаторам, оставшимся у него:

— О, если бы мне не занимать патриарший престол в то время, когда наша Константинопольская церковь была в смятении от притеснителей и навлекала на себя проклятие четырех Вселенских патриархов: Римского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Если не будет собран VII Вселенский собор и не будет осуждена ересь иконоборцев, невозможно нам спастись.

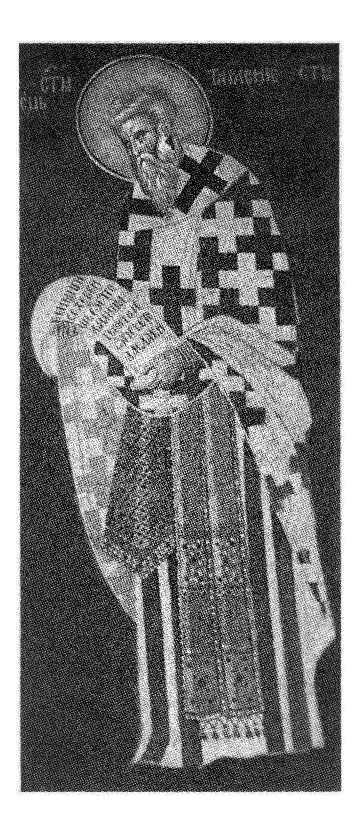
Тогда сенаторы спросили его:

— Зачем ты при посвящении твоем в патриархи подписался под грамотой иконоборцев?

Павел отвечал:

— Потому-то ныне я и раскаиваюсь, что подписался тогда, и боюсь, как бы Господь не наказал меня, так как я из-за страха молчал и не противодействовал ереси; ныне же я раскаиваюсь и утверждаю, что невозможно вам спастись, если пребудете в ереси.

Вскоре после этого патриарх Павел отошел с миром ко Господу. В то время жители Царьграда без всякого страха и опасения стали



беседовать и препираться с еретиками о святых иконах, между тем как до этих пор со времени Льва Исаврянина никто не осмеливался заговорить в защиту святых икон[1].

Благочестивая же царица Ирина со всем царским советом стала отыскивать на место Павла человека вполне достойного и мудрого, который бы мог прекратить церковное смятение; но никого другого, кроме Тарасия, они не находили. Тарасий был тогда мирянином; но так как вспомнили, что и Павел советовал избрать его, то выбор всех остановился на нем. Но Тарасий сильно отказывался. Тогда царица Ирина собрала людей всякого чина, и светских, и духовных, и весь народ во дворец, называемый Магнаврой — он находился в предградии на Едомском месте, — и пред всем освященным собором сказала: «Вам известно, что патриарх Павел оставил нас; ныне мы должны избрать себе на его место другого доброго пастыря и учителя Церкви».

На это все громко закричали:

— Таковым никто другой, кроме Тарасия, быть не может.

Блаженный же Тарасий, став посредине, сказал:

— Я вижу, что Церковь Божия разделена и разъединена. Как восточные, так и западные христиане проклинают нас; тяжело это разъединение и страшно отлучение от Царствия Божия. Пусть будет собран Вселенский собор, где мы должны объединиться в вере; пусть будет вера наша едина, подобно тому как мы просвещены единым крещением; ведь ничто так не угодно в очах Божиих, как пребывание всех в единстве веры и любви. Вот этого я, недостойный и мало-

---

[1] Это объясняется тем, что Ирина издала тогда указ с объявлением общей свободы совести. По распоряжению императрицы иконы были опять поставлены на свои места, и среди восторженного народа ходило много рассказов о минувших страданиях и чудесах.

опытный, и требую, принимая на себя управление Церковию. Если не будет созван Вселенский собор, если иконоборческая ересь не подвергнется достойному осуждению и не будет единения в вере между православными восточными и западными церквами, то я не соглашусь принять патриаршество, чтобы не навлечь на себя проклятия и осуждения, ибо тогда никто из земных царей не может избавить меня от Божия суда и вечной казни.

Услышав это, все постановили собрать VII Вселенский собор и просили святого Тарасия, чтобы он не отказывался быть пастырем над ними. Они обещали ему во всем послушание, подобно тому, как овцы внимают гласу своего пастыря, ибо они были твердо уверены, что святой Тарасий может наставить на истинный путь словесное стадо. Таким образом, они склонили Тарасия восприять первосвятительский сан и управление Церковью Константинопольской. Посвященный последовательно во все иерархические степени, святой был возведен на патриаршество[1], имея крепкое упование, что Господь поможет ему истребить ересь иконоборцев.

С переменою положения святой Тарасий переменил и образ жизни, хотя и прежде, находясь в миру, он по духу был уже иноком; теперь же, заняв святительский престол, он с еще большею ревностию стал упражняться в духовных подвигах и сделался Ангелом во плоти, пламенея духом, ревностно работая пред Господом, подчиняя свою плоть духу и умерщвлением ее достигая непорочной чистоты, которой облечены Ангелы. Изумительно было его воздержание, велико было его пощение и неустанна бодрость; немногие часы он уделял на сон, по целым ночам пребывал в молитвах и размышлении о Боге, не имел мягкого ложа, избегал мягких одеяний. Никто из прислужников патриарха не видел, чтобы Тарасий снимал с себя пояс и одежды, когда хотел на немногое время подкрепить сном свои силы; никогда святой муж не заставлял кого-либо другого снимать обувь с его ног, памятуя слова Спасителя: *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили* (Мф. 20, 28), и всегда был сам слугою себе, подавая другим пример смирения. К нищим и убогим он был весьма милостив, питал алчущих, одевал нищих, устраивал больницы и каждый день отпускал пищу со своего патри-

[1] Святой Тарасий занимал патриарший престол с 784 по 806 год.

аршего двора, а в день Воскресения Христова и в другие праздничные дни устраивал для неимущих трапезу, во время которой сам прислуживал убогим. Кроме того, святой Тарасий устраивал странноприимницы и на средства, оставшиеся ему после родителей, устроил монастырь на Босфоре Фракийском[1], в котором собрал лик добродетельных иноков; из них многие достигли такого совершенства, что были призываемы на архиерейские престолы и являлись непоколебимыми столпами кафолической веры. Особенно же старался святой Тарасий о том, чтобы восстановить почитание святых икон и ниспровергнуть богохульную иконоборческую ересь. Поэтому он всегда напоминал царям, чтобы они созвали Вселенский собор.

И вот царь Константин и царица Ирина, мать его, которая вследствие малолетнего возраста сына своего управляла тогда всем царством, вместе со святейшим Тарасием написали послания ко всем патриархам и епископам, призывая их на собор. Епископы из разных мест собрались в Царьград, патриархи же прислали своих наместников: Римский папа Адриан[2] вследствие затруднительности далекого путешествия сам не прибыл на собор; а Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархи в то время уже находились под игом агарян, так что не имели возможности лично присутствовать на соборе; потому в качестве своих заместителей они прислали духовных лиц, отличавшихся своим благочестием и премудростию.

Местом для соборных совещаний была избрана великая церковь[3], воздвигнутая Константином Великим, первым царем христианским, и перестроенная и великолепно отделанная императором Юстинианом[4]; в этой церкви и собрались со святейшим Тарасием епископы и наместники прочих патриархов; здесь же присутствовал и юный царь Константин с материю Ириною. Вдруг в храм ворвался многочисленный полк вооруженных воинов, последователей ереси иконоборческой, в которую они были вовлечены дедом царским Констан-

---

[1] Так называется пролив, соединяющий Черное море с Мраморным. На берегу Босфора расположен Константинополь.

[2] *Папа Адриан I* занимал Римский апостольский престол с 772 по 795 год.

[3] Разумеется храм святой Софии, главный соборный храм Константинополя.

[4] *Император Юстиниан I* царствовал с 527 по 565 год.

тином Копронимом и в которой пребывали до этого дня. Побуждаемые тайно некоторыми епископами и вельможами, зараженными тою же ересью, эти закоренелые в иконоборческих заблуждениях воины, вооружившись, пришли к церкви и устремились внутрь ее с великим воплем. «Не допустим, — кричали они, — чтобы вы отвергли догматы царя Константина[1]; пусть будет твердым и непоколебимым то, что на своем соборе он утвердил и законоположил; мы не допустим, чтобы в храм Божий вносили идолов (так они называли святые иконы); если же кто осмелится не повиноваться определениям собора Константина Копронима[2] и, отвергая его постановления, станет вносить идолов, то эта земля обагрится кровью епископов».

Видя такое волнение и возмущение, царица с царем подали знак епископам, чтобы те поднялись со своих мест, — и тогда все, бывшие на соборе, разошлись. Но по прошествии нескольких дней воины и их предводители были как следует наказаны благочестивой царицею Ириною, лишены воинского чина и разосланы по селам для обрабатывания земли. После этого место для заседаний собора было приготовлено в вифинском городе Никее[3]. Здесь уже происходил I Вселенский собор, созванный для осуждения ереси злочестивого Ария[4], здесь же решено было собраться и теперь. И вот сюда прибыли святейший Тарасий, патриарх Константинопольский, и вместе с ним наместники патриаршие, коими были: от Адриана, папы Римского, — главный пресвитер римский Петр и другой Петр — инок, от Полициана, патриарха Александрийского[5] — священноинок Фома, от Феодорита Антиохийского[6] и Илии Иеруса-

---

[1] Здесь разумеется *Константин Копроним*, дед Константина Порфирородного.

[2] Этот собор происходил в 754 году в царском дворце близ Константинополя на азиатском берегу Босфора. Собор провозгласил, что иконопочитание есть то же, что идолопоклонство, и определил удалить из церквей все иконы.

[3] *Вифиния* — северо-западная провинция Малой Азии, по берегу Мраморного моря, Босфора и Черного моря. Никея (ныне Испик) — в древности богатый и цветущий город Вифинии.

[4] Это было в 325 году.

[5] *Полициан, патриарх Александрийский*, скончался в 801 году.

[6] *Антиохийский патриарх Феодорит* занимал патриаршую кафедру с 777 по 794 год.

лимского[1] — священноинок Иоанн. Кроме этого, святой Тарасий взял с собою также некоего мужа из царских советников — Никифора, который по смерти святого Тарасия был возведен на патриарший престол за свою добродетельную жизнь. Всего же явилось на этот собор триста шестьдесят семь святых отцов. Собравшись с ними в Никее, Святейший патриарх Тарасий открыл заседания собора в самой большой церкви этого города[2].

Первое заседание VII Вселенского собора происходило 24 сентября, в день памяти святой первомученицы Феклы. Заседание открылось вступительной речью святого Тарасия, в которой он, изложив причины созвания собора, обратился к епископам с увещанием, чтобы они рассуждали справедливо и искоренили бы неправославные учения, недавно внесенные в Церковь. Прочтено также было и царское послание к собору, в котором упоминалось о том, как патриарх Павел, умирая, советовал созвать собор для искоренения ереси иконоборцев. Святые отцы благословили царя и его мать за их великое попечение о православной вере. После этого приступили к слушанию выражений раскаяния со стороны епископов, впавших в ересь, которые анафематствовали свои прежние заблуждения и высказали православное исповедание веры. Один из них — Василий Анкирский[3], держа в руках этот свиток, читал: «Не почитающим святые иконы — анафема; именующим святые иконы идолами — анафема; приводящим изречения Священного Писания против поклонения святым иконам — анафема; отвергающим предания святых отцов, как отвергали их Арий, Несторий, Евтихий, Диоскор, — анафема; утверждающим, что не от святых отцов исходит почитание икон, — анафема; утверждающим, что кафолическая церковь приемлет идолов, — анафема».

Так же поступили и многие другие епископы, и всем покаявшимся епископам дано было место на соборе среди прочих епископов православных. Суд же над теми, которые колебались, был отложен на некоторое время. При этом святой Тарасий сказал: «Трудно поддаются излечению застарелые болезни и трудно искореняются злые нравы. Но если люди, недугующие духовно, истинно каются, то святой собор принимает их и не лишает их сана».

---

[1] *Илия III*, патриарх Иерусалимский, скончался в 797 году.

[2] Это было в 787 году.

[3] *Анкира* — город во Фригии, срединной провинции Малой Азии.

Святой собор продолжался тридцать дней[1]; в это время участники собора, сходясь, рассматривали в Божественном Писании и в учении святых отцов и учителей Церкви те места, которые имели отношение к догмату о почитании святых икон, и на основании Священного Писания и церковного предания поражали зловерное мудрование еретиков. При этом они приводили достоверную историю о святом убрусе, на коем Христос Господь изобразил святой лик Свой и послал его Авгарю Едесскому[2], который лишь только поклонился пред изображением, тотчас получил исцеление от болезни[3]; приводили на память также и предание об иконе святых апостолов Петра и Павла, которую святой Сильвестр, папа Римский, показал царю Константину; говорили и об иконе Христовой, над коей надругались в Берите иудеи, за что и были наказаны; воспоминали, как об этом свидетельствует святой Афанасий. Когда читали повесть об этой иконе, все святые отцы плакали. Наконец, они прокляли ересь иконоборцев и утвердили почитание святых икон; великая радость была по сему случаю во святых церквах, которые принимали с сердечным ликованием утверждение иконопочитания, и весь народ торжествовал, провозглашая благие пожелания царям и пастырям. Так, великим попечением Святейшего патриарха Тарасия и тщанием благочестивой царицы Ирины ересь иконоборцев была отвержена и попрана, и Церкви Христовой был дарован мир.

Святой Тарасий мудро правил Церковию Божиею, был заступником обиженных, помощником находившимся в бедах. Так, царский протоспафарий[4] Иоанн подвергся за некую вину заключению и жесточайшим пыткам; избавившись ночью от оков, он прибежал к храму и укрылся в трапезе церковной, умоляя о милости и об избавлении от смерти. Тогда святитель Божий Тарасий защитил его и не выдал пришедшим за ним воинам от царицы Ирины. Они стали сте-

---

[1] Последнее заседание собора происходило 23 октября.

[2] *Едеса* — город в северо-западной части Месопотамии, за рекой Евфратом. Авгарь был князь или властитель едесский.

[3] Сказание об этом приводит Евсевий, епископ Кесарии Палестинской († 383), знаменитый историк древней христианской Церкви, который заимствовал его из древних письменных записей, хранившихся в общественных бумагах города Едесы.

[4] *Протоспафарий* — начальник царских телохранителей, или оруженосцев, которые назывались спафариями (от *спафи* — оружие, меч).

речь его при дверях того храма днем и ночью, дожидаясь того времени, когда он выйдет. Ибо они думали, что он все-таки, в конце концов, принужден будет выйти из церкви. Но святитель Божий, посылая ему пищу от своей трапезы, дал ему возможность не выходить из алтаря церковного; когда же ему необходимо было выходить из храма, он сам провожал его, скрывая его под своей мантией, и потом снова возвращал его с такими же предосторожностями в церковь. Так действовал он долгое время и служил человеку тому, как раб, не гнушаясь такого дела. И пас добрый пастырь свою овцу, защищая ее от смерти; наконец, своею архиерейскою властию смело святой Тарасий положил предел искательству тех лиц, которые хотели умертвить находящегося под его покровительством человека: он заявил им, что наложит на них отлучение от Церкви, если они будут продолжать преследовать заключенного. Так протоспафарий освободился от суда и избежал казни, благодаря заступничеству своего доброго пастыря святого Тарасия.

Между тем царь Константин, достигнув двадцатилетнего возраста, по навету злых своих советников устранил от власти мать свою, благочестивую царицу Ирину, которая мудро правила всем государством, и стал править единолично. При этом, освободившись от опеки матери, он предался излишествам и стал вести неблагопристойную жизнь. Он без всякого повода возненавидел законную супругу свою царицу Марию[1] и распалился преступною любовию к другой, по имени Феодотия; с нею он стал тайно жить и задумал сделать ее своею супругою и царицею, а законную свою супругу — заточить. Стараясь обвинить Марию, он возвел на нее ложную клевету, будто она хотела погубить его посредством отравы. Эту ложь царь всем выдавал за истину и всем рассказывал об этом. Царю поверили, и слух о намерении царицы отравить его распространился в народе. Весть об этом дошла и до Святейшего патриарха Тарасия. Патриарх опечалился, уразумев коварство царя, ибо он твердо был уверен в невиновности царицы Марии. Поэтому он стал помышлять, как бы вразумить Константина и раскрыть ему его греховность и неправду. В это время к Святейшему патриарху пришел один из любимых царских вельмож и стал ему передавать известие о том,

[1] Благочестивая царица эта была внучкой святого Филарета Милостивого, см. Жития Святых, 1 декабря.

как царица приготовила яд для царя, выдавая ложь за истину. В конце рассказа он прибавил: «Теперь тебе, святейший отец, надлежит благословить царя на новый брак с вернейшей супругой».

Эти слова сильно опечалили святого Тарасия; он даже прослезился и начал говорить так: «Если царь действительно замыслил то, что ты говоришь, если он на самом деле желает отлучить от себя Марию, которая сопряжена с ним по закону Божию и образует с ним одну плоть, то я не знаю, как перенесет он стыд и поношение от лица всех людей? Приводит меня в недоумение и то, как может он после того быть примером целомудрия для своих подданных, как может он возбуждать всех к воздержанию? Неужели он будет в состоянии судить и казнить за грехи прелюбодеяния, сам будучи омрачен таким беззаконным вожделением? Допустим, что все, сказанное тобой, — истина, но ведь следует же внимать гласу Господню: *Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подаст ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Да и правда ли то, что царица приготовила для царя смертоносный яд? Ведь в таком случае разве мог быть у нее другой муж, более доблестный и красивый, чем наш государь, который отличается своею красотою и цветущею молодостию. Нет, я ясно вижу, что вся эта ложь направлена только на то, чтобы обесчестить честный брак, осквернить нескверное ложе и дать восторжествовать прелюбодеянию. Таков мой ответ, и не только мой лично, но и всех, подобных мне, пастырей и отцов. Возвести тем, кто послал тебя, что мы не верим сказанному тобою, мы скорее готовы перенести смерть и тяжкие муки, нежели дать благословение на такое беззаконное дело. Пусть царь знает, что нет нашего согласия на его неправедный умысел».

Услышав это, вельможа со скорбию оставил патриарха и возвестил царю все, что он слышал от блаженного Тарасия. На царя напало тогда раздумье, и дивился он такой твердости и неустрашимой ревности патриарха; он даже стал несколько бояться, как бы святой Тарасий не воспрепятствовал ему в достижении его намерения. Поэтому он решил призвать к себе святого мужа и принять его с честью, надеясь своими словами умягчить сердце патриарха и склонить его на свою сторону.

Святой патриарх Тарасий пришел к царю вместе с честным старцем Иоанном, который был на VII Вселенском соборе наместником

от патриархов Антиохийского и Иерусалимского. Когда Константин и пришедшие к нему, по обычаю, сели, царь обратился к патриарху со следующею речью: «Чрез посланника я сообщил уже тебе, честнейший отче, о том, что случилось с нами. Я почитаю и уважаю тебя как отца, поэтому ничего не хочу скрывать от тебя. Но мне кажется необходимым самому лично сообщить тебе о той вражде и о тех кознях, кои мне строит моя супруга. Не от Бога она дана мне; ибо ей надлежало бы быть моей помощницей, а она оказалась не помощницей мне, а злейшим моим врагом. Самый закон повелевает мне разлучиться с ней, и моему намерению никто не может воспрепятствовать. Ведь ее вина, ее злой умысел у всех на глазах. Поэтому она должна по определению суда или претерпеть смертную казнь, или же быть пострижена в иночество. Желая оказать ей милосердие, я готов ограничиться пострижением ее в монастырь: пусть она скорбит и раскаивается до самой своей смерти в своем прегрешении. Ведь она захотела умертвить отравою не простого человека, не чужого кого-либо, но своего супруга, царя, грозного для врагов. Если бы удался ее гнусный замысел, то все царство было бы охвачено немалым смятением, и о злодеянии ее пронесся бы слух по всей земле».

При последних словах царь дал знак слугам. Они немедленно принесли стеклянный сосуд, где находилась какая-то мутная жидкость. Царь показывал его Святейшему патриарху, говоря, что это смертоносный яд, которым царица тайно хотела лишить его жизни.

При этом он добавил: «Нужно ли еще доказательство виновности царицы, когда мы имеем в руках это орудие ее злого умысла? Не ясно ли, чего она достойна? К чему же теперь отлагать нам суд над нею? Нет, отче, скорее посоветуй ей принять на себя пострижение, если хочешь видеть ее в живых. Я не могу более жить с нею в супружестве, не могу смотреть на нее, не могу переносить ее, ибо всегда у меня пред глазами это смертоносное питье, которое она приготовила для меня».

Видя, что царь уязвлен нечистою похотию, и понимая, что он несправедливо обвинил неповинную и целомудренную царицу для удовлетворения своего желания, святейший Тарасий, не страшась, сказал ему:

— Царь, не воздвигай брани на закон, установленный Самим Богом, не восставай с тайным коварством против истины, прикрываясь лукавым измышлением и преступая и разрушая заповеди Божии. Царю надлежит все делать явно, свободно, с чистою совестию; ничего не должен он предпринимать тайно и коварно против Бога, даровавшего ему венец царский, преступая Божественные повеления. Ясно для всех, что царица совершенно невиновна в том, в чем ее обвиняют, будто она умышляла умертвить царя. Ибо кто может сравниться с тобою по красоте, кого бы она могла полюбить более тебя, чтобы возыметь злую мысль отравить тебя? Кто более тебя обладает властию и пользуется почетом, кто по своему благородству и по богатству выше тебя, почтенного царственной властью и честию и владеющего большими богатствами, — кого бы царица могла предпочесть? Велика держава твоя, ты превосходишь всех своим благородством, ибо отец твой, дед и прадед занимали царский престол; ты славишься во всех концах земли, и невозможно пересчитать твоих сокровищ. Кто же может быть лучше тебя для твоей царицы? Нет, царь, не может быть того, что говоришь ты, это — ложь, измышленная для подорвания твоей царской державы и на посмеяние народов, чтобы тебе быть притчею во языцех. Мы не дерзаем разрушить ваш законный супружеский союз, так как страшимся суда Божия, и не можем дать веры тем слухам, коими стараются оклеветать царскую супругу. Нет, мы не сделаем этого, хотя бы нам пришлось претерпеть мучения и страдания. Мы знаем, что ты имеешь греховное вожделение к некой женщине и даже хочешь сочетаться с нею беззаконным браком. Как можем мы почтительно относиться к тебе, царь, когда увидим, что ты явно нарушаешь заповеди Божии? Как можешь ты тогда входить в алтарь к Божественному престолу, чтобы вместе с нами причаститься Пречистых Христовых Таин? Свидетельствуем Самим Богом, что мы не можем допустить тебя в алтарь для Божественного причащения, хотя ты и царь. Ибо еще древним иереям было сказано: «Не давайте попирать алтаря моего».

Сказав это, Святейший патриарх смолк. После него много увещевал царя вышеупомянутый старец Иоанн. Но царь не хотел их и слушать, а приходил в большой гнев и ярость. Недовольны были и все окружавшие царя сановники и властители. Один из них, патриций по своему происхождению, хвалился даже, что он своими ру-

ками всадит меч во чрево старца Иоанна за то, что он говорит противное воле царской. Исполненный гнева, царь приказал их обоих — и Святейшего патриарха Тарасия, и честного старца Иоанна — с бесчестием изгнать из царского дворца. И ушли от него эти два мужа, изгнанные правды ради, подражая святому Иоанну Крестителю, который некогда обличил беззаконный брак Ирода[1]. Исходя, они оттрясли прах от своих ног и сказали: «Мы не ответственны в вашем беззаконии».

Царь же изгнал из своих палат законную царицу в женский монастырь, насильно постриг ее там, а сам отпраздновал брак с наложницею своею Феодотиею, которая была дальнею родственницею ему по отцу. Этот беззаконный брак совершил без ведома патриарха иконом церковный, пресвитер Иосиф, который за свое дерзостное деяние впоследствии был отлучен от Церкви. Святейший патриарх всячески старался расторгнуть этот прелюбодейный брак, но не мог, ибо царь похвалялся, что он снова воздвигнет ересь иконоборцев, если ему запретят этот брак. Поэтому святой Тарасий оставил царя пребывать в его беззаконии, чтобы Церковь Христову не постигло еще большее зло. Ибо святой патриарх всегда помнил, что отец, дед и прадед этого царя были еретиками-иконоборцами, избившими многих христиан за почитание святых икон. Царь, гневаясь на патриарха, всячески притеснял его, но святитель все это терпеливо переносил, благодаря Бога и поступая согласно со своим высоким саном архипастыря. Но чрез некоторое время царя постигла Божия кара. Мать его, благочестивая царица Ирина, уже давно видела злое и беззаконное житие его; она видела, как сын ее попирает закон Божий и готов воздвигнуть снова иконоборство. Более любя Бога и Его правду, чем своего собственного сына, она, посоветовавшись с главнейшими сановниками, восстала на сына своего, взяла его под стражу и заключила в том дворце, где он родился и который был известен под именем Порфириева дворца. Потом она приказала ослепить его, подобно тому, как пять лет тому назад он ослепил трех братьев своего отца: Никиту, Анфима и Евдоксия. Так царь, получив наказание по своим делам, умер от болезни. А Ирина снова приняла

---

[1] Здесь разумеется Ирод Агриппа, сын Ирода Великого, властитель Галилеи и Заиорданской области, сочетавшийся браком о Иродиадой, женой Филиппа, брата своего, при жизни последнего.

царский скипетр и исправила все то, что пришло в расстройство в царствование ее сына.

С того времени святой угодник Божий Тарасий пребывал в мире и тишине, ревностно пася словесное свое стадо и управляя Церковию, очищенною от еретиков. С самого дня своего посвящения, он ежедневно сам совершал Божественную литургию и никогда не оставлял этого обычая, разве только по болезни. Когда святой достиг преклонного возраста, он впал в недуг телесный. Даже чувствуя приближение своей кончины, Святейший патриарх Тарасий не оставлял своего обыкновения, пока не сделался настолько слаб, что уже не мог подниматься с одра. Лишь тогда только он перестал сам совершать Божественную литургию.

При своей кончине святой Тарасий боролся с нечистыми духами и победоносно поражал их. Когда они, исследуя жизнь его с самой юности, старались ложно приписать ему много неправедных дел, он отвечал им: «Я неповинен в том, о чем вы говорите; вы ложно клевещете на меня; нет у вас надо мной никакой власти».

При этом был списатель жития его Игнатий, епископ Никейский, бывший тогда еще диаконом. Наклонившись к болящему, Игнатий слышал эти слова святого. Когда уже святой Тарасий не мог владеть языком, он рукою отгонял бесов и преодолевал их. При исходе дня, когда, по обычаю, воспевали псалмы Давидовы и начали петь этот псалом: *Приклони, Господи, ухо Твое и услышь меня* (Пс. 85, 1), святой Тарасий мирно предал Господу святую свою душу, причем лицо его просветлело. Этот святитель пас Церковь Божию двадцать два года и скончался в царствование императора Никифора[1], взошедшего на престол после Ирины. Царь, весь народ, вельможи, духовные и миряне, а особенно нищие и убогие, сироты и вдовицы, сильно скорбели о нем. Ибо ко всем он был милостив, ко всем относился как добрый пастырь, любвеобильный отец и опытный наставник, каждому помогал в бедах и несчастиях.

Честное тело святого Тарасия погребли в устроенном им же самим монастыре на Босфоре, и многие получали исцеления от его гроба.

Такова, например, одна женщина, страдавшая много лет кровотечением. Так как в тот монастырь был возбранен вход женщинам,

---

[1] Император *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год.

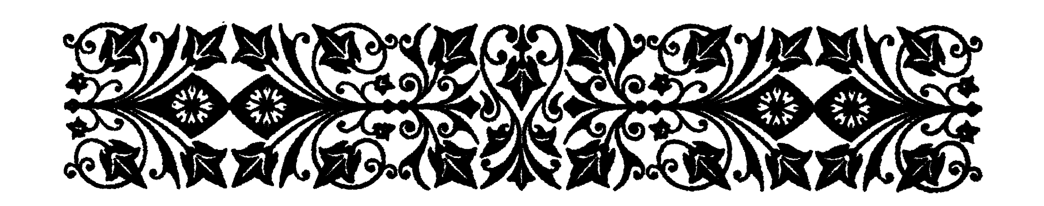
то она вошла в монастырь, одевшись в мужские ризы. С верою она коснулась гробницы святейшего Тарасия, взяла елей из лампады, висевшей пред гробницей, — и тотчас же получила исцеление от своего недуга. То же делали и другие женщины, — и все исцелялись от своих недугов. Некий муж, видевший одним только глазом, получил исцеление у гроба святого, когда помазал свое невидевшее око елеем из лампады. Один сухорукий, придя с верою, помазал елеем свою руку и получил исцеление. Много и других недужных получали исцеление по молитвам святого Тарасия; исцелялись от своего недуга также и бесноватые.

Этот великий ревнитель Православия вооружался против еретиков иконоборцев не только при жизни, но даже и после своей кончины. При Льве Армянине[1], царе греческом, иконоборческая ересь опять возымела силу, вследствие того, что сам царь покровительствовал ей. Святой Тарасий явился в сонном видении Льву и с великим гневом повелел некоему воину Михаилу ударить мечом этого зловерного царя. Тот ударил и пронзил царя. В страхе и трепете пробудился Лев от такого сна и сильно недоумевал. Думая, что в монастыре святого Тарасия находится какой-либо Михаил, который злоумышляет на его жизнь, он послал туда узнать об этом Михаиле. Он не знал, что этот Михаил был при нем, — это был воевода по прозванию Валвос или Травлий[2], который потом поразил царя мечом в самый день Рождества Христова. Так погиб этот злочестивый царь, будучи побежден молитвами святого Тарасия, утверждающего веру в Пресвятую Троицу. Аминь.



[1] Император *Лев V Армянин* занимал византийский престол с 803 по 820 год.

[2] Наименование: *Валвос* (Балба) — греческое, а *Травлий* — латинское. По-русски то и другое значит: *Косноязычный*. Этот Михаил сделался впоследствии императором и царствовал с 820 по 829 год.



День двадцать шестой[1]

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ПОРФИРИЯ,
епископа Газского

Газа есть город Палестинский[2], находящийся по соседству с Египетской страной, принадлежавший сначала сынам Израилевым, племени Иудину, потом завоеванный филистимлянами[3], — тот самый, в котором некогда Самсон взял на плечи затворенные ворота (см.: Суд. 16, 3). Этот город был исполнен идолопоклоннического нечестия. По воплощении Христа Бога нашего он был отчасти просвещен святою верою, проповеданною святыми апостолами и епископами, бывшими после них; но все же большая часть жителей его долгое время блуждала во тьме идолослужения, поклоняясь истукану, называемому «Марнас»[4],

---

[1] В обычный год — 11 марта по н. ст., в високосный год — 10 марта по н. ст.

[2] Город Газа расположен на восточном берегу Средиземного моря и служил некогда южным пределом Хананеев. Во времена могущества римлян Газа был значительный торговый город Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал когда-то великий город.

[3] *Филистимляне* — народ, вышедший из Египта и поселившийся на границе с Египтом в Азии, по берегу Средиземного моря. Занимаемая ими страна находилась на юго-западе Палестины, как раз между Египтом и Ханаанской землей, завоеванной евреями. Филистимляне вели частые войны с евреями и не раз порабощали их себе, заставляя платить дань и отнимая у них города. С другой стороны, и евреи нередко брали верх над филистимлянами.

[4] Почитание истукану Марнасу было исключительной принадлежностью Газы. Жители этого города считали его великим целителем всевозможных болезней и



а также Венере[1] и иным нечестивым еллинским богам. При этом в нем неоднократно проливалась кровь христианская, особенно во время богомерзкого царя Юлиана Отступника[2]: ибо тогда всех священников, иноков и посвященных Богу дев неверные немилосердно избивали. Такое нечестие продолжалось в городе Газе долгое время, и никто не мог очистить его от идолослужения и совершенно просветить святою верою, пока в епископы Газы не был избран святой Порфирий, о котором будет у нас слово. Он совершенно просветил Газу, сокрушил всех идолов, воздвиг церковь посреди города и приобрел Богу весь город с великим трудом, как покажет предлежащее повествование.

Святой был сыном богатых родителей, родом из Фессалоники[3]. Оставив дом отца своего, братьев и богатство, он, будучи двадцати пяти лет, пошел сначала в Египет, потом в Скит[4], где и принял на себя иноческое одеяние с намере-

---

сверх того богом и владыкой дождей; во время засухи для умилостивление его совершались торжественные религиозные процессии.

[1] *Венера* — греко-римская богиня любви, красоты, сладострастия и нечистых похотей.

[2] Царствовал с 361 по 363 год.

[3] *Фессалоника (иначе Солунь)* — весьма значительный, древний город Македонии, расположенный в глубине Солунского или Фермейского залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот под именем Салоники, после Константинополя, первый торговый город в Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

[4] Здесь разумеется неизвестный вид иноческих обителей, в смысле отдельных келий из одиноких отшельников, а местность в северо-западной части Египта, в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от горы Нитрийской. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место египетских пустынников, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся в ней иноков. От этой местности впоследствии и получили наименование скита иноческие пустынные обители, в коих ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия.

нием проводить постническое житие. Пребыв со святыми отцами в Ските пять лет, он пришел в Иерусалим и, поклонившись животворящему Кресту и Гробу Христову и обошедши все святые места, отошел в страны Иорданские[1]. Здесь, поселившись в некоем вертепе, святой Порфирий жил и подвизался в посте и молитвах непрестанных. По прошествии пяти лет, он впал в недуг и умолил одного из знакомых своих, чтобы довел его в Иерусалим, так как он, по болезни, не мог идти без посторонней помощи. Однако в Иерусалиме он каждодневно, несмотря на болезнь свою, обходил святые места, поклоняясь Господу; когда же не мог идти вследствие своего недуга, то полз на коленях, — но ни одного дня не оставлял, чтобы не придти к святой церкви Воскресения и Кресту святому. Видев его так каждодневно трудящегося, несмотря на болезнь свою, некоторый молодой инок, именем Марк (впоследствии описатель жития его), начал служить ему ради Бога. Сей Марк был послан святым Порфирием в Фессалонику с письмом, дабы разделить между младшими братьями его оставшееся после родителей имение, а часть, принадлежащую Порфирию, принести к нему, чтобы он мог раздать ее нищим. Марк, отправившись, разделил все как следовало, а часть Порфириеву продал за три тысячи златниц; кроме того, из родительского золота Порфирию досталась еще часть — тысяча и четыреста златниц, а также одежда и серебро. Все это Марк доставил в Иерусалим святому Порфирию, которого он обрел совершенно здоровым. Порфирий же, приняв принесенное, тотчас роздал то нищим и на бедные монастыри, а сам стал нищ. Потом святой рассказал о том, как он исцелился от своей болезни.

«Когда я был на всенощном недельном бдении в великой церкви, — поведал он, — то сделался у меня приступ болезни. Не имея сил терпеть более, я пошел и возлег при святой Голгофе и от великой болезни был как бы в исступлении. И увидел я Спасителя нашего, ко кресту пригвожденного, и одного разбойника с Ним, на другом кресте висящего, и начал взывать, говоря: „Помяни меня, Господи, когда придешь во Царствии Твоем“. Спаситель же сказал разбойнику: „Сойди с креста и исцели его от телесной болезни, как

[1] Имеется в виду Иорданская пустыня, расположенная по берегу реки Иордана, в которой селились подвижники и было немало иноческих обителей.

Я тебя исцелил от душевной“. Разбойник, сошедши ко мне с креста своего, обнял меня и облобызал и воздвиг от земли, говоря: „Приди ко Спасителю“. Приступив к Господу, я увидел Его сшедшим с Креста, и Он сказал мне: „Приими древо это и храни его“. Я же, приняв Крест Христов, начал носить его и тотчас пришел в себя и оказался весь здоровым, как будто никогда не болел».

В непродолжительном времени после этого блаженный Порфирий был поставлен от патриарха Иерусалимского пресвитером, и было ему вручено на хранение Честное Древо Животворящего Креста, положенное в особый закрытый златой ковчег (а другая часть его была отнесена в Царьград святою царицею Еленою[1]). Так исполнилось видение Порфирия, в котором он видел Господа, дающего ему хранить Свой Крест.

Прошло три года после того, как преподобный Порфирий был поставлен в пресвитеры. В это время в городе Газе преставился епископ, именуемый Эней. Верные из жителей Газы пришли вместе с клириками в Кесарию Палестинскую[2] к митрополиту, под ведением которого была Газа, блаженному Иоанну, моля его дать им епископа, могущего словом и делом сопротивляться идолопоклонникам, которых в Газе было очень много. Митрополит Иоанн, заповедав всем пост, молился Богу, чтобы Он указал ему мужа достойного и способного к тому делу; и было ему открыто в видении о преподобном Порфирии, пресвитере Иерусалимском, хранителе Животворящего Древа. Тотчас же митрополит написал послание к Святейшему патриарху Иерусалимскому, в котором он просил послать к нему отца Порфирия, не говоря, однако, о причине такой просьбы. Патриарх же, призвав Порфирия и показав ему письмо митрополита, повелел ему идти в Кесарию. Сперва преподобный Порфирий усомнился, а потом сказал:

---

[1] То есть *равноапостольной Еленой*, матерью равноапостольного царя Константина Великого.

[2] *Кесария*, называемая *Палестинской* в отличие от Кесарии Каппадокийской (в Малой Азии), — большой город на восточном берегу Средиземного моря, построенный иудейским царем Иродом на месте древнего города Стротон и долгое время бывший политической столицей Палестины, в которой имели пребывание гражданские начальники Палестины. Город этот неоднократно подвергался разрушениям, и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

— Да будет воля Господня!

Потом, вышедши от патриарха, он сказал своему ученику:

— Брат Марк, пойдем и поклонимся святым местам и Древу Честного Животворящего Креста: ибо мы не скоро его увидим.

Ученик сказал:

— Почему ты так говоришь, отче; я думаю, что ты пробудешь в Кесарии не более одной седмицы?

Святой отвечал:

— В прошедшую ночь я видел Спасителя, сказавшего мне: «Отдай Мне сокровище (Древо Крестное), которое Я положил у тебя: ибо Я хочу сочетать тебя с невестой, правда убогой и отверженной людьми, но добронравной; а ты, взяв ее, укрась, чтобы она забыла прежнюю нищету свою, ибо хотя она и бедна, но не чужая Мне, искренняя сестра Моя. Смотри же, чтобы, взяв ее и строя дом, ты не приобрел что-нибудь неправдой или хищением или беззаконно: ибо и Меня прогневаешь этим, и ее оскорбишь. Надейся и не малодушествуй, и все тебе будет послано, откуда и не ожидаешь». Вот что возвестил мне Господь в ночном видении, и я боюсь, как бы не было наложено на меня бремя чужих грехов, когда я имею множество своих.

Сказав это ученику, святой Порфирий пошел и поклонился всем святым местам, также Животворящему Древу Честного Креста: и заперев его в ковчеге, пошел и отдал ключ Святейшему патриарху. Взяв от патриарха благословение, он отправился в путь в Кесарию Палестинскую с учеником своим Марком и с другим юношею Варухом, которого за некоторое время пред этим нашел на гноище больного и покрытого струпами, и которого исцелил своею молитвою. Когда преподобный Порфирий пришел в Кесарию, то был принят здесь с великою радостию. Преосвященный же митрополит Иоанн стал убеждать его принять посвящение в епископа города Газы. Преподобный горько и неутешно плакал, говоря, что он недостоин такого сана, а потом предал себя в волю Божию и отпущен был в Газу с клириками и людьми газскими. Но нечестивые жители одного селения около Газы, ожидая его прихода, весь путь тот, которым надлежало идти христианскому епископу святому Порфирию, устлали тернием, выкопали на нем рвы, навозили множество смрадного навоза и закурили дым великий и смрадный, так что сде-

лали путь тот неудобным для прохода: это они сделали из ненависти к христианам и из бесовской вражды против святого Порфирия. Таким образом, много препятствий претерпевал на пути святой вместе с спутниками своими, терпя и от рвов, и от терния, и от дыма и трудившись весь день; наконец, ночью они пришли в город. В городе же была только одна христианская церковь, да и то малая, ибо немного в нем было христиан. Напротив, идольских храмов находилось в городе множество, и идолы стояли даже на улицах, посредине же города был храм Марнаса, старейшего бога их, великий и прекрасный, построенный в древние времена, украшавший весь город своим величием, высотою и прекрасным устройством. И начал преподобный Порфирий, приняв престол свой, пасти малое стадо Христово, которое было там.

В тот год, в который святитель Христов Порфирий пришел в Газу, случилось быть бездождию и великой засухе и голоду. И говорили все нечестивые граждане, что ради пришествия в город Порфирия боги, разгневавшись, заключили небо; а жрецы пустили в народ слух, будто бы бог Марнас возвестил им, что Порфирий виновник всему злу. И вот все идолопоклонники, собравшись в храм Марнаса, приносили многие жертвы, молясь и вопия к Марнасу, чтобы он ниспослал дождь, ибо они говорили, что он бог дождей. Так молились они семь дней, воспевая свои священные песни и торжественными шествиями выходя за город; но дождя все не было. Потом собрались все христиане с женами и детьми, так что число их было двести восемьдесят: ибо столько лишь и было тогда в Газе душ верующих во Христа. И просили они святого Порфирия, своего епископа, чтобы он сотворил соборное моление и вышел с крестами за город и испросил у Бога дождь, ибо уже для всех был тягостен голод, а притом и поношение и досады терпели они от нечестивых, приписывающих вину бездождия христианскому епископу. Святитель Порфирий заповедал пост и повелел собраться всем верующим с вечера в церковь; и совершив всенощное бдение, наутро отслужил литию с преднесением честного креста. Таким образом, христиане с крестным ходом вышли за город к древней ветхой церкви, бывшей на западной стороне, которую некогда создал блаженнейший епископ Асклипий, исповедник Христов, много пострадавший за православную веру; оттуда с песнопением они пошли на место мучения святого

Тимофея[1], где были положены мощи и других святых. Так помолившись, они с крестным ходом возвратились к городу в девятый час дня и нашли ворота города затворенными; ибо нечестивые идолопоклонники, видев христиан, вышедших со своим епископом за город, затворили ворота, не желая пускать верующих внутрь. Христиане же стояли пред вратами два часа, и никто не отворял им. И вот Бог, видя терпение и слезное моление рабов Своих и послушав молитв угодника Своего Порфирия, воздвиг ветер с полудня, как некогда при Илии пророке (см.: 3 Цар. 18, 17–45), и покрыл небо облаками дождевыми, и были молнии и громы, и при заходе солнца выпал великий дождь. Тогда некоторые из язычников, видя такое чудо, отворили город и, присоединившись к христианам, шли, восклицая:

— Один Христос есть Бог Истинный!

И все вошли в церковь с великою радостию, а уверовавшие язычники приняли от епископа святое благословение и оглашение к крещению и, возблагодарив Бога, разошлись в свои дома. Из числа уверовавших было сто семь мужчин, тридцать пять женщин, четырнадцать детей. А дождь был великий во всю ту ночь, и во второй и в третий день, и напоил землю довольно. Видя это, на третий день присоединилось к стаду Христову еще сто двадцать семь, и после них в тот же год еще сто пять. И, приняв святое крещение, все они были усердными в святой вере. А прочие идолопоклонники не переставали враждовать на святого Порфирия и досаждать христианам, ибо когда приезжал в город игемон, они, давая ему множество золота, настраивали его мучить христиан и сверх того томили верных городскими работами, как некогда египтяне израильтян. Святой же Порфирий, видя обиды, причиняемые верующим, весьма скорбел и непрестанно днем и ночью со слезами молился Богу, чтобы Он обратил заблудших на путь познания истины.

После того вышеупомянутый ученик святого Варух послан был в ближнее селение, чтобы получить годовую плату в пользу христианской церкви с одного идолопоклонника, жившего на церковной земле. Желая отложить уплату на другое время, тот начал препираться с Варухом, и между ними произошел спор. Во время спора

[1] Святой мученик Тимофей пострадал в Газе в царствованиие императора Диоклетиана (284–305). Память его — 19 августа и 19 сентября.

сбежались другие идолопоклонники, которые стали бить блаженного Варуха кольями насмерть, потом подумав, что он уже мертв, увлекли его за село и повергли в пустом месте. И вот на другой день диакон Корнилий и с ним два другие христианина, проходя тем местом, нашли Варуха лежащим, подобно мертвому, ибо он не мог ни говорить ничего, ни слышать, ни очами зреть, ни подвигнуть руками или ногами, и только дух его был в нем. Взяв Варуха на спину, они понесли его в город. Некоторые же идолопоклонники, увидев несомого Варуха, подумали, что несут в город мертвеца; поэтому они устремились на несущих и начали их бить, говоря:

— Зачем делаете такую мерзость, внося мертвеца в город?

Ибо у газян был обычай выносить мертвых для погребения за город. Отняв Варуха, нечестивые зацепили его за ноги и повлекли опять за город. Диакон же Корнилий, побежав, возвестил о том святому епископу Порфирию. И пошел епископ с поспешностию и прочая братия с ним, и догнав влекущих, со смирением умолял их оставить такое немилосердие, а они и епископу стали досаждать. Сбежалось множество народа и, видя терпение и смирение епископа, что он против досаждающих ему ничего не отвечает сопротивного, начали препираться с досадителями, влекшими Варуха; и произошла между ними распря и ссора, так что они подняли друг на друга руки, начав бить друг друга; и было великое смятение и шум. Между тем святой епископ с христианами, взяв блаженного Варуха, понесли его в церковь, когда был уже поздний вечер. Когда же увидели, что дух его еще в нем, то все верующие стали прилагать заботы к исцелению его. Святой же во всю ту ночь со слезами молился о нем Богу. И вот больной открыл очи свои и проговорил, прося пить, и когда напоили его, начал разговаривать и рассказал все бывшее с ним. Утром же пришли к церкви старейшины города со множеством народа и начали кричать и вопиять:

— Зачем мертвеца внесли в город против древнего отеческого закона?

Тогда святой епископ Порфирий вышел к ним со всеми бывшими с ним. Увидев епископа, они начали злословить и бесчестить его, а потом устремились на бывших с ним христиан и стали их бить. И внезапно блаженный Варух, получив необычайную силу от Бога, быстро встал, как будто никогда не болел, и схватив палку, начал

бить и гнать шумящий нечестивый народ. Язычники, увидев его живым, ужаснулись великим страхом, ибо думали, что он из мертвых восстал: и гонимые частью страхом, частью биением сильным, бежали, попирая друг друга. И прогнал их от церкви Варух, как некогда Самсон филистимлян, до самого скверного их Марнасова храма. С того времени все нечестивые боялись Варуха и опасались даже на пути встречаться с ним. А святой Порфирий, возблагодарив Бога о внезапном исцелении Варуха, поставил его диаконом; в этот же сан он возвел и другого ученика своего Марка.

Видя же постоянные гонения неверных против верующих, святитель Божий Порфирий послал Марка, диакона своего, в Царьград к благочестивому царю Аркадию[1], умоляя его, чтобы он повелел ниспровергнуть идольские капища в Газе. Также написал он послание и к Святейшему патриарху Цареградскому Иоанну Златоустому[2], прося помощи и ходатайства пред царем. И царь повелел затворить и запереть идольские храмы в Газе, чтобы в них более не совершались скверные жертвы, но разрушить их не повелел, чтобы не слишком опечалить язычников. Исполнить это царское повеление прибыл в Газу некоторый царедворец, именем Иларий, который, взяв много помощников и воинов из Азота и Аскалона[3] и показав газянам царскую грамоту, затворил идольские храмы и запер их. Но нечестивые, собрав множество золота, принесли его царскому сановнику Иларию, умоляя его не затворять одного большого их храма Марнасова, стоящего посреди города. Тогда Иларий, возлюбив более золото, нежели Христа Бога, оставил им главнейший храм Марнасов свободным для доступа, а меньшие храмы затворил, сокрушив в них идолов. И отошел этот златолюбец, как бы исполнив царское повеление: ибо воистину только по внешности был христианином, внутри же был исполнен неверия и тайно старался всячески помогать язычникам. Нечести-

---

[1] *Византийский император Аркадий* царствовал с 395 по 408 год.

[2] *Святой Иоанн Златоуст* занимал патриаршую кафедру в Константинополе с 398 по 404 год.

[3] *Азот* — древний город, основанный филистимлянами, на восточном берегу Средиземного моря, недалеко от Газы. Ныне здесь небольшое селение — Ездуд. *Аскалон* — также известный в истории филистимлян город, расположенный на берегу Средиземного моря, между Газою и Азотом. В настоящее время Аскалон необитаем и посещается только из-за развалин храмов и монастырей.

вые же, имея для себя доступным великий Марнасов храм, о прочих запертых храмах не печалились и не переставали творить христианам досаждения.

В то время святым Порфирием было совершено одно чудо, приведшее немало людей к святой вере. Некоторой знатной женщине, дочери одного из первейших граждан и супруге знатного человека, по имени Елии, бывшей беременной, пришел час родить; но она не могла разрешиться от бремени и с каждым днем умножались ее болезни, ибо на другой день ей было хуже, на третий еще хуже; многие бабки, волшебницы и волхвы, приводимые к ней, не могли помочь ей. Так мучилась она семь дней. Муж ее, а также отец с матерью и все сродники во все эти дни совершали непрестанные жертвоприношения и усердно молились о ней в храме Марнаса, со слезами прося помощи от своего бога. Но помощи не было, напротив, бóльшая немощь и умножение лютейших болей было у нее, не могущей родить. И уже все отчаивались в жизни этой женщины, смотря на такое мучение ее, и сами болели сердцами своими, плакали и рыдали о ней, ожидая ее кончины. Была же среди них одна старица христианской веры; она, побежав к церкви, молилась со многими слезами Христу Богу о той болящей женщине. Увидев эту старицу плачущую и с коленопреклонением молящуюся, святой епископ Порфирий спросил ее о причине такого плача. Припав к ногам святителя, она рассказала ему о всем происходящем и умоляла его помолиться человеколюбивому Богу о люто страждущей. Святитель отослал ее обратно к болящей, научив, что делать и говорить. Итак, пришедши в тот дом, старица собрала родителей, мужа и всех сродников болящей и сказала им:

— Здесь есть один добрый и искусный врач; он послал меня к вам, спрашивая, что дадите ему, если он исцелит болящую?

Услышав это, родители сказали:

— Если хочет, то пусть возьмет все имение наше, только бы мы видели живой и здоровой нашу возлюбленную дочь.

То же говорил и муж, будучи готов все отдать за жизнь и здоровье своей супруги. Тогда старица сказала им:

— Возденьте руки ваши кверху и утвердите слово клятвою, чтобы верно было слово ваше, что вы не презрите врача того.

Они же, с усердием и слезами воздев руки, говорили:

— Во все дни жизни нашей будем рабы его, только бы исцелил он единородную дочь нашу, без которой не можем и живы быть: ибо какая нам будет жизнь и веселие без нее?

Услышав это, старица велегласно воскликнула над болящей:

— Великий иерей Божий Порфирий говорит тебе так: исцеляет тебя Иисус Христос, Сын Бога Живого. Веруй в Него и будешь жива.

И тотчас женщина, восстенавши, родила плод свой, и облегчилась ее болезнь. Все бывшие там, удивившись, возопили:

— Велик Бог христианский, велик иерей Его Порфирий.

Поутру же родители, муж и все сродники той женщины, пришедши к святому Порфирию, пали к ногам его, прося крещения христианского. Святой, огласив их, повелел им поститься и приходить в святую церковь; по прошествии же некоторого времени он крестил их, а также и женщину родившую, и дитя рожденное, которого назвал именем своим, Порфирием, так как он был мужеского пола. И присоединилось тогда к Церкви Христовой шестьдесят четыре человека.

Когда умножалось стадо Христово, умножалась и вражда идолопоклонников, и день ото дня они все более и более преследовали верных, отягощая их непрестанными городскими работами и принуждая, как рабов, побоями ко всякому труду. Кроме того, они досаждали верным на нивах и в виноградниках, так что верные пребывали в великой нищете и не могли платить обычных народных оброков и царских податей. Видя это и не вынося такого притеснения, причиняемого неверными верным, святитель Божий Порфирий пошел в Кесарию к блаженному Иоанну, своему митрополиту, и умолял его или освободить его от епископства, или пойти с ним в Царьград упросить царя, чтобы он повелел совсем разорить идольские храмы и ниспровергнуть гордыню язычников. Митрополит Иоанн соизволил лучше подъять труд путешествия, даже в зимнее время, чем освободить блаженного Порфирия от епископства. Итак, сев на корабль, они отправились. Имея благополучное плавание, они через десять дней достигли острова, называемого Родос[1]; услышав здесь о некоем иноке, отшельнически живущем в пустынном месте, по

[1] *Родос* — остров Средиземного моря, недалеко от берегов Малой Азии.

имени Прокопий, муже святом и прозорливом, они пошли посетить его. Тот же, провидев приход их и познав сан их святительский, встретил и почтил их, как подобает почитать таких архиереев, и, узнав причину путешествия их, научил их, что они должны делать в Царьграде, чтобы получить желаемое.

— Прибегните, — сказал он, — прежде к Святейшему патриарху столицы Иоанну Златоустому, и он поможет вам добрым своим советом. Правда, сам он теперь не бывает в царских палатах, потому что царица Евдоксия гневается на него, но за то к нему привержен кувикуларий царицы[1], евнух[2] Амантий, муж благочестивый и добродетельный, которому он поручит вас. Через ходатайство этого евнуха вы получите все; ибо он введет вас к царице, и вы сами скажете ей о вашей нужде. При этом предреките ей, что она родит сына, который будет царствовать, и она, услышав от вас это, возрадуется, ибо она непраздна вот уже девятый месяц. Поэтому, услышав ваше пророчество, она исполнит все по желанию вашему.

Святые епископы Иоанн и Порфирий, получив такое наставление и уверение, с радостию отправились в дальнейший путь и в продолжение других десяти дней достигли Византии. Повинуясь совету преподобного Прокопия, прежде всего они пошли к Святейшему патриарху Иоанну Златоустому. Тот принял их с честью и, узнав причину их пришествия, обещал им свое содействие. На следующий день, призвав кувикулария царицы, евнуха Амантия, он показал ему епископов, пришедших из Палестины, и поручил ему иметь о них попечение и ходатайствовать о них пред царем. Евнух же, услышав от святых епископов подробный рассказ обо всех огорчениях, какие претерпевают в Газе верующие от язычников, прослезился и, исполнившись Божественной ревности, сказал:

— Не скорбите, отцы святые, ибо Господь Иисус Христос Сам защитит верных рабов Своих и избавит их от обидящих. Итак, молитесь вы Господу, а я буду говорить царице, и уповаю на Бога всяческих, что Он преклонит ее сердце к милосердию. Поутру же я введу к ней вас самих, и вы скажете все своими устами.

---

[1] *Кувикуларий* — спальник, постельник при дворе царском, довольно важный придворный чин.

[2] *Евнух* — значит скопец. Впоследствии этим именем назывались все вообще царедворцы, хотя бы они и не были скопцами.

Сказав это епископам, евнух ушел. Утром же он призвал святителей Божиих Иоанна и Порфирия в царские палаты и ввел к царице. Царица, увидев святителей, первая сказала:

— Благословите, отцы.

Они же поклонились ей. Принимая святых епископов, царица сидела на златом одре, поэтому она сказала им:

— Простите меня, архиереи Божии, что я не могу вам воздать подобающей чести, имея бремя во чреве, ибо подобало бы мне в дверях встретить вашу святыню; но молите Господа о мне, чтобы Его благодатию я могла родить младенца, находящегося в утробе моей.

Святые отцы, удивившись смирению ее, сказали:

— Благословивший утробу Саррину и Ревеккину, и Елизаветину, Тот да благословит и твою утробу, и плод, в ней носимый, да оживит!

Тогда царица, повелев им сесть, начала говорить:

— Я знала, для чего вы подняли такой труд путешествия, ибо мне все сказал Амантий. Впрочем, если хотите, говорите сами, чтобы я лучше узнала, чего вы требуете.

И рассказали епископы царице подробно о всех притеснениях, какие претерпевают христиане от идолопоклонников, и умоляли ее подать помощь притесняемым. Она же, выслушав изложенное, сказала:

— Не печальтесь, отцы святые; ибо я надеюсь на Господа Иисуса Христа Сына Божия, что я умолю царя исполнить вашу просьбу; а теперь пойдите, отдохните от дороги; я вижу, что вы утомлены. И молите Бога о мне, да поможет Он моему ходатайству о вас.

Сказав это святым епископам, царица отпустила их. Когда же царь пришел к царице, она рассказала ему о пришедших Палестинских епископах и о причине пришествия их и умоляла его, чтобы он разорил в Газе идольские храмы. Услышав такую просьбу, царь сказал:

— Я знаю, что в этом городе с великим усердием служат идолам, но он доставляет нам немало богатств, благодаря даням, взимаемым оттуда. Итак, если мы разорим немедленно храмы богов Газы и тем озлобим языческих жителей его, то они, устрашившись, разбегутся и город опустеет, мы же лишимся стольких даней. Поэтому, не лучше ли понемногу смирять их? Сперва исторгнуть из их рук начальство

над городом, потом затворить храмы их и воспретить приношение идольских жертв? Увидев, как их смиряют, они познают истину и присоединятся к верующим.

При таких словах императора царица весьма огорчилась и со слезами сказала:

— Сам Христос Бог поможет рабам Своим христианам, если мы не хотим им помочь.

Слышав беседу царскую, кувикуларий Амантий пересказал ее святым епископам. На следующий день царица снова призвала святых епископов и сказала им:

— Я говорила царю о вас, о вашей нужде и прошении вашем, но он не хочет слушать меня, считая неудобным оскорбить идолопоклонников газских. Но не скорбите; я не перестану утруждать царя просьбами, доколе он не исполнит прошение ваше.

Услышав это, епископы поклонились ей. Тогда святой Порфирий, вспомнив пророческие слова святого Прокопия, сказал ей:

— Потрудись для нас, владычица, Христа ради. Он же за труд твой даст тебе сына, который и воцарится при жизни твоей, и долгие годы поживет во всяком благополучии царском.

Услышав это, царица исполнилась веселия, и от радости просветлело лицо ее. Потом она сказала:

— Молитесь за меня, святые отцы, чтобы я родила сына, и если это будет, то обещаю исполнить все, что только вы пожелаете; мало того, я сделаю с помощию Христовою не только то, что вы просите, но и чего не просите, ибо я устрою посреди города Газы святую церковь. Итак, идите в мире и ждите, молясь за меня человеколюбцу Богу.

Потом исполнилось время родить царице, и родила она дитя мужеского пола, как прорекли святые отцы, и наречено было ему дедовское имя — Феодосий, ибо отец царя Аркадия был Феодосий[1], царствовавший вместе с Грацианом[2]. Сей второй Феодосий родился в «сорочке», как бы порфире, что было предзнаменованием его царствования; и была великая радость царю Аркадию и всему царствующему граду. Царица же Евдоксия послала своего кувикулария Амантия к святым отцам Иоанну и Порфирию со словами:

[1] Разумеетя *Феодосий Великий*, царствовавший с 379 по 395 год.

[2] *Грациан* был современным Феодосию западным императором, царствовал с 375 по 383 год.

— Благодарю Христа Бога, Который вашими святыми молитвами даровал мне сына. Испросите же у Господа, отцы святые, рожденному жизнь и многолетие, а мне, смиренной, здравие, чтобы я могла исполнить свое обещание вам.

Через семь дней царица снова призвала к себе святителей Божиих Иоанна и Порфирия и встретила их в дверях своей спальни, неся на руках новорожденное дитя. Преклонив пред ними главу свою, она сказала:

— Благословите, отцы, меня и сына моего, которого даровал мне Бог вашими святыми молитвами.

Святые Иоанн и Порфирий осенили ее и сына ее крестным знамением и, севши, беседовали с нею о многом полезном. Между прочим царица сказала:

— Знаете ли, отцы, что я надумала сделать относительно вашей просьбы?

Святой Порфирий отвечал:

— Все, что ты надумала, госпожа, от Бога надумала; ибо в сию ночь открыто мне в видении следующее: представилось мне, что я стоял в Газе, в храме идольском Марнасовом; ты же, также стоя там, подала мне святое Евангелие, произнеся при этом: «Возьми и читай». Взяв Евангелие из рук твоих, я разогнул его и нашел место, где Господь говорит апостолу Петру: *Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Ты же, госпожа, в соответствие этому сказала мне: «Мир тебе, мужайся и крепись». Я воспрянул, и отсюда уверяюсь, что Сын Божий вложил в сердце твое о нас совет благой. Итак, скажи, владычица, что благое о нас надумала?

Царица отвечала:

— Если Христос изволит, то по прошествии некоторого времени, младенец сподобится святого крещения. Вы же до этого времени пойдите и приготовьте свиток, в котором напишите все, что хотите, и когда дитя будет износимо от святого крещения, вручите свиток тому, кто будет нести новорожденного на руках, а я научу его, что должен он делать, и надеюсь на Сына Божия, что Он все устроит ко благу.

Они же, выйдя, приготовили свиток, написав на нем просьбу не только о сокрушении идолов и разорении их храмов, но и об облегчении верующих от работ и податей и о предоставлении им управле-

ния городом. Просили они также о том, чтобы святому христианскому храму, который был весьма беден и убог, дано было что-либо из имений царских и чтобы подаваемо было пропитание служителям его. Много и иного отрадного для притесняемых и обнищавших христиан написали они в своем прошении и потом стали ждать того дня, в который будет крещен царский сын. Прежде же крещения его было оповещено, что он будет царем, так как родился в порфире и сначала был одет не пеленами, а порфирою. Потом будущего царя торжественно понесли в храм для крещения, между тем как весь город был великолепно украшен, народ же оделся в дражайшие и светлейшие одеяния. Нес же будущего царя, покрытого царскою багряницею, некоторый особо избранный человек, сияющий многоценными одеждами; множество князей и бояр шли впереди и сзади его; кругом же шло воинство, носящее броню и оружия, блиставшие золотом. И можно было видеть всю славу царскую, и красоту, и величие, так что святой Порфирий говорил:

— Если такова слава царя земного, временного; то какова же слава Царя небесного, Вечного!

Когда же внесли царевича в церковь, оба святые епископа стали у дверей церковных, держа приготовленный свиток, и, по совершении святого крещения, когда выходили все с новокрещеным царевичем из церкви, святые епископы воскликнули:

— Умоляем тебя, новорожденный царь, прими прошение наше и в начале твоего царствования покажи себя милостивым.

Говоря это, святые отцы положили свиток на младенца. Несший царевича муж остановился и, взяв этот свиток и развернув его, стал читать во всеуслышание, ибо так был научен от царицы. И прочитав часть свитка, опять свернул его, и, подложив правую руку под голову младенца, немного поднял ее, как бы для выражения соизволения, и воскликнул:

— Повелевает его царское величество, чтобы все здесь написанное исполнено было непременно; это — его царское повеление, которое никак не может быть изменено.

Все видевшие и слышавшие это удивились, благословляя новорожденного царя и многолетствуя ему, начинающему свое царствование делом милосердия, ублажая также императора Аркадия и говоря, что он благословен Богом, что сподобился иметь сына, ему со-

царствующего и уже дающего свои повеления на такие добрые дела. Обо всем этом возвещено было царице. Она же, исполнившись радости, поклонилась Богу, воздавая благодарение. Когда же новокрещеное дитя вносили в царские палаты, мать вышла навстречу ему и, взяв на руки свои, матерински лобызала его. Потом, принесши к мужу своему царю Аркадию, она поздравила его, говоря:

— Блажен ты, господин мой, что видят очи твои еще при жизни твоей царя, изшедшего из чресл твоих.

Царь Аркадий, слышав это, весьма радовался. А царица, видя его светлым и веселым, сказала:

— Если тебе угодно, господин мой, то узнаем, что написано в свитке сем, поданном царственному сыну нашему, чтобы первое повеление его о всем написанном здесь было скорее исполнено.

Царь повелел читать свиток и, когда он был прочтен, сказал:

— Трудно исполнить это прошение, но тяжело и отказать, так как тем самым мы отменим первое повеление нашего сына, а это неудобно и неприлично.

Царица отвечала:

— Не только неприлично отменять первого сыновнего указа, но также грешно презреть и моление святых мужей, предрекших мне рождение сына.

И тотчас царь Аркадий повелел утвердить царскими грамотами все то, что было написано в свитке палестинскими епископами. Когда же приготовлены были грамоты, написанные от лица обоих царей Аркадия и Феодосия, царица призвала архиереев Божиих, Иоанна и Порфирия, и показала им те грамоты, спрашивая, угодны ли они для них. Те, поклонившись, благодарили ее за милостивое и мудрое тщание ее и стали просить, чтобы для исполнения царского повеления послали в Газу мужа благочестивого, честного и верного, а не такого, каким был посланный прежде. И был найден человек благоверный и боящийся Бога в лице некоего Кинегия, которому было поручено от царей, чтобы он шел в Газу и устроил все наилучшим образом согласно повелению. Царица же дала святому Порфирию много золота на создание каменной церкви посреди города Газы, а также на устроение странноприимницы, и еще обещала дать, сколько будет потребно, на устроение церкви; кроме того, обоим епископам она дала дары и сосуды церковные, золотые и серебря-

ные, для Кесарийской и Газской церквей, и золото на дорогу. Также и царь, почтив святых епископов и в избытке снабдив их дарами и деньгами, отпустил их с миром. Они же, приветствовав Святейшего патриарха Иоанна Златоустого, отплыли в свои епархии; а после них отправился в путь и царский вельможа Кинегий, которому даны были царские повеления.

Когда путники приблизились к острову Родосу, святые отцы Иоанн и Порфирий умоляли кормчего пристать к берегу, чтобы они могли приветствовать преподобного Прокопия отшельника; но тот не хотел, говоря, что ветер неудобен, и совершенно не внимал просьбе святителей Христовых; ибо он был втайне арианин и ненавидел православных епископов. Но когда они миновали тот остров, тотчас в море сделались буря и волнение, и были все в страхе великом, боясь потопления. Волнение это продолжалось целый день и всю ночь. Когда же показалась утренняя заря, святой Порфирий немного уснул и во сне увидел преподобного Прокопия, говорящего ему: убедите кормчего отречься от ереси арианской[1] и проклясть ее, и приготовьте его к святому крещению, и тотчас страшное волнение прекратится. Воспрянув от сна, святой Порфирий рассказал об этом блаженному митрополиту Иоанну и прочим бывшим с ним; потом призвав кормчего, святые сказали ему:

— Если хочешь, чтобы корабль твой и все мы были спасены от потопления, а наипаче, чтобы душа твоя избавилась от вечной погибели, то отрекись зловерия твоего, ереси арианской, и присоединись к Кафолической Церкви.

Кормчий удивился, что святые епископы узнали тайну, которой никто не знал, и сказал им:

— Так как Бог открыл вам тайны сердца моего, то я отвергаюсь Ариева мудрования и верую, как вы веруете: утвердите же вы меня во святой вере.

Когда он сказал это, тотчас прекратилась буря, и сделалась тишина в море. А святые, наставив его от Божественного Писания и

---

[1] *Арианская ересь* ведет свое происхождение от нечестивого Ария (в начале IV в.), учившего, что Сын Божий не есть Бог, Единосущный с Богом Отцом, а высшая тварь, чрез Которую Бог-Отец сотворил мир. Осуждена эта ересь на I Вселенском соборе (в 325 г.), на коем изложено истинное учение о Сыне Божием в первых семи членах символа веры.

утвердив в Православии, огласили его и крестили. Дальнейший путь был совершен благополучно, причем святые епископы пристали к берегу в Маиюме[1], отстоящем от Газы на двадцать стадий[2], а отсюда пошли сушей к городу Газе. Узнав о пришествии их, верные вышли им навстречу с псалмами и пением, предносся святой крест, и с великим веселием и торжеством ввели в город архиереев Божиих. Идолопоклонники же, видя это, весьма злобились, скрежеща зубами, но не дерзали сделать им какое-либо зло: ибо уже слышали, что христианские епископы были с почетом приняты у царя и что вслед за ними посылается царское повеление смирить свирепство язычников и разорить капища богов их. Между тем, христиане, идя с честным крестом и со своими архиереями, приближались к идолу Венеры; этому идолу жители Газы, в особенности женщины, оказывали великую честь, вжигая свечи и кадя благовонными кадилами: ибо бес, живущий в том идоле, многих прельщал в сонных привидениях, склоняя дев или жен к всевозможным плотским грехам. Итак, когда христиане приблизились к тому идолу, стоявшему на улице на возвышенном месте, то бес тотчас бежал, повергши идола на землю; а идол, пав на землю, сокрушился на многие части, ибо был мраморный, и убил двоих из неверных, которые, стоя там, смеялись, понося христианское богослужение. Увидев это чудо, многие из язычников уверовали во Христа и, присоединившись к христианам, пошли к святой церкви и просили святого крещения: уверовавших же было тридцать два мужа и семь жен. И была сугубая радость для верных о благополучном прибытии пастырей своих и о спасении душ человеческих. После того блаженный митрополит Иоанн пробыл в Газе два дня и потом отошел в Кесарию, а христиане проводили его. По прошествии же немногих дней прибыл в Газу и царский вельможа вышеупомянутый Кинегий, имея с собою многих сановников и воеводу с воинскою силою. Язычники весьма устрашились, некоторые же из них бежали из города. Собрав поутру всех старейшин города и весь народ, Кинегий показал им царское повеление, в силу которого идольские храмы в Газе должны быть разо-

---

[1] *Маиюма* — портовый город Палестины, служивший гаванью для Газы, которая была расположена не у самого морского берега, а несколько вдали от него.

[2] *Стадия* — мера длины, около 88 саженей; 20 стадий — немного более трех верст.

рены, а идолы сокрушены. Когда это повеление стали читать во всеуслышание, толпы нечестивых, подняв вопль, начали плакать и рыдать. Кинегий же, не терпя вопля, дал знак воинам, а те, устремившись на язычников, начали бить их; и разогнано было собрание нечестивых, а христиане, веселясь радостию великою, благодарили царей, многими похвалами ублажая их. Потом вместе с воинами они устремились на идольские храмы и начали с великим шумом их разорять. Было же в городе более важных идольских капищ восемь: Солнца[1], Венеры, Аполлона[2], Прозерпины[3], Гекаты[4], Фортуны[5] и Марнаса; последнее капище было самое большое и всего чаще посещалось нечестивыми язычниками. Стояли и иные бесчисленные идолы по торжищам и на улицах, в различных зданиях и на стенах городских, и около города по путям и вертоградам и нивам: и христиане в десять дней всех тех идолов сокрушили, идольские скверные храмы разорили, кроме большого и прекраснейшего храма Марнасова, о коем многие говорили, что не надо разорять его, но, очистив от скверн идольских, освятить в церковь Божию. Ввиду такого желания многих сохранить храм Марнаса, святой Порфирий стал молиться Богу, прося от Него указания; и вот когда он совершал в святой церкви Божественную службу, из среды народа раздался голос ребенка:

— Пусть сожжется и разорится храм Марнасов, так как он осквернен кровью людей, приносимых в жертву бесам, и пусть основание его будет выкопано из земли и разметано, а на том месте да созиждется новый храм во славу Божию.

Этому дитяти было семь лет, поэтому клирики подумали, что оно сказало так по научению матери. Взяв его, они начали устрашать,

---

[1] Греческий бог солнца, *Гелиос*, был почитаем во многих местах. Искусство изображало его похожим на Аполлона, только с более полным лицом.

[2] *Аполлон* — почитался богом света, также умственного просвещения, поэзии и музыки.

[3] *Прозерпина* — почиталась владычицей подземного мира, а также растительных злаков, выходящих из недр земли.

[4] *Геката* — грозное подземное божество, которое господствует над злыми и вредными демонами, может вызывать души мертвых из преисподней и устрашать людей привидениями.

[5] *Фортуна* — почиталась богиней случая, в особенности счастья и благополучия.

как бы желая бить его, чтобы он сказал, кто научил его сказать это. Дитя же начало говорить по-гречески, говоря то же — чтобы сожжен и разорен был храм Марнасов; тогда все познали, что он говорит от Духа Святого, ибо, будучи семилетним и ненаученным греческому языку, ребенок теперь хорошо говорил по-гречески. Итак, поверив словам детским, сожгли и разорили прекрасное капище Марнаса до самого основания, которое, выкопав из земли, разметали по улицам и дорогам, чтобы оно было всеми попираемо. Потом воины стали ходить по всем зданиям и жилищам язычников и везде собирали сокрытых идолов; собрав их многое множество, они сложили идолов вместе и подожгли; так было искоренено в Газе идолослужение. Кинегий же, достаточно смирив нечестивых начальников и наказав их за притеснение христиан, возвратился к царям, а часть воинства, по прошению святителя, оставил в городе, чтобы идолопоклонники опять не вознесли рог свой на христиан. После того святитель Христов основал на месте, где было капище Марнаса, крестообразную церковь, изображение которой царица Евдоксия прислала написанным на хартии. Для этой церкви она прислала также тридцать столпов мраморных, среди которых два были блестящие, как смарагд. Так, с помощью царицы, в пять лет была построена церковь, несравненно более прекрасная, чем прежде бывший храм Марнаса. Освятив эту церковь, архиерей Божий стал совершать Божественную службу, воздавая Христу Господу великое благодарение за то, что на месте, где прежде совершали скверные кровавые жертвы ложным богам, теперь начала приноситься Бескровная Пречистая Жертва истинному Богу. Потом святой Порфирий на золото, данное от благочестивой царицы, построил странноприимницу и упокоевал в ней странных, питал нищих. С Божиею помощию он мудро пас стадо Христово словом Божиим, так что число верных увеличивалось все более и более: ибо многие из язычников, оставляя идольское нечестие, обращались ко Христу Богу; а прочие язычники снедались гневом и завистию, видя прекрасно цветущую и умножающуюся церковь христианскую, язычество же увядающее и умаляющееся. И вот они снова покусились восстать на святого пастыря и на стадо его. Однажды произошла распря иконома церковного с одним идолопоклонником, знатным гражданином, которому имя Сампсихий, по поводу некоторой вещи, принадлежащей церковным имениям. На

шум сбежались верные и неверные, помогая каждый своему: верные — иконому, неверные же — Сампсихию. Но так как неверных было больше, то они одолели верных и воздвигли брань, схватив дреколие и оружие. Убив из числа верных семь человек, а многих сильно поранив, язычники с бесчинным криком и шумом побежали на двор епископский, желая убить святого Порфирия. Он же, узнав это, сказал диакону Марку:

— Побежим, брат, укроемся на некоторое время, покуда не пройдет мимо гнев Господень.

И перелезши стену, они побежали в противоположную от мятежников сторону и скрылись у некоторой девицы, именем Салафы, которая по вере была язычница. Оставшись сиротою после родителей, она жила вместе с бабкою своею, которая была больна; ей она служила и питала ее от труда рук своих. Эта девица скрыла у себя святого епископа и диакона его, дав им пищу и питие. И пробыл у нее святой Порфирий тот день и ночь и другой весь день. В следующую затем ночь, когда утихли шум и мятеж, пришел святой с Марком в свой дом и нашел все, что было, расхищенным, а блаженного Варуха лежащего избитым и покрытым ранами, так что он едва дышал. Обо всем этом христиане возвестили анфипату[1], проживавшему в Кесарии. Тот, прислав воинов, взял всех тех, которые воздвигли этот мятеж и совершили убийство, и одних казнил смертию, а других, бив жестоко, отпустил живых. С этого времени нечестивые притихли. И святитель Христов Порфирий прочее время жизни своей жил в мире и доброй тишине. Вышеупомянутую девицу Салафу, у которой он скрывался от убийственных рук, святитель возблагодарил и просветил ее святым крещением; а болящую старицу ее исцелил и также крестил и давал им от церковных имений пропитание. Он хотел было девицу сочетать браком с законным мужем, но она захотела уневеститься Христу, о чем святой весьма возрадовался духом; посвятив ее в Христово служение, он и причислил ее к лику непорочных дев: она же угождала Богу до конца жизни, соблюдая непорочно девство свое в посте и молитвах, при пособии Богоприятных молитв угодника Божия Порфирия, который воссылал непрестанные моления к Богу о стаде своем — ночью и днем.

---

[1] *Анфипат* — высший начальник области.

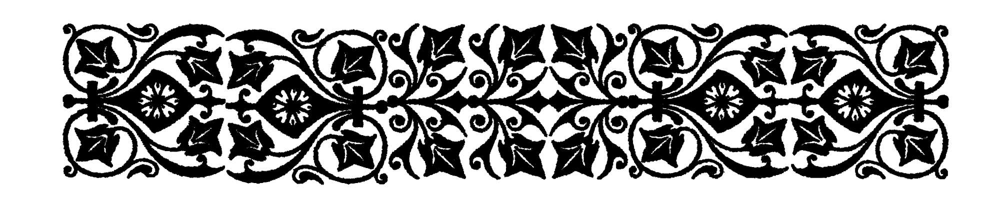
Святитель Христов прославился как великий чудотворец. Так он молитвою своею сотворил целыми и невредимыми трех отроков, упавших в глубокий колодезь, а некоторую женщину, принадлежавшую к ереси манихейской, хитрости бесовской и баснословия еретического исполненной, весьма хулившую Православие и многих прельщавшую на свое злочестие, умертвил молитвою: ибо, внезапно падши, она испустила дух. И много других чудес соделал во славу Божию святой Порфирий. Пасши Церковь Христову двадцать четыре года, одиннадцать месяцев и восемь дней, святой отошел к Пастыреначальнику Иисусу Христу, Сыну Божию, Архиерею Великому, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки[1]. Аминь.

В тот же день **память святого мученика Севастиана**, усеченного мечом при императоре Нероне[2].



[1] Кончина святого Порфирия относится к 420 году.

[2] Святой мученик принадлежал к дружине святой Фотины, память которой 20 марта. Римский император Нерон царствовал с 54 по 68 год.



День двадцать седьмой[1]

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПРОКОПИЯ ДЕКАПОЛИТА,
исповедника

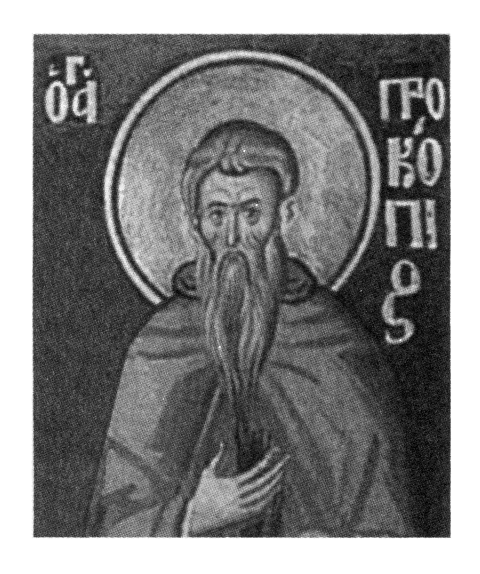
Страна Декаполитская, получившая свое название от десяти городов, расположенных в ней, находится при море Галилейском; об этой стране упоминает святой евангелист Марк, говоря: *Иисус опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия*[2] (Мк. 7, 31). Из этой страны был родом преподобный Прокопий исповедник. Опытный в монашеских подвигах, испытанный в строгом пощении, украшенный чистотою душевною, он был славен и знаменит среди подвижников. В то время наступили тяжелые времена иконоборческой ереси; ее первым возбудителем был беззаконный царь греческий Лев Исаврянин[3], несправедливо называвший святые иконы идолами, а поклоняющихся им — идолопоклонниками. Без милосердия он убивал многих безвинных православных, предавал проклятию всех бывших до него правоверных царей, святителей и христиан, как почитавших святые иконы, заслужив за это от всех проклятие. Тогда великий и незыблемый столп Православия и крепкий защитник правой веры, преподобный Прокопий, стал мужественно против множества еретиков, в своем нечестии хуливших воплощение Бога Слова и бес-

---

[1] В обычный год — 12 марта по н. ст., в високосный год — 11 марта по н. ст.

[2] *Декаполь — десятиградие*, область или округ по ту сторону Иордана, простиравшийся на севере до Дамаска, на юге до Филадельфии, на западе до Скифополя и на востоке до Канафы. Здесь лежали десять городов, населенные преимущественно язычниками, среди которых, впрочем, было много и иудеев.

[3] Царствовал с 717 по 741 год.



честно отрицавших святые иконы. Он постыдил еретиков, обличая их безумное мудрование и преодолевая его непобедимыми боговдохновенными словами; точно паутину разорвал преподобный Прокопий их хитроумные словесные плетения.

Этим он навлек на себя гнев безбожного царя, который подобно дикому льву, вышедшему из пустыни, рыкал, ища добычи. По его приказанию преподобного схватили и жестоко били; мучители строгали его тело железными орудиями, и затем они ввергли его в мрачную и смрадную темницу. Но святой твердо переносил все страдания. С ним вместе страдал и преподобный Василий, который прежде подвизался вместе с Прокопием в постничестве и добродетели. Оба они теперь вместе много претерпели мучения за святые иконы. Оба вместе были заключены в темницу и находились там до самой смерти безбожного мучителя. Когда же Лев умер, лишившись не только временной, но и будущей вечной жизни, святой Прокопий вместе с своим другом Василием и другими святыми был выпущен из темницы. Прочее время своей жизни он прожил в постнических трудах, многих наставлял на добродетели и приводил ко спасению. В маститой старости он отошел ко Христу Богу, чтобы видеть Его уже лицом к лицу, а не в иконном изображении и чтобы, как постнику и страдальцу Христову, подвизавшемуся до крови за Его святую икону, принять достойную награду за труды свои.



ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **ФАЛАЛЕЯ**

Святой Фалалей был родом из Киликийской[1] области. Презрев мирскую суету, он сначала пришел в обитель преподобного Саввы Освященного[2]. Возлюбив постнические подвиги иноческого жития, он принял ангельский образ и за свою добродетельную жизнь удостоился сана пресвитера. Спустя несколько лет, он пришел в Гавалу, один из сирийских городов, принадлежавший к Лаодикийской митрополии. В расстоянии двадцати стадий от города была большая могила. На ней стояло пришедшее уже в ветхость языческое капище, окруженное древними гробницами; здесь обитало множество нечистых духов. Все проходившие мимо боялись этого места, ибо нечистые духи не только страшили путников привидениями, но часто даже нападали на них и причиняли много зла и людям и животным. Слыша об этом, преподобный Фалалей отправился туда и поселился там. Он построил себе небольшую палатку и жил в ней, подвизаясь в посте, умерщвляя плоть лишениями, молясь непрестанно день и ночь. Не могли перенести такого соседства нечистые духи. Собравшись целым полчищем, они с великою яростию устремились на святого мужа, старались устрашить его дикими голосами, грозили ему и всякими кознями пытались заставить святого оставить то место, которое они издавна считали своим. Но крепкий своею верою в Бога, преподобный Фалалей, ограждаясь молитвою и крестным знамением, бодро стоял, как храбрый и непобедимый воин, и попирал немощную силу злых духов.

Так долгое время, каждый день и особенно по ночам, мужественно боролся святой с нечистыми духами и наконец с Божиею

---

[1] *Киликия* — юго-восточная провинция Малой Азии, составлявшая некогда одну из цветущих областей Римской империи, граничит на востоке с Сирией, на севере — с Каппадокией и Ликаонией, на западе — с Писидией и Памфилией, на юге — со Средиземным морем и заливом. Ныне эта область принадлежит Турции.

[2] *Преподобный Савва*, так называемый *«Освященный»*, великий пустынник палестинский († 532 г., память его 5 декабря), ученик и сподвижник преподобных Евфимия Великого, Феоктиста и Герасима. Впоследствии он подвизался уединенно в пустыне близ Иордана, где в 484 году основал в двенадцати верстах на восток от Иерусалима монастырь, знаменитый после под именем лавры Саввы Освященного. Лавра существует доселе и пользуется широкой известностью на Востоке и славится подвижнической жизнью своих иноков.

помощию победил их. Они бежали со стыдом, не будучи в состоянии одолеть непобедимого воина Христова.

Изгнав бесов, угодник Божий построил себе совсем не по своему росту келию малую и тесную, всю два локтя в высоту и один в ширину; в ней он не только не мог стоять, но даже и сидеть обычно: преподобный Фалалей был высокого роста, поэтому, сидя в своей келии, он всегда принужден был голову пригибать к коленам. В такой тесноте он прожил около десяти лет. В то время его посетил епископ Киринейский Феодорит и застал преподобного Фалалея за чтением Евангелия. Когда епископ спросил его, почему он избрал себе такой образ жизни, святой отвечал:

— Я — великий грешник; веруя, что меня в будущей жизни должны постигнуть великие мучения, я и изобрел для себя добровольно столь малое узилище, надеясь, что этими небольшими стеснениями я избавлюсь от вечных мук.

Беседуя с ним, епископ получил для себя великую пользу.

Бог даровал преподобному Фалалею и дар чудотворения: преподобный по своим молитвам мог исцелять недугующих всякими болезнями и исцелял не только людей, но и скот. Поэтому многие приходили к нему, как к целебному источнику, и обретали у него здравие не только телесное, но и душевное, так что многие из окрестных еллинов обратились ко Христу Богу. Среди христиан, живущих в пределах города Гавалы, было много язычников. Все они просветились святою верою, будучи приведены к познанию истины чудесами святого Фалалея. При помощи этих новообращенных христиан, преподобный разорил языческое капище и уничтожил могилы. Очистив это место от бесовских скверн, он построил здесь храм Божий во имя всех святых мучеников и завел в нем ежедневное богослужение во славу Божию. Прочее время своей жизни он проводил в тех же подвигах, что и раньше, и, угодив Богу, преставился в преклонной старости. Святой Софроний Иерусалимский[1] так пишет об этом преподобном в Лимонаре[2]:

---

[1] *Софроний, патриарх Иерусалимский* († 641 г. или 644 г.), известен главным образом своей борьбой с ересью монофизитов.

[2] *Лимонарь* (греч. — луг, пажить) — весьма распространенное сочинение греческого инока Иоанна Мосха († 622 г.). В монастырях Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, а также их изречения и нравоучения, и все это изло-

«Авва Петр, пресвитер лавры святого Саввы, поведал нам о авве Фалалее Киликийском, что этот блаженный отец шестьдесят лет был иноком и никогда не прекращал слез, говоря:

— Это время дал нам, братия, Бог на покаяние, и если мы его погубим, то за это будем строго судимы».

Преподобный Фалалей скончался около 460 года, пребыв в иночестве шестьдесят лет.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ТИТА,
пресвитера Печерского

Как *открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие* (Рим. 1, 18) и как нисходит *мир Божий*, превосходящий ум (см.: Флп. 4, 7), охраняющий тело и душу стремящегося к нему человека, все это видим в житии блаженного Тита. Он был инок Печерского монастыря[1], почтенный саном пресвитера. На подвиги, достойные вечного блаженства, преподобный Тит был наставлен следующим обстоятельством: у него был брат не по плоти, а по духу, черноризец того же монастыря по имени Евагрий, по сану диакон. Великая и нелицемерная любовь соединяла двух иноков, так что все дивились их единодушию и взаимной любви. Но ненавидящий всякое добро диавол, обыкший сеять плевелы среди пшеницы (см.: Мф. 5, 22), и между ними посеял вражду. Гневом и ненавистию он так омрачил их сердца, что они не могли даже взглянуть друг другу в лицо и поэтому всячески старались избегать один другого. Когда один шел в церкви с кадильницей, тогда другой убегал от каждения; если же один не отходил, то

жил в своем Лимонаре, послужившем одним из первоисточников для агиографических сочинений позднейших времен. Лимонарь окончен Мосхом был в Риме, куда его сопровождал ученик его инок Софроний, впоследствии патриарх Иерусалимский. Окончив Лимонарь, Мосх передал его в распоряжение Софрония. По другим сведениям Лимонарь — плод совместного труда Иоанна Мосха и его ученика свт. Софрония

[1] Разумеется Киево-Печерский монастырь, основанный преподобными Антонием († 1073 г.) и Феодосием († 1074 г.).

другой проходил мимо него, не покадив. В столь греховном мраке они пребывали долгое время, так что, по диавольскому внушению, даже дерзали возносить Божественные Дары и причащаться их, не примирившись друг с другом, не испросив прощения друг у друга. Много раз просила их братия примириться, но они и слышать не хотели. Однажды, по Божиему смотрению, случилось преподобному Титу так сильно захворать, что он уже не думал остаться в живых. Тогда он горько стал плакать о своем прегрешении и смиренно послал к диакону Евагрию сказать ему: «Прости меня, брат, ради Господа за то, что я оскорбил тебя гневом своим».

Но тот не только не простил Тита, но стал еще более поносить его и даже проклинать. Однако братия, увидев, что Тит уже умирает, силою привели к нему Евагрия, чтобы он примирился с братом. Увидев его, больной, приподнявшись, упал к ногам Евагрия, говоря со слезами:

— Прости меня, отче, и благослови!

Но немилостивый и бесчеловечный Евагрий отвратился от брата и пред всеми сказал полные ненависти слова:

— Я никогда не хочу примириться с ним: ни в сем веке, ни в будущем!

Сказав это, он вырвался из рук братий и упал. Иноки хотели поднять его, и нашли его мертвым. Они не могли ни сложить ему рук, ни затворить уст, ни закрыть очей — словно он умер давно. В это время блаженный Тит встал совершенно здоровым, как будто бы никогда не болел. Все ужаснулись, видя внезапную кончину одного и быстрое исцеление другого. Они начали спрашивать блаженного пресвитера Тита, что бы это значило? Блаженный Тит поведал им то, что ему было открыто об этом свыше.

— Во время болезни, — так начал блаженный Тит свой рассказ, — я, еще одержимый гневом, увидел, как Ангелы отступили от меня. Они рыдали о гибели моей души, а бесы радовались, что я имею гнев на своего брата. Поэтому-то я и начал просить вас, чтобы вы пошли и испросили мне у брата моего прощения. Когда вы привели его ко мне, и я поклонился ему, а он отвернулся от меня, я увидел одного немилостивого Ангела с пламенным копьем, коим он ударил непростившего меня, и тот упал мертвым. Тот же Ангел подал мне руку, поднял меня, и вот я выздоровел.

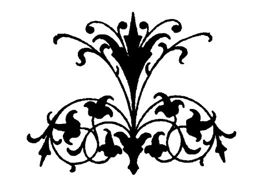
Устрашенные рассказом, иноки много плакали об умершем Евагрии. Они погребли его, но не могли сложить ему руки и закрыть глаза и уста. Сами же особенно стали блюстись гнева, прощая друг другу всякое слово обидное, памятуя слова Господни: *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22). Также и святой Ефрем Сирин сказал: «Если кому случится умереть во вражде, то такового ожидает неумолимый суд». И можно было сказать тогда о вразумленной братии: *Велик мир у любящих закон Твой (Господи)* (Пс. 118, 165).

Но особенно сам пресвитер Тит, видя, как за примирение с своим братом он получил примирение с Богом и был избавлен от смерти не только телесной, но и душевной, с этого времени даже и не думал гневаться на кого-либо, но, отбросив гнев, приобрел постоянную любовь к братии, которая, как корень мира, есть союз совершенства, она исходит от *чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры* (1 Тим. 1, 5), она *долготерпит, милосердствует, не завидует* (1 Кор. 13, 4), содержит в себе все добродетели и особенно: пост, целомудрие, постоянную молитву. Блаженный с этого времени всегда имел в своем сердце слова Писания: *будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4, 7–8).

Принося бескровную жертву, пресвитер Тит исполнял и следующее Евангельское слово: *любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв* (Мк. 12, 33). Он стяжал себе столь невозмутимый мир, что, пылая чувством совершенной любви, не мог, скорбя, сказать: *нет мира в костях моих от грехов моих* (Пс. 37, 4). Совершенный мир души этого постника был таков, что на нем истинно исполнилось изречение апостола: *Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир* (Рим. 14, 17).

Поэтому и на небесах блаженный Тит удостоился получить упокоение, стремясь к которому он после многих трудов и подвигов отошел к Господу. Святое тело его почивает в одной из печерских пещер, полной святых, как дольнее небо, духом же он присутствует на небе, куда вознесен руками явившихся ему Ангелов. Они могли сказать об этом прежде грешнике, потом же достойно покаявшемся праведнике только то, что сказал святой Павел об апостоле Тите:

Бог утешил нас прибытием Тита (2 Кор. 7, 6). Мы, также радуясь, можем сказать в ответ сим небесным жителям из того же Писания: мы утешились, видя ваше утешение, и особенно возрадовались радостию Тита, упокоившегося среди вас. Святыми молитвами преподобного Тита да сподобимся и мы, отложив всякий гнев, получить прощение грехов и восприять упокоение временное и вечное от Христа Иисуса Господа нашего, Который есть *Бог любви и мира* (2 Кор. 13, 11). Ему же слава со Отцом и Святым Духом вовеки[1]. Аминь.



[1] Преподобный Тит жил в XII веке.



День двадцать восьмой[1]

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ святого священномученика ПРОТЕРИЯ, патриарха Александрийского

После смерти святого Кирилла[2] на патриарший престол Александрии[3] вошел еретик Диоскор[4]. Этот беззаконник распространил свою ересь по всему Египту. В то время там жил один благочестивый пресвитер, твердый в истинной вере, по имени Протерий. Он известен был святостию своей жизни и был преисполнен боговдохновенного разума и премудрости. Протерий видел, что многие уклонились

---

[1] В обычный год — 13 марта по н. ст., в високосный год — 12 марта по н. ст.

[2] *Святой Кирилл Александрийский* жил в V веке; он ревностно подвизался на III Вселенском соборе против еретика Нестория, хулившего Пресвятую Деву Богородицу. Скончался в 444 году, 9 июня, после тридцатидвухлетнего управления Церковью. Память святого Киралла — 18 января и 9 июня.

[3] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Рождества Христова на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом на земле; в начале IV века стал центром христианства и местопребыванием патриарха.

[4] *Диоскор* был главный сторонник ереси константинопольского архимандрита Евтихия; последний утверждал, что Христос, хотя рожден *из двух естеств,* но пребывает *не в двух*, так как при воплощении Бога Слова воспринятая Им человеческая природа утратила всякую собственную действительность, была поглощена Божеством. В истории Церкви ересь Евтихия известна под именем *монофизитства* (монофизиты — единоестественники).

в ересь патриарха, который ложно утверждал, что во Христе — едино естество, и сильно ратовал против еретиков. Патриарх Диоскор сильно гневался на него; желая и этого защитника Православия склонить к своему единомыслию, он коварно ласкал Протерия и почтил даже саном протопресвитера, но старания его были безуспешны. Святой Протерий, утвержденный в вере Святейшим патриархом Александрийским Кириллом, был непоколебим. На IV Вселенском соборе, происходившем в Халкидоне при царе Маркиане[1], Диоскор был обличен в своей ереси, был лишен патриаршего сана, отлучен от Церкви и изгнан в Пафлагонскую область[2] в город Гангрену, где через некоторое время и умер. Вместо изверженного Диоскора, в Александрии на престол патриарший был избран православными архиереями, клириками и благочестивыми христианами святой Протерий, поистине достойный такого сана.

Но большинство александрийского народа, напоенного ядом ереси Диоскора, возбуждаемого притом некоторыми клириками еретиками, было против постановления Протерия патриархом. И когда святой Протерий, поставленный православным патриархом, вступил в управление и стал исповедовать правую веру, утвержденную святыми отцами на Халкидонском соборе, в народе произошел мятеж и вспыхнула распря. Некоторые из клириков во главе с пресвитером Тимофеем по прозванию Элур и диаконом Петром Монгом — ставленниками Диоскоровыми и сторонниками его ереси вместе с прочими отреклись от православных, не захотели иметь общение со святым Протерием и воздвигали в народе раскол. Поэтому в Александрийской Церкви произошел великий раздор: одни признавали новопоставленного патриарха и держались Православия, другие же требовали возвращения Диоскора и проклинали догматы, установленные на Халкидонском соборе. Обе стороны вели сильную борьбу друг с другом. Приверженцы Диоскора восставали на святого Про-

[1] Халкидонский собор (451 г.) как выражение православной истины по вопросу о соединении во Христе двух естеств составил определение, по которому Христос исповедуется как совершенный Бог и совершенный Человек, единосущный Отцу по божеству и единосущный нам по человечеству, пребывающий и по воплощении *в двух природах неслиянно и нераздельно*, так что сохраняется особенность каждой природы при соединении их в едином лице Христовом.

[2] *Пафлагония* — суровая, горная область в северной части Малой Азии.

терия, называли его прелюбодеем, ибо он еще при жизни Диоскора принял его невесту — Александрийскую Церковь, называли Протерия еретиком, недостойным сана патриарха. Поскольку много бед святой Протерий терпел от еретиков и опасался, что его убьют, он нуждался в воинской охране и всегда находился в страхе, ожидая народного волнения, ибо приверженцы Диоскора уже восставали на городских начальников и на войско, бывшее в городе. В это время консул из Фиваиды прибыл в Александрию, чтобы усмирить волнение. Мятежники стали бросать камнями в прибывших вместе с консулом воинов. Последние, видя народное восстание, направились в храм Серапидис и затворились в нем. Мятежники обступили храм, принесли огонь и сожгли всех бывших в нем воинов. Когда известие об этом достигло до благочестивого царя Маркиана, он сильно разгневался и послал великую воинскую силу и смирил волнение, приказав, чтобы хлеб и жито, которые привозили в Александрию на кораблях из городов Египта, с этого времени отправлять не в Александрию, а в Пилусию, а оттуда в Царьград. Кроме того, Маркиан отнял у александрийцев народные бани и другие угодья, ограничил свободу жителей, закрыл бывшие у них народные представления. Граждане, скорбя об этом и главным образом чувствуя недостаточность хлеба, смирились и просили Святейшего патриарха Протерия, чтобы он отправился к царю и просил бы его за них. Святой Протерий, отправившись, ходатайствовал пред царем о своем городе, и царь, смилостивившись, исполнил все просьбы святого мужа. Гражданам была возвращена прежняя их свобода, и хлеб стали прямо подвозить к Александрии. После этого патриарх некоторое время мирно управлял своей паствой и предал извержению не захотевшего покаяться Тимофея Элура.

После кончины благочестивого Маркиана еретики опять подняли голову и стали возбуждать простой народ и перестали только тогда, когда достигли своего. Пронырливый и лукавый Тимофей Элур, занимавшийся и волхвованием, следующим образом хитро обольстил египетских монахов, живших по монастырям или подвизавшихся в пустыне.

В темную безлунную ночь Тимофей, одевшись в темную одежду, стал обходить келии иноков и каждого называл по имени. Когда иноки спрашивали его, кто он и чего ему нужно, он отвечал:

— Я — один из Ангелов, послан от Бога, чтобы вы не имели общение с Протерием и не принимали бы постановлений Халкидонского собора. Епископом в Александрии вы должны поставить Тимофея Элура.

Так хитрый льстец, при помощи демона, прельстил их. Иноки же, не поняв козней вражеских, приняли ложь за истину и, рассказывая друг другу о видении Ангела, согласились и собрались все вместе. Посоветовавшись, все они отправились в Александрию — словно на борьбу; все они были ослеплены яростию против святого архиерея Протерия и хотели изгнать его из церкви. В то время Тимофей в Александрии собрал вокруг себя много мятежников; одних он прельщал, другим же тайно давал деньги. Дождавшись удобного времени, когда консула Дионисия не было в городе — он задержался в Верхнем Египте, — Тимофей с многочисленными единомышленниками с вооруженным войском, нанятым им, и с пришедшими иноками отправился в храм. Среди мятежников было два изверженных епископа и несколько клириков, тоже отлученных. Они посвятили Тимофея во епископа и нарекли его патриархом Александрийским. Он сделал это вопреки всем церковным правилам, презрев все законы царские, надеясь только на мятежный народ и на прельщенных иноков.

Святейший патриарх Протерий, видя такой мятеж и не имея ни от кого, по причине отсутствия консула, помощи, умыслил бежать. Тайно ночью он вышел из города. Когда он в одном скрытом месте заснул, в сонном видении ему явился пророк Исаия и сказал:

— Возвратись во град, там я буду ждать тебя!

Размышляя о видении, Протерий понял, что ему предстоит мученическая кончина. Он возвратился и вошел в церковную крестильницу. Между тем мятежники, желая убить святого Протерия, всюду разыскивали его. Узнав, что он находится в крестильнице, они затворили его там. Потом некоторые из них вошли к нему и убили его и бывших при нем шесть человек, истерзав при этом все тело святого острыми наконечниками железных жезлов, которые мучители носили с собою. Они пролили неповинную кровь в то самое время, когда был заклан за нас наша Пасха — Христос; убийство совершено было в Великую субботу. Но убийцы не насытились кровию и еще далее простерли свою лютость. Привязав к ногам Христова мученика веревки, они влекли его святое тело на средину града, причем

наносили ему удары разными орудиями, растерзывая его на части. Некоторые даже в величайшей ярости, словно псы или дикие звери, зубами впивались в его тело. Разложив большой костер, они сожгли тело Христова страдальца, а прах его развеяли по воздуху[1]. При этом они, по повелению своего ложного патриарха Тимофея, сожгли даже архиерейский престол, на коем восседал святой Протерий, как будто оскверненный святым мужем; так скверные и нечестивые объявили безбожным угодника Божия.

После бесчеловечного убиения святого Протерия Тимофей послал по всем городам Египта своих воинов, чтобы изгнать православных архиереев, а вместо них посадить других, которых он сам поставит. Тогда притесняемые православные епископы и клирики и все правоверные послали прошение благочестивому царю Льву, который вступил на престол после Маркиана; такое же прошение православные послали и к святейшему Анатолию, патриарху Цареградскому; в своих прошениях они рассказывали о всем случившемся и слезно просили избавить от такого бедствия Александрийскую Церковь. Сильно жалели царь и патриарх о бесчеловечном убиении святого, неповинного архиерея Божия, Протерия. Царь немедленно послал в Александрию своих сановников с войском, и многие из мятежников были казнены: одним были отсечены руки, у других был отрезан язык, некоторые заключены в темницы, другие были биты и изгнаны. Сам же Тимофей Элур, ложный патриарх, был отдан на суд. Осужденный православными епископами, он восприял мзду по своим делам: они не только лишили его архиерейства, но даже извергли из Христовой Церкви, послали на заточение в город Гангры, где был некогда в заточении и его учитель Диоскор. Вместо его на патриаршество в Александрии был возведен другой Тимофей, по прозванию Салофакиол. Он отличался своею твердою верою, мудростию и добродетельною жизнию, за что и пользовался от всех уважением. И наступил мир в Александрийской Церкви, которая с этого времени стала со всеми православными восхвалять Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице. Аминь.

---

[1] Святой Протерий мученически скончался в 457 году, в царствование Льва Великого.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛИЯ ИСПОВЕДНИКА

Святой Василий жил в царствование Льва Исаврянина-иконоборца. Оставив мир с его соблазнами, он поступил в монастырь и добродетельно проводил иноческое житие. Когда было гонение на почитание святых икон, святой Василий мужественно сопротивлялся иконоборцам. За это он был взят и предан многим мучениям; но, несмотря на то, Василий отвергал еретическое учение иконоборцев и стоял вместе со святым Прокопием за истину до пролития крови. Подобно преподобному Прокопию, его строгали по всему телу; потом его заключили в темницу, где он томился долгое время — до смерти нечестивого царя. По смерти мучителя преподобный Василий был отпущен вместе со святым Прокопием и другими исповедниками и жил, как и прежде, в постнических трудах, многих обращая к православной вере и наставляя на добродетельное житие. После нескольких лет богоугодной жизни он сподобился блаженной кончины и с молитвою, благодарением и несказанною радостию отошел ко Господу, Коего возлюбил с раннего детства[1].



[1] Святой Василий скончался около 750 года.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
НЕСТОРА,
епископа Магидийского

Святой Нестор был взят в своем доме во время молитвы, в которой был предуведомлен о своем мучении видением овна; начальником города Магидиса (в малоазийской области Памфилии) Иринархом он был лично представлен в Пергию[1]. На пути святой Нестор был укреплен землетрясением и голосом с неба. В Пергии, после страшных мучений, он окончил жизнь на кресте в гонение Декиево, в 250 году.

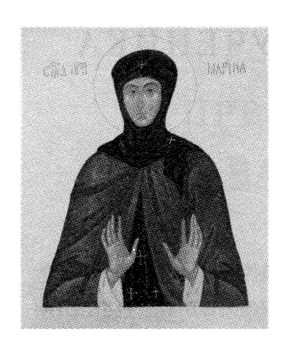
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ ЖЕН
МАРИНЫ и КИРЫ

Преподобные Марина и Кира происходили из города Берии[2] от знатных и известных в городе родителей. Но они пренебрегли знатностью своего происхождения и, достигши совершенного возраста, удалились за город, сами обгородили для себя один небольшой уголок земли и, завалив вход в убежище камнями и глиною и оставив только небольшое отверстие для подачи им необходимой пищи и бесед с приходящими, стали подвизаться в огражденном месте, на открытом воздухе. Прославляя в душе своей Бога, преподобные все время пребывали в молчании и прерывали его чрез каждые пятьдесят дней только на один день. На теле своем под широкими иноческими одеждами святые носили весьма тяжелые железные вериги и с



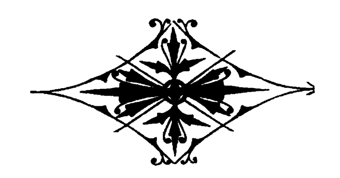
[1] Город в Малой Азии.

[2] Город *Берия* находился в Сирии на восток от древней столицы сирийского царства Антиохии.



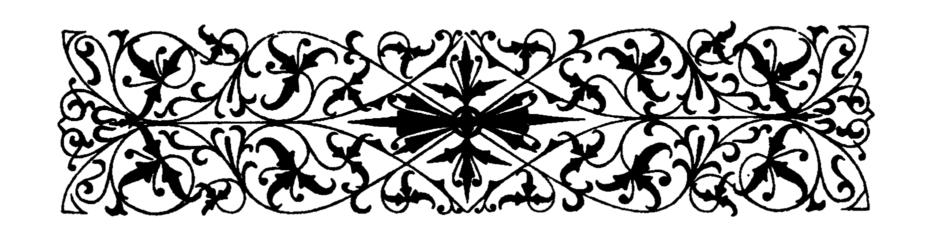
Преподобная Кира

необыкновенным терпением переносили голод и происходящие от него страдания. В течение трех лет подряд они принимали пищу только один раз через сорок дней. Отправившись однажды на поклонение живоносному гробу Господню, они не принимали никакой пищи до тех пор, пока не совершили поклонения, а возвращаясь назад, они прошли все пространство своего пути, заключавшее в себе двадцать стадий, ничего не вкушая. Такой же подвиг совершили они и тогда, когда предприняли путешествие в храм святой мученицы Феклы[1]. Прославив себя такою подвижническою жизнию, сии святые жены перешли, наконец, к вечной жизни, которой так желали[2].



[1] *Святая первомученица равноапостольная Фекла* жила во времена апостольские; обращена была в христианство святым апостолом Павлом. Скончалась в городе Селевкии (в Киликийской области). Память ее празднуется 24 сентября.

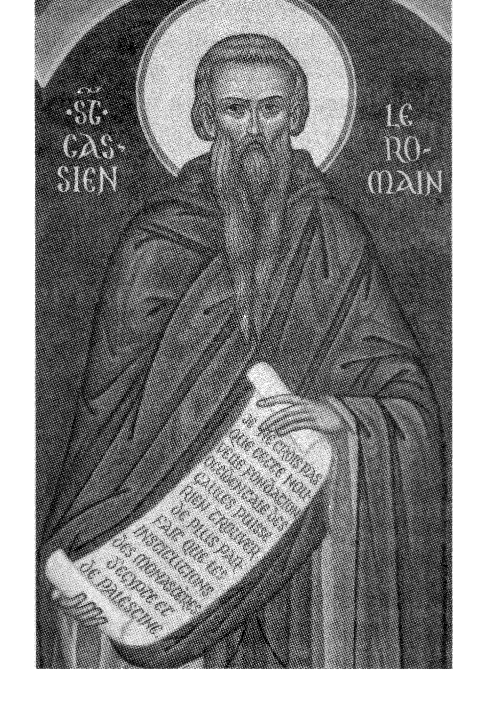
[2] Скончались около 450 года.



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ преподобного отца нашего КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Преподобный Кассиан происходил из Рима и был сын знатных и славных родителей. С ранней юности своей он проявлял любовь к наукам и книгам Священного Писания. Отличаясь прилежанием и ясностию ума, он сначала изучил философию и астрономию, а потом перешел к благоговейному изучению Священного Писания и прекрасно изучил его, так что по своим познаниям он был одним из выдающихся людей своего времени. Кроме того, он соблюдал девство, отличался душевною чистотою, благонравием и другими добродетелями. Оставив свое отечество, он пришел в Царьград к святому Иоанну Златоусту[1]. Приобретши от него еще новые знания и научившись добродетельной жизни, он удалился в скит. В одном из бывших там монастырей святой Кассиан принял на себя иночество, всецело предав себя послушанию и всем мо-



[1] Память его — 13 ноября и 30 января.

настырским трудам, приучая себя к тяжелой, требующей поста и других подвигов, иноческой жизни. Эти подвиги возбудили в нем желание новых, высших, и он ушел в пустынное место, чтобы там вести безмолвную жизнь. Немало времени подвизался так святой Кассиан, научаясь понимать искушения и изнуряя себя великими трудами. Желая получить от других святых отцов большую пользу для себя, он вышел из своего места, где соблюдал полное безмолвие, и посетил все монастыри в Египте, Фиваиде, на Нитрийской горе, в Азии, в Понте и Каппадокии. Ознакомившись, благодаря путешествию, с житиями многих великих отцов и изучив различные образы иноческих подвигов, святой Кассиан основал два монастыря в Массилии, мужской и женский. Кроме этого, он написал несколько книг поучительных слов, исполненных назидательными предостережениями премудрости и пользы, так что всякий читающий их со вниманием и прилежанием может почерпнуть не малую пользу для своей души и узнать, каково было житие и рассуждение святого составителя этих душеполезных книг[1]. Преподобный Кассиан писал еще против Нестория о воплощении Божия Слова от Пречистой Девы Богородицы[2]; православно прославляя Богоматерь, святой угодил рождшемуся от

---

[1] *Преподобный Кассиан* — наставник в подвижнической жизни. В первой из двенадцати книг «о постановлениях киновий» он говорит о внешнем виде монаха, то есть об одеянии; во второй, о чине ночных псалмов и молитв; в третьей, о чине дневных молитв и псалмов; в четвертой, о чине отвержения от мира. В двадцать четырех собеседованиях с отцами заключаются беседы пустынных отцов о различных духовных предметах. В тринадцатом собеседовании рассуждает о благодати.

[2] *Несторий* — ересиарх родом из сирийского города Кесарии Германикийской на Евфрате; ни происхождение его, ни год рождения неизвестны; по свидетельству его главного противника, святого Кирилла Александрийского, «он вышел из грязи, и происхождение его было постыдно». Сделавшись патриархом Константинопольским, он заявил себя в начале ревностным гонителем ересей, но потом сам неожиданно оказался еретиком. Он начал заявлять в церкви, что Пресвятую Деву Марию не следует называть Богородицей, так как она родила не Бога, а только человека Иисуса, который был только обителью Божества и орудием нашего спасения; этот человек чрез наитие Святого Духа стал Христом, то есть помазанником, и Слово Божие пребывало с ним в особом только *нравственном* соединении. На III Вселенском соборе (431 г.) ересь Нестория была осуждена, а сам он был сослан сначала в монастырь Евирения (близ Антиохии), а затем в отдаленный Египетский оазис Ибис, где чрез несколько лет и умер.

Нее Богу. Пожив много лет среди таких трудов и подвигов и оказав своими писаниями инокам великую пользу, святой Кассиан отошел в вечные обители[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА, НАРЕЧЕННОГО Варсонофия

Преподобный Иоанн был родом из Палестины; восемнадцати лет он крестился и воспринял на себя иноческий образ и особенно стал подвизаться в посте. За свою добродетельную жизнь он был поставлен архиепископом в Дамаске[2]. Но, немногое время пребыв на кафедре архиепископа, он заметил. что обязанности его высокого положения трудно совместимы с иноческими подвигами, поэтому Иоанн оставил епископию и тайно удалился из Дамаска. Придя в Александрию[3], он переименовал себя Варсонофием, чтобы кто его не узнал и не открылось его действительное положение. Из Алексан-

[1] Святой Кассиан скончался в 435 году 23 июля. День памяти преподобного Кассиана — 29 февраля, — бывает только в високос. Когда же февраль месяц имеет двадцать восемь дней, тогда служба святого Кассиана поется на повечерии.

[2] *Дамаск* — главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при р. Бараде, протекающей через него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Анти-Ливана. И в настоящее время Дамаск, входящий в состав Турецкой империи, — один из богатейших городов Азии и имеет до 150 000 жителей.

[3] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. Александрия была некогда первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства — рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда, по преданию, евангелистом Марком около 59–60 годов. В настоящее время Александрия (по-турецки и арабски — Искандеры) принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением более двухсот тридцати тысяч жителей.

дрии он отправился, как убогий странник, в Нитрийскую гору[1]; поклонившись игумену бывшего здесь монастыря, святой Иоанн просил его, чтобы он принял его для услуг братии. Игумен принял его и дал ему монашеское одеяние. Святой стал ревностно служить инокам, днем он был занят этим делом, а ночью без сна пребывал в молитве. Ранним утром он собирал из всех келий тыквы и сосуды, шел к реке; почерпнув воды, он приносил ее и ставил сосуд с водой перед каждой келией.

Один из иноков, человек малоумный, сильно досаждал святому — то давал ему укоризненные прозвища, то обливал его помоями. Наущаемый диаволом, недостойный инок провертел стенку той келии, где жил преподобный Иоанн, и чрез отверстие «совершал водный исход» на ложе святого, так что оно стало издавать зловоние.

Узнав об этом, игумен призвал к себе брата, чтобы наказать его. Но Варсонофий упал в ноги игумену, с плачем говорил, что он сам виновен в этом:

— Я сам, — говорил святой, — раздражаю брата и возбуждаю его гнев; прости ему Господа ради.

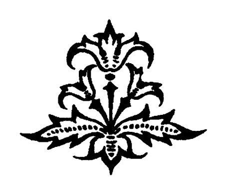
Так он избавил брата от наказания. Но через некоторое время Иоанн был узнан преподобным Феодором Нитрийским, оставил гору и бежал в Египет. Здесь он проявил дар такой прозорливости, что узнавал даже помыслы людские. Он освободил Церковь от еретиков, написал много душеполезных книг и с миром отошел во Христе Иисусе[2], Ему же, со Отцом и Святым Духом, честь и слава во веки. Аминь.



[1] *Гора Нитрийская* находится в расстоянии дневного пути (25–30 верст) от Нитрийской пустыни, лежащей в северо-западной части Египта. Эта безводная, каменистая пустыня была излюбленным местом египетских пустынников, прославившихся аскетическими подвигами. Здесь иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия — ради пребывания в Едином Боге.

[2] Преподобный Иоанн скончался во второй половине V века. Император Лев в 457 году извещал его, в числе других епископов, о мученической кончине Протерия (см. 28 февраля), патриарха Александрийского.

В тот же день память **святого мученика Феоктириста**, игумена Пеликитского. В VIII веке, при Константине Копрониме[1], пострадал за иконопочитание: ему были обожжены нос и руки смолою. Святой Феоктирист был участником страданий святого Стефана Нового[2].



[1] Царствование *Константина Копронима* (741–775 гг.) было временем высшего развития иконоборческой ереси в Греческой Церкви. Самыми мужественными защитниками иконопочитания явились в это время иноки, за что император подвергал их жестоким казням. По словам историка Никифора, инокам разбивали головы на тех самых иконах, на защиту коих они выступали. Вообще гонение на православных при Копрониме напоминало времена жестокого мучителя христиан языческого императора Диоклетиана.

[2] Память святого Стефана Нового — 28 ноября.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

Подписано в печать 01.03.10. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 30 п. л. Усл. печ. л. 38,7.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1265.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

